Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ШЛЯХОВА Светлана Сергеевна

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ МАРГИНАЛИИ В РУССКОЙ РЕЧИ

10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Пермь 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение …… 6

Глава I. Фоносемантические маргиналии (ФМ): постановка проблемы

1. Проблема маргинальности в научном дискурсе

1.1. Проблема маргинальности в гуманитарных дисциплинах ……. 20

1.1.1. Проблема маргинальности в социологии. 1.1.2. Проблема маргинальности в антропологии. 1.1.3. Проблема маргинальности в философии культуры. 1.1.4. Проблема маргинальности в культурологи. 1.1.5. Проблема маргинальности в современной теологии. 1.1.6. Проблема маргинальности в фольклористике

1.2. Проблема маргинальности в лингвистике …… 30

1.2.1. Понятие маргинальности в лингвистике. 1.2.2. Понятие переходности в лингвистике

2. Лингвистика маргиналий: постановка проблемы ФМ

2.1. Лингвистика маргиналий: постановка проблемы …….. 34

2.2. Принципы и методы исследования ФМ …… 36

2.2.1. Общая теория систем: системно-структурные принципы. 2.2.2. Фоносемантика: фоносемантические принципы. 2.2.3. Теории самоорганизаций: принципы нелинейных динамик.

2.3. ФМ как предмет исследования …..…… 50

2.3.1. Определение ФМ. 2.3.2. ФМ в категориях маргинальности.

3. Выводы по главе ……..…… 61

Глава II. Линейная динамика (космос) ФМ-системы

1. ФМ-система в языке: проблема внутренней системной среды ФМ

1.1. Типология русских ФМ ……. 64

1.1.1. Проблемы типологии. 1.1.2. Фоносемантическая типология русских ФМ

1.2. Грамматические свойства ФМ …….. 98

1.2.1. Статус ФМ в русской грамматике. 1.2.2. Морфологические свойства ФМ. 1.2.3. Словообразовательные свойства ФМ. 1.2.4. Структурно-фонетические свойства ФМ. 1.2.5. Синтаксические свойства ФМ.

1.3. Лексико-семантические свойства ФМ …….. 108

1.3.1. Структура значения ФМ. 1.3.2. Семантические свойства ФМ.
1.3.3. Лексическая эволюция ФМ.
1.4. Выводы по разделу …… 128
2. ФМ-система в фоносфере: проблема внешней системной среды ФМ
2.1. Границы биосферы и семиосферы …….. 133
2.2. Звук как универсальный семиотический код ……. 139
2.3. Понятие фонсферы …… 141
2.4. Структура фоносферы …….. 142
2.4.1. Биологическая фоносфера. 2.4.2. Социальная фоносфера.
2.4.3. Семиотическая фоносфера.
2.5. ФМ в фоносфере: биофоносфера – ФМ – семиофоносфера …….. 167
2.5.1. Натурфоносфера, фитофоносфера – ФМ – лингвофоносфера.
2.5.2. Зоофоносфера (язык животных) – ФМ – лингвофоносфера.
2.5.3. Биофоносфера – ФМ – семиофоносфера
2.6. Выводы по разделу …… 199
3. Выводы по главе ……..... 204

Глава III. Нелинейная динамика (хаос) ФМ-системы

1. ФМ-система в «другой» речи: порядок из хаоса …….. 208
2. Определение «другой» речи
2.1. Попытка дефиниции …… 210
2.2. Виды и формы «другой» речи …… 213
2.3. Заумь как доминанта «другой» речи
2.4. Составляющие русской зауми …… 215
3. Свойства «другой» речи
3.1. Норма / отклонение от нормы …….. 221
3.2. Контролируемое / неконтролируемое …… 231
3.3. Универсальное / идиоэтническое …… 234
3.4. Лингвистическое / алингвистическое …… 243
3.5. Бессмысленное / осмысленное …… 259
4. Выводы по главе …….. 266

Глава IV. Характер функционирование ФМ в русской речи

1. Виды изменений ФМ-системы
1.1. Условия организации и самоорганизации ФМ-системы …….. 271
1.2. Поведение ФМ-системы в точке бифуркации …… 276

2. Функции ФМ
2.1. Функции ФМ в речи ……... 286
2.2. Функции ФМ в «другой» речи …… 293
3. Сфера бытования ФМ
3.1. Сфера бытования ФМ в речи …….. 299
3.2. Сферы бытования ФМ в «другой» речи …… 301
4. Функционирование ФМ в русской речи
4.1. ФМ в оперативных подсистемах языка ……. . 304
4.1.1. ФМ в языковой игре живой речи города. 4.1.2. ФМ в художественной речи. 4.1.3. ФМ в фольклоре.
4.2. ФМ в консервативных подсистемах языка ……. 331
4.2.1. ФМ в религиозно-магической зауми. 4.2.2. ФМ в поэтической (литературной) зауми. 4.2.3. ФМ в фольклорной зауми. 4.2.4. ФМ в детской зауми. 4.2.5. Отношения субституции в русской зауми
5. Жанровая специфика ФМ …… 361
6. Маргинальность ФМ-системы
6.1. Меж-бытие (пограничность) ФМ-системы …….. 363
6.2. Переходность ФМ-системы …… 366
6.3. Нормированность / ненормированность ФМ-системы …….. 367
6.4. Центральность / периферийность ФМ-системы ……. 370
6.5. Инаковость ФМ-системы …….. 372
7. Выводы по главе …… 372
Заключение ……... 375
Условные сокращения, принятые в работе ……..…… 383
Использованная литература ……. 384
Словари и источники ……. 411
Приложение № 1. Этимология ФМ ……. 416
Приложение № 2. Фоносемантика ФМ ……. 422
Приложение № 3. Семантика ФМ …….. 433
Приложение № 4. Функционирование ФМ …… 458
Приложение № 5. Семиотика ФМ …… 488

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика сталкивается с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, нельзя отрицать существование, по словам Цв. Тодорова, «экстравагантных» дискурсов (заумные формы речи, тексты бредовых и трансовых состояний, «квазиязыки» футуристов, обэриутов, постмодернистов и пр.), с другой стороны, использование для их описания традиционных (системно-структурных) подходов оказывается явно недостаточным, поскольку их системность имеет другую природу.

В центре внимания диссертационного исследования – языковые образования звукоизобразительного характера ***толк, бум, бах*** и т. п., системное лингвистическое описание которых до сих пор не осуществлено. Причина этого – нахождение данных единиц на границах фонемного, грамматического строя языка, слова и даже предложения. Именно маргинальность этих единиц обусловила противоречия в их структурном и семантическом осмыслении. В работе для обозначения этих единиц используется термин *фоносемантические маргиналии* (ФМ), который подчеркивает маргинальный статус и звукоизобразительную (ЗИ) природу данных единиц.

Изучение маргинальных сфер человеческого бытия – одна из самых актуальных тем в современной науке (Р. Парк, Э. Стоунквист, В. Тэрнер, С. Гурин, Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Бахтин, С. Франк, Г. Шпет, К. Богданов, А. Панченко, Т. Шехтер, И. Ильин и др.). Исследование языковой маргинальности также имеет определенную историю (П. Флоренский, А. Крученых, В. Хлебников, А. Туфанов, Л. Липавский, В. Бабайцева, Л. Малаховский, И. Высоцкая, А. Баудер, П. Хоппер, С. Томпсон), однако в целом можно говорить о недостаточной разработанности в лингвистике как феномена ФМ, так и идеи маргинальности как таковой.

ФМ продолжают оставаться «лингвистической неясностью» как в западной лингвистике, так и в русистике: пока не определен их статус в

языковой системе. Именно этим положением объясняется **актуальность темы** исследования. Данная работа находится в русле фоносемантических исследований. Несмотря на то, что «фоносемантику уже нельзя назвать маргинальной областью исследований или «побочной дочерью» лингвистики» [Павловская 2001: 4], в русистике фоносемантика до сих пор остается в определенном смысле маргинальным разделом.

Объект исследования – языковая маргинальность. **Предмет** исследования – система русских ФМ в целом (ФМ-система) и единицы, составляющие эту систему – фоносемантические маргиналии.

Под *ФМ* понимаются ЗИ (примарно мотивированные) единицы языка, которые составляют ядро звукоизобразительной системы (ЗИС) языка, а также обусловливают развитие этой системы. ФМ являются мотивированными (не-произвольными) знаками, звуковой облик которых обусловлен их значением, где происходит корреляция между структурой элементов знака и структурой элементов денотата. На фоне слова (в понимании классической лингвистики) ФМ отличаются диффузным, размытым структурно и семантически неопределенным статусом. *ФМ-система* рассматривается как маргинальная подсистема, которая является базовой для ЗИС языка в диахронии и одной из подсистем ЗИС в современной синхронии.

Цель работы – описание феномена ФМ как целого в системно-структурном и функциональном аспектах.

Цель исследования предполагает решение **частных задач:**

1) определить необходимость выделения нового раздела – лингвистики маргиналий, которая имеет собственный предмет и методологию. В качестве «пилотного» материала как предмета лингвистики маргиналий предложить исследование русской ФМ-системы;

2) обосновать понятие «фоносфера», входящее в парадигму уже существующих понятий «биосфера» (В. Вернадский) и «семиосфера» (Ю.

Лотман), и понятие «фоносемантическая маргиналия», которая является одной из составляющих фоносферы;

3) представить движение (линейную динамику, космос) ФМ-системы в системно-структурном и функциональном аспектах. Рассмотреть структурность как иерархическую упорядоченность элементов ФМ-системы, которая связана с включенностью ФМ-системы в ЗИС языка, последняя в свою очередь является подсистемой языка в целом. Системно-структурные особенности ФМ-системы рассмотрены, с одной стороны, в рамках классической фоносемантики [Воронин 1982], где свойства маргинальности ФМ нивелируются. С другой стороны, маргинальность ФМ выступает наиболее рельефно в категориях традиционной грамматики, что предполагает анализ маргинальности грамматических, лексико-семантических, синтаксических и текстовых свойств ФМ. Функциональные свойства ФМ-космоса рассматриваются в современной синхронии преимущественно на материале живой устной речи;

4) представить ФМ-систему как описание возможных вариантов ее изменений (нелинейную динамику, хаос). Рассмотреть виды флуктуаций (колебаний, толчков), которые испытывает ФМ-система и которые приводят ее к точке предела (бифуркации), где происходит катастрофа (изменение, перестройка) системы – ветвление вариантов ее развития. Как один из вариантов ФМ-системы рассматривается ее существование в рамках «другой» речи. Функциональная специфика ФМ-системы обусловила необходимость обоснования понятия «другая» речь, под которой в современной синхронии понимается альтернативная (не доминирующая, периферийная, маргинальная) форма существования человеческой звуковой коммуникации. Основной составляющей «другой» речи является заумная речь, которая исследуется в фольклорном, поэтическом, религиозно-мистическом дискурсе, а также в детской речи. Определяется роль ФМ в формировании «других» форм звуковой человеческой коммуникации, а

также в сферах максимального проявления феномена ФМ в эмоциональной, экспрессивной, художественной, патологической речи;

5) выявить свойства, обусловливающие маргинальность ФМ-системы, и их взаимосвязь. ФМ-система интерпретируется одновременно как открытая / закрытая, равновесная / неравновесная, устойчивая / неустойчивая система. Рассматриваются свойства маргинальности ФМ-системы: граница (меж-бытие), переходность, норма / отступление от нормы, центр / периферия, инаковость;

6) рассмотреть характер и способ функционирования ФМ в современной русской речи.

В процессе исследования ФМ была определена основная **концепция разрабатываемой теории**, которая состоит в понимании феномена ФМ как системного образования, характеризуемого с позиций линейной и нелинейной динамики бытия языка.

Специфика предмета исследования обусловливает **методологию,** которая связана в том числе и с общей теорией систем (теория катастроф (бифуркаций), теория изменений, синергетика и др.). Сегодня «научные исследования уже не пытаются искать одну-единственную, жестко ограниченную и строго определенную истину. От поисков абсолютной истины, пройдя этап поисков истины относительной, наука перешла в настоящее время к выявлению содержания так называемой «размытой» истины; истины, которая в силу самой своей природы не имеет четких границ и подвержена сильному влиянию извне» [Скляров 2004]. Ревизия концептуальных подходов к действительности вынуждает вырабатывать новые понятия, подходы, методологию, которые связана с попыткой объяснения не только материального и очевидно организованного, но и нематериального, внешне хаотичного мира.

Один из создателей квантовой механики Е. Вигнер полагал, что есть два подхода к научному осмыслению мира, которые предлагаются, соответственно, физикой и психологией, между которыми не может быть

переброшен мост. В такой утрате надежды на построение единой самосогласованной научной картины реальности он видел одно из принципиальных ограничений для развития самого научного знания [Малинецкий, Потапов 2000] [1].

Новая научная парадигма должна, очевидно, обладать свойством глобальности, т. е. охватывать все области человеческого бытия. Исходя из этого, необходимой становится разработка междисциплинарных подходов.

Наиболее очевидна такая парадигма в теориях нелинейных динамик. Нелинейная динамика, «связанная с поиском единых механизмов в нелинейных явлениях различной природы, в физических, химических, биологических, социальных системах, выходит на первый план. Единство мира, с точки зрения этого подхода, проявляется в универсальности математических моделей, описывающих реальность, в возможности построить математическое описание данного явления с различной точностью с помощью одного набора «кубиков» – базовых моделей. Поэтому роль нелинейной науки в общенаучном контексте как «языка междисциплинарного общения» может оказаться очень большой» [Малинецкий, Потапов 2000]. Следует подчеркнуть, что междисциплинарные подходы только начинают обосновываться в современной науке: «сейчас такая наука только зарождается. Название ее еще не устоялось, поэтому используют: «нелинейная динамика», «нелинейная термодинамика», «синергетика» [Чернавский 2002: 60].

В целом можно говорить о том, что междисциплинарные подходы наиболее важны в осмыслении маргинальных структур, поэтому

[1] «Достижения современной науки окончательно завели в тупик споры материализма с идеализмом и показали их обоюдную несостоятельность в объяснении накопленных знаний. Это неизбежно вылилось в глубочайший кризис философского познания, усилившийся безуспешными попытками как-то модифицировать старые теории. Причина же постоянных неудач попыток такого модифицирования кроется в том, что основные положения старых теорий, закрепляющие приоритет либо духа, либо материи, неизбежно выводят ту или иную группу явлений за пределы осмысливаемых знаний» [Скляров 2004].

методологически целесообразно опираться как на гуманитарные, так и естественно-научные исследования [2].

Интерпретация феномена ФМ ориентирована преимущественно на традиционную научную парадигму, поскольку «будучи воспитанными в «среде» номинативной грамматики, мы уже настолько привыкли рассматривать все с позиции своих грамматических знаний, что любую реальную единицу коммуникации, любое встреченное необычное высказывание пытаемся подогнать под единый, общий формально-синтаксический стандарт, «исправить» все то, что этому стандарту не соответствует. На самом же деле оказывается, что таких стандартов несколько, и, анализируя данную нам непосредственную реальность речи, мы должны исходить из существующего плюрализма стандартов» [Левицкий 2003: 373].

Однако необходимо стремиться минимизировать влияние субъективного фактора и в той или иной мере корректировать собственную философскую позицию с целью приблизиться к познанию «другой» сущности предмета исследования. Ярким примером тому – работы В. В. Налимова, посвященные исследованию вероятностной модели языка [Налимов 1989, 1993, 2002].

Методология исследования обусловлена стремлением описать как материальные и нематериальные, так и линейные и нелинейные аспекты языкового бытия ФМ. Признавая, что ФМ – отражение не только социальной, но и биологической сферы, полагаем, что их изучение может

[2] Так, в антропологии признается плодотворным применение метафизического подхода; возможность социальной и антропологической метафизики, основанной на моделях метафизики философской и религиозной [Гурин 2001]. Метафизическая мысль есть мышление охватывающими понятиями в этом двояком значении: мысль, нацеленная на целое и захватывающая экзистенцию [Хайдеггер 1989]. Метафизика оказывается необходимой для фиксации динамики, процессуальности, воспроизводимости человеческого бытия, не представленных в формах обыденного опыта, но встроенных в этот опыт и обусловливающих его [СФС 1996]. С другой стороны, оказалось, что многие «модели человека», предлагавшиеся гуманитарными науками, неприменимы к нынешней реальности. Поэтому здесь также возникла потребность использовать арсенал и методику естественных наук для анализа массового сознания, задач социальной психологии, социологии, анализа и прогнозирования индивидуального и коллективного поведения [Малинецкий, Потапов 2000].

соотноситься с принципом дополнительности методологических подходов в их интерпретации, в том числе и подходов, которые пока не могут считаться методологическими аксиомами для лингвистических исследований.

Феномен ФМ осмысляется в контексте концепций детерминизма (линейных динамик развития) и нелинейных динамик. В описании ФМ применяется комплексный язык описания: общая теория систем, системно-структурный метод, элементы метода реконструкции. Используются частные методы исследования – методы наблюдения, сопоставления, лингво-стилистического, этимологического, контекстуального, семного, семиотического и фоносемантического анализа, а также введенный автором метод доминантности ономатопей. Исследование ФМ-системы проводится в структурно-синхронном и диахронно-динамическом аспектах.

В качестве **эмпирической базы** исследования использовались данные изданного автором словаря («Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий». Пермь, 2004), включающего более 1500 словарных статей. Анализу подверглись 1533 ФМ, из них – 360 акустических ФМ, 183 артикуляторных ФМ, 295 ФМ говорения, 268 слов-обращений к животным, 140 подражаний голосовым сигналам животных и птиц, 287 звукосимволических ФМ. В качестве сравнительного материала были исследованы 92 ЗИ-корня, репрезентированных в 195 единицах лексики говорения, – всего 1728 единиц.

Материалом исследования явились также тексты художественной литературы (поэзия и проза футуристов, обэриутов, постмодернистов), фольклора (анекдоты, былички, пословицы, поговорки, загадки, пестушки, потешки, сказки, заговоры, песни ведьм), детского фольклора (считалки, дразнилки, детская заумь) и – в незначительном количестве – тексты патологического дискурса (камлания, глоссолалии). Выдвигаемые положения обосновываются также материалами и выводами, которые были получены группой студентов под руководством автора в результате

фоносемантических исследований, проводимых на кафедре общего языкознания ПГПУ с 1997 по 2004 год [3].

Разнородный по структуре и функционированию материал обусловливает достоверность полученных результатов. Достоверность выводов, полученных в ходе исследования, обусловлена также интерпретацией материала в контексте лингвистики, общей семиотики, биосемиотики, философии, психологии, культурологии.

Научная новизна исследования состоит в обращении к предмету исследования, в обосновании новых подходов к изучению языковых универсалий в сфере лексической периферии языка. Новым является осмысление системности ФМ, а также понимание ФМ-системы как базовой подсистемы ЗИС языка и периферийной подсистемы языка в целом. ФМ интерпретируются в общесемиотическом контексте, где зона ФМ-системы понимается как зона перетекания биосферы в семиосферу, преобразования не-семиотического звука в семиотический. ФМ рассматриваются как системно-структурная сущность, обладающая собственной функцией и самодостаточными лингвистическими характеристиками. В работе феномен «фонетические маргиналии» понимается как «начало» человеческой речи («проторечь»), а ФМ-образование выступает как протосемиотический знак, подвергаемый культурно-языковой семиотизации. Одновременно с этим ФМ рассматриваются как самоорганизующаяся система в рамках теорий нелинейных динамик.

---

[3] Были исследованы: 1) в рамках *типологической фоносемантики* – классификация ономатопов на материале русского и коми-пермяцкого языка [Шляхова, Петрова 2000]; 2) в рамках *этимологической фоносемантики* – метеорологическая [Егорова 2002] и теонимическая [Воробьева 2002] лексика, лексика говорения [Субботина 2002]; 3) в рамках *лексико-семантической фоносемантики* – развитие семантики и.-е. корня *uer- на материале этимологического гнезда слова *время* [Катаева 2002]; семантика русских инстантов [Воложанинова 2000], континуантов [Масалкина 2001], фреквентативов [Пачулия 2001], инстантов-континуантов [Маркова 2001]; семантика русских фразеологизмов с базовым фоносемантическим компонентом [Петрова 2004]; 4) в рамках *текстофоносемантики* – фоносемантическая организация текста [Порина 2003] и проявление артикуляторного компонента смеха в поэтическом тексте [Макарова 2003], а также русская заумь [Хитренко 1997].

Теоретическая значимость исследования состоит в новом подходе к изучению фоносемантического пространства языка. Новыми, на наш взгляд, являются понятия «фоносфера», «фоносемантическая маргиналия», «ФМ-система», «другая речь». Автором также предложен собственный метод фоносемантического анализа – метод доминантности ономатопей, который позволяет определить лингвистические, стилистические, психологические, а также отдельные когнитивные и генетические основы текста.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения полученных данных в этимологии: благодаря выявлению фоносемантической основы языка расширяется интерпретационная база этимологизирования отдельных лексических единиц, увеличивается число «прозрачных» этимологических версий.

Практическое применение данных исследования возможно также в расширении лексикографической базы русских словарей, которые зачастую отказываются от фиксации и дефиниции подобного материала. Исследование системных свойств ФМ дает методологическую базу для выявления оценочных коннотаций слов, которые в словарях отсутствуют.

Полученные данные могут быть применимы также в теории коммуникации при учете фактора воздействия на получателя информации, а также в осмыслении и эффективном применении невербальных кодов в коммуникации.

Возможность применения полученных результатов связана с разработкой отдельных вопросов в рамках университетских курсов по дисциплинам «Общее языкознание», «Теория коммуникации», «Стилистика», «Психолингвистика».

Реализацией и внедрением результатов исследования явилось создание русскоязычного фоносемантического словаря («Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004), где системное описание единиц выводится из их фоносемантических характеристик.

Положения, выносимые на защиту:

1) ФМ-система представляет собою системно-структурное образование, развивающееся во взаимосвязи и взаимозависимости с внутренней (язык) и внешней (внеязыковая звучащая реальность) средой ее существования;

2) системность ФМ-системы обусловлена: **а)** наличием собственной единицы, организующей систему (ФМ); **б)** особым типом знаковости (безусловная примарная мотивированность); **в)** наличием особой функции (биологической, протосемиотической); **г)** особой структурой, обусловленной устройством фоносферы; **д)** спецификой функционирования (области проявления различной степени измененного сознания); **е)** спецификой парадигматических и синтагматических отношений, обусловленной ФС-свойствами ФМ. Эти параметры обеспечивают закрытость и устойчивость ФМ-системы;

3) одновременно с этим ФМ существуют как нелинейная самоструктурирующаяся среда (случайное обретение системой того или иного свойства), где автономные свойства ФМ-знаков, заданные на биологическом уровне, репрезентируются в разного рода дискурсах. Следствием этого являются особенности функционирования и существования ФМ в речи – обрядово-игровой и магически-религиозного дискурс; идиолектная заумь; «говорение» при патологиях речи и в состояниях измененного сознания. Данные формы речи обеспечивают открытость и неустойчивость ФМ-системы;

4) ФМ-система является маргинальной подсистемой в рамках ЗИС языка, которая, в свою очередь, является составляющей языковой системы в целом. Возможность выделения ФМ-системы в рамках ЗИС языка обусловлена в том числе и нивелировкой отдельных универсальных законов звукоизобразительности в ФМ-системах (закон относительной денатурализации языкового знака). Свойства маргинальности ФМ-системы проявляются на всех уровнях и во всех видах существования ФМ.

Апробация работы. Материалы исследования были положены в основу учебного пособия («Анализ звуковой структуры и интерпретация

поэтического текста». Пермь, 1996), словаря («Дребезги» языка: словарь русских фоносемантических аномалий». Пермь, 2004) и монографических исследований («Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику». Пермь, 2003; «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики». Пермь, 2005). На протяжении десяти лет автором читаются спецкурсы по дисциплинам «Введение в русскую фоносемантику», «Фоностилистический анализ текста» в Пермском государственном педагогическом университете, Пермском государственном техническом университете.

Основные положения работы представлены в виде докладов на всероссийских («Семантика языковых единиц и ее изучение в школе и в ВУЗе», Нижний Новгород 1993; «Язык. Сознание. Этнос. Культура», Москва 1994; «Явления вариативности в языке», Кемерово 1994; «Язык города», Омск 1995; «Фольклорный текст», Пермь 1998, 1999, 2000, 2002; «Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики, фоносемантики», Пенза-Москва 1999; «Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи», Соликамск 2002; «Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания», Пермь-Кудымкар 2003; «Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты», Барнаул 2003; «Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания», Пермь 2003; и др.) и международных («Язык и культура», Москва 2001; «Изменяющийся языковой мир», Пермь 2001; «Языковое сознание: устоявшееся и спорное», Москва 2003; «Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации», Пермь 2005; «Знак: икона, индекс, символ», Санкт-Петербург 2005) конференциях и симпозиумах; теоретических семинарах филологического факультета ПГПУ, школы психолингвистики ПГУ.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка принятых в диссертации сокращений, списка использованной литературы (359 русскоязычных и 33 иноязычных наименований) и лексикографических источников (68 наименований) и пяти приложений (Этимология ФМ; Фоносемантика ФМ; Семантика ФМ;

Функционирование ФМ; Семиотика ФМ). Положения диссертации иллюстрируются 26 таблицами, 5 рисунками и схемами.

По теме исследования опубликовано 35 работ. Основные результаты исследования **отражены в следующих публикациях**:

- монографии:

1) Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – 216 с.;

2) «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. – 350 с.;

- словари:

3) Словарь пермских говоров. – Пермь: Книжный мир, 2000. – Вып. 1. – (Соавторы Бажутина Г. В., Борисова А. Н., Подюков А. И., Прокошева К. Н., Федорова Л. В. и др. Всего 8 человек) – описание ФМ;

4) «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004. – 225 с.;

- учебные пособия:

5) Анализ звуковой структуры и интерпретация стихотворного текста. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 1996. – 51 с. (Соавтор О. И. Васнева 51/47 с.);

- статьи:

6) Изобразительная лексика и ее отражение в диалектных словарях уральского региона // Лингвистическое краеведение Прикамья: Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. Г. В. Бажутина. – Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1988 . – С. 34-50;

7) Явления фоносемантики в некодифицированной речи городского населения// Лингвистическое краеведение: Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 1991. – С. 69-78;

8) Инвективная лексика в повести Ю. Алешковского «Николай Николаевич» // Новые тенденции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков: Материалы научн. конф. / Отв. ред. Ю. А. Левицкий. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 1996. – Вып. 2. – С. 10-13;

9) Аномальные языковые единицы в разных фольклорных жанрах // Фольклорный текст – 98: Сб. докл. научн. конф. / Под ред. И. А. Подюкова. – Пермь: ПРИПИТ, 1998. – С. 105-116;

10) Символика речи (говорения) в свадебном тексте // Фольклорный текст – 99 / Научн. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. – С. 31-39;

11) Рассекающий бездну (о примарной мотивированности «заветного» в фольклорном тексте) // Словесность и современность: Материалы Всеросс. Конф. Фольклорный текст / Научн. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. – Ч II. – С. 77-91;

12) Фоносемантическая игра как элемент поэтики анекдота // Фольклорный текст – 2001: Материалы научн.-практ. семинара / Научн. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 104-110;

13) Языковые «аномалии» поэтического языка М. Цветаевой // Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи: Сб. статей Всеросс. научн. конф. – Соликамск: Соликамский пед. ин-т, 2002. – Т.2. – С. 59-67;

14) Фоносемантическая структура текста былички // Фольклорный текст 2002 / Научн. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – С. 34-43;

15) Дребезги тотальной антропологии В. Пелевина // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: Материалы всеросс. научн.-практ. конф. / Отв. ред. М. П. Абашеева. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – Ч. I. – С. 125-135 (соавтор Е. Порина 10/8 с.);

16) Кто меньше: карлик или лилипут? // Филолог. Научно-методический журнал ПГПУ. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – № 2. – С. 17-23 (соавторы Л. А. Белова, О. И. Васнева 7/ 4 с.);

17) Граффити или граффито? // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II: Теория и практика современной письменной речи: Материалы конф. / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Алтайский ун-т. 2003. – С. 48-56 (соавтор Т. И. Доценко. 8 / 4 с.);

18) Функционирование «зауми» в русской речи / Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации: Материалы междунар. научн. конф., посвященной 70-летию проф. М. Н. Кожиной / Отв. Ред. М. П. Котюрова. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. – С. 229-234;

19) О понятии «фоносфера» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 3. Филология. – Челябинск: ЧГПУ, 2005. – С. 181-189;

20) Семиотика звука в повести В. Пелевина «Желтая стрела» // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург: Оренб. гос. ун-т, 2005. – № 11. – С. 51-55;

21) Фоностилистический анализ текста // Анализ поэтического текста / Под ред. Н. А. Петровой. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. – С. 17-36;

22) «Что думают лошади, когда их никто не видит»: заметки о русской детской зауми // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. – Оренбург: ОГПУ, 2006. – №1 (43). – С. 19-26;

23) «Сказать звук…»: фоносемантические маргиналии в поэзии М. Цветаевой // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 90-101;

- тезисы:

24) Неисследованный пласт лексики пермских говоров // Новое мышление и проблемы гуманитарного знания: Тезисы докл. конф. молодых уч. – Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1987. – С. 116-117;

25) Социальные функции ономатопов в тексте повести А.Веселого «Реки огненные» // Проблемы художественности и анализ литературного произведения: Тезисы докл. научно-практической конф. – Пермь: Перм. гос.пед. ин-т, 1989. – С. 62-65;

26) Семантика и функции ономатопов в речи // Семантика языковых единиц и ее изучение в школе и вузе: Тезисы докл. научн.-практ. конф. – Нижн. Новгород: Нижегор. гос. пед. ун-т им. М. Горького, 1993. – С. 93-94;

27) Символика в детском жутком фольклоре // Явления вариативности в языке: Тезисы докл. научн. конф. / Отв. ред. Л. А. Араева. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 1994. – С. 114-116 (соавтор А. Брагина 2/1,5 с.);

28) Музыка и поэтический мотив // Язык, сознание, этнос, культура: теория и прагматика: Тезисы докл. XI Всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 1994. – С. 57-59;

29) Рекламная речь современного рынка // Язык города: Тезисы докл. Всеросс. научн. конф. – Омск: Омск. гос. ун-т., 1995. – С. 29-30;

30) Русская ономатопея: структура, семантика функционирование // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: Материалы Всеросс. конф. – М.; Пенза: Ин-т психологии; Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1999. – С. 206-208;

31) Коми-пермяцкие акустические ономатопы (материалы к универсальной классификации ономатопов) // «Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания»: Тезисы докл. научн.-практ. конф. Пермь – Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство, 2000. – С. 58-60 (соавтор С. Петрова 3/2,5 с.);

32) «Сказать стон …»: о семантических «примитивах» в поэтике М. Цветаевой // Язык и культура: Тезисы докл. междунар. научн. конф. – М.: Ин-т иностр. языков, 2001. – С. 180;

33) Семантика русских ономатопов: динамический аспект // Изменяющийся языковой мир: Тезисы докл. междунар. научн. конф. – Пермь: Перм. гос. ун-т. 2001. – С. 17;

34) Восприятие и репрезентация *того* мира в быличке / Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы докл. XIV междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / Ред. Е. Ф. Тарасов. – М.: Ин-т яз-ния РАН, 2003. – С. 317-318;

35) О русском фоносемантическом словаре // Знак: икона, индекс, символ: Тезисы докл. междунар. конф., посвященной 70-летию со дня

рождения проф. С. В. Воронина / Под ред. А. В. Зеленщикова, О. И. Бродович. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – С. 75-76.

Глава I. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ МАРГИНАЛИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

1. ПРОБЛЕМА МАРГИНАЛЬНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Концепция маргинальности разрабатывалась в различных областях гуманитарного знания уже с 1930-х гг. XX в., однако построение теории маргинальности пока только начинается. В истории научного употребления понятия «маргинальность» можно проследить динамику объема этого понятия от достаточно узкого социального и социологического контекста к более широкому – гносеологическому в истории культуры и философии (многообразие дискурсов, ментальностей, научных парадигм), а затем и к универсальному – онтологическому – контексту. Современная философия (например, постмодернизм) включает все смыслы маргинальности.

1.1. Проблема маргинальности в гуманитарных дисциплинах

1.1.1. Категория «маргинальность», которая традиционно используется **в социальной философии** и **социологии**, введена американским социологом Р. Э. Парком в 20-х гг. XX в. для обозначения социально-психологических последствий неадаптации мигрантов (иммигрантов) к требованиям урбанизма как образа жизни. Термин «маргинальность» (от лат. margo – граница, marginalis – находящийся на краю) обычно означает пограничное положение личности или группы по отношению к какой-либо социально-культурной общности. Это понятие подчеркивает особый социальный статус (обычно – низкий), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы, которые накладывают при этом определенный отпечаток на психику и образ жизни маргиналов [НФС 2001: 593]. Как самостоятельная социологическая концепция маргинальной личности разрабатывается в 30-е гг. XX в. Э. Стоунквистом: маргинальная личность по происхождению – расовый гибрид, культурная

самоидентификация которого не может быть целостной, однозначной [СЗС 1990: 175].

Если первоначально феномен маргинальности трактовался как промежуточность положения человека, одновременно существующего в двух разных культурных группах, то сегодня маргинальность понимается как универсальный культурный феномен, коренящийся в групповых условиях человеческого существования [Рыжов 2003].

Таким образом, в основе представлений о маргинальности лежало понятие *маргинальная личность*, которое употреблялось для выделения и анализа специфических, противопоставляемых общественно-нормальным, отношений «социальный субъект – социальная общность» [Поляков 1990].

Другое понимание маргинальности в социальной философии – на уровне категории *переходности*. Переходность – это состояние общества, в котором в результате ускорения динамики социального развития увеличивается не только поток инноваций и емкость времени, но и пребывание в переходности, неустойчивости, что усиливает стремление к стабильности, консервативные настроения [Буковская 2000].

1.1.2. Изучение маргинальных социальных объектов, разнообразных феноменов человеческого бытия и анормального поведения [Глинский, Афанасьев 1993] становится одной из центральных задач **в современной антропологии** [СЗС 1990; СЗФ 1991; СФС 1996; НФС 2001]. Антропологи считают, что необходимо осмыслять маргинальный опыт, маргинальные формы существования человека, привлекать тексты маргинальных авторов.

В современной философии произошел значительный сдвиг от попыток классической антропологии свести сущность человека к одному основному принципу или субстанции (обычно – разуму), к неклассическим представлениям о сложности, многообразии феноменов человеческого бытия и невыразимости (неуловимости, парадоксальности) природы человека.

Показателен интерес современной науки к измененным состояниям сознания, экстремальным и пограничным ситуациям, телесным практикам, радикальному опыту, всему тому, что может обнаружить предел возможностей, показать масштаб человеческого в человеке, указать на нечто

Иное, быть местом встречи с принципиально Другим. Можно выделить нечто общее в архаических практиках, мифологическом мышлении, философии Древнего Востока и направлениях современной западной философии, то, что можно было бы назвать «маргинальной антропологией» [Гурин 2001].

Классическая антропология рассматривала «человека вообще», лишенного каких-либо индивидуальных качеств. Абстрактным объектом изучения являлся среднестатистический «человек нормы». Поэтому наиболее распространено понимание маргинальности как *отклонение от нормы*, удаление от некоторого символического центра ценностной системы координат. Однако оказывается невозможно дать строгое определение отклонения через понятие нормы, которое в свою очередь потребует определения через понятие отклонения. Определение превращается в тавтологию. К тому же очень сложно провести четкую границу между нормой и отклонением от нормы, выбрать критерии их различения, а, следовательно, указать, где кончается одно и начинается другое [Гурин 2001].

Однако возможен и другой, более широкий подход к проблеме соотношения нормы и отклонения, патологии. Можно рассматривать патологию как собственное *иное нормы*, как *ее границу*, как *предел нормы*, *Другое*. Тогда отклонение или патология предстает как другая норма, норма в другом масштабе, в другом месте, как возможное прошлое или будущее нормы. Таким образом в понятие нормы вводятся элементы историчности, множественности, онтологической плюралистичности.

Маргинальные феномены могут оказаться структурообразующими для будущих социальных систем. Можно говорить о специфической маргинальной, «лиминальной ментальности, характерной для ситуаций перехода (социальных ломок, реформ, катастроф), с ее типичными темами акцентированного (черного) юмора, тотальным пародированием и трансвестированием, повышенным вниманием к теме смерти, катастрофизмом, сюжетом конца света, специальным интересом к социальным девиациям, маргиналам, сексуальной свободе,

гомосексуальности, транссексуальности, отрицанием научной рациональности, мистицизмом, эзотерикой» [Перспективы… 2001: 40].

Маргинальная антропология стремится исследовать антропологические границы, во всех проявлениях: границы каждого человека, границы его тела и сознания, границы человеческого и индивидуального бытия, границы существования человека, мера человеческого в человеке, пограничные феномены человеческого бытия, пограничные фигуры и пограничные состояния, тактики и стратегии поведения человека на границе и способы преодоления этих границ. На границе индивидуального бытия человек встречается с другими людьми, а на границе, на пределе человеческого бытия он сталкивается с чем-то нечеловеческим [Гурин 2001].

1.1.3. В философии культуры маргинальность характеризует специфичность различных культурных феноменов, часто асоциальных или антисоциальных, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и, тем самым, часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры (Ф. Ницше, маркиз де Сад, Л. фон Захер-Мазох, А. Арто, Ж. Батай, С. Малларме) [НФС 2001: 594].

Неклассическая европейская философия дает новые подходы к старым проблемам, анализу подвергаются такие формы бытия как язык, текст, понимание, телесность. Новые подходы формируют новую методологию: лингвистический анализ, герменевтика, психоанализ, феноменология, экзистенциализм, структурализм, постмодернизм.

Проблема культурной маргиналии приобретает особое значение в философии постструктурализма и постмодернизма («шизоанализ» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «генеалогия власти» М. Фуко, «деконструкция» Ж. Деррида). В ризомном постмодернистском мире стираются границы структур, а маргинальное пространство, существующее вне этих структур, но между их границами, меняет свой пограничный статус, размывая семантику маргинальности и утрачивая специфику своего паракультурного существования [НФС 2001: 594].

Французский структурализм использует понятия «маргинальный субъект», «маргинальное пространство», «маргинальное существование», возникающие в «просвете», в «зазоре» между структурами и обнаруживающие свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур. В концепции Ж. Дерриды идея децентрации сводит на нет понятия нормы и отклонения, на смену которым приходит идея «различения», «инаковости», сосуществования множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных инстанций. С исчезновением «центра» исчезает и понятие господствующей, доминантной культуры. В понимании Р. Барта маргинальность является стремлением к новому на пути отрицания всевозможных культурных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности над единичностью и уникальностью. В концепции М. Фуко подлинная маргинальность не может рассматриваться в рамках бинарной оппозиции, ибо идентифицировать ее как таковую можно лишь в отсутствии всякой нормы. М. Фуко считает, что все девианты не являются маргиналами в строгом смысле слова, поскольку их существование обусловлено наличием нормы, а опыт маргинального существования не может быть вписан внутрь институциональных стратегий.

И. П. Ильин обосновывает существование единого комплекса представлений постмодернизма, деконструктивизма и постструктурализма [Ильин 1998]. Это влиятельное интердисциплинарное по своему характеру идейное течение в современной культурной жизни Запада, проявившееся в различных сферах гуманитарного знания и связанное определенным единством философских и общетеоретических предпосылок и методологии анализа. Теоретической основой этого комплекса являются концепции, разработанные главным образом в рамках французского постструктурализма (Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Фуко, М.-Ф. Лиотар и др.). Начиная с постструктурализма, маргинальность превратилась в уже осознанную теоретическую рефлексию, приобретя статус «центральной идеи» – выразительницы духа времени.

Одним из современных направлений маргинальной философии является постмодерн-фундаментализм – концептуальный синтез философии

постструктурализма, революционного традиционализма и культурной практики постмодерна, – развиваемый с 2001 года сообществом, объединившимся вокруг журнала «ИНАЧЕ» [Корнев 2001].

В постмодернизме, деконструктивизме и постструктурализме, прежде всего, отрицаются понятия «норма», «центр», «доминантность», на смену которым приходят понятия *инаковость* и *равноправного «другого».*

1.1.4. В культурологи понятие маргинальность используется по отношению *к малоконтролируемым периферийным пространствам,* в которых художественная программа исторического времени проявляется в вариациях местных школ, микротенденций или в форме индивидуального специфического поиска. Радикальное значение для развития культуры имеет то обстоятельство, что периферия существует внутри нее самой как важный и постоянно функционирующий орган, сбой жизнедеятельности которого грозит серьезной деформацией художественного целого, вплоть до дегенерации его конструктивных основ [Шехтер 1997].

Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность, отвлеченный от границ, он теряет почву и умирает [Бахтин 1975: 25].

Прогресс, творческие идеи, новая практика просачиваются с окраин и исходят от слабых, маргиналов, лиминариев и отверженных. Пророки и художники имеют склонность к лиминальности и маргинальности, это «пограничные люди». Лиминальность, маргинальность и низшее положение в структуре – условия, в которых часто рождаются мифы, символы, ритуалы, философские системы и произведения искусства [Тэрнер 1983: 198-199].

Понятие маргинальности стало использоваться в философии культуры и в истории ментальностей, поскольку может быть применимо не только к

социальным группам, но и *к духовным и интеллектуальным практикам, которые выходят за рамки общепринятых норм и традиций*.

Наиболее отчетливо маргинальность в теории художественной культуры представлена в категории *переходности*, поскольку свойства переходности отличают саму природу художнического сознания.

Истолкование процесса творчества как акта самопревышения позволяет увидеть в деятельности художника любой исторической эпохи умение выйти за пределы себя, выйти за границы данного мира. Переходность художнического сознания проявляется в желании заглянуть за границы уже освоенного, превзойти в каждом новом творческом жесте не только устоявшиеся матрицы и коды культуры, но и себя вчерашнего [Кривцун 2003].

Феномен лабораторности, «культурной робинзонады», свойственный поискам художественного сознания делает относительным понятие нормы в искусстве. Каждая художественная эпоха не оставляла после себя незыблемой нормы, демонстрировала разные качества и безграничные возможности.

Вместе с тем сам факт существования и воспроизводства в культуре устойчивых художественных стилей, школ, течений на протяжении больших исторических длительностей позволяет судить о разном удельном весе фермента переходности в тех или иных типах художественного сознания. В истории можно фиксировать устойчивые эпохи с относительно «регламентированным» действием художественной фантазии и эпохи переходные – с максимально экспериментирующим творческим воображением [Кривцун 2003].

Так, идея переходности (кризисности) античной культуры включает три составляющих: 1) дуализм, 2) синкретизм, 3) монотеизм. Метафизический дуализм подразумевает присутствие в мире двух изначально бытийствующих сущностей – доброго и злого, светлого и тёмного начал. Этический дуализм заключается в противопоставлении духа и материи. Этический дуализм всегда сопутствует дуализму метафизическому. Синкретизм есть по преимуществу тяга к универсальному религиозно-философскому языку.

«Синкретизм приводил к эклектике, то есть к произвольному выбору различных аспектов наиболее противоречащих друг другу учений и объединения их на основе идеологемы равноправия разных путей к Абсолюту» [Дьяков 2002].

Ренессанс также рассматривается как самая великая культура перехода, которая когда-либо была в мировой истории. «Переходность Ренессанса выражалась в *оригинальности*, а не в «сочетании» средневекового и новоевропейского, «старого» и «нового» [Баткин 1989: 187] – «нечто третье», особый, самодовлеющий космос, каковым является по отношению к цивилизации всякая культура Ренессансная культура – культура «переходная» в той мере, в какой она фиксирует трансформацию средневековой идеи личности в идею личности новоевропейскую [Пискунова 1997].

Однако, по словам А. Ф. Лосева, «переходность» не означает механической смеси старого и нового, а всегда имеет собственную историческую физиономию, в которой хотя и не трудно установить старое и новое, но которая не сводится на это механическое смешение» [Дьяков 2002].

1.1.5. Понятие маргинальности **в современной теологии** базируется на определении маргинальности в социологии. В современной теологии феномен маргинальности рассматривается как очередное «знамение времени»: маргинализация христианства затрудняет как его диалог с современной культурой, так и меж- и внутрицерковный диалог [Рыжов 2003].

В социологии религии происхождение и развитие тех или иных религиозных сообществ объясняется, главным образом, *депривацией*, т.е. любым состоянием, которое порождает у человека или группы ощущение собственной обездоленности по сравнению с другими. Обычной реакцией на депривацию является поиск новых ценностей, новой веры, смысла и цели существования. Наличие той или иной формы депривации приводит к последующей маргинализации личности или группы. Под маргинализацией христианства некоторые исследователи понимают состояние религиозного

мышления в целом [Костюк 2000], другие считают, что маргинальным слоем в среде христиан является лишь часть верующих [Рыжов 2003] [4].

Однако более глубокое обоснование в классической теологии маргинальность получает в категориях *«инаковость, инакость»* [Франк 1990].

Разработка категории «инаковости» началась еще с древнегреческой философии. Инакость, инаковость (греч. *heterotes*, лат. *alteritas*) – важное понятие метафизики Платона, нашедшее отражение в его трудах «Парменид» и «Тимей», где он поставил вопрос о точном определении какой-либо вещи (чего-то «одного») и ее отличии от иного. Платон полагал принципиальную возможность и радикальную достижимость точного определения чего-то «одного», уникального, в отличие от другого. В неоплатонизме за инакость по отношению к «одному» принимался в «Нусе» как дуализм уже познанного и все еще познаваемого. Под инакостью в диалектике Гегеля понималась категория противоречия как единства взаимоисключающих и одновременно взаимоопределяющих противоположностей [НФС 2001: 420].

За инакость земному миру в схоластике считалось Божественное откровение, поскольку наличие ее в самом Боге не допускалось; Божественное откровение как инакость «посюстороннему» миру. Традиционно термин «инаковость» применялся по отношению к определению Абсолюта, Бога, Первообразного Начала, т.е. «*божественное*» по отношению к человеческому.

Инаковость понимается также как метафзический *монодуализм, амбивалентность, синкретизм* – внутреннее единство двух или как

---

[4] В православном фундаментализме «“бабушки” являются “маргиналами” по возрасту, “богословы” являются маргиналами по отношению к секулярно оформленным каналам передачи знания в обществе (наука и массмедиа), “монахи” есть добровольные анахореты, “духовенство” – маргиналы “профессионального мира”. Маргиналами по определению являются и “неофиты”. Да и в целом наше общество, пережившее радикальный слом социальной и ценностной системы, может быть обозначено как маргинальное» [Костюк 2000]. Большая часть прихожан храмов (67%) не причащается, а около половины (43,3%) людей, назвавших себя верующими православными, практически никогда не посещает храм. Таким образом, «воцерковленные», практикующие православные являются несомненными маргиналами с точки зрения современного секулярного общества. Тем более это относится к «инославным» российским христианам – католикам и протестантам [Рыжов 2003].

двойственность одного. Инаковость также интерпретируется как «*изнанка*», «*другая*» *сущность, зеркальное, перевернутое отражение чего-либо*. «Несмотря на всю противоположность между миром и Богом, мир все же в каком-то – именно эминентно трансрациональном – смысле сущностно подобен Богу. И всякое «огульное» отвержение мира, как какого-то «исчадия адова», всякое отрицание его божественных корней и потому его «Богоподобия» в конечном счете ведет к потере самого религиозного сознания, к слепоте в отношении самой сверхбытийственной реальности Бога» [Франк 1990] [5]. Инаковость рассматривалась также как *трансцендентное,* которое часто понимается как непознаваемое. И, наконец, инаковость есть сам *Бог,* одна из его сущностей.

1.1.6. В фольклористике маргиналия – концептуальное понятие, позволяющее иметь в виду многообразие возможных описаний «фольклорной действительности»: текстов, которые могли бы стать предметом и иного анализа – социологического, литературоведческого, психологического и т. д., но при этом обнаруживают также фольклорную феноменологию. Иными словами, это тексты, актуально существующие на границе различных способов их аналитической дескрипции [Богданов 2001].

Как в прошлом, так и в настоящем «маргинальность» фольклора обнаруживается в соотнесении различных уровней феноменологической фиксации фольклорного факта: социологических, идеологических, психологических и т.д. Говоря о фольклорных маргиналиях, фольклористика акцентирует таким образом маргинальный, «пограничный» статус самой фольклористики.

---

[5] Инаковость мира Богу не исключает сходства или сродства между ними – правда, сходства, которое не может быть отождествлено с обычным сходством. Бог как начало «совершенно иное» «просвечивает» все же символически в мире, так что мы его видим в мире, как «зерцалом в гадании». Если мир именно в своем «мирском» начале резко отличается от всего «осмысленного», т.е. от самого Первоначала как «Смысла», именно своей неосмысленностью, своей индифферентностью к Ценности и Правде, – если он в этом смысле – в противоположность к внутреннему существу человечности – и *не* есть «образ и подобие Божие», – то, с другой стороны, в его связи с Богом, в его отражении Бога и, тем самым, в его сродстве со мною, который в каком-то отношении все же принадлежу к миру и образую с ним единство, имею с ним некую точку конвергенции, – т.е. в его гармонии, в органическом единстве его строения, – он все же есть некое отдаленное подобие Бога [Франк 1990].

К. А. Богданов в качестве предмета маргинальной фольклористики предлагает (помимо авторских, харизматически индивидуализированных объектов материальной и вербальной культуры) *социальную повседневность*, которая актуализирует в культурном обиходе современника вещи и явления, идеологическое функционирование которых в большей или меньшей степени безразлично к их «авторскому» происхождению. Это ценности не индивидуализирующего, но коллективизирующего свойства: они принадлежат всем и вместе с тем – никому в отдельности [Богданов 2001].

Примерами фольклорных маргиналий выступают темы игрового фольклора (акциональная и вербальная тематизация игры в жмурки в традиционной и современной культуре), медицинские и психофизиологические представления (фольклорная мифологизация курения и чиханья), а также идеологические стереотипы и образы (тема людоедства, фольклоризация повседневного быта советского человека на примере темы очереди).

В рамках маргинальной фолклористики лежат исследования А. А. Панченко о русском кликушестве, пророчестве, мистическом сектанстве, где исследуются *пограничные состояния* маргиналов (состояния транса, одержимости, сна, каннибализма, радения и пр.) [Панченко 1998, 2002, 2003].

Важным в исследовании маргинальности на уровне фольклора представляются выводы о том, что фольклорные маргиналии позволяют судить не только о характере фольклорных представлений, пронизывающих современную культуру, но и обладающих семиотической эффективностью как ретроспективного, так и прогностического порядка.

1.2. Проблема маргинальности в лингвистике

Актуальность изучения проблемы маргинальности в социальном контексте на сегодняшний день уже не нуждается в обосновании. Однако до сих пор не изучены онтологические основания маргинальных феноменов в обществе и культуре, отсутствует философская теория маргинальности [Гурин 2001]. Нельзя пока говорить и о становлении более или менее структурированного подхода к изучению лингвистических маргиналий.

1.2.1. Понятие маргинальности в лингвистике. В лингвистике понятие «маргнальность» используется *в ареальной лингвистике*. При изучении причин появления, истории развития, фронта и направления экспансии инноваций и выявления ареалов консервации архаизмов важное место в ареальной лингвистике занимает поиск центра, периферии, зон диффузии (вибрации) в исследуемом ареале. Выделяют три основные зоны диалектного континуума: центральную, маргинальную (латеральную) (отдаленную зону, где наблюдаемые изоглоссы носят менее выраженный характер) и переходную. Соответственно выявляются и ареалы дистрибуции языковых фактов – инновационный, архаический и диффузный (переходный) [ЛЭС 1990: 43].

В исторической лексикографии используется понятие «маргинальная глосса» – перевод или толкование слова или выражения на полях рукописи или книги [ЛЭС 1990: 107].

Понятие «маргиналия» употребляется также *в структурализме* в представлении метода непосредственно составляющих (НС), который основан на допущении того, что всякая сложная единица языка или текста складывается из двух более простых и линейно не пересекающихся единиц – ее НС. Последние в свою очередь могут дробиться на еще более мелкие НС и т.д. При членении на НС предложения или словосочетания, одна из НС – ядро, представляющее всю конструкцию в ее синтаксических связях, другая – маргинальный элемент [ЛЭС 1990: 332].

В истории лингвистики значение термина «маргинальный» [Базылев, Нерознак 2001] связано с интерпретацией лингвистических концепций первой половины XX века (фономенология Г. Г. Шпета, «школа всеединства» С. Л. Франк, В. Ф. Эрн, Л. П. Красавин, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, «лингвистический модернизм», «языковедный андеграунд» А. Крученых, В. Хлебников, А. Туфанов, Я. Друскин, Л. Липавский).

1.2.2. Понятие переходности в лингвистике. Лингвистическая маргинальность широко разрабатывалась на уровне категории переходности, которая получала неоднократную интерпретацию в истории лингвистики.

Выделение категории переходности восходит к стоикам. Категория переходности (транзитивности) / непереходности (интранзитивности) понимается как категория, отражающая в широком понимании характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия/ отсутствия у него прямого (функционально обязательного) дополнения. *Переходность* – направленность действия субъекта на объект, *непереходность* – замкнутость действия в сфере субъекта. Эта категория не является абсолютной универсалией и считается сравнительно поздним приобретением индоевропейских языков [ЛЭС 1990: 370]. Явление перехода слова из одного грамматического класса в другой (*транспозиция, трансляция, грамматическая конверсия*) достаточно полно описано в лингвистической литературе.

Различают два типа переходности: диахронная (трансформационная) и синхронная (контаминационная). Диахронная переходность отражает ступени естественной трансформации; синхронная переходность – показатель промежуточности языковых фактов [Бабайцева 1967].

Наиболее важным представляется тезис о динамичности грамматической системы языка: в синхронной системе частей речи структурно-семантические классы слов не образуют замкнутых категорий, находятся в постоянном движении, создают сеть «перекрещивающихся взаимодействующих влияний, результатом которых являются синкретичные (промежуточные и периферийные) образования, как следствие явлений диахронной и синхронной переходности» [Бабайцева 1991: 14].

Следствие существования явлений синхронной переходности в области морфологии — существование «функциональных омонимов» (термин О. С. Ахмановой). Функциональные омонимы – «слова, совпадающие по звучанию, этимологически родственные, относящиеся к разным частям речи» [Бабайцева 1967: 14], при этом явление функциональной омонимии распространяются не только на знаменательные, но и на служебные части речи [6].

[6] Далеко не все лингвисты «признают» существование функциональных омонимов, говорят о «различном функционировании» слова, употреблении слова в значении других

Омонимия и полифункциональность различаются как случайное и закономерное. Возникновение лексической омонимии связано с фонетическими причинами, с ответом на вопрос о том, «все ли звукосочетания, допустимые в данном языке, реально использованы имеющимися в нём словами» [Малаховский 1990: 10]. Довольно трудно прогнозировать появление грамматических омонимов, т. е. определить, какая именно языковая форма начнёт активно функционировать в речи и приобретёт новые яркие морфологические и синтаксические значения, что приведёт к образованию нового слова.

Более вероятностный характер имеет явление полифункциональности. Причина ее возникновения в существовании явлений синхронной переходности. Условия – использование слова в нетипичной для него синтаксической функции. Основной предпосылкой для появления многофункционального слова считается обобщённый характер семантики [Высоцкая 2000].

Выделяются следующие лексико-семантические факторы развития полифункциональности: 1) исходное слово обязательно должно быть полисемичным; 2) исходное слово должно обладать отвлечённым характером лексической семантики; 3) переход единицы из одной системы в другую всегда сопровождается дальнейшим абстрагированием лексической семантики исходного слова; 4) производное слово всегда оказывается с более сложной структурой лексической семантики, потому что сохраняет не только свои исходные лексико-семантические свойства, но и приобретает свои исходные лексико-семантические свойства производного класса [Баудер 1982, 1991].

Особый интерес представляет концепция *семантической переходности*, отличной от традиционного понимания грамматической переходности как способности глагола иметь прямое дополнение. Это новое осмысление идея

частей речи. Отмечается также отсутствие «термина для обозначения единицы, охватывающей несколько слов, соотносящихся по конверсии, для обозначения группы омонимичных словоформ» [Малаховский 1990: 31].

Вопрос о том, считать функциональные омонимы (разные части речи с общим звучанием) одним словом или разными словами, не является чисто терминологическим, поскольку связан с проблемой «отдельности» слова и его границ [Высоцкая 2000].

переходности нашла в функционализме. Семантическая переходность, по П. Хопперу и С. Томпсон, является характеристикой не глагола, а так называемой элементарной предикации, именуемой в английской грамматической терминологии clause; из-за отсутствия русского аналога этот термин, важный для типологических исследований, был недавно заимствован («клауза», реже «клауз»), но остается весьма нетрадиционным. Клауза может образовывать самостоятельное предложение или же входить в предложение в качестве его части – несамостоятельного предложения, например придаточного, или же какого-либо оборота, например причастного или деепричастного. Семантическая переходность клаузы может быть выражена в разной степени, тогда как с точки зрения традиционной грамматики глагол может быть либо переходным, либо непереходным [Кибрик 2003].

В целом можно говорить о том, что объем понятия («*граница», «переходность», «край», «периферия», «несущественное*»), заключенного в трактовке сущности языковой маргиналии, указывает на недостаточную теоретическую разработанность этой проблемы в рамках лингвистики.

2. ЛИНГВИСТИКА МАРГИНАЛИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ФМ

2.1. Лингвистика маргиналий: постановка проблемы

Можно говорить о том, что лингвистика далеко продвинулась в исследовании языковой маргинальности, однако описание ее проводилось в рамках установленных «инвариантных» теорий и концепций.

Основными категориями маргинальности в научных исследованиях являются понятия «граница» / «край» / «предел», «норма» / «отсутствие нормы», «хаос / порядок», «синкретизм» / «амбивалентность», «динамичность», «человеческое» / «нечеловеческое» / «божественное», «инаковость» / «Другой» / «уникальность», «онтологичность», «эпистемологичность», «переходность», «кризисность», «изнанка» / «зеркальность», «трансцендентность» / «непознаваемость». «Маргинальность предстает как внутренняя характеристика самого бытия, и в особенности человеческого бытия» [Гурин 2001].

Представляется, что использование категорий маргинальности в лингвистике позволит не только расширить предмет исследования, но

вводить новые когнитивные подходы в исследование сущности языка, поскольку все большее значение маргинальность приобретает в теории познания. Прежде всего, маргинальный подход выделяет факт наличия различных форм мышления, а также проблему границ, пределов и способов познания [7]. Выделение такого раздела, как лингвистика маргиналий, которая будет исследовать маргинальные языковые явления и процессы, позволит обнаружить «другую» сложность внутреннего устройства языка, многомерность и нелинейность его системы, его особые динамические и энергетические характеристики.

Особенно важно, что в теории маргинальности наметился переход от социологического и психологического к гносеологическому и к онтологическому взгляду на феномен маргинальности[8]. Таким образом, понятие маргинальности может быть отнесено как к положению и состоянию некоторого объекта в бытии, к его отношению к совокупности других объектов и некоторой системе координат; так и к бытию в целом [Гурин 2001].

Маргинальный характер предмета исследования задает особый методологический аппарат, который включает в себя как классическую парадигму линейного развертывания разного рода систем, так и более поздние теории нелинейных динамик. Идея линейности (эволюции в естествознании и прогресса в гуманитарном знании) в организации мира, основанного на идее унификации путей и форм развития, сменяется идеей

---

[7] Сегодня уделяется большое внимание изучению таких феноменов как невербальное мышление, измененные состояния сознания, интуиция и мистическое озарение, причем их значение выходит за рамки только гносеологии. Маргинальность предстает как гносеологическая категория, обозначающая нечто нелогичное, непрозрачное для сознания, недоступное для познания. Сюда может быть отнесено все непознаваемое, внерациональное, нерациональное, иррациональное, противоречивое, парадоксальное, абсурдное, апофатическое [Гурин 2001].

[8] В онтологии маргинальность может пониматься как характеристика некоторых форм и способов бытия, становления и изменения бытия, т.е. как динамический момент в бытии, а также специфическое положение в бытии, особый онтологический статус, предельное состояние [Гурин 2001].

нелинейности. В современном естествознании эта идея развивается в рамках синергетики, в гуманитарном дискурсе – в философии постмодернизма [9].

Лингвистика маргиналий – это прежде всего расширение предмета исследования, который включает любой вид «экстравагантного» (Цв. Тодоров) дискурса. В качестве расширения предмета исследования можно обозначить те языковые пласты, которые всегда рассматривались как несущественные для прояснения природы языка в силу их количественной незначительности и качественной неоднородности (недоминантно структурированные единицы, заумные формы речи, тексты бредовых и трансовых состояний, тексты с нарушением категорий цельности и связности, «квазиязыки» (футуристы, обэриуты, постмодернисты), «другие» грамматики[10] и пр.).

Однако лингвистика маргиналий – это не только изменение предмета исследования, но и корректировка методологических подходов и принципов, поскольку традиционные методы порой оказываются неадекватными или недостаточными.

2.2. Принципы и методы исследования ФМ

В генезисе формирование ФМ происходит на «пограничных территориях» как в рамках развития коммуникативных человеческих систем, так и в пространстве фоносферы в целом. Положение, когда объект изучения не поддается исключительно лингвистическому истолкованию, приводит к проблеме методологических возможностей интерпретации феномена ФМ.

В самом общем виде современную научную парадигму можно представить как два основных подхода к изучаемому объекту: системные

---

[9] Синергетике, теории изменений и теории катастроф, ассимилирующимся друг с другом, удалось создать целостную теорию развития, которая была подтверждена в области физики, химии, биологии. Выводы этой теории могут успешно использоваться другими областями знания, включая лингвистику. Концепциям самоорганизации удалось выполнить оформленный системными исследованиями «заказ»: в середине 80-х гг. в рамках системных теорий остались неисследованными проблемы развития как системы прерывного и непрерывного, реализуемых и нереализуемых альтернатив, поступательных и повторяющихся, циклически воспроизводящихся моментов и как целостного процесса. Концепциям самоорганизации удалось в полной мере восполнить этот пробел [Ерохина 1998].

[10] Ср., например, в исследованиях по теории синтаксиса Ю.А.Левицкого [Левицкий 2003].

теории и теории самоорганизации. В основе системного анализа лежит принцип системности, в основе теорий самоорганизации – принцип развития[11]. Определим подходы, которые могут быть положены в основу изучения ФМ.

Предмет исследования – ФМ, которые, с одно стороны, одновременно принадлежат биосфере и семиосфере, а с другой стороны, являются пусть особыми, но, безусловно, языковыми знаками – обусловливает специфику методов исследования этих маргинальных сущностей.

В описании феномена ФМ применяется комплексный язык описания. Особо значимым представляется «полуформальный» подход В. В. Налимова, который связан с позицией «метанаблюдателя», находящегося вне наших теоретических построений и воспринимающего все непосредственно [Налимов 1979: 259]. Связь ФМ с природным (биосферным) началом делает актуальным применение синергетических подходов; одновременная принадлежность биосфере и семиосфере обусловливает исследовательскую эффективность фоносемантических методов; лингвосемиотическая природа ФМ адекватно представлена в рамках системно-структурной методологии.

2.2.1. Общая теория систем: системно-структурные принципы. В общей теории систем системный подход представляет собой методологическое выражение принципа системности и общенаучную методологию качественного исследования и моделирования различных объектов как систем.

Системный подход может выполнять функции интегративного характера, особенно там, где не применимы такие обычные методы, как наблюдение или эксперимент, и позволяет найти связь объектов, на первый взгляд не связанных друг с другом. Системный подход может рассматриваться как аналог математики там, где обычная математика

[11] Оба принципа взаимно дополняют друг друга и в действительности образуют единство, отражающееся в познании как единство теорий самоорганизации и системных исследований, которое выражается в том, что первые основываются на методологии и теоретических выводах вторых. Обратный процесс – ассимиляция общей теорией систем, системным анализом и системным подходом методологических находок теорий самоорганизации – пока отстает, что вполне объяснимо, поскольку эти дисциплины акцентируют свое внимание на разных аспектах одних и тех же объектов – систем различных видов [Ерохина 1998].

неприменима, в частности в сфере гуманитарного знания [Гвишиани 1982: 12; Костюк 1993: 22].

Поскольку совокупность ФМ понимается как системный объект, то необходимо установить признаки, которые позволяют отнести объект к категории «система». Система должна обладать следующими признаками: целостностью; наличием двух и более типов связей (пространственный, функциональный, генетический и т.д.); структурой (организацией); наличием уровней и их иерархии, а также управления, цели и целесообразности характера, процессов самоорганизации, функционирования и развития [Афанасьев 1980: 32-33]. Не все перечисленные признаки в системных исследованиях рассматриваются как обязательные для системы. В качестве общесистемных свойств могут выступать только целостность, иерархичность и интегративность.

Другие свойства, приписываемые системам, либо характеризуют только определенный их тип (например, наличие связей со средой присуще исключительно открытым системам), либо являются свойствами описания систем (например, структурность как возможность описания системы через установление ее структуры, а также множественность или сложность описания), либо вообще не могут считаться свойствами систем (аддитивность или неаддитивность [Диалектика… 1988: 15], например, поскольку они отражают не качественные свойства систем, а значения величин) [Ерохина 1998].

Целостность – это общесистемное свойство, заключающееся в том, что изменение любого компонента системы оказывает воздействие на все другие ее компоненты и приводит к изменению системы в целом; и наоборот, любое изменение системы отзывается на всех компонентах системы [Садовский 1974: 173]. Целостность означает также преобразование компонентов, входящих в систему, соответственно ее природе. *Иерархичность* системы состоит в том, что она может быть рассмотрена как элемент системы более высокого порядка [Садовский 1974: 4], а каждый ее элемент также является системой. *Интегративность* представляет собой обладание системой свойствами, отсутствующими у ее элементов [Костюк 1993: 12]; верно и

обратное – элементы обладают свойствами, не присущими системе [Ерохина 1998].

Системный анализ феномена ФМ в самом общем виде можно представить из следующих этапов, которые были выделены как универсальная процедура системного анализа в общей теории систем [Ерохина 1998]:

1) установление качественной определенности системы – общесистемных и индивидуальных свойств;

2) определение типа системы и особенностей ее поведения;

3) выявление главного системообразующего фактора – функции (функций) системы. Функция задается системе извне и показывает, какую роль данная система выполняет по отношению к более общей системе, в которую она включена составной частью наряду с другими системами, выступающими для нее средой;

4) выделение входных элементов (ресурсов) системы. Входы, или ресурсы системы представляют собой компоненты, передаваемые системе из среды. При помощи входов осуществляется влияние среды на систему;

5) изучение структуры системы как единства компонентов и связей, которое включает в себя следующие подэтапы: а) декомпозиция системы – выделение всех ее уровней, вплоть до элементарного; б) изучение структуры подсистем и особенностей элементов системы; в) исследование функций, которые они выполняют в системе;

6) вычленение, количественный и качественный анализ выходов системы (конечного продукта). Выходы, или конечный продукт системы, – это компоненты, передаваемые системой окружающей среде. Посредством выходов система может оказывать влияние на среду;

7) изучение входов, выходов, подсистем в функциональном аспекте. Исследование функциональных свойств ФМ-системы является наиболее значимым для определения маргинальной сущности описываемого объекта;

8) системный синтез: исследование организации системы в единстве структурного и функционального аспектов с оценкой уровня организованности (если это возможно) и его влияния на систему.

Взаимосвязь и взаимозависимость структуры и специфики функционирования ФМ оказывается существенным фактором в организации языкового пространства в целом, а также подсистемы собственно ФМ.

Данный подход рассматривает системы в относительной статике, однако именно системный подход позволил сделать важные выводы относительно закономерностей развития систем, которые получили наиболее широкое освещение в рамках теорий самоорганизации.

2.2.2. Фоносемантика: фоносемантические принципы. Объектом фоносемантики является ЗИС языка, единицы которой обладают необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой непроизвольной фонетически мотивированной связью между фонемами слова и денотатом, т.е. фоносемантика изучает примарную (фонетическую) мотивированность языковых единиц.

ЗИС языка отличают следующие свойства: естественность (неконвенциональность), экстра-интралингвистический характер, гипервариативность, гипераномальность, периферийно-центральный характер (генетически занимала центральное место в системе языка, в процессе эволюции оттеснена на периферию), стохастичность (вероятностный характер), примарная мотивированность [Воронин 1982, 2004].

Поиски *носителя фонетического значения* показали, что им могут быть любые речевые сигналы: *акустический признак* (компактность, диффузность спектра гласного и пр.); *фонема* или *группа фонем*, объединенных общими дифференциальными артикуляторными признаками; *аллофон фонемы*; *сочетание фонем* (фонестемы); *морфема определенного акустико-артикуляторного строения* (инстанты, континуанты. фреквентативы); *слово и словосочетание* (ономатопы, междометия, идиомы, ФЕ); *синтаксические структуры*, выделяющиеся в тексте и создающие ритмический рисунок; *интонемы и частотные контрасты*; *тексты* в широком смысле, от мини-текстов объявлений, названий, рекламы до текста художественного произведения [Павловская 2001: 212-213]. Поскольку ЗИ-единицы имеют

универсальный характер, то в русском материале выделяются те же лингвистические носители фонетического значения.

Основными принципами фоносемантики являются принципы непроизвольности языкового знака, детерминизма, отражения.

Принцип непроизвольности языкового знака предполагает, что языковой знак мотивирован, не-произволен. В языке действуют два основных кода – естественный и конвенциональный. В акте номинации (процесс «изготовления» знака, момент рождения слова) выбирается один или другой признак, который в основе своей непроизволен, а вот выбор конкретного признака денотата является произвольным. Конвенциональный код вступает в силу, когда слово уже обрело свои права в языке (процесс усвоения знака). Ср. например, название *радуги* в русском языке < *рай* «радужный, пестрый» (ср. *раёк* «радужная оболочка глаза») + дуга [Фасмер III, 431]; в древнерусском языке не было слова *радуга,* говорили *дуга*, В. Даль приводит народное название *божья дуга* и *райдуга* [Даль IV]; в украинском – *веселка*, в белорусском *вяселка* < от веселый; в английском – rainbow < rain «дождь» + bow «лук, искривленность». В шаманских культурах радуга понимается как мост, соединяющий небо и землю, и как дорога, по которой шаманы попадают в потусторонний мир. Однако даже этот, казалось бы, различный (внешне произвольный) выбор признака, по которому номинируется радуга, в основе своей содержит два определяющих мотива: соединяющий изгиб (дуга, лук, мост, дорога) и «небесную» радость (веселка, радужный, бог). При внешней «произвольности» выбора признака, который лежит в основе номинации, вариантность этого выбора ограничена либо свойствами самого денотата, либо трансформацией формы и содержания уже существующего языкового знака.

Принцип детерминизма предполагает обусловленность звукового облика слова значением этого слова: зная значение ЗИ-слова, можно предположить его звуковую структуру на уровне фонемотипа в любом языке. Ср., например, обозначение удара в любом языке будет связано со взрывными согласными и / или аффрикатой: ср. рус. ***топ-топ, тик-так, стук***; англ. *dab* «бой барабана», *clack* «стук», *chip* «рубить топором»; груз. *bak-un*-i «топать»;

араб. *DBDB, TBTB, DBK* «стучать, топать»; зулу *di, du* «о глухом стуке»; кирг. *топ* «удар, стук», *чег-чаг* «об ударе топором»; коми-перм. *ман, бута-бата* «о стуке, падении», *туп-ман* «о хождении»; индонез. *detap, tuk* «стук».

Принцип отражения – соответствие между структурой элементов знака и структурой элементов денотата. Ср. рус. ***трень*** «звук струнного инструмента», англ. *strum* «бренчать, тренькать», чуваш. *транн* «звук туго натянутой веревки», где взрывной (т, t) отражает удар по натянутой веревке, струне; вибрант (р, r) – колебание, вибрирование; сонорный носовой (н, m) – тоновое звучание, следующее после удара и вибрации. Звучание колокола или струны (удар о металлическое) : рус. ***дин, дон, бом, бим, бам;*** англ. *ting, tang, bong*; груз. *kumkum-i*; баск. *binban*; кхмер. *ча:нг-ча:нг*; чуваш. *панн, таи*; япон. *pin, pon, chon;* бурят. *тинн;* индонез. *letang;* тур. *dan*, где удар передается взрывным согласным или аффрикатой, следующий за ним тон – сонантами, краткость тонового неудара – следующим за сонантом взрывным согласным.

Основными законами фоносемантики являются законы соответствия, множественности номинации, стадиальности развития языка, относительной денатурализации, доминантности изоморфизма, кросс-уровневой контактности, звукоизобразительной инерции.

Закон соответствия гласит, что языковой знак находится в определенном соответствии с обозначаемым объектом (см. принципы отражения и детерминизма).

Закон множественности номинации говорит о том, что один денотат может быть обозначен более чем одним знаком. Оппоненты теории мотивированности языкового знака считают весомым аргументом в пользу своей точки зрения следующее: если существует связь между значением и звучанием, то одни и те же понятия в разных языках должны иметь одинаковые или похожие названия, тем самым создавая миф об одно-однозначной связи. Однако это положение не является сильным аргументом, ибо в основу номинации может быть положен любой признак денотата (см. принцип непроизвольности языкового знака).

Закон стадиальности развития языка формулирует принципы развития языка: первая стадия – натуральная (в генезисе); вторая стадия – квазинатуральная и натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия – конвенционально-натуральная (в современной синхронии).

Закон относительной денатурализации языкового знака говорит о том, что в процессе языковой эволюции слово утрачивает примарную мотивированность и перестает восприниматься как звукоизобразительное. Однако процесс денатурализации не означает демотивации: происходит преимущественная утрата примарной мотивированности, но не мотивированности вообще. Примарная мотивированность замещается, вытесняется, «компенсируется» семантической и морфологической секундарной мотивированностью [Воронин 1982: 47, 187]. Ср., например, рус. ***вдохновение*** ст. знач. вдыхание < дух [Черных I: 136]; ***инстинкт*** соотн. с и.-е. *(s)teig- см. стегать, постегивать [Черных I: 349]; ***жалеть*** о.-с. *žal- соотн. с и.-е. *g^{u}ēl- «колоть, жалить» [Черных I: 291; Фасмер 2:34]; ***забота*** < зобота связ с зобать «хлебать, торопливо есть» > «то, что ест, грызет» [Черных I: 311]; ***исчезнуть*** соотн. с и.-е. *kes- «резать, бить» [Маковский 85]; ***настоящий, стоять, стоить*** соотн. с и.-е. * (s)thā- «разрывать, сгибать» [Маковский: 353, 98]; ***начало, конец*** соотн. с 1) и.-е. *(s)ken(d)- «рассекать»; 2) и.-е. *kens- «издавать звуки» [Маковский: 58]; ***огромный*** < огром «пространство, на котором слышен звук грома» [ЭИПРЯ 3: 69]; ***кора, корыто, короб, каравай, черта, край, корж, корень*** < и.-е. *(s)ker- *(s)kor- *(s)kr- «резать, долбить» [Откупщиков 2005: 172, 210]

Закон доминантности изоморфизма определяет, что в ЗИС любых двух языков изоморфические черты доминируют над алломорфическими [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982; Павловская 2001], т. е. ЗИ-слова любых языков мира будут иметь больше сходных черт, чем различных.

Закон кросс-уровневой контактности гласит, что единицы разных уровней ЗИС языка могут образовывать единый класс. Специфичной чертой ЗИ-слов является их «свободное» существование в уровневом пространстве языка: один и тот же тип ЗИ-слова может быть выражен, например, и фонемой (***о-о-о*** «вой, плач»), и лексемой (***вой, выть***). ЗИ-функции фонемы /

фонемотипа реализуются в рамках одного слова, целого текста или его сегмента.

Закон звукоизобразительной инерции говорит о том, что ЗИ-функция фонемы сохраняется в диахронии дольше, чем фонетическое качество фонемы. Утратив свое качество в эволюционном развитии языка, закрепившись в различных формах и частях слова и вариантах одного и того же слова (часто воспринимаемых современными носителями языка как омонимы), фонема при этом сохраняет свою ЗИ-функцию.

Основным методом в фоносемантике является *фоносемантический анализ*, который включает следующие этапы: 1) установление у слов наличия / отсутствия «звукового» значения; 2) учет и анализ критериев идентификации ЗИ слов; 3) этимологизация слова с учетом его фонетико-семантических коррелятов в родственных языках; 4) корреляция акустических артикуляторных характеристик единицы с характеристиками денотата для определения мотива номинации; 5) выделение параллелей (звуковой облик и семантика этимологизируемого слова (в неродственных языках); 6) определения наличия / отсутствия и характера звукоизобразительности [Воронин 1982; Климова 1986].

В работе применяется также *анализ звукоцветовых соответствий***,** который включает несколько этапов: 1) подсчет общего количества звукобукв (гласных и йотированных), где ударные считаются за две; 2) статистическая обработка данных и определение доли звукобукв данного цвета на определенном участке текста (строфа); 3) соотнесение цветовой семантики текста с его содержательно-смысловой структурой; 4) интерпретация полученных результатов [Журавлев 1974, 1991].

Метод фоносемантического анализа, введенный автором, – *анализ доминантности ономатопей (ономатопеический метод)* – заключается в следующем: 1) методом сплошной выборки выявляются различные виды ономатопов, функционирующих в тексте (ФА и «нормальные» лексемы); 2) при помощи элементарной статистической обработки устанавливается ЗИ лексическая доминанта ономатопов, где выявляется частотность: а) ФА или «нормальных» лексем; б) акустических, артикуляторных ономатопов или

ономатопов говорения; 3) соотнесение данных по частотности со смысловой структурой текста; 4) интерпретация полученных результатов. Частотность того или иного типа ФМ позволяет установить значимость той или иной фоносферы для автора (звучания внешнего мира, звучания плоти или звуки речи), что позволяет расширить, как будет показано ниже, возможности интерпретации [Шляхова 2003]: посредством этого метода выявляются не столько эстетические, сколько семиотические и генетические основы текста.

2.2.3. Теории самоорганизаций: принципы нелинейных динамик. Теория самоорганизаций, вырабатываемая в современной науке и культуре, рассматривается в рамках синергетики, теории изменений и теории катастроф; в гуманитарном знании – в философии постмодернизма.

Синергетические исследования, относящиеся к разнообразным аспектам бытия, выявили множество феноменов, с одной стороны, явно подчиняющихся определенным закономерностям, а с другой – закономерностям, не являющимся законами детерминизма, который вытекает из ньютоно-картезианской парадигмы. Результатом данных исследований явилось формирование целых научных направлений, описывающих поведение этих феноменов. В их числе можно назвать теорию диссипативных структур, теорию переходных процессов, теорию самоорганизующихся систем, теорию алгоритмов, теорию клеточных автоматов, интуиционистскую математику, теорию категорий, теорию бифуркаций или катастроф [Скляров 2004].

Теории самоорганизаций рассматриваются также как теория нелинейных динамик, которая стремится к взаимодополнению терминологической и содержательной версий синергетики и постмодернизма. Нелинейная динамика позволила установить универсальные сценарии возникновения хаоса из упорядоченного состояния [Малинецкий 2000], в ряде случаев можно говорить и о неких универсальных сценариях возникновения катастроф [Малинецкий, Курдюмов 2001]. Специалисты в области теории хаоса в физике приходят к ряду интересных заключений философского характера: нелинейная динамика открыла дуализм детерминированного и стохастического. Сложные структурные образования в природе являются

одновременно и детерминированными, и стохастическими [Князева, Курдюмов 1994].

Одним из первых к осмыслению нелинейной динамики языка пришел В. В. Налимов, разрабатывая вероятностную модель языка и вероятностную теорию смыслов [Налимов 1979, 1989, 1993, 2002].

Теории самоорганизаций сегодня трудно отделимы от синергетических исследований, в результате чего возникают синергетические концепции самоорганизации, где уточняются критерии для создания моделирующей самоорганизующейся среды [Суворов 2003].

Основные позиции теории самоорганизации: 1) объектами исследования являются открытые системы в неравновесном состоянии, характеризуемые интенсивным (потоковым, множественно–дискретным) обменом веществом и энергией между подсистемами и между системой с ее окружением. Конкретная система погружена в среду, которая является также ее субстратом;

2) среда – совокупность составляющих ее (среду) объектов, находящихся в динамике;

3) различаются процессы организации и самоорганизации. Фактически, самоорганизация представляет собой установление организованности, порядка за счет согласованного взаимодействия компонентов внутри системы при отсутствии упорядочивающих воздействий со стороны среды; организация понимается как упорядочивающие воздействия среды, а также как объект такого воздействия [Ерохина 1998]. Организация, в отличие от самоорганизации, может характеризоваться, например, образованием однородных стабильных статических структур [Суворов 2003];

4) результатом самоорганизации становится возникновение, взаимодействие, также взаимоСОдействие (например, кооперация) и, возможно, регенерация динамических объектов (подсистем) более сложных в информационном смысле, чем элементы (объекты) среды, из которых они возникают;

5) направленность процессов самоорганизации обусловлена внутренними свойствами объектов (подсистем) в их индивидуальном и

коллективном проявлении, а также воздействиями на систему со стороны среды;

6) поведение элементов (подсистем) и системы в целом существенным образом характеризуется спонтанностью – акты поведения не являются строго детерминированными;

7) процессы самоорганизации происходят в среде наряду с другими процессами, в частности противоположной направленности, и могут в отдельные фазы существования системы как преобладать над последними (прогресс), так и уступать им (регресс). При этом система в целом может иметь устойчивую тенденцию или претерпевать колебания к эволюции либо деградации и распаду. Самоорганизация может иметь в своей основе процесс преобразования или распада структуры, возникшей ранее в результате процесса организации [Суворов 2003].

ФМ-система исследуется в методологии теорий нелинейных динамик, где существенными являются такие признаки системы как взаимодействие со средой (фоносферой и языковой системой), наличие процессов организации и самоорганизации, а также спонтанности.

Синергетика представляет собой эвристический метод исследования открытых самоорганизующихся систем, подверженных кооперативному эффекту, который сопровождается образованием пространственных, временных или функциональных структур, т.е. процессов самоорганизации систем различной природы [Хакен 1980; Князева, Курдюмов 1994]. Большинство систем являются открытыми, как, например, биологические и социальные, и редко находятся в устойчивом, равновесном состоянии, поэтому любые попытки понять их в пределах механистического мировоззрения обречены на провал [Пригожин, Стенгерс 1986: 17]. Синергетика является одним из проявлений теорий нелинейных динамик. Изучая законы самоорганизации, самодезорганизации и самоуправления сложных систем, синергетика претендует на универсальное знание законов самоорганизации и развития систем. Однако уже сегодня отмечается

невозможность адекватного определения мира посредством только синергетического подхода [12].

Параллельно с синергетическими исследованиями, развивалась **теория изменений** (Брюссельская научная школа И. Пригожина), в рамках которой была разработана методология и понятийный аппарат исследования процессов движения систем, прежде всего фазы «скачка». Г. Хакен считает, что синергетика «шире» концепции И. Пригожина, поскольку она исследует явления, происходящие в точке неустойчивости, и структуру (новую упорядоченность), которая возникает за порогом неустойчивости [Хакен 1980: 381].

Однако в определенном смысле более широким следует признать подход И. Пригожина, поскольку в его рамках рассматриваются как неравновесные, необратимые процессы, протекающие в открытых системах, так и обратимые, имеющие место в закрытых системах. В целом синергетика и теория изменений уже с трудом отделимы друг от друга, поскольку, будучи очень близки объектами и методами исследования, они впитали понятийный аппарат друг друга. Это особенно характерно для синергетики, поэтому концепцию Брюссельской школы можно рассматривать как синергетическую. Синергетика и теория изменений составили фундамент концепций самоорганизации, на котором уже построены многие физические, химические, биологические теории [Ерохина 1998]. Понятия «развитие»,

---

[12] От «теории всего» – каковой некоторые гуманитарии представляют себе синергетику – не приходится ждать конкретных результатов и методов. Ряд исследователей экстраполирует такую тенденцию и всерьез полагает, что синергетика должна получить статус философской теории, а может быть даже заменить диалектику. Однако те, кто хочет по-прежнему видеть синергетику на твердом естественнонаучном основании и полагают, что философия науки не должна становиться главной частью последней, все чаще склоняются к мыслям о новой парадигме синергетики, пусть не столь общей и простой, но зато более конкретной и глубокой [Малинецкий, Потапов 2000].

«Говорить о глобальном охвате синергетикой всех областей, увы, не приходится. При подобной разноголосице и философской «всеядности» становится очевидной вся бесперспективность дальнейших попыток в рамках синергетики вычленить единые строгие философские принципы, что обусловливается принципиальной несовместимостью материализма с идеализмом в их «классической» форме» [Скляров 2004]. «Синергетика оказалась сейчас перед альтернативой: либо признать себя частной теорией физико-математического содержания, либо доказать свою претензию на универсальность философского масштаба» [Коган 2002: 49].

«эволюция», «рост», которые используются и в линейных теориях, непосредственно связаны с теорией изменения.

Развитие представляется необратимым, направленным, закономерным изменением материи и сознания, их универсальным свойством; в результате развития возникает новое качественное состояние объекта – его состава или структуры. Развитие понимается как 1) реализация новых целей, целенаправленность изменений; 2) процесс адаптации к окружающей среде, что также является лишь его условием – необходимым, но отнюдь не достаточным.

Иногда развитие подменяется его источником – противоречиями системы. Развитие отождествляется с одной из его линий – прогрессом, или усложнением систем, либо одной из его форм – эволюцией. Развитие может идти как по линии прогресса, так и регресса, и выражаться в эволюционной или революционной форме [Ерохина 1998].

Системы и их компоненты подвержены флуктуациям (колебаниям, изменениям, возмущениям), которые в равновесных, закрытых системах гасятся сами по себе. В открытых системах под воздействием внешней среды внутренние флуктуации могут нарастать до такого предела, когда система не в силах их погасить. Фактически внутренние флуктуации рассматриваются в концепциях самоорганизации как безвредные, и только внешние воздействия оказывают более или менее значимое влияние [Климонтович 1986: 64].

В последнее время в это положение вносятся существенные коррективы, касающиеся, в частности, «естественного отбора» флуктуаций: чтобы процессы самоорганизации имели место, необходимо, чтобы одни флуктуации получали подпитку извне и тем самым обладали преимуществом над другими флуктуациями [Концепции самоорганизации …: 1994: 30, 31].

Тем не менее и в этом случае недооценивается роль в движении системы флуктуаций внутреннего происхождения. Лишь теория катастроф указывает на то, что скачок может быть следствием одних лишь внутренних флуктуаций [Постон, Стюарт 1980: 518]. Если в материалистической диалектике недооценивалась роль среды, то в концепциях самоорганизации – роль самой системы (и ее подсистем) в ее развитии [Ерохина 1998].

Теория катастроф (теория бифуркаций). Революция в теориях самоорганизации получила название скачка, фазового перехода или катастрофы. Трудно согласиться с распространенной точкой зрения насчет эволюции системы, отождествляемой то с развитием, то с ростом системы, то с ее прогрессом и регрессом, иногда и со всем перечисленным одновременно, либо с изменением, дифференциацией, а в узком смысле – с количественным изменением [Айламазян, Стась 1989: 42, 48; Моисеев 1982: 8; Майр 1981: 13; Климонтович 1986: 46].

Поскольку эволюция является формой развития, а последнее представляет собой качественное изменение, было бы нелогично понимать под *эволюцией* количественное, постепенное изменение (тем более что количественное изменение отражается понятием *рост*), под эволюцией мы будем подразумевать поступательное, медленное, плавное качественное изменение, а под революцией, как это и принято, – скачкообразное, быстрое качественное изменение [Ерохина 1998].

Встает также вопрос о соотношении понятий «организация», «развитие» и базового для синергетики понятия «самоорганизация». Под *самоорганизацией* понимается процесс установления в системе порядка, происходящий исключительно за счет кооперативного действия и связей ее компонентов и в соответствии с ее предыдущей историей, приводящий к изменению ее пространственной, временной или функциональной структуры [Хакен 1980: 226; Концепции самоорганизации… 1994: 21, 26, 27].

Объем понятия *развитие* более широкое, чем *самоорганизация*, поскольку развитие включает как организующие воздействия среды, так и самоорганизацию; как прогрессивные процессы (которые в основном исследуют концепции самоорганизации), так и регрессивные.

Условия самоорганизующихся и, следовательно, прогрессивно развивающихся систем: 1) система должна быть открытой, т.е. обмениваться со средой веществом, энергией или информацией; 2) процессы, происходящие в ней, должны быть кооперативными (корпоративными), т.е. действия ее компонентов должны быть согласованными друг с другом; 3) система должна быть динамичной; находиться вдали от состояния

равновесия. Главную роль здесь играет условие открытости и неравновесности, поскольку, если оно соблюдено, остальные требования выполняются почти автоматически [Климонтович 1986: 5, 70-72; Курдюмов, Малинецкий 1983: 37; Концепции самоорганизации… 1994: 13. Ерохина 1998].

Когда изменения параметров системы под влиянием внешних или внутренних флуктуаций превышают ее адаптационные возможности, наступает состояние неустойчивости – точка бифуркации, переломный для развития системы момент. Неустойчивость нередко возникает в ответ на введение в систему нового компонента [Переходы... 1994: 20]. Так, неустойчивость ФМ-системы может быть обусловлена введением нового способа означивания (от языка жестов к ономатопее, от ономатопеи – к звукосимволизму, от изобразительного языка – к абстрактному) как нового компонента системы, что каждый раз приводит ФМ-систему к точке бифуркации.

В точке бифуркации неустойчивость усиливается благодаря тому, что всегда присутствующие в системах флуктуации, подавляемые в устойчивом состоянии, в результате нелинейных процессов, выводящих параметры за критические значения, усиливаются и вызывают скачкообразный переход в новое устойчивое состояние с меньшей энтропией, после чего цикл «плавное развитие – скачок», «эволюция – революция», «устойчивость – неустойчивость» повторяется [Ерохина 1998].

Устойчивость и неустойчивость, адаптация, и дезадаптация являются в равной мере необходимыми в процессе развития любой системы. Абсолютно неустойчивая система не может противостоять флуктуациям, лишена способности к адаптации и быстро разрушается. При этом суперустойчивая система, подавляя любые флуктуации, консервирует свою структуру и поведение, не способна измениться качественно, т. е. лишена возможности развития и ее разрушение становится лишь делом времени.

«Если бы неустойчивость была главным свойством во всех системах мира, тогда все было бы хаотично, все распадалось, не было бы возможности

ни контролировать, ни предсказывать будущее» [Князева, Курдюмов 1992: 13].

2.3. ФМ как предмет исследования

ФМ-система как базовая структура ЗИС языка, которая имеет стохастический характер [Воронин 1982], изначально предполагает интерпретацию ФМ не только в рамках детерминизма. Система ФМ является сложной структурой, обладающей как детерминированными, так и стохастическими свойствами. В целом ФМ-системы можно рассматривать как линейные в современной синхронии и статике и как нелинейные – в диахронии и динамике. Возможность принадлежности ФМ-систем к двум системным парадигмам указывает, с одной стороны, на маргинальный характер ФМ; с другой стороны, – на невозможность адекватного описания ФМ в рамках детерминизма.

2.3.1. Определение ФМ. Первой проблемой при описании всякой системы является вопрос о составляющих ее элементах. Единицей описания ЗИС в русистике обычно является либо классически выделяемая на морфологическом уровне языка частеречная единица – ЗП, первообразные междометия, междометные глаголы, глаголы говорения [Швец 1954; Михайловская 1969; Карпухин 1979; Германович 1966; Третьякова 1985], либо единица, интерпретируемая в рамках фонемы [Казарин 2000].

Предыдущие классификации единиц ЗИС языка не выявляет специфики именно фоносемантической единицы, вероятно, поэтому выделенные типы номинируются в традиционной терминологии. Это свидетельствует об изоморфизме ЗИС языка и языковой системы в целом, однако при описании частной системы необходимо выявление не столько универсальных, сколько специфических особенностей системы в составе и на фоне адекватных более крупных или частных систем.

Объективным критерием для определения единицы ЗИС языка является ее осознаваемая или утраченная звукоизобразительность (примарная мотивированность), причем различия уровней функционирования этих единиц не является препятствием включения их в единый класс.

Под ЗИ-словами понимаются «не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью между «звуком и значением», но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется. ЗИ слово – это слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению» [Воронин 1982: 22].

ЗИ-единица отличается примарной мотивированностью, тогда как большинство единиц языка понимаются как немотивированные. Многие ЗИ-слова утрачивают этот признак и вливаются в систему единиц доминантного уровня. Отличие ФМ заключается в том, что они *не утрачивают примарной мотивированности,* сохраняя свой маргинальный языковой статус.

ЗИС любого языка состоит из двух подсистем: звукоподражательной (ЗП) и звукосимволической (ЗС)[13]. Основной проблемой многих исследований является неразличение ономатопеи, составляющей ЗП-подсистему (акустический денотат), и ЗС-единиц, составляющих ЗС-подсистему (неакустический денотат) ЗИС языка. Таким образом, ЗИ-словом будет являться и ЗП-слово (ономатопея), и ЗС-слово, где ЗИ-слово будет родовым понятием по отношению к видовым – ЗП- и ЗС-словам.

ФМ являются важнейшей составляющей ЗИС языка, поскольку являются отправной точкой порождения и развертывания этой системы, служат базой для образования огромного количества единиц, примарная мотивированность который на сегодня утрачена (см. Приложения 1.12; 1.13; 1.14; 2.11; 3.3).

Таким образом, ФМ являются единицами, которые *составляют ядро ЗИС языка.* Отличие положения ФМ от обычных слов заключается в том, что если *в языковой системе ФМ занимают периферию системы*, то в ЗИС языка – являются ее ядром. В современной синхронии ФМ-системы являются

[13] Попытки более или менее системного описания ЗИС русского языка [Шляхова 2003, 2004] показывают, что «белым пятном» в русистике остается ЗС-подсистема. Все исследования представляют лишь сферу акустического денотата (ЗП-слова) русской ЗИ-лексики [Карпухин 1979; Казарин 2000], тогда как неакустический денотат (ЗС-слова) описан лишь частично, на уровне артикуляторной ономатопеи [Шляхова 1991, 2003].

маргинальным языковым слоем, поскольку занимают периферию языкового пространства, состоящего из маргинальных подсистем (детской и патологической речи, зауми и пр.), выходящих за пределы «обычного» языка.

Специфика ФМ относительно обычных слов языка заключается в том, что *на уровне этих единиц происходит нейтрализация закона относительной денатурализации языкового знака*: лишь незначительные процент ФМ отрываются от своего ЗИ-начала. Маргинальность ФМ обусловлена здесь невозможностью этих единиц оторваться от своего начала – проторечевых структур. По нашим данным [Шляхова 2004], 99,94% ФМ в этимологических словарях квалифицируются как примарно мотивированные (см. Приложение 1.1 табл. 1). Лишь 0,06% ФМ оказались деэтимологизированными, что потребовало более сложной процедуры анализа для установления их ЗИ-сущности.

Из 63 корней русских фреквентативов 18 (28,6%) относятся словарями к индоевропейской эпохе, 2 (3,2%) помечены как общеславянские и 43 (68,2%) как звукоподражательные. Именно те корни, звукоподражательность которых не вызывает сомнения, существуют в русском языке в виде ФМ.

И.-е. : **-бра-** < *и.-е.*bher-* “резать, колоть” [Бернекер I: 81; Фасмер I: 206; Черных I: 107]; **-брос-** < *и.-е.*brъk-,*brъs-* “задевать, царапать, чесать” [Фасмер I: 218; Черных I: 112; Бернекер I: 90]; **-брюх-** < *и.-е.*brus-* “вздуваться, кипеть” [Фасмер I: 225]; **-вра-** < *и.-е.*verver-* “говорить приподнято, важно” [Фасмер I: 361]; **-горл-** < *и.-е.*guer-* “жадно глотать, пожирать” [Черных I: 205; Фасмер I: 441; Бернекер I: 369]; **-граб-** < *и.-е. *ger-, *gor-, *gr-, *gere-* “собирать в кучу” [Фасмер I: 449; Бернекер I: 344]; **-дра-** < *и.-е. *der-, *dor-, *dr-* “драть, сдирать, дергать” [Фасмер I: 504; Черных I: 267; Бернекер I: 185]; **-куриц-** < *и.-е. *kau-, *keu-, *ku-* “кричать, реветь, выть” [Черных II: 457]; **-пер-** < *и.-е. *(s)per-, *(s)por-* “проникать, пронзать” [Черных II: 21; **-перх-** < *и.-е. *pers-, *pors-* “прыскать, кропить, моросить” [Черных II: 25]; **-пор-** < *и.-е. *per-, *por-* “проникать, пронзать” [Черных II: 58]; **-пр-** < *и.-е. *(s)p(h)or-, *(s)p(h)er-* “толкаться, дергаться, брыкаться” [Черных II: 65]; **-тер-** < *и.-е. *ter-, *tor-, *tr-, *tri-,*tere-* “сверлить, крутить, тереть, поворачивать” [Черных II: 238; Фасмер IV: 96]; **-терп-** < *и.-е. *(s)ter-,*

(s)tor-, *(s)tr-* “быть, становиться жестким” [Черных II: 238]; **-треп- < *и.-е.* **trep-* “ступать, топотать, мелко шагать” [Черных II: 261]; **-трог-** < *и.-е.* **treg-*, **trog-*, **trg-* “напрягать силы, сила, натиск” [Черных II: 263]; **-хором-** < *и.-е.* **(s)ker-*, **(s)kor-* “резать, рубить, отсекать” [Черных II: 352]; **шерст-** < *и.-е.* **k`er(s)-* “щетина, быть шершавым” [Черных II: 410; Фасмер IV: 431];

О.-с.: **-дерг-** < *о.-с.* ****dreg-*** [Фасмер I: 501]; **-дрист-** < *о.-с.* ****drit-*** [Фасмер I: 538; Бернекер I: 224];

Звукоподр.: ***бар*** [Фасмер I: 123]; ***борм*** [Фасмер I: 195; Бернекер I: 107]; ***брызг*** [Фасмер I: 222; Бернекер I: 93]; ***брюзг*** [Фасмер I: 224; Бернекер I: 95); ***бряк*** [Фасмер I: 225; Бернекер I: 84]; ***бурк*** [Фасмер I: 245; Бернекер I: 102]; ***бурл*** [Преображенский I: 54; Фасмер I: 256]; ***ворч*** [Фасмер I: 356]; ***гарк*** [Фасмер I: 393; Бернекер I: 295, 370]; ***грохот*** [Фасмер I: 462; Бернекер I: 353]; ***гурк*** [Фасмер I: 476]; ***журч*** [Фасмер II: 68; Преображенский I: 239; Черных I: 310]; ***карк*** [Фасмер II: 200; Преображенский I: 299]; ***керк*** [Фасмер II: 225; Бернекер I: 667]; **крик** [Фасмер II: 376; Бернекер I: 616]; ***курл*** [Фасмер II: 426; Преображенский I: 427]; ***курн*** [Фасмер II: 427; Преображенский I: 417]; ***кырк*** [Фасмер II: 440; Бернекер I: 667]; ***торк*** [Фасмер IV: 83]; ***трах*** [Фасмер IV: 23]; фырк [Фасмер IV: 186; Бернекер I: 287]; ***хор*** [Черных II: 352]; ***хорк*** [Фасмер IV: 263; Бернекер I: 401]; ***храк*** [Бернекер I: 401; Фасмер IV: 273]; ***храп*** [Фасмер IV: 274; Черных II: 355; Бернекер I: 401]; ***хрип*** [Бернекер I: 402; Фасмер IV: 276; Черных II: 357]; ***хроб*** [Фасмер IV: 276]; ***хроп*** [Фасмер IV: 278]; ***хру*** [Фасмер IV: 278]; ***хрумк*** [Фасмер IV: 278]; ***хруп*** [Фасмер IV: 278]; ***хры*** [Черных II: 359]; ***хрюк*** [Фасмер IV: 280]; ***хряп*** [Фасмер IV: 281]; ***шарах*** [Фасмер IV: 408; Преображенский I: 88]; ***шарк*** [Фасмер IV: 409; Преображенский I: 89]; ***ширк*** [Фасмер IV: 441]; ***шорк*** [Фасмер IV: 467; Черных II: 420]; ***шорох*** [Фасмер II: 467]; ***шурк*** [Фасмер II: 489; Преображенский I: 112]; ***шурш*** [Фасмер IV: 490; Преображенский I: 112].

Маргинальность ФМ как знаковой единицы заключается, с одной стороны, в ее естественной включаемости в систему мотивированных знаков. С другой стороны, утраченная со временем примарная мотивированность этих единиц и формирование признаков отдельных грамматических

оппозиций позволяют ФМ легко вписываться в систему немотивированных знаков.

Сравни, например, этимологизирование в словарях фразеологизма ***ни бе, ни ме [ни кукареку]*** «ни то ни сё»; «о плохо соображающем человеке» < не знать ни бельмеса [ЭИПРЯ 2: 15]. ***Бельмес*** в выражении *ни бельмеса не понимает* < тур *bilmäs* «он не будет знать» [Фасмер I:149]. Этимологии не указывают на примарную мотивированность этой единицы. Однако их звукоподражательная природа (от подражаний голосам животных *бе, ме* «блеянье, меканье») подтверждается в том числе и факультативным элементом *ни кукареку*. Подобные структуры с тем же значением встречаются в говорах: ***ни рю ни мя [не тронь меня]; ни рю ни мя [ни кукареку]; ни бе ни бя; ни хрю ни рю; ни тпру ни ну; ни ря ни мя.***

Исследование ФМ позволяет выдвинуть предположение о том, что ФМ являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития языка, как в генезисе (натуральная) и диахронии (натурально-конвенциональная), так и в современной синхронии (конвенционально-натуральная). Маргинальность ФМ заключается в их *способности являться адекватной коммуникативной единицей для всех стадий развития языка в диахронии и синхронии*.

Если утраченная со временем примарная мотивированность других ЗИ-единиц позволяет им легко вписываться в систему немотивированных знаков, то *ФМ формируют собою маргинальную подсистему мотивированных языковых знаков.*

Маргинальность ФМ как знаковой единицы заключается в том, что их очевидная мотивированность автоматически вытесняет их на периферию языкового пространства. Это влечет за собою маргинальное присутствие данного материала в языке, в который ФМ не вписываются ни в функциональном, ни в системно-структурном контексте. В системе доминантного научного знания не определяется рамматический статус ФМ. Существование ФМ в соответствии с фоносемантическим законом кросс-уровневой контактности подчеркивает маргинальный статус ФМ как структурной единицы.

ФМ как носитель фонетического значения может являться фонемой, обычно редуплицированной (***у-у-у*** «вой волка, завывание метели»; ***а-а-а*** «крик, плач, пение»), корневой морфемой определенного акустико-артикуляторного строения (инстанты – ***тук, ляп, бот***; континуанты – ***ту-ту*** «гудок паровоза», ***ля-ля*** «пение»; фреквентативы – ***бряк, трам, трень***) или словом (междометия – ***ах, ох, ух***; ЗП – ***гав, бум, тук***; междометные глаголы, слова клича и отгона животных и птиц – ***кис-кис, баля-баля, брысь, кыш***); реже – субстантивом с эмоционально-оценочным суффиксом (***зюрочка-зюрочка*** «подзывание свиней»; ***шурочки-амурочки*** [от *шуры-муры*]) или с флексией множественного числа (***бельки-бельки*** «подзывание овец»).

В рамках ФС-подхода к описанию ФМ можно считать, что ФМ являются примарно мотивированными единицами языка, которые составляют ядро ЗИС языка**,** а также формируют и обусловливают развитие этой системы. Являясь центральной единицей ЗИС языка, ФМ концентрируют в себе фоносемантические признаки языковой единицы, отражают основные принципы и законы сущности и функционирования ЗИС языка. Поскольку ЗИ-слово является языковой универсалией [Воронин 1982], то можно предполагать, что выводы относительно русских ФМ могут носить (с определенными поправками) универсальный характер, т.е. подобные формы в других языках функционируют по тем же законам.

Сама ЗИС обладает свойствами маргинальности, однако даже в рамках данной маргинальной подсистемы ФМ отличаются особым маргинальным статусом – примарной мотивированностью. Маргинальность ФМ также обусловлена, с одной стороны, их универсальным характером (на уровне фонемотипа), с другой, – свойствами языка, к которому данная ФМ принадлежит.

2.3.2. ФМ в категориях маргинальности. Предварительное осмысление предмета исследования в категориях маргинальности позволит обосновать необходимость маргинального подхода к ФМ.

Социологическое понимание маргинальной личности, можно соотнести с социолингвистическим понятием *маргинальной языковой личности*.

Лингвистика обычно рассматривала «чистый» тип русскоговорящего – без возраста и пола (хотя, по данным гендерных исследований, это мужчина средних лет); скорее здоровый, чем больной (остальное – в рамках патопсихолингвистики); неопределенной национальной принадлежности (скорее всего, русский), среднего образования и неясной профессии, но горожанин. В рамках бинарной оппозиции рассматривался «топологический» (диалектный) тип – без возраста и пола (хотя, по данным полевой практики, женщина, чаще немолодая); неопределенной национальности (однако всякую русскоговорящую «записывали» в русский фольклор); желательно плохо образованного; занимающегося крестьянским трудом; житель деревни.

Однако именно лингвистика в числе первых наук, изучающих человека, обратилась к описанию не человеческого инварианта, а многочисленных вариантов, которые антропология относит к маргинальным типам. Сюда относятся «дети и старики, женщины и дикари, дураки и сумасшедшие, алкоголики и наркоманы, инвалиды и преступники, нищие и прокаженные; вообще все непонятное, неприятное и опасное для самомнения среднего буржуа» [Гурин 2001]. В лингвистике давно оформились самостоятельные разделы, изучающие маргинальные типы говорящих, – теория детской речи, гендерная и суггестивная лингвистика, лингвистика измененных состояний, психопоэтика, патопсихолинвистика, социопсихолингвистика и пр.

ФМ, как показано ниже, являются одним из показателей маргинальной языковой личности, поскольку характерны, прежде всего, для детской речи и речи в состоянии измененного сознания или эмоционального стресса.

Ср. из речи: 1) средних школьников (мальчики): а) городские: *Короче, чувак крутой. Он ему* ***бац*** *по голове, а тот из пистика* ***пах-пах пах!*** *А тот* ***бджих*** *– по веревке вниз! Там –* ***бабах!*** (пересказ боевика); *Мы порох взяли, подожгли, а он –* ***бабах****, все –* ***бжих*** *в стороны. А я, как дурак,* ***хлоп*** *на землю, прямо в лужу. Вот смеху было;* б) деревенский: *Мы на автобусе-то поехали, дак* ***ой*** *только трясло.* ***Бот-бот*** *голова-то, девки* ***ха-ха-ха****, голова-то* ***бот-бот. Хлоп*** *– одна повалилась,* ***хлоп*** *– другая.* ***Ой****, еле доехали* (Юм Куд.);

2) солдата: *Васильев и Мингалиев говорили об одном. – Оружейку открыть – делать нечего…Патроны в ящике? Ладушки. В караулку –* ***тук-тук****: «Сынок, отворяй, это я, дедушка Васильев». Что не откроет? Да мухой откроет…* ***Тырц*** *– в пятак,* ***бемц*** *– с копыт,* ***скок*** *– к ящику… Вот они, автоматики… Дивизион положить – делать нечего… А потом уж себе в лоб –* ***чпок*** *– гуляй Вася.* ***Чирик-****пиздык-комарики* (А.Картушин. Отдай автомат).

Однако данные формы речи непосредственно связаны в том числе и с интеллектуальным и эмоциональным состоянием говорящего.

Предметом маргинальной антропологии является установление антропологических границ: границы каждого человека, его тела и сознания; границы человеческого бытия, на пределе которого начинается не-человеческое.

Только ФМ (артикуляторные ФМ) отражают в языке *физиологическое бытие* человека в своем отприродном (полуживотном) смысле; на уровне ФМ существует маргинальная зона, переход через которую, в сущности, знаменует собою переход от полуживотного бытия к человеческому.

Но обыденное бытие семиотизируется в такой степени, что выходит на гносеологический и онтологический уровень. Показательным в этом отношении является исследование К. А. Богданова, где фольклорные импликации чихания рассматриваются в качестве объекта коммуникативной рефлексии. Уже в библейском и гомеровских текстах упоминания о чиханье – при всем их различии – представляются схожими в главном: и в том и в другом случае упоминается обыкновенное явление, предваряющее экстраординарное событие. Чихание воспринимается как результат божественного промысла и божественного творения. Но коль скоро сам этот промысел остается для человека неисповедимым, чиханье – как явление, известное человеку по его собственному опыту, – знаменует то, что человеческим опытом не объясняется и не определяется. В ряду приводимых автором примеров вера в чиханье, в общем и целом, расценивается как вера в божественное провидение или в случай. Вера во встречу, сны или птичий грай также инициируется семантикой и прогностической функцией

случайности, но аналогия эта частична: случайность, с которой имеет дело чихающий, связана с самим человеком, обнаруживающим в акте чиханья парадоксальную природу своей метафизической зависимости [Богданов 2001].

Смех также переходит в ментальную, религиозную, политическую парадигму бытия. Так, в православии смех всегда считался греховным. Еще Иоанн Златоуст заметил, что в Евангелии Христос никогда не смеется. В XVI-XVII вв. официальная культура отрицала смех, запрещала его как нечто недостойное христианина. С другой стороны, можно вспомнить физическое истребление скоморохов на Руси, а в петровское время – уже и юродивых. В восточном христианстве, в Византии, затем на Руси (с XIV в.), сложилась специфическая форма смеховой культуры – юродство. Она не имеет аналогов на Западе, в европейских языках нет слов для адекватной передачи этого понятия (исследователи обычно называют лишь один типологический аналог византийско-русскому юродивому в западной культуре – это святой Франциск Ассизский) [Панченко 1984: 122].

На границе между человеческим и не-человеческим ФМ формируют коммуникативные коды как с животными (слова-обращения к животным и птицам), так и потусторонним миром (через глоссолалии). ФМ имеют непосредственное отношение к пограничным феноменам человеческого бытия (состояние измененного сознания), пограничным фигурам (например, фигура медиатора между этим и потусторонним миром), *пограничным состояниям маргиналов* (транс, одержимость, радение и др.).

Понятие маргинальности непосредственно связано со *специфическими духовными и интеллектуальными практиками.* Функционирование ФМ связано с подобными практиками в религиозно-мистическом (кликушество, пророчество, мистическое сектантство), фольклорном и литературном пространстве (заумь).

Поскольку ФМ являются той зоной, которая наиболее рельефно отражает потустороннее, сакральное бытие человека, то, прежде всего, «необходимо пристальное рассмотрение феноменов обыденного бытия (сон, еда, любовь, опьянение, игра, праздник, драка), в глубине которых

обнаруживается нетривиальное содержание, не схватываемое рациональным мышлением, проявляются древние архетипы и символы, просвечивают фундаментальные основания бытия, отражается сакральное начало» [Гурин 2001].

ФМ-систему можно рассматривать как ту языковую частность, которая поддается описанию в том числе и в метафизических терминах, что связано с функциональной спецификой ФМ. ФМ-системы связаны с миром трансцендентного, «другого» времени и пространства, сверх-бытия. Так, на уровне заумной речи проходит граница между сознательным и бессознательным, контролируемым и неконтролируемым, человеческим и Божественным, сакральным и профанным. При этом показательно, что те же ФМ являются материальными метами трансформации личности, нарушения психики (глоссолалии, бред, транс, другие измененные состояния).

Маргинальные антропология и фольклористика актуализируют исследование именно «обыденного бытия», «социальной повседневности», где обнаруживается «семиотическая эффективность как ретроспективного, так и прогностического порядка» [Богданов 2001]. Именно ФМ являются языковой зоной «*социальной повседневности*», с одной стороны, бытуя преимущественно в живой устной речи, с другой стороны, эти единицы рассматриваются как «ущербные», недостойные «высокого» языка, что еще раз указывает на их обыденность, интеллектуальную «убогость». Не только в сновидениях или действиях сумасшедших, но и в самых привычных и обыденных ситуациях можно обнаружить универсальные мифологические сюжеты, следы нечеловеческих сил, присутствие Божества и близость небытия [Гурин 2001].

С другой стороны, как показывает наш материал, ФМ являются наиболее типичным кодом в артикуляции *сакрального начала бытия*, функционируя преимущественно в ритуальном, религиозном, игровом дискурсах.

Предметом пристального внимания маргинальных научных парадигм всегда является *уникальный, специфический, неповторимый* и необратимый опыт человеческого бытия. ФМ одновременно с высокой степенью семиотичности сохраняют свой уникальный, часто единичный статус, что

проявляется в фонетической, семантической, морфологической гипервариативности, которые не разрушают универсальной (на уровне фонемотипа, структуры и семантики) природы этих единиц. Уникальность ФМ заключается в том, что их функционирование связано с переживанием опыта, который имеет место «лишь в экстремальных и пограничных ситуациях (таких, как рождение и смерть, болезнь и катастрофа, смех и плач, восторг и ужас, боль и удовольствие, гениальность и сумасшествие, самоубийство и преступление), и его главными чертами являются неповторимость и необратимость» [Гурин 2001].

Исследование речи в *измененных состояниях сознания* также позволяет открывать новые закономерности в функционировании языка и обнаруживать альтернативные способы его существования.

Культурологическое понятие маргинальности как *периферийная художественная программа индивидуального специфического* поиска также непосредственно связана с ФМ в поэтической зауми. Исследование лингвистической природы *зауми*, которая до сих пор остается зоной недостаточной лингвистической рефлексии, является не менее актуальным. Недостаточная изученность зауми, на наш взгляд, связана в том числе и со слабой возможностью интерпретировать заумь в рамках классической линейной парадигмы научного мышления. Заумь обычно исследовалась в поэтике, тогда как еще Б. Эйхенбаум говорил о том, что «футуризм есть явление больше порядка психологически-языкового, чем эстетического» [Эйхенбаум 1986: 327]. Маргинальные художественные парадигмы (футуристы, обэриуты, чинари, постмодернисты), с трудом интерпретируемые в контексте традиционной лингвистики, определяются чаще через философию, поскольку «филологи не имеют *средств*, чтобы идентифицировать философию у обэриутов, а философы не имеют *желания* этим заниматься». Филолог, если он осознает границы собственной дисциплины, отходит в сторону, когда приходит философ и говорит: я знаю, как это понимать. Если он «приходит» [Подорога 1993: 7, 141].

Все так называемые маргинальные парадигмы лингвистики начала XX века имеют непосредственное отношение к ФМ, поскольку связаны с

проблемой мотивированности языкового знака: «лингвистический модернизм», «языковедный андеграунд» А. Крученых, В. Хлебникова, А. Туфанова, Я. Друскина, Л. Липавского [Шляхова 2003].

Введение маргинальных форм речи в предмет исследования лингвистики и расширение методологической базы их анализа позволит прояснить многие аспекты бытия доминантной языковой парадигмы. Если лингвистику маргиналий понимать как расширение предметной области исследований языка, то она не противостоит классической лингвистике, а лишь дополняет ее.

3. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

В контексте доминирующего научного знания по отношению к доминантной и маргинальной языковым сферам можно говорить о доминантном, реальном, актуальном языковом пространстве и о маргинальном, гипотетическом, потенциальном пространстве звукоизобразительной сферы языка, которое формируется и существует на базе ФМ. Так, в рамках лингвосемиотики можно обозначить актуальную область немотивированных и маргинальную сферу мотивированных языковых знаков. Потенциальная сфера в рамках «маргинальных» языковых концепций (фоносемантика, фоносемантическая этимология, лингвогенетика, коммуникативная онтология языка) стремится к «поглощению» актуального немотивированного пространства.

В реальном функционировании мотивированность языкового знака осознается лишь на уровне ФМ, число которых по отношению к «немотивированным» знакам невелико, что и приводит к вытеснению ФМ на периферийные позиции в языке. Доминирующая языковая структура не может быть «поглощена» потенциальной ЗИ-сферой, поскольку потенциальная структура (изначально доминирующая) с течением времени утратила собственный идентифицирующий фактор (примарная мотивированность).

Установление (восстановление) этого идентифицирующего фактора затруднительно даже в рамках научного дискурса, поскольку доминирующие научные парадигмы отторгают маргинальные формы как разрушающие

идеальность, структурную целостность языка. Ср., например, выведение из системы языковых знаков звукоподражаний в теории Ф. де Соссюра, незначительность исследований и фиксации звукоподражаний и междометий, их «невписываемость» в классическую грамматику и пр.

С другой стороны, безусловно архаичная природа ЗИ-единиц, а, следовательно, бесконечный ряд семантических, фонетических, структурных трансформаций, приводит к тому, что путь к «чистой» протоединице во многих случаях утрачен, вероятно, навсегда. Однако современные исследования показывают, что историческая сохраняемость будет сравнительно выше у слов относительно более древних, полисемичных, высокочастотных, а также у слов с более абстрактной лексической и категориально-грамматической семантикой и простых в словообразовательном отношении (например, у корневых) в сравнении с аффиксальными и сложными производными [Поликарпов 2001]. Все вышеперечисленные признаки (полисемичность, «корневой» характер структуры) отличают ФМ, что позволяет рассматривать их как сохраняющие ранние черты человеческих коммуникативных систем.

В современной синхронии за пределами доминантных структур остается огромная «потерянная», «утраченная территория», «заросший пустырь» – некогда очевидная, а сегодня лишь гипотетически моделируемая языковая сфера, – сфера предполагаемых знаков, значений, единиц, обусловленных законами звукоизобразительности. Актуализация этого утраченного пространства возможна силами маргинальных явлений как наиболее соответствующих принципам универсальности, архетипичности и относительной стабильности как в синхронии, так и в диахронии.

Потенциальное пространство ЗИ-сферы языка не изоморфно современной языковой доминанте и не может быть представлено как ее онтологичное свойство. Оно предполагает иную онтологию и постигается в современных условиях лишь эмпирическими методами, чему и служат маргинальные структуры. «Невыразимость» утраченного гипотетического ЗИ-пространства в рамках доминантных научных систем, невозможность его языковой квалификации предполагает несколько путей его освоения: один

принцип освоения – эмпирическое постижение маргинальных явлений, другой – корректировка традиционных для лингвистики методологических подходов. Тем и другим занимается фоносемантика. Подчеркнем, что многие исследователи говорят об определенной «заскорузлости», часто немотивированной аксиоматичности некоторых привычных научных постулатов.

В то же время отказ от хорошо отлаженных теоретических и методологических механизмов классической лингвистики также не может привести к корректным результатам, поскольку смена ракурса исследования не приводит к разрушению системно-структурных и функциональных свойств языка, установленных в рамках доминантных научных парадигм.

Можно полагать, что в будущем возможно оформление самостоятельного раздела – лингвистики маргиналий, предметом исследования которой будут являться те языковые сущности, которые не вписываются в парадигму современного лингвистического знания и не поддаются адекватному описанию в рамках традиционной лингвистической методологии.

Глава II. ЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА (КОСМОС) ФМ-СИСТЕМЫ

В общесистемных исследованиях выделяется два аспекта в определении системы. Дескриптивное (описательное) определение отвечает на вопрос о том, как отличить системный объект от несистемного; а конструктивный подход – на вопрос о том, как строить систему путем выделения ее из среды (рассмотрения входов, выходов, процессора, цели и функции) и основан на рассмотрении структуры системы, определяемой ее функцией. Описание системы через входы и выходы иногда называют внешним [Касти 1982: 19], поскольку оно дает понимание связей системы с окружающей средой. Входы (ресурсы) ФМ-системы представляют собой компоненты (реальные звучания), передаваемые системе из среды. При помощи входов осуществляется влияние среды (фоносферы) на ФМ-систему. Выходы (конечный продукт системы) – компоненты, передаваемые системой

окружающей среде (ФМ) и оказывающие влияние на языковую систему или альтернативные формы человеческой коммуникации.

Для определения системы необходимо выявление главного системообразующего фактора – функции (функций) системы, которая задается системе извне и показывает роль данной системы по отношению к более общей системе, в которую она включена составной частью наряду с другими системами, выступающими для нее средой. Для достаточного функционального описания системы необходимо исследование среды ее функционирования.

Функциональная организация системы обусловлена отражением, т. е. свойством материальных систем в процессе взаимодействия запечатлевать и сохранять в своей структуре следы воздействия других систем [Абдеев 1994: 156]. Обоснование понятия фоносфера, которая является средой для ФМ-системы, позволяет обнаружить процесс взаимодействия двух материальных систем – фоносферы и лингвофоносферы.

Аргументировать обусловленность структурной организации преимущественно внутренними, а функциональной – внешними связями системы можно тем, что компоненты системы, пополняясь за счет среды, в силу ее целостности преобразуются соответственно ее природе, а функционирование системы представляет собой процесс выполнения системой функции, задаваемой ей средой [Ерохина 1998]. Описание системной среды ФМ позволит уточнить функционирование и структурные особенности ФМ-системы. В качестве системной среды ФМ-системы в работе рассматриваются языковая система (внутренняя среда) и фоносфера (внешняя среда).

1. ФМ-СИСТЕМА В ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ СИСТЕМНОЙ СРЕДЫ ФМ

1.1. Типология русских ФМ

В разделе представлено ФС-описание компонентов и элементов ФМ-системы в рамках ЗП (артикуляторные, акустические ФМ и ФМ говорения) и ЗС (звукосимволические ФМ) подсистем ЗИС языка.

1.1.1. Проблемы типологии. К. С. Аксаков в «Опыте русской грамматики» (1860) начинал грамматическое учение с рассуждения о звуке, поскольку «первый вопрос грамматики заключается в том, вследствие каких законов слово человеческое, выражая мысль, приняло такие и такие формы» [Аксаков 1860, 2: 6]. Звук – субстанция, которая определяет бытие всего сущего. Звуки подразделяются на внешние (звуки природы и окружающих предметов) и внутренние (издаваемые животными и человеком); неорганические и органические. К. С. Аксаков дает почти точную ФС-классификацию, выделяя удар (*стук*), шум и тон (*голос*). Ср. также классификации А. М. Газова-Гинзберга (внешнее и внутреннее звукоизображение), С. В. Воронина (акустические и артикуляторные ономатопы; классы ономатопов – удар, неудар (шум, тон), диссонанс) [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982].

Первую попытку систематизации русских ЗП сделал С. А. Карпухин [Карпухин 1979], предложив несколько классификаций: 1) *стилистическую*: традиционные, малоупотребительные, специального характера (орнитологические); 2) *структурную*: простые (один слог) и сложные (два и более слога). Вслед за А. И. Германовичем С. А. Карпухин предлагает *семантическую* (по денотативной соотнесенности) классификацию: подражания непроизвольным звукам человека, голосам животных, голосам птиц, звуковым явлениям природы, неодушевленных предметов [Германович 1961; Карпухин 1979]. Классификации охватывают незначительную область сферы акустического денотата, поскольку квалифицируются ЗП, но не включаются многие первообразные междометия и междометные глаголы.

Ю. Казарин предложил классификацию ЗИ-единиц на основании денотативной соотнесенности в сфере акустического денотата, т. е. также предложена классификация единиц ЗП-подсистемы. Достоинством этой классификации является структурирование акустической сферы и ее отражение на языковом уровне [Казарин 2000: 163]; в целом классификация не идет дальше предложенного С. А. Карпухиным. Важным представляется выделение Ю. Казариным «общих денотативных зон» в сферах живой и неживой природы («звуки, производимые в процессе движения, падения,

полета и т.п.») и между звучаниями зоо- и антропофактов («звуки, производимые голосовыми связками животного и человека, а также вообще живым организмом»).

За пределами названных классификаций остается ЗС-подсистема. Но существенным недостатком классификаций является разрыв взаимосвязи содержания и его формального выражения. Группы ЗП выделяются на основании семантического критерия, тогда как соотношение звуковой оболочки единицы с ее содержанием (принципиально значимая черта) не учитывается, т. е. предлагается семантическая, а не фоносемантическая классификация.

Более естественной представляется типология по отношению к денотату с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов (в первую очередь акустики и психоакустики). Если для изображения звуков, производимых человеком, эта возможность «чрезвычайно проста, т. к. имитацией естественного звука, производимого человеческим ртом и носом, является в сущности его намеренное повторение, воспроизведение, очень мало страдающее в отношении натуральности (например, чихание, хохот)» [Газов-Гинзберг 1965: 27], то в других случаях «человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленить неартикулируемый поток звуков на фонемно-членимый комплекс» [Серебренников 1977: 182].

Признак звука, лежащий в основе номинации, может иметь артикуляторный и акустический характер, на основании чего выделяются артикуляторные («внутреннее» звукоизображение) и акустические («внешнее» звукоизображение) ономатопы [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982]. На основе анализа ЗИ-слов целого ряда неродственных языков выделены достаточно объективные критерии для «опознания» ЗИ слова [Воронин 1982].

1.1.2. Фоносемантическая типология русских ФМ основана на универсальной типологии ономатопов, предложенной С. В. Ворониным [Воронин 1982], а также типологии русских ономатопов [Шляхова 1991, 2003]. В работе представлена расширенная типология русских ФМ за счет введения группы ФМ говорения.

Звукоподражательная подсистема ФМ

ЗП-подсистему составляют ЗП (ономатопея), в основе которых лежит закономерная, не произвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и лежащими в основе номинации звуковым признаком денотата (***плюх, тук-тук, динь-динь***). ЗП-подсистема представляет в языке акустический денотат, который включает несколько классов и типов звучаний. Акустическими параметрами [высота, громкость, время, периодичность колебаний, диссонантность] звучания-денотата обусловливается выбор того или иного типа фонем, входящих в состав ЗП-слова. В основе номинации лежат признаки объектов, воспринимаемые в слуховой модальности человека.

Акустические ФМ

Фоносемантическая сущность акустических ФМ, под которыми понимаются единицы, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные звучания внешней среды (***бах, кап-кап, динь-динь, шу-шу***).

Среди акустических ономатопов выделяется три класса типов звучаний: А. *Удар* (недиссонанс). Б. *Неудар (тон, шум)* (недиссонанс). В. *Диссонанс* (диссонирующие удары, собственно серии ударов и диссонирующие неудары). Класс А и класс Б противопоставлены друг другу (удар / неудар), а класс В являет собою тип звучания, «промежуточный» между классом ударов и классом неударов. Сочетания типов звучания образуют два гиперкласса: АБ (совмещает черты класса ударов и класса неударов и тяготеет к классу ударов) и ВАБ (совмещает черты всех трех классов и тяготеет к классу диссонирующих ударов).

Соответственно выделяется девять типов звучаний: 1. Удар; 2. Тоновой неудар; 3. Чисто шумовой неудар; 4. Тоношумовой неудар; 5. Квазиудар; 6. Чистый диссонанс; 7. Тоновой квазинеудар; 8. Чисто шумовой квазинеудар; 9. Тоношумовой квазинеудар. На языковом уровне им соответствуют три класса и два гиперкласса ономатопов: А. Инстанты; Б. Континуанты; В. Фреквентативы (квазиудары, чистые диссонансы, квазинеудары); АБ. Инстанты-континуанты; ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты.

В классах и гиперклассах выделяется ряд типов, которые соответствуют различным видам акустического звучания денотата [Воронин 1982].

Состав русских акустических ФМ. Русская ЗП-подсистема представлена тремя классами и двумя гиперклассами ономатопов, которые включают 18 типов-моделей [Шляхова 1991, 2003]. Русские ФМ лежат в основе всех выделенных классов и типов (см. Приложение 2.1; 2.12).

Анализ 360 акустических ФМ показал, что наиболее частотны в русской ЗИ-сфере классы ударов (А, В, АБ, ВАБ), которые в целом составляют ~ 84% всего состава этого класса: класс неударов (тон, шум) составляет ~ 15% (см. Приложение 2.4 табл. 12).

При этом чистый удар – класс А (***тук, тюк, тяп, чик, чак, кап-кап, тик-так*** «звук удара»; ***чап-чап, топ-топ*** «хождение») и диссонирующий удар – класс В (***бряк, хроп, хряп, стуки-бряки*** «удар, падение, стук», ***тыр-тыр, туры-тары, буры-бары, бары-бары, др-р-р*** «звук работающего механизма», ***бур-бур, бурл-бурл*** «бурление, движение жидкости», ***хрупы-храпы, шабар-шабар, чирк, шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары, хрусь, хруп*** «хруст, треск, скрип, шуршание, скрежет», ***шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары*** «о хождении») представлены приблизительно одинаково (19,4% и 19,7% соответственно).

Наиболее частотными (36,9%) являются ФМ класса АБ, где удар и тон одинаково значимы (***бом, бон, бам, балды-колды, тиль-тиль, тини-бони, бум-бум, баум, боум, бацм, динь-динь, тинь-тинь, блям-блям, динь-ом, дон-дон, бем-бем, бом-бом, боум-боум, длянь, дзинь*** «удар о металлический или стеклянный предмет, звон колокола»; ***бац, буц, бах, бух, чох, плюх, бжих, бабах*** «звук удара, удар, падение»; ***бум, пинь, пьнь, пиль, бух, бац, пах-пах, пиф-паф, бах-бах, тах-тах-тах, таф-таф, бабах, чах-чах*** «звук выстрела, взрыва»). Менее частотно (8,1%) представлен класс ВАБ – сложный тип акустического звучания, сочетающий удар, тон, шум и диссонанс одновременно (***брень-дрень, брень, брям-брям, трям-трям, трень-трень, трень-брень*** «о струнном музыкальном инструменте»; ***хлесь-хабаресь, трах, тресь, хрясь, хресь, трах-тарарах, трах-тах-тах, грох***

«отрывистый, сильный раскатистый звук; звук выстрела, взрыва, удара, падения»; ***труси-тряси, хрясь, хресь*** «хруст, треск»).

Возможно, это обусловлено сложностью воспроизведения фонемными средствами акустического звучания с одновременным воспроизводством разных типов звука (артикуляторные возможности человека ограничены), а также малочастотностью данного типа звучаний в реальности или пределами физиологических возможностей человека в аудиальном восприятии мира.

В целом можно сказать, что русское ухо плохо воспринимает диссонирующие и / или акустически сложные звучания, при этом «диалектное» ухо гораздо тоньше дифференцирует акустическую природу мира. Однако в любом случае именно ударная природа звучаний является наиболее значимой для сферы русских ФМ: акустические ФМ составляют 23% исследованного материала (см. Приложение 2.10 табл. 18).

Этимология акустических ФМ. ФМ часто фиксируются этимологическими словарями в качестве «фонового» материала для этимологизации «полноценных» лексем. Из 360 акустических ФМ около 10,3% в этимологических словарях славянских языков имеют помету «звукоподр.» (см. Приложение 1.3 табл. 3). Из всех представленных в словарях ФМ только в 0,3% (1 единица) ФМ не помечена как звукоизобразительная.

Около 43,2% акустических ФМ не отражены в этимологических словарях, но входят в состав корня обычных лексем, которые этимологизируются как звукоподражательные. При этом 46,5% исследуемых ФМ не представлены в словарях ни в виде ФМ, ни в составе корня родственной лексемы.

Использование данных фоносемантической этимологии позволяет говорить о том, что все исследованные акустические ФМ имеют ЗИ-источник происхождения [Шляхова 2004]. 99,7% акустических ФМ, представленных в этимологических словарях славянских языков, примарно мотивированы.

Этимологическая семантика акустических ФМ. Анализ показывает, что акустические ФМ относятся к наиболее древнему языковому пласту: старшие значения этих единиц сохраняются неизменными даже в случае

утраты ФМ в чистом виде и ее реализации лишь в качестве корневой морфемы.

В этимологических словарях при помете «звукоподр.» отсутствуют указания на эпоху происхождения этимологизируемой единицы. Если ЗИ-корень фиксируется, то он помечается как и.-е., что также указывает на древнюю природу акустических ФМ. Лишь 0,6% (2 корня) исследуемых ФМ относятся к общеславянской эпохе развития языка.

Фиксация и.-е. ЗИ-корня происходит в 11,2% этимологий акустических ФМ. Из них 6% корней имеют помету «звукоподр.», 5,2% корней имеют семантику «бить, тыкать, резать, колоть, толкать», а 0,3% (один корень) – семантику «крутиться». Например, ***бодь*:** < *бодать* < и.-е. *bed-: *bod- «тыкать, бить, колоть» [ЭССЯ II: 154; I: 179; Черных I: 81; Фасмер I: 143]; ***буль*:** < и.-е. *bhol-: *bhul- «звук бульканья» [Черных I: 116; Фасмер I: 226]; ***гр*** «раскаты грома»: ср. звукоподр. *гроза* **<** первоначальное звукоподр. *g-rg-: *g-r-g- [ЭССЯ 7: 141]; звукоподр. *гром*, возводимое к и.-е *ghrom вместе с лит. *grameti* «падать с грохотом», от корня *gr- [ЭССЯ 7:138]; ***долб*:** связ. с *долбить* < и.-е.*dhelbh- «копать, выдалбливать». Др. ступень чередования *долото* < и.-е. *delb – dolb [Фасмер I: 526; Черных I: 262]; ***толк*:** ср. *толкать* связ. с *толочь* < и.-е. *telek-: *telk- «толкать, крошить» [Черных II: 248]; ***тук*:** < и.-е. *(s)teu-k-: *(s)tou-k-: *(s)tu-k-«тыкать, толкать, отбивать, ударять» [Черных II: 246]. Др. ступень чередования *тыкать* [Фасмер IV:130]; ***щёлк*:** ср. звукоподр. *щёлкать* [Фасмер IV: 501]; **2)** < и.-е. *skel- «шуметь, звучать, звенеть» и «ударять, бить» [Черных II: 432].

Семантика акустических ФМ сохраняется неизменной на протяжении известного нам времени существования данных единиц.

Артикуляторные ФМ

Фоносемантическая сущность артикуляторных ФМ. Артикуляторные ономатопы (фоноинтракинемы) относят к ЗС-подсистеме ЗИС языка: «фоноинтракинемы содержат звуковой (фонический) компонент, который, однако, в них вторичен, производен; принципиальные особенности их определяются не им, а артикуляторным компонентом. Поэтому кинемы более справедливо рассматривать в рамках неакустического денотата»

[Воронин 1982: 74]. Артикуляторные ономатопы номинируют звуковые процессы, происходящие в полостях носа, рта и горла человека: рефлекторные (сопровождающие те или иные ощущения) и «выразительные» (сопровождающие эмоции) движения. «Одни и те же движения могут выступать и как рефлекторные движения (в ответ на сенсорный стимул), и как «выразительные» движения (при эмоциях)» [Воронин 1982: 72]. Являясь социально и исторически обусловленными, «выразительные» движения генетически восходят и в значительной мере продолжают иметь условно рефлекторный характер, что позволяет рассматривать их в рамках артикуляторной ономатопеи.

Здесь также можно говорить об общей денотативной зоне, свойственной знаковому, социально обусловленному (условно-рефлекторному) и «формальному», несемиотическому, обусловленному биологически (рефлекторному) движению. Фоносфера артикуляторной ономатопеи лежит на границе биологической и семиотической сфер, что указывает на маргинальный характер ФМ в генезисе. Ср., например, крик как биологическая реакция в онотогенезе. Становление речи ребенка начинается с крика. Крик новорожденного – побочное, несущественное следствие врожденных синергий (сложных движений), т.е. безусловно рефлекторных реакций [Винарская 1983]; сигнал, составляющий предпосылку для дальнейшего общения. В возрасте 2,6 – 3 месяцев первоначальный крик как бы дифференцируется на крик удовольствия (вокализации гуленья), возникающий в эмоционально-положительных ситуациях (ребенок сыт, у него ничего не болит), и крик неудовольствия (собственно вокализация крика), появляющийся при отрицательном эмоциональном состоянии (боль, голод). С этого времени к чисто рефлекторным реакциям ребенка прибавляется и первая социальная – реакция на общение с матерью. На данной стадии формируются симптомы положительного и отрицательного эмоционального состояния ребенка [Лепская 1997: 9-11].

Еще К. П. Зеленецкий писал, что «порыв духовной природы человека к мышлению необходимо сопровождался благороднейшим порывом его телесного организма и выразился в нем. При этом необходимо должно

различать чувствование от ощущения, из коих последнее не характеризует еще собою человека, а свойственно и животным. Если же ощущение и выражается в звуках, то все-таки не междометиями, а диким, нечеловеческим воплем» [Зеленецкий 1977: 77-78].

Материал показывает, что для ФМ семантика крика является типичной, причем крик связан как с физиологическими реакциями (боль, облегчение от боли), так и с разнообразными эмоциональными состояниями и оценками. Более того, семантика крика в ФМ связана с различными физиологическими актами (ср., например, значение редуплицированного **О** [часто с назализацией] в русском языке (см. Приложение 3.1).

Состав артикуляторных ФМ. Среди артикуляторных ономатопов выделяется три класса (А. *Носовые.* Б. *Ротовые.* В. *Горловые*), которые включают 36 типов [Воронин 1982]. На уровне русских ФМ выделяется три класса и 34 типа (см. Приложение 2.2). Анализ 183 артикуляторных ФМ показал, что наиболее актуализирован в русской ЗИ-сфере класс Б (ротовые), который в целом составляют ~ 79% всего состава этого класса, тогда как наименее представлен класс А (носовые), который составляет ~ 5% всего анализируемого материала (см. Приложение 2.5 табл. 13).

Наиболее частотно (7 – 12%) представлены типы: 4 – свист, посвистывание (***свись, фью, фьюить, фить, фюйть, фию, фиу, фю, фьюк***), 14 – дуновение (***фук, фуу, хуу, фу, пфу, пфф, ух, уф, эх, ху, фуй***), 31 – кашель – (***хорк, хырк, кахи, кха, кхе***), 15 – вздох / выдох (***пых, хью, здых-здых, ах, хуу, охх, уфф, пф, э-хе-хе, о-хо-хо, ыхх, ф-ф-ф, эх, ух***).

Наименее частотны (0,5 – 1,5%) типы: 2 – фырканье (***фур, фырк, фр, швырк***), 3 – храп (***хрр***), 8 – всасывание ртом жидкости (***швырк, швыр, чувыр, фук***), 9 – плевание (***тьфу, тфу, фу, фуй***), 10 – чмоканье, смакование (***чуп-чуп, чмок-чмок, чамк, чавк, ням***), 11 – цоканье (***цок-цок***), 12 – щелканье (***щелк, клац***), 19 – орание, рев (***га, а-а-а, о-о-о***), 20 – пронзительный крик (***ух, а-а-а, и-и-и***), 26 – хныканье (***хны, хню***), 29 – глотание (***глы-глы, гыл-гыл***), 30 – икота (***ик-ик, як***), 32 – жиление (***крех-крех, рех, ых***), 33 – резкое движение (***гек, гок, хоп, раз***), 35 – рвота (***бэ, эк***), 36 – хрип (***хр-хр***). Не представлены в исследуемом материале типы 6 (лакание, лизание) и 28 (удушье).

В целом можно говорить о том, что артикуляторные звучания находят незначительное отражение (часто представлены единичными примерами) на уровне русских ФМ (11,7% всего исследованного материала).

Интересным здесь представляется и количественное соотношение типов 17 (плач, вой) и 21 (смех) + 27 (хихиканье), что выражается в пропорции ~ 6% к 7% и приближается к самым частотным типам в русском языке. Эти типы отражают как физиологическую, так и эмоциональную реакцию человека на раздражители: это не только реакция тела, но и «физиология» духа.

Этимология артикуляторных ФМ. Из 183 артикуляторных ФМ (см. Приложение 1.4 табл. 4) около 11,7% в этимологических словарях славянских языков имеют помету «звукоподр.». Этимологии около 6,7% ФМ артикулируются как «рефлекторный звук, инстинктивный выкрик».

Около 39,2% артикуляторных ФМ не отражены в этимологических словарях, но входят в состав корня обычных лексем, которые этимологизируются как звукоподражательные. Около 42,5% исследуемых ФМ не представлены в словарях ни в виде ФМ, ни в составе корня «полноценной» лексемы.

Использование данных фоносемантической этимологии позволяет говорить о том, что все исследованные артикуляторные ФМ имеют ЗИ-источник происхождения [Шляхова 2004]. 100% артикуляторных ФМ, представленных в этимологических словарях славянских языков, примарно мотивированы.

Этимологическая семантика артикуляторных ФМ. Исследование этимологий артикуляторных ФМ показывает, что их старшие значения сохраняются неизменными, что связано с ЗИ-природой ФМ. В словарях при помете «звукоподр.» отсутствуют указания на эпоху происхождения этимологизируемой единицы. Если ЗИ-корень фиксируется, то он относится к и.-е. эпохе развития языка, что указывает на древнюю природу артикуляторных ФМ. Фиксация ЗИ-корня происходит в 7,5% этимологий ФМ. Например, ***ау*:** звукоподр. и.-е. *u̯ĭ (> *визг*) [Черных II: 281]; ***кашель*** <

и.-е. звукоподр. *k^{u}ās- [Черных I: 389]; ***кусать*** < и.-е. *kes- «резать, бить» [Маковский: 89].

Семантика артикуляторных ФМ сохраняется неизменной на протяжении всего известного нам времени существования данных единиц.

ФМ говорения

Фоносемантическая характеристика ФМ говорения. На наш взгляд, нерефлекторные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс речи, целесообразно выделить с особую группу – ФМ говорения (ср. так называемые лексика говорения, произносительные глаголы). Под говорением в данном случае понимается конкретное произнесение, артикуляция, происходящие в звуковой форме, т. е. воспринимаемые в слуховой модальности человека. Эта лексическая группа, весьма многочисленная в языке, изображает звуки говорения в отрыве от конкретного смысла того, о чем говорится, представляя процесс речи в его целевых, модальных, физиологических, акустических и прочих характеристиках.

Под ФМ говорения понимаются единицы, воспроизводящие фонемными средствами нерефлекторные акустико-артикуляторные звучания, характеризующие процесс речи, говорения (***тары-бары, ля-ля-ля, у-у-у*** и пр.) в отрыве от конкретного смысла речи.

ФМ говорения могут включаться в артикуляторные ФМ, поскольку в основе общности этих групп лежит воспроизводство звуков, образуемых в полостях носа, рта и горла человека (артикуляторном тракте). Однако ФМ говорения выделяются на фоне других артикуляторных ФМ: 1) по характеру денотата (говорение – неговорение); 2) в силу особенностей своей природы (это не рефлекторные и не условно рефлекторные движения); 3) по значимости фонического (звукового) компонента (принципиальные особенности артикуляторных ФМ определяются артикуляторным компонентом, а в ФМ говорения артикуляторный и акустический компоненты одинаково значимы).

На уровне ФМ говорения довольно трудно провести строгое разграничение типов звучания, поскольку их денотат являет собою очень

сложную и постоянно меняющуюся акустико-артикуляционную сущность: в слитной речи «реализуется непрерывный переход от одного артикуляторного уклада к другому, что приводит к непрерывному изменению акустической картины» [Галунов 1990: 28]. Специфика денотата не позволяет представить строгую акустическую картину изображения говорения, однако даже семантическая классификация этих ФМ позволяет соотносить означаемое и означающее в рамках выделенной фоносемантической группы.

Настолько же правомерна и противоречива возможность включения ФМ говорения в сферу акустических ФМ, где находим корреляцию типов звучания с акустическими параметрами: голос (тон), турбулентный шум (диссонанс), взрыв (удар). Однако здесь очевидны различия акустической природы звуков, лежащих в основе номинации (артикуляторный / неартикуляторный).

Ср. характеристика голоса: 1) звукосимволическая: ***гибкий, грубый, хмурый, мрачный, угрюмый, мертвый, кислый, холодный, мягкий, жесткий, сочный, сухой, металлический, теплый, твердый, сладкий, густой, высокий, низкий*** и пр.; 2) звукоподражательная: ***плаксивый, хриплый, ворчливый, звонкий, надрывный, сюсюкающий, натужный, лающий, придушенный нудный,, рыдающий, писклявый, пронзительный, журчащий*** и пр.

ФМ говорения: 1) соотносимые с артикуляторными ФМ: ***пых-пых, фырк-фырк, гыр-гыр-гыр, ик-ек, шам-шам*** и пр.; 2) соотносимые с акустическими ФМ: ***тар-тар, шу-шу, тары-бары, ж-ж-ж, бу-бу-бу, бум-бум*** и пр.

Возможно, что существование ФМ говорения на грани звукоподражательности и звукосимволизма, акустики и артикуляции косвенным образом отражает переход акустических звучаний биосферы в семиосферу, являя собою мету особого статуса звуков говорения в пространстве фоносферы.

Специфика ФС-единиц связана с их постоянным эволюционным дрейфом из одной сферы в другую, когда трудно определить, где заканчивается звукоподражательность и начинается звукосимволизм.

Характер ФМ говорения показывает на проявление маргинальности этих единиц в структурном, функциональном и генетическом аспектах.

Состав русских ФМ говорения. Анализ 295 ФМ говорения показывает, что только 24,4% характеризуют акустические, артикуляторные и физиологические параметры говорения (см. Приложение 2.6 табл. 14).

Ср., например, речь: а) невнятная, косноязычие: *Что ты все блеешь – **бе-бе**, говори внятно, четко, понятно. Слушать противно; Была я в Перме. Лежит пьяный. Подходят милиционеры: «Так, гражданин». Он: «**Бр- бру-бр-бр-бру**». Взяли, увели. В отхожую бросили. Зачем так делать. Человек он ведь* (Жигали Вер.); *Он чего-то **ме-ме**. Я ничего не поняла. Только киваю, согласна вроде как; У нее такая речь неприятная – **сю-сю-сю**. Обидно, что мама в детстве к логопеду не отвела; Я не пойму, вроде тетка по матаналу* [матанализу] *молодая, а говорит как старуха – **чам-чам.** Не понимаю ее*; б) тихая, негромкая: *Сидят двое, шепчутся, только **па-па-па;** Больше всего ненавижу, когда **пляп-ляп-ляп**, лучше бы в полный голос говорили; У нее вообще голос такой, чего-то под нос **– фырк-фырк** – то ли говорит, то ли не говорит*; в) ворчание, бурчание, бормотание: *Ушла эть она, **бо-бо**, бобкает, какая-то она шибко злая* (Юм Куд.); ***Бу... бу... бу**... – гулко бормотала она* (В. Набоков); г) быстрая, торопливая: *И они, должно быть, слышали, как высокий, вздрагивающий голос учителя нервно частил: **ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды**...* (А. Куприн); *Не торопи, девка. Ты чо ето? **Р-р-р** – как тарахтелка* (Таман Ус.); *Ой, девка, говори потише, ничё не разберу – только **тар-тар-тар**. Как пули летят слова-те* (Усть-Уролка Черд.); д) монотонная: *Она такая немного занудная, какая-то невыразительная. И говорит – **бу-бу, бу-бу**. Ее слушаешь – спать хочется; Сидим на лекциях, а эта наша как метроном – **бум-бум-бум, бум-бум-бум**. Все спят, а как экзамен сдавать?*

Тогда как коммуникативные и функциональные (см. Приложение 2.7 табл. 15) характеристики говорения составляют 75,6%.

Ср., например: а) запрет на говорение, действие: ***Ну-ну**, не для вас делано. Убери-ка руки свои; **Оп**! Здесь остановись. Вот ты и раскололся; Вы забываетесь, молодой человек! **Пст! Пст! Пст!*** (А. Чехов); ***Тсс** ... тише. Не стучите так, а то мужа разбудите* (А. Чехов); ***Тю-тю-тю**! Ну-ка,*

разошлись, ишь петухи!; ***Цыть!*** *– сказал Губошлеп* (В. Шукшин); ***Шш-ш-ш****…- шикает в первых рядах офицерик какой-то девице* (А. Чехов); б) призыв, побуждение: ***Ну****, Владимир, что ж?* (А. Толстой); ***О****, туши ж,* ***о,*** *туши! Горячее!* (Б. Пастернак); ***Э-э-э… Э-э-э…*** *Тебе говорю. – А чего ты мне экаешь?:* ***Эй****, живой кто-нибудь, выходи, помоги!* (В. Высоцкий); в) ответный отклик: *А что это вы читаете?* ***А? А!*** *Понятно!* (В. Высоцкий); *Степан! – позвала старуха. –* ***Мм?*** *– Не лети так…* (В. Шукшин); *Слышь?! –* ***Оу****?! – Полотенец?! – Несу-у!* (В. Шушкин).

Существенно то, что на уровне «нормальной» лексики преобладает именно акустическая, артикуляторная и физиологическая характеристика говорения, а также характеристика человека по особенностям его речи [Шляхова 2003] (см. Приложение 2.3).

Анализ показывает, что на уровне обычной лексики говорения не актуализированы темы «другого» говорения (язык богов, нечистой силы, незнакомого языка), а также коммуникативно-прагматические характеристики речи (призыв, побуждение, запрет, отклик, вопрос и пр.).

ФМ наиболее частотны в репрезентации пения (ср. гипотезы о происхождении речи из пения; пение, по Ч. Дарвину, «эмоциональная речь») – ~ 16%; «другого» говорения – ~ 36%; коммуникативно-регулирующих сигналов (призыв, запрет, отклик, вопрос) – ~ 12%; собственно говорение человека (речь в отрыве от смысла) составляет ~ 11% (см. Приложение 2.7 табл. 15). Здесь очевидна значимость не столько номинативной (интеллектуальной), сколько императивной (регулирующей) функции проторечи.

Ср., например: а) пение: ***ля-ля, тра-ля-ля, у-лю-лю, трам-пам-пам, люли-полюли, на-на-на***); б) «чужая» речь: *А почему кинешь, потому как кохинорцы эти не по-нашему говорят.* ***Бал-бал-бал*** *да* ***бал-бал-бал*** *– да и все тут, да и ничего не разберешь* (Т. Толстая); *Сюда много понаехало, только и слышно* ***коть-моть****, на ферме робят* (Соколово Вер.); *Ой, я не могу, он как китаец говорит –* ***сяо-мяо****. – Ты, чё, дура, у него инсульт был, речь отнялась; Мойсей Мойсеич говорил вполголоса, низким баском, и, в общем, его еврейская речь походила на непрерывное «****гал-гал-гал-гал****...», а жена*

*отвечала ему тонким индюшечьим голоском, и у нее выходило что-то вроде «**ту-ту-ту**»* (А. Чехов); *Немецкий язык лошадиный, английский – глупее ничего нельзя представить: **файть-фийть-фюйть*** (А. Чехов); в) «говрение» нечистой силы: *Лтун-гептур маевор! **Жу-жу-жу, гу-гу**, лепугу; Эшохаро, лаваса, шиббора, кумара! **А-а-а. О-о-о. И-и-и. Э-э-э. У-у-у**. Е-е-е* (песни ведьм)*; Он нырял и ухал, как водяное чудовище: **Ух-бррррр**…* (Л. Толстой); г) говорение в отрыве от содержания: *Слишком много гудело голосов. Только и слышно было: **аааа**! и **рррр**!* (Л. Толстой); *Вот они, мои, – начал Восьмеркин, окидывая глазами обедающих. – Хлеб да соль, ребята! – **Алалаблблбл*** (А. Чехов); *Он мне начал говорить, что я еще молодая, **ля-ля-ля** и все такое.*

Численность ФМ, отражающих человеческую речь и «другое» говорение в сущностных и функциональных характеристиках, приблизительно одинакова (~ 39 % и ~ 36 % соответственно). В качественных характеристиках человеческой речи наиболее значимы смыслы «невнятная, артикуляционно нечеткая речь», «тихая, негромкая речь», «быстрая, торопливая речь» (см. Приложение 2.6 табл. 14), которые отражают параметры, снижающие коммуникативные качества речи.

Можно говорить о том, что на уровне ФМ отражается представление древнего человека о коммуникативных системах (язык богов, язык человека, язык животных), которые существуют на равных. Дальнейшее семантическое развитие ФМ приводит к смещению смыслов в сторону актуализации свойств человеческой речи, прежде всего ее содержательного аспекта, а также определение человека через свойства его речи («я»-говорение).

Этимологии ФМ говорения. ФМ часто не фиксируются этимологическими словарями, поэтому в качестве материала для сравнения были исследованы 195 грамматикализованных ономатопов говорения[14]. Из них более 60% в этимологических словарях славянских языков имеют помету

[14] Таких как, ***балаболка, балаболить, белебенить, болтать, бормотать, брюзжать, буркать, бурчать, верезжать, вопить, вопль, ворковать, ворчать, выть, вякать, галдеть, гаркать, гикать, гаметь, гам, говор, горготать, гукать, гундерить, гундорить, гуркать, лячкать, лепетать, лопотать, клик, крик, канючить, моркотать, мормотать, мямлить, орать, пикать, рептать, роптать, рокотать, реготать, рыкать, рявкать, сюсюкать, тараторить, таракать, тараракать, тарантить, татакать, шепелявить, шептать, шушукать, шукать, шипеть, шишикать*** и др.

«звукоподр.» (см. Приложение 1.5 табл. 5). Однако если в одних этимологических словарях помета «звукоподр.» есть, то в других она отсутствует.

Около 34% не имеют такой пометы (см. Приложение 1.5 табл. 5), но содержат в словарной статье ЗИ-значения, что позволяет предполагать их примарную мотивированность (см. Приложения 1.12; 2.11).

Ср., например, ***Баять*****:** *и.-е.* *bha, *лат*. fāri «говорить», дор λῡχεω «издавать звук», «звучать, греметь, звенеть, кричать» [Фасмер I: 140]. ***Брюзжать*****:** *и.-е.**bhreu-sk-; о.-г. *bruskan «хрустеть, шуметь, трещать» [Черных I: 115]; *чеш.* brouzdati(se) «ходить бродить по мелкой воде, мокрой траве и т. п.»; *словен.* brozdati «ходить по воде, увязая в грязи», «мешать» [ЭССЯ III: 53]. ***Ворчать*****:** *праслав.* vъrkěti «издавать один звук за другим» [ЭСРЯ I: 169]; *болг.* връга «щебечу, произвожу шум»; *польск.* warczec «рычать, скрипеть»; *лат.* urcāre «о звуке, издаваемом рысью» [Фасмер I: 356]. ***Выть*****:** *др.-инд.* ведическое ūtis «крик» [ЭСРЯ I: 235]; *д.-в.-н.* ûwila «сова» [Фасмер I: 371]. ***Глагол*****:** *чеш.* hlahol «звук», «звон»; *др.-инд.* ghargharah «треск», «шум» [Черных I: 189]; *gol (*gal) > *лат.*gallus «петух» [Преображенский I: 124].

При этом только около 6% единиц (см. Приложение 1.5 табл. 5) в этимологических словарях не имеют указаний на ЗИ-источник происхождения, что, однако, не исключает возможности их примарной мотивированности.

Как показывают исследования, большинство этимологий содержат лишь ближайшее этимологическое значение исходного корня, тогда как старшие значения, как правило, восходят к ЗИ-мотиву номинации. Здесь, на наш взгляд, часто представлена лишь одна из ступеней этимологической эволюции слова (см. Приложение 1.12).

Ср., например, ***Ныть*****:** *чеш*. nyti, nyji «тосковать»; unaviti «утомить»; *лит*. novyti «мучить, губить, угнетать»; *лтш*. nâve «смерть»; *гот*. nawis «мёртвый»; *ирл*. nuna «голод» – ср. *рус*. навь «смерть», навей «мертвец» [Фасмер III: 35, 92]; *праслав*. *nyti < *naviti и *navь; *лит*. novyti «мучить, губить, угнетать»; *лтш*. nâvet «убивать», nâve «смерть»; *др.-прусс*. nowis

«туловище» > *и.-е*. гнездо *nāu-: *nэu-: *nū- «мучить» [ЭССЯ XXVI: 66]. Этимологии, предлагаемые М. Фасмером и О. Н. Трубачевым, отражают более позднее развитие семантики и.-е. корня *nāu-: *nэu-: *nū- «мучить». Можно предположить примарно мотивированность этого корня. «Сонорный – носовой, как и просто назализация, являются универсальным средством выражения боли посредством стона: изображения стона состоят из тех же, но часто звонких голосовых звуков. Начальный горловой взрыв может заменяться близким по месту зевным (*кирг*. ынг / кынг; *араб*. NN/GNN). В семитском NK/NN конечное nk соответствует n (ср. *кирг*. ынг.). Корень GNN словарь Вера переводит как «говорить в нос, производить носовой звук» (ср. «гнусавить, гундосить»)… носовой тон, тон… жалобы, сожаления» [Газов-Гинзберг 1965: 44]. Можно предположить, что старшее значение слова ***ныть*** было «стонать от боли» > «изнывать, мучить» > «убивать, угнетать, губить» > «мертвец, смерть, мёртвый».

***Молчать*: *србхрв*.** мучати, мучим, сближаются с 1) *ирл*. malcaim «гнию»; *греч*. μαλαχος «мягкий»; *лит*. smulkus «мелкий», smilkti «отмирать»; 2) *лит*. mulkis «дурак»; *др.-инд*. mūkhas «глупый»; *греч*. μαλχη «оцепенеть от холода» [Фасмер II: 648]; *о.-с*. *mьlk-; *и.-е*. *melэk-:*mlk-:*mlak- «мягкий, слабый, вялый, глупый» [Черных I: 540]. Семантика слова связана с отсутствием говорения, однако некоторые семантические связи позволяют предполагать возможность ЗИ-мотивированности: *лит*. smulkus «мелкий, буквально раздробленный на кусочки». А. М. Газов-Гинзберг считает слова, обозначающие молчание, примарно мотивированными. «В ряде языков призывом к молчанию служит междометие, содержащее в качестве основного элемента губной назализованный согласный звук – **m**: например, *англ*. mum! «молчи!»; то же *итал*. mum!, *в араб*. mah-mah- междометие, которое Ф. Шультесс трактует как «собственно произносимый со сжатыми губами резонансный звук»; отсюда глагол mahmaha «с закрытым ртом, также посредством языка жестов, призывать к тишине». Сомкнутость губ при фонеме **m** символизирует здесь молчание; восходящий через нос воздух подчеркивает эту артануляцию, делает её слышимой и превращает в слово» [Газов-Гинзберг 1965: 49].

Большинство «незвукоизобразительных» ономатопов говорения следует считать примарно мотивированными. По данным этимологических словарей лишь 60 % исследованных единиц имеют ЗП-природу. Использование данных фоносемантической этимологии позволяет говорить о том, что 95% исследованных ономатопов говорения имеют ЗИ-источник происхождения. Если учитывать единицы, для которых мы предположили примарную мотивированность, то процент ЗИ-единиц возрастет до 98,5 %.

Исследование этимологий ФМ (222 единицы) показывает, что 34,2% (76 единиц) исследуемых ФМ не представлены в словарях ни в виде ФМ, ни в качестве корневой морфемы обычной лексемы. Около 19,4% ФМ в словарях славянских языков имеют помету «звукоподр.». Около 45,5% – содержатся в качестве корневой морфемы в родственных словах.

При этом 100% этимологизируемых ФМ (см. Приложение 1.5 табл. 5) в этимологических словарях имеют указание на ЗИ-источник происхождения.

Этимологическая семантика лексики говорения. Поскольку этимологические словари неохотно фиксируют ФМ, чаще привлекая их в качестве иллюстраций для этимологизирования «нормальных» единиц, то были исследованы этимологии 92 корней «обычной» лексики говорения, многие из которых являются морфологически оформленными ФМ.

75% корней словари определяют как и.-е., ~ 18% относятся к общеславянской эпохе, около 3% корней – к общевосточнославянской эпохе и столько же являются собственнорусскими (см. Приложение 1.6 табл. 6). Этимологический анализ показывает, что ономатопы говорения относятся к наиболее древнему языковому пласту.

Исследования *этимологической семантики ономатопов говорения индоевропейского лексического фонда* (см. Приложение 1.13.1) показывают, что ~ 93% корней имеют старшие значения «издавать звук»: из них «издавать звук голосом (о человеке, животном)» – ~ 45%; «звук удара, шума, тона» – ~ 48%, т. е. все корни примарно мотивированы.

В этимологической семантике корней современных ономатопов говорения (см. Приложение 1.7 табл. 7) звуки неговорения (удар, шум, тон) и

звуки говорения (человека и животного) представлены приблизительно в равном количестве (48,1% и 44,9%).

Ономатопы говорения индоевропейской эпохи отражают начало формирования антропоцентрического вектора: несмотря на то, что природный шум (удар, тон, шум) незначительно, но все же преобладает над человеческим «шумом» (говорение), корни с семантикой человеческого говорения количественно более чем в два раза (31,9%) превышают корни с семантикой, связанной с криками животных и птиц (13 %).

На уровне корней современных ономатопов говорения, восходящих к индоевропейскому лексическому фонду, природный звук (удар, тон, шум) и человеческий осмысленный звук (говорение) равнозначимы, но заметна актуализация антропоцентрической модели восприятия фоносферы.

Этимологическая семантика корней лексики говорения общеславянского (праславянского) лексического фонда отличается от семантики корней индоевропейского лексического фонда малочисленностью (18,5% всего материала исследования) и более узкой семантикой (см. Приложение 1.13.2).

Этимологические данные показывают, что все исследуемые корни имеют первичное значение, связанное со звуком, звучанием (см. Приложение 1.7 табл. 7): из них «издавать звук, крик при участии голоса (о человеке и животном)» ~ 47%, «звук удара, шума, тона» ~ 48 %.

Этимологическая семантика корней лексики говорения общевосточнославянского лексического фонда. Из 92 исследуемых корней лишь 3,4% (3 корня) в словарях относят к общевосточнославянскому лексическому фонду: два корня с семантикой *крик, вскрик:* ***гик*** *(гикать),* ***улюлю****кать;* один корень со значением *издавать звуки (о предмете):* ***трень*** *(тренькать*).

Этимологическая семантика корней лексики говорения собственнорусского лексического фонда. В словарях только 3,4% (3 корня) относят к собственнорусской лексике: два корня с семантикой *издавать звуки (о человеке*): *шептать*: ***ши-*** (шушукать, шукать); *пугать*: ***шуг-*** (шугать, шугай); один корень со значением *издавать звуки (о животных) шипеть, шипение*: ***шипъ***.

На уровне этимологической семантики корней, относящихся к более поздним (общевосточнославянскому и собственно русскому) лексическим фондам, звуки неговорения (удар, шум, тон) и звуки, издаваемые животными, утрачивают свою значимость в формировании единиц говорения в эти периоды развития языка (см. Приложение 1.7 табл. 7). На уровне ономатопов говорения в эту эпоху развития языка можно отметить становление антропоцентрического восприятия человеческой речи. Формирование лексики говорения практически закончилось, а единичные слова, возникающие в это время, ориентированы на звуки человеческого голоса. Однако следует заметить, что архаическая модель номинирования речи человека через звуки природы и голоса животных наблюдается и в этот период развития языка.

На уровне корней современных ономатопов говорения, восходящих к общевосточнославянскому и собственно русскому лексическим фондам, природный звук (удар, тон, шум) и голоса животных в осмыслении человеческий речи представлены одинаково (по 16,7 %). Здесь можно говорить о доминировании антропоцентрической модели восприятия фоносферы, где происходит «отрыв» человека не только от животного мира, но и от природы.

Малочисленность возникновения корней «говорения» в более поздние эпохи развития языка является косвенным аргументом в пользу примарной (более архаичной) мотивированности исследуемых единиц.

Слова-обращения к животным и птицам

Фоносемантическая сущность слов-обращений к животным. За рамками описанных групп остаются слова клича (подзывные) – лексические аттрактанты (***цып-цып, баси-баси, кис-кис***) – и отгона – лексические репелленты (***кыш, брысь, киш***), которые не укладываются в ранее обозначенные рамки.

Лексические аттрактанты и репелленты являются в языке исключительно в виде ФМ, однако именно эти ФМ при субстантивации имеют регулярную модель морфологизации (часто формы ед. и мн. числа), сохранияя при этом признаки ФМ (прежде всего, сохраняется принцип

редупликации). При морфологизации других групп ФМ возникают «обычные» слова, что является косвенным аргументом для понимания ФМ как «языковых окаменелостей», универсалий, не подверженных разрушению временем.

Состав слов-обращений к животным. В обращениях к животным выделяются следующие группы: 1) слова клича и приманки (более древний); 2) слова отгона; 3) слова-команды, регулирующие поведение животных (поворот, остановка, быстрее и т. п.) (более поздний). Осложнение этих обращений происходит посредством дупликации и мультипликации, сложения двух разных основ, а дифференцирование – посредством интонаций.

Анализ 268 русских ФМ показывает, что 84,3% всех обращений к животным составляют подзывные слова, тогда слова отгона ~ 10,8 %, а команды ~ 4,8 % (см. Приложение 2.8 табл. 16).

В нашем материале слов-обращений преобладают слова клича и приманки животных (84,3%), которые считаются более ранними по происхождению, тогда как более поздние (отгон и команды) составляют лишь 15,7% всех исследованных. Русский материал подтверждает выводы А. Поцелуевского [Поцелуевский 1944] и Б. Поршнева [Поршнев 1974], указывающих на суггестивную функцию первичной коммуникации с животными.

Этимологии и семантика слов-обращений к животным. Многие исследователи считают, что данные слова «в своем большинстве являются производными от названий животных (существительных), иногда, в более позднее время, – от глаголов, реже от звукоподражаний» [Германович 1954: 326], «значительная группа слов представляет собой усеченное (в результате быстрого повторения) название животного» [Жбанкова 1959: 417], «слова эти являются ничем иным, как особой звательной формой, образовавшейся путем усечения начальной формы существительных» [Дагуров 1959: 155].

Другие считают, что «можно с полным основанием предположить, что как это слово ([гужук] щенок), так и целый ряд других названий домашних

животных этимологически восходят все к тем же словам-обращениям к соответствующим животным» [Поцелуевский 1944: 37].

Представляется, что здесь нет противоречий, поскольку в нашем материале около 7% единиц, действительно, является аллегроформой названий животных, остальные восходят к ЗП. Наш анализ показывает, что подзывные слова имеют различную природу номинирования (см. Приложение 1.8 табл. 8), однако все они имеют ЗИ-происхождение.

Связаны с названием животного около 37% подзывных слов – ***быка, баранко, зелька*** [овца]***, коха*** [кошка], из них 6,7% единиц являются аллегроформой названия животного – ***зель < зелька, зю < зюзя*** [свинья]***, кур < курица, уть < утка***. 23,3% подзывных слов связаны с внешними признаками животного, где актуализированы признаки цвета – ***серко*** [коза, овца]***, сивко*** [лошадь]***, беляна*** [овца]***, билька*** [коза, овца, боров], ***бела*** [гусь], размера (небольшого) или возраста – ***малька*** [овца]***, малюта*** [овца, теленок] животного. Около 20% подзывных слов связаны с криками и звуками, издаваемые животными – ***кагы*** [гусь]***, рюх*** [свинья]***, чёп*** [свинья].

Этимологическими словарями зафиксировано только 44,6% нашего материала *подзывных слов*; все квалифицируются как звукоизобразительные (пометы «звукоподр.», «ономатопоэтич.», «явление детской речи», «межд.»). Анализ адресованности русских подзывных слов (см. Приложение 3.5 табл. 23) показывает, что в коммуникации с животными преобладает утилитарное начало: наиболее частотны призывы для взрослых и значимых в хозяйственном отношении животных (корова, лошадь, свинья, овца). Высокая частотность призывов для кур может быть обусловлена их большим распространением в условиях северной русской деревни.

Слова-команды, регулирующие поведение животных (см. Приложение 1.9 табл. 9), в ~ 69 % случаев имеют помету «звукоподр.», а ~ 30 % квалифицируются как «ономатопоэтическое». Все слова-команды этимологизируются словарями как звукоизобразительные. В нашем материале слова-команды обращены преимущественно к собакам (семантика ***фас*** 38,5%) и лошадям (семантика ***пошла, стой*** 38,5%), а также к коровам

(семантика ***пошла*** 15,4%). Слова-команды не являются актуальными в коммуникации с животными.

Слова отгона (см. Приложение 1.10 табл. 10) в 100% случаев квалифицируются в этимологических словарях славянских языков как звукоизобразительные, из них 86,7% имеют помету «звукоподр.», а около 13,3% возводятся к междометиям. Слова отгона в нашем материале обращены преимущественно к свиньям (34%), овцам (17%), птицам (7,3%). Около 25% слов отгона являются синкретичными формами и выполняют также и призывную функцию (например, почти все слова, обращенные к свиньям – ***зю, зюк, зюрка, зюль, зюлька***). Около 7,3% слов отгона используются также в коммуникации человека с человеком (***тпру, кыш, цыц, брысь, айда, шик***), а около 9,4% используются как универсальный сигнал по отношению к любому живому существу, кроме человека (***ксы, ну, ш-ш-ш***). Синкретичность семантики слов отгона также косвенно указывает на их архаичные истоки.

Подражания голосовым сигналам животных и птиц

Фоносемантическая сущность подражаний голосовым сигналам животных и птиц. Наличие общей денотативной зоны не позволяет однозначно квалифицировать эти ФМ. С одной стороны, их можно рассматривать в рамках акустического денотата как «внешнее» звучание по отношению к человеку. Тогда в рамках акустических ономатопов следует выделять звучания *живой* (биофакты*: зоофакты* и *фитофакты*) и *неживой* природы. С другой – можно исследовать их в рамках артикуляторной ономатопеи как «внутреннее» звучание, поскольку процессы рефлекторного характера (чихание, кашель, храп, сопение, рев, крик, визг и пр.) свойственны и животным. Тогда среди артикуляторной ономатопеи необходимо выделять артикуляторное неговорение *человека* и *животного*.

Общую денотативную зону можно считать также и переходной. Представляется, что размытость границ между живой и неживой природой, неговорением человека и животного также отражают маргинальность ФМ, которые маркируют границу перехода из био- в семиофоносферу. Можно предполагать, что данные ФМ являются одним из древнейших языковых

пластов, поскольку голоса животных окружали человека всегда. «Близость добычи или близость врага, изменение погоды, сезонная и суточная ритмика, ритуалы и религиозные обряды, – все эти важнейшие в жизни первобытного человека явления сопровождались голосами животных в той же мере, в какой они были связаны с самими животными или с их поведением, вызванным появлением жизненно важных для человека факторов» [Ильичев 1985: 203].

Этимологии и семантика подражаний голосам животным и птиц. Анализу подвергались 140 подражаний голосам животных и птиц. Почти половина исследуемого материала (46%) отсутствует в этимологических словарях. Около 18% ФМ отражены в словарях с пометой «звукоподр.». В большинстве случаев (около 37 %) ФМ сохраняются лишь в качестве корневой морфемы словарной единицы (см. Приложение 1.11 табл. 11).

Некоторые этимологии указывают на древнюю природу данных языковых образований, возводя их к и.-е. корню, однако подобные этимологии составляют лишь около 2% от общего числа этимологий голосовых подражаний, остальные ограничиваются указанием на их звукоподражательность.

Ср., например: ***воу*** «вой волка»: ср. звукоподр. ***вопить / вой*** < и.-е. зукоподр. *ū- [ЭСРЯ I: 160; Фасмер I: 349]; ***квакать*** < и.-е. *kuak- «о лягушках и утках» [Черных II: 390]; ***рычать, реветь*** < звукоподр. и.-е. *reu-: *rou- «реветь, гудеть, вопить» [Черных II: 132].

Анализ семантики русских подражаний голосовым сигналам животных и птиц показывает, что подобные звучания отражают довольно широкий круг и тонкую дифференциацию голосов животных и птиц, которые выделяет человек (см. Приложение 3.6 табл. 24), однако их фиксация в языке незначительна. Можно отметить также половую специфику (бык-корова, тетерев-тетерка, кошка-кот, курица-петух) голосовых сигналов, которые фиксируются человеческим сознанием. Внимание человека к диким (45,7%) и домашним (51,8) представителям фауны распределяется приблизительно одинаково.

Из домашних животных человек более всего прислушивается к собаке (***ав, ау, га, гав, гам, гау, н-н-н, р-р-р, ску-ску, тяв, тяу, тяф, у-у-у, фу***) и

кошке (***ма, мр, мур, мурм, мярг, мяу, ф-ф-ф, урлы-мурлы***), тонко выделяя все нюансы их голосовых сигналов, что позволяет предположить возможность более точного знания «языка» этих животных человеком.

Звукосимволическая подсистема ФМ

Кроме ономатопов, которые так или иначе привлекали внимание русистики, неисследованными остаются группы ЗС-слов русского языка, в основе которых лежит понятие *кинема* (жестовые и мимические движения): *интракинемы* (процессы в сфере сознания человека) и *экстракинемы* (мимические подражания “внешним” неакустическим объектам по их форме, размеру, движению: обозначение округлого, большого / малого и пр.).

В области интракинем выделяются такие группы ЗС-слов, как *мимеоинтракинсемизмы* (обозначение таких мимеоинтракинем, как улыбка, мимика презрения (лексические пейоративы) и пр.), *сенсоинтракинесемизмы* (обозначение “рефлекторных” движений), *эмоинтракинесемизмы* (обозначение “выразительных” движений тела: мимика, пантомимика, вокальная мимика (интонация и тембр); *волеинтракинесемизмы* (обозначение движений, сопровождающих волевые акты: напр., сжимание губ – мимика упрямства или упорства); *метаинтракинесемизмы* (например, движения, сопровождающие решение задачи: морщить лоб, шевелить губами и пр.) и др. [Воронин 1982].

Если сенсоинтракинесемизмы частично описаны в рамках артикуляторной ономатопеи [Шляхова 1991, 2003], то относительно других групп ЗС-слов вопрос в рамках русской фоносемантики специально не поднимался. ЗС-подсистема русского языка на сегодня остается плохо изученной, что относится и к ФМ. В нашем материале звукосимволические ФМ составляют лишь около 18 % единиц. ЗС-значение данных ФМ является семантически эволюционировавшим ЗП-значением. Развитие ЗС-значений всех исследованных единиц является в достаточной мере жестко ограничено: ЗС-значения у всех ЗП развиваются по одной и той же модели.

Состав и семантика русских звукосимволических ФМ. Анализ 287 звукосимволических ФМ показал, что развитие ЗС-значения обусловлено первоначальным ЗП-потенциалом единицы. Данную группу ФМ можно

рассматривать в рамках ЗП-подсистемы на уровне полисемии, однако семантика данных ФМ не лежит в сфере акустического денотата, а выходит в ЗС-сферу.

В составе русских звукосимволических ФМ, сформированных на базе ЗП, можно выделить следующие основные группы:

1) ФМ физического состояния. Ср., например, озноб, дрожь: *Его гимназическое пальто, фуражка, калоши, волосы на висках были покрыты инеем, и весь он, от головы до ног, издавал такой вкусный морозный запах, что, глядя на него, хотелось озябнуть и сказать: «**бррр!**»* (А. Чехов); головная боль: *Часу этак в первом ночи.. днём припадков не бывает.. вдруг в голове начинается шум: **жжж**… Я теряю сознание, вскакиваю и начинаю бросать в домашних чем попало* (А. Чехов); боль, физические страдания. *Капа-то как закричит, прямо блажить ровно как начала – **ай-ай** – мы перепугались, вдруг иё щас повернем, а у иё чё-то сломатся ли чё ли* (Усть-Уролка Черд.); ***Ай, ой!** – крикнул Лебедкин, ужаленный пчелой в шею* (Д. Мамин-Сибиряк);

2) ФМ эмоционального состояния. Ср., например, радость, удовлетворение: ***Ага**! попался! Даже мой сосед, мужик в изорванной свите, не вытерпел и, ударив кулаком по столу, воскликнул: **А-га!** Хорошо, чёрт побери, хорошо!* (И. Тургенев); ***Гм**.. Чем же это она вам так понравилась? – спрашивает довольный супруг* (А. Чехов); укоризна, упрёк, порицание: *Вот какие пошли нынче жёны-то! **Ай-яй!*** (В. Шукшин); ***Ай-ай-ай!** А ещё член-корреспондент какого-то журнала!* (В. Высоцкий); ***Ай, вай, вай!** – прибавиол жид, горестно потрясая пейсиками.* (И. Тургенев); обида, досада. ***Гм**… Как вы насчёт писанья рассуждаете.. – обиделся он* (А. Чехов); растерянность, неуверенность. ***Гм**!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто…* (А. Чехов); удивление, недоумение. *Это я-то дрянь? **Гм**!...* (А. Чехов); сомнение, недоверие. *Николай Петрович сказал ему, что брат сам себя поранил по неосторожности, на что доктор отвечал «**Гм**!»* (И. Тургенев); тревога, испуг, страх, ужас. *Опять покойники, кровь… **Бр-р..*** (В. Шукшин); *Вдруг померещилось, что они пялятся из тьмы багровыми*

ямками вырезанных глаз. ***Бр-р-р...*** (Б. Акунин); *И вы не боитесь вращаться среди ядов!* ***Бррр!*** (А. Чехов);

3) ФМ эмоциональной оценки. Ср., например, одобрение, похвала, восхищение. ***Ай,*** *Маруся! Коса руса!* (М. Цветаева); ***Ай да*** *молодец!* ***Ай да*** *погуляли!;* ***Ай да*** *Пушкин!* ***Ай да*** *сукин сын!* (А. Пушкин); ***Ай да*** *Гитлер,* ***ай да*** *молодец! – сказал он гнусавым голосом хулигана* (Д. Самойлов); *Ты бы видел, как у них в квартире.* ***О-го-го****, нам и не снилось; Явился зять как по заказу – Ну, я скажу вам, –* ***о-го-го!*** (В. Высоцкий); брезгливости, презрения, отвращения. ***Бр-р-р,*** *смотреть противно. Как ты это ешь? Так воняет; Мы взяли пунш и кожу индюка –* ***бр-р!*** *Снуём теперь до ветру в темноту: Удобства – во дворе, хотя – декабрь..* (В. Высоцкий); ехидство, злорадство, издёвка. *Вот как раньше живали! А теперь?* ***Пфи****! А теперь я ... я над ним. Он мою. Тетку в театры водит, он мне табакерку подает и вот сигару курит* (А. Чехов);

4) ФМ движения, действия, передвижения, отражающие «незвучащие» характеристики. Ср., например, что-л. быстрое, неожиданное и/или интенсивное (в том числе и действие, движение): *Только в Корьево встали, вдруг –* ***жух*** *– пятнадцать мотоциклов; Они у меня –* ***гыш*** *– все уж сделали, а я только так постою* (Соколово Вер.); трудное, медленное, кропотливое занятие (в том числе и действие): *Заглянула в огород, а он там на четвереньких* ***гыжи-важи, гыжи-важи*** (Одинцово Караг.); что-л. движущееся быстро, в разные стороны, туда-сюда: *Я кошку-ту понужаю, дак она ведь только* ***зыры-бары, зыры-бары*** (Воскресенск Караг.); действие, совершаемое наспех, быстро: *Оделась* ***кульки-мельки*** *и пошла* (Нердва Караг.); *Ли-ко девка –* ***летки-петки*** *– не видать ужо – убежала, все у ие как-ко* (Юрла);

5) ФМ интеллектуального и психического состояния/ действия. Ср., например, внезапное воспоминание, обнаружение, узнавание: ***Ага****, вот, где мы ошиблись, столько дней насмарку; Не уверяйте меня, именно чавкают, и вдобавок хлюпают!* ***Ага****! Эврика!* (В. Высоцкий); интеллектуальное бессилие: *Учится в школе-то девка, да, знать-то****, аля-улю,*** *всё, бат, двойки да колы носит* (Костьящер Караг.); *У его* ***а в голове****-то, от его толку-то нет*

(Воскресенск Караг.); *Он **ни бе, ни ме, ни** даже **кукареку**. Я не знаю, зачем вам такой специалист;* о беспечном, ветреном, безответсвенном человеке: *Дак он чего, **аля-улю**, беспутной* (Юрич Караг.); *Ты почто как **аля-улю** себя ведешь? От людей стыдно* (Тохтуево Сол.); констатация, понимание: ***А-а-а,** вон чё здеся включать, а мы-то чё, деревенские* (Таман Ус.). ***А-а-а**... вы целуетесь здесь?* (А. Чехов. Клевета); кто-, что-л., содержащееся в беспорядке [неопрятное, неаккуратное, небрежно сделанное]: *Идет он – **лесь-охрепесь**: рубашка порвана, штаны падают. Смотреть на него противно* (Орел Ус); *Гли-ко чё, **лесь-охрепесь** наделала, это что-ли работа тут* (Усть-Уролка Черд.). *Он шибко невидной мужик-от. **Лесь-охрепесь** – не мужик. Все чё-то в него торчит, всё грязное* (Тохтуево Сол.); неумелый, неграмотный, бестолковый: *У меня дочь-та ничё не умиёт делать, как **тютя-ляпа*** (Дикова Караг.); *Нонче только **тютя да ляпа** в деревне-то и живут, кто уж совсем ничё не знат. Кто мал-маля грамотной, дак в город уходит* (Вавилова Сол.); *Мужик был ленивой, **ни тяп ни ляп**, только и провожал время с малолетними да чё да* (Пыскор Ус.); сумасшедший, психически больной: *разг. Да вроде нормальный он был, а потом **ку-ку** и увезли на Революцию;* кто-л., не соответствующий норме, правилу, стандарту: *Он у нас **ку-ку**: все люди как люди, а он принципиально не списывает; Вы чё, совсем **ку-ку**? Кто так делает?; Я, видно, **ку-ку**. Голова уже не варит;* состояние опьянения: ***Лючи-лячи** пьяной, ничё сам не идёт* (Жуланово Сол.); *Ну сёдни дедушко наш **лючи-лячи** придет из гостей-то* (Усть-Уролка Черд.). *Смотри-ка, паря, идет **лючки-лячки**. Вот такая ноне молодежь. Все жорут винишшо. Ой, чо и будет* (Тохтуево Сол.) (см. также Приложение 3.3).

Развитие ЗС-значений у ФМ происходит в течение длительной семантической эволюции. Большинство акустических и артикуляторных ФМ со временем приобретают ЗС-значения, чаще всего связанные с эмоциональной, психической, интеллектуальной, поведенческой сферой человека, а также с различными нюансами движения, передвижения, действия.

В русской поэзии регулярной является связь значений *«музыкальный звук – чувства, ощущения, эмоции».* Ср.: **скрипка – любовь, улыбка, смех:**

улыбка (Фофанов, Блок, Брюсов, Гумилев); *смех* (Ахматова, Гумилев, Маяковский); *любовь* (Бенедиктов); *любимым* (Ахматова); *любовной* (Бунин); *лобзанье* (Бенедиктов); **скрипка – слезы, скорбь, страх, тоска, ужас, безумие**: *плач, слезы* (Фофанов); *жалобы* (Брюсов); *безумный* (Брюсов, Блок); *злишься, злая, визгливый, пугливые, рыдающие* (Блок); *горем, скорбных* (Ахматова); *бред, больно, мука* (Анненский); *конец* (Цветаева); *тоска* (Бальмонт); *разревелась* (Маяковский); *смертный холод, испуг, рыдание, ужас, обезумевший, тоскливый* (Гумилев); **арфа – наслаждение, восторг, слава***: горя нет* (Карамзин); *ропот муки потух* (Тютчев); *вестница неги* (Городецкий); *восторг, волшебный, сладок и приятен, величие, всесилие, могущество* (Державин); *простись с тоской* (Мерзляков**); арфа – плач, стон, тоска**: *рыдайте* (Гнедич); *тоска, стон* (Мерзляков); *тоска* (Городецкий); **рояль – печаль, мука, бред, смерть:** *тоска* (Никитин, Бальмонт); *пустота* (Анненский); *грустно, грусть* (Белый, Бунин); *печальный, печаль* (Огарев, Мей); *смерть, бред* (Пастернак); **рояль – мечта** (Брюсов, Бальмонт). Если все музыкальные звуки рождают полярные ассоциации (пейоративные и мелиоративные), то **шарманка** не вызывает положительных эмоций, указывая лишь на крайнюю степень душевного дискомфорта, депрессию: *мучает, душит, безумною* (Случевский); *безобразное виденье, в мозгу игла, жалобное пенье* (Мандельштам); *хоронит, плачет, болит нутро* (Брюсов); *унылые, кошмаром* (Фофанов). Можно предполагать устойчивые механизмы (синестезия) перевода музыкального звука в эмоциональную сферу. Здесь также прослеживается синкретизм, звуко-эмоциональная «энантиосемия».

Прото-ФМ со временем развивают абстрактные значения, на что указывают исследования в области фоносемантической этимологии. К и.-е. ЗИ-корню *skon- «резать» восходят слова *ску-д-ный* и *по-ща-да* [Откупщиков 2005: 172]. Ср. также в английских этимологических словарях ЗИ-слова *diddle* (1) «идти неверными шагами как ребенок» и *diddle* (2) «заниматься пустяками, тратить время попусту» рассматриваются как омонимы, однако эти слова этимологически тождественны. Фонетическая близость *diddle* «идти неверными шагами» к фоносемантической группе обозначения

безделья (*fiddle, twiddle, piddle, tiddle, quiddle* и др.) явилось причиной появления нового значения «бездельничать» [Климова 1999]. Ср. также развитие у ФМ удара ***хлоп*** «удар», ***шалды-балды, шулды-балды*** «удар о металлическое» значения «бездельничать» – *ручками* ***хлоп-хлоп, шалды-балды, шулты-булты***.

ФМ ***ля-ля, лю-лю, люли-полюли*** «издавать звук, петь, припев колыбельной песни» связаны со значениями «движение, перемещение, колебание» и «бездельничать»: ****lelějati*** болг. *лелея* «качать, волновать; нежно охранять, таить в душе; нежно гладить, ласкать»; диал. *лелеем* – слегка покачивать; *лели* – качать, колыхать; ст.-чеш. *leleti* «двигать волнообразно»; ст.-пол. *leleiac* «качать, шатать, колыхать»; *lelejacsie lelejacy* «тот, который шатается, качается». Словен. *lelac ja*, «увиваться, ухаживать за кем-н». Сюда же отглагольные образования: сербохорват. диал. *lelejka* – переносная заплечная люлька для младенца; люлька, колыбель; качели. Возм. рус. диал. *леля* «река», также в-луж *lelo* «трус», польск. редк. диал. *lele* «неженка, слабый изнеженный человек», рус. диал. *леля* «лентяй»; ****lelějavь***: сербохорв (диал) *lelijav* – колеблющийся, колыхающийся, польс. *lelawy* «свободный, вольный, растворенный». Рус. диал. *лелявый* – вялый, медленный; в-лужск. *lělawy*. «ленивая девушка»; н-луж. *lelawa* «бестыдно ленивая женщина»; рус. диал. *лелява* – лентяйка, попрошайка [ЭССЯ 14: 100 -102].

В. Н. Топоров говорит об этимологической относительности (любая этимология слова может быть уточнена, изменена или отвергнута) и определяет основные подходы к идее «многозначных» этимологий («полиэтимологичности»), когда в процессе функционирования слово обретает не одну, а несколько семасиологических связей, что «является следствием некоторых принципиальных и неотъемлемых характеристик самого слова» [Топоров 1960]. При этом отдельные этимологические решения рассматриваются как различные степени приближения к матрице этимологической относительности. Эта проблема сегодня широко разрабатывается и связывается с проблемой соотношения двух семантических тенденций: предельное забвение собственных истоков и легкая включаемость в систему иных связей, внешних по отношению к

исходному ядру; максимальное использование унаследованной системы смыслов [Топоров 1960; Воронин 1982; Климова 1986, 1999; Маковский 1988, 2000; Откупщиков 2005].

Исследование этимологии ЗИ-слова с учетом всех возможных критериев предполагает возможность перекрестной этимологии: несколько этимологий одного и того же слова могут оказаться верными, особенно в связи с метафоризацией, народной этимологией и разными видами контаминаций (заумь, эвфемия, энантиосемия, ассоциативные связи, омонимия и пр.).

Ср. рус. *палка* обычно связывают с *палить* < и.-е. *pel-: *pol-: *ple-: *plo- «жечь, палить». Сюда же *полымя, полено, пепел, палица* [Младенов 409; Фасмер III: 193; Черных I: 619]. Другие родственные слова, однако, не связаны с семантикой огня: д.-в.-н. *spaltan* и др.-инд. *sphatati* «раскалывать», др.-инд. *sphutati* «разрывает». Определяют также родство с *палец* [Брандт РФВ 23, 302; Брюкнер 391] и с *полоть* < и.-е. *(s)pel- «резать, разрубать» [Маковский 1996: 363]. М. Фасмер отделяет *полоть* от *палка*, но здесь же сближает с др.-инд. *phalati* «лопается, трескается», *sphatati* «разрывает», *sphatayati* «раскалывает»; нов.-в.-н. *spalten*, д.-в.-н. *spaltan* «раскалывать» (ср. родств. у *палка*). К *полоть* М. Фасмер относит *полть* «половина туши», др.-рус. *полоть, полъть* «кусок, пласт» [Срезневский II: 1148]; словен. *plat* «разрубленная половина»; польск. *polec* «кусок, пласт»; лит. *paltis* «полтуши» [Фасмер III: 316-317] (букв. разрубленный, расколотый). Вероятно, к этому же ФС-гнезду отнесятся *плод* и *племя* < и.-е. *pel- «рождать, производить» [Маковский 1996: 80; Трубачев ВЯ, 1957 №2]. Далее П. Я. Черных отмечает связь с *плод* и *племя* с *полный* < и.-е.*pel-: *ple- «наполнять, наливать» [Черных II: 43]. М. Фасмер, связывая *плод* и *племя*, не отмечает связи с *полный* [Фасмер III: 312]. Скорее всего, все эти слова соотносятся со значением «резать, разрубать, раскалывать», поскольку с этим значением в индоевропейских языках соотносятся значения «родиться», «огонь», «влага» [Маковский 1996; Откупщиков 2005]. К этому же ФС-гнезду, вероятно, относятся ФМ ***палых, полысь*** «удар», ***пули-пали, пульки-пальки*** «звук хождения, передвижения по воде».

Ср. в русском материале семантическое сближение значений «рассекать, ударять» и «огонь», «рождаться», «влага» в родственных словах: *чикать*, *долбить диал*. «ударять» и *арг*. «coire»; *почка* «зародыш, побег» и *арг*. «удар», *почковаться арг*. «coire»; *колоть* и *колодец*; *долбить* «ударять», *арг*. «coire» и *долбак арг*. «окурок».

Исследование функционально-стилистического употребления (арго, диалекты, жаргоны, литературный стандарт) позволяют проследить различные варианты развертывания семантических связей ФМ.

Ср. ФМ ***бот*** в качестве корневой морфемы представлен в говорах значениями *ботать* «ударять, стучать», *бот*, *ботало*, *ботник*, *боталы*, *буталы*, *буткотня* «шум, стук» и др. В литературном стандарте – *бодать*. В арго и сленге представлены значения «волосы» – *ботва*, «еда» – *ботало*, «говорить» – *ботать, ботать по фене, ботать по-свойски, ботать по соне,* «язык, рот» – *ботало*. ФМ ***кр / кыр / кар*** в качестве корневой морфемы реализован разнообразно. Семантический цикл, описанный еще Р. Якобсоном, «*бить > деторождение > птица*» в литературном языке представлен только значением «птица» – *курица*; материально-телесное значение фиксируется в арго – *курва* «проститутка, сожительница», *курица* «жена сотрудника ИТУ”, *курка* «жертва насильника» и в говорах *курвач* «незаконнорожденный». ФМ ***дыр*** в качестве корневой морфемы в литературном стандарте представлен в значении *дыра* «отверстие, скважина”; в говорах *дырка* (*дирка*) «о поспешном бегстве от кого-либо»; а на уровне арго *дырка* «женщина», «расстрел», *дырокол* «пистолет», *дыр* «наркотик»: можно проследить семантические связи «*дыра, отверстие – бежать, дорога – женщина – зло, смерть*».

А. С. Мельничук установил, что к и.-е. корню *kes- «резать, ломать, рубить» восходят русские слова: *захолустье, касаться, каша, коса, косой, костер, кость, косяк, скосить, скопить* [Мельничук 1968]. Сюда же относятся слова *сено, хвоя, скала, кощун, хлев, холить, час, чаша, чесать, чеснок, шест, шип, шишка, щепка, шибать* [Маковский 1988; 1996]. Сюда же – ФМ ***чек, чик, чик-чак, чики-чаки, чок, чох, чук, чуки-чаки*** «звук удара», ***чик-чиряк*** «звук при разрывании, вспарывании».

Ср. также к и.-е. *(s)kel-: * (s)kol- «резать, откалывать» восходят слова *челн, челнок, чело, челюсть, холм, холка, хохол, скалить, осколок, скала, щель, щелкать, щелок, щелочь, холостой, холоп, холод, холст* [Шляхова 2000]. Ср. также и.-е. *kel- : *kol- и «звуковые» значения ФМ ***щелк, клеск, клик*** «удар»***, клик-клюк*** «падение капель», ***клюк*** «клевание».

Для многих имен славянских языческих богов также можно предположить примарную мотивированность. По данным мифологии, для многих богов типичными характеристиками являются «звуковая функция» (удар, тон, шум), звук или «звучащий» атрибут, что отражении в этимологически родственных словах: ***Стрибог*** – дед ветров; мечет молнии; *санскр*. stri — стрела; ***Сварог*** – первый начал ковать железо; атрибут – копье; *лат*. Sermó — беседа, разговор; *др.-сакс*. antswor — ответ; *нов.-в.-нем*. Schwur — клятва; ***Дажьбог*** – высылает соловушку замыкать зиму; ездит на колеснице по небу с огненным мечом; ***Род*** – вдувает жизнь в людей; ***Хорс*** – совершает суточный объезд на конях по небу; ***Ярила*** – «Выбежал ярилка из-за печного столба: зачал бабу ярить, только палка стучит»; ***Мокошь*** – можно обнаружить по урчанию веретена; ***Лада, Лель*** – припевные мотивы, игралищные пения; *ст.-польск*. Lado — восклицание; *др.-рус*. ладити — настраивать музыкальный инструмент.

Перун – в славянской мифологии бог грозы (грома). Общеславянский культ Перуна восходит к культу бога грозы (грома) в индоевропейской мифологии и имеет много общих черт с аналогичным культом Перкунаса (Перконса) в балтийской мифологии. Бог грозы уже в и.-е. традиции связывался с военной функцией. Главным оружием Перуна были камни и стрелы, а также топоры, являвшиеся предметами языческого культа [МНМ 2: 306].

Р. Якобсон и В. Иванов сопоставляют имя *Перун* с хетт. *perunas* «скала». К этому можно добавить фр. *pierre* «камень». Кроме того, имя Перуна сопоставляется с нем. *berg* «гора», греч. *pyr* – «огонь, молния»; перс. *pir* – «старик, патриарх»; фр. *pair* – «пэр, пара» [Голан 1994: 23]. Ср. также другие этимологические версии: **Перун** – первый (разящий, гром) укр. *Перун* – гром, бить поражать [Фасмер III: 243]. **Перун** – стрела громовая, молния; перун –

гром, молния, вихрь; у рус. сл. – бог–громовник. сопоставл. с кел / гал. *Mercynia silva*, гот. *tatrguni* – гора. др. сев. *Fiorgyn*. Если так, то значение *Perkunas* должно быть не бьющий, ударяющий, а в лесу или на горе пребывающий [Преображеский II: 47].

Основным мотивом в этимологиях является ЗИ значение: *гром, бить, поражать, скала, громовая стрела*. Кроме того, и.-е. корень *per- : *per- имеет значение «*рассекать, бить*» и «*издавать звуки*», что позволяет предполагать примарную мотивированность слова. Ср. также ФМ ***пырь, пыр*** «звук протыкания, разрывания, рассечения».

Лель (Лельо, Леля) – бог страсти у древних славян. Сын богини красоты Лады. Лель метал из рук искры: ведь страсть – это пламенная, жаркая любовь. Лель возжигал сердца людей своим ярым пламенем.

В. Миллер и А. Потебня высказывались против существования этого бога. Однако в фольклоре разных народов и в религиозных культах имя бога нередко превращается в припев, кстати припев *Lalu* есть и в литовских песнях. Латышская *Lels* значит «великий» литовское *Luloti* означает «качаться на качелях», а укр. *Леля* – «беда, горе», а у гуцулов: к отцу обращ: *Лелю*. В Вавилоне *Lilu* – демон бури, смертей, болезней, у хаттов, а затем хеттов бог подземного мира носил имя *Leluwani, Lelwani*. У этрусков было божество *Lalan*. В грузинских песнях упомнен *Лил, Лилу*. Надо полагать, имя *Лель* этимологически связано с евр. ‘*el* «бог», ‘*elil* «идол», хетс. *Ila* «бог», ностр. **ala* «сжигать, пылать» [Голан 1994: 211].

Ср. другие этимологии: **Леля** «мнимое языческое божество любви и брака, купидон». Вероятно, от *лелеять*, сюда же припев песни: *Лель – люли леля лелюшки.* **Лелеять** укр. *леліяти*, болг. *лелям, лелея* «укачиваю», сербоховат. *лелијам, лелијати*; *лёЛьам, леЛьати* «качать, болтать», чеш. стар. *Leleti* «волновать» || родственно лит. *leliuoti, leliuoju* «качать, колыхать», лтш. *Leluôt, Lelouoju* «укачивать ребенка, убаюкивать». ср. др-инд. *Lēlayati* «качает, дрожит», *Lalati* «играет», *lalayati* «ласкает, лелеет». Первонач. **Lelejati*, вероятно, звукоподр.; ср. *люлю, люлька* [Фасмер II: 479]; ***leleianьje.** болг. *лелеение,* сербохорв. *лелејаЊе,* ст-чеш. *lelenie* «волнение, движение, колыхание», диал. фолькл. «ласка», диал. «тихое» [ЭССЯ 14: 100 -102].

В данных этимологиях предполлагается ЗП-происхождения (М. Фасмер) и отражается ЗИ-мотив (*колыхать, качать, шатать, убаюкивать*), что дает возможность предположить примарную мотивированность данного слова. Ср. также ФМ ***ля-ля, лю-лю, люли-ляли, люли-полюли*** «звук укачивания, припев колыбельной песни».

Наиболее очевидны звукоизобразительные связи звучания и номинации духа или низшего божества в диалектной речи. Так, в пермских говорах имя лесного духа – ***Ох***: *В лесу охать нельзя – ох поймает, к себе уведет. Охнешь невдогадки, он и окажется тут как тут. Сам человек как человек, побаят с тобой ласково, за собой поведет.* В заговорах также действуют низшие духи ***бабушка Ой*** и ***бабушка Ох***. Непослушных детей пугают ***Бабайкой, Бабой, Бабакой, Букой, Бубукой, Бомкой, Буваном, Бадей, Бадяней, Бадяйкой***. Банных духов называют ***Шохря да Мохря.*** По мнению И. А. Подюкова, имена банных связаны со ЗП-словами. Калужское *хухряй* характеризует оборванца, неопрятно одетого, ветлужское *хухры-мухры* – нечленораздельно говорящего. Костромское *шохра* используется как название грязного, болотистого места. Вероятно, близко к названию и известное выражение *не хухры-мухры* – о чем-либо важном. Одно из обличий домового, покровителя дома ***Кутыся-Мурыся*** (*Сама с кошечку, и шерстка кошачья, серая. На носу только пятно скрасна. Ходит, нюхатся*). Кошачий облик и название (*Мурысья* от *мур*) связаны с демоничностью кота и кошки из-за их ночной активности, с близостью кошки к нечистой силе, в свою очередь, восходящей к древнему обожествлению этого животного как предельно плодовитого, способного противостоять подземным силам, помогающего человеку [Подюков 1995].

ЗП-семантика переходит в сферу ЗС-значений самого высокого (в том числе и мифологического) порядка. Многочисленные фонетические, семантические, морфологические трансформации настолько далеко разводят примарно мотивированные слова одного корня, что только длительная процедура специального анализа позволяет опознать в них общее ЗИ-начало.

ЗИ-слова позволяют «восстанавливать» многие утраченные смыслы. Так, в славянской мифологии понятие «человек» связывали с понятием «горшок»

(домашняя утварь). Посуде приписывали рождение и смерть (ср. зачин загадки – притчи XVII в. о горшке: «*Взят от земли, яко же Адам*…». Связь с человеком проявляется в названиях частей горшка (ср. горло, ручка, носик). Параллелизм между судьбой человека и горшком присутствует до сих пор в обрядах битья посуды, отмечающих переломные моменты в жизни человека (рождение, свадьба, похороны). Горшок сравнивают с головой человека в поговорках и поверьях (ср. голова как пустой горшок) [СМ: 141].

Связь между понятиями «*человек – домашняя утварь – горе, смерть, неприятность, потусторонний мир, рождение*» присутствует в регулярных ФС-циклах русских инстантов: 1) *баламутный* «человек вздорный» – *балакирь* «кувшин, кринка» – *бальник* диал. «колдун», *балмош* диал. «сумасбродство», *баламутить* диал. «поселять раздор»; 2) *кашник* «иждивенец» – *кашан* диал. «горшок» – *каша* «праздник по поводу рождения», *смертный час* «кончина», *чесалка* арг. «женские половые органы», *шишка* арг. «мужские половые органы»; 3) *колода* «неуклюжий человек» – «кружка» – диал. «гроб», *посадить на кол* арг. «coire»; 4) *копеечник* диал. «скряга» – диал. «стакан» – *скопец* арг. «кастрат», *капотка* арг. «тюрьма», *копач* арг. «могильщик»; 5) *гусь лапчатый* «хитрый, ловкий человек» – *лепешка* диал. «чашка, миска» – *лапистый* диал. в поговорке «*и не велик, а лапист*» «опасен», *лапать* «о сексуальных домогательствах»; 6) *чашник* диал. «раскольник» – *чаша* «сосуд для питья» – *часовать* диал. «быть при смерти, умирать».

Значение удара как акта рождения закреплено в эротических символах предметов домашней утвари, связанной с ударной технологией: мотовило, пест и ступка и др. От удара пестом Бабы Яги герой сказок валится на землю или превращается в камень. Ср. также ***бар*** «камень» и ***браться*** «беременеть»; ***драть*** «сечь, бить» и «coire»; ***пороть*** «протыкать» и ***порево*** «coire»; ***трахнуть*** «ударить» и «coire».

1.2. Грамматические свойства ФМ

1.2.1. Статус ФМ в русской грамматике. В русистике относительно ФМ не определена терминология, остаётся неясным их грамматический

статус, семантика ФМ в словарях представлена преимущественно через сочетания «и т. п.», «и др.», стилистическая характеристика обычно даётся через помету «разг.». ФМ часто рассматриваются как «мелочь, не стоящая внимания», а в словарях просто отсутствуют [Шляхова 1988].

Все ФМ имеют общую лингвистическую природу, однако обычно относятся к разным грамматическим классам, а потому не имеют «родового» термина. Даже характер и множественность терминов являются отражением неоднозначного восприятия ФМ в русской лингвистической традиции.

Термин *звукоподражание* употребляется в русской лингвистике, начиная с XIX в. (Н. И. Греч, А. Х. Востоков). Терминологический характер слова отмечается в словаре П. Соколова (1834): «Звукоподражание. Составление слова, коего произношение или звук соответствует действию природы, сим словом изображаемому. Например, ***треск, свист***» [Соколов 1834: 939]. Здесь ЗП понимаются широко, тогда как традиционно этот термин подразумевает только аномальные формы (***тук-тук, динь-динь***) [РЯЭ 1997: 136]. Также используется термин *ономатопея* [Ахманова 1966: 288; ЛЭС 1990: 165].

Терминологическое значение слова *междометие* впервые отмечено в грамматике М. Смотрицкого (1619), который, ориентируясь на латинскую грамматику, заменил этим словом слово *артикль*. «Но московские правщики, больше ориентировавшиеся на греческий образец, быть может, увидели в этом междометии католическую крамолу и заменили его снова *различием* по греческому образцу» [Супрун 1989: 318]. Позже термин *междуметие* использовал М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755).

Первообразные ЗП долгое время либо не рассматривались вообще, либо указывалось лишь на факт их существования в языке. Некоторые исследователи высказывали категорические суждения о ЗП. А. М. Пешковский писал: «Не считаем мы также словами звукоподражания вроде: колокольчик динь-динь-динь; мужчина, что петух: кири-куку! мах-мах крылом и прочь» [Пешковский 1956: 168]. С. А. Абакумов считал, что ЗП «лежат вне системы средств языкового общения» [Абакумов 1942: 115]. И. Г. Милославский утверждает, что ЗП – «слова вне частей речи» [Милославский 1989: 531].

Как специальная проблема ЗП стали исследоваться в связи с изучением междометий [Германович 1961, 1966] и первообразных ЗП [Карпухин 1979].

Большинство языковедов выделяют ЗП в самостоятельный разряд слов (Ю. С. Маслов, Л. Я. Маловицкий, М. И. Фомина, Л. И. Рахманова, Б. П. Ардентов, О. П. Суник, А. И. Германович, Г. В. Дагуров), однако традиционно ЗП с некоторыми оговорками включаются в разряд междометий (ГР-70, ГР-80, В. В. Виноградов).

Необходимо указать на неоднородность состава рассматриваемых форм, о чем свидетельствует полемика М. В. Ломоносова и А. А. Барсова о природе этих слов (***хвать*** от ***хватать***, ***бац*** от ***бацнуть*** или наоборот), которая и по сей день не получила однозначного разрешения. Долгое время в исследованиях не различались ЗП (***бац, трах, фью***) и ЗС-слова (***нырь, глядь, мырг***), что и вызывало разнобой мнений. А. И. Германович в состав «междометных глаголов» включает и ЗП (***бух, трах, хрусть***) и ЗС-слова (***глядь, нырь***) [Германович 1961]. В. В. Виноградов среди глагольных междометий выделяет «воспроизводящие или звукоподражательные слова (***бац, хруп***)» и «междометные глагольные формы (***хлоп, шасть, трах, фью***)» [Виноградов 1986: 622], однако последние также звукоподражательны. В ГР-80 в разряд глагольных междометий попадают ЗП (***тресь, хлесь***), а в разряд ЗП – слова типа ***кувырк.*** Четкое разделение ЗП- и ЗС-слов представлено в концепции С. В. Воронин [Воронин 1982].

Введенный термин «фоносемантическая маргиналия» позволяет объединить все рассматриваемые формы в один класс на общем основании – звукоизобразительность.

1.2.2. Морфологические свойства ФМ. ФМ составляют *базовый корпус таких частей речи* как первообразные междометия (***ах, ой, ох, эх, ух***), ЗП (***динь, тук, бом, тресь, трам***), слова-обращения к животным (***кыш, кыс-кыс, брысь***), междометные глаголы (***хлоп, бряк, бабах***).

В нашем материале ЗП (в том числе междометия и междометные глаголы) составляют около 65 % исследуемых единиц, ЗС-слова – около 18 %, слова-обращения к животным – около 9 % (см. Приложение 2.10 табл. 18).

Признаком ФМ является ее *морфологическая аномальность*. Грамматическая форма ФМ по сей день вызывает споры о статусе этих единиц в системе частей речи русского языка. Однако на уровне ФМ морфологическая аномальность являет собою не хаотичную, слабо структурированную форму, а представляет довольно устойчивую структуру, которая может характеризоваться как маргинальная.

Среди доминирующих тенденций можно отметить следующие:

1) неизменяемость ФМ. Однако здесь же необходимо говорить об устойчивых типах морфологизации ФМ: а) суффиксальное варьирование, преимущественно эмоционально-оценочное (***баюшки, тпрутька, тпрутенька, басенька, охохонюшки***); б) возможность субстантивации (*Что варишь, товарищ? – Из* ***оха*** *и* ***аха*** *уху*. В. Хлебников; ***Ах*** *с эмпиреев, и* ***ох*** *вдоль пахот. И повинись, поэт, что ничего, кроме этих* ***ахов***, ***охов****, у Музы нет*. М. Цветаева), следствием которой является в) возможность формирование категории числа у подзывных слов (***баси, маси, тпрутьки***);

2) ФМ часто выступают как корневая морфема слов. Однако не только морфологическая аномальность ФМ препятствует включению их в какой-либо грамматический класс.

1.2.3. Словообразовательные свойства ФМ. *Редупликация* является специфической чертой ФМ. Слово, содержащее редуплицированный компонент, скорее всего, «выросло» из ФМ (***балаболить, баба, мама, бабахнуть, тараторить, улюлюкать, барабошить, хорохориться, тартар*** и пр.).

Особенностью ФМ является ее практически *неограниченный потенциал формирования* обычных лексем: различная морфологизация и семантические изменения приводят к разрастанию ФМ-корня до большого количества обычных лексем (см. Приложение 3.3). Этимологическое гнездо слова *время* включает 176 слов, восходящих к общему и.-е. ЗИ-корню *uer – «гнуть, вить», сохранившемуся в русском языке в том числе и как ФМ ***верть*** (см. Приложение 3.3.4). На основе ФМ ***кап-кап*** в русских словарях зафиксировано около 30 слов и 9 ФЕ (без учета префиксально-суффиксальных образований). Самый большой словообразовательный и

семантический потенциал ФМ в диалектах – 50% всех зафиксированных единиц, в литературно-разговорном варианте – 25%, в криминальном арго – 12,5%, в просторечии – 7,5%, в молодежном сленге – 5% (см. Приложение 3.3.1).

По данным «Словаря морфем русского языка» наиболее продуктивными являются 228 корней, каждый из которых образует от 370 до 50 слов. Из них 26 корней (11, 4%) являются ФМ. 228 корней в целом образуют около 20 000 слов. Всего в словаре зафиксировано 52 000 слов. В перечне наиболее продуктивных корней русского языка названы следующие ФМ: ***раз*** образует 180 слов, ***(с)туп, раз, ши –*** по 120 слов, ***тир*** (***тор, тер, тёр***) – 110, ***ду*** – 100, ***хват, пи*** – 90, ***кач*** – 80, ***кус, тряс, мах, верт, щип, хлоп*** – по 70, ***сос, шиб, грыз, леп, пих, пах, скок, дёрг, топ*** – по 60, ***сек, прыг, чу, крутъ*** – по 50 [СМРЯ: 1122]. Таким образом, 26 ФМ образуют 2050 обычных слов, т. е. в среднем по 79 слов каждая. Эти ФМ образуют около 4% слов, зафиксированных в словаре и составляют более 10% от основого (продуктивного) слообразовательного потенциала русских корней.

1.2.4. Структурно-фонетические свойства ФМ. *Фонетическая аномальность* является одним из показателей ФМ, причем даже различные варианты употребления ФМ при элементах морфологизации, например, во фразеологизме, не отменяет их «странности».

Ср., например, арг. ***брать на арапа*** «действовать нагло, грубо, дерзко; грабить; нагло обманывать, хитрить»; другие варианты – ***брать на бздюху / на гоп-стоп / на хапок.*** Вариативная часть является несколько экзотичной для русского языка, что, вероятно, и наталкивает этимологов соотносить *арапа* с *арабом* [Дмитриев 1931: 168; Добродомов 1968: 117], тогда как указанная структурно-семантическая модель во второй части является звукоизобразительной (***бздюха < бздеть; гоп-стоп < гоп (хоп); хапок < хапать***), что дает возможность поиска ЗИ-гипотезы на русском материале. У В. М. Мокиенко читаем: *брать на арапа* < связано с др.-русск. *поустити на воропъ* «отправить в стремительный налет, набег с разведывательными целями» < др.-русск. *ворон* «добыча, полученная путем грабежа» < ремесленный термин *вороб, воробa, воробы* «орудие для наматывания и

разматывания ниток» [ИЭСВЖ: 21-22] < «круговое вращение» (ср. ***ворот***) < «вертеть, вращать».

Ср. фонетический облик ЗС-пейоративов ***грымза, мымра, хрыч, карга, кикимора, параша, мулька, лажа, жрачка, жаба, шкандыбать, харя*** и пр., где актуализированы периферейные для русского звуки и сочетания.

Другой специфической чертой ФМ является *относительное единообразие формы*, которое связано с изоморфизмом речевого звука и акустического денотата (см. фоносемантическая типология ФМ).

Свойством ФМ является *фонетическая вариативность* (метатеза, протетический сонорный, чередование гласных и согласных, выпадение элемента, разные части корня выступают как самостоятельные и пр.), которые не влияют на ЗИ-значение. Ср. чередование различных ступеней гласных в и.-е. корнях **tr-: *ter-: *tir-: *tor-: *tur-* со значением «драть, царапать, резать», к которым восходят русские ФМ ***тер***, ***тор***, ***троп***, ***тыр, трап, треп.***

Ср. также номинирование одного типа удара – о металлическое, стеклянное: а) чередование гласных: *А ведро об машину –* ***б**а**ум**, все в стороны; Он топором по голове – брик, потом по мотоциклу –* ***б**о**ум**, потом в толпу пси-ш-ш; Вдруг старик услыхал: «**Дз**е**нн**!..» Красивый такой звук, как струна пропела* (В. Бианки); ***Дз**и**нь-дз**и**нь**! – раздавался где-то далеко звон бубенцов* (И. Тургенев); ***Д**и**нь-бом**…второй звонок, пассажиры в вагон, провожающие – вон* (Л. Кассиль); *И днём иногда слышался печальный металлический звук:* ***д**о**н.. д**о**н.. д**о**н*** (А. Чехов); ***Б**о**м! Б**и**м! Б**а**м**! *Помогайте, звонари, я устал.* (В. Хлебников); *Смотри вот тот –* ***б**о**м-б**о**м**, а этот колоколчик* ***б**я**м-б**я**м**. *Это ты и я* [девушка своему молодому человеку]; ***Б**е**м, б**е**м, б**е**м. Б**е**м, б**е**м, б**е**м***.. *– понеслось по воздуху, и от этого частого, неугомонного звона щемило за сердце и становилось холодно* (А. Чехов);

б) чередование согласных: *Жарче шуб, слаще дынь – А будильник:* ***дзи**нь**!*** (М. Цветаева); *У Шагнул Кеша и вдруг...* ***дз-зы**к**!** Яростной, зубастой болью схватило ногу. Закричал Кеша на весь лес, заметался в капкане* (В.Астафьев); *Часы буркнули: «**Бо**м**!**»* (М. Кузмин); *Я не знаю, как вы тут живете.* [О церкви за окном]. *Это что, так все время –* ***бо**н**-бо**н**?; Кончики*

пальцев соедините вместе. Присели! К запуску приготовиться! ***З-з-з-з-зиг!*** *Полетели!* (Л. Пантелеев); ***Зиц-зиц-зиц,*** *– отвечала царевна Пружинка.* (В. Одоевский); *Колокола звонили так:* Т***ир-лиль-лили-дон*** (А. Гайдар);

в) укорачивание корня: *Лигачева будильник звонит не* ***дзинь-дзинь****, а гдлян-гдлян* (анекдот); *Бокалы, соприкоснувшись, издали осторожное* ***дзиньк!*** (К. Сергиенко); *Еду, еду в чистом поле; Колокольчик –* ***дин-дин-дин*** (А. Пушкин); *Колокольчик* ***динь-динь*** *вдалеке* (В. Одоевский); *Везде звонят колокола. «****Динг-донг****» среди равнины* (М. Кузмин); *Я слышу –* ***звень****! Ну, думаю, не иначе окно разбили; Бей! Бух, бух,* ***знь.. зянь****.. бух, бух! Машина: ду-дууу-д-у* (А. Веселый).

Структура русских ФМ обычно являет собою редуплицированный слог CV или CVC, где консонанты несут наибольшую ЗИ-нагрузку, тогда как вокалические варианты связаны преимущественно с оттенками общих смыслов (см. Приложения 2.12 – 2.14 табл. 19 – 21). Ср., например, ***динь, бим*** (маленький колокол) – ***дон, бом, бам*** (большой колокол); ***гы-гы*** (громкий несдержанный / неосмысленный, «полуживотный» / насмешливый, ироничный смех) – ***го-го*** (громкий несдержанный смех) – ***га-га*** (громкий несдержанный / искренний, свободный, радостный / неосмысленный, «полуживотный» смех).

Современные исследования по голоттогенезу актуализируют преимущественно консонантный тип первичных единиц речеговорения: консонанты (F, S, T) считаются идеальными звуками человеческой перцепции [Wind 1992]. Единицами проторечи называются «фонестемы» (комбинации фонов), как правило, консонантные [Rolfe 1993]; «базовые корни», как правило, консонантные [Studies ... 1989]; «базовые партикулы с консонантной опорой и аллофонно варьирующимися гласным» [Николаева1996]. Реализация проторечи происходит в виде ударных и безударных слогов, где ударные слоги выступают как «капсулы речи» с важнейшей информацией, а «изобретение» слога рассматривается как переход от гоминида к человеку [Payson Creed 1989].

В детской речи на этапе гуленья основным элементом вокализации является неструктурированный звук вокалического типа, который затем

сокращается за счет структурированного вокаля, что сопровождается появлением шумовых компонентов, из которых развиваются консонантические элементы. Вокалические элементы чередуются с консонантическими, образуя слогоподобную структуру $C^V V^C$ [Базжина 1985; Лепская 1997: 17].

В целом можно говорить об определенной аграмматичности ФМ или грамматике «другого» порядка. Типичным признаком протоязыка считается отсутствие грамматики [Bickerton 1990], что характеризует и начальные стадии становления детской речи. Сегодня протоструктуры характерны для языка обезьян, речи маленьких детей и пиджин-языков [Николаева 1996: 82]. Так, частотный KID-словарь (дети от 1 до 1,3 года) включает 55 единиц [Войекова, Чистович 1994], среди которых 71% имеют ЗИ-значение. Лишь 5,5% имеют «нормальную» грамматическую форму, остальные 94,5% являют собою ФМ, чаще редуплицированные.

1.2.5. Синтаксические свойства ФМ. Особое внимание лингвистов со времен М. В. Ломоносова привлекали формы типа ***бац, хлоп, бряк***, которые отличаются особой синтаксической ролью, что отражают используемые термины. Ср. *односложные глаголы* (М. В. Ломоносов), *глаголы* (А. А. Барсов), *глагольные частицы* (И. И. Срезневский, А. А. Потебня), *сокращенные глаголы* (И. Давыдов), *форма мгновенно-внезапного глагола* (И. В. Киреевский), *усеченные глаголы звукоподражательные и междометия* (Н. И. Греч), *глагольные наречия бытия, состояния и глагольные междометия* (А. А. Шахматов), *глагольно-междометные формы* (В. В. Виноградов), *глаголы ультрамгновенного вида* (А. М. Пешковский), *междометные глаголы* (А. И. Германович), *личные вербоиды* (С. Я. Лурье), *звуковые жесты* (Е. Д. Поливанов), *сказуемостные междометия* (А. В. Бондарко), *безаффиксные глагольные образования (междометия)* (В. А. Белошапкова) и др.

Большинство лингвистов подчеркивают глагольность рассматриваемых образований, однако здесь нет единства мнений. А. В. Исаченко определяет их как формы, которые не имеют «никаких специфических глагольных морфологических показателей, абсолютно атемпоральные и лишенные каких

бы ни было «видовых» значений» [Исаченко 1960: 507]. Между тем А. В. Бондарко считает, что подобные формы связаны с глагольной лексической аспектуальностью, выражая мгновенно-интенсивный способ действия, которые отличаются темпоральностью, модальностью и персональностью, в совокупности которых находит выражение предикативность предложения [Бондарко, Буланин 1967: 50, 149]. На наш взгляд, полярные точки на природу ФМ связаны именно с их маргинальным характером.

Специфическим свойством ФМ является то, что на данном уровне происходит *переход от речевой к языковой единице*. Можно выделить несколько стадий перехода, морфологической и синтаксической «зрелости» ФМ:

1) отдельные ФМ существуют в речи в виде «звуковых жестов», которые не могут быть отнесены ни к одной части речи. Они, по словам В. В. Виноградова, «внеграмматичны». Они аморфны и не сочетаются с другими словами, т.е. синтаксически изолированы. В устной речи – это звуковое проявление физиологических процессов (стон, вздох, кашель и пр.). Ср. обозначение и / или указание на физическое состояние: **а)** усталость, бессилие, депрессия, сонливость, апатия, безразличие. ***О-о-о-о****! Ничего не хочу, ничего;* ***Ох*** *– когда трудно, и ах – когда чудно, А не дается – эх!* (М.Цветаева); ***Ох****, устал я, устал, – а лошадок распряг* (В.Высоцкий); **б)** боль, физические страдания. ***Ай****, больно!;* ***А-а-а****, больно, не рви ты так этот бинт, он ведь прилип;* ***О-о-о-о,*** *господи, как болит, дайте что-нибудь; Проломили мою голову в семнадцати местах.* ***Ах-ах, ах-ах-ах, ах-ах*** (Аквариум); ***Ой, ой, ой****, Дьяче! Очень больно нутру, а уж вот поутру паче!* (А.Толстой); ***Ох****, мать твою…* ***Кхох****! Аж выворачивает всего* (В.Шукшин) **в)** облегчение от боли, физического дискомфорта. ***О-о-о!*** *наконец-то отпустило. Кто говорил, что таблетки фиговые?;* ***У-у-у****! Наконец-то, я уже не могу этот зуд терпеть*.

В письменной речи они проявляются в виде ремарок в драматическом произведении или описании физиологического состояния героя в прозе. Данный вид ФМ функционирует в письменной речи как эквивалент предложения: они получают силу высказывания и характеризуются

самостоятельной интонацией. Ср.: ***Кгм*** *... Кашель у меня.* ***Кгм*** (А. Чехов); *Я спою...* ***Кгм****... Кашель... В горле свербит* (А. Чехов).

В онтогенезе в междометиях также часто заключен смысл целого высказывания. В потоке речи междометия ведут себя достаточно обособленно, их связь с предшествующими и последующими единицами обычно ослаблена [Лепская 1996];

2) более высокая степень морфологизации у ФМ, традиционно определяемых как ЗП и междометия. В предложении данные формы функционируют как члены предложения, часто выступая как экспрессивные синонимы (звуковые иллюстрации) того или иного члена предложения. Ср.: *Слышно было только, как сопел Савелий, да как уснувший почтальон, мерно и медленно дыша, при всяком выдыхании испускал густое, протяжное «****к-х-х-х*** *...»* (А. Чехов); *Часу этак в первом ночи.. днём припадков не бывает.. вдруг в голове начинается шум:* ***жжж****... Я теряю сознание, вскакиваю и начинаю бросать в домашних чем попало* (А. Чехов); *Шпрехт вынул ноги из чесанок и зарылся ими в землю.* ***И-и-имм****, – вышло из него горлом наслаждение,* ***и-и-ии и****...* (Г. Щербакова); ***Уа, уа****, – почти без чувства, как по долгу службы, пищали малютки на одной ноте, и только один голос выделялся из этого унисона* (Б. Пастернак); *Потом народились новые обезьяны и новые питекантропы; послушные зову предков, сказали своё «****у-а****» и ушли в горы и спрессовались* (В. Высоцкий); *Чё-то сёдня корова* ***ф-ф-ф, ф-ф-ф****: как-ко неладно дышит;* ***А-уа-уа, а-уа-уа*** *– весь день у их в доме, чё-то изурочили робёнка* (Усть-Уролка Черд.); ***Фуй*** *– тихохонько эть страмина такая свистит. А тот уж чует, бежит, только боты стукают* (Усть-Уролка Черд.). *Че-то телятко-то наш заболел,* ***фу-у-уй*** *– еле-еле сосит* (Нердва Караг.);

3) самая высокая степень морфологизации у глагольных междометий, для которых функция сказуемого является преимущественной синтаксической функцией. Они располагаются «на границе категории глагола и употребляются обычно или особенно часто в значении прошедшего времени совершенного вида (с ярким экспрессивным оттенком мгновенности)» [Виноградов 1986: 594]. Ср.: *На лице провизора изобразилось*

*«**тьфу**»* (А. Чехов); ***Тук, тук, бух, бух, бух**... Ага.. Кто? Кто? Что?.. Ах, стучат, ах, чёрт, стучат* (М. Булгаков); *Хвостом – **верть! Верть**! Глазами – **щурь! Щурь**! И все смеётся и всё смеётся! Никакого ума* (А. Чехов); *А умывальник **фырк, харк*** (А. Весёлый) *Заглянула в огород, а он там на четвереньких **гыжи-важи, гыжи-важи*** (Одинцово Караг.); *Ты чё это ни **кус** ни **мак** – побежала. Поешь чего-ничего* (Курган Черд.); *В пост-от звонят, так душу вытянут **– бам-бам-бам**. Колоколо-то у их большоё* (Тохтуево Сол.); *Он топором по голове – **брик**, потом по мотоциклу – **боум**, потом в толпу **пси-ш-ш;** Он **бряк-бряк** по столу-то, да я не шибко пужливая..* (Соколово Вер.); *Я шибко испугалась тогда; сердце-то токо **бут-бут**. Ну, думаю, топеря только туда дорога мне; **Буты-баты** – токо пятки вверх. Пала я, не знаю и как пала; У иё робята каки-ко уросливые. Только **хня-хня** целыми днями* (Усть-Уролка Черд.); *А дверь **гили-голи, гили-голи**, стара уж дак* (Соколово Вер.).

На письме довольно трудно отделить зафиксированный «звуковой жест» (например, в ремарках и драматических репликах обозначение кашля, вздоха, смеха и пр.) от собственно артикуляторной ФМ, т.е. «звукового жеста», оформленного фонемными средствами и выступающего в качестве языковой единицы. В звучащей речи различие ФМ и физиологического рефлекторного движения не вызывает сомнения, т. к. здесь ФМ отчетливо произносится (ср.: *Я отвечу тебе презрительным **ха-ха**; А ху-ху не **хо-хо***?; *А малый **чих*** да ***чих***: *простыл, видно; У нее все **хи-хи** да **ха-ха***). Впрочем, даже в письменных текстах «звуковой жест», фонемно оформленный, становится единицей речи.

В онтогенезе процесс наименования начинается у ребенка с именования ситуации как нерасчлененного целостного единства. В качестве единиц наименования используются звуковые комплексы (иногда лепетные структуры, иногда звукоподражательные, иногда аморфные детские слова, иногда структуры, совпадающие по своему звучанию со словами языка), индивидуализированные и разнообразные, которые состоят обычно из одного компонента и являются нерасчлененными. Ребенок выражает свое эмоциональное состояние в связи ситуацией. В содержательном плане эти единицы эквивалентны целому высказыванию, и их принято называть

голофразами [Лепская 1997: 25]. «Голофразы» часто сопровождаются направительными жестами, указывающими на что-либо в мире вещей, который ребенок видит, слышит, трогает или пробует на вкус. Голофразис имеет важнейшее значение как ступень жестозвукоизобарзительной, примарно мотивированной продукции, как начальная ступень знакотворчества и овладения знаком в онтогенезе [Воронин 1982: 139]. В детской речи голофраза также носит маргинальный характер, существуя на границе между жестом и звуковым словом, между незнаковым и знаковым характером звучания, между словом и предложением.

В филогенезе единицами протоговорения также считаются синтаксические «базовые партикулы» [Николаева 1996] или фонемы с неким глобальным значением, чаще всего синтаксическим [Studies... 1989].

Перечень грамматических свойств ФМ нуждается в коррекции, однако уже сейчас можно говорить об особом грамматическом статусе ФМ.

1.3. Лексико-семантические свойства ФМ

1.3.1. Структура значения ФМ. В структуре значения ФМ отсутствует грамматическая и лексико-грамматическая семы, тогда как категориально-лексические семы «звук, звучание» и / или «действие» являются константными. Отсутствие грамматических сем, их грамматическая неоформленность приводит к тому, что ФМ отказывается в статусе лексических единиц.

Неоднородность состава ФМ (ЗП, междометия, глагольно-междометные формы), которые включают ЗП- и ЗС- единицы, обусловливает различную грамматическую интерпретацию ФМ и отсутствие единых критериев их разграничения. В выделении междометий актуализируется семантический (чаще экспрессивно-смысловой) критерий, ЗП – денотативная природа, а в глагольно-междометные формы выделяются на основании функционального (чаще синтаксического) критерия.

В макрокомпонентной структуре значения ФМ обязательным компонентом является коннотативный (эмоционально-оценочный, фоносемантический, стилистический и / или экспрессивный) компонент.

Спецификой семантики ФМ является их сверхэмоциональное начало, где любая эмоция, переживание включает «здесь-и-теперь» удовлетворение [Василюк 1984: 50]. Именно эти единицы оказываются способны передавать семантику «здесь-и-теперь», поскольку являются собою синкретичные образы реальных событий в момент их проявления, т.е. «здесь-и-теперь» образ конкретной ситуации, действия, события. Они всегда выражают взгляд «изнутри» вещи, сущности, явления; в них совмещены функция и признак: действия, качества, предмет и эмоция слиты в едином звуковом комплексе. ФМ – это «попытка возврата к первоначальной диффузной чувствительности» (В. Скаличка) и «передача ежесекундного изменения жизни» (Ж. Жаккар).

Ср. в художественной речи: *А почему кинешь, потому как о кохинорцы эти не по-нашему говорят.* ***Бал-бал-бал*** *да* ***бал-бал-бал*** *– да и все тут, да и ничего не разберешь; Вот проснешься от такого сна – во рту сухость, а сердце****: тылдых! тылдых!*** (Т. Толстая. Кысь). Здесь **бал-бал-бал** – это и сама речь, и звуки, издаваемые в процессе говорения, и качества речи (неразборчивая, невнятная), и само действие говорения; **тылдых-тылдых** – стук (звук) сердца, качества стука (сильный, частый, взволнованный), эмоциональное состояние, само действие.

В частушке: *Мне не надо* ***чики-брики*** *на высоких каблуках, лишь бы личико почище, ничего, что в лопотках*. Здесь **чики-брики** – это сама девушка, ее манеры, внешний вид, походка, поведение, моральные устои, характер, а также отношение (эмоциональная оценка) говорящего к ней.

В загадке: *Пришел* ***шуру-муру*** (волк)*, унес* ***чики-брики*** (овцу). Здесь **шуру-муру** – поведенческие и внешние характеристики волка, звучания, издаваемые хищником; **чики-брики** как нельзя более точно передают и бессилие овечки перед хищником, и ее отчаянные попытки освободиться и физическую слабость, и отношение к целой ситуации («овечку жалко»).

Обычные лексемы абстрагированы от пространственно-временного момента и предлагают взгляд «со стороны», оценивающий эмоцию и анализирующий ситуацию, расчленяющий сам предмет, его качества и действие. Типичная для ФМ редупликация (полная или частичная) является

не просто формальным, но и семантическим компонентом, который не только усиливает эмоционально-оценочное, экспрессивное и образное начала, но и несет семантику «здесь-и-теперь», указывая на динамику действия, его существования в условно «настоящем» времени.

В онтогенезе в речи ребенка междометия также семантически диффузны: одни и те же выражают как положительные, так и отрицательные состояния, а средством актуализации эмоций служат интонация, мимика и жесты. По мере взросления ребенка эти единицы дифференцируются, приобретают условный, знаковый характер и начинают служить средством преднамеренной передачи информации об эмоциях и желании / нежелании контакта [Лепская 1996]. Исследования по детской речи также указывают на маргинальный характер детских ФМ, которые граничат между субъективным импульсами и началом объективного содержания звукового комплекса.

Анализ материала «взрослых» ФМ показывает, что они берут начало в рефлекторных выкриках, семантически диффузны (одна и та же единица выражает прямо противоположные смыслы) и тесно связаны с паралингвистическими факторами (интонация, высота тона, длительность, жестовая поддержка) [Шляхова 2003, 2004]. Ср. самое частотное слово у митьков (экспериментальное товарищество ленинградских художников): *«**Дык** – слово, могущее заменить практически все слова и выражения. **Дык** с восклицательной интонацией заменяет слова: как, кто, посему, за что и др., но чаще служат обозначением упрека: мол, как же так? Почему же так обошлись с митьком? **Дык** с восклицательной интонацией – чаще горделивая самоуверенность, согласие со словами собеседника, может выражать предостережение. **Дык** с многоточием – извинение, признание в совершенной ошибке, подлости и т. д.»* (Митьки, описанные Владимиром Шинкаревым и нарисованные Александром Флоренским).

В макрокомпонентной структуре значения ФМ обязательным компонентом является эмоционально-оценочный, экспрессивный, стилистический и фоносемантический компонент, а в микрокомпонентная структура включает временную сему «здесь-и-теперь» и сему интенсивности («очень»), но не содержит категориальных грамматических сем.

Сравнивая макрокомпонентную структуру не ЗИ-лексемы, ЗИ- лексемы и ФМ (см. Приложение 3.4 табл. 22), можно отметить, что лексемы звукоизобразительного и незвукоизобразительного происхождения отличаются мотивировочным компонентом, тогда как ФМ содержат все виды коннотаций.

Микрокомпонентная структура значения ФМ также отличается от обычных лексем. В семантической структуре ФМ вычленение дискретных смыслов невозможно по определению: семантика данных единиц диффузна, расплывчата, широкозначна. Так, ФМ отражают свойства различных видов ударов: 1) сила удара: а) физически затратный для человека: *На молотилке-то только* ***ах-ах*** *сбуживат, только стуки-бряки* (Усть-Уролка Черд.); *Вслед за молотом бухает подмастерье – кувалда молотобойца:* ***ух! ах! ух! ах!*** (В. Шукшин); *Трава долгушша, я её* ***бах-бах,*** *бахала до вечера, устала шибко* (Одинцово Караг.); б) легкий: *Крепко, легко играет молот мастера:* ***тут! тут! тут!*** (В. Шукшин); *Ты чо ето так хлопашь –* ***цик-цик****. Надо пушшэ стукать*); *Вот у Саны-то часы хороши: не звонкие, стих****а*** *так –* ***чак-чак*** **(**Усть-Уролка Черд.); ***Чох-чох*** *– постукиват только прялочка* (Фоки Чайк.);

2) ударяемая поверхность: а) металлическое, стеклянное: *Робята бидончики носят, токо* ***балды-колды****; В пост-от звонят, так душу вытянут –* ***бам-бам-бам****. Колоколо-то у их большоё* (Тохтуево Сол.). ***Бом! Бим! Бам!*** *Помогайте, звонари, я устал* (В. Хлебников); б) упругое: *Ты пошто его бякашь. Гли чё –* ***бяк*** *да* ***бяк*** *ево по горбине* (Жуланово Сол.); *Он ему по горбине-то* ***ёк*** *– не шибко уж дал-то, а смотри-ко чо, мужик и занемог* (Усть-Уролка Черд.); *Кулаком* ***бут-бут****, я Славку набуткала, поперешной!* (Акчим Красн.); в) жесткое: *У ткацкого-то станка, когда близко ремень притянешь,* ***бары-бары*** *шумит* (Усть-Уролка Черд.); *Бежим..* ***Бряк-бряк*** *в сумке какие-ко пеналы-своеделки, братовья наделают* (Обвинск Караг.); г) жидкое: *А когда икру мечут, дак токо* ***бузы-базы, буры-бары*** (Соколово Вер.); *Боталом-то пошто называют? Дак боталом по воде-то ботают. Ровно как* ***бот-бот****, удар такой, звук ли чё ли* (Усть-Уролка Черд.); *У нас пруд-от под горой. Ребятишки* ***були-бали*** *только купаются, буль до заката;*

Что ли зверь идет по воде? Чуешь, ***бурсы-барсы****?; Кто-то бредет, вода холодная, она бредет токо* ***бурсы-барсы, бурсы-барс*** (Акчим Красн.);

3) громкость: а) <u>громкий</u>: *Дятел, когда жених, дак токо* ***трр-трр*** *– далёко слышно ево* (Нердва Караг.); *В воздухе грянуло страшное* ***бббах!*** (Н. Лесков); ***Бом…бом.. бом*** *– заплакали колокола* (А. Весёлый); б) <u>тихий</u>: *Колокольчики-те* ***бриньг-бриньг*** *– это значит на лошаде едут* (Таман Усольск.); *Еду, еду в чистом поле; Колокольчик –* ***дин-дин-дин*** (А. Пушкин); *Коровы-те когда вместе, дак их колокольчики звенят только* ***жили-жоли*** (Усть-Коса);

4) другие свойства: а) <u>неожиданный</u>: ***Бац*** *в другое ухо: «Пшёл с глаз долой, чёрт паршивый»* (А. Весёлый); *Я б за свист тебя змеиный – да* ***бац,*** *По щеке* (М. Цветаева); *Поскользнулась И –* ***бац*** *– растянулась!* (А. Блок); б) <u>резкий, стремительный</u>: *А этот крутой* ***бджих*** *по веревке; Я с крыши* ***бджих****, навзничь упала и ни одной царапины*; в) <u>неслышимый</u>: *Сердце-то у иё ведь не каменно, полюбила ево, по вечерам серце-то* ***ах-ах-ах*** *стучит. Сидит, ждет ево* (Жуланово Сол.).

Однако подобное описание не имеет смысла, ибо каждая ФМ представляет особый, в определенной мере единственный (только «здесь-и-сейчас»), включающий все вышеперечисленные свойства (и еще многие другие) удар.

Ср. в контексте: 1) *Паря-то их сам не в себе. Возьмет палку и* ***хроп-хроп*** *по столу. А оне молчат. А чо делать?* (Усть-Уролка Черд.) – удар громкий, сильный, устрашающий, по твердому, не единичный; 2) *Едут в Верещагино на досмотр.* ***Гульки-гальки чуп-чуп-чуп*** (о стуке копыт лошадей)*, такие срамные. А у нас гладенькие, хорошие* (Соколово Вер.) – удар слабый, тихий, не прямой, не единичный, вызывающий жалость, сочувствие.

В онтогенезе также все ФМ являются «многозначными», т.е. закрепляют за одним звукокомплексом множество значений, что, с одной стороны, указывает на ограниченность элементов детской речи, с другой – на их синкретизм, семантическую диффузность, отсутствие у них стабильного значения. Ср. в детской речи: ***у-у-у*** – подражание плачу, дай, машина,

медведь; ***бу*** – бух, буквы, кипит чайник, что-то упало; ***ка-ка*** – Катя, ворона, желание оправиться, картошка, пока-пока.

Это же является характерным и для единиц проторечи. Еще Н. Я. Марр писал, что «древнюю речь отличают аморфность (отсутствие морфологии), моносиллабизм (односложность слов), синтетический строй, отсутствие (или плохая дифференциация) частей речи и полисемантизм»; «полисемантизму (многозначимости слов) предшествовал асемантизм (отсутствие какого-бы то ни было стабильного значения)» [Марр 1928:132]. Интересны мысли Н. Я. Марра о семантическом пучке, пучковом значении первичных элементов языка, что позволяет некогда одному общему трехзначному слову (или семантическому пучку, семантическому гнезду, пучковому значению) разложиться на три, которые являются разновидностями одного и того же слова [Марр 1928: 98]. В филогенезе единицами протоговорения считаются «фонестемы» с диффузной семантикой [Rolfe 1993]. Современные исследования характеризуют протоязык как многозначный, расплывчатый и ингерентно неясный [Lieberman 1984].

Очевидно, что фоносемантическое (через категорию фонемотипа) описание подобных единиц более адекватно. Так, ЗИ-функция звонкого взрывного – прямое отражение удара и указание на мгновенный характер звучания (***бот, бух, бу-бу-бу***); сонорный латеральный передает движение жидкости (***люпы-ляпы, буль***); аффриката – элементы чавкающей артикуляции (***чав-чав, лючк***) и т.д. [см. Приложения 2.12 – 2.14 табл. 19 – 21].

1.3.2. Семантическими свойствами ФМ являются**:** 1) наличие *эмоциональной оценки* (пейоративное / мелиоративное) и / или *экспрессивности* (сема «очень», интенсивность). Для артикуляторных ФМ типична эмоционально-оценочная пейоративная коннотация (***тьфу, фуй, бя***), для акустических ФМ эмоционально-оценочные коннотации возможны, но нетипичны. ФМ говорения обычно выражают в речи пейоративную оценку (***зу-зу-зу, бурк-бурк***). Экспрессивный компонент коннотации наиболее актуален для акустических ФМ (***шарах, трах, бабах***); менее частотны

экспрессивные коннотации в артикуляторных ФМ и ФМ говорения [Шляхова 1991];

2) характерность *образности семантики* (метафоричность, архетипичность, мифологизм, синкретизм). Наиболее отчетливо это проявляется в эстетически ориентированном тексте (см. гл. IV);

3) типичность *конкретности семантики* (наличие оттеночных смыслов на уровне синонимии, элемент значения «здесь-и-сейчас»);

4) семантика *простейших психофизиологических процессов* (звучащая и действующая плоть) преимущественно в артикуляторных ФМ;

5) тенденция к *энантиосемичности*.

Ассоциативные фоносемантические связи (в том числе идиолектные) помогают прояснить, с одной стороны, случаи народной этимологии, с другой – структуру фонемотипного состава и возможности семантического развертывания ФМ. В художественной речи ФМ осложнены разного рода (эстетическими, индивидуальными, культурными) коннотациями, однако, по нашим наблюдениям, ФМ в идиолекте структурируются по моделям общеязыковых ЗИ-слов. Ср.: *Из звуков* ***ти-те-та-та-то*** *складывается тетя Дотя; Стучит мелодично по белому, звонкому ряду холодноватых палочек –* ***то-то-то те-ти-до-ти-но*** *– что мне впоследствии тетя Дотя являлась преломлением звукоряда* (А. Белый).

Семантические связи ФМ заслуживают отдельного исследования. Семантические свойства ФМ подлежат дальнейшему изучению, однако даже при первом приближении виден особый семантический статус этих единиц, в том числе и на парадигматическом уровне.

Полисемия ФМ специфична. Анализ звукосимволических ФМ показал, что развитие ЗС-значения связано с ЗП-потенциалом единицы. На первый взгляд, звукосимволические ФМ следует рассматривать в рамках ЗП-подсистемы на уровне полисемии, однако их семантика не связана со сферой акустического денотата.

На уровне ФМ довольно трудно разграничить омонимию и полисемию. Омонимия ФМ является ложной, поскольку все «омонимичные» ФМ в конечном счете являются звукоизобразительными и этимологически

восходят к одному источнику. Изначально звукоподражательные ФМ в результате функционирования развивают ЗС-значение. Артикуляторные и акустические ФМ часто являются одновременно и ФМ говорения.

Ср.: **А*У* 1 *звукоподр.*** *диал*. Подзывные слова для собак.

А*У 2 *звукоподр. акустическое. **1.** *диал*. Вой волка. **2.** Вой собаки. *Белочка подымала кверху деликатную мордочку, моргала влажными черными глазками и в тон буфетчице начинала тихонько подвывать: «**А-у-у-у... Ау-ф... А-у-у...**»* (А. Куприн).

А*У 3 *звукоподр. артикуляторное. Крик младенца. *Валяй в Париж… целый год будешь кататься, а потом приедешь домой и, чего доброго, внучка застанешь… **ау…ау**… честное слово* (А. Чехов).

А*У* 4 *звукоподр. говорения* **1.** Речь издалека (в лесу). ***Ау! ау!*** *– услышали мы звонкий детский голосок, подходя к лесу* (А. Чехов); *Если б – «**Ау!**» – перекликнуться с лешим, С теми тенями, что век с нами юны* (К. Бальмонт). **2.** «Говорение» нечистой силы. ***Ау-ау*** *сгинь-скынь* (песня ведьм).

А*У* 5 *звукосимв*. 1. Выражает безнадежную ситуацию или указывает на неё. *Теперь-то уж **ау**, не догонишь его!* **2.** Восклицание, рассчитанное на ответность; призыв к общению. *Люди, **ау**, где вы все?; Да кто ж тут прозевал, Недоглядел? **Ау**, виновный, где ты?* (И. Фоняков); *Время есть, а денег нет, И в гости некуда пойти. **Ау!*** (В. Цой).

Синонимические и антонимические отношения в системе ФМ имеют особый характер. Во всех социально-функциональных разновидностях речи наблюдаются многочисленные синонимические ряды ФМ, с наибольшим количеством членов ряда – в говорах [Шляхова 1991, 2004]. Синонимический ряд шире у предположительно более «древних» ФМ со значением «удар», а также в тех функциональных стратах, которые сохраняют архаичные следы языка (говоры). В современной синхронии ФМ также существуют в виде многочисленных синонимических рядов, дифференцируя многие нюансы реальности, но особым разнообразием ФМ отличается живая устная речь.

В говорах, например, на уровне синонимии фразеологизмов, идиом, устойчивых сочетаний, построенных на основе ФМ, представлен человек в разнообразных его проявлениях, преимущественно негативных.

Ср.: а) о плохо соображающем, неумелом, мало понимающем в чём-л. человеке: ***А в голове, аля-улю, ни бе, ни ме [ни кукареку], тютя-ляпа, тютя да ляпа, тютя-ляпа шаньги стряпал, ни тю ни лю, ни рю ни мя, фик-фок*** (*У его а в голове-то, от его толку-то нет.* Воскресенск Караг.; *Учится в школе-то девка, да, знать-то, аля-улю, всё, бат, двойки да колы носит.* Костьящер Караг.; *Спрошу ево, а он че-то ни бе, ни ме*; *У меня дочь-та ничё не умиёт делать, как тютя-ляпа.* Дикова Караг.; *Нонче только тютя да ляпа в деревне-то и живут, кто уж совсем ничё не знат. Кто мал-маля грамотной, дак в город уходит.* Вавилова Сол.; *Мужик был ленивой, ни тяп ни ляп, только и провожал время смалолетними да чё да.* Пыскор Ус.; *Дак это разве умный человек, это ведь кака-то немочь, ни тю ни лю. Чего с его можно требовать.* Усть-Уролка Черд.; *У нас Ваня-то фик-фок, гли-ко на него. Полудурачина.* Усть-Уролка Черд.);

б) о беспечном, ветреном, безответственном человеке: ***аля-улю*** (*Дак он чего, аля-улю, беспутной.* Юрич Караг.; *Ты почто как аля-улю себя ведешь? От людей стыдно.* Тохтуево Сол.); ***крути-верти/ кути-верти/ круть-верть*** (*Жизнь-та у нонешней молодежи кути-верти. Живет он крути-верти, деньги есть, дак ладно, нет, дак тоже.* Юм Юрл.; *Это чо за девка – круть-верть – ни проку ни заботы ни о чем.* Усть-Уролка Черд.);

в) о человеке, обращающем на себя внимание своею внешностью, своим поведением: ***фу-ты ну-ты ножки [боты, оглобли] гнуты; мадам фу-фу, голова в пуху, а задница в перьях; чики-брики*** (*Фу-ты ну-ты из себя корчит!; Люба-то из городу приехала – чики-брики, не узнать.* Соколово Вер.).

Широко представлена на уровне ФМ эмоциональная сфера, а также различные проявления динамических характеристик процесса.

Ср.: а) что-л. быстрое, неожиданное, совершаемое поспешно (в том числе и действие); быстро, кое-как, наспех: ***куши-паши, кушки-пашки, кушки-пушки, кышы-паши, кульки-мельки, летки-петки, лесь-охрепесь, тяп-ляп, тютя-ляпа, шаля-валя, шинь-линь, шушки-пашки*** (*Оделась кульки-мельки и пошла.* Нердва Караг.; *Она куши-паши че-то собрала кое-как, да сели есть.* Обвинск Караг.; *Да ничё не успела. Глянула в окно –*

машина уже подошла. Я быстрее кушки-пашки, чё попало схватила; У нее все как не у людей, все чё-то кушки-пушки, все неопрятно; *Она кыши-паши собралась, полетела.* Нердва Караг.; *Гли-ко чё, лесь-охрепесь наделала, это что-ли работа тут.* Усть-Уролка Черд.; *Мы только летки-петки, летки-петки, вот как наелись.* Майкор Юс.; *Я чё-то тютя-ляпа разгребла, котомушку на горбину и ну – из дома-то.* Тохтуево Сол.; *Школа-то тяп-ляп построена.* Обвинск Караг.; *Ой, у ие все шаля-валя, шибко баба-то неладная.* Усть-Уролка Черд.; *Чё-то шинь-линь похватала как-ко быстряя, да и отправилась с ним.* Усть-Уролка Черд.; *Я нынче все как-ко шушки-пашки, скоряя, да и бежать.* Тохтуево Сол.);

б) ловкое, быстрое, умелое действие: ***чик-брик, чики-чики, чики-брики*** (*А сейчас мы чик-брик все это сделаем.* Карагай; *Она уж больно сноровная – чики-чики – огород вычистила.* Усть-Уролка Черд.);

в) действие, совершаемое медленно, длительно и/или бестолково, бессмысленно: ***шень-мань, шинь-мань, шинь да мань, шулты-булты, шунь-мунь, шунь-мань*** (*Я меня с им жись-то ни тянёшь ни везёшь. Мне всё надо скоря, а у него всё шень-мань.* Ефремы Сол.; *Надо быстрее собираться да идти в лес, а он шинь-мань, полчаса уж ждём*. Кольчуг Черд.; *Аля, пока мы с тобой шинь да мань, автобус уйдет и мы останемся*. Сосновая Гайн.; *Он с председателем уехал, шинь-мань с ним по полю, а дома чайник кипит*. Ленск Кунг.; *Пока легла, шулты-булты, раз, стук в окно*. Трошино Караг.; *Не дождешься его, надо уж давно выйти, а он всё шунь-мунь*. Чус Юрл.; *Я не могу даже смотреть на иё. Вот целый день шунь-мань, шунь-мань, и никакой работы не сробит*. Усть-Уролка Черд.

ФМ вступают в синонимические отношения лишь по одному признаку, однако на уровне другого признака их отношения будут являться антонимическими. Так, в контексте *Смотри вот тот колокол –* ***бом-бом*** *– это ты, а этот, как я, колокольчик* ***бям-бям****. Это как ты и я* [девушка своему молодому человеку] ФМ ***бом*** и ***бям*** выступают синонимами (удар по металлическому) и относятся к одному фоносемантическому классу АБ 10 (тоновые «послеударные» инстанты-континуанты – удар с последующим тоновым неударом). Вместе с тем эти ФМ вступают и в антонимические

отношения по признаку «большой / малый [колокол]» и «сильное / слабое [звучание]».

В быличке: *Русский дрался с татарином. Вот татарин опосля и хвастать: уж я русскому дал! Я ево* ***бот*** *да* ***бот****, а он меня* ***чик*** *да* ***чик*** очевидна антонимия по признаку «сильный / слабый [удар]», однако по характеру удара эти ФМ синонимичны – относятся к классу А 1 (инстанты – «сверхкраткий» шум или тон, одинаково воспринимаемый как акустический удар).

Подобные отношения можно наблюдать в миниатюре С. Альтова: *Один раз я перепутала и вместо* ***пиф-паф*** *ляпнула* ***бабах****! Он упал с кровати и подорвался на мине, приняв за нее бидон с молоком* [жена о храпящем муже]. Антонимия по признакам «сильный / слабый», «громкий / тихий» удар, но по типу удара – АБ 11 (чисто шумовые «послеударные» инстанты-континуанты – удар с последующим чисто шумовым неударом) – синонимия.

Однако в реальном функционировании ФМ легко вступают в синонимические (чаще) и антонимические связи. Ср. антонимия: ***Ох*** *– когда трудно, и* ***ах*** *– когда чудно, А не дается –* ***эх!*** (М. Цветаева).

Ср. синонимия: в говорах: *Уже если я в соседней комнате буду робить, то будет вечером* ***буты-баты, стуки-бряки*** (Соколово Вер.); *На молотилке-то только* ***ах-ах*** *сбуживат, только* ***стуки-бряки*** (Усть-Уролка Черд.); *Зайцы-те как говорят? Так это когда как: то будто* ***бу-бу-бу****, а то* ***бум-бум-бу****, другие опеть слышать де* ***бо-бо-бо*** (Жуланово Сол.); *А когда икру мечут, дак токо* ***бузы-базы, буры-бары*** (Соколово Вер.); *Я кошку-ту понужаю, дак она ведь только* ***зыры-бары, зыры-бары*** [туда-сюда] (Воскресенск Караг.); в разговорной речи: ***Бах-бах, ту-ту-ту****, сдавайтесь, вы убиты. Нет уж, я вас убил* [игра в войну]*; В голове у меня* ***стук-стук, бряк-бряк****: тут болит, там бренчит, здесь звякает* [о головной боли]*; Кости* ***бряк-бряк,*** *уши* ***шлёп-шлёп****, песок из ж..ы –* ***пш-ш-ш*** [о старости]; *Я чуть не умерла от страха. Гроза – ужас –* ***бух-бах-бух-бах****. А я одна дома*; в художественной речи: *Слишком много гудело голосов. Только и слышно было:* ***аааа****! и* ***рррр****!* (Л. Толстой); ***Гав! Гав! Ррр... гав! Авав!*** *– Аааа... ты кусаться? Очень хорошо, ладно...* (А. Чехов); *Биде в номере повергло Мохаммада в*

*шиитский транс на полдня: «Чего они только – **цок-цок-цок!** – тут придумали! **Ай-ай-ай**! Сколько это будет стоить?»* (В. Конецкий); *Крепко, легко играет молот мастера: тут! тут! тут! Вслед за молотом бухает подмастерье – кувалда молотобойца: **ух! ах! ух! ах!*** (В. Шукшин); ***Тук, тук, бух, бух, бух**... Ага.. Кто? Кто? Что?.. Ах, стучат, ах, чёрт, стучат* (М. Булгаков); ***Ббух!.. тадах!**.. – ударило за спиной, и, оборачиваясь на бегу, Бенедикт увидел, как вал взвивается на дыбы, как ломит вдоль улицы, взрывая запасные бочки с пинзином...* (Т. Толстая); в фольклоре: *Охотник выбегает. В зайчика стреляет. **Бах, бух** – полетел из зайца пух* (считалка); ***Зыры-бары, зыры-бары** бегаю по дому. **Тары-бары, тары-бары** не ходи к другому* (частушка).

Наиболее очевидны синонимические связи в устойчивых сочетаниях, в которых разные (часто функционирующие самостоятельно) ФМ сливаются в одну семантическую единицу. Ср. ***кишки-мишки; кушки-пашки; кушки-пушки; кыши-паши; тяп-ляп; тютя-ляпа; тяп да ляп; шалды-балды; шалтай-болтай; шаля-валя; шаляй-валяй*** «что-л. быстрое, неожиданное, совершаемое поспешно; быстро, кое-как, наспех».

*Митя вон ушёл, дак **кишки-мишки, кишки-мишки*** (Воскресенск Караг.); *Да ничё не успела. Глянула в окно – машина уже подошла. Я быстрее **кушки-пашки**, чё попало схватила; У нее все как не у людей, все чё-то **кушки-пушки,** все неопрятно; Она **кыши-паши** собралась, полетела* (Нердва Караг.); *Я чё-то **тютя-ляпа** разгребла, котомушку на горбину и ну – из дома-то* (Тохтуево Сол.); *Школа-то **тяп-ляп** построена* (Обвинск Караг.); *Бондарко великолепный отец. Смотрите, как сына воспитывает, не **тяп-ляп;** Уговор был бонбоньерки с драже на стол, а пустые – на диван, а у вас опять **шалды-балды** и все шиворот-навыворот* (Б. Пастернак); *Я не знаю, что с ней делать: уроки – **шалтай-болтай**, посуду мыть – **шалтай-болтай**, даже прическу сделать – тоже кое-как; Ой, у ие все **шаля-валя**, шибко баба-то неладная* (Усть-Уролка Черд.); У*роки делает **шаляй-валяй.***

В целом можно говорить о том, что синонимия и антонимия ФМ также определяются через фоносемантические свойства:

1) акустические ФМ. Антонимия существует на уровне противопоставления классов А (удары), Б (неудары) и В (диссонансы). Внутри классов Б и В возникает новый уровень антонимии – тон / шум. Синонимия существует в рамках одного фоносемантического класса А (удары), в остальных классах ФМ синонимия существует только в рамках одного типа. Ср. в классе Б антонимия на уровне типа и синонимия внутри типа: тип 2 тоновые континуанты (тоновый неудар, т.е. тон в его наиболее чистом виде) – ***ду-ду, ту-тууу, би-би*** «звук гудка, дудочки», ***пи-пи, уа-уа, ги-ги-ги, ау-ау*** «звук при визжании, писке», ***гу-у-у-у, у-у-у-у, угу-гу-гу*** «завывание ветра, метели», ***а-а-а*** «эхо», ***тию-тию-тию*** «звук пули», ***лю-лю, ля-ля, ла-ла, на-на*** «пение»; тип 3 чисто шумовые континуанты (шумовой неудар, т.е. шум в его наиболее чистом виде): ***псш-ш-ш*** «шуршание сыплющегося песка», ***шп-ш-ш, ш-ш-ш, с-с-с*** «шипение (в том числе паров)», ***пш-ш-ш, ш-ш-ш*** «шуршание, шелест».

2) артикуляторные ФМ. Антонимия на уровне классов А (носовые) и В (ротовые), однако синонимия существует уже не в рамках одного класса или подкласса, а только на уровне отдельного типа (см. Приложение 2.2.). Ср. в классе Б (ротовые) подкласс БА (ротоносовые) антонимия на уровне типа и синонимия внутри типа: тип 4 посвистывание **– *свись, фью, фьюить, фить, фюйть, фию, фиу;*** тип 5 чихание **– *пчих, апчхи, чих, чхи, пчхи*.**

Что касается родо-видовых отношений, то при отсутствии нейтрального члена ряда (удар, тон, шум вообще) невозможно определить и видовую специфику ФМ (см. Приложение 2.1).

Характерным признаком ФМ является энантиосемичность, которая сохраняется в значениях обычных слов, образованных на основе общего ЗИ-корня. Ср. *косить* «убивать» – *чесать* «ласкать, гладить»; *шиш* «нечистая сила, бес», *шишкун* «дьявол» – *часовня* «молельня»; *холодный* «равнодушный, недоброжелательный» – *холеный* «ухоженный», холить «заботиться».

Ср. также «противоположные» значения оппозиции «верх, гора, выпуклость – низ, яма, бездна, дыра»: *кочка* диал. «пень, горб, холм» – *кочкарь* диал. «чугун, котел»; *колода* диал. «пень», *скала* – *колода* диал.

«лодка, корыто, бочка, кружка, ларчик», *колодец, щель* арг. «яма, могила»; *пучить* «вздувать, коробить» – *пучило* диал. «пропасть»; *липяк* диал. «возвышенность» – *липовка* «липовая дуплянка».

Многие ФМ содержат в своей структуре «полярные» значения, особенно единицы ЗС-характера (см. Приложения 3.1, 3.2). Ср.: **ГЕ. 1.** Плач, вой. ***Геее!*** *– распялив совершенно потерявший всякие очертания рот, завыла Анна Ричардовна.* М.Булгаков. Мастер и Маргарита. **2.** Негромкий смех; хехеканье. ***Ге-ге!*** *В тифозных гошпиталях живал – не заражался, а у вас вдруг заражусь!* А.Чехов. Гость. ***Ге-ге!*** *– смеётся сапожник.* А.Чехов. День за городом.

1.3.3. Лексическая эволюция ФМ. От отрицания закономерности в системном развитии языков, от разрыва в моделях синхронического и диахронического аспектов языков современная лингвистика приходит к формулированию ряда эмпирически наблюдаемых тенденций системного развития лексики, которые обобщил А. А. Поликарпов [Поликарпов 2001].

На уровне ФМ также отмечаются выделенные А. А. Поликраповым *тенденции системного развития слова:* 1) тенденция к грамматикализации лексических единиц в ходе их существования в языке (Э. К. Трауготт, Б. Хейне, М. Хаспельмат, Л. Бринтон и др.). Большинство ФМ со временем переходят в разряд обычных слов, а подзывные слова имеют регулярную модель грамматикализации. Ср. ***тук – стук, стучать; динь – динькать; кх-кх – кашлять; апчхи, чхи – чихать, чих, чихание*** (здесь фиксируется последняя из трех (вдох, смычка губ, вдох) стадия процесса чихания);

2) тенденция к абстрактивизации значений слов со временем (М. Фасмер, Л. Блумфильд, С. Ульман, Ю. С. Степанов и др.) очевидна в развитии ЗС-значений у ЗП. Ср. значения слов ***время, ворота, ворот, воротник, ворошить, вращать, оборот, поворот, отворить, веревка, вертеть, верба, веретено, вериги, верста, верстак, верстать, вертел*** восходящих, как и ФМ ***верть***, к и.-е. корню ****uer*** (см. Приложение 3.3.4);

3) тенденция к реализации регулярных – синэстетических и логических – направлений установления ассоциативных связей между значениями в пределах слова в ходе появления у слова новых значений (Дж. Уильямс, С.

Улльман, Ю. Д. Апресян и др.). ФМ имеют регулярные семантические переходы, образуя достаточно жесткую модель семантического развития. Ср.: ФМ удара регулярно воспроизводятся на уровне следующих семантических связях: «Удар-вода»: мифологическое представление о появлении воды в результате раскалывания на уровне инстантов является семантически регулярным. Ср. **ТУК-ТОК**: **ток** «место молотьбы» – **ток** «течение», **поток; токарь – исток** «начало реки»; **БОТ-БАТ**: *диал*. **батог** «бич, плеть» – *диал*. **ботать** «болтать воду»; **ПУК**: **пукать** «лопаться со звуком» – *диал*. **пучина** «водоворот»; **ЧИК**: *диал*. **чикать** «резать» – *диал*. **чка** «плывущая льдина».

Регулярны значения, связанные с понятием «дерево, деревянный». Ср. **БАЦ**: **бацина** *диал*. «вица, прут, хворостина»; **ТЯП**: **тяпник** *диал*. «мелкий лесок»; **БАТ-БОТ**: **батожник** *диал*. «лес, годный только на мелкий хворост»; **бадовяк** *диал*. «усохшее дерево – межевый знак»; **ботник** *диал*. «осина с выдолбленной серединой». Архаическое сознание приписывало ветке, дереву и фаллическое значение, поскольку ветвь считали символом семейного счастья, плодородия (ср. родословное древо; сук-сука). Ср. **ЧИК: чикать** *диал*. «ударять» – **чикать** *арг*. «coire»; **ДОЛБ**: **долбить** «ударять» – **долбить** *арг*. «coire»; **ТРАХ**: трахать «ударять» и «coire».

На уровне русских инстантов происходит этимологическое сближение понятий «удар-вода-человек». Ср. **БОЛТ**: *диал*. **болтус** «врун, болтун», **оболтус** «невежа» – **болтаться** *диал*. «с шумом барахтаться, плескаться (в воде, реке)»; **КОЧ: кочнуть** *диал*. «ударить» – **кочерга** *жарг*. «милиционер» – **кочеватик** «болото»; **ЛЯП-ЛЁП-ЛЮП**: **ляпнуть** «ударить» – **лепила** *арг*. «хирург» – **лепко** *диал*. «мокро»; **люпа** *диал*. «кто пачкается в мокром» – **хлюпанница** «топкая грязь»; **ляпыш** *арг*. «доносчик» – **ляпуха** «мокрый снег»; **ТУК-ТОК**: **токарь – потока** *диал*. «течка из уха».

Фоносемантический цикл «удар-человеческий орган» также регулярен. Ср. **БАТ-БОТ: батожить** «бить» – **батана** *диал*. «нога»; **ЛЯП-ЛОП: лопать** *диал*. «бить без пощады» – **лепетайло** *диал*. «язык»; **лупить** «бить, сечь» – **лупетики, лупачье** *арг*. «глаза»; **ЧИК**: **чикать** «бить палкой» – **чепчик** *арг*. «голова»; **КОК-КОЧ**: **кочконуть** «убить» – **кочерга** *диал*. «о ногах»,

кочережный *диал*. «крючковатый [нос]»; **накостылять** «избить» – **костяшка** *арг*. «зубы, руки, ноги», **костянка** *арг*. «кисть руки», «vulva», **костыга** «казанок»; **копать** *арг*. «бить» – **копыта** *арг*. «ноги»; **кокоток** *диал*. «удар» – **кокова** *диал*. «нижняя половина носа»;

4) тенденция к субъективизации значений слов, в т. ч. накопление элементов уменьшительности и увеличительности, одобрительности, неодобрительности и других видов оценочности (К. Джаберг, Х. Шрейдер, С. Ульман, Г. А. ван Донген, Э. Бенвенист, Ю. С. Степанов, Э. К. Трауготт, Д. Штейн и др.). Коннотации являются обязательным свойством ФМ. Ср., эмоционально-оценочные коннотации: 1) пейоративные: **а)** насмешка, усмешка: ***А-а-а**, это теперь называется учиться?*; **б)** ехидство, злорадство, издёвка: ***А-а-а**, попались, вот вам будет от Тоськи*; **в)** гнев, возмущение, негодование: ***А-а-а**.. так вы вазу любите больше, чем меня? – говорит ни с того, ни с сего француженка и – трах кулаком по вазе* (А. Чехов); **г)** укоризна, упрёк, порицание: ***Аа аа**.. ты кусаться? Очень хорошо, ладно* (А.Чехов); *Вот какие пошли нынче жёны-то! **Ай-яй**!* (В. Шукшин); **д)** тревога, испуг: *Голубчик, я не буду! **А-я-я-я-я-я-й**! Родненький, не буду!* (А. Чехов); **е)** раздраженность, недовольство: ***Ай-йа-яй**! Как же это мы так облажаись. Ну, а ты-то где был, чего рот-то раззявил?;* **ж)** огорчение, сожаление, разочарование: ***Ай, вай, вай**! – прибавиол жид, горестно потрясая пейсиками* (И. Тургенев) и др.;

2) мелиоративные: **а)** радость, удовлетворение: ***А-а-а-а**! Очень рад вас видеть. Что скажете хорошенького* (А. Чехов); ***Ба, ба, ба!** Пётр Петрович! Как поживаете?* (И. Тургенев); ***Гм**.. Чем же это она вам так понравилась? – спрашивает довольный супруг* (А. Чехов); **б)** восхищение, восторг: *Гли-ко че вытарапават ногами, а? **Ух** он и плясать мастак таким-то разом* (Тохтуево Сол.); ***Ба**! Да это же восемнадцатый век! Ты хоть понимаешь, что у тебя дома вот так валяется?!;* **в)** одобрения, похвалы, восхищения: ***Ай**, Маруся! Коса руса!* (М. Цветаева); ***Ай да** Гитлер, **ай да** молодец! – сказал он гнусавым голосом хулигана* (Д. Самойлов); ***Ба**! Да мы успехи делаем…*

Ср. бранное: ***Тресья бы тебе на язык**-от села, чтоб не обалтывала меня, бессовестная!* (Кольчуг Черд.);. *Да ты куда лезешь, малой? **Тресь-та в***

глотку *бы!* (Яранина Черд.); *Колокола за двенадцать верст как человек чисто говорили, дак поснимали колокола –* ***тресь-та бы села в руки****-те им!* (Пянтег Черд.); ***Тресья тебя побери****! Буде провалиться тебе в свою домовину* (Усть-Уролка Черд.); ***Тьфу****! Чтоб тебя черти! – возмущается горбач* (А. Чехов); ***Тьфу ты притча****! Страмина, как оделась! Эта чо жо мне люди про внучку скажут?* (Усть-Уролка Черд.); *Гвоздянка-то где-тоси здесь была, теперь найти не можно,* ***тьфу ты притча*** (Пыскор Ус.).

Общая пейоративная оценка**:** в устойчивых сочетаниях: *Дак это разве умный человек, это ведь кака-то немочь,* ***ни тю ни лю****. Чего с его взять* (Усть-Уролка Черд.); *Сидит Коля у ворот, Я мигаю – он поёт. Хоть убей –* ***ни тю ни лю****, Все равно его люблю* (частушка); *Почто эту штуку сделали: чё-то* ***ни тю ни лю*** (Усть-Уролка Черд.); в поговорках: ***Фу-ты ну-ты ножки / боты / оглобли гнуты. Мадам фу-фу, голова в пуху, а задница в перьях*****;**

5) тенденция к повышению частоты употребления слов с увеличением их возраста (Ю. А. Тулдава, М. В. Арапов). Наиболее древние ФМ (по данным этимологических словарей) являются и наиболее частотными;

6) тенденция к увеличению числа значений слов с увеличением их возраста (Ю. А. Тулдава). Наиболее древние ФМ развивают наиболее число значений (см. Приложения 3.1; 3.2; 3.3) [Шляхова 2004];

7) тенденция к распаду базового словаря языка, увеличению вероятности выхода слов из языка с увеличением периода их существования в языке (М. Сводеш). Можно предполагать утрату значительного числа ФМ в исторической динамике;

8) тенденции к омонимизации и деомонимизации лексических единиц с увеличением их периода обращаемости в языке (О. Есперсен, Л. В. Малаховский). Омонимизация ФМ отчетливо проявляется в признании за многими ЗП статуса междометия. Ср. ***ах*** – междометие рефлекторное, восходящее к рефлекторному (при опускании нижней челюсти) крику от боли и/или изумления. Более ранняя форма – **а** [Черных I: 61]; ***ой*** – рефлект. звук, инстинктивный выкрик [Шанский 127]; ***фи*** – связано с **т(ь)фи* [Черных II: 309].

В широком наборе процессов на *микроуровне лексической эволюции* (т.е. процессов, происходящих с каждым словом) доминирующими, т.е. наиболее типичными, чаще других реализующимися и поэтому наиболее значимыми для общей динамики лексической системы языка оказываются два типа процессов [Поликарпов 2001]:

1) процесс неотвратимого ослабления и потери тех или иных компонентов каждым из словесных значений в ходе его истории, в ходе его коммуникативного использования, т.е. его *абстрактивизация***.** Наиболее рельефно эти процессы наблюдаются в переходе от звукоподражательности к звукосимволизму. Элементарная структура ФМ не мешает им являться носителем многообразной и тонко дифференцированной информации абстрактного характера. Ср. ***тип-топ, тик-так, чики-паки, чики-чики, чики-брики*** «о хорошем состоянии, положении дел; все хорошо»; ***с бухты-барахты*** «о чем-л. немотивированном, не поддающемся логическому объяснению; ни с того ни с сего, необдуманно»; ***вась-вась*** «1) о дружеских отношениях; 2) о видимости хороших отношений; лицемерии в общении»; ***трынь-вень*** «о чем-л. не имеющим положительных качеств, свойств; плохом»; ***гульки-гальки*** «о физическом состоянии старости, дряхлости и / или неухоженности, неопрятности»; ***гыжи-важи*** «о трудном, медленном, кропотливом занятии»; ***лесь-охлепесь*** «о ком-, чем-л., содержащемся в беспорядке»; ***свись-посвись*** «1) о бесцельном времяпровождении; 2) о ком-, чем-л. энергичном, мобильном, интенсивном по степени проявления»; ***чики-чики, чики-брики*** «о ловком, быстром, умелом действии»; ***шурум-бурум*** «1) вещи, одежда; тряпьё; 2) путаница, неразбериха; 3) мошеннические действия, махинации, аферы; 4) скрытые, тайные действия; 5) суета, суматоха»; ***шуры-муры*** «любовные интриги, ухаживания; шашни (часто эвф.)»;

2) *процесс отпочковывания* от каждого из значений слова новых значений, причем, в среднем, относительно *более абстрактных,* чем каждое материнское значение (см. Приложения 3.1, 3.2, 3.3), где очевидно «прорастание» абстрактных значений из элементарного физиологического акта или звучании природы). Более того, эта же тенденция отмечается внутри семантики отдельно взятой ФМ, даже вне ее морфологизированных форм.

Ср. элементарный физиологический акт: **а)** стон ***О-ооо!.. О-ооо!***.. – *протяжно стонал больной, дрожа и вытягиваясь во весь рост* (В. Вересаев); **б)** громкий крик. ***Оооо!*** *– закричал раненый* (Л. Толстой).

Физическое состояние в целом: **а)** торможение, бессилие, депрессия. ***О-о-о-о!*** *Ничего не хочу, ничего*; **б)** возбуждение, волнение, нервозность. ***О,*** *господи! Отстаньте от меня все, уходите. Вали, сказали…*; **в)** боль, физические страдания. ***О-о-о-о*** *господи, как болит, дайте что-нибудь…* **г)** облегчение от боли, физического страдания. ***О-о-о!*** *наконец-то отпустило. Кто говорил, что эти таблетки фиговые?*

Психическое состояние в целом: **а)** гнев, возмущение, негодование. *И ты ему веришь? – кричал ему Синяя Борода.- Ты веришь этому негодяю?* ***О-о!*** (А. Чехов); **б)** восхищение, восторг, счастье. *Любим! Любим!! Любим!!! Как я счастлив, чёрт возьми!* ***О-о-о!*** *Тру-ля-ля!* (А. Чехов); **в)** отчаяние, страдание. ***О,о,*** *головушка моя бедная. Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная* (Л. Толстой).

Эмоциональная оценка: **а)** насмешка, усмешка. ***О! о! о!*** *Какие мы важные! Госпадя! Прямо не подойти;* **б)** одобрения, похвалы. ***О,*** *это дело! Кто надоумил?;* **в)** подтверждения, согласия. ***О,*** *как охотно бы в их обаянье Всю потопил бы я душу свою…* (Ф. Тютчев). ***О*** *да, я выпил целый штоф* (В. Высоцкий); **г)** отрицания, несогласия. ***О*** *нет, мой младенец, ослышался ты* (В. Жуковский); ***О*** *нет, то белеет туман над водой* (В. Жуковский.

Интеллектуальные реакции: уяснение, догадка. *Как это он сразу не понял – ведь это сон, переутомление. –* ***О,*** *господи! – Он ткнул себя в подбородок хуком и закурил сигару* (В. Высоцкий).

Менее значимыми, но существенными для микроуровня лексической эволюции, преимущественно варьирующими проявление выделенных типов процессов, являются следующие [Поликарпов 2001]:

1) *процесс потери* каждым из значений преимущественно тех *признаков*, *которые являются более специфическими* для данного значения на фоне других значений той же смысловой сферы. Наиболее очевидны эти процессы в утрате междометными ФМ их специфического (физиологического) значения и перевод его в эмоциональную сферу значений, закрепленную в

современной семантике. Ср. первичное значение ***ах, ох, эх*** «вздох, дыхание» сегодня фиксируется преимущественно в художественной речи: *А сам от горячности только вдыхает мятный, пьяный аромат ее волос –* ***ах, ах*** *– и выдохнуть не может, жалко* (Б. Акунин); *«****Ах-ах!****» – она во сне вздыхала* (В. Хлебников); ***О-хо-хо-хх****…Царица небесная! – слышится старческий вздох. – Зги не видать, темень-то, батюшка!* ***О-хо-хо-ххх...*** (А. Чехов); ***Эх!*** *– вздыхает Михаил Аверьяныч* (А. Чехов); ***Эх!*** *– вздохнул он* (И. Тургенев);

2) *процесс абсорбции значением субъективных компонентов* из закономерно расширяющихся контекстов употребления значения, протекающий менее интенсивно в количественном плане, чем процесс потери признаков, но заметный по изменению качества семантических компонентов у значений, проживших в языке некоторое время в сравнении с теми, которые только вошли в язык. Русские ФМ имеют значительный оценочный потенциал в семантике, поскольку развивают огромное количество значений эмоциональной оценки и эмоционального состояния (см. Приложения 3.1; 3.2; 3.3).

Эти семантические микропроцессы являются базовыми, определяющими динамику и остальных, производных микропроцессов жизненного цикла слова, включая такие процессы, как накопление и потерю значений различного качества, историческое изменение структуры таких семасиологических отношений и единиц, связанных этими отношениями, как синонимические, антонимические, омонимические, гипо-гиперонимические, категориальные и иные [Поликарпов 2001].

Рассмотрим семантический потенциал ФМ в исторической динамике и с учетом фонетической вариативности ФМ (ФМ – варианты ФМ – ФС-класс ФМ – общий и.-е. ЗИ-корень).

Так, на основе ФМ ***кап-кап*** в русских словарях зафиксировано около 30 слов и 9 фразеологизмов (без учета префиксально-суффиксальных образований). Литературный язык и говоры фиксируют ряд общих значений – *падение капель, незначительное количество, оттепель*. В литературном варианте специальные значения – *медицинские приспособления (капельница, пипетка), жидкое лекарство*. Специальные значения зафиксированы в арго –

контролер ИТУ. Семантика литературного языка ограничена значениями «*жидкость*» и «*приспособления для перемещения жидкости*». В говорах семантика ФМ значительно шире: значения, характеризующие человека и его поведение (*капельник* «повеса»; *каплюжник* «пьяница», «скупой, крохобор», «хитрый и льстивый», «нахал», «невзрачный», «неприятный, отталкивающий человек»), названия праздников и игр (*Василий-Каплюжник, Авдотья (Евдокея)-Каплюжница*), природных явлений (*капеж* «теплый весенний день с оттепелью», *капельник* «сталактиты, сталагмиты», *капель* «сосулька», «мокрая дождливая погода») (см. Приложение 3.3.1).

Если рассматривать развитие значений фонетических вариантов ФМ ***бах / бух / буч***, то их семантика связанна с тремя отчетливо выделяемыми семантическими полями: «природа» (*названия природных явлений, животных, растений*), «человек» (*обозначений частей тела и физических и психических состояний человека*), «человек в социуме» (*взаимоотношения, профессии, игры, орудия труда, быт* и пр.) (см. Приложение 3.3.2).

ФМ одного ФС-класса (инстанты) – ***кол, ляп, тук, стук, тык, бот, чуп, пуч, пук, долб, чок, коч, коп, чик*** и др. < и.-е. **(s)kep-, *(s)kop-, *(s)kap-, *(s)keu- , *ka-, *kuo-, *kou-, *ku-; (s)keup-: *(s)keub-; *peu-: *pou-: *pu-; *dhelb(L); *(s)teu-k-; *(s)kei-p-; *leip-; *(s)koi-p: *(s)kip-, *sek; *(s)kel-, *(s)kol-, *kl-* и др. со значениями «ударять, бить, бросать, долбить, отделять, распарывать, тыкать» развивают значения, которые в основном повторяет семантику, связанную с выделенными в предыдущем случае полями, однако их количественные и качественные (разнообразие значений) характеристики изменяются в сторону увеличения: «природа» (*небесные светила, природные явления, флора, фауна*), «человек» со стороны физиологии и психики (*тело, его дефекты, болезни, смерть, еда, питье, процессы мышления, поведение, общение*), «человек в социуме» (*развлечения, забавы, игры, праздники, профессии, правонарушения, материальное положение*). Как самостоятельное поле можно выделить «предметно-вещный мир» (*орудия труда и механизмы, посуда, средства и способы передвижения, имущество, постройки*). Здесь также отчетливо выделяется семантика более абстрактного порядка – *округлость, выпуклость, полость, искривленность,*

жидкое, вязкое, соединять, связывать, части, отходы, следы деятельности, граница, край. На этом же уровне формируются регулярные семантические переходы: *жидкость, вода, вязкое, липкое > грязь; дорога, путь > судьба > боль, страдание > неприятное положение* (см. Приложение 3.3.3).

Семантика русских слов, восходящих к и.-е. корню * uer-, к которому восходит и ФМ ***верть***, в целом повторяет вышеназванные значения, однако следует отметить значения самой высокой степени абстракции – измерение времени и пространства (*время, верста*), «другой» мир (*веретник* «вампир», *ворожить*) (см. Приложение 3.3.4).

В исторической динамике происходит не столько увеличение ФМ в качестве корневой морфемы, сколько расширение сферы их значений.

1.4. Выводы по разделу

Русские ФМ требуют более детального исследования, однако уже сейчас можно говорить о том, что ФМ имеют в достаточной мере строгую модель бытования в языке. Типология русских ФМ (см. рис. 1) основана на типологии русских ЗИ-слов, где ФМ являются основой всех описанных фоносемантических групп и классов [Воронин 1982; Шляхова 2003].

Данная типология русских ФМ является предварительной, поскольку необходимы ее уточнение и детализация (прежде всего ЗС-подсистемы), однако представляется возможным говорить о том, что *ФМ-система является базой ЗИС языка*, которая в свою очередь, по данным фоносемантики, образует первооснову языка в целом.

ФМ существуют в языке не в виде хаоса, а образуют *определенным образом организованную систему*, которая соотносится с ЗИС-языка в целом. ФМ-система состоит из ЗП- и ЗС-подсистем, которые включают различные классы. Выделенные классы и группы ФМ (см. табл. 3; рис. 1) являются компонентами ФМ-системы, ее элементы – ФМ. Внешне хаотизированные, слабо структурированные языковые феномены обладают системностью, поскольку являются единицами языка, который и предопределяет системные свойства ФМ. Одновременно с этим в системе языка *ФМ образуют собственную подсистему, которая сохраняет примарную мотивированность*.

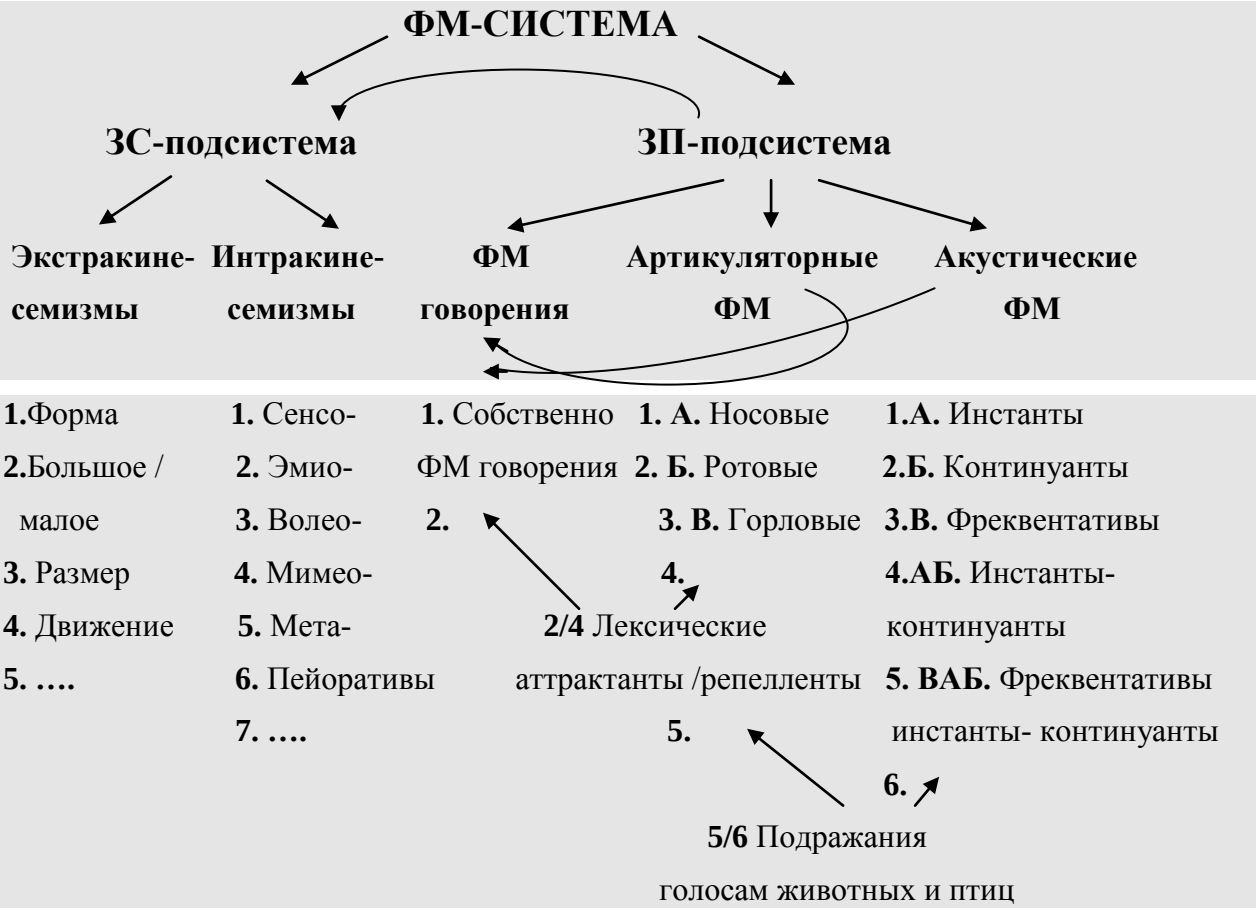

Рисунок 1

Этимологический анализ всего корпуса русских ФМ показал, что в подавляющем большинстве данные единицы имеют *архаичную звукоизобразительную природу* (см. табл. 1). Если исходить из положения о древней природе данных единиц, то следует признать, что ономатопоэтическая теория происхождения языка заслуживает более пристального внимания лингвистов.

ЗИ-этимологии русских ФМ
(по данным этимологических словарей)

Класс ФМ	Наличие ЗИ-этимологии (%)
Акустические ФМ	***99,7***
Артикуляторные ФМ	***100***
ФМ говорения	***100***
Подражания голосам животных и птиц	***100***
Слова клича и отгона животных и птиц	***100***

Таблица 1

На древнюю природу русских ФМ указывает их принадлежность к индоевропейскому лексическому фонду: 99,65 % ФМ квалифицируются словарями как индоевропейские по своему происхождению (см. табл. 2).

Происхождение русских ФМ
(по данным этимологических словарей)

Лексический фонд	Группы ФМ		
	Акустические ФМ	Артикуляторные ФМ	ФМ говорения
Индоевропейский	***99,4***	***100***	***99,55***
Общеславянский	***0,6***	-	***0,45***
Общевосточнославянский	-	-	-
Собственно русский	-	-	-

Таблица 2

Количественный анализ русских ФМ (см. табл. 3) показывает, что наиболее частотными русскими типами являются акустические ФМ (23%), ФМ говорения (20,6%), слова клича и отгона (17,1%), а также звукосимволические ФМ (18,3 %).

Состав русских ФМ

Класс ФМ	%
Акустические ФМ	***23***
Артикуляторные ФМ	***11,7***
ФМ говорения	***20,6***
Подражания голосам животных и птиц	***9,2***
Слова клича и отгона животных и птиц	***17,1***
Звукосимволические	***18,3***

Таблица 3

Ср. состав ФМ в детской речи, где (по материалам KID-словаря и CDI-словаря) 36 % ФМ являются ЗП крикам животных и птиц (***ав-ав, ку-ку, р-р-р***), 23 % – ЗП звучаниям внешней среды (***бух, та-та***), 26 % – ЗП физиологическим звучаниям (***ка-ка, ням-ням, а-а***). Вероятно, ребенок ближе взрослого к естественной среде: во взрослых ФМ очевидно уменьшение значимости физиологического фактора и подражаний голосам животных и птиц.

Акустические звучания являются самым многочисленным классом русских ФМ, являя собою подсистему в рамках ЗИС языка. Все ФМ, зафиксированные в словарях, относятся к и.-е. лексическому фонду, что позволяет говорить об относительно древней природе данной ФС-группы. Этимологическая семантика ФМ сохраняется неизменной даже в случае утраты ФМ в ее первоначальном виде и ее современной реализации лишь в качестве корневой морфемы. Однако все акустические ФМ развивают

огромное количество значений в ЗС-сфере языка, связанных с ассоциативным типом семантики (см. Приложение 3.1; 3.3).

Артикуляторные звучания находят незначительное отражение (часто представлены единичными примерами) в язфке, однако их системность является безусловной. Все ФМ, зафиксированные в словарях, относятся к и.-е. лексическому фонду. С течением времени не происходит пополнение данной группы, что отражает неизменность физиологического бытия человека. Однако это не означает семантической «консервации» артикуляторных ФМ, которые развивают много значений на уровне перехода в ЗС-пространство (см. Приложение 3.1; 3.2). Более того, артикуляторные ФМ обозначают не только физиологически значимые стороны бытия человека, но и те сущности, которые включены в наиболее сложные семиотические контексты (семантика смеха, слез, чихания). Сфера артикуляторных ФМ – своеобразный «тигль человекообразования» (М. Мамардашвили), где происходит переход от примитивного физиологического бытия к духовному осмыслению мира.

Рассмотренные корни лексики говорения при исследовании *ФМ говорения* позволяют сделать выводы о том, что большая часть корней лексики говорения относится к и.-е. лексическому фонду (75%), что говорит о древней природе данной семантической группы. Хотя индоевропейские, общеславянские, общевосточнославянские и собственнорусские корни имеют приблизительно сходную семантику, следует отметить, что общеславянский, овщевосточнославянский и собственнорусский лексический фонды значительно уступают в семантическом разнообразии и количестве единиц индоевропейскому лексическому фонду. Чем ближе к современности, тем меньше единиц, номинирующих процессы речи и мыслительной деятельности.

Сравнительный анализ семантики корней русских ономатопов говорения, относящихся к различным эпохам возникновения, показывает (Приложение 1.7 табл. 7) усиление антропоцентрической модели в восприятии человеческой речи нашими предками. И.-е. эпоха развития языка фиксирует равноправное положение звуков природы и звуков человеческого

языка, что позволяет предположить диалогический характер отношений человека и природы. При этом человек уже не только четко отделяет свое говорение от «говорения» животных, но и занимает доминирующую позицию по отношению к ним. Более поздние эпохи развития языка (общевосточнославянская и собственно русская) показывает, что речь человека уже осознана им (единичное возникновение корней) и голоса природы и животных отступают на второй план по отношению к голосу человека.

Все *лексические аттрактанты и репелленты* имеют ЗИ-природу и являются в языке исключительно в виде ФМ. Можно полагать, что коммуникативные коды в общении человека с животными не эволюционируют, тогда как ФМ, направленные на человеческие коммуникативные системы (акустические, артикуляторные, говорения), претерпевают в своей эволюции существенные изменения. Современная семантика слов-обращений к животным и птицам показывает, что коммуникация со стороны человека по отношению к животному носит односторонний характер: человек не вступает в диалог с животным, а навязывает ему свою волю. Все слова-обращения в современной синхронии обусловлены утилитарными целями: подавляющее большинство всех обращений к животным составляют подзывные слова, тогда слова отгона и команды представлены незначительно.

Этимологический анализ показывает, что слова-обращения к животным сохраняют следы первичной вербально-императивной функции речи, которая позднее сменяется коммуникативно-информационной. На архаичную природу данных единиц указывает их стопроцентная примарная мотивированность, синкретичность семантики, а также неизменяемость формальной структуры. Неспособность данных ФМ к семантической и морфологической эволюции указывают на их маргинальный статус в языке, где они сохраняются как языковые атавизмы, исчезновение которых, вероятно, невозможно.

Анализ русских *подражаний голосовым сигналам животных и птиц* показывает, что в целом голосовые сигналы животных и птиц составляют

незначительный процент состава русских ФМ. В современной синхронии голоса животных и птиц малозначимы для человека. Однако зафиксированные в языке звучания отражают довольно широкий круг и тонкую дифференциацию голосов животных и птиц, которые выделяет человек. «Прозрачная» природа данных ФМ не вызывает сомнения в их ЗИ-природе.

Анализ *звукосимволических ФМ* показал, что различные классы ЗП развивают одну и ту же систему значений [Шляхова 2004]. Семантическое развитие значений ЗП выводит «звучащие» смыслы на самый высокий абстратный уровень значений.

Исследование *лексико-семантических и грамматических свойств ФМ* в парадигме традиционной лингвистики позволяет утверждать их особый языковой статус. С одной стороны, ФМ образуют маргинальный слой между грамматичностью и аграмматичностью, между лексическим значением и «размытым» значением. С другой стороны, на уровне ФМ отчетливо проявляются законы макро- и микроэволюции исторического развития слова.

2. ФМ-СИСТЕМА В ФОНОСФЕРЕ: ПРОБЛЕМА ВНЕШНЕЙ СИСТЕМНОЙ СРЕДЫ ФМ

2.1. Границы биосферы и семиосферы

О корреляции биологических и социальных основ коммуникации говорилось всегда, равно как и об изоморфизме предмета исследования в рамках лингвосемиотики и биосемиотики. Необходимо определить, в рамках каких семиотических систем пребывают ФМ, какие закономерности предопределяют их лингвосемиотический статус. Поскольку все ФМ являют собою ЗИ-единицы древнего происхождения, то можно полагать, что звук, который, вероятно, и лежал в основе называния мира, не только является важнейшей составляющей коммуникации, но образует организованную знаковую систему.

Для человека является типичным описывать, представлять, осмыслять язык как таковой и языковые знаки через природные звучания, где происходит ассоциативная корреляция биологического и семиотического. Так, дети не дифференцируют звуковую биосферу и семиосферу, причем

наделяют звучащим человеческим языком любой биологический и семиотический объект, давая им возможность передавать информацию, которую дети способны воспринимать. Подобный антропоморфизм является обычным в традиционной культуре, где человек и природа (resp. семиотическое и биологическое) способны к взаимопониманию [СМ: 35].

Законы семиотики с самого ее возникновения в виде отдельной науки распределялись по трем ее разделам, которые Ч. Моррис определил как синтактику, изучающую отношения между знаками; семантику, изучающую отношения между знаками и обозначаемым предметом; прагматику, изучающую отношения между знаком и человеком [Моррис 1983]. Позднее соотношение частных семиотик с указанными частями общей семиотики привели к такой диспозиции: 1) биосемиотика, изучающая вопрос, каким образом в процессе эволюции нечто стало значить нечто, более отвечает семантике; 2) этносемиотика – прагматике; 3) абстрактная семиотика – синтактика. Лингвосемиотика отвечает всем трем частям, так как она сама и есть прообраз общей семиотики [Степанов 1971].

Сложилось так, что доминирование лингвистических методов в структуралистской семиотике стало восприниматься как непременное условие последней, а ее предметом – считаться «все то, что поддается средствам лингвистического описания» (И. Ревзин). К середине XX века стало ясно, что и невербальные системы коммуникации, и произведения человеческой культуры – это тоже знаковые системы, для изучения которых можно и нужно экстраполировать приёмы (вербальной) семиотики. По Р. Барту, не лингвистика должна рассматриваться как раздел семиологии, а наоборот, семиология – как раздел лингвистики, пусть и несколько расширенной [Барт 1975: 115].

Однако не все семиотические системы можно описать лингвистическими средствами. В частности, исследование визуальной коммуникации привело к пониманию того, что «далеко не все коммуникативные феномены можно объяснить с помощью лингвистических категорий» [Эко 1998: 121]. По У. Эко, предмет семиологии распространяется на все феномены коммуникации

в культуре, основанные на конвенциональных кодах, которые, однако, могут существенно отличаться от лингвистических систем.

Ю. М. Лотман также установил необходимость сосуществования вербального языка и подобных ему систем с системами принципиально иного типа в рамках единой для них «семиосферы» [Лотман 1992, I].

Семиосфера, по Ю. М. Лотману, – «некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями». Все уровни семиосферы – «от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических систем – являют собою как бы вложенные друг в друга семиосферы». Если ноосфера имеет материально-пространственное бытие, охватывая часть нашей планеты, то пространство семиосферы носит абстрактный характер [Лотман 1992, I: 11-12]. Понятие *семиосфера* моделируется Ю. М. Лотманом вслед за понятиями *биосфера* и *ноосфера*, введенными В. И. Вернадским.

Условно можно выделить два основных подхода к определению границ семиосферы: 1) семиосфера противопоставлена биосфере, 2) семиосфера является частью биосферы.

В семиотической культурологии Ю. М. Лотмана семиосфера – пространство, равное культуре, необходимая предпосылка языковой коммуникации. Устройство, состоящее из отправителя, адресата и канала информации, будет работать тогда, когда оно будет погружено в семиотическое пространство. Участники коммуникации должны иметь семиотический культурный опыт.

С одной стороны, семиосфера, по Ю. М. Лотману, противопоставлена биосфере, отграничена от нее. «Функция любой границы и пленки — от мембраны живой клетки до биосферы как (по Вернадскому) пленки, покрывающей нашу планету, и границы семиосферы — сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее. На разных уровнях эта инвариантная функция реализуется различным образом. На уровне семиосферы она означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешних сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних не-сообщений в сообщения,

т. е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию. С этой точки зрения, все механизмы перевода, обслуживающие внешние контакты, принадлежат к структуре семиосферы» [Лотман 1992, I].

С другой стороны, Ю. М. Лотман вводит в пространство семиосферы отдельные составляющие и техносферы, и социосферы, и биосферы. «Не-семиотическое» пространство фактически может оказаться пространством другой семиотики. То, что с внутренней точки зрения данной культуры выглядит как внешний, не-семиотический мир, с позиции внешнего наблюдателя может представиться ее семиотической периферией. Семиосфера современного мира, которая, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, включает в себя и позывные спутников, и стихи поэтов, и крики животных. Взаимосвязь этих элементов семиотического пространства не метафора, а реальность» [Лотман 1992, I].

Таким образом, границы семиосферы, понятой как сфера знаковой связи и, соответственно, как предметная область семиотических исследований, в рамках различных семиологических проектов окажутся различными [Чертов 2003]. Так, границы семиосферы могут совпасть с границами ноосферы в тех семиологических проектах, которые складывались на базе логики и видят в семиотике науку о средствах именно логического мышления, в рамках которого знаки выражают понятия. Однако можно говорить о совпадении семиосферы с «социосферой» в семиологии Ф.Соссюра, видевшего в ней «науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества» [Соссюр 1977].

Но социосфера включат в себя связи социальных индивидов только друг с другом и обществом как целым. За ее пределы выходят их контакты с физическим миром, опосредованные техникой, – «техносфера», понятая как сфера искусственно создаваемых человеком средств деятельности и способов их применения [Чертов 2003].

Принципиальная общность этих информационных процессов с процессами сигнальной связи в социальных и биологических системах обоснована в кибернетике Н. Винера. Задуманная как наука об «управлении и связи в животном и машине» винеровская кибернетика показала сходство

технических информационных систем не только с социальными, но и с биологическими системами. Информационные процессы, происходящих в биосистемах, являются предметом биосемиотики, которая вынесла границы семиосферы за пределы культуры в природу, распространив их до границ биосферы [15]. Биосемиотика определяет наличие знаковости и в коммуникации животных.

Не только люди, но и животные реагируют на некоторые вещи как на знаки чего-то другого [Моррис 1983: 37]. Если инстинктивные акты, по крайней мере некоторые (например, акт распознавания), основаны на явлении сигнала или знака, а поведение животного распадается на цепь таких актов, то, следовательно, по крайней мере, некоторые звенья этой цепи являются постоянно, регулярно и в типичной форме воспроизводимыми знаками [Степанов 1971]. Зоосемиотические исследования могут внести вклад в выявление коммуникативных универсалий, а также к пересмотру представлений об интеллекте у животных и к выявлению начальных этапов конвенционализации [Эко 1998]. Развитие семиотики привело к тому, что классическая (вербальная) семиотика стала рассматриваться в рамках биосемиотики [16].

---

[15] Биосемиотика исследует знаковые системы разных уровней – молекулярно-биологического (генетический код), внутриклеточного (сигнальные пептиды), межклеточного (медиаторы, иммунные взаимодействия), внутриорганизменного (гормоны, условно-рефлекторные реакции) и межорганизменного (телергоны, феромоны, аттрактанты). Семиотические системы организменного и межорганизменного уровней являются предметом специального изучения в этологии. Кроме того, биосемиотика покрывает всю проблематику, связанную с проблемой существования языка и мышления у животных [Седов 2003 б].

[16] Коммуникации людей, включая и многообразные феномены культуры – это очень сложные и высокоразвитые производные систем коммуникаций животных – гораздо более простых, но всё же аналогичных человеческим; большинство аспектов деятельности людей – от личностных мотивов до политических событий и объектов техносферы – имеют биологические основы. Поэтому здесь правомерна позиция вполне биоцентрическая: не биосемиотика является частью семиотики – лишь той, которая относится к живым организмам, исключая гуманитарные аспекты бытия; напротив, – то, что мы называем семиотикой, – это лишь часть концепций о знаковых системах живого – лишь о тех из них, которые созданы людьми; а потому они исторически стали первыми объектами семиотики – так как наиболее нам понятны. Более общая система знаний о структурах, функционировании и эволюции сложных систем, в ряде аспектов способная охватить семиотику языков (лингвосемиотику) и различные направления семиотики культуры [Седов 2003].

Столь широко очерченная семиосфера, выходящая за рамки и «проекта Соссюра», и «проекта Лотмана», и «проекта Эко» оказывается совместимой лишь с семиологическими проектами Ч. Пирса и Ч. Морриса, которые демонстрируют приложимость основных семиотических понятий к описанию равным образом человека и животного [Чертов 2003].

Характерно, что автономные исследования в рамках лингвосемиотики и биосемиотики приводят к общим выводам. Так, исследования в рамках LOS показывают изоморфность языковых и биологических моделей [Winter 1988; Smillie 1991], что позволяет предположить возможность «вырастания» человеческого языка из языка животных. Считается, что развитие языка – это результат развития эхолокации и акустической сенсорики [Frundt 1993], при этом язык человека в своем развитии опирался на язык приматов [Lass 1990].

С другой стороны, биологи XX века открыли макромолекулярные тексты – основы жизни, описание которые ведется в рамках лингвистической терминологии. Сейчас прочитаны (секвенированы) сотни тысяч фрагментов из геномов тысяч видов организмов. Пополнение этого генного «лексикона» сопровождается исследованиями азов генетических «грамматики» и «синтаксиса». Во многих участках ДНК выявлены рефрены – «темы с вариациями», ритмические и смысловые повторы, напоминающие омонимы, поэтические рифмы и музыкальные темы (что нашло своё отражение и в профессиональной лексике молекулярных генетиков) [Седов 2003]. Сигнальное поле млекопитающих аналогично организации текста и обусловлено двумя способами организации – парадигматическим и синтагматическим. Установлено также, что теория сигнальных полей млекопитающих апеллирует к семиотике адресата в большей мере, чем к семиотике адресанта [Мозговой и др. 1998: 7].

Выдвигая идею о дополнительности двух подходов к осмыслению биосферы – жизнь как текст и жизнь как изображение – биосемиотика апеллирует к культурной традиции обоснования жизни [17].

[17] Оказывается, что уже в верхнем палеолите периоды культур знаков-символов чередовались с периодами культур рисунков-форм. Так зарождались две тенденции, в дальнейшей истории цивилизаций порождавшие чередования культур двух типов – мы можем назвать их литеральными (с преобладанием текстов) и фигуративными (с

Таким образом, в современной интерпретации понятие семиосферы получает расширительное значение, поскольку включает в себя и ноосферу, и социосферу, и техносферу, и биосферу.

В свою очередь биосемиотика пытается обобщить семиотическую модель с включением в нее не только знаковых систем человека и компьютера, но и знаковых систем поведения животных и знаковых систем на уровне ДНК, где на равных существуют искусственно создаваемые в культуре знаковые системы и естественно складывающиеся системы сигналов и индексов.

2.2. Звук как универсальный семиотический код

В таком случае более актуальным становится вопрос не о внешних границах семиотики, а о внутреннем ее разграничении, о том, как различаются между собой семиотические механизмы разных типов и уровней.

Такое разграничение требует единого основания, в роли которого представляется уже недостаточно пригодным понятие знака, пусть даже и в широком пирсовском смысле. Требуется серьезная натяжка, чтобы применять его по отношению, скажем, к передаче информации на клеточном уровне или при семиотическом анализе картины, для которой не характерно выделение дискретных единиц. Больше свободы для различения семиотических средств разного типа предоставляет актуализированное кибернетикой Н. Винера понятие *информации*, трактованное, однако, не количественно, а качественно – как результат детерминации отношений отношениями по определенным правилам. Этими правилами может задаваться и прямая детерминация структуры, например, отпечатка штампа, и более или менее сложная система кодирования или декодирования информации. Именно второй случай и составляет предмет семиотики,

---

преобладанием изображений). Сейчас ясно, что объективно существует дуалистическая организация живого – в виде форм и в виде текстов. Однако – задолго до возникновения генетики и молекулярной биологии и даже задолго до становления наук в их современном понимании – разным культурным традициям были присущи как изобразительные, так и литеральные интерпретации свойств живых организмов [Седов 2003].

которую можно при этом определить как *науку о кодовых механизмах информационной связи* [Чертов 2003].

Эти кодовые механизмы различаются по своему уровню. Биологическим информационным процессам, как внутри-, так и межорганизменным, доступен только сигнально-индексальный уровень кодирования и декодирования информации. Знаковый же уровень связи, в том смысле этого понятия, в котором оно допускает применение без всякой натяжки, делается возможным только на уровне «антропосемиотики» – в рамках человеческой деятельности, где знаки, подобно техническим орудиям, оказываются искусственно вводимыми посредниками межсубъектной коммуникации. От сигнально-индексального уровня семиотических средств знаковый уровень отличается иным механизмом кодовой связи на основе отношения сигнификации, которое позволяет репрезентировать объекты независимо от их включенности в акт коммуникации [Чертов 1993].

Таким образом, биосфера и семиосфера снова оказываются противопоставлены уже на уровне системы кодирования.

Далее в работе будут использоваться термины *семиосфера, биосфера, социосфера.* Термин *семиосфера* употребляется в представленном выше лотмановском понимании, *биосфера* – в понимании В. И. Вернадского («организованная, определенная оболочка земли, сопряженная с жизнью», «поле существования жизни»), *социосфера* понимается как сфера искусственно создаваемых человеком средств деятельности и сигнальных систем, а также способов их применения. Понятие социосферы частично совпадает с понятием ноосферы в понимании В. И. Вернадского как развитие биосферы под воздействием разума человека, его рефлексии, мысли, сознательного и свободного изобретения. Биосфера и социосфера имеют материально-пространственное бытие, а сущность семиосферы абстрактна.

Одним из важнейших, хотя далеко не единственным, кодовым механизмом информационной связи в рамках как антропо-, так и зоосемиотики является звуковой код. При этом движение информации посредством звуковых кодов происходит как внутри биосферы, социосферы

и семиосферы, так и между этими сферами. Звуковые коды, занимают значительное место в коммуникации как животных, так и человека, что позволяет, с одной стороны, рассматривать эти системы как составляющую биосферы и социосферы, с другой, – как важнейшую составляющую семиосферы.

Здесь знаковая система есть материальный посредник, служащий обмену информацией между двумя другими материальными системами. Но определение знаковой системы как материального посредника требует всякий раз сразу указывать ту более широкую материальную систему, в которую как звено-посредник включается данная знаковая система. Перебрав достаточно большое количество таких систем, мы опытным путем убеждаемся в том, что их можно расположить в определенной последовательности. Можно было бы считать, что эта последовательность, «гамма», составляет особый закон семиотики [Степанов 1971].

Звуковые системы, функционирующие как в природном, так и социальном пространстве имеют маргинальный (пограничный) характер. Эти звуковые механизмы информационной связи и их составляющие, обеспечивающие коммуникацию как в биосфере, в социосфере и в семиосфере, так и между этими системами, можно определить как фоносферу.

2.3. Понятие фоносферы

Фоносфера (звукосфера, соносфера), которая существует на грани биосферы и семиосферы, имеет особый характер. Фоносфера, возникая на уровне биосферы, через ноосферу становится частью семиосферы, образуя многочисленные звуковые коды (музыкальный, языковой, биоакустический и др.). Фоносфера характеризуется маргинальными свойствами, поскольку существует в «просвете», «зазоре» между био- и семиосферой (см. рис. 2). Отдельные фоносферы существуют в рамках биосферы или могут возникать в рамках семиосферы. При этом многие биологические фоносферы (осознанные человеком) являются составной частью семиосферы, однако большинство биологических фоносфер остаются за рамками семиотических систем.

В целом понятие фоносферы пока не определено, хотя встречаются отдельные употребления подобных терминов. Термин фоносфера используется в музыковедении [Хлопов 2003, Козлович 2002], соносфера – в литературоведении [Ивлева 2004], звукосфера – в экологии [Шипунов 2004] и православии [Сергий (Рыбко); Симусева].

Фоносферу можно определить как некий звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемые человеком), техническими и культурно-семиотическими (осознаваемые человеком) звуковыми системами.

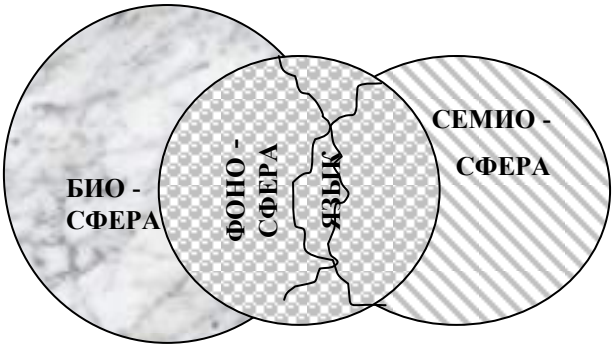

Рисунок 2

Фоносферу изучают различные дисциплины (экология, акустика, биоакустика, психология, физиология, музыковедение, лингвистика и др.), но установление структурной и функциональной взаимосвязи между отдельными образованиями фоносферы – дело будущего. Однако уже сегодня делаются попытки выведения отдельных фоносфер, существующих на уровне биосферы, на семиотический уровень. Биоакустики и биолингвисты выясняют семиотические коды языка животных и влияние природных звуков на жизнь и деятельность человека, психологи устанавливают взаимосвязь и влияние различных звучаний на формирование и изменение психики человека, музыковеды и композиторы соотносят музыкальные коды и природные звуки. В музыкальном дискурсе говорят об акустическом естествознании и звуковой экологии [Хлопов 2003]. Лингвистика пытается установить взаимосвязи звучащего мира и речевого звука в рамках фоносемантики.

Именно фоносфера человеческой речи является метой перехода от биосферы к ноосфере (семиосфере). Древние индоевропейцы считали, что

дар речи, наряду с «двуногостью», отличает людей от животных [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 471]. Фоносфера человеческого языка (*лингвофоносфера*) занимает промежуточное положение между биологической и семиотической фоносферами. Однако внутри биосферы существует множество других фоносфер (звуки природы, языки животных и птиц), которые, безусловно, соотносятся с фоносферой человеческого языка.

Знаковые системы в совокупности образуют непрерывный ряд явлений в объективной действительности, континуум. Человек членит этот ряд. В наиболее грубой, обобщенной форме эта классификация существует уже в самом разделении семиотик (био-, этно-, лингво- и т. д.) [Степанов 1971].

2.4. Структура фоносферы

В рамках фоносферы можно выделить биологическую (естественную, природную) и социальную (искусственную, антропо- и культурноориентированную) фоносферы. Соответственно, кодовыми механизмами передачи информации в рамках социофоносферы являются искусственно создаваемые в культуре знаковые системы, а в рамках биофоносферы – естественно складывающиеся системы звуковых сигналов. Биофоносфера и социофоносфера включают не-семиотические структуры – природные и технические шумы.

Как очередной этап семиозиса можно выделить собственно семиофоносферу (по Ю. М. Лотману), являющуюся результатом перехода биофоносферы и социофоносферы в пространство «другой» семиотики. В рамках семиосферы не-семиотическое пространство социо- и биосферы семиотизируется. То, что с внутренней точки зрения биофоносферы и социофоносферы выглядит как не-семиотический мир (природные и технические шумы), с позиции семиосферы может являться ее семиотической составляющей. На уровне семиосферы происходит фильтрация внешних звуковых сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних звуковых не-сообщений в сообщения, т. е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию.

Лингвофоносфера является маргинальной семиотической структурой, которая лежит на границе перехода биосферы в семиосферу. С этой точки

зрения, все механизмы перевода, обслуживающие внешние контакты, принадлежат к структуре семиосферы. Одним из важнейших механизмов перевода является звуковой код.

2.4.1. Биологическая фоносфера является предметом изучения биоакустики, экологии, этологии, зоологии, ботаники.

По мнению академика РАН эколога Ф. Я. Шипунова, в пределах биосферы существует созданная Творцом звукосфера, которую человек с некоторых пор преобразовал в шумосферу, хаос. Звук целителен для всякой живой клетки, а шум ее разрушает [Шипунов 2004]. Изучение звукосферы экологами и биоакустиками позволяет говорить об определенной звуковой «настроенности» биосферы, которая разрушается неорганичными ей звуками (шумами). Можно считать, что природная фоносфера органически включена в биосферу, тогда как социальная фоносфера порой может быть разрушительной для живого организма. Так, общеизвестно неблагоприятное влияние звуков тяжелого рока на психику человека, особенно младенцев, тогда как классическая музыка позитивно влияет на развитие живого организма.

Лингвистическая типология биофоносферы во многом основана на фонетической картине мира, представленной Ю. Казариным [Казарин 2000: 161-164]. В рамках биофоносферы выделяются:

1) натурфоносфера – звуки природных стихий в натурфилософском смысле (вода, воздух, огонь, земля), в том числе фоносфера осадков, состояния атмосферы, других метеорологических явлений (дождь, снег, движение воздуха и воды, оползни, ледоход и пр.): *Шел я, спотыкаясь; а метель, мне сугроб под ноги наметая, то вдруг: «**У-у-у!**» – кричала в темноте, то вдруг: «**А-а-а!**» – кричала, как живая* (Н. Рубцов); *В воздухе грянуло страшное **бббах!*** [о грозе] (Н. Лесков. Соборяне); *Гроза раскатится, так **гр-р-р-р…** Страшно* (Соколово Вер.); ***Гууу** ветер как собака воет. Холодно* (А. Чехов. На большой дороге); **У-*у-у-у-гу-гу-гуу*!** *О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне поет мне отходную* (М. Булгаков. Собачье сердце); ***Жжж! Жу-у-у-у!... Жу-жу-по-ка-жжжжу! –** ревела вьюга* (В. Шишков. Золотая беда); *Погода перемогалась. «**Кап-кап-кап**» долбили*

капли по железу водосточных труб и карнизов (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *...а сосульки жаром горят и наперебой работают**: кап-кап! трень-трень!*** (Т. Толстая. Кысь); *Они же первыми загорятся. **Пых**! – и нетути. Это же дрянь, береста, матерьял пустой.* (Т. Толстая. Кысь); *Лико чо – **шу-шу** – ветер-от* (Тохтуево Сол.); *Лодка-то испортилась, а вода **цилък-цилък**, все днишшо в воде* (Усть-Уролка Черд.); *Иду я по льду, а он **хрупы-храпы;** Скоро лёд по реке пойдёт, **труси-тряси** на всю округу слышны будут* (Соколово Вер.); *Иду по снегу, **хрупа-храпа**, хрустит под ногами* (Нердва Караг.);

2) <u>фитофоносфера</u> – звучания растений (шум листвы, рост, высыхание, разрушение, ломание, взаимодействие и физические контакты и пр.): *Вдруг ветер шевельнул старыми дубовыми листьями, и вышло из этого шума явственно: **ё–ш-ш-ш!*** (М. Пришвин. Еж проснулся); *Когда лось по лесу идёт, дак слышно **хрупы-храпы** далеко – сучья ломятся* (Жуланово Сол.);

3) <u>зоофоносфера</u> – крики (голоса) и звуки, издаваемые животными и птицами при движении, передвижении, поедании, взаимодействии: ***Тук-тук-тук-тэрррр**! – забарабанил зорю дятел* (В. Бианки. Мышонок); *Тятька **шур-шур-шур**. Шуршит, как оса в меду* (В. Астафьев. Монах в новых штанах.); *А бабочка крылышками **бяк-бяк-бяк-бяк,** а за ней воробышек **прыг-прыг-прыг-прыг**, он ее голубушку **шмяк-шмяк-шмяк-шмяк, ам-ням-ням-ням**...* (Песня их к/ф М. Захарова «Обыкновенное чудо»); ***Шварк-шварк**! – дикий селезень пролетел над речкой* (М. Пришвин. Кладовая солнца); ***Гу-гу-гу..** – красивая птичка снегирь на берёзе* (М. Пришвин. Осударева дорога); *Дружно свистели сорок четыре веселых чижа: чиж – **трити-тити**, чиж – **тирли-тирли**, чиж – **дили-дили**, чиж – **ти-ти-ти**, чиж – **тики-тики**, чиж – **тики-рики**, чиж – **тюти-люти**, чиж – **тю-тю-тю*** (Д. Хармс); *Сзади свистнули – по-особенному, по-хитровски, и еще филин заухал: **уху-уху!*** (Б. Акунин. Любовник смерти); *А филины, те все шубу просят и кричат: **шубу-шубу*** (Нердва Караг.); *Когда белка взбегает на елку, она джирскает: **джир-джир-джир*** (Акчим Красн.); *Кыса **шорк-шорк** лапкой по лавке, давай, де, молока*; *Чо-то, смотри, **шор-шор** за столом-то, мышь ле чо ли?* (Усть-Уролка Черд.); *Слепая я не могу за цыплятами-то доглядывать: они у меня*

фуры-пуры *через забор* (Нердва Караг.); *Мужик-то мой как закричит, а медведь да и пошёл от воды –* ***кувыль-кувыль-кувыль*** (Обвинск Караг.); *Зайцы-те как говорят? Так это когда как: то будто* ***бу-бу-бу,*** *а то* ***бум-бум-бу****, другие опеть слышать де* ***бо-бо-бо*** (Жуланово Сол.);

4) антропофоносфера – звуки, издаваемые человеком (кроме речевых звуков) при движении, передвижении, поедании, взаимодействии: *И уже раздаётся в воздухе знакомое «****клац-клац-клац****». Это стучат от страха их поганые челюсти!* (А. Арканов. Рукописи не возвращаются); *Вдруг у меня в сердце что-то* ***ёк****! Ёкнуло, стало быть* (А. Чехов. Он понял!); *А вот нас вывели босых на мороз, стоим час в ожидании, зубы:* ***дыр-дыр-дыр****, стоим другой, зубы:* ***дыр-дыр-дыр*** (М. Пришвин. Дорогие звери); *Он отвел от глаз бинокля, нагнулся и ...* ***апчхи****!!! Чихнул, как видите* (А. Чехов. Смерть чиновника) *«****Ах-ах!****» – она во сне вздыхала.* (В. Хлебников); ***Аа-х!*** *– застонала жена. – Да помоги же мне лев Иваныч! Умира-аю!* (А. Чехов. Житейские невзгоды); ***Геее!*** *– распялив совершенно потерявший всякие очертания рот, завыла Анна Ричардовна* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Бьёт и всё, как жеребёнок, повизгивает:* ***ги-ги-ги!*** (А. Чехов. Бабы); ***Кхи-пуа,-*** *храпел он, –* ***кхи-пуа*** (А. Чехов. Попрыгунья); *А в жилках пульса –* ***цик! цик!*** (А. Чехов. Капитанский мундир); *Он ее по руке* ***хрясь*** *– не лапай. Шагнул к купцу и* ***хрясь*** *ему кулаком по скуле* (Б. Акунин. Любовник смерти); *Правая нога –* ***хрусть*** *пополам! Левая –* ***хрусть****, пополам! Вот до чего эти трамваи доводят!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *А то нижнюю губу выпятишь и пальцем по ней дрынькаешь, а она вроде как хлопает: звук такой смешной,* ***шлеп-шлеп*** (Т. Толстая. Кысь); *Он уходил не подымая ног:* ***човг-човг… човг-човг…*** (Г. Щербакова. Песня песней у ног лежачих женщин); *Нужно [пескарей] почистить, потом обвалять в толчёных сухарях и жарить досуха, чтобы на зубах хрустели ...* ***хру-хру-хру*** (А. Чехов. Иванов); *Сердце, как молот, Кузнечным мехом: тук!* (М. Кузмин); ***Рррых!*** *– скрипел Иван Африканович зубами* (В. Белов. Привычное дело); *Я чо-то часто слышу у себя* ***ёк-ёк*** *– то сердце даёт себя почуять. Надо в больницу ле чо ли; Сана-то чапает с бани –* ***чах*** *– свалилась в канаву-то возле избы* (Усть-Уролка Черд.); *Веленки-то мне скатали шибко большие, и хожу* ***шуру-***

шары *– волочу ногами* (Обвинск Караг.). *Девки-те в городе* ***цапы-цапы*** *ходят, шпикли* [шпильки] *у их* (Соколово Вер.); *Невеста-то* ***хрясь-хрясь*** *по столу. Все кулаки исхрящет, когда за немилого отдают* (Тис Сукс.).

Эти фоносферы также являют собою маргинальные (переходные, диффузные) структуры. Так, зоо- и антропофоносфера практически совпадают, но их выделение обусловлено источником звука (человек-животное). Очевидно натур- и фитофоносферы на зоо- и антропофоносферу при взаимодействии и физических контактах и пр.

Связи зоо- и антропосферы прослеживаются в однокоренных ЗИ-словах: *баламут* «черноморская рыба» и «сплетник»; *косарь* «рыба чехонь» и арг. «симулянт»; *скалозуб* «рыба» и «зубоскал»; *кыч* диал. «вид пескаря» и *кичень* «гордец»; *тяпуга* диал. «мелкая рыба» – *тяпуля* арг. «любовница»; *щабер* диал. «лещ», *щепарь* диал. «небольшой окунь» – *щепотник* диал. бран. «тот, кто молится щепотью», *щепетильный* «принципиальный».

Также прослеживаются в ЗИ-однокоренных словах связи био- и антропосферы: *клюкала* «пьяница» – *ключевина* диал. «сырое место в лесу»; *кочерга* жарг. «милиционер» – *кочеватик* «болото»; *лепила* арг. «хирург» – *лепко* диал. «мокро»; *липоване* «раскольники» – *липовица* «липовый сок»; *люпа* диал. «грязнуля» – *хлюпанница* «топкая грязь»; *ляпыш* арг. «доносчик» – *ляпуха* «мокрый снег».

В рамках биосферы можно выделять системы естественных звуков, которые часто лишены информационной составляющей, что позволяет относить их к природным шумами.

2.4.2. Социальная фоносфера исследуется обычно в рамках музыковедения, однако У. Эко предлагает классификацию звуковых семиотических систем, которые он называет музыкальными, хотя включает туда и явления, не связанные с музыкальным пространством [Эко 1998].

В рамках социальной фоносферы можно выделить:

1) музыкофоносферу – музыкальные звуки: ***Та-та-та-три-три-та-ти-та!*** *– кинул трубач тревогу* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Алексей Алексеич вытягивается, делает знак, чтобы молчали, и издает камертоном звук: «****То-то-ти-то-том****... До-ми-соль-до»* (А. Чехов. Певчие); *Заходит этак*

боком, а потом берется верхняя нота, такая рассыпчатая... ***то-то-ти... ууу****. Понимаете? А тут в это время басы берут:* ***гу-гу-гу-туту****... Под вечер Надя станет веселей и сыграет это любимое:* ***то-то-ти-то-то****…* (А. Чехов. Забыл!); *Если встану – упаду. Дудочка поет:* ***ду-ду!*** (А. Ахматова); *Эти* ***там-там*** *да че сначала хорошо играли. А потом голые появились да чо* (Федотово Бер.); *В телевизере ох и* ***там-там****… на голове-то косички, каки-ко лохмотья на их, а то вовсё голые. Ой и писни нынче* (Жуланово Сол.); *На дудочке играют, дудят* ***ду-ду-ду*** (Акчим Красн.);

2) сигналофоносферу – специальные звуковые системы – азбука Морзе, военные сигналы, сигналы технических средств (телефон, СВЧ-печь, компьютер, будильник, зуммер, клаксон и пр.): *Пошли по телефонным проводам приказы. И по радио – тайные сигналы. Тире-тире. Точка...* ***То-то-то... Ти-ти-ти****...* (Л. Кассиль. Главное дело); ***Ту-ту-ту*** *– занято у них; Слышишь,* ***пи-пи*** *– кто-то мою Машку* [автомобиль] *пнул;* ***Би-би*** *машинка* (из детской речи); *У него сигнал на машине какой-то не тот: то как-то* ***блям-блям****, то* ***трррр-фррр*** *– ухает как-то;*

3) технофоносферу – технические шумы и звучания (работающий механизм, движение технических средств передвижения и пр.): ***Огого-гого-о-о****!- подхватывает локомотив* (А. Чехов. В вагоне); ***Ту-ту-ту****: паровоз,* ***ру-ру-ру-ру****: самолет,* ***пыр-пыр-пыр-пыр****: ледокол...* (А. Платонов. Фро); *Когда прокатывала дрожь поезда, голос Алферова смешивался с гулом, а потом снова всплывал:* ***ту-у-у, ту-ту, ту-у-у*** (В. Набоков. Машенька); *Крепко, легко играет молот мастера:* ***тут****!* ***тут! тут!*** *Вслед за молотом бухает подмастерье – кувалда молотобойца:* ***ух! ах! ух! ах****!* (В. Шукшин. Любавины); ***Та-та-та… Та-та-та… Та-та-та… Ш-пш.. Ш-пш.. Шш-ш-ш… Та-та-та… Да-да-да*** *Паровоз в храпе, паровоз в мыле, пыл пылом* (А. Веселый. Реки огненные); *Или бы специальную машину изобрели: сунул бы в неё тетрадь –* ***тр-тр-тр-тр!*** *– готово домашнее задание* (Л. Давыдычев. Жизнь Ивана Семёнова); *Я сёдни опеть всю ночь не спал. Парни надоели со своими тарахтелками* [мотоциклами], *всю ночь под окнами –* ***та-ра-ра, та-ра-ра*** (Жуланово Сол.); *Раньше я ткала, когда близко притянешь к себе рычаг,* ***туры-тары*** *стучит* (Трошино Вер.); *Трактор в поле* ***тр-тр-тр****, все*

мы боремся за мир: Раньше дак серпом жали, а щас комбайны токо ***рузы-разы, рузы-разы*** (Обвинск Караг.); ***Ру-ру-ру*** *– у самолёта пропилер, не ходи близко, враз башку-те снесёт*; *Бывало сядут девки-те в избе, и только* ***р-р-р*** *– веретёшечки* (Усть-Уролка Черд.).

Здесь также следует говорить об условности выделения фоносфер, о маргинальном, переходном, диффузном характере их границ. Так, частично совпадают музыко- и сигналофоносфера, сигнало- и технофоносфера; их выделение обусловлено функцией и характером (намеренный / ненамеренный) звука. Частично совпадают сигнало- и музыкофоносфера с натур-, фито- и зоофоносферой, что очевидно, например, в рамках медитативной музыки или экологического джаза, а также в сигналах сотовых телефонов, говорящих игрушках и пр. Связи био- и музыкосферы прослеживаются в однокоренных словах: *баламут* «черноморская рыба» – *балалайка*; *щабер* диал. «лещ» – *щипковый* «о музыкальных инструментах»; *тяпуга* диал. «мелкая рыба» – *тяпуха* арг. «гармонь».

В техносфере выделяются системы искусственных звуковых систем, лишенные информационной составляющей (технические шумы).

В рамках социофоносферы можно выделить также (с определенными оговорками) *лингвофоносферу* (речевые звуки, звуки говорения), однако более органична для нее переходная зона между биосферой и семиосферой.

2.4.3. Семиотическая фоносфера исследовалась в рамках лингвистики, этнолингвистики, музыковедения, культурологи, биоакустики и др.

Семиофоносфера является результатом перехода звуковых систем био- и социофоносферы в пространство «другой» семиотики, которая включает не только естественным образом организованные звуковые системы (исследуемые в рамках биосемиотики), но и не-семиотические структуры – природные и технические шумы. В рамках семиофоносферы не-семиотическое звуковое пространство социо- и биосферы семиотизируется. Другими словами, в семиофоносфере происходит интерпретация звуковых сигналов и шумов и «встраивание» их в контекст культурно-исторического пространства. Внешне хаотично звучащий мир, лежащий за границами семиофоносферы, семиотизируется и превращается в информацию.

Лингвофоносфера является маргинальной семиотической структурой, которая лежит на границе перехода био- и социофоносферы в семиофоносферу. С другой стороны, лингвофоносфера являет собою механизм перевода внешних (природных) звучаний и шумов сначала в рамки ноосферы, а через нее – в семиосферу.

В любом языке выделяется два уровня сообщений: денотативный (фактическое сообщение) и коннотативный (дополнительное значение, социокультурно обусловленная символическая нагрузка) [НФС: 896].

Для понимания сущности знака необходимо перенести внимание с «готового» знака на процесс его «порождения». Понятия знака («готового») и семиозиса (его «порождения») не являются несовместимыми: означаемое может быть схвачено только как результат интерпретативного процесса, сущность знака раскрывается благодаря неограниченному семиозису, выражающему то, что значения никогда не застывают в замкнутую и окончательную систему, поскольку мир знаков в процессе коммуникации находится в постоянном движении, структура кодов беспрерывно перестраивается [Эко 1998]. Внимание к коннотации в структуре знака привело к дискуссии между семиотикой коммуникации и семиотикой сигнификации. Семиотика коммуникации (Л. Прието, Ж. Мунен) настаивает на соссюрианском тезисе о предопределенности означаемого и означающего, не интересуется дополнительными значениями. Семиотика сигнификации (Л. Ельмслев, Р. Барт) сосредоточивает внимание на реальных социокультурных компонентах, перенося смысл исследований на сам процесс порождения смысла в результате семиозиса («семиология значения») [Косиков 1994: 21] [18].

[18] Ситуации практической жизнедеятельности формируют практические естественные классификационные системы. Ситуации коммуникативной жизнедеятельности формируют коммуникативные естественные классификационные системы – *языки*. Коммуникативные ситуации противопоставлены практическим ситуациям тем, что в них ставятся и достигаются цели не непосредственно практически значимые (как то: добывание пищи, нахождение укрытия, убегание от хищников и т.п.), а заключающиеся в «передаче» информации партнерам по общению, которая загодя пополняет ту или иную индивидуальную «пирамиду» абстракций, чтобы впоследствии (а то и немедленно) использоваться при необходимости в тех или иных практических актах жизнедеятельности для реализации целей выживания. Тем самым, ситуации

Принцип устройства механизма семиотизации звука (от просто бытия к смыслу) можно рассмотреть с опорой на типологию Ю. С. Степанова, который выделил основные типы знаковых систем, расположенные по степени нарастания семиотических свойств. «Для более полной и точной классификации необходимо учитывать различные ступени знаковости, наблюдаемые в пределах каждой из семиотик. Наиболее объективна классификация по типу «гаммы» («спектра», «градуальной классификации»), которая до некоторой степени, если не определяет, то разъясняет понятие «информация», которое входит в определение знаковой системы» [Степанов 1971].

Приводим гипотетическую **модель семиотизации ФМ** на основании градуальной классификации Ю. С. Степанова. Подчеркнем то, что здесь намеренно не используются различные ФМ, поскольку была сделана попытка показать процесс семиотизации биологического звука в рамках одной ФМ, что отражает надежность сохранения архаичной информации в семантике современной языковой единицы и показывает на уникальность ФМ, которая связана с возможностью моделировать процесс семиотизации в целом в рамках одной дискретной единицы.

1. ***Звукоизображение*** кашля, стона, зевания, поглощения пищи и пр., репрезентированное в языке артикуляторными ФМ. Внутреннее состояние отражения. Артикуляторные ФМ хранят информацию об артикуляторных процессах, но ФМ при этом есть часть самих артикуляторных процессов; знак не обладает свойством отдельности, система-посредник не выделима из двух систем (био- и семиофоносфера), между которыми она посредник.

А [здесь и далее редуплицированный] **1.** Громкий крик: **а)** от боли. *Он так орал –* ***а-а-а, а-а-а*** *– я даже не поверила, мужик ведь. Семь дней и семь ночей кричал на всю избу: «****А-а-а****». Даже вот страшно было* (быличка); *И*

коммуникации являются, в конечном счете, функционально-вспомогательными, зависящими от практических ситуаций, служащими им. Автономность коммуникативных ситуаций от вплетения в цепи практической жизнедеятельности может быть только временной, зависимость от них в конце концов будет обязательно проявлена. Это, в частности, предопределяет зависимость основных моментов исторической динамики коммуникативных систем (и языков, как их главных компонентов) от тех изменений, которые происходят в социально-экономической сфере общества [Поликарпов 2001].

вдруг как закричит: ***а-а-а-а!*** (Т. Толстая. Кысь); **б)** от радости. ***А-а-а!*** *Наконец-то сделала эту проклятую штопку;* ***А!*** *– радостно кричит Церетели, уцепясь за ногу Керенского* (А. Аверченко. Чертово колесо); **в)** от ужаса, испуга. *Он опеть как заорёт, на всю деревню* ***а-а-а, а-а-а.*** *Все уж к ему сбежались* (Усть-Уролка Черд.); *И вдруг она опять истерически закричала: «****А-а-а****! Вот, вот!»* (А. Беляев. Светопреставление); ***А-а-а-а-а-а!!!*** *– дико закричал он* (А. Беляев. Продавец воздуха); *С пятого этажа падают так: «****А-а-а-а****!!!! Бум!». А с первого наоборот: «Бум!* ***А-а-а!****»* (анекдот). **2.** Звук при зевании; зевоте. ***Ааа****.. мое вам! – зевает фельдшер. – С чем пожаловали?* (А. Чехов. Хирургия). < Рефлекторный звук, инстинктивный выкрик.

2. ***Звук хранит информацию о состоянии организма***, этот знак есть часть организма, но свойства отдельности знака нарастают: до звука состояние организма было иным; знак необходим для существования организма (биологически релевантен); система-посредница не выделима; означающее знака и означаемое им одно и то же (тождественны друг другу).

А Стон. *Дедушко-то лежит стонёт –* ***а-а-а, а-а-а*** *– шибко ему худо было. А варнаки-те эти не слышат стоны-те* (Таман Ус.). ***А.. а.. а..*** *– последним звуком кончилась женщина. –* ***А… а... а…*** (Г. Щербакова. Митина любовь); *Участковый слышит из куста стоны:* ***а-а-а****.. Спрашивает: «По любви?». «По любви», – отвечает мужской голос. – А я не тебя спрашиваю. – Так я здесь один* (анекдот).

3. ***Междометия как реакция на изменения в организме***. Физиологическая система связи. Знак полностью биологически релевантен, но означаемое и означающее не тождественны; система-посредник выделима.

А Обозначает и / или указывает на физическое состояние: **а)** усталость, бессилие, депрессия, сонливость, апатия, безразличие. ***А-а-а****, ето вы, на сами чё-ко там лопайте* (Усть-Уролка Черд.); ***А-а-а****, ничего не хочу, дайте поспать;* **б)** боль, физические страдания. ***А-а-а****, больно, не рви ты так этот бинт, он ведь прилип;* **в)** облегчение от боли, физического дискомфорта. ***А-а-а****, хорошо! Кто бы знал! Еле дотерпела.*

4. ***Трудовые выкрики, речевые клише-реакции как этограмма***. Знак биологически релевантен; означающее и означаемое нетождественны; знак выделим, выделима и вся система-посредник, ее можно смоделировать в обобщенной форме (в виде этограммы).

А 1. Звук укачивания; припев колыбельной песни. *Девки-те ему* ***а-а-а, а-а-а,*** *а робёнок знай блажит, чё-то ему худо было* (Усть-Уролка Черд.*). Баю, баюшки, баю, Колотушек надаю, Колотушек двадцать пять, Юля крепче будет спать,* ***а-а-а.*** **2.** Восклицание, рассчитанное на ответность; призыв к общению. *Ты меня слышишь? А? Эй, говори чего-нибудь; А что это вы читаете?* ***А? А!*** *Понятно!* (В. Высоцкий. Жизнь без сна). **3.** Вопросительный отклик на обращение. *Девки ему чё-то говорят. А он токо* ***а да а****. Глухой валенок ужо дак* (Усть-Уролка Черд.); *Мамуня! –* ***А****? Чего тебе?*

5. ***Звуковые действия, жесты и позы человека,*** такие, как ***брысь, кис-кис, толк, шмыг, хвать*** (глагольно-междометные формы) и пр. Знак воздействует физически, но биологически нерелевантен (не важен для существования организмов); знак выделим не всегда, система также; означаемое и означающее не тождественны, но подобны друг другу.

А 1. Звук при акте дефекации [произн. «толчкообразно»]. В детской речи также: собака, просится на горшок, горшок, писать, гав-гав, дождик [произн. отрывисто, коротко]; спать, все, что связано со сном [произн. нараспев]; просится на горшок, при виде грошка, горшок, крышка от коршка, все кастрюли, ведро для мусора [произн. отрывисто, коротко]; о горячем; о собаке. **2.** Завывание ветра, метели, вьюги. *Слышь как метель сёдни. Одной так страшно. Будто* ***а-а-а*** *– кто-ко кричит –* ***а-а-а****. Так с ума кувыркнёшша* (Усть-Уролка Черд.); *Шел я, спотыкаясь; а метель, мне сугроб под ноги наметая, то вдруг: «У-у-у!» – кричала в темноте, то вдруг: «****А-а-а****!» – кричала, как живая* (Н. Рубцов).

6. ***Действия, жесты и позы человека.*** Неявный уровень материальной культуры. Знак выделим не всегда, система также; означаемое и означающее уже не всегда подобны. Означаемое – неявный уровень психики, поэтому знак, как и в предыдущем типе, выражает внутреннее состояние самого

говорящего (оно – означаемое), означаемое и означающее не подобны друг другу, но принадлежат одной системе (одному и тому же организму).

А Пение, музыка, мелодия; припев. *Я слышу у их в комнате токо* ***а-а-а*** *да* ***а-а-а****: громкушшо поют* (Тохтуево Сол.); *Ну давай, давай пой, ну* ***а-а-а, а-а-а****. Да ладно тебе ломаться; Но я сажаю алюминиевые огурцы –* ***а-а*** *– на брезентовом поле* (В. Цой).

7. ***Коннотативный уровень языка; неявный уровень языка.*** Эмоциональная интонация, неосознанный отбор слов, неосознанная стилистика речи. Означаемое знака (слова) есть предмет объективного мира (называемый «денотат»), означающее принадлежит субъекту; знак не обладает абсолютной выделимостью, хотя и хорошо выделим.

А 1. Обозначает и / или указывает на эмоциональную оценку говорящего: **а)** насмешка, усмешка. ***А-а-а****, это теперь называется учиться?;* **б)** ехидство, злорадство, издёвка. ***А-а-а,*** *попались, вот вам будет от Тоськи.* **2.** Обозначает и / или указывает на эмоциональное состояние говорящего: **а)** тревога, испуг, страх, ужас. ***А-а!*** *Что я наделал?;* **б)** гнев, возмущение, негодование. ***А-а-а****, ты так решил, ну смотри, как бы хуже не было;* ***А-а-а****.. так вы вазу любите больше, чем меня? – говорит ни с того, ни с сего француженка и – трах кулаком по вазе* (А. Чехов. Сон репортёра); **в)** радость, удовлетворение. ***А-а-а****, пришли? Очень хорошо;* ***А-а-а-а****! Очень рад вас видеть. Что скажете хорошенького* (А. Чехов. Попрыгунья); **г)** укоризна, упрёк, порицание. ***А-а-а****, тебе не нравится, как я выгляжу. Найди себе молоденькую;* ***Аа аа****.. ты кусаться? Очень хорошо, ладно* (А. Чехов. Разговор человека с собакой); **д)** восхищение, восторг. *Гли-ко че вытарапават ногами,* ***а****? Ух он и плясать мастак таким-то разом* (Тохтуево Сол.); *Нет, ты видела этот наряд,* ***а****? Ну кто еще такое жене купит;* **е)** решимость, непреклонность (обычно с оттенком досады, отчаянья). ***А-а-а,*** *была не была.* **3.** Обозначает и/или указывает на обнаружение, констатацию, понимание. ***А-а-а****, вон чё здеся включать, а мы-то чё, деревенские* (Таман Ус.); ***А-а-а****, вот вы где, вас все обыскались;* ***А-а-а****… вы целуетесь здесь?* (А. Чехов. Клевета).

8. ***Денотативный уровень языка.*** Обычная устная и письменная речь. Означаемое и означающее сближаются: означаемое – общие отношения в системе языка, а означающее (запись) – форма этих отношений; знак абсолютно выделим.

А Говорение в отрыве от конкретного смысла того, что говорится. Разг. *А у них на тусовке* ***а-а-а, а-а-а*** *– все чего-то сами с собой лепят, никто не слушает. Я ушла; Слишком много гудело голосов. Только и слышно было:* ***аааа****! И рррр!* (Л.Толстой. Война и мир). ***А не скажет.*** О малоразговорчивом человеке**.** *В к ему не ходите, он молчун, бат а не скажет за вечор-от* (Усть-Уролка Черд.). ***А в голове.*** Обозначает и / или указывает на интеллектуальное бессилие; о плохо соображающем, мало понимающем в чём-л. человеке**.** *У его а в голове-то, от его толку-то нет* (Воскресенск Караг.).

9. ***Структурный уровень языка.*** Формальное описание обычной устной и письменной речи. Означаемое и означающее не совпадают, возникает иллюзия того, что символическая логика не имеет плана содержания.

А *Моя трудность (для писания стихов и, может быть, для понимания) в невозможности моей задачи, например, словами (то есть смыслами) создать стон:* ***а-а-а****. Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в словах осталось одно:* ***а-а-а.*** *Зачем такие задачи?* (М. Цветаева. Дневники).

Представленная модель семиотизации звука гипотетически показывает стадии развития значений у биологического звука, однако спецификой ФМ является способность ее аккумулировать в своей семантике весь спектр эволюционных значений, что приближает ее к культурному знаку. Диффузность и даже антиномичность, которые характерны для любого культурного знака, присущи и ФМ. Значения ФМ и графемы **А** как лингвистического знака соотносятся со значениями графемы **А** как культурного знака и имеют универсальный характер.

Семиология Р. Барта предполагает перенос внимания с «семиологии структуры» на «семиологию структурирования», с анализа статичного «знака» и его твердого значения на анализ динамического процесса «означивания» и проникновения в кипящую магму «смыслов» или даже «предсмыслов» [Барт 1994: 11]. Коннотативная семиотика включает

языковой знак в систему семиосферы, где выясняются механизмы обретения знаком конвенциональности, «отлучение» звуковой стороны слова от денотативной основы ЗИ-слова. Проблема конвенциональности знака связана с проблемой мотивированности языкового знака, поскольку усиление конвенциональности часто (но не обязательно) прямо пропорционально утрате мотивированности.

Л. Ельсмслев определил коннотативную семиотику как такую семиотику, план выражения которой сам является семиотикой [Ельмслев 1960: 369]. Коннотативная семиотика исследует механизмы возникновения асимметричного дуализма знака, где происходит смещение означаемого и означающего относительно друг друга. Коннотативной семиотике, план выражения которой представлен планом выражения и планом содержания денотативной семиотики, Л. Ельмслев противопоставил метасемиотику, в которой семиотикой является план содержания. Иными словами, метасемиотика – это семиотика, «трактующая» другую семиотику [Косиков 1994: 21].

ФМ и графема **А** как **лингвистический знак** сам по себе имеет сложную природу: выступает и самостоятельно, и как элемент (часто неосознаваемый) других языковых единиц.

Семантика и функции **А** как самостоятельной единицы. Кроме значений, описанных в рамках гипотетической модели семиотизации звука (эти значения **А** в словарях обычно фиксируются в качестве междометных), **А** является служебной частью речи (функции союза), а также является приставкой. Союз ***А*** – противительный (семантика противоположности «наоборот, напротив»), сопоставительный (семантика одновременности «в то время как», сопоставимости «что касается») и присоединительный (семантика очередности, временной последовательности событий). Приставка ***А*** – отрицательная (*алогичный, асимметрия*).

В. Даль отмечает, что в бранной поговорке *А чтоб тебе пригодилось да на свой же двор вортилось* ***А*** «можно счесть и за союз, и за междометие». Возможно, что формирование такой семантики союза и приставки связаны с ЗС-значениями ФМ ***а-а-а***: семантика отрицания (***А-а-а****... щас*!; ***А-а-а****, ещё*

*чего захотел!?; **Ага**! Не дождешься*). Биологический потенциал ***а-а-а*** мог лежать в основе паузы при структурировании сложной мысли, где время мыслительных операций заменялось непроизвольным («первичным») звуком.

А в неопределенном качестве (в БАС значение фиксируется при значении без грамматической маркировки – А «Первая буква русского алфавита») имеет значение «о чем-либо первом по очередности при перечислении» (*группа **А**, пункт **А***). Вероятно, буква не может иметь значение, семантика формируется на основе ее расположения в алфавите. Ср. в церковнославянском и старославянском **А** с различными диакритическими знаками означает единицу, тысячу, десять тысяч (тьму), сто тысяч (легион), миллион (леодор).

«Первичность» графемы ***А*** может обусловливаться биологическими факторами, на что указывал еще Плутарх: первый по природе членораздельный звук человеческого голоса соответствует букве «альфа» [цит. по: Маковский 1996: 55].

Фраза «*Из пункта **А** в пункт Б…*» давно является не просто частью условия математической задачи, а ассоциируется со школой, детством, чем-то добрым и светлым. В качестве «неопознанного» лингвистического объекта ***А*** функционирует также в языковой игре: ***А** и Б сидели на трубе. **А** упало, Б пропало. Кто / что остался на трубе?* (детская загадка). Значимость ***А*** как «первой» графемы можно увидеть на фоне сочетаний *ё-к-л-м-н / ё-п-р-с-т*, употребляемых в эвфемистической функции, которые располагаются в средине алфавита, а потому их статус по отношению к первой и последней букве не так значим. С другой стороны, «цитирование» алфавита (срединного его фрагмента) сродни использованию алфавита в сакральных целях, где центр (обозначенный буквами Л, М, Н) не только наиболее звучен, но и в известном смысле вносит идею первоосновы (ср. отсюда искусственное, по некоторым версиям, слово «элемент», включающее эти три звука, – исходная часть). Упорядоченность звуков, представленных к тому же в виде букв, с чем ассоциируется идея высшей культуры, выступает как своеобразное преодоление хаоса (ср. использование алфавита в оборонительной орнаментике поясов, в животноводческой магии, когда

животному, чтобы то не потерялось, привязывают на шею повязку с буквами) [Подюков 1997].

Семантика и функции **А** как элемента других языковых единиц. Буква становится фразеологическим знаком, входя в состав ФЕ. Фразеологизм ***от а до я*** со значением «целиком, от начала до конца» имеет длительную историю в языке, отражая изменение кириллического алфавита – ***от аза до ижицы, от аза до зет, от а до я.***

Название «аз» относится к первой букве древнерусского и церковнославянского алфавитов, что обусловливает функционирование ФЕ с этим компонентом: малочастотность, оттенки архаичности, книжности, редко – ирония, комическое. В составе ФЕ ***А*** получает антонимичные значения «сложное, умное, труднопостигаемое» (***Аз****, буки, веди страшат что медведи;* ***Аз****, да всему горазд*) и «элементарное, самое простое» (*Сам ни* ***аза*** *в глаза, а людей ижицей тычет; Что было муки, докуки, а ни* ***аза****, ни буки; Сперва* ***аз*** *да буки, потом и науки*). Ср. также в языковой игре прошлого: ***Аз****, да увяз, да не выдрахся* (острота семинаристов в XIX в.).

Подобная идиоматическая модель наблюдается в говорах и устной речи города. Ср. ***ни аза ни буки – ни бе ни ме [ни кукареку]; ни тпру ни ну; ни рю ни мя [не тронь меня]; ни рю ни мя [ни кукареку]*** «о бестолковом и / или малоиформированном человеке», где структурными элементами являются ЗП крикам животных: *Он* ***ни бе, ни ме, ни даже кукареку;*** *Я не знаю, зачем вам такой специалист* ***ни бе ни ме, ни тпру ни ну****; Долблю ему долблю, спрошу –* ***ни бе, ни ме****. Тупой что ли?; Сидит Клава у ворот, Она не пляшет, не поёт. Она сидит –* ***ни бе ни ме****, – Одна е..я на уме* (частушка); *Дак эта-то –* ***ни рю ни мя****, какой с её спрос* (Курашим Пермск.); *Соседа только и просить… Он сам* ***ни рю ни мя не тронь меня****, ничего не понимает* (Меча Киш.); *Ну уж ево-то не надо совета брать. Он эть сам* ***ни рю ни мя ни кукареку*** (Усть-Уролка Черд.); *Он тупой какой-то, тормоз,* ***ни тпру ни ну.*** Ср. также в говорах: ***аля-улю, ни бум-бум*** «1) об интеллектуальном бессилим; о плохо соображающем, мало понимающем в чём-л. человеке; 2) о беспечном, ветреном, безответственном человеке».

Более значима роль ***А*** в составе слова ***авось*** и в идиомах ***на авось, русский авось***, которые являются русскими ментальными знаками (*Русак на трех сваях крепок: авось, небось да как-нибудь; Русак на авось и взрос*).

Отношение русских к ***авось*** двойственно: неодобрительное (*Авось с небосем водились, да оба в яму ввалились; Авось, небось и как-нибудь – первые супостаты наши; Судьба – не авоська; Авоськины города всегда негорожены, авоськины дети бывают нерожены; Кто авсьничает, тот и постничает*) и позитивно-оптимистичное (*Авось – вся надежда наша; Ждем, пождем авось и мы свое найдем; Авось не унывает*) одновременно. Смысл ***авось*** как «дурного везения», «безосновательных надежд», «наклонности дразнить счастье, играть в удачу» является стереотипами русского сознания. Ср. «дуракам везет», «золотая рыбка», «спинжак с карманАми», «малиновый пиджак», «новые русские», «шапками закидаем», «догнать и перегнать», Иван Дурак как самый успешный герой фольклора и пр.

Симпатичны герои повести Н. Носова «Незнайка и его друзья» – Авоська и Небоська. Как «заумный пра-образ, неопределимый точно» выступают Авоська и Небоська в поэзии А. Крученых: «*Горго, Моргмо Туманная красавица Илайли Авоська до Небоська*».

Значимость ***авось*** для русского человека столь велика, что понятие олицетворяется и выступает в качестве беспечного, бесхозяйственного божества, воспетого П. Вяземским в стихотворении «Русский бог» (ср. поговорки *Авось Бог поможет*; *Авось не бог, да полбога есть*). Поэма А. Вознесенского «Юнона и Авось», более известная по спектаклю М.Захарова с одноименным названием, в основе своей документальна. Прототипом графа Рязанова является А. А. Баранов (1746-1719) – первый правитель русских поселений в Америке (1790-1818), который установил торговые связи с Калифорний, Гавайскими островами, Китаем. Его экспедиция в Русскую Америку состояла из двух кораблей с названиями «Юнона» (римская богиня брака) и «Авось» (русский «бог» случайной удачи). Ср. поговорку: *Не во всякой туче гром; а и гром да не грянет; а и грянет, да не по нас; а и по нас – **авось** не убьет!*

Собственно русское ***авось*** имеет длительную историю (*Наше **авось** не с дуба сорвалось*), однако его лингвистический статус до сих пор остается неясным. Образовано ***авось*** как союз ***а*** + указ. частица *осе* «вот», где *в* – интервокальное [Фасмер I: 59, ЭСРЯ I, 1:30]. Этимологи квалифицирую его как наречие [Черных I: 25; Фасмер I: 59]. В толковых словарях не вызывает разночтений субстантивированная форма – существительное [О-Ш: 16; БАС 1: 62], однако в других значениях оно помечается как частица [О-Ш: 16; БАС 1: 62] и вводное слово [О-Ш: 16]. Одни считают, что известно слово с XVII в. (сначала в форме *авося*), в XVIII в. *авось* обычное слово [Черных I: 25; Шанский 2003: 130], другие, что формирование слова *авось* закончилось к XVI веку, проходя стадии *а во се / а осе – а восе – авось* [Отин 1983].

Историю семантического развития слова можно проследить в [Отин 1983; Мокиенко 2003], для нас значим эволюционный вектор семиотизации ***а***: **а** (союз) – ***а** во се, **а** восе* (со знач. «а вот») – ***авось*** (со знач. «вдруг, если, может быть») – (антропоморфный) ***Авось, Авоська*** (сущ. со знач. «беспечное божество») – ***авось*** (сущ. со знач. «необоснованные надежды») – ***авоська*** (сетка-сумка «на всякий случай»). «Частица со значением «вот», конкретизируясь в «вот оно (самое ближайшее от меня)» постепенно сплавлялось с ассоциациями о быстром, моментальном предоставлении кому-либо этого «оно». Так ***авось*** стало обозначать и «вдруг», и «если», и – «может быть» [Мокиенко 2003: 11]. Показательным в диахронии является не дифференциация значения, а усиление его диффузности, размытости: следы широкозначной ФМ ***А*** сохраняются и в эволюционной перспективе слова.

Формирование значение слова ***авось*** могло быть обусловлено значениями ФМ ***а-а-а***: 1) решимость, непреклонность, обычно с оттенком досады, отчаянья (***А-а-а**, была не была*) > *Поавоськаем, **авось** до чего-нибудь доавоскаемся*; ***Авось** живы будем – авось помрем; Вывезет **авоська** да невесть куда;* 2) восклицание, рассчитанное на ответность (*Ты меня слышишь? **А**? Эй, говори чего-нибудь*) > «призыв к удаче», надежда на лучшее (*Ждем-пождем **авось** и мы свое найдкм; Держись за **авось** поколе не сорвалось*); 3) усталость, бессилие, боль, страдания (***А-а-а**, ничего не хочу, дайте поспать*) > ***Авоська** веревку вьет, небоська петлю накидывает;*

Тянули-тянули ***авоська*** *с небоськой, да животы надорвали*; 3) облегчение от физического дискомфорта (***А-а-а****, хорошо! Кто бы знал! Еле дотерпела*) > освобождение от страданий (***Авось*** *не унывает;* ***Авось****, небось да третий как-нибудь*).

В ФМ и графеме ***А*** как в **культурном знаке** можно условно выделять сакральные (ранние) и профанные (поздние) символические смыслы. Лингвистическая семантика соотносится именно с сакральной семиотикой, однако использование ***А*** в новых значениях указывают на неограниченный потенциал семиотизации этой единицы.

Сакральные (ранние) значения **А** связаны с различными религиозными учениями, где **А,** как всякая буква в истории культуры имеет мистический, сакральный, архаически заданный смысл. Согласно древней традиции, письмена – божественные творения, о чем свидетельствует связь буквы со звуком, который считался символом божественного создания Вселенной. Любая буква может заключать в себе как бы в закодированном виде названия богов, Вселенной или отдельных ее частей, первоэлементов (вода, огонь), названия ритуалов, животных, деревьев и др. [Маковский 1996: 55]. В поздней античности звуки, буквы и слова образуют элементы мироздания, причем буквы перешли в числовые величины. «Этим были открыты двери всем космогоническим умозаключениям, которые потом составили ядро «умозрительного гнозиса» в еврейском эзотерическом учении (каббала)» [Бидерманн: 16]. Согласно Талмуду, Десять заповедей были начертаны перстом Бога на скрижали – каменной плите.

Широко известно позднеиудейское преклонение перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн. Вера в тайные смыслы букв, в сакральную силу самого начертания знака вызывала разнообразные виды магии – над буквами или с помощью букв. В письме люди долго видели чудо, потому все традиции причисляют создателей письменности к богам высших рангов, который нередко предстает как загадочный бог, властелин ночи, подземного мира, хранитель тайн и повелитель судеб, которые могли понимать язык зверей и птиц [Мечковская 1998: 66].

Христианство заимствовало из иудаизма мистическое отношение к буквам. В иудейской традиции каждая буква имеет сокровенное значение (в частности, это изложено в трактате «Буквы рабби Акивы»). При этом названия букв являются аббревиатурами, и их последовательности можно развернуть в некие утверждения. Этот принцип (Нотарикон) использовался в каббалистической литературе и был заимствован ранними христианами. Например, словесное обозначение Иисуса Христа как рыбы (опять зооморфный образ!) «разворачивается» греческими буквами как «Иисус Христос, божий сын, спаситель» [Седов 2003].

Значимость первой буквы алфавита актуализирована во многих культурах (см. табл. 4). Древнегерманские руны устанавливают соответствие «бог-душа – *гласный* звук – *круг*» и «род – тело – согласный звук – квадрат» [Маковский 1996: 54] (ср. греч. **α** и лат. **a** символизировали круг (свернутая змея), Вселенную).

В Откровении Иоанна Богослова (1:8) Создатель характеризуется как Альфа и Омега, начало и конец – всемогущество и бесконечность Бога.. Альфа и омега в Откровении представлены как дневная (орел) и ночная (сова) птицы, что символизировало жизнь и смерть. Обе буквы часто использовались при украшении христианских могил, чтобы показать, что умерший видел в Боге свое начало и свою конечную цель. В средневековых изображениях Бога альфа и омега часто украшали ореол справа и слева от его головы.

Семиотические связи графемы А

Алфавит	**Название**	**Число**	**Символическое значение**	**Символическое выражение**
Древнерусский	Аз (+ ижица)	1	Бог. Начало и конец.	Орел (+ сова)
Древнееврейский	Алеф	1	Бог. Воля как власть человека, мага. Жертва.	Жертвенный бык
Древнегреческий	Альфа (+ омега)	1	Бог. Начало и конец. Всемогущество и бесконечность Бога.	Птица (+ рыба)
Арабский		1	Аллах. Дружба, огонь.	Черный алоэ

Таблица 4

В арабской традиции (система «давах») **А:** божественное значение – Аллах, цифровое значение – **1**; качество, выражаемое буквой – дружба;

первоэлемент Вселенной – Огонь; знак Зодиака – Овен; планета – Сатурн; ангел-хранитель буквы – Израфил [Маковский 1996: 55]. Ср., также в каббале, которая соответствует символам карт Таро: – Карта **1**. Маг. Суть карты – мудрый направляет феномены природы и его никогда нельзя обвести. Оккультное значение – воля. Число **1**. Буква «**алеф**». Планета – Солнце. Карте соответствуют Гермес и Меркурий. Основное прорицательное значение карты – болезнь, слабость, расстройство, страдание. Значение перевернутой карты – несчастье, неприятность, беспокойство, огорчение [ЭС: 394-395]. Ср. А. Белый «Глоссолалия»: *Полнота души — «а» — вылетая из недр существа, вместе с «ha», полнота души,— «а» — невоплотима в Сатурне, в тепле, в «ha», в змее; в хрипах шума, в «karah» — уже звуки душевного действия; в Сатурне, в неслышимом «а» страх пространства и времен существует, как «(a)ch»; выход глотки расширен: и зубы и губы разъяты; и «а», пролетая сквозь них излетает из них; в нем и боль беспредметности, и страдания перемогания дали; оно пролетает чрез все на свободу; и там поклоняется Богу; благоговенье — в «а» позднем; и ужас — в «а» раннем.*

Первый звук медитации кришнаитов *аум, ом* способен взывать к глубинной энергии жизни, которая позволяет преодолевать боль и обычный уровень самозащиты [ЭС: 4]. Ср. А. Белый «Глоссолалия»: «*Am-am-am» — на ассирийском суть звуки глубоких знаний; «Ом» — звук медитации; тайна Троицы Индии (Вишну, Брама и Шива) — в умении произносить этот звук открывалась: дыхание, выдыхание и задержка воздушной струи — в соединении с этим звуком; «а» иль «о» перед «т» показует, что плоть нам сгустилась в душе; звуки «ат» есть любовь: она — «т» внутри «а»; звуки «та» — звуки — «а» внутри «т»; это «тата», носящая новую душу (дитя) внутри плоти (mammalia).*

Универсальное значение ***А*** во всех культурах – символ вечности Мироздания, первопричина, Бог, истина; конус, гора, пирамида (верх, небо) [СС: 77]. Семиотические корреляции с этими смыслами находим в поэтическом дискурсе. Ю. С. Степанов интерпретирует «цветной сонет» А. Рембо «Гласные» как сонет о мироздании.

А – чёрно, Е – бело, И. – красно, У – зелено,

О – сине, тайну их открыл я в некий день.

А – бархатный корсет кишащих насекомых

На куче нечистот. А – глубина и тень <...>

О – трубный зов небес и скрежет мирозданья,

Молчание миров и ангелов витанье,

Омега, ока луч лилово-голубой (перевод Ю. С. Степанова).

Альфа, А – символ тьмы и материи, которая, градациями, уступает место свету и духу. В Омеге, О – высший свет. От альфы до омеги – «пирамида» света, такая же, как у Николая Кузанского или у А. Ф. Лосева [Степанов 1985: 85].

В поэме В. Хлебникова «Азы из узы» древнерусское ***азъ*** означает освобожденное «я», сбросившее с себя узы рабства. В слове Азия для Хлебникова шифруется Аз и Я. В наши дни это стало название известной книги, в которой ставятся близкие проблемы: Сулейменов О. «Аз и Я» [Степанов 1985: 196]. Ср. А. Белый «Глоссолалия»: *На Земле: — звук «а» — белый, летящий открыто; многообразия раскрытия рук выражают его; полнота души — в нем: благоговение, поклонение, удивление; воспринимающее начало есть — «а»; и — душа восприятий; все ниже лежащее. «о» — ощущение; «у» — раздражение; в частности: «а» — выдыхание, порывы к свободе; и в частности: «а» есть страх перед «х» (жаром глотки).*

Проявление взаимосвязи лингвистического и культурологического очевидно ФС-свойствах звуко-буквы **А**. По данным А. П. Журавлева, **А** – хорошая, большая, светлая, активная, простая, сильная, красивая, гладкая, легкая, величественная, яркая, округлая, мужественная, радостная, громкая, длинная, храбрая, добрая, могучая, красная [Журавлев 1974, 1991].

Проведем анализ звукоцветовых соответствий по методике А. П. Журавлева, выявляя звукосимволизм ***А*** во фрагменте текста Вяч. Иванова «Роза»:

Тебя Франциск узнал и Дант-орел унес

В прозрачно-огненные сферы:

Ревнует к ангелам обитель нег – Пафос –
И рощи сладостной Киферы.

Культурологический комментарий: *Франциск* – по преданию, *алые* и *белые розы* расцвели в январе из шипов и терний, на которые бросился Ф. Ассизский, борясь с плотскими наслаждениями; *Дант-орел* – в «Божественной комедии» Рай предстает в виде мистической *розы*, лепестки которой являются душами праведников; ср. также христианская символика орла; *Пафос* (город на Кипре), *Кифера* (остров Киферон) – главные места культа Афродиты, эмблема которой – *роза*. Сама Афродита родилась из *крови* (красный), оскопленного Кроносом Урана, кровь которого попала в море и образовала *пену* (белый). Смысловые доминанты – *роза* и ее традиционные цвета (*красный, белый*). В строфе – 41 гласная, из них А-Я – 15 (красные), О-Ё – 16 (белые): три четверти всех гласных (и сам текст) красно-белого цвета.

В художественной речи нарастание знаковости элементарной единицы совершается в пределах высказывания. Ср. А. Белый «Глоссолалия»: *Иаз, Аз, Азия, Азы — влетает в Европу старинным звучанием: из Азии. В Каббале «Азией» именуется эфир света, невидный обычному оку; посвященные «Азию» видят; может быть, проступает она на заре: может быть, «Назарея» она, эта Азия; она — страна Господа; Азия — свето-воздух и «Азии» нет на земле, где она, там и Рай — Все-Азия; он — Пант-Азия, он — Фантазия; но Фантазия есть: там, за огненным облаком. Плывет облачный город, зажженный лучами; оттуда спустились мы все — из зареи, зари; «назареями» были и мы — на заре. Но оттуда теперь гремит гром: брызжет молния; это — меч Херувима: стоит Херувим в облаках — охраняет Эдем.*

Прообраз товарных знаков – личное клеймо Антонио Страдивари

Личные отметки художника – Антонис Ван Дейк

Альбрехт Дюрер

Анри Тулуз Лотрек

Бытовые символы –

На одежде – сухая чистка; при чистке требуется осторожность.

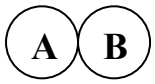
На изделиях из драгметаллов – клеймо пробирной палаты Британии.

Рисунок 3

Профанные (поздние) значения **А** закреплены в прообразах товарных знаков, личных знаках художника, научных и бытовых символах, где А чаще всего является иконическим или индексальным знаком (см. рис. 3). В «Международном соглашении по регулированию дорожного движения» (1926 г.) ***A*** – международный знак различия Австрии. В названии нот и тональностей ***a*** символизирует «ля» (у В. Даля «ла»), в «неалфавитном обозначении» (analphabetic notation) О. Есперсона ***α*** означает орган речи (губы) и пр.

Развитие все новых и новых символических значений звуко-буквы **А** указывает на, вероятно, бесконечный процесс семиотизации маргинального знака. Все рассмотренные лингвистические и символические значения **А** связаны с идеей «первичности, первоначала», которая, в свою очередь, связывается с первым голосовым проявлением человека (крик). На примере одной ФМ можно проследить процесс семиозиса языкового знака (см. рис. 5):

I уровень: биосфера – биологический звук (знак-сигнал, знак-симптом);

II уровень: лингво**фоно**сфера (ЗИ-подсистема ЗИС языка) речевой знак (знак-икона, знак-индекс);

III уровень: лингво**семи**осфера – языковой знак, графема, фразеологический знак (знак-символ);

IV уровень: семиосфера – культурный знак (символ символов).

Модель семиотизации ФМ, на наш взгляд, хорошо вписывается в эколого-семиотическую модель языка, предложенную А. А. Поликарповым. Эта модель является моделью ситуативной адаптации и самоорганизации языка на универсальном, типологическом и функционально-стилистическом уровнях его организации. Язык в этой модели определяется как особый вид

естественных классификационных систем [Поликарпов 2001] [19]. Модель семиотизации ФМ соотносится также с онтогенетическими и филогенетическими процессами в развитии речи. В онтогенезе в состав начального детского лексикона входят: а) протослова – устойчивые вокализации, употребляющиеся в постоянных ситуациях, не основанные на речи взрослого, но уникальные для данного ребенка (***кхы*** – о горячей печке, ***мм*** – желание получить что-либо). Разновидностью протослов являются звуковые жесты – соединение устойчивых вокализаций с определенным жестом (***ыы*** + руки в стороны – ничего нет; ***уу*** + приседание – спасибо); б) конвенциональные слова, к которым относятся звукоподражательные и лепетоподобные слова (в основном из «языка нянь»: ***байбай, бобо, биби, деда, му, мяу, нямням, тиктак*** и т.п.), а также узуальные слова, звуковая форма которых может быть искажена, «адаптирована» ребенком. Чаще всего это простые слова, обозначающие предметы, с которыми ребенок так или иначе взаимодействует: вода, каша, кукла, молоко, мяч, носки, тапки, чай, яблоко и т.д. Среди слов этого типа часто встречаются омофоны (*папа* – папа, тапки, шапка, палка, черепаха); в) «застывшие фразы», «формулы» – выражения, состоящие более чем из одного слова, которые ребенок воспринимает и воспроизводит как единое целое («*Каку*!» – как вкусно; «*То там*?» – кто там; «*Вот десь»* – вот здесь) [Елисеева 1996].

Частотный CDI-словарь (дети от 1 до 3,6 года) включает 24 «смысла» [Войекова, Чистович 1994], из которых 11 «смыслов» (45,8%) наряду с «нормальной» лексикой регулярно передаются посредством ФМ. Очевидно, что в период становления конвенционального знака в языковом онтогенезе

[19] По мнению А. А. Поликарпова, классификационные (категоризационные) процессы заключаются в отражении живым существом окружающей среды в форме образов, затем в их сравнении и сцеплении-ассоциации за счет учета повторяющихся в образах признаков, а также в последовательном обобщении, генерализации, т.е. выделении-усилении общих, повторяющихся и опущении специфических компонентов из содержания исходных образов. На основе генерализующих процессов в отражающей сфере любого живого существа могут образовываться и постоянно образуются все более и более абстрактные образы, представляющие как определенную предметную иерархию, «пирамиду» образов с расширяющимся объемом области объектов, подпадающих под каждый из более абстрактных образов, так и определенные иерархии аспектуальных абстракций, являющихся обобщением свойств, присущих объектам из самых различных участков предметной иерархии [Поликарпов 2001].

(при росте объёма словаря) значимость ФМ уменьшается, но не исчезает совсем. Данные по речи русскоязычных детей совпадают с данными по речи англоязычных детей, что ещё раз подчёркивает не только универсальность языковых ЗИ-законов, но и проторечевую природу ФМ.

К.Вернер и П.Каплан выделяют три основных стадии в онтогенезе знака: 1) натурально-ономатопеическое отражение; 2) физиогномическое отражение (превращение отношения между средством и референтом во внутреннее иконическое представление); 3) конвенциональная репрезентация.

В период становления конвенционального знака возникает ряд промежуточных форм: 1) образному слову придается грамматическое значение (*bumer* падать< *bum* бум); 2) форма состоит из двух слов – образного и конвенционального (*pochmacher* рабочий < *poch* звук удара молотка); 3) сочетание состоит из двух слов – образного и конвенционального (*mamma milk* молоко ам-ам); 4) функционирование в одних ситуациях образных форм, в других конвенциональных [Цит. по: Павловская 2001: 46].

Стадии становления знака в онтогенезе соответствуют стадиям развития языка в филогенезе: 1) натуральная; 2) натурально-конвенциональная; 3) конвенционально-натуральная [Воронин 1982].

2.5. ФМ в фоносфере: биофоносфера – ФМ – семиофоносфера

ФМ являются универсальной интерпретантой и средством номинации и репрезентации всех составляющих биофоносферы: 1) *натурфоносферы* (звуки природных стихий, в том числе осадков, состояния атмосферы и пр.); 2) *фитофоносферы* (звучания растений); 3) *зоофоносферы* (звуки, издаваемые животными и птицами); 4) *антропофоносферы* (звуки, кроме речевых, издаваемые человеком). Натур- и фитофоносфера репрезентированы в языке акустическими ФМ, зоо- и антропофоносфера – артикуляторными ФМ. Зоо- и антропофоносфера представлены в языке общим рядом ФМ, что указывает, в частности, на то, что человек и животное в отдельных своих проявлениях суть одно и то же (см. рис. 4).

Человек всегда внимательно прислушивался к звукам природы и голосам животных и птиц, которые помогали ему интерпретировать окружающий его мир. Сегодня древние акустические коды наиболее рельефно проявляются в «звуковых» гаданиях и приметах (см. Приложение 5.1). Звуки природы и голоса животных семиотизировались, являясь универсальным источником информации в различных культурах. В древности именно биофоносфера выступала как существенная интерпретанта окружающей действительности.

2.5.1. Натурфоносфера, фитофоносфера – ФМ – лингвофоносфера. Природный звук связан с происхождением человеческой речи как в логосических, так и эволюционных (звукоподражательная, междометная, трудовых выкриков, ономатопоэтическая) теориях происхождений языка.

ФМ В ФОНОСФЕРЕ

СЕМИОФОНОСФЕРА

II. Абстрактный характер бытия

З в у к о с и м в о л и ч е с к и е Ф М

Рисунок 4

Эволюционные теории рассматривают становление языка в процессе биологической и социальной эволюции человека. По типу кодирования эти теории условно разделяются на *кинетические, кинетическо-звуковые* и *звуковые*. В *кинетических* теориях первоосновой человеческого языка называется та или иная двигательная функция, в *кинетическо-звуковых* – становление двигательной функции и звукового сигнала происходят одновременно; в *звуковых* – человеческий язык рассматривается как номенклатура первичных звуковых сигналов. Представляются, что эти теории не отвергают друг друга, а исследуют разные временные стадии развития языка. Во всех теориях актуализирована роль ФМ как единиц, восходящих к проторечи.

Цв. Тодоров выделяет три основных этапа исследования мотивации: 1) от абстрактного (современного) языка к изобразительному; 2) от изобразительного языка к ономатопее; 3) от ономатопеи к языку жестов [Тодоров 1999: 267]. Здесь прослеживаются общие этапы становления языка, которые устанавливаются в современных исследованиях: 1) язык жестов – референт присутствует в знаке почти целиком; 2) ономатопея (звукоподражательность) и звукосимволизм – здесь только часть референта становится знаком; 3) абстрактный (современный) язык – знак и референт связаны символически.

Можно полагать, что первый этап становления языка (язык жестов) рассматривается в рамках кинетических теорий; второй (звукоподражания и звукосимволизм) – как переходный этап от жеста к звуку (не случайно звукоподражания и подобные им единицы называют иногда «звуковыми жестами») в рамках кинетическо-звуковых теорий; третий (абстрактный

язык) – в контексте сложившейся коммуникации, когда люди обретают способность договариваться при помощи уже имеющихся звуковых сигналов.

ФМ являют собою маргинальную (переходную) зону между этими этапами. От языка жестов через звуковой жест, идеофоны (хорошо сохранившая форма в символическом плевании «чтоб не сглазить») – к ономатопее (первообразные ЗП) и символизму (междометия, рефлекторные выкрики). От ономатопеи и звукосимволизма через грамматикализацию и сложную систему семантических переходов первичных ФМ в современные формы слова – к абстрактному языку.

Натурфоносфера, фитофоносфера – устная речь. *Ономатопоэтическая (ономатопеическая) теория* (Г. Лейбниц, Г. Штейнталь, А. Потебня, А. М. Газов-Гинзберг, А. Граммон, Э. Сепир, И. Н. Горелов, В. Скаличка, Х. Марчанд, С. В. Воронин, А. Ферлих, Х. Веджвуд, Дж. Смизерс) возникла на основе исследований материалов различных языков ЗП и ЗС-лексики в рамках этимологии, сегодня исследования ведутся в рамках фоносемантики. Установление этимологически исходных значений ЗИ-лексики и их взаимосвязей позволило поставить вопрос о ЗИ-происхождении наиболее древних слов языка, которые в результате семантической эволюции утратили исходный ЗИ-мотив. Происхождение (генезис) языка рассматривается в фоносемантике с учетом условий генезиса (биологических и социальных) и исследования собственно генезиса на уровне содержания, формы [биологический (анатомо-физиологический) и социальный (коммуникативный, знаковый) аспекты; жестовая (кинетическая), звуковая (фонетическая, фоническая) и графическая (письменная) формы] и связи содержания и формы [Воронин 1982, 1990]. Все эти теории постулируют прото-ФМ как единицу проторечи, которая стала основой формирования и развития естественного языка.

Современные исследования в рамках LOS развивают классические ФС-теории, обосновывая их новым научным материалом. Сегодня можно обнаружить совершенствование и усложнение терминологии в описании протоединиц, но их «природное» естественное начало не отменяется.

Однако это лишь теоретические модели гипотетического характера. Факты языка позволяют находить более веские аргументы в пользу вырастания речи из природных звучаний. Сравнительный анализ семантики корней русских ономатопов говорения, относящихся к различным эпохам возникновения, показывает, что старшие значения фиксируют большее разнообразие естественных природных звуков, лежащих в основе номинации говорения.

Анализ корней ономатопов говорения (см. табл. 5) показывает, что в этимологической семантике лексики говорения **индоевропейского** лексического фонда ~ 18% корней соотносятся со значением «*удар*» (бить, разбивать, ударять, резать, подсекать, толкнуть, дернуть, скрести, тереть). Около 30% корней имеют семантику «*звук, шум, грохот*» и «*издавать естественный звук*» (греметь, звенеть, скрипеть, трещать, грохотать, хрустеть, трещать, булькать, дуть, веять, шипеть). Около 29% корней имеют семантику «*издавать звуки голосом*» (звать, крик; хриплый, неприятный голос»; «говорить, бормотать»; «слово»; кричать, окликать»; молить»; «отвечать, клясться»). Около 13% корней с семантикой «*звук, издаваемый животными*» («рёв зверя»; «ворчать, рычать; звук рыси»; мурлыкать»; «гоготать»; «крик совы»). Таким образом, ~ 61% исследуемых и.-е. корней имеют старшие значения «*естественный звук, издавать естественный звук*».

На уровне этимологической семантики корней **общеславянского (праславянского)** лексического фонда фиксируется около 47,2% с семантикой *«естественный звук, шум, тон»* (грохот, шум, треск; глухой звук, стук; греметь, журчать, трещать). Около 35,3% корней со значением «*издавать звуки при помощи голоса (о человеке)*» (говорить, петь, плакать, вопить, шуметь; шептать; кричать). Около 11,8% корней с семантикой «*издавать звуки (о животных)*». Таким образом, ~ 59% исследуемых о.-с. корней имеют старшие значения «*естественный звук, издавать естественный звук*».

Анализ этимологической семантики ономатопов говорения **общевосточнославянского** и **собственнорусского** лексического фонда

показывает, что в 66,7% обнаруживается семантика «*издавать звуки (о человеке*)», а в 33,4% – значение «*издавать естественный звук»* и «*издавать звуки (о животных)*».

Этимологическая семантика корней ономатопов говорения (%)

Семантика корней	И.-е.	О.-с.	О.-в.-с., с.-рус.
Издавать естественный звук, шум, тон	***48,1***	***47,2***	***16,7***
Издавать звук, говорить, кричать (о человеке)	***31,9***	***35,3***	***66,7***
Издавать звук, кричать (о животных)	***13***	***11,8***	***16,7***
Другие значения	***7***	***5,9***	-

Таблица 5

Иindоевропейская эпоха развития языка фиксирует почти равноправное положение звуков природы и звуков человеческого языка, что позволяет предположить диалогический характер отношений человека и природы. При этом человек уже не только отделяет свое говорение от «говорения» животных, но и занимает доминирующую позицию по отношению к ним. Более поздние эпохи развития языка (общевосточнославянская и собственно русская лексика) показывает, что речь человека уже осознана им (единичное возникновение корней) и голоса природы и животных отступают на второй план по отношению к голосу человека. Характерно, что старшие корни актуализируют именно природные естественные шумы, тогда как в более поздние эпохи возникновения ономатопов говорения звуки природы и голоса животных становятся одинаково значимым. Другими словами, от слушания природы (прежде всего), своего голоса (затем) и животных (в последнюю очередь) человек приходит к приоритетному слушанию своего голоса, а затем (на равных) звуков природы и голосов животных и птиц.

Происхождение языка как эволюция двигательной и звуковой активности одновременно представлено в концепциях, где развитие языка есть путь от «озвученной пантомимы к членораздельной речи». В семантике и структуре ФМ проявляется та же тенденция (ср., например, степень нарастания морфологизации ФМ). Классической *кинетической теорией* происхождения языка является жестовая теория (Эпикур, Дж. Вико, Э. Кондильяк, В. Вундт, Н. Марр, Г. Хьюз, Р. Эллот, Ф. Либерман, Э. Паллибленк), которая предполагает, что жестовый язык предшествовал

звуковому, тогда как звуки лишь сопровождали жестовую коммуникацию или появились позднее.

Современные исследования все чаще склоняются к утверждению первичности невербального языка. Как развитие жестовой теории сегодня выдвигается *теория моторного происхождения языка* (Г. Хьюз, Р. Эллот), согласно которой язык возник в результате переноса элементов нейромоторной системы и их комбинаций, изначально управляющих движениями мышц корпуса, на «новую почву», т. е. они стали контролировать работу мышц артикуляторного аппарата. Параллельно с этим данные моторные программы получили новый выход в виде модулированных потоков воздуха, которые и стали звуками речи [Павловская 2001: 37].

В теории проводится аналогия между рабочими программами производства стандартных орудий и синтаксическими структурами языка: общая основа заключена в необходимости запомнить и координированно выполнить длинный ряд действий. Одна из главных особенностей моторных программ – их универсальность, т. е. способность управлять движениями различных групп мышц, в том числе и артикуляторным аппаратом. Набор программ ограничен, но и они могут выступать в бесконечном числе комбинаций и выполнять, таким образом, неограниченное число движений, подобно тому, как ограниченный набор фонем языка может объединяться в бесконечное число последовательностей, упрощая появление новых слов.

Ср. многозначность однофонемных ФМ, изначально связанных с выражением элементарных физиологических актов (см. Приложение 3.1). Показательно, что чем меньше фонем содержит ФМ, тем большее количество значений характерно для нее: условно – увеличение состава фонем в ФМ пропорционально уменьшению количества значений данной единицы.

Таким образом, данные теории постулируют положение о том, что язык возник из ограниченного числа двигательных функций, которые обусловлены нейрофизиологической структурой мозга, где речевые центры соседствуют с более общей областью мозга, которая управляет движениями; при этом двигательная активность, прежде всего рук, стимулирует процессы

речепорождения. Ср. большое количество ФМ, обозначающих разного рода движения, перемещения, удары. ФС-типологии показывают, что наибольшее количество ФМ является ономатопами удара, которые почти всегда развивают значение «говорить, сказать». Ср.: на базе акустических ФМ: ***брякнуть, ляпнуть, стучать, тарабарить, бульк**ать, **бум**кать, **бух**теть, **тар**кать, **трынь**деть, **шлеп**ать, **ляля**кать, **бал**аболить, **зу**деть, **пи**щать, **тараторить, тар**акать, **тар**аракать, **тар**антить, **тар**ахтеть, **шлеп**ать.* Здесь очевидно со-творяющее начало звука, который одновременно Слово и Дело (ср. логосическая концепция сотворения мира).

Анализ семантики русских ФМ [Шляхова 2004] показывает, что подавляющее большинство ФМ со значением «звук, удар» развивают значение «говорить, сказать»: *А почему кинешь, потому как кохинорцы эти не по-нашему говорят. **Бал-бал-бал** да **бал-бал-бал** – да и все тут, да и ничего не разберешь* (Т. Толстая. Кысь); *Я тебе по-стариковски, потихоньку, а ты как индюк: **бла-бла-бла**! Чудак, право..* (А. Чехов. Степь); *Наговорят тут – **брени-стрени, брени-стрени** – и не надо верить им; Она такая противная: всё че-то **буль да буль**, слушать противно. Хоть бы к логопеду сходила; Дуню бумкой зовут: она говорит, дак все как **бум-бум-бум*** (Толстик Сол.); *Он всю жизнь буньгат. Говорит, дак токо **бунь-бунь**. До старости говорит не научился* (Бычино Красн.); *У ие старика зубы-те нету, так он токо **бути-бути.** Но она иво понимат* (Юм Куд.); *И они, должно быть, слышали, как высокий, вздрагивающий голос учителя нервно частил: **ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды**...* (А. Куприн. Мелюзга); *Да молчи ты, делай милость! Вся в мать! **Зу-зу-зу...** Господи, ей-богу*! (А. Чехов. Безотцовщина); *Офицеры в духанах сидят, кителя расстегнули – курят сигары, тянут винцо и **ля-ля-а, ля-ля, ля-ля-ля-ля, лля-яя, ля-ля-ля, ля-а-ля-ля-ля...*** (А. Веселый. Россия, кровью умытая); *Я сижу дура-дурой – **ляп-ляп-ляп** – лапаю чего-то, он рот раскрыл, не знает, как реагировать; У нее такой голос противный: **пи-пи-пи**, пищит, как мышь недорезанная. Убил бы; А она-то смеется, а она-то юбкой вертит. «**Пи-пи-пи**... А я, – говорит, – поп, учительница»* (М. Зощенко. Рассказ про попа); *Ой, девка, говори потише, ничё не разберу – только **тар-тар-тар**. Как пули летят слова-те* (Усть-Уролка Черд.);

Постой! Замолчи ты Христа ради! ***Так-тар-тар****… Цысарка! Шкворец!* (А. Чехов. Безотцовщина); *Вот оне, бывало, соберутся и* ***тар-тар-тар*** *– языками мелют чё попало* (Таман Ус.); ***Ти-ти-ти****, – игриво пищал он, –* ***ти-ти-ти*** (В. Набоков. Приглашение на казнь); *Вы, девки, ево не слушайте.* ***Шлеп-шлеп*** *– ничо путевого не скажет* (Фоки Чайк.); *Сана-то пришла,* ***шлеп-шлеп*** *боталом худым, вот все тогда и узнали* (Соколово Вер.).

Ср. также в и.-е. языках в родственных ЗИ-словах соотношение семантики движения, действия и говорения:

Баять *и.-е.* *bha, *лат*. fāri «говорить», *дор* λῡχεω «издавать звук», «звучать, греметь, звенеть, кричать» [Фасмер I: 140].

Брюзжать *и.-е.**bhreu- sk-; *о.-г*. *bruskan «хрустеть, шуметь, трещать» [Черных I: 115]; *чеш.* brouzdati (se) «ходить бродить по мелкой воде, мокрой траве и т. п.»; *словен.* brozdati «ходить по воде, увязая в грязи», «мешать» [ЭСРЯ III: 53].

Гнусить *и.-е.**ghneu или *ghnu «скрести» [ЭСРЯ I: 1]; *др.-исл.* gnua «тереть», gnyja «шуметь, бушевать» [Фасмер I: 422].

Говор *лтш*. gaurât «свистеть, бушевать», «звук, плач» [Фасмер I: 424].

Колдовать *лат.* kalada «шум, ссора»; *греч.* χελαδος «шум»; *др.-инд*. kadás (< kaldas) «шум» [ЭСРЯ II: 196]; *лит.* kalba «язык», *лат.*calō «вызывать, взывать» [Фасмер II: 287]; *и.-е.**kol/kel «рубить, ударять, сечь» [Черных I: 413].

Прения *и.-е.**pr-; *лит.* spirti «ударить ногой; брыкнуть»; *нем.* Spur «след; колея»; старейшее значение «беспокойно себя вести; толкаться, дергаться, брыкаться» [Черных II: 65].

Пытать *о.-с*. *pytati «спрашивать»; *и.-е.* *pŭ-/peu-/*pэu- «бить; разбивать; ударять; резать; подсекать»; *лит.* pīáuti «резать; пилить; кусать»; *греч*. παιω «бью; ударяю; вонзаю» [Черных II: 88].

Излагать (из + класть) класть *лит*. kloju, kloti «раскладывать, покрывать»; *рус* кладиво «молот» от кладу «бью» *лат*. clādēs «ранение, ущерб, поражение»; *греч*. χλαδαρος «хрупкий»; *ср.-ирл*. klaidim «рою» [Фасмер II: 243].

Хаять *рус. диал*. «толкать, пихать; *чеш. диал*. chajat «гладить, ласкать; *польск. диал*. chajac «искать, шарить», «гладить»; *словен*. xajac «устраивать беспорядок; идти (о дожде, снеге и т. п.); убегать» [ЭССЯ VIII: 11; Фасмер IV: 227] возможен вариант kajati; каять «бить», «ругать», «бранить», «проклинать» [ЭССЯ IX: 115].

Интересной, на наш взгляд, представляется *глаголоударная гипотеза* происхождения языка В. А. Головина [Головин 1961], где основным источником происхождения языка называются подражания механическим звукам трудовых процессов (глагольных форм со значением удара). Фоносемантика дает некоторые лингвистические обоснования этой теории, поскольку класс инстантов (ударов) в ЗИС языка является самым многочисленным и развивает систему самых разнообразных значений [Воронин 1982; Шляхова 2003].

В нашем материале ФМ со значением «удар» составляют ~ 17,3% всех исследуемых единиц, при этом ФМ, связанных с коммуникацией животных, ~ 17,2%, а с коммуникацией человека с духами и себе подобными ~ 20,6%.

Междометная (эмоциональная, экспрессивная, рефлексная) теория (Лукреций, Ш. де Брос, Ж. Ж. Руссо, Ч. Дарвин, А. Шлегель, Э. Кондильяк, В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, А. Потебня, Я. Гиннекен) говорит о том, что первыми словами языка были непроизвольные выкрики, которые возникали под влиянием чувства, эмоции. *Теория трудовых выкриков* (команд) (К. Бюхер, Л. Нуаре, Л. Гейгер) по сути является той же междометной теорией, только междометный выкрик обусловлен не эмоцией, а коллективными мускульными усилиями, необходимыми для выполнения трудоемкой операции.

ФМ в русском материале являются средством выражения всех человеческих эмоций в тончайших нюансах их проявлений (см. Приложение 3.1, 3.2), в том числе физиологических усилий (например, в трудовых песнях).

Так, на базе артикуляторных ФМ формируются глаголы говорения – ***фырк****ать*, ***ах****ать*, ***ох****ать*, ***ны****ть*, *г****ну****сить*, ***ор****ать*, *к****ыр****кать*, ***ур****кать*, *сто****н****ать*, ***ух****ать* и др. Ср. также функционирование ФМ: *Из другой комнаты ее тихая,*

*ровная речь слышалась так: «**Ох**-тех-тё»* (А. Чехов. В овраге); *Горячий такой, быстрый, слова путем не скажет, а все – **фырк! Фырк!*** (А. Чехов. Шило в мешке); *У нее вообще голос такой, чего-то под нос – **фырк-фырк** – то ли говорит, то ли не говорит; Чего ты говоришь? Что? Ничего не слышу – **фьють-фьють** – чего ты как дохлая птичка фюфюкаешь?; Я не пойму, вроде тетка по матаналу* [матанализу] *у нас молодая, а говорит как старуха – **чам-чам.** Не понимаю ее.*

В и.-е. мифологической картине мира семасиологической универсалией является соотношение значений «издавать звук – говорить», которые соотносятся со значениями «творить, создавать, рожать, производить на свет», «лечить», «трава», «бог, святой», «судьба», «жить, оживать», «Вселенная», «смерть», «круг», «дерево», «вода, жидкость», «огонь, свет», «небо» и др. [Маковский1996: 163-170].

Натурфоносфера, фитофоносфера – письменная речь. Не менее значимым является осмысление природного в интерпретации письменной речи.

Стремясь наиболее обобщённо фиксировать свойства и интерпретировать явления окружающего мира, наши предки сохраняли свои знания весьма многообразными и лаконичными способами – как изображая формы, так и изобретая символы. Наиболее частотными являются «ботанические» и «зоологические» символы [20].

Во многих культурах «зоологична» целостная картина мира: в основных космогонических мифах космос имеет свои зооморфные отображения – первичное яйцо, черепаху, слонов, трёх китов и т. п. Первые такие мифопоэтические тексты были созданы в эпоху неолита и зафиксированы в

[20] Ещё жрецы и художники палеолита размещали разные наборы изображений на стенах пещер по-разному, хитроумно используя детали их рельефа. В самых священных участках пещер изображены женские знаки, а в периферийных и переходных участках – мужские. Специфически сгруппированы и изображения различных животных. Таким образом, в каждой такой пещере общая композиция – шире отдельного изображения. Это как бы «текст в контексте пещеры», все знаки-символы которого – те или иные группы из изображений живых существ. В более поздних палеолитических поселениях пространство наскальных изображений-«текстов» организовано более чётко [Седов 2003].

виде иконических знаковых систем. В более поздних культурах животные часто выступают как «наглядная парадигма, отношения между элементами которой могли использоваться как определённая модель жизни человеческого общества и природы в целом...» «В этом смысле использование образов животных в эпосе или в аллегорической системе апологов, басен, притч, пословиц и т.п. (вплоть до средневековых «Бестиариев») продолжает архаическую традицию.

В мифопоэтическом сознании животные выступают как один из вариантов мифологического кода (наряду с растительным, пищевым, химическим, цветовым и т.п.), на основе которого могут составляться целые сообщения»... «...конкретные элементы зооморфного кода получают способности выступать как классификаторы и... могут объединяться в целые комплексы, обнимающие разные сферы бытия (... цепи соответствий типа: данное животное – растение – страна света – цвет – небесное светило – элемент (стихия – металл – вкус – время года – божество)» [Седов 2003].

Многие языки фиксируют также связь понятия «буква» с естественным звуком: в и-е. связь **bha-* «говорить» с **bhu-* «ветер, шквал»; др-англ. *runa* «буква, письмо» связано с др.-англ. *hropan* «издавать звук»; греч. *γραμμα* «буква» – с др.-англ. *cèarm* «издавать звук», латыш. *Bburst* «буква» – с англ. *breathe* «дышать»; лат. *littera* «буква» – исл. *leiði* «ветер» [Маковский 1996: 59-61]. Термин «иероглиф» в переводе с греческого – «священно-вырезанные» письмена. Большинство иероглифов разных культур биоморфно [Седов 2003]. Во многих культурах, связанных с книжными знаниями, образ книги – засеянное поле: борозды – строки, семена – буквы, сеяние – писание, сбор урожая – чтение и понимание книги. С образами букв и письменности связаны название дерева бук, русское слово *буква* и английское *book* (книга) [Седов 2003 а]. Согласно иудейскому мистическому трактату «Книга творения», мир состоит из чисел и букв. Алфавит здесь становится классификационной системой: *буквы используются как классификаторы явлений и понятий, в частности – они обозначают многие виды животных и растений* (*выделено нами. – С.Ш.*). Всё это применялось в средневековых трактатах – «Травниках» и «Бестиариях» [Седов 2003].

Хотя животные-символы появляются ещё в ранних родовых обществах, где зооморфные предки-тотемы используются в дескриптивной и этиологической функциях, но даже в медицинской лексике сохранились мифологические «следы» животных: среди болезней есть рак и грудная жаба. Интересно, что «даже при развитой письменности использовались животные-символы» [Седов 2003].

Таким образом, человеческая речь в устной и письменной формах объяснялась древними через понятия природного мира, в том числе и естественного природного звука. Ср. этимологическое родство слов *речь-река*; а также в народных приметах Прикамья: река снится к речам или о тебе говорить будут; в художественной речи: *а как речь-то говорит, словно реченька журчит* (А. Пушкин).

2.5.2. Зоофоносфера (язык животных) – ФМ – лингвофоносфера. Не менее значимы в эволюционных концепциях происхождения языка подражания голосовым сигналам животных и птиц. *Звукоподражательная теория* (стоики, Лукреций, Г. Лейбниц, И. Гердер, В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, А. Газов-Гинзберг) предполагает происхождение первых слов языка из подражаний звучаниям окружающей действительности (крики животных и птиц, звуки природы).

Так, на базе подражаний голосовым сигналам животных и птиц формируются многие глаголы говорения – ***мяу**кать, **мурл**ыкать, **блея**ть, **бя**кать, **гав**кать, **ква**кать, **кудах**тать, **квох**тать, **кар**кать, **мы**чать, **ры**чать, **ря**вкать и др.* Ср. также функционирование ФМ: *Ну, я ему **мур-мур-мур** – он и растаял. На мужиков надо лаской давить; Она настоящая женщина: не говорит, а **мяу-мяу**, не ходит, а порхает; Что ты все блеешь – **бе-бе,** говори внятно, четко, понятно. Слушать противно; Как же я ее ненавижу **бя-бя-бя, бя-бя-бя.** Так бы и дала ей; Ну, что дескать! Каюсь.. подменил колоду.. попался… Ну, **га, га. Го, го**, и пошло! Ну, он и ударь, и раз ударь, и два ударь* (А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского); *Бывало, до этой палатки четырех шагов не дойдешь – стоп! Вытянешься – того гляди шкура лопнет: «**Гав, гав, гав**, разрешите доложить!»* (А. Веселый. Россия, кровью умытая); *Она боршит: **го-го-го**. У ё и слова-то не поймешь* (Акчим

Красн.); *Моя баба меня заела совсем: только и дела, что нынче* ***гур-гур****, завтра* ***гыр-гыр*** (Акчим Красн.); *Посылай* ***ква-ква****, а то не вижу ничего; Слушайте ее – она вам –* ***клок-клок*** *– клочит, а вы сидите, пишете* (Юм Куд.); *Не до шуток мне! У меня лошадь заболела, а вы: майор, майор! Точно галка:* ***крр! Крр!*** (А. Чехов. Упразднили); *Тут свадьба, все веселятся, а ты* ***кра... кра****... как ворона* (А. Чехов. Иванов); *Чего ты как курица* ***– кудах-кудах*** *– делать надо что-то, а не причитать; Он чего-то* ***ме-ме****. Я ничего не поняла. Только киваю, согласна вроде как; Чего ты,* ***му-му****. Говори нормально, рот раскрывай, а то мычишь, как коровушка; Он сёдни весь день токо* ***р-р-р*** *да* ***р-р-р*** *– осерчал шибко на Орину-то, што она ево не послушала* (Усть-Уролка Черд.).

Считается, что значение ЗП в формировании человеческой культуры настолько велико, что в рамках биоакустики (независимо от лингвистического и философского решения вопроса) выдвигается гипотеза о том, что «голоса животных путем имитации с охотничьими целями включались в словарный запас, тем самым способствуя формированию языка» [Ильичев 1985; Морозов 1985]. «Чистые звукоподражания со временем превратились в звукоподражательные междометия, т.е. в лексически выраженные апелленты» [Ильичев, Силаева 1985: 218].

Ср. также в онтогенезе: первыми звукокомплексами, которые ребенок в состоянии повторить за взрослыми, являются звукоподражания. Имитация звуков, издаваемых животными, оказывается промежуточным процессом, соединяющим подражание движениям и подражания словам [Цейтлин 2000: 36]. Подражания как в речевой, так и в двигательной, моторной сфере рассматриваются как взаимосвязанные [Менчинская 1996; Цейтлин 2000]. Промежуточное положение между имитацией жестов и ситуаций, с одной стороны, и речевых фактов, с другой, занимает имитация звукоподражаний. Подобные звукокомплексы в речевой деятельности ребенка принято рассматривать в плане переходного этапа от лепета к словесной речи [Цейтлин 2000: 38, 57]. На доминативной стадии, до того, как ребенок начинает использовать звуки окружающего мира в качестве обозначения предметов, он использует эти звуки как «имитативные звукокомплексы» или

как «звукоподражательные сигналы» (для выражения потребности). Звукоподражательные комплексы ранней детской речи слиты как с звукосимволическими жестовыми образованиями, так и с междометно-эмоциональными фонациями [Воронин 1982: 138]. Показательно, что так называемые экспрессивные дети лучше имитируют, чем референциальные [Цейтлин 2000: 41].

С пониманием ритуала как продолжения биологического внутригруппового и межвидового взаимодействия согласуется *этологическая* (*биолингвистическая*) *теория* происхождения языка, в которой полагается, что человеческий язык возник в результате эволюционного развития сигнального кода животных [Frundt 1993; Lass 1990; Winter 1988; Smillie 1991; Ильичев, Дементьев 1963; Ильичев 1983, 1985].

В биолингвистике устанавливается универсальность сигналов, функционирующих в коммуникации человека и животного; утверждается их «отприродный» (примарно мотивированный) статус. «Простейший и древнейший отпугивающий сигнал «кыш», имеющий кстати множество параллелизмов в других языках, – конгломерат разнообразных защитно-оборонительных сигналов не только птиц, но и млекопитающих, пресмыкающихся и рыб» [Ильичев, Силаева 1985: 220].

Исследование сигнальных систем животных позволяет говорить о том, что эти сигнальные системы были гораздо сложнее, чем это принято думать [Lass 1990]. Важным выводом биоакустики является рассмотрение языка животных как системного образования и исследование синтагматики коммуникативных систем животных. Считалось, что эти коммуникативные системы не имеют уровневой организации, однако результаты биоакустических исследований позволяют поставить под сомнение категоричность этого утверждения. Ср. синтагматика у животных: «Одиночные сигналы издаются животными сравнительно редко, это обычно характерно для *очень молодых* (*выделено нами. – С.Ш.*) животных. У взрослых дельфинов сигналы объединяются в группы, подобно объединению слов при фразовой организации человеческой речи <...> Соблюдение этого закона указывает на существование синтаксической организации и

смысловых отношений в сигнализации дельфинов» [Марков 1978]. Экспериментальные исследования физиологов показали, что собаки обладают фонематическим слухом: «слуховые механизмы различения звуков речи (по крайней мере на первичном этапе классификации речевых звуков) у собак точно такие же, как у человека» [Морозов 1987: 48].

В целом можно сказать, что этологическая теория постулирует два основных положения: 1) коммуникативная деятельность человека в существенных своих элементах выросла из коммуникативных систем животных предков древнего человека; она уже была дана им, будущим питекантропам, неандертальцам и синантропам; 2) когнитивный уровень высших антропоидов настолько высок, что можно говорить о способности к разумному решению задач, не выводимому из простой последовательности проб и ошибок, о потребности в кооперации. Один из важнейших признаков (проявлений) высокоразвитых когнитивных способностей высших животных является сочетание прогнозирования с опосредующим использованием действия инструмента (орудия) для достижения цели [Горелов, Седов 1997: 185].

Ср. гипотезу И.Н.Горелова о «функциональном базисе речи» как промежуточной системе между первосигнальной и второсигнальной системами [Горелов 1974].

Животные коммуникации определяются как «биологически целесообразное совместное поведение, направленное на адаптацию к среде и регулируемое, в частности, сигнализацией» (И. Горелов). В общении между человеком и животными биоакустики выделяют коммуникативную, регулятивную, апеллятивную, эмоциональную, контактоустанавливающую (фатическую) функции [Морозов 1987; Ильичев, Силаева 1985]. Лингвисты указывают на ограниченность коммуникативной функции в языке животных, отсутствие в нем познавательной, метаязыковой, эстетической, этнической, магической и наличие биологической функций [Мечковская 1996: 26-27; Степанов 1971].

Причастность ФМ к данной проблеме обусловлена наличием у данных единиц биологической функции, которая отсутствует у других единиц языка (см. гл. IV раздел «Функции ФМ»).

Следует заметить, что человек довольно искусно управлял поведением животного, причем совсем не в диалогическом режиме. Как пишет музыковед-фольклорист Э. Е. Алексеев, и голосовые звукоподражания, и охотничьи манковые инструменты оказываются своего рода «звуковой снастью» промысловика, его акустическими «капканами» и «ловушками». Столь же важную роль играл акустический канал в формировании своего рода «языка доместикации». На воздействующем эффекте звуков основаны командные выкрики оленеводов, управляющих перемещениями и психологическим состоянием стада, приемы успокаивания особи и стада при помощи особых возгласов и даже специальные напевы, предназначенные для «звуковой терапии» (например, для того, чтобы заставить матку кормить осиротевшего теленка). Особо изощренными были формы голосового воздействия на вожака с целью управлять стадом через звуковой контакт с ним, а также различного рода звуковые команды и возгласы (часто звукоподражательного характера) при управлении транспортными животными [цит. по: Новик 1999].

Лексические аттрактанты (подзывные слова), лексические репелленты (слова отгона) и подражания голосам животных и птиц являются в языке исключительно в виде ФМ. Однако именно эти ФМ имеют регулярную модель морфологизации (часто формы ед. и мн. числа), оставаясь при этом ФМ (редупликация). При морфологизации других групп ФМ возникают слова традиционных частей речи. Все это является косвенным аргументом в осмыслении ФМ как «языковых окаменелостей», универсалий, не подверженных разрушению временем, что снова указывает на непрерывность и относительную неизменяемость маргинального континуума. Можно предполагать, что коммуникативные коды в общении человека с животными не эволюционируют, тогда как ФМ направленные на человеческие коммуникативные системы (акустические, артикуляторные ФМ, ФМ говорения), претерпевают в своей эволюции не просто существенные, а

порой необратимые изменения. Подобные выводы согласуются с исследованиями, которые указывают на все возрастающее развитие и совершенствование языка и мышления человека (в частности, в онтогенезе речи) и отсутствие эволюции звуков и реакций на них у животных – застывший инстинкт.

В отличие от качественной и количественной неограниченности содержания языкового общения, коммуникации животных доступна только экспрессивная информация (т.е. информация о внутреннем – физическом, физиологическом – состоянии отправителя сообщения) и информация, непосредственно воздействующая на получателя сообщения (призыв, побуждение, угроза и т.п.). В любом случае это всегда «сиюминутная» информация: то, о чем сообщается, происходит в момент сообщения. Таким образом, содержание общения животных ограничено оперативной и исключительно экспрессивной информацией – о происходящем только с участниками коммуникации и только во время коммуникации. И в онтогенезе, и в филогенезе животных основная информация передается не в процессе коммуникативного поведения, но по генетическим каналам [Мечковская 1996: 12].

Можно предполагать, что человек хорошо осознает специфику коммуникативных систем животных и использует адекватный им коммуникативный код (генетически закрепленные сигналы в процессе одомашнивания животных и птиц). Об этом говорят орнитологи и биоакустики: «в течение длительного процесса одомашнивания у птиц развилась генетическая направленность, настроенность на сигнал человека, призывающего их, чтобы накормить, напоить. Домашние птицы привыкли получать корм из рук человека, особенно в подросшем состоянии, когда наседка перестает управлять поведением своих выросших детей» [Ильичев, Силаева 1985: 219]. С другой стороны, можно говорить и о том, что человек не осознает специфику языка животных, а «примеряет» свой язык к коммуникации животных [21].

[21] Ср., например: «Однако элементарный анализ научных гипотез (в физике, социологии, лингвистике и т. д.) показывает, что, по сути дела, представление человека о

Различие акустических, артикуляторных ФМ и ФМ говорения и лексических репеллентов и аттрактантов позволяет найти еще один аргумент в пользу архаичности исследуемых единиц. Поскольку подзывные и отгонные слова, которые всеми исследователями рассматриваются как исторически ранние, сохраняются в эволюции языка как застывшие формы, то можно предполагать и древнюю природу других подобных аномальных форм, сохраняющихся в устных формах языка.

Это положение хорошо прослеживается не только в работе А. П. Поцелуевского, но даже в ее названии «К вопросу о древнейшем типе звуковой речи (на материале туркменских обращений к животным)». А. П. Поцелуевский в поисках методов реконструкции древнейших форм и ступеней человеческой звуковой речи анализировал обращения людей к домашним животным (в основном на материале туркменского языка, но с привлечением сравнительных данных из других языков). Он исходил из мысли Н. Я. Марра о том, что «человек и животные одомашнивались вместе», но отношения людей с домашними животными с тех пор мало эволюционировали, поэтому речевые формы современных обращений к животным могут служить источником познания некоторых свойств древнейшей речи [Поцелуевский 1944].

Б. Ф. Поршнев уточняет: эта аргументация примененного метода исследования уязвима (одомашнивание животных в основном относится лишь к неолиту) и лучше было бы заменить ее другой: на обращения к животным перенесено кое-что из характерных черт былого обращения к

мире становится все более и более антропоморфным, потому что человек в его же собственном самосознании, то есть в индивидуальной психической содержательности сознания, в ее психологической проработке, все более и более идет по линии отождествления особенностей психического с сущностью космического по линии универсализации своей сущности как космической. Он идет к идее сращения психики и сознания, к идее сращения человеческого со «сверхчеловеческим», так сказать. В этом подходе идея психики «природно» сращена с идеей психики человека, идея сознания – с идеей человеческого сознания, идея Бога – с идеей Человекобога, идея языка – с идеей языка людей (а «язык» животных изображается по существу как редуцированный язык людей, так сказать, универсальная дефектная схема человеческой речи). Именно с этой тенденцией связаны психологические и психолингвистические гипотезы о «языке животных» (дельфинов, обезьян и т. д.) как об аналоге человеческой речи и т. д.» [Мамардашвили 2003: 115].

палеоантропам или к низшим типам неоантропов [Поршнев 1974], не отрицая при этом саму идею А. П. Поцелуевского.

Исследование подзывных и отгонных слов позволяет прийти к выводу о том, что древнейшим типом звуковой речи являлось «слово-монолит», недифференцированное ни в семантическом, ни в формальном отношении и неразложимое на отдельные элементы. Основным назначением таких слов-монолитов было сообщение говорящим своей потребности, воли или желания другому, поэтому можно предположить, что их первоначальная функция была аналогичной повелительной форме глагола. Слово-монолит являлось выразителем не суждения, но воли или желания говорящего, и само высказывание слова-монолита диктовалось лишь конкретными потребностями текущего момента. Поэтому во внутреннем содержании слов-монолитов нельзя вскрыть никаких элементов логического суждения [Поцелуевский 1944].

Номинально-номинативная функция слова-монолита явилась позднейшей надстройкой над его первоначальной вербально-императивной функцией. Слова-монолиты стали употребляться для обозначения отдельных элементов действительности. Из знаков воли они превратились в знаки представлений, в знаки предметов мысли. Появление у слова-монолита зачатков новой (интеллектуальной) функции (как знака представления или понятия) дало ему возможность стать орудием примитивной мысли. Слово-монолит, не теряя своей недифференцированности и нерасчлененности, впервые стало орудием мысли в качестве словесного выразителя предиката суждений восприятия [Поцелуевский 1944].

Б. Ф. Поршнев также рассматривает речь как важнейший регулятор человеческого поведения, детерминанту на пути преобразования предчеловеческих уровней жизнедеятельности в человеческие. Психофизиологическим коррелятом такой регуляции служит вторая сигнальная система. Второсигнальное взаимодействие людей складывается из двух главных уровней и в свою очередь делится на первичную фазу – интердиктивную и вторичную – суггестивную. Раскрывая механизм суггестии, автор по существу присоединяется к концепции Л. С. Выготского

относительно психического развития ребенка. Согласно Л. С. Выготскому, все высшие психические функции суть интериоризованные социальные отношения: человек и наедине с собой сохраняет функции общения. «Человек в процессе суггестии (внушения) интериоризирует свои реальные отношения с другими индивидами, выступая как бы другим для себя самого, контролирующим, регулирующим и изменяющим благодаря этому собственную деятельность. Этот процесс, согласно автору, уже не может осуществляться в действиях с предметами, он протекает как речевое действие во внутреннем плане. Механизм «обращения к себе» оказывается элементарной ячейкой речи-мышления» [Поршнев 1974].

Б. Ф. Поршнев анализирует выводы А. П. Поцелуевского и соглашается с ними: «как видим, автор своим собственным путем пришел к мнению о древнейшей стадии речи, весьма близкому к изложенному выше представлению о суггестии», где наряду с «первоначальной вербально-императивной» стадией речи представлена «качественно иная, последующая стадия появления у слов номинативно-семантической функции (иначе, коммуникативно-информационной)» [Поршнев 1974].

На уровне ФМ выявляются следы вербально-императивного (суггестивного) типа речи. Ср.: а) призыв, приглашение, побуждение, поощрение к действию: ***Ну**, ребята, **айда** за грибами; **Айда** со мной, такие чудеса покажу; **Ну**, Владимир, что ж?* (А. Толстой); *Сыпь сейчас, – сказал дьяк подставляя колпак, – **Ну-тка!*** (А. Толстой); ***Ну**, Милочка, оп – прыгай, здесь невысоко. раз **Раз**-два взяли! **Ну**, давайте! **Оп**!;*

б) запрет [просьба, приказ] на действие, в том числе и говорение: *Ой, только не надо ля-ля. – Ты что, мне не веришь?*; *И чтобы в моем столе не рыться – **ни-ни**; Можно взять? – **Ни-ни**; **Ну-ну**, не для вас делано. Убери-ка руки свои; **Оп**! Здесь остановись. Вот ты и раскололся; **Пс**! Молчите! **Пс**! Дайте послушать любопытной; Вы забываетесь, молодой человек! **Пст! Пст! Пст!*** (А. Чехов. Жизнь в вопросах и восклицаниях); ***ТСС**!...- закрыл глаза Руднев. – Да неужели вы не узнали его?* (А. Куприн. Тапер); ***Тссс!** – говорит мать. – Папа пишет! **Тссс!*** (А. Чехов. Тссс!); ***Тссс** ... Непрочен Сон в присутствии божества* (М. Цветаева); ***Тю-тю-тю**! Ну-ка, разошлись, ишь*

петухи!; ***Тю-тю-тю,*** *– с улыбкой, мирно сказал Князев. – Сразу – обида* (В. Шукшин. Штрихи к протрету); ***Цыть!*** *– сказал Губошлеп* (В. Шукшин. Калина Красная); *Бедная, плачет теперь где-нибудь в потемках! – думал он. – А извозчик на нее:* ***цыц! Цыц!*** (А. Чехов. Кухарка женится); *Дни мира, усните,* ***Цыц!*** (В. Хлебников); ***Чш-ш-ш****! Не шумите. Спектакль начался;* ***Шш-ш-ш…-*** *шикает в первых рядах офицерик какой-то девице* (А. Чехов. Салон де варьете); *А Петька шипит: «****Ш-ш****… ты! Тихо!»* (П. Бажов. Зеленая кобылка); ***Ша,*** *Горе! – повысил голос Губошлеп* (В. Шукшин. Калина Красная).

Очевидно, что в разработке вопросов филогенеза речи одним из материальных свидетельств (наряду с материалами детской речи) являются и лексические аттрактанты и репелленты. Слова-обращения к животным и подражания их голосам являются весьма важными не только для решения вопроса о происхождении языка, но и понимания его сущностных характеристик.

2.5.3. Биофоносфера – ФМ – семиофоносфера. «Язык примитивного человека, в сущности говоря, есть двойной язык: с одной стороны, язык слов, с другой – язык жестов». Один язык объясняет другой, один язык влияет на другой. Такой сдвоенный знак проходит три стадии развития: имя собственное, указывающее на индивидуальный предмет; родовое имя комплекса или группы предметов; абстрактное имя понятия [Выготский, Лурия 1993].

Часто в основе этой пантомимы лежит игра. Согласно *игровым концепциям происхождения языка* и культуры [Якушин 1984; Хейзинга 1992] зарождение и первые этапы развития языка протекали в двух планах: в реальном социально значимом взаимодействии членов коллектива и в игровых культурных проявлениях. Одновременно с языком зарождалось и синкретическое первобытное искусство, которое представляло собой сочетание игрового действия и звукового сопровождения [Якушин 1984].

Игровая концепция культуры также постулирует «вырастание» человеческой (культурной) игры из игры биологической: уже в своих простейших формах и уже в жизни животных игра представляет собой нечто

большее, чем физиологически обусловленная физическая реакция. Элементы «состязательности», «агонального инстинкта» берут начало в биологических потребностях наших предков, которые связаны прежде всего с распределением границ жизненного пространства между особями одного вида. Игра как таковая перешагивает рамки чисто биологической или, во всяком случае, физической деятельности. Игра древнее культуры и являет собою содержательную функцию со многими гранями смысла [Хейзинга 1992: 10].

В русском материале обнаруживается регулярность функционирования ФМ в игровых жанрах и формах речи (детские языки, игры, обряды, загадки, пословицы, заговоры). Игровые формы фольклора и магический фольклор фиксируют общий ряд маргиналий.

Согласуется с игровой теорией и *ритуальная теория происхождения языка* [Марр 1928; Топоров 1988; Маковский 1996; Мечковская 1998; Монич 2000], в которой основой для возникновения языка считается ритуал, который древнее языка, предшествует ему и во многом предопределяет его.

Изначально существовал набор ритуальных предикаций базовых символов, из которых впоследствии развивались конкретные словоформы, сохраняющие в себе эти сакрализованные первоосновы. Этот набор предикаций базовых символов был ограничен, что обусловило ограниченность состава реконструированных (измененных) индоевропейских праоснов. Ср. в моторной теории также говорится об ограниченности набора программ.

В во всех жанрах, содержащих заумную речь, наблюдается общий состав звуковых корней, восходящих, на наш взгляд, к проторечи и сохраняющихся в жанрах, близких к ритуалу (см. гл. III).

В данных теориях ритуализованные средства коммуникации рассматриваются как прототип знаковой коммуникации.

Иногда ритуальная коммуникация понимается как продолжение биологического внутригруппового и межвидового взаимодействия, в основе которых лежат простейшие знаки-ритуалы – угрозы и умиротворения. При переходе от биологического ритуала к слову отчетливо выделимо

промежуточное звено – клятва как угрожающе-предостерегающий звуковой сигнал [Монич 2000: 72-74]. Ритуал и протомиф «выступают и как последние шаги биологической эволюции, приведшей к антропогенезу, и как первые шаги человеческой культуры» [Топоров 1988: 44]. Поведение ребенка в период детства – своеобразный аналог поведения людей в исторически ранних культурах, где имело место автоматизированное следование ритуальным нормам. Ритуал в жизни древних играл роль, сходную с той, какую играют в жизни ребенка правила повседневного поведения взрослых [Лепская 1997: 136].

Ритуальность ФМ ярко проявляется в детских играх и магическом фольклоре: нарушение словесной ткани текста приравнивается к разрушению игрового или магического пространства. Взаимосвязь и взаимообусловленность ритуала социумного и ритуала биологического косвенно подтверждается равноправностью существования ЗП крикам животных и птиц, междометий и заимствований в «другой» речи. Важность ритуала для исследования ФМ определяется еще и тем, что архаическое сознание системно и семиотично и включает в себя все формы представлений о картине мира [Топоров 1988; Еремина 1991; Семенова 1977; Франк-Каменецкий 1929].

Близко к ритуальной гипотезе стоит *культурно-мифологическая концепция* происхождения языка, которая рассматривает факт зарождения человеческого языка в контексте эволюции мифологической культуры [Топешко 2000]. С усложнением практики жизни усложнялась и система знаков для выражения мифологического осознания. Сами знаки подталкивали к постепенному переходу к основам дифференцированного осознания. Дифференциация знаков и семантик привела к первым классификациям и способствовала закреплению за знаками отдельных обобщенных семантик, таких как смерть и рождение, конец и начало, и других. Для выражения обобщенных, а затем и абстрактных понятий использовались все те же знаки или последовательности знаков. Эта дифференциация привела к появлению оппозиции сакральное – прафанное. Знаки, когда-то произошедшие из предметно-орудийной деятельности, но

прочно ассоциированные с традицией сакрального общения с миром, начинают переноситься в профанную жизнь, воссоединяясь с бытовыми значениями. И это еще больше отдаляет людей от осознания божественного начала жизни, которое когда-то было дано людям в непосредственном восприятии. По этой гипотезе, ключевым фактором формирования представления о возвышенном как дифференциального признака человеческого языка должна была быть мифологическая культура и различные уровни ее бытования [Топешко 2000].

В определенной степени это прослеживается на примере арготических единиц ***кап-кап*** в значении «доносчик» и *капать* в значении «доносить, предавать», которые фиксируется арготическими словарями с начала века и по сей день. В. Стратен [Стратен 1929] и Б. Ларин [Ларин 1931: 122] предполагают заимствование из нем. *kappen, verkappen* «доносить», то же в польск. *kapać*. Возможно, данное слово не является заимствованием (ср. арг. *породниться с водой* «стать доносчиком», *замочить* «предать»).

Ближайшей ассоциацией, реализованной в значении слова, может быть ассоциация ФС-характера (***кап-кап*** – тихий удар, т.е. неслышный удар, удар исподтишка). Более дальняя ассоциация приводит к древнейшим представлениям человека, где вода является связующим звеном при переходе душ умерших в загробный мир (ср. *кануть в Лету*). Здесь ассоциативная структура усложняется и приобретает незвуковой характер «вода-дорога-смерть», т.е. донос – это дорога к смерти кого-, чего-либо (намеченного преступления, провал дела, арест и т.п.). М. М. Маковский, используя методы лингвистической комбинаторики, делает вывод о том, что к значению слова «вода» восходят русские слова «тропа, тропинка», с одной стороны, и «труп» – с другой (ср. нем. Tropfen «капля»), т.е. здесь также реализуется семантическая цепочка «вода-дорога-смерть». Ср. у М. Фасмера: ***тропа*** восходит в ***тропать*** «топать ногами»; др. ступень вокализма ***трепать*** ср. болг. ***трепам*** «убиваю», др.-рус. ***притрепати*** «губить, убивать».

Вероятнее всего, рус. ***кап-кап*** и *капать*, нем. *kappen*, польск. *kapać* восходят к универсальной древнейшей мифологеме «вода-смерть». Самостоятельность данного семантического перехода в русском языке

подтверждается другими языковыми фактами. Ср. *арг*. ***мокрое дело, мокруха*** «любое убийство, в том числе и без крови (удушение, отравление)»; ***мокрушник, мокрятник*** «убийца»; ***окунуть*** «поместить в места лишения свободы»; *диал*. ***капельник*** «повеса»; ***капли не задевать*** «не прикасаться к чужому»; ***капли сумасшедшие (веселые)*** «водка»; ***каплюга (каплюжник, каплюжка)*** «горький пьяница», «скряга, крохобор», «хитрый и льстивый человек», «крайне неприятный человек» и т. п.

Таким образом, древнейшее представление человека «вода-смерть» закрепилось в связке «вода-опасность», а семантика воды обрела пейоративные коннотации (ср. *мокрая курица, мокрого места не останется, глаза на мокром месте, вывести на чистую воду, желтая вода* «глаукома», *темная вода* «слепота»). Ср. также семантические параллели и гипотезу В. М. Мокиенко в арг. ***стоять на стреме / вассере/ маяке***: «в приведенном ряду «караульных» идиом довольно активна мотивация, связанная с водой, с опасностью на воде» [ИЭСВЖ: 158]. Простой звук движения воды выходит на уровень философского осмысления жизни и смерти.

Таким образом, игровая, ритуальная и этологическая (биолингвистическая) теории происхождения языка постулируют развитие языка из закрепленных программ поведения внутривидового и межвидового взаимодействия, которые сопровождаются определенными звуковыми сигналами, контролирующими и направляющими коммуникативное поведение.

Кинетическо-звуковые теории являются значимыми для изучения ФМ, где в основе ЗИ лежит механизм синестезии, а также физиологические механизмы как таковые. Кроме того, исследования по невербальным компонентам коммуникации подтверждают вывод о значимости невербалики в передаче значительного процента информации в процессе современной человеческой коммуникации [Горелов 1980; Колшанский 1974; Миккин 1977; Крейдлин 2002, 2005; Argeale 1972; Schefien 1972; Berdwhistell 1970].

В истории развития человечества имитации голосов природы не ограничивались только утилитарными целями. Показательным в этом отношении является становление музыкофоносферы, а также других

семиотических систем. Всесторонне вопрос исследовался в работах Е. С. Новика [Новик 1994, 1999], позволим себе подробное цитирование.

По данным музыковеда-фольклориста Ю. И. Шейкина, в музыкальном фольклоре удэгейцев, например, существует особый вид вокального творчества *диганаини*, что буквально означает «издавать звуки или петь, подражая голосу зверя или птицы» (сходный жанр он обнаруживает и у других тунгусо-маньчжурских народов: *дилган* у негидальцев, *дзилдан* у ороков, *дзилган* у маньчжуров). Этот вид вокального творчества включает «натуралистические» (иконические) и «символические» звукоподражания.

Первые из них представляют точное подражание оригиналу (крик, вой, свист и т. п.); для воспроизведения некоторых из них существуют специальные инструменты. Именно эти звукоподражания используются как охотничьи манки, т. е. в утилитарных целях. Отсюда вытекает и запрет исполнять натуралистические звукоподражания вне ситуации охоты, например, в детских играх или обрядах. Исключение составляли лишь шаманские обряды, в которых, напротив, как можно более точные подражания крикам реальных животных использовались очень широко, причем именно либо в сигнальной функции (для призывания шаманских духов-помощников, имеющих соответствующий облик), либо для репрезентации их «прихода» на зов шамана.

«Символические» звукоподражания, по наблюдениям Ю. И. Шейкина, похожи на оригинал, но несколько отличаются от него, передавая лишь общее звуковое впечатление. Они могут воспроизводиться либо с обычной речевой интонацией (это так называемые «образные слова», фонетически передающие это впечатление), либо мелодически интонироваться и разрастаться в особые звукоподражательные напевы. Последние исполняются для развлечения, используются в играх (например, игры в кабана или в медведя), в обрядах, а в повествовательных фольклорных текстах маркируют прямую речь персонажа в качестве звукоподражательного рефрена-возгласа.

В другом месте автор отмечает, что звукоподражания, «аккультурированные в фольклорной практике, с акустической точки зрения

содержат изменения как в звуковысотном, так и в ритмическом отношениях», они «колеблются от иконической точности до неузнаваемой модификации в зависимости от того культурного смысла, который вкладывается в эти имитации» [цит. по: Новик 1999]. Сходным образом обстоит дело и со знаменитым горловым пением на вдох.

Наш материал показывает, что функционирование ФМ тесно связано с игровым, ритуальным, сакральным, мистерийным пространством, где существенную роль играют зооморфные, орнитоморфные, фитоморфные и другие подобные символы.

Народно-обрядовые игры, включающие элементы танца, пантомимы, музыки, отчасти изобразительного искусства (а впоследствии и поэзии), в своем синкретическом единстве стали зародышем театра. Специфической чертой первобытного театра является употребление масок, генетически восходящее к маскировке как приему охоты (одевание в шкуру животного с целью приблизиться к объекту охоты, не вызывая подозрений) [Мелетинский 1972]. Первоначально основу трагедии составляла зоопантомима, а источником дальнейшего ее развития в качестве драматургического жанра стал дифирамб, излагавший предания о Дионисе [Авдеев 1959].

В семантике русских ФМ пространство животного мира представлено во всевозможных ипостасях – коммуникативное, культовое, карнавальное, поэтическое, биологическое, хозяйственное, охотничье и пр. Все рассмотренные ниже фольклорные жанры связаны как с семантикой, так и с активностью функционирования ФМ в них.

Связь танца с магическим обрядом, а затем и религиозным культом оказалась более тесной, чем у изобразительного искусства, поскольку танец стал основой обрядового действа [Мелетинский 1972].

Так, в христовщине первой половины XVIII в. выделют два вида экстатических «хождений». Первый, обычно называемый исследователями одиночным радением, представляет собой простейшую технику достижения экстатического транса: сектант, стремившийся «утрудить плоть», достичь «крещения Святым Духом» и получить дар пророчества, кружился на одном месте продолжительное время и, придя в измененное состояние сознания,

начинал пророчествовать. Второй вид радельного «кружения», известный в ранней христовщине – хождение кораблем – был наиболее распространенной формой коллективного экстатического танца в течение всей истории русского мистического сектантства. Радеющие становились в круг друг за другом и ходили посолонь, подпрыгивая в такт песни, «яко корабль в тихом плавании». При этом наставник (наставница) общины или пророк (пророчица), «вертелся» в центре круга – за мачту [Панченко 2002].

Гипотеза генезиса радельной пляски была предложена Д. Г. Коноваловым, указавшим на связь «хождений» с «национальными игрищными и хороводными плясками» [Коновалов 1908: 120, 123]. Действительно, крестьянские хороводы и – шире – различные виды народных игр, сопровождаемых песнями, являются, вероятно, самой близкой аналогией радельному танцу [Панченко 2002]. В семантике русских ФМ тема движения, передвижения, вращения, хождения, подпрыгивания и пр. является доминирующей.

Ср.: а) движение, передвижение, хождение – ***шуры-шары, шуру-шары, шлеп, шарк, шабар, чуп-чуп, чёп-чёп, тупы-тапы, туп-туп, тор-тор, топы-топы, кувыль-кувыль, буц-буц:*** *Плетни завяжешь и* ***шуры-шары*** *токо в чёрных-те галошах шаришь* (Обвинск Караг.); *Веленки-то мне скатали шибко большие, и хожу* ***шуру-шары*** *– волочу ногами* (Обвинск Караг.); *В тапках идёт* ***шлёп-шлёп*** *к двери* (Обвинск Караг.); *Она ходит – ужас!* ***Шарк-шарк*** *ногами, как старуха, и за что ее Сашка любит; Разве так девушки ходят –* ***шабар-шабар****. Девушка летать должна. Да, в таких ботинках разве полетаешь?; Едут в Верещагино на досмотр. Гульки-гальки* ***чуп-чуп-чуп****, такие срамные. А у нас гладенькие, хорошие* (Соколо Вер.); *У ево ноги-те плохо ходят –* ***чёп-чёп****, а до магазина доползет как-ко* (Усть-Уролка Черд.); *Иду я, а они по лестнице* ***тупы-тапы, тупы-тапы*** (Соколово Вер.); *Ночью бог ходит по церкви, и с ним пресвятая богородица и Николай угодничек –* ***туп, туп, туп****…* (А. Чехов. Мужики); *Раньше-то я словно бегала, летала, а сейчас только* ***тор-тор*** *хожу* (Берёзовка Ус.); *Ой, смотри-ко, Ваньша-то* ***топы-топы-топы*** *– пошел ведь паря* (Усть-Уролка Черд.); *Мужик-то мой как закричит, а медведь да и пошёл от воды –* ***кувыль-***

кувыль-кувыль (Обвинск Караг.); *Вот какая лошадь в доме – токо* ***буц-буц****. Шура, не буткай так батанами-те* (Усть-Уролка Черд.);

б) вращение – ***тар-тар, ру-ру, р-р-р:*** *Сидишь, бывало вечером, веретёшечко в руки – и песни поешь, а веретёшко тебе* ***тар-тар-тар*** *– тоже будто с тобой поёт* (Федотово Бер.); ***Ру-ру-ру*** *– у самолёта пропилер, не ходи близко, враз башку-те снесёт* (Усть-Уролка Черд.); *Бывало сядут девки-те в избе, и только* ***р-р-р*** *– веретёшечки* (Усть-Уролка Черд.); *На-ко, паря, волчок. Гляди –* ***р-р-р*** *– волчок, вертится как* (Жуланово Сол.);

в) падение, толчок, бросание – ***шух, шур, шорк, шмырь, шмырьк, швырк, шварк, чах, хроп, туры-тары, тресь, тар, буты-баты***: *Сана-то* ***шух*** *парня, тот и повалился в голбец прямо навзничь* (Усть-Уролка Черд.); *Он –* ***шур*** *– прямо в окно и выбросил тапки-то. Во, дурак!; Он ее ногой –* ***шорк****, та свалилась. Вот гад; Картоху-то берешь –* ***шмырьк*** *в ведро, токо бут стоит* (Курган Черд.); *Он палку –* ***шмырь*** *– далеко кинул* (Тохтуево Сол.); *Я у него все железки –* ***швырк*** *в мусорку. Он орать; Он придет с мешком, да девчонку* ***шварк*** *в мешок, да сам туда же с головой, подымет ей рубашонку, да и ну хлестать* (Л. Толстой. Власть тьмы); *Сана-то чапает с бани –* ***чах*** *– свалилась в канаву-то* (Усть-Уролка Черд.); *Он встанет и* ***хроп*** *обратно, всё падает* (Жуланово Сол.); *Полетела я вниз, только* ***туры-тары*** (Соколово Вер.); *Куча сошлась на кучу.* ***Тресь****! Разошлись – двое лежат* (Жуланово Сол.); *Капа-то –* ***тресь*** *– повалилась. Пьяная дак чо* (Усть-Уролка Черд.); ***Таррр*** *– девка-то улетела, наземь бухнулась* (Таман Ус.); ***Буты-баты*** *– токо пятки вверх. Пала я, не знаю и как пала* (Усть-Уролка Черд.).

ФМ характерны прежде всего для игрового и ритуального действа. Так, в русских детских играх действие часто сопровождается игровым диалогом с ФМ, где нарушение диалога приводит к нарушению игрового континуума. Например, в игре «Почта» обязателен такой диалог: ***Динь-динь-динь!*** *– Кто там? – Почта из города N;* в игре «Редька» – ***Тук-тук-тук!*** *– Кто там? – Ивашко Попов. – Зачем пришел? – За редькой*. Эти диалоги сопровождают каждый круг игры.

В народном обряде – корни не только танца, музыки, но и поэзии. Первобытная поэзия первоначально представляла собой песню хора,

сопровождаемую пляской и пантомимой. В песне словесный элемент естественно объединялся с музыкальным. Поэзия возникла как бы в недрах первобытного синкретизма видов искусств, объединенных рамками народного обряда. Роль слова на первых порах была ничтожна и целиком подчинена ритмическим и мимическим началам. Текст импровизировался на случай, пока, наконец, сам не приобретал традиционный характер [Веселовский 1940].

Материал русских ФМ показывает особое внимание этих форм к семантике пения, которое представлено в материале в том же объеме, что и говорение человека (см. Приложение 2.7 табл. 15). Ср.: а) пение – ***а-а-а, го-го, то-то-ти, рууу, ла-ла, лю-лю, ля-ля, мяу-мяу, на-на, ра-ра, ру-ру, та-та, трали-вали***: *Я слышу у их в комнате токо* ***а-а-а да а-а-а****: громкушшо поют* (Тохтуево Сол.); *Ну давай, давай пой, ну* ***а-а-а, а-а-а****. Да ладно тебе ломаться; Но я сажаю алюминиевые огурцы –* ***а-а*** *– на брезентовом поле* (В. Цой); *Только и знают песни свои дурацкие:* ***го-го, го-го****. А что* ***го-го****, сами не знают* (Л. Толстой. Власть тьмы); *Заходит этак боком, а потом берется верхняя нота, такая рассыпчатая****... то-то-ти... рууу****. Понимаете? А тут в это время басы берут:* ***гу-гу-гу-туту****...* (А. Чехов. Забыл!); ***Ла-ла-ла-ла ла-ла*** *Вертится быстрей земля* (Из к/ф «Кавказская пленица»); *Облада, облада, жизнь идёт, брат. Ла-ла, а их жизнь идёт* («Чайф»); ***Ша-ла-ла-ла-ла****, странная мелодия странные слова* («Черная ночь»); *А молодые все ходят с этими, магтофонами, всё* ***лю-лю-лю*** (Колышкино Караг.); *Он садился в стороне на берегу и напевал тихо:* ***у-лю-лю-лю*** (А. Чехов. Моя жизнь); ***Ля-ля-ля-ля-ля*** *Весь день я напеваю* («Руки вверх»); *Слышу в ванной –* ***мяу-мяу****. Значит Олька пришла, она всегда в душе напевает чего-то; Он так прикольно* ***на-на-на*** *– поёт, все валяются от смеха;* ***Ра-ра-ра, ра-ра-ра*** *– не пой уж, голоса-те уж ушли у нас, топеря токо ох да ах остались* (Усть-Уролка Черд.); ***Ру-руру-ру,*** *– запел он громче* (А. Чехов. Три года); *Мы такие дураки –* ***та-та-та*** *– поём, короче, а все на нас смотрят и ржут;* ***Ей-ей-ей, трали-вали****! Кабы красна девица жила в полуподвале…* (В. Высоцкий);

б) звук укачивания – ***баиньки, бай, байки-побайки, бай-побай, бай-побаюшки, баю-бай, баю-баю-баюшок, баю-баю-баянёк, баюшки-баю, люли-люли, люли-люленьки, люли-полюли, качи-качи.***

ФМ при функционировании в речи часто сопровождаются каким-либо интонационным, мимическим или жестовым компонентом. Все ФМ ритмично структурированы [Шляхова 2004].

Источником песни часто считается внушение духов, обычно в виде сонного «видения». У нивхов в прошлом было представление об особом духе, который во время исполнения песни сидит на кончике языка певца. Поэзия без музыки долитературному периоду неизвестна [Мелетинский 1974]. Показательны в этом отношении колыбельные песни, а также песенные рефрены. Колыбельные песни с пожеланием смерти младенцу, вырванные из синхронного контекста их возникновения, получают сомнительные интерпретации в современной синхронии. Так, колыбельные песни с пожеланием смерти младенцу понимаются как избавление от «лишнего» рта [Гиппиус 1935: 57; Шаповалова 1968: 157]; шуточное попрание «нравственных устоев – любви к своим детям» [Мельников 1970: 41]; желание избавить «слабого, увечного, безнадежно больного» ребенка «от мук, болезни и голода», нежелание «многочадия в бедной крестьянской среде» или внебрачного ребенка [Мартынова 1975: 152-153]. Ср. «Колыбельная» Н. Заболоцкого: «*Из-за облака Сирена Ножку выставила вниз, Людоед у джентльмена Неприличное отгрыз*».

Более корректным толкованием представляется связь колыбельных песен-страшилок с заговорной поэзией, которая репрезентирует разные виды оберега ребенка: колыбельная песня с пожеланием смерти, танец у колыбели умирающего дитя, «перераживание» больного младенца, мнимые похороны или продажа ребенка. Все эти формы оберегов имели четко выраженный сакральный характер [Аникин 1957; Померанцева 1966; Литвин 1972].

Именно в этом контексте проясняются и заумные устойчивые ФМ формулы-рефрены звука укачивания (***баю-бай, лю-лю, ла-ла, тра-ла-ла, люли-люли, качи-качи*** и др.). Наиболее частотная формула – двойное мягкое

л с гласными среднего и верхнего подъема; вариант – сочетание **л** и **j**: *ой люли, люлей, лилё, люле, элеле, йо лилё, лелём мой лелём* [Адоньева 2004].

Многие исследователи указывают на архаичную природу жанров, где регулярно воспроизводятся эти звуковые формулы. Архаика подобных формул выявляется и на уровне этимологии. В фольклоре разных народов и в религиозных культах имя бога нередко превращается в припев [Голан 1994: 211].

Многие исследователи (Ч. Дарвин, О. Есперсен, С. Л. Рубинштейн) отмечали, что древний человек сначала научился петь, а потом овладел абстрактным словом, где пение понимается как эмоциональное голосовое средство общения. Данный тезис подтверждается и на уровне структурной организации центров мозга, управляющих речью. Собственно речевые зоны (центры Брока-Вернике) расположены в коре головного мозга, а центры, управляющие непроизвольными эмоциональными голосовыми реакциями человека, – в подкорковой области (лимбической системе), которая эволюционно более древняя, чем кора головного мозга. Таким образом, пение ввиду его эмоциональной природы базируется на эволюционно более древних механизмах, нежели речь [Морозов 1987: 158].

Ср. также в онтогенезе, где на третьей этапе становления речи (6 мес.) выделяется лепет. Сочетания $C^{V}V^{C}$ удлиняются и возникают все новые и новые сочетания звуков; появляются цепочки из трех, четырех и более одинаковых слогов. Лепет «для себя» – тихий, спокойный, более протяжный. При виде взрослых – лепет громкий, более четкий. Лепет младенца на первом году жизни можно отчасти уподобить пению птицы [Цейтлин 2000: 16-19]. Первые звуки – губные и нёбные. Лепет «для себя» в наиболее типичном его выражении состоит из менее определенных звуков: он носит протяжный характер, приближаясь к песне [Менчинская 1996].

В русских ФМ говорения около 16 % всего состава исследуемых единиц имеют семантику «пение, припев песни (часто колыбельной), звук укачивания» (***баю-бай, лю-лю, ла-ла, тра-ла-ла, люли-люли, качи-качи*** и др.), которые имеют архаическую основу. Связь пения и далекого прошлого является фольклорной универсалией. Так, у хантов термин *ар* означает не

только «петь, песня», но и включает в качестве семантической составляющей показатель ‘древний’, ‘старинный’, ‘легендарный’. Своих предков ханты называют *ар-ях* (‘песни-народ’); по отношению к давно сделанной вещи они могли употребить формулу «сделана песенным человеком» [Лукина 1990: 32]. Можно предположить, что здесь имеются в виду те, о ком поется в сказании (показательно, что мифологическое время называлось у манси *эрыг й’ис* – букв. ‘песенное время’ [Соколова 1987: 124].

А. Н. Веселовский из первобытного синкретизма выводил не только виды искусства, но и роды поэзии. Поэтическое творчество представляется в генезисе как коллективное в буквальном смысле, т. е. как хоровое. Поэт восходит к певцу и в конечном счете к запевале обрядового хора. В рамках такой эволюции А. Н. Веселовский размещает различные типы певцов (финский лаулайа, древнескандинавские тул и скальд, англосаксонские скопы, кельтские филы и барды, древнегреческие аэды и рапсоды, средневековые бродячие певцы – шпильманы, жонглеры, скоморохи и т. п.). Анализируя соответствующую лексику, он доказывает семантическую близость в генезисе понятий песни-сказа-действа-пляски, а также песни-заклинания-гадания-обрядового акта [Веселовский 1940].

Нет сомнений, что для генезиса музыкального фольклора (в том числе и для формирования различных типов интонирования, столь существенных для сибирских фольклорных традиций) имитации звуков сыграли гораздо более существенную роль, чем звукоподражания для формирования языка. Впрочем, образные, или изобразительные (ономатопоэтические) слова, которые упоминались выше, составляют достаточно обширный пласт общеязыковой лексики в финно-угорских, тунгусо-маньчжурских и других языках народов Сибири, а в изобразительной системе повествовательного фольклора им принадлежит весьма важная роль [Новик 1999].

Таким образом, биофоносфера находит свое семиотическое выражение не только в лингвофоносфере, но и других семиотических системах, связанных с акустическими кодами.

Очевидны подобные связи в поэтической речи. В русской поэзии регулярной является связь значений «*звук музыкального инструмента* –

явления природы, стихия». Ср.: **арфа – воздух:** *перуны, перунный* (Державин, Гнедич); *воздушный* (Тютчев); *вихрь* (Мерзляков); *ветер* (Блок, Мерзляков); *улетим* (Блок); **скрипка – вода**: *река* (Брюсов, Анненский, Бальмонт); *море* (Блок, Ахматова); *ручей* (Цветаева, Бальмонт); *журчанье струй* (Блок)**; скрипка – огонь, свет**: *огни* (Боюсов); *свечи* (Анненский); *огонь* (Бенедиктов, Брюсов); *море заревое* (Блок); *солнце* (Анненский, Гумилев); *свет* (Брюсов, Гумилев); *луч* (Гумилев**); рояль – вода**: *волна* (Мей, Плещеев, Бальмонт, Городецкий, Пастернак, Белый); *влага, плеск, пруд* (Пастернак); *роса* (Бальмонт); **рояль – гром, гроза** (Мей, Городецкий, Белый, Пастернак, Бальмонт); **рояль – ночь, тьма**: *луна* (Фет, Анненский, Бальмонт); *ночь* (Плещеев, Бунин, Пастернак); *сумрачный* (Никитин, Анненский). Такая устойчивая связь не фиксируется с механическим звучанием **шарманки,** хотя и здесь отмечаются некоторые соответствия: *стужа* (Брюсов), *холодный камень* (Фофанов).

2.6. Выводы по разделу

В эволюции человеческих коммуникаций звуки природы и голосовые сигналы животных и птиц активно семиотизировались. *Универсальным средством репрезентации всех составляющих биофоносферы являются ФМ-системы*, которые формируют коммуникативные коды, лежащие на границе между биофоносферой и семиофоносферой.

Можно выделить различные звуковые семиотические и не-семиотические системы, наполняющие фоносферу окружающего мира (см. рис. 5). ФМ являют собою отражение фоносферы в рамках естественного языка (лингвофоносфера), где репрезентируют биологическую (подражания голосам животных, акустические и артикуляторные ФМ), социальную (акустические ФМ) и семиотическую фоносферы (звукосимволические слова).

В рамках эволюционных подходов ФМ-системы являют собою зону перехода от полуживотной проторечи к языку, предел животной (не-человеческой) коммуникации, переход от био- к семиокоммуникациям. ФМ-система (через подражание и рефлекторные звуки) заполняет «зазор», «просвет» между биологическим звуковым пространством и семиотическими

звуковыми системами, где маргинальность ФМ проявляется как свойство переходности одной сущности в другую.

Одновременно с этим ФМ обнаруживают свойство «инаковости», поскольку формируют в языке особый слой – маргинальные ЗИ-системы, отличающиеся «другой» грамматикой, семантикой, функцией.

Фоносфера является системной средой для ФМ-системы и формирует лингвофоносферу ФМ. Элементы фоносферы являют собою ресурсы ФМ-системы, где в процессе взаимодействия ФМ-система отражает свойства фоносферы на лингвистическом уровне. Свойство отражения, характеризующее способность материальных систем в процессе взаимодействия запечатлевать и сохранять в своей структуре следы воздействия других систем [Абдеев 1994: 156], обусловливает ФС-принципы не-произвольности, детерминизма и отражения ФМ как языкового знака. В *качестве среды ФМ-системы понимается и собственно языковая система*. ФМ-систему необходимо рассматривать как в системе фоносферы, так и в системе языка, поскольку «импульс к изменению, в том числе и развитию системы, может как генерироваться внутри системы, так и вызываться внешними факторами. Если первое достаточно обосновано еще в рамках материалистической диалектики, то второе нуждается в логическом обосновании. Во-первых, любое изменение функции, производимое средой, вызывает смену механизма функционирования системы, а это приводит к изменению структуры системы и связей, которое может происходить как в направлении прогресса, так и в направлении регресса» [Ерохина 1998]. Во-вторых, с усложнением функции в пределах старого строения происходит дифференциация, которая в будущем может вызвать обособление новой части [Режабек 1991: 81], т. е. развитие системы. Именно то, что функция определяет структуру, функционирование и развитие системы, дает основание говорить о ней как о главном системообразующем факторе.

Одним из главных *системообразующих факторов ФМ-системы является функция преобразования биологического звукового пространством в семиотические звуковые системы*. На базе биофоносферы формируются не только лингвистические, но и другие семиотические коды, прежде всего

обрядово-фольклорные (см. рис. 5). При этом значимая роль отводится ФМ, которые сохраняются как реликтовые образования в магическом, детском, бытовом фольклоре.

В фоносфере генерируются новые звучания, которые являются внешними факторами для изменения ФМ-системы: компоненты ФМ-системы пополняются за счет среды (фоносферы). Однако звучания фоносферы преобразуются соответственно природе ФМ-системы, что и приводит, с одной стороны, к отсутствию одно-однозначной связи между звучанием денотата и ФМ. С другой стороны, очевидно, что специфика ФМ-системы обусловливает и вариативность фонетической структуры ФМ в различных языках.

Рисунок 5

Во всех теориях происхождения языка ФМ предстают как маргинальные структуры, формирующие маргинальные (переходные) зоны между языками

животных и человека, высшего начала и человека. В рамках логосических теорий ФМ, с одной стороны, являются коммуникативным кодом, обеспечивающим взаимодействие между этим и «другим» миром. С другой стороны, ФМ являются языковой репрезентацией звуковых механизмов, обеспечивающих это взаимодействие. В рамках эволюционных теорий ФМ составляют маргинальную зону при переходе от жеста (двигательной реакции) к слову, от эмоции к логическому началу речи, от рефлекторного выкрика к осмысленному слову, от кинетической речи к звуковой.

ФМ выступают как «слово-монолит», выполняют «первичную» функцию суггестии и являют собою аффективные, волевые и объективно-указательные импульсы, не дифференцированные по своему значению; затем

речь начинает выражать отдельно аффективные и волевые проявления, а позднее приобретает объективно-указательный характер. В современной синхронии ФМ «аккумулируют» весь комплекс этих нерасчлененных значений «эволюционных» смыслов, а также отражают систему и принципы их дальнейшего «расчленения».

Невозможно переоценить роль ФМ в становлении лингвосемиосферы в рамках эволюционных теорий развития. Представляется, что в разработке вопросов филогенеза речи одним из материальных свидетельств (наряду с материалами детской речи) являются и слова-обращения к животным (лексические аттрактанты и репелленты). Спецификой ФМ-системы по отношению к другим подсистемам языка является то, что только ФМ являют собою коммуникативный код, который в современной синхронии позволяет реализовывать коммуникацию между человеком и животными, маргинальной структурой, включающей в себя общий для человека и животного ряд коммуникативных актов.

В целом лексические аттрактанты (подзывные слова), лексические репелленты (слова отгона) и подражания голосам животных и птиц, являясь в языке исключительно в виде ФМ, демонстрируют доминирование, господство человека и подавление, подчинение животного. Можно предположить, что именно отсутствие диалогического режима коммуникации с животными не позволяет понимать и развивать коммуникативные коды с ними. Так называемое общение с домашними любимцами, на наш взгляд, являются лишь «приписыванием» животному собственных эмоций и когнитивных моделей, а не истинное понимание их «языка».

Однако важным представляется то, что эта коммуникативная периферия существует внутри языка как существенный и постоянно функционирующий код, исчезновение которого грозит возможной серьезной деформацией основ жизнедеятельности человека в целом. Даже разовое неподчинение человеку отдельного животного (домашней собаки, сбежавшего из зоопарка тигра, «заблудившейся» коровы) приводит к весьма плачевным, а порой и необратимым для человека последствиям, поскольку безопасность человека

заключается именно в том, что животные «соглашаются» (пусть даже в инстинктивно закрепленных программах) подчиняться человеку.

Исследование лингвофоносферы ФМ-космоса позволяет утверждать, что *ФМ представляют системное маргинальное образование*, которое связано с границей, переходной зоной, пределой, бытием-на-грани, бытием-в-промежутке между животным и человеческим миром, между не-семиотическим и семиотическим звуком, в том числе и пребыванием за границей человеческого мира («другая» речь).

Если согласиться с тем, что ФМ являют собою один из древнейших языковых слоев, то следует признать, что ономатопоэтическая теория происхождения языка заслуживает более пристального внимания лингвистов. Представляется возможным говорить о том, что *ФМ-система является основой ЗИС языка*, которая в свою очередь (согласно ономатопоэтической концепции языка) образует протооснову языка в целом, а последний есть один из многочисленных семиотических кодов, используемых человеком в коммуникации (см. рис. 5). Можно предполагать, что ФМ относятся к глубинным моделям языка, которые имеют характер языковых универсалий.

Если исходить из фоносемантического закона об изначальной примарной мотивированности языкового знака, то окажется, что доминантные языковые структуры имеют тот же генезис, что и маргинальные явления. Точнее, в генезисе доминантные структуры «вырастают» в том числе и из ФМ-структур, которые определенный период времени являются доминантными, а потом перетекают в периферийное пространство. В диахронии происходит перерождение маргинального образования и превращение его в новую устойчивую структуру стержневого значения.

4. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Системный анализ феномена ФМ позволяет сделать следующие выводы относительно линейной динамики ФМ-системы:

1) установлена качественная определенность системы, которая понимается как *подсистема в рамках ЗИС языка*, а последняя, в свою очередь, является подсистемой в рамках языковой системы в целом.

Идентифицирующим свойством системы ФМ является примарная мотивированность составляющих ее единиц;

2) определен тип системы, которая рассматривается как *маргинальная подсистема* в рамках ЗИС подсистемы языка и языка в целом, что обусловливает маргинальную специфику структуры и функционирования данной подсистемы;

3) выявлен главный системообразующий фактор – функция системы, которая задается системе извне и показывает, какую роль данная система выполняет по отношению к более общей системе, в которую она включена составной частью наряду с другими системами, выступающими для нее средой. Системообразующим фактором ФМ-системы является безусловная примарная мотивированность на фоне других подсистем, которые утратили или вытеснили на периферию этот признак. Специфика ФМ и ФМ-системы в целом относительно обычных слов языка и других языковых подсистем заключается в том, что на уровне ФМ-системы происходит нейтрализация закона относительной денатурализации языкового знака. ФМ формируют в языке маргинальную *подсистему мотивированных языковых знаков*;

4) выделены входные элементы (ресурсы) системы, которые представляют собой компоненты, передаваемые системе из среды. При помощи входов осуществляется влияние среды на систему. Для *ФМ-системы средой* является, с одной стороны, фоносфера (внешняя среда), которая и передает ФМ-системе формирующие ее компоненты. С другой стороны, в качестве среды ФМ-системы рассматривается и собственно языковая система (внутренняя среда), которая также влияет на систему ФМ;

5) изучена структура системы как единство компонентов и связей:

а) *компоненты ФМ-системы* можно условно разделить на подсистемы и элементы. Подсистемы представляют собой компоненты системы, сами являющиеся сложными системами. Элемент же может рассматриваться как «передел членения в рамках данного качества системы, он не состоит из компонентов и представляет собой нерасчленимый далее, элементарный носитель этого качества. Разумеется, элемент не делим не вообще, а только в рамках данного качества. Членение его выводит исследователя в качественно

иную систему» [Афанасьев 1980: 74]. В ФМ-системе выделяются компоненты (артикуляторные, акустические ФМ и ФМ говорения), которые являют собою относительно автономные *подсистемы в рамках системы ФМ*. Под *элементами* ФМ-системы понимаются собственно ФМ, поскольку их дальнейшее членение приводит к выходу в фонетическую систему;

б) изучена структура подсистем и особенностей элементов системы на уровне фоносемантической типологии ФМ;

6) проведен количественный и качественный анализ выходов системы (конечного продукта). Конечный продукт системы – это компоненты, передаваемые системой окружающей среде. Посредством выходов система может оказывать влияние на среду. В качестве *выходов ФМ-системы* рассматриваются сами ФМ, которые передаются окружающей ее среде – языковой системе или альтернативным формам человеческой коммуникации.

Таким образом, ФМ-система удовлетворяет всем признакам, определющим системную сущность исследуемого объекта:

1) оформленность как конфигурированная определенность облика в соответствии с принципами знаковой организации естественного языка;

2) дифференцированность, т. е. выделенность и конституированность составных частей, в том числе на уровне фоносемантических законов;

3) структурность как иерархическая упорядоченность элементов, которая связана, с одной стороны, с включенностью ФМ-системы в ЗИС языка, с другой стороны – ФМ-система обладает собственными структурными элементами, включенными в иерархические связи;

4) наличие имманентного эволюционного потенциала, под которым понимаются флуктуации, воздействующие на ФМ-систему, со стороны фоносферы;

5) закономерность или подчиненность внутренней мере как организационному и динамическому принципу, под которым понимается примарная мотивированность единицы ФМ-системы;

6) познаваемость, понимаемая как рациональная экспликация имманентной «меры» (порядка, принципа), которая возможна на уровне законов и принципов фоносемантики;

7) предсказуемость, допускающая моделирование возможных будущих состояний ФМ-системы на основании закономерностей его развития. Предсказуемость ФМ-системы обусловлена универсальным характером ФМ, которые возникают и функционируют в любом языке в соответствии с фоносемантическим принципом детерминизма. Процессы, происходящие в ФМ-системах, являются обратимыми во времени, предсказуемыми и ретросказуемыми на неограниченно большие промежутки времени в рамках законов фоносемантики;

8) ФМ-система в современной синхронии рассматривается как второстепенный, побочный фактор развития языка, поскольку уже пройдена натуральная стадия [Воронин 1982] развития языка;

9) развитие ФМ-систем линейно, поступательно, безальтернативно в контексте фоносемантического закона о примарной мотивированности языкового знака в начале его семиозиса;

10) в процессе семиозиса в диахронии знак связан жесткими причинно-следственными связями, обусловленными фоносемантическим принципом детерминизма.

Космос лингвофоносферы ФМ-системы возникает из хаоса фоносферы как организация последнего и представляет собою ни что иное, как семиотически упорядоченный хаос фоносферы. Возникший в результате эволюционного развития человека и форм коммуникации космос лингвофоносферы ФМ-системы являет собою подчиненный статистическому (структура ФМ-системы) и динамическому (закономерности развития, изменения и функционирования ФМ-системы) порядку хаос. Космос ФМ-системы генетически вторичен по отношению к хаосу фоносферы, однако в процессе функционирования динамика ФМ-системы может быть рассмотрена как последовательная смена эволюционных циклов (оформления, космизации, устойчивости, равновесности) и деструкции (хаотизации, деформации, деградации, консервации, разрушения) ФМ-системы. Подобная интерпретация мира сопрягается в постмодернизме с семантическим гештальтом «корня» – мир как ветвящееся дерево. Идея мира

как Космоса утрачивает свои позиции, сменяясь идеей множественности возможных картин мира.

Глава III. НЕЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА (ХАОС) ФМ-СИСТЕМЫ

Основные положения теорий нелинейных динамик относительно различных видов систем в самом общем виде могут быть представлены следующим образом. В процессе своего развития система проходит две стадии: эволюционную (адаптационную) и революционную (скачок, катастрофа).

Во время развертывания эволюционного процесса происходит медленное накопление количественных и качественных изменений параметров системы и ее компонентов, в соответствии с которыми в точке предела (бифуркации) система выбирает один из возможных для нее вариантов развития (аттракторов). В результате этого происходит качественный скачок и система формирует новую диссипативную структуру, что происходит в процессе адаптации к изменившимся условиям внешней среды. Эволюционный этап развития характеризуется наличием механизмов, которые подавляют сильные флуктуации системы (ее компонентов или среды) и возвращают ее в устойчивое состояние, свойственное ей на этом этапе.

Постепенно в системе возрастает энтропия [Айламазян, Стась 1989: 64], поскольку из-за накопившихся в системе, а также в ее компонентах и внешней среде изменений способность системы к адаптации падает и нарастает неустойчивость. Возникает острое противоречие между старым и новым в системе, неустойчивость становится максимальной, и даже малые флуктуации приводят систему к катастрофе – скачку. На этой фазе развитие приобретает непредсказуемый характер, поскольку оно вызывается не только внутренними флуктуациями (силу и направленность которых можно прогнозировать, проанализировав историю развития и современное состояние системы), но и внешними, что крайне усложняет, а то и делает невозможным прогноз. Иногда вывод о будущем состоянии и поведении

системы можно сделать, исходя из «закона маятника» – скачок может способствовать выбору аттрактора, «противоположного» прошлому. После формирования новой диссипативной структуры система снова вступает на путь плавных изменений, и цикл повторяется.

Анализ многочисленных моделей динамических систем привел к выводу о том, что упорядоченное поведение – это «островки порядка в море хаоса» [Заславский, Сагдеев 1988]. Оказалось, что в одной и той же динамической системе возможно проявление взаимоисключающих типов поведения. До этого открытия казалось, что детерминированность (предсказуемое, упорядоченное) и хаос (непредсказуемое, случайное, стохастическое) свойственны системам существенно различной природы. Детерминированность связывалась, как правило, с малым числом степеней свободы у описываемых объектов, хаотическое же поведение a priori ожидалось у систем с бесконечным числом независимых степеней свободы [Евдокимов, Шаповалов 1998]. Жесткая дихотомия «хаос – порядок», абсолютизация одного или другого оказались неспособны прояснить их сущность и взаимосвязи. Центральной проблемой являются уже не сами по себе порядок или хаос, а вопрос о системе «порядок-хаос», трансформирующийся в проблему взаимосвязи рационального и иррационального, стабильности и нестабильности, определенности и неопределенности, торможения и ускорения.

1. ФМ-СИСТЕМА В «ДРУГОЙ» РЕЧИ: ПОРЯДОК ИЗ ХАОСА

Детерминированный (динамический) хаос – понятие, характеризующее состояние системы в парадигме исследований нелинейных процессов, который понимается как креативная самодостаточность, заключающаяся в способности случайных флуктуаций на микроуровне порождать новые организационные порядки на уровне макроструктур; «порядок из хаоса» как фактор самоструктурирования нелинейной среды [НФС 2001: 1150].

Важным является признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик мироздания, которое можно считать стержнем качественных изменений, происшедших в современных представлениях о природе и мире [Пригожин 1991]. Сегодня доказано, что

детерминированный хаос – не экзотический, редко встречающийся феномен, а широко распространенное свойство природных систем различных уровней организации – физических, химических, биологических и социальных [Шустер 1988; Заславский, Сагдеев 1988; Мун 1990; Берже, Помо, Видаль 1991].

Как проявление детерминированного хаоса в языке можно понимать «другую» речь. В традиционной лингвистики «другая» речь, при большой натяжке, может быть вписана в лингвистику речи (речеведение, лингвистическую теорию общения), которая ориентирована на функционирование языка во внешней среде и обусловленную им речевую системность [Кожина 2003; Формановская 1998]. Однако ни одно из коммуникативных качеств речи – правильность (нормативность), чистота (отсутствие нелитературной лексики), точность, ясность (недвусмысленность), краткость, полнота, логичность, доступность [Головин 1988; Васильева 1990] – не могут быть отнесены к «другой» речи. Она обладает особыми параметрами. В «другой» речи «инаковые» участники коммуникации, один из которых – «Другой», часто не человек. Человек здесь выполняет специфическую коммуникативную роль – медиатора, посредника между двумя мирами. «Другая» речь имеет особую фактуру, сферу, жанры, собственные принципы организации и структуру.

«Другая» речь может быть описана в терминах «функциональная разновидность языка», «функциональный язык», «функциональная страта» и пр. Однако и здесь обнаруживается сопротивление материала исследования, который разнороден функционально.

Более адекватно артикулируется «другая» речь в терминах социолингвистики в контексте социальной дифференциации языка на уровне стратификационной и ситуативной дифференций. В контексте языковой ситуации «другая» речь может пониматься как своеобразная диглоссия, где эта речь выступает как маргинальный социолект, носителями которого являются маргинальные языковые личности. Интересным представляется выявление социальных норм, детерминирующих речевое поведение языковых маргиналов. Здесь, вероятно, можно говорить о языковой

политике, которая связана с осторожным, но отрицанием «другой» речи со стороны общества (ср. отношение церкви и общества к глоссолалистам, критиков и читателей – к поэтам-заумникам; добропорядочных «нормированных» граждан – к сумасшедшим, блаженным, кликушам и юродивым). Исключение в языковой политике отрицания составляет один маргинальный слой – дети, речь которых поощряется и исследуется во всех ее проявлениях.

Наиболее ярким проявлением «другой» речи является заумь. В точке предела (бифуркации) пороговые образования обретают столь явные формы и столь отчетливые признаки, что появляется возможность найти некоторые «универсальные» составляющие, которые позволили бы несколько расширить представление о сущности и функциях как маргинальных языковых форм, так и собственно ФМ.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ДРУГОЙ» РЕЧИ

2.1. Попытка дефиниции

«Другая» речь есть маргинальная (альтернативная) форма существования языка, в сущности, сам язык в его «другом» измерении. Однако возможно говорить и о функциональном двуязычии в рамках социума в оппозиции «язык» и «другой» язык. «Другая» речь может также пониматься как один из вариантов траектории движения ФМ-системы, тогда он будет рассматриваться как подсистема языка в целом. Однако в любом случае эти варианты или относительно самостоятельные языки содержат много общего и различного.

Можно полагать, что «другая» речь является естественным человеческим коммуникативным кодом, эволюция которого связана с возникновением и существованием человека. Это реально существующая и в определенной мере стабильная знаковая система, используемая в некоторых социуме, времени и пространстве. Для «другой» речи характерна определенная внутренняя структура, которая дана в непосредственном наблюдении. Первичной субстанцией является акустическая материя, но звуковые проявления «другой» речи гораздо шире инвентаря фонем.

Невозможно говорить о семиотическом установлении соответствия между универсумами значений и звучаний, которые, возможно, пока не определены для «другой» речи. Нельзя пока говорить о лексике, грамматике, уровневой организации, хотя даже при первом приближении в «другой» речи обнаруживаются изоморфные структурные составляющие.

«Другая» речь понимается как особый вид коммуникации, связанный со специфическими коммуникативными функциями и коммуникативным пространством, где на первый взгляд знаковое пространство не вычленяется, линейный звукоряд представляется хаосом. Однако в теории самоорганизующихся систем доказано, что хаос различными способами порождает порядок. Доказано то, что хаос, наблюдаемый во многих материальных процессах, может быть описан строго математически, т. е. имеет сложный внутренний порядок [Климонтович 1986: 58]. Вероятно, имеет смысл говорить не об отсутствии системы, а о возможности наблюдения и описания порядка, существующего в том, что на первый взгляд кажется хаосом. Однако здесь многое зависит от позиции исследователя, от его логического и технического инструментария, который пока в лингвистике разработан недостаточно.

2.2. Виды и формы «другой» речи

В современной синхронии условно можно выделить некоторые маргинальные подсистемы, руководствуясь обычными критериями. Подсистема «другой» речи состоит из определенной номенклатуры других подсистем, которые не имеют четко очерченных границ. Внутри себя маргинальные подсистемы остаются маргинальными, т. е. не только «расплываются» в «просвете» между доминантными и маргинальными подсистемами, но и в «зазорах» между собственно маргинальными формами речи.

По сфере функционирования можно выделить *религиозно-магическую, поэтическую (литературную)* и *фольклорную* заумь. Однако трудно определить, где заканчивается религиозно-магическая и начинается поэтическая (например, песни ведьм у В. Хлебникова) или фольклорная (например, речь нечистых в быличках) заумь.

На прагматическом уровне можно выделять *практическую*, *поэтическую* и *магическую* заумь, которые связаны с различными рече-языковыми функциями (коммуникативная, эстетическая и магическая соответственно), а также со своими коммуникативными стратами. ФМ наиболее характерны для магической зауми; в практической зауми ФМ наблюдаются значительно реже, что в том числе указывает и на ее значительное дистанцирование от «другой» речи. Однако эстетическая направленность заумного текста резко активизирует употребление ФМ.

Практическая заумь представлена на уровне условно-профессиональных языков ремесленников и торговцев-отходников, «практического» языка нищих, реликтов в воровском арго и в детских тайных языках. Магическая заумь существует в магическом, медитативном и религиозном фольклоре. Подобное выделение весьма зыбко, поскольку трудно найти грань, отделяющую поэтическую заумь от магической, в основе той и другой лежит механизм суггестии. При этом любая фольклорная заумь генетически восходит к религиозно-магическому дискурсу. На грани между практической и магической заумью находится литературная и фольклорная заумь, а также детская заумная речь (языковая игра ребёнка в период освоения языка). Иногда трудно определить вид зауми того или иного жанра: так, заговор и загадка находятся на грани практического и магического пространства.

С учетом определенной нормы состояния сознания условно выделяется *контролируемая* (норма) и *неконтролируемая* (измененные состояния сознания) заумь. Четкое разграничение этих видов зауми также условно, поскольку, например, «контролируемая» заумь языковой игры, как будет показано ниже на материале анекдота, обусловлена неконтролируемыми (генетически закрепленными) механизмами ее порождения, а глоссолалии, как выясняется, могут являться результатом обучения. Возможно выделение *естественной* (транс, бред) и *искусственной* (эксперименты И. Бодуэна де Куртенэ, Р. Якобсона, Е. Поливанова, Л. Щербы, Б. Двинянинова) зауми. Это разделение также условно, поскольку неясна, например, природа поэтической зауми.

В коммуникативных системах «другая» речь лежит на грани между *идиоэтнической* и *универсальной, человеческой* и *нечеловеческой* коммуникациями. Условность подобного выделения также очевидна. Однако с большой долей уверенности сегодня можно говорить о том, что не бывает зауми алингвистичной, поскольку любой вид заумной речи – это в той или иной степени «деформированный» естественный язык. «Деформированность», как говорилось выше, здесь понимается только на фоне нормы обычного языка. Трудно утверждать, что «другая» речь является «деформацией» доминантного кода, поскольку вполне справедливо может быть и обратное утверждение.

«Деформирование» языка в различных заумных дискурсах обычно связано с фонетическим, морфологическим, семантическим и синтаксическим уровнями, в соответствии с которыми выделяют заумь *фонетическую* (заумь как «полная бессмыслица»), *морфологическую* (актуализация латентных словообразовательных моделей), *семантическую* (смысловая запутанность фразы) или *синтаксическую* (пропуск частей предложения, своеобразное расположение, несогласованность и пр.).

2.3. Заумь как доминанта «другой» речи

Заумь является одной из наиболее рельефно выраженных маргинальных зон в языке. Маргинальность этого явления проявляется также в том, что исследования указывают на прямо противоположные выводы относительно заумной речи, которая находит свое самое яркое проявление в феномене глоссолалии. Маргинальность зауми проявляется и в том, что «обычное» состояние сознания (детская речь, поэзия) порождает речь, характерную для измененных состояний сознания (бред, мистического транс, одержимость), с другой стороны, последние демонстрируют речевые формы, коррелирующие с языковыми структурами, которые существуют в пределах языковой нормы.

По Л. С. Выготскому, на раннем этапе становления речи возникает разделение на речь доминантную (открытую, основную) и субдоминантную. От открытой прагматической речи отделяется часть, не входящая в ее основной слой [Выготский 1934: 87, 91, 96, 101]. Субдоминантные формы речи — еще неслиянные с мыслью или рудиментарные, остаточные формы,

типа непроизвольных повторов (эхолалия), малосвязного бормотания (глоссолалия) — наблюдаются у детей; отмечаются они и в архаических культурах. Вероятно, именно субдоминантные формы речи могут интерпретироваться в этих культурах как голоса духов, как «язык богов» (ср. шаманскую заумь и вообще заумь в магических текстах), с чем связано мистическое осмысление поэтического слова в архаических традициях. В особенной степени это относится к «внутренней» речи [Неклюдов 2004].

Все виды зауми (религиозно-магическая, фольклорная, детская, поэтическая) в той или иной степени интерпретируются как патологические или «деформированные» формы речи, что еще раз указывает на маргинальный характер данных подсистем. «Другая» речь, в которую включаются все виды зауми (в том числе «говорение» в состояниях измененного сознания), может пониматься как «деформация» коммуникации в пределах естественного языка. Однако «другая» речь может рассматриваться и как структура, которая пока не находит адекватных методов описания.

Можно предположить, что с самого начала формирования «другой» речи в человеческой коммуникации происходила «деформация», изменение основного коммуникативного кода. Или, наоборот, сакральный язык оставался неизменным по отношению к меняющемуся профанному языковому пространству, что тоже приводило к «деформированному» виду магического языка на фоне доминирующих коммуникативных систем.

Наиболее отчетливо «другая» речь проявляется в феномене глоссолалии. Термин *глоссолалия* обычно означает необычное, непонятное сочетание звуков, произносимых людьми в результате религиозного вдохновения или экстаза. Часто применяется и термин *ксеноглоссия,* который обозначает говорение на одном из известных иностранных языков.

«Другая» речь представлена такими формами речи, как мистическая (глоссолалии), магическая (заговоры, обрядовое словесное сопровождение), детская (артикулирование ради забавы), фольклорная (загадки, поговорки), поэтическая (футуристы, обэриуты, постмодернисты) заумь, заумь детского фольклора (считалки, дразнилки, игры) и фольклора для детей (потешки,

пестушки, колыбельные). «Внешняя структурированная множественность мира, воплощенная в целостную образную концепцию, раскрывается в маргинальном веере версий, опосредованно связанных с корневой системой культуры» [Шехтер 1997: 76], в том числе и с системой языка.

2.4. Составляющие русской зауми

Наблюдения за различными видами зауми (см. гл. IV) позволяют установить их константные составляющие: 1) языкоговорение, «иностранная» речь, которые обычно являются искаженным родным языком говорящего, заимствованиями (часто искаженными) или реально функционирующей практической заумью (условные языки); 2) артикуляторные ФМ или артикуляторные звукокомплексы; 3) подражания голосам животных и птиц; 4) акустические ФМ (часто ФМ удара) или «звуковые» жесты; 5) жестовые компоненты (см. табл. 5). Выделенные цветом в таблице составляющие характерны для всех видов и типов зауми; все они являются ФМ.

Все составляющие заумной речи лежат в ЗИ-сфере. ЗС-подсистема представлена искаженными «иностранными» языками, языкоговорением, глоссолалиями. ЗП-подсистема – артикуляторно мотивированными звукокомплексами (стоны, смех, плач, крики, кряхтение, метеоризм, отрыжка) или артикуляторными ФМ, акустическими ФМ или «звуковыми» жестами (хлопки, удары, шлёпанье), а также подражаниями голосам животных и птиц.

Ср. 1) артикуляторные ФМ: а) заговоры: *Сосну-берёзу с корнем съем:* ***хам! хам! хам****!; Моё слово крепко****: тьфу! тьфу! тьфу***!; ***Ай*** *жиу дубу,* ***ай*** *жиу* ***жу*** *буду;* ***Тьфу-тьфу-тьфу*** *три раза, не моя зараза*; б) считалки: *Тани-Вани-трикадоры, сахар-махар помидоры, аз-бас-трибабас* ***ух***; в) поэтическая речь: *Николай Григорич:* ***Гыр-гыр****. А я ему: Ити-протити* (Д. Хармс); ***Э-э! Ы-ым****, – весь в поту – грубая фактура* (В. Хлебников); *Клирун балуйя: «****Ай!****». Бледному месяцу: «****Ай!****»* (В Хлебников);

2) акустические ФМ: а) песни ведьм: *Шиха, эхан, рова!* ***Чух, чух****! Крыда, эхан, сцоха!* ***Чух, чух, чух****! Гутц! Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон* ***тики-так;*** б) хлыстовские глоссолалии: ***Тень-тень****-потетень! Выше города*

плетень!; в) экстатическая речь юродивых: ***Тыра-тыра****-перетыра ты марушья заколдыра;* г) считалки: ***Ден-ден****-доли,* ***Ден-ден****-доли-доли; Эне, бене, Лики, паки, Цуль,* ***буль-буль****, Калики-цваки, Эус-беус, клик-мадеус, бокс...; Эни, бени, рики, паки,* ***Буль-буль-буль****, каляки, шмаки, Эус, бэус, космобэус,* ***Бац****!;* д) заговоры: *Мако! Фаль!* ***Буль****-ко! Сакеста!;* е) загадки: *Четыре* ***стук-стук-стук****, а пятый шняф-шняф-шняф* (корова); ж) поэтическая речь: *А я ему: Ити-протити. А он снова: Утопни!* ***Буль! Бум*** *по столу!* ***Бум! Бум****!* (Д. Хармс); ***Гзи-гзи-гзэо*** *пелась цепь* (В. Хлебников); *Колокол:* ***бум, бум, Бум-м-м-м****…* (А. Крученых);

3) подражания голосам животных и птиц: а) песни ведьм: ***Мяу****! згин, згин! Гааш! згин, згин!* ***У-у-у****! згин, згин!* ***Бя – бая****! – згин, згин!* ***Кво – кво****! згин, згин!;* б) заговоры: *Тень-тень,* ***чирик-чок***; в) поэтическая речь: *Бум-бум, чик-чик,* ***мяу-мяу*** *скачет лошадь и мужик* (Д. Хармс); *Вьюрок:* ***Тьерти-едигери****! Овсянка:* ***Кри-ти-ти-ти-ти!*** *Дубровик:* ***Вьюр-вэр-виру, сьек, сьек, сьек, сьек, сьек****!* (В. Хлебников).

Ср. также в быличке*: Про болотного ниче много-то не сказывают. Слыхала только от народу, что сидит де в болотине мужик беда долгой собой, а ног нету. Плащ на ем накинут серый, сзелена. Сидит и отпыхиват – «****Ух-х-х, ух-х-х****». А потом как состонет,* ***ох*** *только... Приметишь, дак глядеть на его не надо – в самый зыбун заманит, а вобратно не выберешься. Может и коряжиной какой оказаться.*

Составляющие русской зауми

Вид зауми	Детская речь	Фольклор	Детский фольклор	Религиозная заумь	Магическая заумь	Поэтическая заумь
«Деформация» естественного языка	?	+	+	+	+	+
Артикуляторные звукокомплексы	+	-	+	+	+	-
Артикуляторные ФМ	+	+	+	+	+	+
Подражания голосам животных и птиц	+	+	+	+	+	+

Акустические ФМ, «звуковые» жесты	+	+	+	+	+	+
Жестовые компоненты	+	+	+	+	+	–

Таблица 5

ФМ являются непременной составляющей русской зауми. Другое дело, что не каждый текст содержит ФМ, однако текстовая парадигма каждого из рассмотренных видов зауми всегда содержит ФМ (см. гл. IV).

Важным компонентом заумной речи является жестовый компонент. В религиозно-магическом дискурсе жест – оберег от гнева Бога, вмешательства нечистых сил (осенение крестом, плюнуть три раза через левое плечо, посидеть на дорожку и пр.). В заговоре понимание «волшебных» формул невозможно без понимания «волшебных» действий [Елеонская 1994: 411].

Глоссолалии сопровождаются ритмичными движениями – закатывание глаз, кружение, подергивание различными частями тела. Акт откровения сопровождается состоянием одержимости и транса. Измененные состояния сознания в религиозной среде проявляются в говорении на языках, одержимом поведении (скандирование, танец, песня, медитация, кружения, судороги и пр.) и пророчествах как спонтанных утверждениях веры во время церковной службы. Глоссолалии, так же, как и собственно ФМ в генезисе, являются контаминацией различных кодов (звуковой, кинестетический).

Соотношение звука / слова и жеста отчетливо проявляется в ритуале. Так, ритуальное расчленение связано в языческой традиции с главным религиозным обрядом – жертвоприношением, которое предполагало ритуал отрубания, разрезания, протыкания, удара топором, ножом, рогом, копьем и т. п. Однако этот же ритуал является «жертвоприношением» и нечистой силе, когда наведение порчи и установление коммуникации с другим миром связано с рассечением плоти или протыканием, ударом. Для наслания порчи используются манипуляции с куклами, фотографиями, написанным на бумаге именем человека и пр. При этом порча могла наводиться или связываться с говорением, голосом. Ср. *Собачью шерсть в тапочку положат людям, молодым, и совместная жизнь не пойдет у них. Или вот*

поцарапает *чуть одежду колдун, когтем каким-то – и будете как звери жить* (Одинцово). *Как портят людей – мухи у колдуна в туесочке сидят, он с их помощью порчу передает, им* ***скажет имя****, они к тому человеку и летят* (Карагай). *Чтобы причинить вред человеку, подбирали его кал и бросали в огонь. Также* ***втыкали*** *в кал человека, которому хотели вреда, палку, щепку, ножницы* (Карагай). *Пошибку садили колдуны – у кого бывала такая пошибка, начнет* ***говорить*** *че попало, когда захочет* (Терехино).

Одновременно с тем, что протыкание, расчленение, разрезание, отрубание или говорение являются типичным действиями нечистой силы против человека, эти же действия являются и типичными действиями человека против нечистой силы. Ср. *Выходя из дома, нужно* ***браться*** *за косяк рукой со* ***словами*** *«Господи благослови»* (Карагай). *Колдуна* ***посылают*** *на елки считать* ***иголки*** (Ст. Посад). *Держали в кармане* ***фигушку*** *при встрече с колдуном, при этом* ***говорили*** *про себя: «Ешь свое мясо, пей свою кровь»* (Нердва). *Чтобы уберечься от действий колдуна, нужно* ***разместить три булавки*** (друг за другом*) острием вниз на нательной верхней одежде* (рубашка, майка и т. п.) *по диагонали слева направо и* ***говорить*** *«Пускай у того язык согнется, кто будет меня колдовать»* (Одинцово). *«Колдун, сам себя колдуй!», – такие слова надо* ***сказать****, когда колдуна встретишь – он тебе ничего не сделает* (Ст. Посад). Другая формула – *«Колдун,* ***фигу заколдуй****», при этих словах, которые говорятся тихо, также нужно сложить фигу* (Ст. Пашня). *Если тебя задел колдун, нужно* ***сказать:*** *«Колдун, возьми свое обратно».* ***Кукиш*** *показать: «Колдуй, колдун, сам себе, ешь свою ношу, пей свою кровь»* (Одинцово). *Можно тоже* ***фигу держать*** *или на* ***бумажку написать*** *и в шелковую тряпочку на шелковой ленточке: «Осиное жало, пчелиное жало, чтобы колдуну рот зажало. Едет бог по гнилой границе на железной колеснице, колесница вертится, колдун злится».*

В загадках отмечается особы «дефектный» тип произношения, в деревнях песню «играют» и пр. У профессиональных нищих жест включен в систему суггестивных средств (вызвать жалость окружающих и выманить деньги) – осенение крестом, изображение помешательства, эпилепсии, «жалостливая» мимика, просительный жест ладони и пр. В криминальном

арго жестовая система связана с профессиональной деятельностью – сигналы, знаки, направленные на оптимизацию совершения преступления. Универсальные жесты в живой устной речи – жесты выпивки, денег, жесты с сексуальным значением, эмоциональная жестикуляция и мимика.

В поэтическом дискурсе большое значение отводится исполнению заумной поэзии: известно, что А. Крученых чтение вслух своих стихов превращал в шаманский ритуал, завораживающе выпевая звуки. Показательна в этом отношении поэзия молчания, которая на письме выражается пустой страницей. Наиболее известна «Поэма конца» В. Гнедова (1913), которая состоит из заголовка, эмблемы типографии и даты внизу. В устном воспроизведении – это молчание исполнителя, сопровождаемое жестами и мимикой. Ср. также стихотворение А. Крученых «Глухонемой»: *Муломнг улва Глумов кул Амул ягул Валгу За-ла-е У гул волгала гыр Марча.*

Для Герхарда Рюма (классика саунд-поэзии) поэзия связана с таким личным и телесным явлением, как жест, и далее Рюм говорит о звуковом жесте (Lautgestik). Область телесности, движений тела (хореография поэзии), перформативного или театрального характера звуковых стихов представляет самостоятельную и весьма интригующую область [Гланц 2001].

Ср. также у Д. Хармса «Скажу тебе по совести» (курсив наш – *С. Ш.*):

как делается наша мысль
как возникают корни разговоров
как перелетают слова от собеседника к собеседнику.
Для этого надо молча просидеть некоторое время
стараясь уловить хотя бы звездочку
чтобы было, как говорится, с чего распутать свою шею
для поворотов очень приветливых знакомым и незнакомым собеседникам.
Поздоровавшись поднести хозяйке горсть валунов
или иную припасенную ценность
в виде булавки или южного плода или ялика
для прогулки по озеру в тихия солнечныя погоды
которыми так скуп наш северный климат.

3. СВОЙСТВА «ДРУГОЙ» РЕЧИ

Заумь исследовалась преимущественно психиатрами (религиозно-магическая), культурологами (религиозно-магическая, фольклорная), литературоведами, лингвистами и фольклористами (поэтическая, фольклорная). Исследователи разных типов зауми не только указывали на изоморфизм заумных подсистем, но и корреляцию их с естественным языком. Любая интерпретация одного вида зауми вызывала привлечение в качестве материала сравнения и аргументации данные по другому виду зауми, которые одинаково встраивались в систему обычного языка.

Ср., например, В. Ходасевич о сказке М.Цветаевой «Молодец»: Народная песня в значительной мере является причитанием, радостным или горестным: в ней есть элемент скороговорки и каламбура – чистейшей игры звуками; в ней всегда слышны отголоски заговора, заклинания – веры в магическую силу слова; она всегда отчасти истерична – близка к переходу в плач или в смех; она отчасти заумна. Вот эту «заумную» стихию, которая до сих пор при литературных обработках народной поэзии почти совершенно подавлялась или отбрасывалась, Цветаева впервые возвращает на подобающее ей место [Ходасевич 1991: 521].

Основные противоречия в исследовании природы зауми (прежде всего глоссолалий) находят проявления в оппозициях контролируемое / неконтролируемое; лингвистическое / алингвистическое, человеческое / нечеловеческое, универсальное / идиоэтническое, норма / патология, отклонение от нормы. Эти противоречия смягчаются, если рассматривать заумь как маргинальную зону перехода, перетекания из контролируемого в неконтролируемое, из лингвистического в алингвистическое, из человеческого в нечеловеческое, из нормального в патологическое и наоборот.

Заумь можно рассматривать как тот хаос, из которого выстаивается новый порядок, новая система. Возможно, что именно хаотическое (переходное) состояние системы позволяет исследователям относить ее одновременно к хаосу и космосу и приводит к прямо противоположным выводам.

Анализ показывает, что все заумные языки являют собою изоморфные системы, которые часто «воспроизводятся» сами по себе (например, в детской или поэтической речи) независимо от пространственно-временного континуума. Даже при первом приближении можно обнаружить лингвистическую изоморфность различных видов русской заумной речи. Предварительное исследование различных видов русской зауми позволяет говорить о том, что заумные единицы являются одним из маргинальных видов ЗИ-единиц, имеющих свою функциональную и структурную специфику. Заумные формы можно также рассматривать как маргинальный слой единиц в ФМ-системе.

3.1. Норма / отклонение от нормы

Деформированная, патологическая языковая форма возникает при отрицании или утрате доминантных языковых тенденций, что связано с сознательной (поэтическая, детская, фольклорная заумь) или бессознательной (глоссолалии) «переделкой» языка. Маргинальный характер языковых процессов проявляется в том, что похожие формы речи могут возникать на грани сознательного и бессознательного (глоссолалии, поэтическая, детская заумь).

Заумная речь обычно рассматривается в оппозиции *норма / отклонение от нормы* (в том числе патология, психическая болезнь), однако в последнее время (прежде всего в психиатрии) более актуальной является оппозиция *обычное / измененное состояние сознания*, которая к любой ситуации «катастрофы» «обычного» сознания (психические расстройствам, стресс, поэтическое сознание и пр.)[22].

[22] Ср. «Но есть вещи менее очевидные и поэтому более интересные. Так, например, в истории советской довоенной лингвистики невротическое сравнительно-историческое языкознание, прятавшееся от реального (совдеповского) языка в поисках воображаемого реконструируемого индоевропейского праязыка, было противопоставлено психотическому языкознанию Н. Я. Марра, отрицавшему индоевропейский праязык и выводившему все слова всех языков из четырех элементов – знаменитые SAL, BER, JON, ROS (установка на непонятный символический язык и на бред в самом прямом смысле слова). Психотические установки были у таких учеников-литературоведов Марра, как О. М. Фрейденберг, книги которой написаны так, как будто Ольга Михайловна сама побывала в Древней Греции и своими глазами и ушами видела и слышала все то, о чем она пишет. Примерно то же самое можно сказать и о произведениях Бахтина, фантастичность которых вызывает недоумение лишь у тех, кто относится к ним как к

Основное внимание в исследовании зауми и глоссолалий в психиатрии и медицине уделялось религиозной зауми, прежде всего шаманских камланий, одержимости и транса пятидесятников, кликуш, юродивых и пр.[23].

Подобные состояния часто встречаются в медицинской практике, и впервые были подробно описаны психиатрами В. Х. Кандинским и Клерамбо. С XIX в. психопатологический синдром Кандинского-Клерамбо прочно вошел в научную терминологию и оценивается как безусловный признак начала развития психического заболевания. В психиатрии религиозные глоссолалии рассматриваются как синдром психического автоматизма на фоне суженого сознания, который при его регулярности может переходить в реактивные психозы и неврозы [Харизматическое… 2002].

Долгое время приверженцы крайних психиатрических взглядов рассматривали все религиозно-мистические проявления как следы той или иной душевной болезни. По Сократу, греческие слова *mantike* «пророк» и *manike* «безумство» одного корня. Некогда европейские ученые считали Мухаммеда эпилептиком и истериком, было установлено медицинское название его болезни hysteria muscularis [Зислин 2004]. Работы по шаманизму также затрагивают вопрос о роли психической болезни в шаманской культуре (М. Элиаде, Ю. Ионова). Разброс мнений о сущности «шаманской болезни» достаточно широк и колеблется от однозначного признания болезни (вопрос лишь, каков диагноз: невроз, эпилепсия или арктическая

нормальным (а для XX века нормальным был невротический дискурс). Но только психотическое сознание может строить концепцию истории литературы, совершенно искренне не замечая фактов (причем этих фактов большинство), которые в эту концепцию не укладываются. Пенять Бахтину на это – все равно, что пенять Кафке на то, что у него герои превращаются в насекомых» [Руднев].

[23] Механизм приведения людей в это состояние языкоговорения, например в религиозной практике, довольно прост. Если человека заставить много кричать, молиться, рыдать, то это приводит к резкому возбуждению центров речи в коре человеческого мозга и к торможению всех остальных ее участков. Области возбуждения и торможения при этом перестают ритмично сменять друг друга, нарушается нормальная работа нервной системы. Сознание выключается, теряется контроль за речью, и человек начинает выкрикивать бессмыслицу, которая считается, например, у пятидесятников, сошествием "Святого Духа", "разговором с Богом на иноязыках" [Харизматическое… 2002].

истерия) [Элиаде 1999] до полного отрицания самого факта существования такой болезни [Зислин 2004].

Динамика таких взглядов на природу шаманизма (от дихотомии *здоровье / болезнь* до дихотомии *обычное / измененное состояние сознания*) приводит к пониманию того, что «mystical experience is not a sign of psychosis» (S. Dein) и отражает лишь общее направление эволюции нейрофилософских подходов, от одномерного *норма / патология* до многомерного, признающего множество форм и степеней измененных состояний сознания (Д. Спивак, C. Tart, A. Smith & C. Tart). Признано, что использование психопатологических терминов для описания религиозных феноменов может быть ошибочно (D. Crossley). Основным стало более четкое вычленение собственно психиатрических феноменов с одной стороны, и попытки построения четких дифференциальных критериев для различения психоза с мистическими проявлениями от мистических феноменов без психоза, – с другой. (D. Greenberg, E. Witztum; D. Lukoff at al; S. Sanderson at al) [Зислин 2004]. Уже в древности внутри самих религий рассматривались вопросы различения пророка истинного и пророка ложного: в Новом Завете говорение на языках и одержимость бесами как признак душевного заболевания (Матф.17:15-21); в арабской традиции – различие видений святого от фантазмов [Грюнебаум 1981: 103].

Развитие нейробиологии и биологической психиатрии привело к попыткам обоснования нейрофизиологической базы таких явлений [Saver, Rabin 1997; Murphy]. Основные выводы сводятся к тому, что для лиц, испытывающих мистические явления, характерно нарушение функций правого полушария, отвечающего в основном за целостное восприятие, воссоздание видимой геометрии предмета [Persinger 1993; Fenwick 1996], парадигматический принцип организации речи, ассоциативно-эмпирический тип мышления [Деглин, Черниговская 1990], бессознательные процессы и определенные виды эмоциональных нарушений [Якобсон 1985].

На негативные последствия языкоговорения указывают служители культа, приводя свидетельства умопомешательства среди пятидесятников Украины [Слободяник 2000]. Психологи отмечают симптомы

психопатологии у лиц, практикующих глоссолалию: снижение уровня коркового контроля, появление определенного автоматизма в поведении, уменьшение восприимчивости к внешним раздражителям, известное отключение от окружающего [Саракаева 2003]. Другие представители церкви указывают на то, что практика глоссолалии не только приятна для глоссолалиста, но даже полезна в качестве психотерапевтического средства [Порублев 1995]. Научные исследования указывают, что в целом мнение о связи глоссолалии с патологией не популярно, поскольку, по данным американских психологов, патологических нарушений личности у харизматиков, как правило, не наблюдается. Так, у пятидесятников истерические симптомы встречаются редко [Samarin 1972].

Сегодня глоссолалия рассматривается также как продукт измененного состояния сознания, которое не связано только с патологией: альтернирующие состояния – любые состояния, провоцируемые физиологическими, психологическими и фармакологическими агентами, которые отличаются субъектом (или при объективном наблюдении) от полноценного бодрствования и ясного сознания. Подчеркивается, что они могут возникать, как у патологических, так и у нормальных личностей [Саракаева 2001, 2003].

Вопрос о соотношении культурных и биологических векторов в динамике болезненного состояния должен быть изучен дополнительно. «Лишь на человеческом уровне знак важнее и насущнее, т. е. «реальнее», того, что он обозначает. Создание таких знаков и целых их систем <…> может толковаться как преодоление в человеке биологического…» [Топоров 1995].

Поэтическая заумь также часто связывается с отклонением от некоторой нормы. Поэты признаются в том, что заумь связана с потерей рассудка, однако при этом она является обычной практикой писателей различных художественных систем: «к заумному языку прибегают <..> c) когда теряют рассудок (ненависть, ревность, буйство)... d) когда не нуждаются в нем – религиозный экстаз, мистика, любовь. (Глосса, восклицания, междометия, мурлыканья, припевы, детский лепет, ласкательные имена, прозвища, –

подобная заумь имеется в изобилии у писателей всех направлений)» [Крученых 1999].

А. Крученых был убежден, что заумный язык спасает словесные искусства от безысходного тупика, в который его ввергает антиномия «умное – безумное». Заумное снимает ее, используя позитивные моменты того и другого. «Ранее было: разумное или безумное, – писал он в «Ожирении роз» (1919), – мы даем третье – заумное, – творчески претворяющее и преодолевающее их. Заумное, берущее все творческие ценности у безумия (почему и слова почти сходны), кроме его беспомощности – болезни».

Выделилась область психиатрического литературоведения, где методы и выводы психиатрических школ (П. Б. Ганнушкин, Э. Кречмер) соотносятся с художественными текстами, поскольку каждый языковой элемент обусловлен и лингвистическими, и психологическими закономерностями. Так, лингвистически «печальный» текст связан с депрессивностью, «светлый» – с паранойяльностью, «темный» – с эпилептоидностью [Белянин 2000].

По мнению В. П. Руднева, наиболее рельефны взаимосвязи психического и творческого в современной культуре. Невроз и психоз – понятия, родившиеся в XIX веке (термин психоз ввел в 1845 году немецкий психиатр Фейхтерлебен; невроз – в 1877 году шотландский врач Уильям Кален) и получившие распространение в XX веке благодаря развитию клинической психиатрии и психоанализа. По сути дела, это понятия, определяющие специфику культуры XX века. Если в двух словах подытожить рассуждения Лакана, можно сказать, что при неврозе реальное подавляется воображаемым, а при психозе реальное подавляется символическим. Символическое для Лакана это синоним слова «язык». Другими словами, если невротик, фантазируя, продолжает говорить с нормальными людьми на общем языке, то психотик, в процессе бреда, инсталлирует в свое сознание какой-то особый, неведомый и непонятный другим людям язык (символическое ирреальное) [Руднев 1999].

С другой стороны, исследование бреда, который рождается и произносится в реальном времени, здесь и сейчас, позволяет говорить о

корреляции бреда и других форм зауми. В качестве мало- или немоделируемого текста бред способен дать лучшую интроспекцию в строение и когнитивные процессы болезненного сознания. Однако такая неотрефлексированность текстопорождения типична для речевых проявлений при измененных состояниях сознания, сноговорении и глоссолалии, хотя, возможно, присуща и некоторым другим жанрам устной речи. Знаменательна типизированость, известная ограниченность тематики в бредовых текстах, которая отражает общие для производителей бреда, а, возможно, и для «нормальных» людей, свойства сознания [Куперман, Зислин 2004].

Делаются и более категоричные выводы: бред может и должен рассматриваться как проявление патологического творчества [Рыбальский 1993: 53]. Так, типы и мотивы бреда хорошо коррелируют с религиозно-магическим и поэтическим дискурсом. Ср. типы бреда и признаки бредовых состояний [Блейхер, Крук 1996; Рыбальский 1989, 1993; Куперман, Зислин 2004]:

1) бред мессианства (альтруистический) – гиперболизация миссии по отношению к миру (роль мессии, спасителя, пророка и пр.). Ср. пророчества одержимых мистическим трансом и поэт как пророк в фольклоре и поэзии;

2) бред изобретательства – гиперболизация когнитивных способностей, всеведение (в частности, обладание тайной), всемогущество (в частности, телепортация, телепатия), обладание необыкновенной памятью, концентрацией, вниманием, аналитическими способностями, высокая обучаемость, творческие способности (изобретательство, мастерство) и пр. Ср. понятие и генезис мистического учения как обладание тайной или приобщение к ней, а также функции медиатора как способного к особому типу коммуникации с высшими силами. Ср. также попытки художников открывать тайны языка, буквы, слова; создавать новый язык для всего человечества; постигать законы мироздания (В. Хлебников, Р. Бредбери и др.);

3) бред физического недостатка (дисморфоманический бред) – редукция физических способностей (непривлекательная внешность, наличие тяжелых

или неизлечимых болезней, физического расстройства; испускание неприятного запаха и пр.). Ср. состояние транса в религиозных радениях, а также актуализация этих признаков у юродивых и кликуш. Ср. также стереотип массового сознания о внешности и психике поэта как необычной;

4) бред высокого происхождения содержит идею происхождения от лиц, занимающих высокое положение, которое также может мотивироваться духовной «святостью». Редукция социально-материального статуса (нищенство, униженность и пр.). Ср. нищенство юродивых и кликуш, а также функция «профессиональных» поэтов как «уст Всевышнего».

Во всех бредовых текстах ощущается некое стабильное ядро, связанное с эмоциональным радикалом, которое сохраняется в текстах вплоть до прекращения бредопорождения [Куперман, Зислин 2004]. Эмоциональная природа поэтического и религиозно-магического текста также безусловна. Исследования отмечают, что огромное число описанных случаев речевого поведения «чистого типа» глоссолалиста (мессия, пророк, грешник, юродивый, паломник и пр.) укладывается в рамки бредового синдрома [Зислин 2004].

Однозначно говорить о том, что носитель зауми является человеком с нарушенной психикой на сегодняшний день не представляется возможным. Ср. «Мы не будем удивлены, если, расширив предметную область изучаемого явления, сделаем утверждение, в соответствии с которым невротический и психотический дискурс распространяется не только на сферу изящных искусств, но и на сферу гуманитарной науки и философии. Действительно, вряд ли кто-либо станет спорить с тем, что такое, например, произведение, как «Роза мира» Даниила Андреева с ее *уицраорами* и *жруграми*, – это безусловно психотический дискурс во всех смыслах этого слова» [Руднев 1999].

Степень «ненормальности» («безумности») обычного языка может быть различной, что позволяет выделить типы маргинальных образований: 1) периферийные позиции обычного языка на фоне зауми. Ср. <u>язык нищих</u>: ***Буклян гамыра*** *подавай* ***раклам*** (Подай стакан водки ворам); <u>считалки:</u> *Колин-**молин** чем доволен? **Ситом-литом-подпалитом**. Печка, ручка, клоп.*

художественная речь: *Николай Григорич:* ***Гыр-гыр****. А я ему:* ***Ити-протити****. А он снова: Утопни!* ***Буль! Бум*** *по столу!* ***Бум! Бум!*** (Д. Харм. Елизавета Бам);

2) периферийные позиции зауми на фоне обычного языка. Ср. воровское арго: *Кича лошковая. Это тебе не у комиков по рубль сорок* ***трехомурдией*** *страдалить. Кругом негры и* ***гольканю. Люзят*** *у своих же, лохи* (Тюрьма плохая. Это тебе не в Коми АССР по сто сороковой статье ерундой заниматься. Кругом работают и одни бедняки. Воруют у своих же, дураки); язык нищих: ***Буклян гамыра*** *подавай раклам* (Подай стакан водки ворам); заговоры: ***Чур-почур*** *возом* ***магур****. Как колено не ломается мое, так твои руки-ноги пусть не берет хвороба-****немога****! Слово мое крепко* (имя рек). *Так у раба Божьего* (имя рек) *пусть отступит*! (от боли); считалки: ***Первенчики, другенчики****, Летали голубенчики По ранней росе, По зелёной полосе. Там яблоки, орешки, Медок, сахарок — Поди вон, малышок;* загадки: *Лучше* ***чок*** *на крючок, чем крючок да на* ***чок*** (дверь и замок); художественная речь: ***Мехий лисиц*** *раздавался в перепутанных кустах то ворочался весь бледный, то о чем-нибудь вздхыл.* ***Жижик мухалиц*** *летало много более одной…* (Л. Левин. Мехий лисиц); *Труба* ***лилейская цали*** *Возвещает лето* (Е. Мнацаканова. Труба).

ФМ-система существует на периферии обычного языка (ФМ в разговорном пространстве; поэтическая речь). Ср. повторы-«отзвучия» в языковой игре (*культур-мультур; салатик-малатик, щуры-муры, фигли-мигли; штучки-дрючки; Федя-бредя съел медведя*);

3) паритетное существование зауми и языка (религиозно-магическая, фольклорная, поэтическая заумь). Ср. в идиостилях Д. Хармса, В. Хлебникова, Д. Бурлюка, В. Крученых и др.; в заговорах, в загадках, где обнаруживаются как обычные, так и типично заумные тексты.

Ср. также воровское арго: ***Крутишь варганку! Гуливаном горлохватом набушмачился****, а пацаны гнут осину. Глухой* ***форшмак*** *на воле заделаем… станешь* ***верзать*** *квасом* (Продолжаешь выдавать себя за авторитетного вора, а молодые работают за тебя. Опозорим страшно, будешь кровью харкать); загадки: ***Шурум-бурум*** *катит по* ***полун****. Вышел и ушел, а* ***шурум***

буруном *свел* (месяц и звезды); ***Вындас*** *вправо,* ***кондас*** *влево* (танец); поговорки: *Ни* ***яман****, ни* ***яким****, ни средней руки*; ***Чичер ячер*** *сходилися на* ***дер;*** заговоры: ***Вых-выхом, вых-выхом****. Огромно мое слово! Крепко*!; *Ключ* ***хиже важе порьже жахть. Саварже варже сафер бар. Карюр бар*** *небу по земли не хаживать, а земли по небу, тако порче не бывать от ныне и до веку* (от порчи); художественная речь: ***Хладо гологолой*** *божбы, Ста* ***юнчиков*** *синих семья, Ста* ***юнчиков*** *синих потоп…* (В. Хлебников); *А навстречу* ***були*** *с* ***чепуром*** *на* ***гулятине****. Я в* ***чепур плюх головотулом****.* ***Очипурился****. А мимо идут* ***рамбинзоны*** *в* ***заботине*** (О. Григорьев. Стекло); ***Лилеен лелеет божес****, Он мнит сквозь летучие станы Гряды пролетевших* ***нагес*** (А. Крученых);

4) инвертирование доминантной языковой структуры и / или отрицание ее. Маргинальная структура текста при фактическом разрушении языка характерна для жанров, тяготеющих к ритуалу и / или сохраняющих проторечевые следы (измененные состояния сознания, поэтическая заумь, фольклор).

Ср. фактическое разрушение языка на всех или отдельных уровнях: условные языки ремесленников: *Масовской курехой стремыжный пендрюх похандырили трущи* (На нашей деревне третьего дня проходили солдаты); *Масовской курехой стремыжный пендрюх похандырили трущи* (На нашей деревне третьего дня проходили солдаты); заговоры: *Сипью сопо пысо Латось бэста Бытось Лепота. Быкоста лыско Лытиска. Бекон мака Рота* (от ломоты в суставах); *Тыхтым-бахтым выхолзан нардын* (заговор от вспучивания); загадки: *Девер-ста, декус-ста, где растет метла-ста* (хлев); песни ведьм: *Бахтын-кухтын назиргин-валинтын; Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон тики-так;* считалки: *Анка-дарнка дру-едру четар-фаер фу е фру; Обар, бобас забор, зи, обар бобар кур; Бахтын-кухтым тагодан-нагодан На четыре угадан;* художественная речь: *Сарча кроча Буга Навихроль Охромел!* (А. Крученых. Садок судей).

Наиболее очевидно инвертирование языка в жанре палиндрома (палиндромон, перевертень), который неоднократно привлекал внимание исследователей [Алексеев 1951; Гак 1998; Санников 1999; Гридина 1996;

Лотман 1992, I; Бубнов 1995, 1997; Береговская 1999], однако часто по-прежнему воспринимается как виртуозная и бессмысленная игра с текстом. Между тем палиндром понимается как концентрации общеязыковых и общесемиотических механизмов, поскольку механизм палиндрома напрямую зависит от строя языка [Лотман 1992, I: 22-23].

Ю. М. Лотман считает, что палиндром активизирует скрытые пласты языкового сознания и является исключительно ценным материалом для экспериментов по проблемам функциональной асимметрии мозга. Симметрично-асимметричная природа палиндрома рассматривается как механизм любого процесса смыслопорождения. Чтение в противоположном направлении активизирует механизм другого полушарного сознания. Элементарный факт энантиосемического преобразования текста меняет тип соотнесенного с ним сознания. В современной синхронии палиндром предполагает сохранение смысла фразы / слова при чтении в прямом и обратном порядке, где сохраняется тождество плана выражения и плана содержания: чем более логичен и информативен текст, тем более совершенным он считается. Ср. *Я – арка края* (В. Брюсов); *Рембо обмер* (А. Вознесенский); *Я, Анна, лежала желанная* (А. и П. Нагорских).

Однако в более ранней форме палиндром предстает в несколько ином виде: палиндрому приписывается магическое, сакральное, тайное значение.

Ср.:

С А Т О Р	Т У З А М	Ср. также знаменитый ромб
А Р Е П О	У Б А Р А	«абракадабры» (песни ведьм),
Т Е Н Е Т	З А К А З	где механизмы чтения еще бо-
О П Е Р А	А Р А Б У	лее осложнены: чтение туда-
Р О Т А С	М А З У Т	обратно, по граням ромба,
Заклинательная песнь над духами.	*А.Бубнов*	сверху вниз и снизу вверх.

Письменные формы зауми ведут свое начало от каббалистических заклинаний и применяются в качестве амулетов от болезней. Наиболее известны среди них «Сатор»-формула («печать царя Соломона») и «Абракадабра» (песня ведьм). Письменные формулы подобного типа часто исполнены в виде геометрических фигур — креста, ромба, треугольника, пентаграммы и пр.

Ср. также кругометы А. Вознесенского, в которых конец одного слова становится началом другого: *матьматьматьма* (*мать* в *тьма* и обратно), *ударникударникударникуда* (*ударник* в *никуда*), *шаландышаландышаландыша* (*шаланды* в *ландыши*), *питерпитерпитерпитерпи* (*Питер* в *терпи*).

Текст при «нормальном» чтении отождествляется с «открытой», а при обратном – с эзотерической сферой культуры, что обусловливает частотность приема палиндрома в пограничных и магически активных местах культурного пространства – районах столкновения земных (нормальных) и инфернальных (обратных) сил [Лотман 1992, I: 22-23]. Ср. признание авторов палиндромов П. и А. Нагорских: «Если вспомнить, что согласно Библии, Слово – Бог, то, может быть, через палиндром время от времени проявляется Божье откровение?» [КП, 31.10.97].

Произнесение или написание отдельных слов или текстов «задом наперед» чаще всего употребляется в заговорных формулах. Таким же способом — от конца к началу могут произноситься и христианские молитвы, чаще всего «Отче наш». По лужицким поверьям, карлики одно слово выговаривают с начала, а другое — с конца, перемежают речь немецкими фразами. Можно полагать, что механизмы поэтического палиндрома «заимствованы» из «другой» речи инфернального (нечеловеческого) мира. Ср. так называемые раки поэта XVII в. Величковского и «Перевертень (Кукси, кум мук и скук)» Хлебникова XX в.:

Анна ми мати та ми манна, *Кони, топот, инок,*
Анна пита мя я мати панна, *Но не речь, а черен он.*
Аннар дар и мне сень мира данна. *Идем, молод, долом меди.*

Ср. устройство единиц зауми «задом наперед»: песни ведьм: *уф-ф-фу, голог оно, ой гной ой-ой нгой;* считалки: *ики-пики, клелк*; детские языки: *Аклок Аклоким в епож аклоги* (Колька-Миколка в ж… иголка); *жон йад* (дай нож); поэзия: *К богу-могу эту* ***кулук****!; Но знаю а, пока живу, Что есть* ***уа****, что есть* ***ау*** (В. Хлебников).

3.2. Контролируемое / неконтролируемое

На относительность транса и бессознательного поведения, а, следовательно, не полную утрату сознания (в том числе и языковых потенций) при разного рода камланиях указывалось неоднократно: даже в

основе глоссолалии нередко лежит сознательное, контролируемое поведение (намеренное введение себя в транс) и продуцирование псевдо-слов, достигаемое тренировками [Goodman 1972; Хазел 2004; Порублев 1995; Саракаева 2003] [24].

Так, известная глоссолалистка мадмуазель Смит, заметив, что в её высказываниях на «марсианском» языке лингвисты смогли выявить структуры французского языка, перешла на другой «язык», который Т. Флурнуа назвал «ультра-марсианским». Этот язык по всей видимости не мог быть истолкован, но в том и заключался его смысл: быть непонятным [Тодоров 1999: 338].

В. Даль иронично отзывается о кликушестве, подчёркивая осмысленность поведения кликуш[25]. С. Максимов отмечает у кликуш «заученное притворство в приёмах и словах» [Максимов 1989: 20]. По словам А. М. Панченко, юродивый – «актёр и режиссёр», отнюдь не сумасшедший: прорицатели, ясновидцы чаще всего симулировали безумие из скромности, дабы не сотворить толпе кумира [Панченко 2000: 7]. Церковные источники, приписывающие святость юродивым и блаженным, отмечают

[24] Сами харизматы-пятидесятники не скрывают, что глоссолалию можно совершенствовать и закреплять с помощью тренировок. Тем, кто хочет получить дар языкоговорения, рекомендуется упражнять язык и голос, чтобы вызвать харизму. Те, кто вовлечены в харизматические группы, получают письменные инструкции, как упражняться в глоссолалии. Показателен эксперимент, проведенный Спэнсом, который заключался в целенаправленном обучении глоссолалии людей, не связанных с харизматическим движением. 60 испытуемых в течение минуты прослушивали запись с настоящей глоссолалией. Затем они, по просьбе исследователя, пытались произвести нечто подобное. Уже на этом этапе 20% испытуемых с легкостью производили звуки, похожие на образцы глоссолалии. Затем испытуемых разделили на две группы – контрольную и «учебную», с которой стали проводить тренировочные занятия по глоссолалии. Сравнение речевой продукции обоих групп показало, что через короткое время 70% испытуемых «учебной» группы с беглостью «говорят на языках». Вывод: глоссолалия часто является приобретенным навыком, а не продуктом измененного состояния сознания [Саракаева 2003].

[25] Они друг у друга перенимают эти проказы, потому что им завидно смотреть на подобострастное участие и сожаление народа, окружающего кликушу и нередко снабжающего её из сострадания деньгами». «Покуда на селе одна только кликуша – можно смолчать, потому что иногда это бывает баба в падучей болезни; но коль скоро появится другая, или третья, то необходимо собрать их всех вместе, в субботу, перед праздником, и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии этого средства: как рукой сымет. Средство это весьма недурно, если бы даже это был род падучей болезни [Даль 1994: 28].

«театрализацию» их поведения. О юродивом XV века Михаиле Клопском М. Толстой пишет: «На все вопросы игумена и братии пришелец отвечал повторением тех же слов и *представлял* (выделено мной – С.Ш.) из себя юродивого». О блаженном Исидоре Московском: «бедный странник, *представляя из себя* безумного, потерпел насмешки и побои» [Толстой 1991: 291-292].

Юродство Христа ради – один из самых трудных и малопонятных подвигов. Слово «юродство» значит безумие. Некоторые праведники, будучи по природе вполне нормальными и даже очень умными, ради большего подвига притворялись безумными. Известные материалы о кликушестве, относящиеся к XVII – XVIII вв. (пермское дело начала XVII в., лухское и шуйское дела 1650-х – 1670-х гг., петровские и аннинские дела), обозначаются как следственные дела о «*притворно* беснующихся» [Лавров 2000; Панченко 2002].

Возможность обучения «дару языков» противоречит интерпретации глоссолалии как дара Божьего, изливающегося на достойного по воле Святого Духа. Говорить о том, что глоссолалия всегда являет собою неконтролируемое речевое поведение не представляется возможным. Неконтролируемая глоссолалия в религии часто отделяется от «дара языков», который рассматривается как строго контролируемая практика. Ср. «Все, что ап. Павел написал коринфянам в гл. с 12 по 14 сводится к тому, что в связи с проявлением дара языков необходимо иметь всесторонний, благонамеренный контроль. Важно иметь в виду, что истинный дар языков никаким образом не страдал от подконтрольного употребления. Наоборот, посредством контроля он проявлялся и сохранялся надлежащим образом. Когда же не было контроля, верующий мог легко впадать в состояние транса и практиковать не истинный дар языков, а трансовую глоссолалию» [Порублев 1995].

Заумная речь в религиозно-магическом дискурсе не всегда являет собою бессознательную деятельность, здесь, вероятно, следует говорить о переходной зоне между состоянием обычного и измененного сознания. С некоторыми оговорками это утверждение, вероятно, можно отнести к психопатологическому и поэтическому дискурсу.

Экспериментальная (искусственная) заумь в русистике имеет традицию, которая ведет свое начало от знаменитой «*Глокой куздры*…» Л. В. Щербы. Л. П. Якубинский отмечает псевдо-французскую заумь в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: *Виварика. Вито серувару, сидябника...; Кью-ю-ю... летринтала, – де буде* ***ба и*** *затревагала...; Вуй нуар не по си дьябль сентере же се кух ион бецима цитурнамэ цитурнамэ цитама*.

Показателен опыт литературоведа Б. Двинянинова, посвященный памяти В. Хлебникова: *Вы стрей,* ***о*** *зять!* ***О,*** *лей. Вы – ра!* ***А ще: о,*** *жай!*. В оригинале ниже стиха помещен «перевод» – вырезка из газеты «Тамбовская правда» от 10 сентября 1976 году под заголовком «Быстрее взять с полей выращенный урожай». Ср. также тексты лингвистов, исследовавших заумь [цит. по: Бирюков 2004]:

Р. О. Якобсон

Разсеяность
удуша янки аркан
канкан армянк
душаянки китаянки
кит ы ***так*** *и никая*
армяк
этикэтка тихая ткань ***тик***
ткания кантик
а о *оршат кянт и* ***тюк***
таки ***мяк***
тмянты хняку шкям
анмя кыкь
атразиксию намёк умён тамя
мянк — ушатя
не аваопостне передовица
передник гублицю стоп
тляк в ваго передавясь

Е. Д. Поливанов

Медля длит и глит песок
Замирающие звоны
И растрещатые тоны
*Глим-****плим****-для бежит песок.*
Смега у мелкой мели
Что над молом молоко
Это море на свирели
Разом длит
Поит
Булькая.

***

На ***про-то про то-то*** *легло-то*
То дивно легло на леглеви
И странно заветно мне кто-то
Про ту напевал из Галеви.

Р. О. Якобсон: *мзглыбжвуо йихъяньдрью чтлэщк* ***хн фя*** *съп скыполза*

а *Втаб-длкни тьяпра какайзчди евреец чернильница*

Фраза А. Кручены *исуха бана ухабы* легко «переводится» – *и с ухаба на ухабы*. Этот же принцип («морфемной волны»), где корень лишается преимущества перед другими частями слова, лежит в основе фоносемантической поэзии А. Горнона: *(о-болт-у-современной передачи)*

(оболтусов ременной передачи) о-болт-усов-ременной передачи.

Ср. также прием паронимической аттракции у А. Вознесенского: *Ах, дикарочка, дочь Икара.* Переосмысление за счет выделения (квази-) омонимичных сегментов: здесь идет двойная сегментация слова-темы: *дик-ар-очк-а* (акцентируется сема «необузданный») и *д…очка* + *Икар* (семантема «дикий» объединяется с семой «родство» и семантемой «Икар»), где выделяются общие квазиморфемы *доч(ь)-* и *Икар*) [Северская 1990].

3.3. Универсальное / идиоэтническое

Универсальный характер «другой» речи обнаруживается в том, что явление одержимости и феномен глоссолалии известен с древности и является обязательным для многих экстатических языческих культов: шаманские пляски с выкриками, трансцендентные трясения шиваитских монахов, бормотание впавших в экстаз дервишей или нечленораздельные «пророчества» древнегреческих сивилл и пифий. Новообращенные из язычества принесли глоссолалии в раннехристианские общины, где ей противостоял апостол Павел, указывающий на необходимость сохранения во время богослужения чинности и порядка (Кор. 14: 1-40). Религиозные глоссолалии (от греч. *glossa* «язык» + *laleo* «говорить»), «говорение на иных языках», рассматриваются в исследованиях как новое религиозно-оккультное явление [Хазел 2004] и, напротив, как универсальный ритуально-религиозный феномен, который ведет свое начало как минимум с язычества [Goodman 1972].

Практика религиозных глоссолалий всегда существовала в истории человечества. О глоссолалии упоминается в Ведах, а также в трудах Патаньяли Сутры Йоги и тантрических книгах тибетского ламаизма. Платон и Плутарх упоминают об экстазных языках известной пифийской пророчицы Аполлона в Дельфах, речи которой переводили толкователи, постоянно находящиеся при ней. Платон говорит также о непонятной речи оракулов, которую переводили языческие провидцы. Другие древние свидетельства говорят, что глоссолалия была известна в мистических культах Дионисия, Осириса, Орфизма и в так называемых Елевсейских мистериях [Порублев 1995].

В середине 2-го века н. э. возникло движение монтанизма, названного по имени жителя Фригии. Монтан считал себя Божьим пророком, провозглашал, что именно в его случае исполнилось обещание Христа послать ученикам Святого Духа, Утешителя, как это записано в Евангелии от Иоанна 14:16-17, 26 и 16:13 [Поснов 1991: 148]. Деятельность секты хлыстов, возникшей в середине XVII в. в России, также связана со странным поведением членов и проявлением глоссолалии. Приблизительно в это же время в Англии возникло религиозное движение квакеров (от англ. quake «качаться»), и на первых порах квакерского движения глоссолалия также дала знать о себе. В XVIII в. там же возникло движение шекеров (от англ. shake «трястись»), которое было основано Анной Ли. Она попала в тюрьму по обвинению в пятидесятнической религиозной практике, включавшую пение, крики, экстазные танцы и говорение на непонятных языках [Порублев 1995].

Современные культы также широко практикуют состояние транса, где глоссолалии являются обычной составляющей. Так, отличительной особенностью сект пятидесятническо-харизматического толка, учение которых представляет собой синтез протестантской теории и оккультной практики, является «говорение на иных языках». При этом глоссолалии рассматриваются как подтверждение «Крещения Святым Духом», которое пережили апостолы в день Пятидесятницы и которое, впоследствии, практиковали члены Коринфской общины. [Харизмантическое… 2002].

Глоссолалия встречается и в нехристианских религиях в Малайзии, Индонезии, Сибири, Арктических районах, Китае, Японии, Корее, Аравии, Бирме, острове Борнео и в других местах. Также активно она присутствует в африканских племенных религиях [Goodman 1972; Хазел 2004; Samarin 1972].

Объяснения феномена глоссолалии обычно сводятся к нескольким источникам происхождения: 1) она исходит от Святого Духа и действует Святым Духом; 2) она исходит от противоположного источника, сатаны; 3) глоссолалия не более как следствие человеческого процесса обучения, возникшая, возможно, в результате какого-либо транса или измененного состояния сознания, и находится она вне зависимости от религиозности; 4)

глоссолалия исходит сразу из нескольких упомянутых источников [Хазел 2004].

Традиционно глоссолалия отожествляется с «иными языками», упомянутыми в Новом Завете. По мнению одних исследователей, изначально «глоссы»-языки звучали на церковных собраниях апостольских времен. Апостол Павел (1-е послание к Кор., гл.14) говорит о проповедниках «на языках», что никто не понимает их, что их речь является невразумительной [Коновалов 1908: 175]. Другие считают, что говорили проповедники «не на каких попало языках, а на наречиях тех людей, которые были там и не знали еврейского, чтобы они могли познать величие Божие и уверовать. А нечленораздельные вопли не имеют никакого отношения к подлинному дару глоссолалии, которым, не ведая его, думают владеть пятидесятники» [Георгий 2002].

Исследования шаманства, кликушества, других экстатических практик показывают, что подобные явления представляют собой рудименты какой-то более целостной архаической культурной практики [Панченко 2003], где возможно говорить либо об общем генетическом источнике, либо о диффузии шаманских практик в европейские культуры [Гинзбург 1990]. Однако точно так же можно предполагать, что рассматриваемые формы адаптации измененных состояний сознания сложились в разных культурах независимо друг от друга в силу сходства социально-экономических факторов [Панченко 2003] [26]. Каково бы ни было ее происхождение, но глоссолалия есть феномен человеческий, не ограниченный не только рамками христианства, но даже и рамками религиозного поведения человечества [Хазел 2004]. Явления, схожие с глоссолалией, встречаются и в нехристианской, и в нерелигиозной среде и оказываются обычными «для экстатических эмоциональных переживаний, когда интенсивное

[26] Некоторые исследователи указывают на синкретизм кликушества: в средневековой Руси кликуши были, по-видимому, своеобразными пророчицами полуязыческой-полухристианской веры [Власова 2000], севернорусские представления об икоте – пережитки шаманства [Дмитриева 1988], кликушество появляется во время Смуты в связи “с какими-то социально-культурными изменениями”, основа генезиса этого явления в “кульпабилизации русской женщины XVII в. [Лавров 2000].

высвобождение эмоций делает невозможным рациональную речь» [Саракаева 2003].

С точки зрения лингвистики религиозно инспирированная речь (глоссолалия) по своим основным характеристикам аналогична речи религиозно неинспирированной. Все формы глоссолалии идентичны с точки зрения их структур [Хазел 2004]. Ф. Гудман, изучая англо-, испано- и майя-говорящих пятидесятнических общин в Соединенных Штатах и Мексике, нехристианских ритуалов в Африке, Борнео, Индонезии и Японии, приходит к выводу, что если принять во внимание все черты глоссолалии, т. е. сегментальную структуру (звуки, слоги, фразы), и их супрасегментальные элементы (а именно: ритм, ударения и в особенности общую интонацию), они надлингвистически и надкультурно идентичны [Goodman 1972].

Универсальный характер «другой» речи обусловлен и психическими, и социально-историческими факторами. Заумь религиозного и нерелигиозного характера, языческая и христианская, принадлежащая носителям различных языковых семей и культурных парадигм, идентична, поскольку обусловлена психо-эмоциональным состоянием, «выключающим» нормальную речь.

Ср. звуковые корни в различных фольклорных жанрах и социально-функциональных типах речи: **-фиг-**: *Сначала **фиг**а, потом ни**фиг**а, потом плюх! **Фиг**очки, **фиг**очки, потом опять ни**фиг**а* (загадка: утка с утятами); ***Фиг**ион-**фиг**он, **фиг**онта-бегинта, маринта **фиг**онта* (заговор); *Эка **фиг**овина, рыба сиговина* (поговорка); ***Фиг**ур-**фиг**а*, ***фиг-фиг**. Ио ца **фиг**оца* (песня ведьм); *На**фиг**а до **фиг**а на**фиг**ачили? Рас**фиг**ачивай на **фиг*** (воровское арго); *Кривонта **фиг**овата, махонта лагонарта, **фиг**ниташка-шак-ша* (камлания юродивых); *СА**фига**ША**фига** ПО**фига**ШЛИ**фига** КО**фига** МНЕ**фига*** (детские тайные языки); *Кривонта **фиг**овата, махонта лагонарта, **Фиг**инташка-шак-ша* (язык нищих); *Акум, акум — **Фигу** с маком* (считалка);

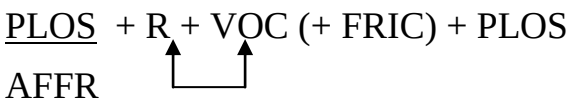
–тень-: ***Тень-тень**-поте**тень**, выше города плетень* (считалка); ***Тень-тень**-поте**тень,** выше города плетень* (глоссолалии); ***Тен**ти-бренти, коза в ленте* (поговорка); ***Тень-тень**, чирик-чок* (заговор).

Сочетание -***фиг***- обычно соотносят со словом *фига*, которое известно в русском языке с нач. XVIII в. в знач. «смоковница», а с XIX в. – в знач.

«кукиш». Восходит к лат. *ficus*, в русский пришло через польский или французский из древневерхненемецкого *figa* [Черных III: 309; Фасмер IV: 192], однако можно предположить другую этимологию в связи с фиксацией в древних формах речи. Связь сочетания ***-тень-*** со словом *тень* ничего не проясняет. Этимология слова «темная»: связано со *стень*, *сень*, с праслав. **тъта*, однако неизвестно, являются они разновидностями одного слова или различного происхождения [Черных: 236]. Колебания начала слова объясняется также мотивом табу [Фасмер: 43], что связывает слово с древней магической речью.

Независимо от языковой среды в современной глоссалалии проявляются такие звуки, как визги, гавканье, свист, хрюканье, рычание и другие животноподобные звуки. Глоссалалия-транс является первичным человеческим поведением, включающим воспринятую практикантом вокализацию. Выражение «первичное поведение» в этом случае можно понять как поведение интуитивное или младенческое [Goodman 1972]. Люди могут входить в это состояние с помощью разного рода стимуляций, как, например, пение, танцы, хлопанье в ладоши, барабанный бой. Транс – исступление, восхищение, экстаз – иначе говоря, состояние измененного сознания, является однозначным, общим, нейрофизическим процессом. [Порублев 1995]. Ср. у митьков (экспериментальное товарищество ленинградских художников): *«**А-А-А-А!** – часто употребляемый звук. С ласковой или горестной интонацией – выражение небольшого упрека; с резкой, срывающейся на хрип или визг – выражение одобрения. <…> Высшую похвалу произведению живописи Митек выражает восклицанием «**А-а-а-а**!», при этом делает рукой такой жест, будто швыряет о стену комок грязи»* (Митьки, описанные Владимиром Шинкаревым и нарисованные Александром Флоренским).

«Заумные» единицы структурируются по общим ЗИ-моделям, которые являются универсальными [Воронин 1982]. Ср. заумные единицы, построенные по модели фреквентативов:

Глоссолалии сектантов: *Капиласта ган**дря** **Дар**аната шан**тра** Сун**кар**а **пур**уша Моя дева Луша;* детские тайные языки: ***шварк**а* «швабра»; ***тыр**ы-**пыр**ы* «туда-сюда»; песни ведьм: *о**хро**мея вызывон*, ***тар**андац даголданц экимозко **пор**огозды*; считалки: *Анка-**дра**нка **дру**-е**дру** че**тар**-фаер фу е **фру**; О**бар**, бобас за**бор**, зи, о**бар** бо**бар** **кур**.*

Ср. русские ФМ-фреквентативы: ***бряк*** «удар, падение, стук»; ***хряп, хруп, кр-кр*** «хруст, треск», ***тыр-тыр, туры-тары, буры-бары, бары-бары, др-р-р*** «звук работающего механизма», ***дыр-дыр*** «стук зубов»; ***фурр-р-р, фуры-пуры*** «порхание». Ср. иноязычные фреквентативы: коми-пермяцкие – *пыть-пыть **кер**ны* «издавать треск (о тракторе)»; ***тір-тір*** *кыскыны* «тащить с шумом»; ***тір-тор*** *вештыны* «двигать с грохотом»; ***тор-тор*** «тук-тук»; ***бор-бор*** «бурление», ***тарс*** «стук», ***пур-пур*** «порхание»; английские – ***burr birr*** «дрожащий звук»; ***hurr*** «порхание»; ***br-r-r*** «звук дрели»; ***trot*** «идти рысью».

Однако заумные формы речи не только универсальны, но и коррелируют с родным языком носителя зауми, отражают культурное пространство, к которому он принадлежит. Психиатры, психолингвисты и культурологи приходят к одному выводу: заумные формы речи следует рассматривать как актуализацию языковой и культурной доминанты.

По мнению А. А. Панченко, необходимо различать правила и нормативы, осознаваемые и эксплицируемые «носителями традиции», с одной стороны, и то, что ими не осознается, но играет решающую роль при осуществлении коммуникации, с другой. Именно этот уровень «коллективного бессознательного» соответствует той степени абстракции, которая характерна для понятий «ментальность» или «модель мира». Аналитическое проникновение в сферу значений, не осознаваемую носителями культуры, может быть связано с изучением того, как в той или иной традиции адаптируются и функционируют т. н. «измененные состояния сознания» (altered states of consciousness), в частности – различные формы транса и одержимости. На языке культурной антропологии: устами одержимого говорит некто, находящийся вне его обыденного, «дневного» сознания. В определенном смысле этот голос как раз и является прямой речью «подсознания культуры» [Панченко 2003].

Психиатры утверждают, что в условиях душевной болезни соотношение культурных знаков, усвоенных человеком, и его биологического функционирования существенно изменяется. «Биология» становится видимой, а иногда и доминирующей. Но эта же болезнь может по-новому высветить культурные факторы, скрытые в обычном состоянии [Зислин 2004]. Психолингвистика для изучения закономерностей речевой деятельности принципиально стремится охватить все доступные анализу формы речевого поведения людей независимо от отношения этих форм к норме [Сахарный 1989: 60].

Эти факты согласуются со способностью ФМ проявляться в биологической функции, где она порой становится доминирующей. Возможно, именно это свойство ФМ позволяет им оставаться той нитью, которая связывает измененное сознание с нормой бытия (языка).

Однако в любом случае, «в психозе с религиозным или мистическим содержанием больной, находящийся в остром состоянии, будет строить свое поведение по существующим в его сознании культурным и ролевым моделям определенных персонажей мистического и религиозного круга» [Зислин 2004]. Заумные формы речи не являются бессмысленными системами, а обнаруживают глубинные структуры доминантных для носителей зауми культурных и языковых моделей. К похожим выводам приходят и исследователи детской речи, которые рассматривают автономную детскую речь как реализацию глубинных языковых моделей [Цейтлин 2000].

Структурирование всех заумных единиц, в том числе и ФМ, подчиняется редупликации, эхо-конструкции, которые являются одной из самых ярких мет ЗИ-слова. Формально ФМ строятся по принципу «эха» с неполными или вариативными частями «эха-отзвука» в виде редупликации и других видов повтора, которые являются показателем семантического варьирования единицы. Эхо-принцип характерен для ранних эпох развития языка, детской речи, языковой патологии и устной традиции, особенно при отсутствии альтернативного письменного варианта [Топоров 1994: 36]. Система «первобытной образности – это система восприятий мира в форме равенства и повторений» (О.Фрейденберг). Эхо – способ «удвоения» мира, его

«зеркальности» в архаичном сознании. Ср. эхо как отклик нечистой силы: в лесу – лешего, около домов – домового, около бань – банника или банного, мельницы – мельника, овинов – овинника [Даль 1994: 166].

Типичным является построение заумной единицы не просто по принципу «эха», а эха удаляющегося, где звучание редуцируется по мере удаления звука. «Удаление» эха часто оказывается инверсированным, т. е. звучание фиксирует обратный порядок («зеркальность»). Ср. заговоры: ***турба-урба, сива-ива, шуга-юга;*** считалки***: цум-цум-цумаке, ики-фики, эна-бена, тень-тень-потетень, обар-бобар, асик-масик, акэтэ-пакэтэ, абуль-фабуль, аз-бас-трибабас***; загадки: ***тулики-батулики, тень-тень-потетень***; речь юродивых: ***тыра-тыра-перетыра, фигниташка-шак-ша, тень-тень-потетень***; камлания шаманов: ***котеро-теро***.

Поэтический текст, связанный с суггестивным и потусторонним контекстом, организуется по этому же по принципу. Ср. у Т. Кибирова:

Я ***встречаю-чаю-аю,***	***Замерзаю-заю-аю***
А кого не знаю.	***Замер-замерзаю,***
Никого уже не знаю –	*Веки белые смыкаю,*
Аю-засыпаю.	***Аю-засыпаю,***
Головою-вою-ою	***Засыпаю-паю-аю***
Во ***сугробы-гробы***	*Баю-баю-баю*
С непорочною женою	*Белым паром* ***ваю-аю***
Смертью молодою.	*В небо улетаю.*

Ср. эхо-принцип, доведенный до «абсурда», у В. Эрля (Осёл):

ооооооооооооооооооооооо

сссссссссссссссссссссссс

ёёёёёёёёёёёёёёёёёёёёёёёёёёёё

лллллллллллллллллллллллллл

Структурирование по эхо-принципу сохраняется и в современных детских считалках. Ср. ***Мотоцикл-цикл-цикл*** *Всю дорогу обосыкал.* ***Самосвал-вал-вал*** *Всю дорогу обосрал!* Ср. также детские языки с «утками»: *ШУР(****гу****)КА(****га****) КО(****го****)ГДА(****га****) МЕ(****ге****)НЯ(****га****) СПРО(****го****)СЯТ(****га****).*

В музыкальном дискурсе эхо-принцип характерен для техно-ремиксов музыкального направления рейв, который «воспроизводит» древние формы

речи. Ср. *Лю-**бо-бо-бо**вь, по-**хо-хо-хо**-жая **на со-на со-на-сон*** (рейв-ремикс шлягера А. Пугачевой) и *а-**га, га-га**, до-**га, да-да-да**-лися* («гагайканье» черта, козни которого раскрыты).

Специфическое в маргинальных коммуникациях обусловлено не только системой религиозных и культурных знаков и символов, но и языковыми идиоэтническими факторами. М. Л. Гаспаров, анализируя звуковую структуру пьесы В. Хлебникова «Боги» (см. Приложение 4.4), приходит к выводу: «Соотношение гласных и согласных — такое же, как в русском, 4:6. Соотношение звонких **б, в, г, д, з** и глухих **п, ф, к, т, с** — такое же, как в русском: звонких чуть меньше половины, глухих чуть больше половины» [Гаспаров 2000]. Заумный текст строится по фонетическим «нормам» родного языка, а отступление от нее позволяет выйти в пространство «чужого» мира: «буква **ц** у него в 7 раз чаще, а **ч** в 2,5 раза чаще, чем в русском языке. Среди сонорных подобным образом предпочитается **р** (в 1,5 раза чаще, чем в русском, а в хореических строках — в 2 раза); среди остальных согласных — **г** (в 4 раза чаще), **к** и **з** (в 2 раза чаще). Среди гласных предпочитаются **у** (почти в 3 раза) и **и** (в 2 раза). Это компенсируется отчетливым избеганием некоторых букв: **н, й, с, т, д, в, я, ы.** В целом, предпочитаемая Хлебниковым группа **и, у, г, к, з, р, ц, ч** составляет в русском языке почти четверть (22%), в «языке богов» почти половину (47%)» [Гаспаров 2000].

Звуковая структура заумных текстов идентична классическим звуковым повторам русского стиха, выделенных в фонике [Гаспаров 1987: 470]: 1) анафора. Ср. ***Гоп**о **гоп гоп**опей* (А. Крученых); ***Фут**ка, да **фат**ка, **фут**унди, **фут**ундак, да **фут**еницы* (загадка – шубка да шапка, зипун, кушак да рукавицы); ***Шоно**, пинца, пинца, дынза! **Шоно**, чиходам, викгаза, мейда!* (песня ведьм); ***Ну кре**ндо **ну** фули **кре**сто* (глоссолалии); 2) эпифора. Ср. *В грез**огах-сон**огах Почил я, почил у черты. В мечт**огах-**думн**огах Почил у мечты* (В. Хлебников); *Пусть гопо**чичь**, пусть хохот**чичь**.* (А. Крученых); *Вихада, ксара, **гуятун, гуятун**. Лиффа, пррадда, **гуятун, гуятун*** (песня ведьм); *Сункара пур**уша** Моя дева Л**уша*** (глоссолалии); 3) кольцо. Ср. ***Сноу** шайле шуут шипиш **Сноу*** (А. Туфанов); ***Гутц**! Алегремост! Астарот,*

бегемот! Аскафат, сабатан! Тенемос! ***Гутц!*** (песня ведьм); ***Фигион****-фигон, фигонта-бегинта, маринта* ***фигон****та* (заговор); 4) стык. Ср. *и* ***а о о а о а*** *е е и о я* (А. Крученых); ***Захива****, ванилши, схабатай,* ***янаха. Захива****, гиряй, гиряй, добила,* ***янаха. Захива****, вилхомай, вилхомай,* ***янаха*** (песня ведьм).

3.4. Лингвистическое / алингвистическое

Исследователи лингвистической природы зауми и глоссолалий также приходят к прямо противоположным выводам. Так, утверждается, что глоссолалия не может быть признана человеческим языком: как система она не напоминает ни один из известных человечеству языков, будь то живой или мертвый; в ней отсутствуют базовые структуры человеческого языка как системы когерентных коммуникаций [Хазел 2004; Samarin 1972]. Ср.: «Когда глоссолалию начинают изучать с помощью всего аппарата лингвистической науки, выясняется, что это лишь видимость языка, хотя подчас и весьма убедительная. Когда мы задумываемся о сущности языка, то неизбежно приходим к выводу, что глосса, как бы хорошо она ни была организована, не есть образец человеческого языка, ибо она не организована внутренне, не имеет отношения к воспринимаемому личностью миру» [Samarin 1972].

Опровергается также мнение о том, что глоссолалия есть ксеноглосса, т. е. некий иностранный язык, который может быть понят другим человеком, с этим языком знакомым [Samarin 1972].

Однако другие исследователи глоссолалий приходят к выводу о том, что истинный дар языков в Новом Завете был даром таких языков, к которым подходит определение языков иностранных [Rice1949]. Считается, что ключевым местом Писания в вопросе языков должна быть вторая глава Деяний Апостолов, где подчеркивается, что языки, данные Духом Святым в День Пятидесятницы, были *регулярными* языками. Как таковые они были понятны людям тех стран, где они употреблялись. В этом заключается суть перечисления национальностей во второй главе Деяний [Порублев 1995].

Служители культа, разъясняя природу «иных языков», говорят о ксенолалии (т. е. говорение на известном языке, который человек освоил немеханическим способом)». Отцы Церкви рассматривали феномен «иных

языков» как овладение иностранными языками чудесным образом [Хазел 2004].

В исследованиях поднимается вопрос о человеческом / нечеловеческом характере заумной речи. В религиозных культах глоссолалии трактуются как языки богов, духов, святых и пр., поэтому некоторые из адептов «говорения» предполагают, что вещают они на языке ангельском, а не на человеческом.

При этом большинство исследований указывает, что глоссолалия есть необычное речевое поведение в любом христианском или нехристианском религиозном объединении, однако, что касается христиан, это человеческая речь [Хазел 2004; Samarin 1972]. Хотя современная глоссолалия по своей сути не является смысловой речью [Порублев 1995], но это язык в особенном смысле этого слова (как некая форма коммуникации). Но одновременно ученые признают, что совокупность сведений приводит к выводу, что хотя есть форма и схема, глоссолалия, видимо, язык неизвестный, и даже язык нечеловеческий в современном значении этого слова [Хазел 2004].

Однако при всех противоречиях и полярных выводах относительно заумной речи все исследователи указывают на ту или иную степень ее координации с родным языком носителя. Так, эскимосы, саами (лаппы), чукчи, кханти (остяки), якуты и эвенки в своих ритуалах пользуются тайным языком, представляющим собой смесь бессмысленных слогов и национального языка [Хазел 2004]. Ср. русские заговоры: ***Тында-ринда Тында-ринда Тында-ринда рай-да! Тында-ринда Тында-ринда Тында-ринда рай! Пасцилику жилку-вилку. Накорол-Сыросон***. *Как в дороге берег меня сей камень* ***зыгорох****, Так иже с им* (имя рек) *ничего не случится.* ***Зыкурцон*** *будет биться, покуда звезда в дверь стучится* (на благополучие в пути); ***Агаруга бурга аласабаль бенко перке асаркембль перко вторко которентих викус-пикус импорито.*** *Как предков* (имя рек) *никто ни разу не* ***гон-гондоролом****, так и тебя (имя рек) не коснись оно! Слово крепко!* ***Дэу!*** (оберег от копья).

Считается, что таинственные песни ведьм состоят из вымышленных, бессмысленных слов [Даль 1994: 59]. Однако для ведьмовской зауми

типичны обычные для носителя русского языка междометия и ЗП, часто связанными с криками животных и птиц (см. Приложение 4.3).

Ср. песня ведьм на роковом шабаше:

***Мяу**! Згин, згин!* ***Карра**! Згин, згин!*
Гааш! Згин, згин! ***Тили, тили**! Згин, згин!*
***У-у-у**! Згин, згин!* *Хив, **чив**! Згин, згин!*
***Бя-бая**! – Згин, згин!* ***Жу, жу**! Згин, згин!*
***Кво-кво**! Згин, згин!* *Згин, Згин, згин!*
Бду, бду! Згин, згин! [Сахаров 1990: 96]

Речь нечистых часто является «деформацией» уже существующих языков: в Словакии демоны говорят на «испорченном» венгерском (*шоэ-своэ, хвоэ-твоэ, туря-куря*); песни русалок, записанные Г.Сахаровым, по словам В.Даля, «бессмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским и белорусским наречием» [Даль 1994: 55]. Ср. счёт, употребляемый ведьмами: *одион, другиан, тройчан, черичан, подон, лодон, дукман, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клек* [Даль 1994: 59] как фонетические вариации русских слов (один – *одион, одино*, другой – *другиан*, три – *тройчан*, четыре – *черичан*) и заимствования (*дукман, дыкса, левурда*).

Заумная речь бессмысленная, но фонетически структурированная человеческая речь: неразборчивая, послелепетная речь, проявляющая поверхностное фонологическое подобие языку без последовательной синтагматической структуры. Глоссолалия имеет характер повторного произношения слогов, которые можно разделить на макросегменты, похожие на предложения, на микросегменты, напоминающие слова, и на звуки. В ней проявляется определенный порядок ударений и интонаций. [Samarin 1972; Порублев 1995]. Глоссолалия выступает в этом определении как форма псевдоязыка, причем ее система фонем связана с привычным языком верующих. [Саракаева 2003].

На фонетическом уровне отмечается особое пристрастие заумной речи к чёткой ритмизации и обилию всевозможных аллитераций, а также особо точное звуковое структурирование всех типов зауми [Тодоров 1999].

Ср. 1) ритм: считалки: ***Э**не, **бе**не, **ра**ба **Квин**тер, **фин**тер, **жа**ба **И**ки **пи**ки **гра**мма**ти**ки;* загадки: ***Ры**нда **ро**ет, **скин**да **ска**чет, **тур**ман **е**дет – **съе**ст **те**бя* (свинья, заяц, волк); ***Та**тар, **та**тар **по** **гор**ам, **Тара**ту**ха** **по** **ни**зам, **Та**тар **крик**нёт, **Тара**ту**ха** **мигнет*** (гром и молния);

2) аллитерации и ассонансы: загадки: *К**а**к бы не **шунтик-пантик**, з**а**росл**а** бы **шунтя-пантя*** (веник, пол подметают); *Л**е**т**и**т **турч**е**к** на **сторбучек** и в ды**рочку** ш**тр**ух* (замок и ключ); *Брын**дя**! **Не** л**а**зи в **пенду**, в **пенде** к**а**нд**а** **п**ро хонд**а*** (Кот, не лезь в печку, в печке каша для гостя); заговоры: ***Тыхтым-бахтым-выхолзан нардан**. Поль-**м**ильех-**т**ороги эобялозог**т**, кепрусс **м**ецу сейм**а** **а**йм**е**н ц**а**. **М**ей пейн**а** **а**ютх**а**!* (от вспучивания); считалки: ***Тень-тень-потетень**, выше города **плетень**; Сахар-бахар четверак нюхал дедушка **т**абак*; глоссолалии: ***Тыра-тыра-перетыра ты** марушья заколдыра; Боже, боже,* **Л**и**т**о, чи**т**о,* **М**и**т**о, ки**т**о.* **Н**у кр**е**н**д**о* **н**у фу**л**и кр**е**с**т**о.*

Звуковая структура единиц зауми всегда отличается необычностью, экзотичностью, непривычностью для слуха. Ср. заговоры: *Басмилляхир раманир рахым кулья-ыба-вильне-зине* (от зубной боли); загадки: *Чирандо вырандо за огородом гнется, цыландай выландай за угол бежит* (ручей); *Шая-мая вот такая, шунтик-мунтик вот такой, чинчик-винчик — едакой* (бочка, в бочке ковш с ручкой); считалки: *Бахтын-кухтым тагодан-нагодан На четыре угадан; Эне, бене, Лики, паки, Цуль, буль-буль, Калики-цваки, Эус-беус, клик-мадеус, бокс; Анка-дарнка дру-едру четар-фаер фу е фру; Цум, цум, цумаке, Абел, фабел, дулин, Ики, фики, грамматики;* речь юродивых: *Кривонта фиговата, махонта лагонарта, фигниташка-шак-ша*; глоссолалии: *Капиласта гандря Дараната шантра Сункара пуруша Моя дева Луша.*

Народные представления о речевом поведении нечистой силы и связанной с ним звукосимволике стали предметом анализа А. Журавлева, который выделил три лексические группы, связанные в народной традиции с представлениями о речи демонов: глаголы, обозначающие речь нечистой силы; междометия, которые издают те или иные мифологические персонажи; наименования представителей нечистой силы, соотносимые с их звуковыми

характеристиками (типа ***кука, кыка, хохря, гогона*** и др.). В имитации речи демонов активизируются периферийные участки речевого аппарата (обилие заднеязычных согласных **к, г, х** и непередних гласных **о, у, ы**), что может быть сопоставлено с маргинальностью и иномирностью самих персонажей [Журавлев 2004].

В языке «экзотичностью» звучания, связанной с актуализацией периферийных звуков и звукосочетаний (*х, ф, ч, ш, щ, дз, дж, ё*), отличаются пейоративы (*фур, шешка, шивера, жаба, харя, хрен, чемер*), инвективы (*ёк-макарёк, ё-карны-бабай, бляха-муха, ё-ка-ла-боб, якуня-ваня, едри твой в кандибобер, елёха-воха, ёксель-поксель, якара-мара*) и многие ФМ (***хухры-мухры, джурум-джурум, дзысь, дзирк, шушки-пашки, алямс-тралямс***). Ср. также частотность «ф» в заумных словах Д. Хармса: *мяфа, фоифари, магофари, пиф, паф, пуф*. В постмодернистском тексте В. Некрасова нагнетание периферийных звуков к концу текста порождает семантику страха: *к п р с т* ***ф х ц ч ш щ*** *что вы так испугались.*

Связь ФМ и «потустороннего» удерживается и в современном дискурсе, отличающимся не мистическими, а рациональными установками. Ср. в рекламе, обещающей снять порчу, сглаз, «венец безбрачия», вернуть любимого и пр., «Медицинского центра исцеления «Ясен свет»: *«Только что ты была наполнена им* (счастьем – *С. Ш.*) *до краёв, только что читала любимого как открытую книгу, и он понимал тебя с полуслова и вдруг…* ***Хрясь!****»*

Часто указывается на корреляцию глоссолалии и внутренней, детской, патологической форм речи. Глоссолалия есть недоразвитое образование знакомой речи, пограничный феномен между внутренней и внешней речью [Саракаева 2003]. Глоссолалия охватывает весь круг экстатических аудио-речевых феноменов, включая вербальные эффузии, которые, весьма вероятно, есть духовно-психологические проекции внутренней речи, а не какой-либо аутентичный язык [Хазел 2004]. Проводятся параллели между глоссалалией и таким периодом освоения языка, как лепет (7-8,5 месяцев) и модулированный лепет (8,5-9,5 месяцев) [Саракаева 2003]. В этом возрасте ребёнок словно тренируется в произношении звуков и слогов и в его речи

можно встретить фонемы всех известных языков мира [Белянин 2001]. Другой аналогией является речь при некоторых патологиях сознания, в частности, при шизофрении: *"Я не верю ни в какие лекарства врачей, не доверяю людям, потому что это* ***помачане, помахтане, вэрхмахтане, Вэрхмахт****. Я это знаю, ты не имеешь понятия об этом"* [Белянин 2001; Саракаева 2003].

В нашем материале отмечается корреляция структурирования ФМ в разных типах речи, порой до буквального повторения, что может быть связано, с одной стороны, с функциональным дрейфом или «самовоспроизводством» заумных единиц, с другой, – с природой ФМ.

Ср. артикулирование младенца (девочка 7-8 мес.): ***пупа-пупа-пупа, дига-дига-дига, нига-нига-нига.*** Ср. ***Лени нули эли али!; Папа пупи пигиги!*** (В. Хлебников); детская «тарабарская» речь (девочка 3,5 лет): ***каки-баки-торобаки*** *не действительно* ***кубаки, пиф-паф-тарарах*** *у меня второй испуг****; тара-мара-пара-бара-кара-фара*** *погулять;* ***му-му-лени-пуни-пу; муру-муру-лени-пуни-пуру;*** Ср***. фокен, покен, зокен, мокен*** (Д. Хармс); речь юродивых: ***тыра-тыра-перетыра*** *ты* ***марушья заколдыра;*** песни ведьм: ***сахар-бахар-бахарак, дзибон-возбон, тики-так;*** считалка: ***Тани-Вани-трикадоры, сахар-махар помидоры, аз-бас-трибабас ух.*** Ср. ***Бу, бу****, – ответил мальчик Мотя и затряс головой, замахал руками. Чтоб потянуть время, произнес речь на психическом языке.-* ***Улюлю, га-га хряпс****,* ***арды-бурды*** *гулюмба****, сурдык-дурдык*** *ого! Ашмы ли бундугу? Карманда!* ***Сикось-выкось*** *шимпопо,* ***дуру-буру гопля-ля****...* (Б. Акунин. Любовник смерти).

Ср. также: воровское арго	Речь юродивых
Маруха «женщина»,	*Тыра-тыра перетыра*
стрем «наблюдение»,	*Ты* ***марушь****я заколдыра*
тырить «красть».	*Тыра земко* **стрем***ит…*

Даже в заумной речи ее единицы могут формировать многозначность. Ср. *засясывать кемы* в языке шерстобитов «валять валенки», а у владимирских калик-перехожих «засучить рукава».

Типичными приемами построения единиц в различных формах зауми являются: 1) редупликация фрагмента или целой единицы (см.

вышеприведенные примеры). Ср. редупликация как непременное свойство ФМ. Ср. *Огн***ивом**-*сеч***ивом** *высек я мир, И з***ыбку**-*ул***ыбку** *к устам я поднес, И ку***ревом**-*ма*ревом *дол озарил, И сладкую дымность о бывшем вознес; Из* **чур***ыни взор* **чар***ыни. Есть* **чур***авель, есть* **чар***авель.* **Чар***ари:* **Чур***ари!* ***Чур**ель!* ***Чар**ель!*

Чареса *и* **чуреса.** *И* **чурайся** *и* **чаруйся** (В. Хлебников);

2) замена звука, чаще начального: условные языки: ***Гужик*** «*Мужик*»; воровское арго: *Мальний «Дальний», Влика* «*Улика*»; детские языки: *Вазик* «*Тазик*»; считалки: *Тыра-Быра, Тули-Мули, бИткен-бАткен;* заговоры, загадки, песни ведьм: *Шалда-Балда, Дендра-Пендра;* глоссолалии*: Насонтос-Лесонтос, Пята-Лата, Чигирики-Мигирики*; поэзия: «***Гож Нож**!» – клич боевой. Теперь ты неживой… Это шествуют* ***творяне**, заменивши Д на Т; К* ***богу-могу** эту кулук!* ***Девы-мевы, руки-муки косы-мосы**, очи-мочи* (В. Хлебников). Ср. рифма к ***пакля*** у Незнайки: ***рвакля, шмакля, бакля, вакля, гакля, дакля, макля*** (Н. Носов). Ср. ФМ: ***фу – ху – пу*** «о дыхании»;

3) вставка звука в середину слова: условные языки: *шестерка – шеПЕстерка* «игральная карта», *леВто* «лето», *эЗто* «это», *белУСый* «белый», *жиВЯшить* «жить»; язык нищих: *шестерка – шеПЕстерка*; глоссолалии: *даранта – даранАта*; загадка: *пендРа – пенда*; заговор: *прижим – приПИжим*; песни ведьм: *сито-сиСто, згин-згОЛин*; считалка: *дыкинь-дыТкинь.* Ср. ФМ: ***фить – фЬЮить, динь – дЗинь, бяк – бРяк, бах – баБАх;***

4) перестановка звуков или слогов по типу метатезы: условные языки: *жон – нож*; воровское арго: *лубитка – бутылка*; заговор, загадка: *эно – онэ*; поговорка: *Не течет ин* (ни) *канет*; песни ведьм: *рандо – ондар;* условные языки, воровское арго: *векчело – человек;* воровское арго, язык нищих: *таскан – канста – стакан*; язык нищих: *ритыб – бриты;* заговор: *жиу на* ***дубу*** *жиу на* ***буду***; глоссолалии: *савишраи – висашраи*; песни ведьм: *пасикуя – сикуяп.* Ср. у В. Хлебникова: ***Солов*** зов, воз ***волос; Горд*** дох, ход ***дрог; Зол***, гол лог ***лоз.*** Ср. ФМ: ***ау – уа, ах – ха, ох – хо; шалды-балды – балды-шалды; балды-колды – колды-балды;***

5) отсечение звуков в начале слова («зеркальное» стяжение) или протеза: воровское арго: *тушка – катушка, пак – пакет*; язык нищих: *руг – друг;* заговор: *почур – чур – чур*; песни ведьм: *спин – пин – пин;* загадка: *таф – таф – та*; считалки: *ситом – литом – подпалитом, коська – куковоська, Анка – дранка, дерандры – андры, дру – едру*. Ср. *Укс, кукс; очи-мочи* (В. Хлебников). Ср. в ФМ: ***апчхи – чхи, стук – тук, тьфу – фу.***

Ср. приемы «деформации» слова у М. Цветаевой: 1) редупликация с усилением интенсивности: *Ни торгов от них, ни сна нет: / Ты им* ***ррраз****! они – сто!*; 2) пропуск слога внутри слова, где неполнота слова дает новые, более сложные смыслы: *Куды и вся удаль / Девалась, –* ***невемо****! / ...На тебя не дунул, На тебя не* ***венул***; 3) «разрубание» слова на части при помощи тире, где каждый «обрубок» прорастает новым смыслом: ***Бой-цом*** *обезжизненным, – / Ни вздоха в груди;* 4) «разрубание» слова на части и разбрасывания этих частей в пространстве текста, что создает ощущение вечно «живого», непрерывного смысла: *«****Кача*** *– «живет с сестрой» – /* ***ются*** *– «убил отца»!* Ср. прием «сдвига» А. Крученых: *Быхтын – хнат – бы. Нат – бы – хат ат – хыб – н.*

Отмеченные выше приемы должны уточняться, поскольку каждая единица требует отдельного исследования. Так, арготическое *аред* может рассматриваться как усеченное *скаред.* Однако пермское *Аредов век прожить* в значении «жить долго» (*Может, умрешь, а может, заживешься и Аредов век проживешь. Какой-то Аред-от долго, видно, жил, а у нас така поговорка – Аредов век прожить.* Губдор) и арготическое *аред* в значении «жадный пожилой человек» соотносятся. В арго возможна контаминация *Аред* и *скаредный* в рамках народной этимологии.

В говорах *аред* – старый и злой ведун, колдун, знахарь; нечистый дух, черт. Предполагается трансформация *Аред* < *Иаред* < *Ирод*, который отличался долгожительством [Даль I: 21; Власова 2000: 23]. Однако в Библии упоминаются также *Ард, Ардон, Арета, Аридай, Аридава*. В говорах *скаря* «скряга»; родственно *скаред* чеш. *škareda* «чудовище», польск. *szkarada* «урод, пугало», чеш. *škaredý* и слвц. *škaredý* «гадкий, отвратительный», др.-инд. *chardayati* «выплевывает, изрыгает», ирл. *sceirdim* «выплевываю». Ср.

также *скряга* < 1) *кра, скра* «груда, камень»; 2) и.-е. *sker- «резать»; 3) *скаред* + *коряга* [Фасмер III: 635, 660]. По этимологическим данным возможна и примарная мотивированность, если учесть регулярность называния низших духов через звуковые ассоциации. Ср. в быличке «*свинья рассыпалась аредом*», т. е. кусочками, осколками. Тогда логична связь с *скра* и *коряга* < *корень, корь, кора, скорняк, короткий, корнать, черта, череп,* ***черт*** < и.-е. *skor- :*sker- «резать» [Черных I: 428; II: 384].

Ср. также этимологию *Ахоха* «одно из имен двенадцати сестер-лихорадок» < αχος «физическая боль, страдания» [Власова 2000: 25]. Возможно, от *ах+ох* «звуковое проявление боли». Ср. ЗИ-номинации лихорадки – **Трясе***я,* **Трясу***ница,* **Пух***лея,* **Ду***шлея,* **Сек***ея,* **Хрип***уша,* **Лом***я* и пр.

Исследования текстов глоссолалий приводят к выводу о том, что эти языки являют собою «деформацию» языков, которыми владеют говорящие в нормальном состоянии. О координации языкоговорения медиумических личностей и текстов их родного языка говорят все, кто затрагивал проблему глоссолалий. В. Гримм доказал, что «божественный» язык, на котором говорила одна из самых знаменитых глоссолалисток св. Хильдегарда, был смесью немецкого и латыни. Ф. Соссюр показал, что медиумический язык Элен Смит, известной психологам и лингвистам Женевы на рубеже [XIX-XX – *С. Ш.*] веков, являет собою речь, где знакомое французское слово передаётся с помощью «некоего экзотического субститута», «лишь бы это слово не было похоже на французский». Т. Флурнуа и В. Арни, исследовав «марсианский» язык мадмуазель Смит, заключили: «марсианская фонетика – всего лишь неполное воспроизведение французской», «здесь мы имеем дело с обеднённой имитацией родной системы письма», «выдуманные и лишенные смысла слова в действительности произведены от слов других языков; язык глоссолалий мотивирован» [Тодоров 1999: 333-337].

Ср. «экзотические субституты» в русской зауми: условные языки: *зехно* «окно», *кожомка* «кожа», *котосым* «который», *попетан* «капитан», *шистун* «хвастун»; воровское арго: *ате* «отец», *таскан* «стакан», *шмага* «бумага»; язык нищих: *стиблыко* «яблоко», *шепестерка* «шестерка»; пословицы:

***Какайка**-то есть, да **вототьки**-то нет;* детские языки: *кикимаки* «козинаки»; заговоры: *ласки – ласце – ласкоу* (ласка?), *недалечон* (недалеко, недалече?), *перко – вторко* (первый – второй?), *которентих* (который?); считалки: *понима, понимэ* (понимать?), *азы – двазы – тризы – четар – фаер* (аз (один) – два – три – четыре – пять).

На лексическом и квази-лексическом уровне следует отметить функционирование единиц, внешне заумных, но восходящих к одному источнику заимствований: греческий и латынь (*одиан, одионо, карта, декан, квинтер*), немецкий (*энц, цвейн, дрей, айны, цвейны*), тюркские (*шурум-бурум, бурды, башки, шоно, ёк*) и др. Ср. одинаковый счёт:

Одион	***одион***	***одионо***
другиан	***другион***	***другион***
тройчан	***тройчан***	***тройчан***
подон	***четвертак***	***четверно***
(песня ведьм)	(считалка)	(заговор).

Косвенно это подтверждается этимологиями слова *офени*, язык которых является одним из самых ярких примеров практического применения зауми (*Под чикаву декни массу фидушку* «Под голову дай мне подушку»). Ср. *офени*: 1) от г. Офен, т. к. первые торговцы были венграми; 2) < первоначально *афинеи*, т. к. первые торговцы были из г. Афины [Тиханов 1895: 14].

В условных языках русских ремесленников и торговцев типичны заимствования из «языков индоевропейской группы: греческие, цыганские, немецкие, шведские, норвежские, идиш; славянские: украинские, белорусские, польские и др.; балтийские: латышские, литовские; тюркской семьи: татарские, башкирские, чувашские, узбекские [Бондалетов 1992]. Заумные единицы в условных арго есть или остатки исчезнувших языков, в частности языка летописной мери, или своеобразные перерождения языков для тех или иных профессиональных нужд.

Как заумь в речи могут восприниматься диалектизмы. Ср. загадка: *Возьми **цупызник** да **уцупызни** его* (котел и ухват). *Цупызник* – новгор. «ведро из бересты» [Фасмер IV: 133]; пермская диалектная речь: ***Глико***

потка *на* ***лывину паздернулась*** (Смотри-ка, птица в большую лужу уселась, взгромоздилась); ***Отеч*** *– студена печь* (*отеч* – отец); *Один сын у матки – сидит у* ***латки*** (*латка* – глиняная миска); *Девка-то как* ***чувы да вычувы*** *стала* (*чувы да вычувы – городская речь*); ***Штё не штё*** *шевелится* (*штё не штё* – еле-еле).

Чаще всего в качестве зауми воспринимаются заимствования. Ср. в русской зауми: **тюркские**: черемисский язык: *шабалда* «женщина»; воровское арго: *шабалда* «бродяга, бомж», *ек* «нет»; язык нищих: *шоно* «год», *ек* «нет»; **английские**: считалка: ***Ван, ту****, фалосо, фало, много стена вышел воно*; язык нищих: *ю* «ты», *файфер* «5 рублей»; загадка: ***Мазер*** *боле,* ***фазер*** *болен,* ***Бэбик*** *всем доволен*; **немецкие**: загадка: ***Арбай***, ***арбай***, *а он торбой* (жнец); считалка: ***Эйн, цвей, дрей, Айны, цвейнцы***, *тризы*. Ср. в языке нищих *Балость* (греч.) *сумак* (цыг.) *обайровать* (тюрк.) «утром собирается в дорогу»; у суздальских коробейников *Кетрус* (греч.) *па* (фр.) *ловак* (венг.) «камень на дороге»; у киевских странников *Кетрус* (греч.) *за воротник* «камень в голову».

В современных заумных текстах заимствования легко прочитываются. Ср. в считалке: *Эна, бена, раба,* ***Квинтер, финтер****, жаба. Эна, бена, рес,* ***Квинтер, финтер****, жес!; Ден-ден-доли, Ден-ден-доли-доли, Чаща* ***беби****, Чаща* ***беби****, Чаща* ***беби пепси-кола, Джими, джими****, лувис*, ***Джими, джими****, ягус. Чаща* ***беби****, Чаща беби са, Чаща* ***беби, румба****, колбаса.* ***Акум, акум*** *с маком.*

С. Бирюков, анализируя считалку «*Эни-бени, рекс, Фандер, финдер, жекс, Эни-бени, ряба, Фандер, финдер, жаба*!», отмечает: «возможно, что здесь идет игра с искаженными немецкими словами: *fand* — претеритум от *finden* (находить), *finde* (нахожу, отыскиваю), впрочем, *Finder* (нашедший), *рекс* — возможно, искаженное *rechts* (справа)» [Бирюков 2004].

Имена собственные также могут восприниматься как заумные: «заумная характеристика: он какой-то эдакий, у него четырехугольная душа, – здесь обычное слово в заумном значении. Сюда же относятся выдуманные имена и фамилии героев, названия народов, местностей, городов и проч., например: ***Ойле Блеяна, Мамудя, Вудрас*** и ***Барыба***, ***Свидригайлов***, ***Карамазов***, ***Чичиков*** и др. (но не аллегорические, как-то: Правдин, Глупышкин, – здесь

ясна и определенна их значимость)». «Заумная речь рождает заумный праобраз (и обратно) – неопределимый точно, например: бесформенные ***бука, Горго, Мормо***; Туманная красавица ***Иллайяли***; ***Авоська*** да ***Небоська*** и т. д.» (А. Крученых. Декларация слова как такового).

Ср. в русском любовном заклинании XVIII в.: *«Пошли ко мне на помощь рабу своему часть бесов и дьяволов:* ***Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардун, Купал олака****»* (табуированные имена)*;* в считалке: *На златом крыльце сидели: Мишки* ***Гамми****, Том и* ***Джерри, Скрудж Мак-Дак*** *и три утенка, Выходи, ты будешь* ***Понка*** (имена персонажей мультфильмов); в поэзии: *Шли* ***Чоктосы*** *и* ***Команчи****, Шли* ***Шошоны*** *и* ***Омоги****, Шли* ***Гуроны*** *и* ***Мэндэны, Дэлаверы*** *и* ***могоки*** (Лонгфелло. Пер. И. Бунина). Ср. «Зверинец» В. Хлебникова:

Туда, туда,
Где ***Изанаги***
*Читала «****Моногатори****» Перуну,*
А Эрот сел на колена ***Шанг-Ти****,*
И седой хохол на лысой голове бога
Походит на ком снега, на снег;
Где Амур целует ***Маа-Эму****,*
А ***Тиен*** *беседует с* ***Индрой****;*
Где Юнона и ***Цинтекуатль***
Смотрят ***Корреджио***
И восхищены ***Мурилльо;***
Где ***Ункулункулу*** *и Тор*
Играют мирно в шахматы,
Облокотясь на руку,
И ***Хоккусаем*** *восхищена* ***Астарта –***
Туда, туда!

«Этот букет звучных имен — отнюдь не экзотика ради экзотики. Изанаги пришла (вернее — пришел) в этот пантеон из японской мифологии, Перун — из славянской, Эрот — из греческой, Шанг-Ти и Тиен — из китайской, Амур и Юнона — из латинской, Маа-Эму — из эстонской, Индра — из индийской, Цинтекуатль — из мексиканской, Ункулункулу — из зулусской, Тор — из скандинавской, Астарта — из сирийской; японской культуре принадлежат роман «Моногатари» и гравюры Хокусаи, европейской — картины Корреджио и Мурильо. Перед нами целый божественный интернационал с представительством от всех концов света: боги нарочно сведены в пары по принципу «Запад и Восток» или, точнее, «мир индоевропейский — мир экзотический» [Гаспаров 2000].

Ср. в анекдоте *Женщина подбегает к длинной очереди. – Что дают? –* ***Кристи****. – А это лучше* ***драпа****? – Не знаю, еще не пил* за счет иноязычного

слова *драп* и иноязычного имени собственного *Кристи* создается «заумный» (невозможный для понимания) текст.

Исследования поэтической зауми неоднозначно представляют ее лингвистическую природу. Так, В. Шкловский рассматривает заумь как поэтический факт и выдвигает следующий тезис: заумная звукоречь хочет быть языком [Шкловский 1990]. Доказательством тезиса служат различные близкие к зауми языковые практики (сектантские глоссолалии, детская речь и др.) и подвергаемый в зауми сомнению фактор «значимости» слова в большом ряде случаев не реализуется (в частности, в поэтической речи).

По мнению Е. Д. Поливанова, «заумь», как принцип, или как особый (самостоятельный) подвид поэтических пьес, существует и имеет все права на существование именно как наиболее чистый… вид поэзии» [Поливанов 1963: 101]. В. П. Григорьев для характеристики хлебниковской теории языка использует термин «воображаемая филология» [Григорьев 1982, 2000].

И. А. Бодуэн де Куртенэ, категорически отвергая «исходящие из человеческого рта звуковые экскреции или извержения», признается: «Есть люди, обладающие способностью произносить целые ряды «заумных слов». Я сам принадлежу к этим людям. Я могу в течение нескольких часов извергать из себя, с разнообразной интонацией, произносимые целые, производящие впечатления каких-то стихов, какого-то рассказа или какого-то изложения. Вот пример, передаваемый приблизительно с помощью русских «букв» в их отношении к русским «звукам»:

Карaменота селулабиха

Керемeнота шёвелесула

Тиутамкунита горгонелита

и т. д. и т. д., без конца» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 242]. Лингвист отмечает, что эти звукосочетания «совпадают со звуками и звукосочетаниями речи человеческой». Его заумь строится по рассмотренным выше принципам: редупликация (*Тиутамкун**ита*** **го*р*го***нел*ита***), замена звуков (***Кара****менота-****Кере****менота*), вставка звуков (*нита-н**ел**ита*) и пр.

Исследователи неоднократно отмечали стремление футуристов к «доисторическому периоду языка», их «эстетический атавизм», служащий

«напоминанием исходных начал данной словесной культуры и постоянным возвращением к ним» [Бурлюк 1920: 22].

«Новый» язык футуристы находили в уже существующем языковом узусе: возвращение в праязыку, который воплощен в фольклорных жанрах, прежде всего в заумных (В. Хлебников); словотворчество (А. Крученых); реально существующая заумь, которую должен услышать поэт (А. Туфанов).

По В. Хлебникову, в поэзии «обязателен праславянский язык как основа стихийности». Ср. *Он не спросил «Будь добр,* ***бози ми*** *И урожай густой роди» – Но уравненьям верил* ***ольми****…* (В. Хлебников. Ладомир). Древнеегипетская культура в поэме «Ка» представлена письменами, начертанными на троне, поясе и короне царицы Нефертити, которые находились в храме Солнца. Ср. *К* ***богу-могу*** *эту кулук!* ***Девы-мевы, руки-муки косы-мосы, очи-мочи****!* **ЯδχιοΩ, χαϛδιλ|** *– хвала Храму Солнца*! (В. Хлебников). В этом контексте очевидны типичные для русской зауми приемы ее построения.

Футуристы понимали заумь как «пред-язык», «до-умный» язык. Можно полагать, что заумная речь и глоссолалия, есть либо говорение на каком-либо из известных древних или современных языков (мистическое говорение), либо «новая», нарождающаяся форма речи (поэтическая и детская речь). Однако в любом случае это либо в той или иной степени «деформированный» язык, где разрушение языка затрагивает все уровни, кроме фонетического, либо «утраченные» архаичные формы. В любой зауми сохраняются следы родного языка носителя / создателя заумной речи.

Так, В. Хлебников пытался найти свой поэтический язык через множество «языков», которые в той или иной степени связаны со звукоизобразительностью. Исследователи идиостиля В. Хлебникова считают, что важно не смешивать «заумный язык» («*Бобэоби*...») со «звездным языком» («*Слово об Эль»* и «*Зангези»*), а последний не интерпретировать как «язык звезд», поскольку это собственно интерлингвистический объект – язык для обитателей звезды, называемой Земля. Существенны в хлебниковской иерархии сходства и различия между «заумью», «звукописью» («песни звукописи» в «*Зангези»*), а также «языком богов» и «птичьим языком»;

последним посвящены отдельные части «*Зангези*». «Язык птиц» – это строгая, отвечающая орнитологии 20-х гг. звукозапись «голосов птиц в природе» [Григорьев 1990]. Все языки В. Хлебникова лежат в сфере фоносемантики: «заумный» и «звездный» («священный язык язычества») языки – преимущественно звукосимволические; «язык богов» и «язык птиц» – во многом звукоподражательные.

Ср., например: заумный язык: *Бобэоби пелись губы, Вээоми пелись взоры, Пиээо пелись брови, Лиэээй пелся облик, Гзи-гзи-гзэо пелась цепь; Ша+со (гуннов и готов), вэ Аттилы, ча по, со до, но бо+зо Аэция, хо Рима, со мэ вэ+ка со, ло ша степей+ ча.*

Звездный язык: *Вэ пламени незримого – толпа. И пенья Пэ, И пенья Ро сквозь тишину, И криков* ***Пи.***

Язык богов: *Эрот: Мара-рома, биба-****буль****! Укс, кукс, эль! Велес: Брувуру* ***ру-ру-ру****! Юнона: Вичи! Вичи! И* ***би-би****! Зизазиза изазо!; Боги:* ***Гагагага гэгэгэ****! Гракахата ророго Лили эги****, ляп, ляп, бэмь.***

Птичий язык: *Пеночка****: Пить Пэт твичан! Пить Пэт твичан! Пить Пэт твичан!*** *Овсяночка*: ***Кри-ти-ти-ти-ти-и – цы-цы-цы-сссыы****. Дубровник*: ***Вьер-вьёр виру сьек-сьек-сьек! Вьер-вьёр виру сьек-сьек-сьек***! Ср. также птичий язык А. Туфанова: «***Чвирк, чвирк*** *воробью до пения.* ***Тири-рик*** *нет лесного тления*» и А. Крученых «***Па-па-па циц пи-пи-пи*** *птиц* ***ти-ти-ти сиц*** *мо-чо-ро*» (Песни финляндских озер. Утки).

В. Хлебников считал, что птицы ближе к богам, чем люди, а потому можно считать, что «птичий язык» ближе к божественному языку поэзии. Так, «Прощальная ода» И. Бродского заканчивается хором «птичьих голосов»: ***Карр! чивичи-ли-карр! Карр, чивичи-ли ...*** *струи. Снега ли* ***... карр, чиви... Карр, чивичи-ли ...****ветер****...***

«Заумь» в понимании А. Крученых близка к экстатической речи, о чем свидетельствуют не только виды актуализируемых поэтом сдвигов, но и интенции художника: «К заумному слову прибегают: 1) когда художник дает образы еще не вполне определившиеся; 2) когда не хотят назвать предмет, а только намекнуть; 3) когда теряют рассудок (ненависть, ревность, буйство); 4) когда не нуждаются в нем (религиозный экстаз, любовь)» [Крученых

1999]. Ср. жанр «падучая» в «Зангези» В. Хлебникова: *Стой, гад. Ать!* ***Хырр…хырр… Урр… Урр****… Не уйдешь…. Врешь…*

Маргинальные процессы нередко стремятся к репрезентации и стабильной фиксации собственными средствами, часто подменяя конструктивный акт системообразования лишь изменением языковой формы (например, тайные профессиональные и детские языки). Ср. жгонское арго: из тысячи зафиксированных слов жгонского языка треть является заимствованиями, но большую часть словаря составляют диалектные слова. В этом языке большое количество словообразовательных вариантов одного и того же слова, здесь сплошь и рядом представлены явления народной этимологии [Громов 2000: 14]. *Масик упаки седыя изохляет в нестерле, У ево грации большия и по голям и везде* (Мужичок валенки серые износит в праздник, на них клочки шерсти на голенищах и везде). Ср. также детские языки: обычно тайный язык детей являет собою разбивку слов на слоги, между которыми вставляется тот или иной «уток» (*са, ща, фига, тора* и пр.): *ПОЙ**тора**ДЕМ**тора** ГУ**тора**ЛЯТЬ**тора;*** вариант – сингармонизм «утка»: *ПОЙ**со**ДЕМ**сё** ГУ**су**ЛЯТЬ**ся***.

Формирование маргинального пространства часто являет собою в том или ином виде «переливание» устойчивых доминантных механизмов языка в бесконтрольную (в том числе с позиций нормы) сферу языковой реальности.

На морфологическом уровне можно отметить общие «аффиксы» для заумных единиц, функционирующих в разных типах речи. Ср. общие «аффиксы»: глоссолалии: *насонт**ас**, госонт**ас**; пал**яга**, волендр**яга;** ган***дря;*** загадки: *вынд**ас**, конд**ас**; вихул**яга**;* *ден***дра,** *пен***дра,** *кон***дра,** *мян***дра;** заговоры: *муч**ас**, лампа**с**; зодол**яга;*** песни ведьм: *тынд**ас**, рынд**ас**; дыр**ага**, вызол**яга**; выгон***дря;*** считалки: *ранд**ас**, двандас; мат**ага**, тунд**ага***.

В языке существительные, мотивированные глаголами (*бродяга, работяга, деляга, трудяга*) и прилагательными (*бедняга, добряга, миляга, скромняга, симпатяга*), образуются при помощи суффикса ***–яг(а)-***. Существительные, мотивированные существительными, при помощи суффиксов ***–яг(а)-, -аг(а)-*** переводят слово в сферу сниженной (разговорной, просторечной, фамильярной или шутливой) лексики: *плутяга, штормяга,*

коняга, молодчага. Малопродуктивным является в русском языке суффик **–*ас*-**: *мордасы, дубасить, выкрутасы*. Ср. также слова на **–*ас***: *дубас, прибамбас, Карабас.*

«Другая» речь являет собою форму речи, переходную между лингвистическим и алингвистическим, человеческим и нечеловеческим в коммуникации, обнаруживая свой маргинальный характер. Ср. из заметок В. Хлебникова о себе: *Пусть на могильной плите прочтут: он боролся с видом и сорвал с себя его тягу. Он не видел различия между человеческим видом и животными видами…. Он был настолько ребенок, что полагал, что после пяти стоит шесть, а после шести – семь*.

3.5. Бессмысленное / осмысленное

Церковные источники отрицают бессмыслицу языка, которым владели избранные. Дар говорения на разных языках был даром, данным Богом для конкретной цели: научить не знавших Христа вере в Него. Святые апостолы, говоря на других языках, не выкрикивали нечленораздельных звуков, как одержимые, а говорили на языках, понятных людям [Георгий 2002].

Профессор литургики М. Скабалланович выдвинул следующую теорию: глоссолалия была «стихийной попыткой создания вселенского богослужебного языка. Это мета-язык первохристианства, который превосходил языки отдельных народов и, возможно, был синтетическим языком, а не только свидетельством экстатического возбуждения и молитвенным даром» («Толковый Типикон», т. I, Киев, 1910, стр. 36-39) [цит. по: Алымов 2004].

Следы этого метаязыка остались в современной литургической жизни. Таковы, например, возгласы: *Премудрость!,* указывающий на особенную важность момента; *Мараната!* – (сир. *Мар* – Господь + *ана* – наш + *та* — приди); *Аминь* – (евр. *Да будет)* и в особенности *Аллилуйя* – (евр. *хвалите Бога)*, которое, согласно Апокалипсису, по окончании земной истории, станет небесной песнью вечности (Откр. 19) [Алымов 2004].

«Кроме *аминь*, это единственное еврейское выражение, которого не дерзнула коснуться рука переводчика, оставив его в тех звуках, в которых оно вдохновлено Богом. От него веет духом глоссолалической

таинственности, вызывающей применение его, например, в таинстве Крещения...» («Толковый Типикон», т. 3, с. 24) [цит. по: Алымов 2004].

Церковь не раз пыталась вернуться к всеобщему богослужебному языку, что нашло выражение в латинизации западного богослужения и в нашем церковно-славянском, который никогда не был разговорным, но являлся «священной» формой языка. Сторонники перевода богослужения на современный русский язык не учитывают этой сакральной функции языка (в том смысле, в котором мы говорим, например, о языке иконы) [Алымов 2004].

Подобную точку зрения высказывают и поэты, часто настаивая на футуристической и универсальной природе заумного языка. Так, основной принцип поэтики обэриутов – абсурд, алогизм, который восходит к неконвенциональности, в том числе и знаковой. «Непонятность» является безусловным признаком текстов обэриутов, однако обэриуты считают, что «нужно быть побольше любопытным и не полениться рассмотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глотают, не жуя, и о которой тотчас забывают» [цит. по: Герасимова 1990]. «ОБЭРИУты создавали «видимость бессмыслицы», потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве ОБЭРИУтов нет. «Если мы заводим разговоры, то вы дураки должны их понимать» [Жаккар 1995: 1021].

Отказываясь от понимания бессмыслицы, «чинари» все же пытаются определить ее: Л. Липавский вводит понятие иероглиф; Я. Друскин определяет ее как «абсолютную реальность», как «Логос, ставший плотью», причем Логос как «смысл» и «слово» одновременно [Липавский 1993; Друскин 1989].

Иероглиф – «некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит мне больше того, что им непосредственно выражается. Иероглиф двузначен, он имеет собственное и несобственное значение. Собственное значение иероглифа – его определение как материального явления – физического, биологического, психофизиологического. Его несобственное значение не

может быть определено точно и однозначно, его можно определить метафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместимых понятий, то есть антиномией, противоречием, бессмыслицей» [Друскин 1989: 109]. Иероглиф *листопад* в понимании Л.Липавского: его *собственное* значение биологическое; *несобственное* – ощущения, чувства, мысли, вызываемые в нас, когда мы его наблюдаем: жизнь, смена человеческих поколений, исторические периоды.

Н. Заболоцкий понимает бессмыслицу А. Введенского через метафору: «Но старая метафора легко стерлась – и акмеистическая, и футуристическая. Обновление метафоры могло идти лишь за счет расширения ассоциативного круга – эту-то работу Вы и проделываете, поэт, с той только разницей, что Вы материализуете свою метафору, т. е. из категории средства Вы ее переводите в некоторую самоценную категорию» [Заболоцкий 1993: 26].

По экспериментальным данным М. В. Панова, заумные стихи «могут рассматриваться как проявление стабильных, многим носителям русского языка свойственных фонетических восприятий»; для участников проведённого им эксперимента «эмоциональное и предметное содержание [заумных] стихов было в большинстве случаев ясным» [Панов 1966: 162].

Насколько работа «заумников» проходила с этой стороны сознательно, видно из тех примеров, где поэты нарочито строили формы в плане определенного, точно заданного языка.

Ср. у А. Крученых: «немецкая» заумь: ***Дер*** *гибен гогай клопс шмак Айс, вайс июс, капердуфен – Бите...*; «татарская» заумь: ***Хыр-быр-ру-та Ху-та***, *ЫчажутЖачыгун Халбир хараха... Ба-чы-ба Р-ска;* «кавказская» заумь: *Муэх Хици Мух Ул Лам* ***Ма*** *Укэ;*

у В. Гнедова «украинская» заумь и «Барбадосско-русский словарь» В. Казакова:

Гриба будик цири чипіг	*каккомэй*	*антидот*
Здвіна на ***хам*** *дяки,*	*хатыннах*	*голубой*
Коли за гичь будин цікавче	*буркандья*	*сифилис*
Тарас Шевченко будяче скавче –	*сусуман*	*келейно*
Гуля ласкав стогма регота цвірка	*ат-урях*	*фихтеанство*
Свитина ззіла сонкэ.	*альпатваам*	*тризненный*
Байдры шлига шкапік рука	*омчуг*	*хороводиться*

На дьготі сила хмара
А з зірок поів опару (В. Гнедов).

хивкандья
валёмык у
чигичинах
480
13

Суворов
напроч
подтемянный
13
485 (В. Казаков).

Ср. также: О. Розанова «Испания»

*Вульгарк **ах** бульваров*
Варвары гусары
Вулье ара бит
***А** рабы **бар** арапы*
Тарк губят тара
Алжир сугубят.
Ан и енно
Гиенно
Гитана.
***Жиг** и гит тела*
Визжит тарантелла
Вира жирн рантье
Антиквар
Штара
Квартомас
Фантом.
Гелька негра метресса
Гримасы
Гремит
Гимн
Смерти

Е. Гуро «Финляндия»

Это-ли? Нет-ли?
Хвои шуят, — шуят
Анна-Мария, Лиза, — нет?
Это-ли? — Озеро-ли?
Лулла, лолла, лалла-лу,
*Лиза, **лолла, лулла-ли.***
Хвои шуят, шуят,
ти-и-и, ти-и-у-у.
Лес-ли, — озеро-ли?
Это-ли?
***Эх**, Анна, Мария, Лиза,*
Хей-тара!
Тере-дере-дере... Ху!
Холе-кулэ-нэээ.
Озеро-ли? — Лес-ли
Тио-и
ви-и...у.

К. Чуковский, достаточно иронично относившийся к опытам заумников, сам создает «иллюзию грузино-армянского или арабского говора»:

Хан хан да даш
***Шу шур** и дес*
Виларь ягда
Суксан кардекш
***Мак** са **Мак** са*
Яким ден зар

*Вакс **бар** дан як*
Заза
*Сю **сеч** базд и*
*Гар ё зда **бе***
Мен хатт зайде
*Вин да **чок ме.***

В рассмотренных выше текстах полужирным курсивом выделены реально функционирующие русские ФМ, которые гармоничны для «языков» различных языковых семей (универсальное и идиоэтническое одновременно).

Ср. также сознательное моделирование зауми в В. Хлебникова: *Вэ со человеческого рода бэ го языков , пэ умов вэ со ша языков, бо мо слов Ио кА разума ча звуков по со до Лу земли мо со языков вэ земли.* Перевод с заумного языка: *Думая о соединении человеческого рода, но столкнувшись с горами языков, бурный огонь наших умов, вращаясь около соединенного заумного языка, достигая распыления слов на единицы мысли в оболочке звуков, бурно и вместе идет к признанию на всей земле единого заумного языка*.

Для заумных единиц, как и для языковых ФМ, характерна широкозначность, диффузность, «всеозначаемость». Посредством одной заумной единицы (в ее фонетических вариантах) возможно обозначение любой (какой?) сущности: известной, например, в загадках и «неизвестной» (для кого?) в других формах зауми. В поэзии к заумному языку прибегают, когда «мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного», когда «художник дает образы еще не вполне определившиеся (в нем или вовне)» [Крученых 1999].

Ср. загадки: *Как бы не* ***шунтик-пантик****, заросла бы* ***шунтя-пантя*** (веник, пол подметают); *Кабы у дедушки не* ***шинтик-пынтик****, у баушки заросла бы* ***шантя-пантя*** (пешня и прорубь); ***Футка****, да* ***фатка****,* ***футунди****,* ***футундак****, да* ***футеницы*** (шубка да шапка, зипун, кушак да рукавицы); *Сначала* ***фига****, потом* ***нифига****, потом* ***плюх****!* ***Фигочки, фигочки****, потом опять* ***нифига*** (утка с утятами); ***Татар, татар*** *по горам,* ***Таратуха*** *по низам,* ***Татар*** *крикнет,* ***Таратуха*** *мигнет* (гром и молния).

Песни ведьм: ***Копоцо, копоцам, копоцама****! Ябудала, викгаза,* ***копоцама****!;* ***Зоокатама, зоосцома****, никам, никам, шолда!*

«Заумная» поэзия: *Из* ***чурыни*** *взор* ***чарыни****. Есть* ***чуравель****, есть чаравель.* ***Чарари: Чурари! Чурель! Чарель! Чареса*** *и* ***чуреса****. И* ***чурайся*** *и* ***чаруйся;*** *Я* ***любочь*** *женьчюжностей смеха, Я* ***любочь*** *леунностей греха. Смехи, грехи – все мое.* ***Любы*** *верхи,* ***любы*** *дно; Иди,* ***могатырь****! Шагай,* ***могатырь****!* ***можарь, можарь****!* ***Могун****, я* ***могею****!* ***Моглец****, я* ***могу****!* ***могей****, я* ***могею****!* ***Могатство могачей*** (В. Хлебников); ***Голодня... Голодняк... Глод... Глудух... Голодийца... – Глыд*** *– рык Мыр сдых...* (А. Крученых**); *Снаасноо снууснее снии Сноуисон снууснее снууз*** *Сосны цепенеют и синицы Ночью*

как монахи без весен ***Снууз сниппет сноумаяв соуль Соосомбар саайт*** *интайм спринт* (А. Туфанов).

По наблюдениям М. Л. Гаспарова, звукосочетание «***гро ро-ро***» из реплики Цинтекуатля (в пьесе В. Хлебникова «Боги» – *С. Ш.*) восходит, возможно, к неологизму Крученых «***хо-бо-ро***» – поэт повторяет его неоднократно в различных вариациях в гектографированных сборниках («Туншап», «Фо-лы-фа»), сборнике «Учитесь худоги» («***боро / чоро***» и «***хо ео ро / го чо ро / ча га ра / со бо ро***»), а также в декларации «Слово как таковое» и видит в нем аналог «и мрачности, и нулю, и новому искусству» [Гаспаров 2000].

Илья Зданевич писал: «В зауми каждое слово обладает множеством более или менее явных смыслов разного порядка и уровня, конкретных и абстрактных, частных и общих. Читатель зауми открывает двери и окна в самого себя и даёт выход хранящимся в его памяти образам в соответствии со своей способностью вызывать эти образы» [цит. по: Markov 1968: 303].

Почти невозможно отказать в наличии смысла заумной (лепетной) детской речи, которую мать понимает без всякого труда, другое дело, что эти смыслы она «считывает» интуитивно, на биологическом уровне.

Интересно, что перинатальные комплексы характерны для поэзии. В общем смысле можно сказать, что стихотворный ритм «напоминает» поэтическому субъекту о плавном покачивании плода в утробе [Топоров 1995]. Ср. детская речь в поэзии В. Хлебникова: *Судну* ***ва-ва****, море* ***бяка****, Море сделало* ***бо-бо*** (Море). Ср. отзывы В. Ходасевича о цветаевском сборнике «Волшебный фонарь»: *«Но есть что-то неприятно-слащавое в ее описаниях детского мира, в ее умилении перед всем, что попадается под руку. От этого книга ее – точно детская комната: вся загромождена игрушками, вырезанными картинками, тетрадями. Кажется, будто люди в ее стихах делятся на «бяк» и «паинек», на «казаков» и «разбойников»* [Ходасевич 1991: 486]. Ср. моделирование семейного и «детского» общения в ранних сборниках и в очерке «Мой Пушкин». Ср. также признание М. Цветаевой «*Я говорю, как маленькие дети*» (Плащ) и «детскую»

аргументацию: «*Мне тебя уже не надо – Оттого что – Оттого что – Мне тебя уже не надо*».

Вероятно, нельзя категорически отрицать наличие глубинных смыслов, сокрытых в камланиях и артикулировании одержимых, поэтов, детей и сумасшедших. Другое дело, что особые формы коммуникации, которые обслуживает «другая» речь, не позволяют для каждого обнаруживать коды, свойственный данным коммуникативным системам.

Известное «*дыр, бул, щыл, убещур, скум, вы, со, бу, р, л, эз*» А. Крученых «переводилось» на обычный язык неоднократно. З. Н. Гиппиус полагала, что «дыр бул щыл» — «это то, что случилось с Россией». И. Терентьев (соратник и друг Крученых) в 1924 году писал: «Дыр бул щыл» — загадка, задача, непонятная 10 лет тому назад, а теперь уже не трудно — именно по звуку — догадаться, что это есть *дыра в будущее*». Дж. Янечек считал, что это «глубоко организованная вещь <…> Вряд ли какое-нибудь традиционное стихотворение любого классика построено лучше» [цит. по: Бирюков 2004]. П. Флоренский замечал: «Мне лично это «дыр бул щыл» нравится: что-то лесное, коричневое, корявое, всклокоченное, выскочило и скрипучим голосом «р л эз» выводит, как немазанная дверь. Что-то вроде фигур Коненкова. Но скажите вы: «А мне не нравится»,— и я отказываюсь от защиты. По-моему, это подлинное. Вы говорите «Выходка»,— и я опять молчу, вынужден молчать» [Флоренский 1990: 183-184].

Литературоведы продолжают находить смыслы в заумной поэзии, часто ориентируясь на приемы поэтической этимологии. Ср.: интерпретацию хлебниковского

Из чурыни взор чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари: Чурари!
Чурель! Чарель!
Чареса и чуреса.
И чурайся и чаруйся.

«В русском языке эквивалентом термину талисман, помимо ладанки, является слово «зачур». Зачурать – значит оградить восклицаньем, словом (В.И.Даль). Таким образом, зачур, талисман – слово-ограда, слово-вещь,

вступающее в материальный мир не как слово, а как равноправный, то есть материальный же, элемент. Зачуры не что иное как язык заговоров, нашептов, то есть существенная разновидность волшебно-заумного языка. Составить полный список черт, роднящих эту разновидность фольклора с хлебниковским языком – дело будущих исследований. Хлебников не употребляет термин «зачуры» в своей теории, хотя интересуется двойственностью корней русского языка -чур- и -чар- и вводит их в свое творчество, давая целую поэтическую «диалектику» талисмана и властной предметности» [Аверьянов].

Часто интерпретация заумных единиц происходит по принципу «деформированное или иностранное» слово. Ср.: А. Е. Парнис указал нам, что в «мезерезе», по-видимому, присутствует также звуковая и смысловая ассоциация с латинским словом «мизерере» и что слово «зоргам» в первой реплике Венеры совпадает с именем Зоргам ос-Салтане, персидского хана, у детей которого Хлебников был учителем незадолго до «Богов». Такое привлечение иноязычного материала, конечно, еще более расширяет возможности ассоциативной семантизации. Он же указал на две любопытные цитаты «зауми в зауми»: «Чукурики чок!» (реплика Эрота) перекликается с названием картины В. Бурлюка «Чукурюк», а в «Мэнчь! Манчь! Миу!» (реплика Венеры) содержатся предсмертные слова Эхнатэна из «Ка» «Манчь! Манчь!», по собственному признанию Хлебникова (в «Своясях»), когда-то очень значимые для него. Точно так же «озири» (в коллективной реплике «Низаризи озири!») может перекликаться не только с именем Озириса, но и с «О, озари!» из программного хлебниковского «Кузнечика». Ср. также название пьесы С. Юшкевича «Miserere» (1909) [Гаспаров 2000].

Можно говорить о том, что исследуемые формы речи лежат на границе осмысленного и бессмысленного, понимаемого и решительно невозможного для понимания, обнаруживая маргинальный характер этих структур как переходных. Очевидно, что если в «другой» речи и обнаруживаются следы обычного языка, то это языковая периферия.

4. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Исследование показывает, что ФМ-система существует как нелинейная самоструктурирующаяся среда:

1) нелинейность динамических процессов предполагает верификацию эволюционных перспектив системы, что обусловливается ее неравновесностью, которая приводит систему к возможности формирования веера альтернативных путей ее развития. Можно предполагать, что ФМ-система является одним из векторов развития человеческих коммуникативных систем, закрепляясь в альтернативной, но неактуальной форме существования звуковой речи («другой»). В современной синхронии ФМ-система существует во множестве вариантов (от обычного языка до зауми и автономной детской речи). Эволюционные перспективы системы закрепляются в ее альтернативных формах – доминантной и рецессивной («другая» речь) форме языка;

2) неравновесная система не может быть определена как структура, поскольку децентрируется и теряет определенность гештальтной организации, но рассматривается в качестве диссипативной структуры как принципиально нефинальной версии структурирования неравновесной среды. В постмодернизме – это «структурация», под которой понимается нон-финальность организации системы, ее открытость радикальным трансформациям. ФМ-система в своих коммуникативных вариантах также может рассматриваться как нон-финальная в своей организации, поскольку пребывает в постоянном движении и преобразовании семантической и структурной сущности. В исторической динамике языка происходят радикальные трансформации коммуникативных систем, где ФМ часто являются структурирующим элементом. В современной синхронии – бесконечное порождение новых структур заумных систем, детской речи, глоссолалий и пр.;

3) случайность есть конструктивный фактор развития системы, объективирующий эволюционные возможности, открывающиеся в точке верификации ее динамики. Однако случайность не отрицает возможности детерминизма, обусловливающего эту случайность. ФМ-система в своих

самых хаотических (случайных) проявлениях (заумь, автономная детская речь) оказывается детерминирована многими факторами, в том числе и языковыми. Все версии ФМ-системы изоморфны друг другу, хотя случайность как фактор создания самоструктурирующейся среды – обретение системой того или иного свойства – позволяют «другой» речи постоянно моделировать новый хаос (бред, глоссолалии, заумь и пр.);

4) теория нелинейных динамик носит принципиально вероятностный характер, т. е. процессуальность самоорганизации неравновесной системы реализуется (в пределах определенного семантического поля возможного) посредством последовательной смены форм организации системы. ФМ-система, являясь подсистемой ЗИС-языка, так же, как и последняя, имеет *стохастический* характер [Воронин 1982].

Одним из подходов к описанию ФМ-системы являются теории самоорганизующихся систем, где важнейшее понятие – «хаос». Хаос ФМ-системы понимается как плюральная и подвижная семиотическая, семантическая, коммуникативная среда, открытая для бесконечного числа вариантов изменений системы. ФМ-система имеет альтернативный характер по отношению к языку, однако ФМ-система не подчиняется и не поглощается им.

В ФМ-системе оказывается возможным проявление взаимоисключающих типов поведения системы: детерминированность (предсказуемое, упорядоченное) и хаос (непредсказуемое, случайное, стохастическое).

Хаос ФМ-системы как отклонение от исходной траектории движения системы обусловлен постепенной *утратой примарной мотивированности* создаваемой единицы, что приводит к вееру путей развития системы – доминантная форма языка и ФМ-система в ее наиболее радикальных проявлениях (заумь). Основными характеристиками ФМ-хаоса являются:

1) ФМ-система может пониматься как неравновесный и относительно неустойчивый «хаос» нижележащего уровня бытия языка;

2) процессы, происходящие в ФМ-системе, являются необратимыми во времени (утрата примарной мотивированности в современной синхронии),

непредсказуемыми и, тем более, неретросказуемы на неограниченно большие промежутки времени;

3) ФМ-система выступает не только как структурно дифференцированный организм, как стабильная система, но и как моделирующая хаос целостность, как «постоянно созидающая себя среда», оформляя те или иные варианты в соответствии с ритмами внешних импульсов;

4) ФМ-система имеет альтернативный характер по отношению к доминанте языка, однако эта система не является случайными отклонением от магистрального течения, не подчиняется ему и не поглощается им.

Хаос в детерминированных, динамических системах возникает при выполнении двух условий. Первое из них – экспоненциальная неустойчивость движения (эволюции) системы, когда малое отклонение от исходной траектории экспоненциально растет со временем. Другими словами, две траектории, выходящие из двух близко расположенных в начальный момент точек, с течением времени экспоненциально разбегаются, становясь все более непохожими друг на друга [*Chirikov* 1994].

Как отклонение от исходной траектории в развитии ФМ-системы можно рассматривать постепенную утрату принципа создания языковой единицы – примарную мотивированность. Как две траектории, выходящие из одной точки, можно рассматривать доминантную форму языка и ФМ-систему в ее наиболее радикальных проявлениях (заумь). Постепенная денатурализация языкового знака как малое отклонение от исходной траектории (натуральная стадия существования языка) приводит к появлению системы, утверждающей произвольность и условность языкового знака (конвенциональная стадия существования языка). Одновременно с этим по другой траектории развивается ФМ-система, которая репрезентируется в зоне «другой» речи.

Второе условие хаоса состоит в том, что множество состояний системы должно быть сосредоточено в ограниченной области, поэтому траектория ее движения не должна выходить за границы этой области и обязана иметь квазиосцилляторный характер [*Chirikov* 1994]. Ограниченной областью ФМ-

системы является маргинальное (пограничное) пространство, за границей которого ФМ-система растворяется в других семиотических системах. Динамика ФМ внешне неотличима от хаотического состояния. Это нерегулярное движение ФМ, порожденное нелинейными системами, для которых «динамические законы однозначно определяют эволюцию во времени состояния системы при известной предыстории» [Шустер 1988: 240]. Каждый следующий шаг эволюции, каждое следующее состояние системы такого рода однозначно детерминируются предыдущим состоянием и соответствующим законом динамики.

Сочетание этих двух условий порождает апериодическую сложную траекторию, неотличимую по своим статистическим характеристикам от реализации случайного шумоподобного процесса. Точки такой траектории, перемешиваясь, плотно заполняют некоторую область в фазовом пространстве. Выявлено, что подобным поведением могут обладать только нелинейные системы [*Chirikov* 1994].

Как хаос ФМ-системы может рассматриваться и «другая» речь. «Порядок из хаоса» «другой» речи обусловлен фактором самоструктурирования нелинейной среды данной системы. «Другая» речь – одна из траекторий развития ФМ-системы – существует параллельно с тем вариантом системы, который трансформировался в доминантный коммуникативный код. Об общей исходной точке в развитии этих вариантов говорят их общие свойства, однако различия не позволят сводить их к одному варианту.

ФМ-система в составе «другой» речи *имеет свойства доминантной формы языка* – является естественным человеческим языком, обнаруживает свойства реально существующей относительно стабильной знаковой системы. С другой стороны, *дифференциальными свойствами «другой» речи* является то, что звуковая (акустическая) материя не ограничена возможностями речевого аппарата: звуковые проявления «другой» речи гораздо шире инвентаря фонем. Невозможно пока говорить и о семиотическом установлении соответствия между универсумом значений и универсумом звучаний. «Другая» речь понимается как особый вид

коммуникации, связанный с особыми коммуникативными функциями и коммуникативным пространством.

Отличительной чертой «другой» речи является его константная составляющая – *заумь, которая является его доминантой*. Все существующие виды и формы заумной речи включают общие компоненты, в том числе и ФМ. Независимо от природы и генезиса заумной речи, эти составляющие изоморфны друг другу. Свойства «другой» речи характеризуются маргинальностью, поскольку сочетают в себе *норму и отклонение от нормы; контролируемое и неконтролируемое; универсальное и идиоэтническое; лингвистическое и алингвистическое (человеческое и нечеловеческое); бессмысленное и осмысленное* одновременно.

Глава IV. ХАРАКТЕР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФМ В РУССКОЙ РЕЧИ

Исчезновение ФМ в современной синхронии не сможет «обрушить» систему естественного языка, если понимать эту систему в частном (локальном) значении. Однако обобщающее (глобальное) понимание языковой системы как закономерно организованной совокупности локальных систем (подсистем), определение сущностных, онтологических свойств языка возможно только при условии учета ассиметричных оппозиций (аналогия / аномалия, центр / периферия, доминантность / рецессивность), где система ФМ являет собою второй член оппозиции.

По отношению к «классической» языковой синхронии и диахронии ФМ являются маргинальным слоем, поскольку в синхронном срезе наиболее очевидно сохраняют архаические черты, не только не исчезая при этом, но и каждый раз «возрождаясь» при попытке моделирования «новых» языков (фольклор, детская и поэтическая речь, глоссолалии). Однако активное функционирование в рамках новой среды не может нивелировать их сущностные черты и адаптировать к современному синхронному пространству: их сущность и функционирование в современной синхронии во многом остаются теми же, что и в генезисе и в диахронии.

1. ВИДЫ ИЗМЕНЕНИЙ ФМ-СИСТЕМЫ

1.1. Условия организации и самоорганизации ФМ-системы. Изменения ФМ-системы связаны с различными видами колебаний, толчков, которые испытывает система. В концепции самоорганизации уже определены виды различных флуктуаций: вынужденные колебания и автоколебания характерны для открытых систем, а свободные – для закрытых, стремящихся к равновесию [Концепции самоорганизации .. 1994: 44 – 46; Климонтович 1986: 99]. Поскольку ФМ-система имеет маргинальный характер, то для нее даже в современной синхронии свойственны все виды флуктуаций.

К ***свободным*** относят колебательные движения, постепенно затухающие в реальной системе (как затухают колебания свободно подвешенного маятника), достигающей, таким образом, состояния равновесия. В ФМ-системе к свободным колебаниям можно отнести процессы, обусловленные *законом примарной мотивированности языкового знака*, которые в современной синхронии не исчезают, но не являются определяющим для развития системы языка. В соответствии с *ФС-законом стадиальности* развитие языка связано с тремя основными этапами: первая стадия – натуральная (в генезисе); вторая стадия – квазинатуральная и натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия – конвенционально-натуральная (в современной синхронии). Свободные колебания ФМ-системы очевидны также в процессах, обусловленных *законом относительной денатурализации языкового знака*, где в процессе языковой эволюции слово утрачивает примарную мотивированность и перестает восприниматься как звукоизобразительное.

Вынужденные флуктуации возникают при воздействии на систему внешней силы, в результате чего система раньше или позже будет флуктуировать с частотой и амплитудой, навязываемыми внешним влиянием. Внешними флуктуациями по отношению к ФМ-системе являются, с одной стороны, изменения фоносферы, с другой – синтагматика и парадигматика языка. Вынужденные флуктуации в ФМ-системе связаны с изменением фоносферы, которая в динамике накапливает количество звучаний, что приводит к изменению ФМ-систем (увеличение компонентов ФМ-системы,

усложнение ее структуры). Также под воздействием вынужденных флуктуаций отдельные ФМ приобретают свойства общесистемных языковых единиц (категория рода и числа у подзывных слов, возможность субстантивации ФМ). Это обусловлено необходимостью функционирования ФМ в языковой системе.

Автоколебания – это незатухающие, самоподдерживающиеся колебания, происходящие в диссипативных (макроскопических открытых, далеких от равновесия) [Волькенштейн 1986: 162] системах, т.е. системах, определяющихся параметрами, свойствами и природой самой системы. Как автоколебания ФМ-системы можно рассматривать процессы, обусловленные такими ФС-законами и принципами, как *принципы непроизвольности языкового знака, детерминизма* (звуковой облик слова обусловлен значением этого слова), *отражения* (соответствие между структурой элементов знака и денотата), *законы соответствия знака с обозначаемым объектом, множественности номинации, звукоизобразительной инерции* (ЗИ-функция фонемы сохраняется в диахронии дольше, чем фонетическое качество фонемы).

Различные виды флуктуаций приводят к различным вариантам изменения и развития ФМ-системы: 1) реализация новых целей (например, в поэтической речи); 2) адаптация к окружающей среде (например, в детской речи); 3) усложнение системы (например, на уровне семиотической эволюции знака – от звукоподражательности к звукосимволизму); 4) эволюция (постепенное качественное изменение) и, одновременно, революция, катастрофа, скачок, фазовый переход (быстрое качественное изменение) в фило- и онтогенезе.

Развитие ФМ-системы связано с коммуникативными условиями и средой, которые обусловливают характер движения системы. Возможность функционирования системы ФМ в любом коммуникативном контексте и семиотической среде еще раз указывает на универсальность семиотических звуковых механизмов как в состоянии относительной устойчивости (равновесия) системы, так и в состоянии ее неустойчивости в статике и в динамике.

ФМ-система отвечает требованиям самоорганизующихся систем, поскольку является открытой системой, характеризующейся состоянием неравновесия. С другой стороны, ФМ-системы могут пониматься как закрытые равновесные системы. Движение и развитие равновесных и неравновесных, закрытых и открытых систем подчинено разным закономерностям.

Закрытость / открытость ФМ-системы. На определенных этапах существования ФМ-система может обладать всеми признаками *закрытой равновесной системы*. Под равновесием понимается состояние закрытой системы, при котором ее макроскопические параметры остаются неизменными [Садовский 1974: 166], т. е. сохраняется установившаяся структура, функционирование, параметры ее входов и выходов. ФМ-система может рассматриваться как закрытая равновесная система, поскольку параметры ее входов (звучания фоносферы) и выходов (ФМ), установившаяся структура (в лингвофоносфере) и специфика функционирования (маргинальное языковое пространство) остаются неизменными определенное время.

Длительное время в состоянии равновесия могут находиться лишь закрытые системы [Пригожин, Стенгерс 1986: 23, 24; Волькенштейн 1986: 46], не имеющие связей с внешней средой, тогда как для открытых систем равновесие может быть только мигом в процессе непрерывных изменений. Равновесные системы не способны к развитию и самоорганизации, поскольку подавляют отклонения от своего стационарного состояния, тогда как развитие и самоорганизация предполагают качественное его изменение.

Как закрытые равновесные системы понимаются поэтические идиолектные ФМ-системы, где не происходит качественных изменений. В современной синхронии ФМ-система также понимается как закрытая, поскольку влияние среды (фоносферы и языка) на определенном этапе существования системы никак не проявляются. В этом состоянии ФМ-система изменяется лишь количественно, т. к. производство ФМ в устной речи происходит постоянно.

В закрытых системах постепенно возрастает энтропия (хаос, беспорядок), что вызывается диссипацией энергии и может быть объяснено логически: поскольку в закрытых системах упорядоченность не увеличивается, то, не получая негэнтропийных воздействий из среды, они постепенно наращивают энтропию [Костюк 1993: 9]. Остановить наращивание энтропии может налаживание каналов взаимодействия с внешней средой. Абсолютно закрытых (как и абсолютно открытых) систем не существует. В не полностью закрытых системах сдерживание энтропии достигается внешними упорядочивающими воздействиями со стороны среды [Ерохина 1998].

Среда снимает наращивание энтропии (хаоса) в ФМ-системах. Так, вновь образующиеся заумные системы (поэтическая, детская заумь) детерминированы внутренней средой ФМ-системы – языком. Ср. заумные системы получают регулярную интерпретацию в контексте означаемого и означающего, религиозно-магическая заумь «вписывается» в язык и рассматривается как его «деформация». С другой стороны, внешняя среда ФМ-системы (фоносфера) также снижает наращивание хаоса, поскольку все ФМ-системы детерминированы фоносемантическими законами.

Таким образом, ФМ-система в целом и в отдельных ее проявлениях (в «другой» речи) может рассматриваться как относительно закрытая система.

Одновременно с этим в другом пространстве и времени ФМ-система обладает признаками *открытой неравновесной системы.* Неравновесность, цикличность является всеобщей формой организации материи, возникающей под влиянием внешней среды [Переходы… 1994: 8]. Неравновесность – это состояние открытой системы, при котором происходит изменение ее макроскопических параметров, т. е. состава, структуры и поведения.

ФМ-системы организуются под влиянием среды (языка и фоносферы). ФМ-система испытывает влияние доминантного языкового кода: ФМ преобразуются в обычные лексемы; отдельные ФМ морфологизируются и существуют в рамках ФМ-системы (например, категория числа у подзывных слов).

С другой стороны, влияние фоносферы предопределяет состав и структуру ФМ-системы: появление новых звучаний фоносферы приводит к изменению ФМ-системы (например, организация в рамках фоносферы музыко-, сигнало-, технофоносфер). Изменение психического бытия (состояния измененного сознания) также влекут за собою изменение ФМ-системы, вплоть до ее преобразования в закрытую систему.

Устойчивость / неустойчивость ФМ-системы. В процессе развития, состоящего из циклически повторяющихся стадий эволюции и скачка, система постоянно переходит из устойчивого состояния в неустойчивое и обратно. Структурная и функциональная устойчивость – способность системы сохранять свои параметры в определенной области значений, позволяющей ей сохранять качественную определенность, в том числе и состава, связей и поведения (но не равновесие!) – формируется в процессе адаптации системы к изменившимся в результате катастрофы внешним и внутренним условиям и сохраняется в течение большей части эволюционной стадии [Ерохина 1998].

К подобным выводы приходят лингвисты, исследующие законы развития языка. По данным А. А. Поликарпова, *макропроцессы* в лексике представляют собой некоторый интегральный результат взаимосогласованной реализации жизненных циклов всего ансамбля лексических единиц языка. Смена типологического строя языка (как результат смены коммуникативных условий функционирования языка) приводит к перестройке общего согласованного режима реализации жизненных траекторий / членов лексической популяции в ее составе. В основе исторической макродинамики языка, как и любого объекта, также лежат *микропроцессы*, т.е. процессы, происходящие в истории каждой из его знаковых единиц, от её зарождения, направленного развития и до вымирания, то элементарные циклы, циклы микроуровневого развития и должны становиться предметом первоначального исследования языка как системы. Только построение такого фундамента позволит осуществить далее научный синтез картины организации-функционирования и развития системы языка, достичь ее понимания как целого [Поликарпов 2001].

Устойчивости системы способствует *повышение универсализма* в ее организации, что не означает дублирования подсистем друг друга (строения и функций). Это привело бы к эффекту, обратному желаемому, речь идет лишь о своеобразной подстраховке на случай усиления флуктуаций [Ерохина 1998]. Универсализм ФМ-системы обусловливается прежде всего существованием ее в рамках фоносферы, которая, независимо от любого вида флуктуаций, обеспечивает устойчивость системы ФМ.

Усложняясь в процессе исторической динамики, ФМ-система получает возможность нескольких путей развития, которые могут рассматриваться в рамках перехода от одного типа коммуникации к другому (прогресс), с другой стороны, в пределах одного типа коммуникации (консервация, деградация, деформация, разрушение).

1.2. Поведение ФМ-системы в точке бифуркации. Точка бифуркации представляет собой переломный, критический момент в развитии системы [Пригожин, Стенгерс 1986: 17, 28], в которой она осуществляет выбор пути; это точка, в которой происходит катастрофа – качественные, скачкообразные, внезапные («гладкие») изменения, скачки в развитии [Постон, Стюарт 1980: 20]. Поведение всех самоорганизующихся систем в точках бифуркации имеет общие закономерности, которые проявляются и в ФМ-системах.

1. Точки бифуркации часто провоцируются изменением управляющего параметра [Хакен 1983: 23] или управляющей подсистемы, влекущей систему в новое состояние. В современной синхронии управляющей подсистемой для ФМ является языковая система в целом, которая и приводит к изменению ФМ-слоя (например, в онтогенезе). В филогенезе управляющим параметром можно считать ту систему коммуникации, которая являлась доминирующей для данного пространственно-временного континуума.

2. Потенциальных траекторий развития системы много, и точно предсказать, в какое состояние перейдет система после прохождения точки бифуркации, невозможно, что связано со случайным характером влияний среды, однако это не исключает детерминизма между точками бифуркации [Пригожин, Стенгерс 1986: 28-29]. Хотя случайность и оказывает влияние на поведение системы в точке бифуркации, есть и другие факторы, которые

признаны синергетикой и всеобщими системными исследованиями, – резонансное возбуждение, обратные связи и кумулятивный эффект [Ерохина 1998].

В соответствии с *принципом резонансного возбуждения* система, подталкиваемая флуктуациями, должна выбрать ту ветвь развития, которая согласуется с ее внутренними свойствами и прошлым состоянием. В ФМ-системе язык жестов под воздействием флуктуаций переходит к «звуковым жестам» ономатопей, ономатопеи – в звукосимволические (звукоизобразительные) протоединицы, которые, в свою очередь, порождают систему абстрактного языка. Однако согласно принципу резонансного возбуждения вновь порождаемая система сохраняет генетические свойства первичной ФМ-системы: современные ФС-исследования показывают, что большинство современных лексем примарно мотивированы. Другое дело, что восстановить реальную связь современной языковой системы и прото-системы ФМ сегодня не представляется возможным, поскольку материалов по конкретным языкам пока недостаточно. Фактор случайного[27] влияния среды, который часто приводит систему к катастрофе, также осложняет восстановление детерминированных связей между точками бифуркации ФМ-системы.

Петля положительной обратной связи [Пригожин, Стенгерс 1986: 20] обусловлена наличием в процессоре системы «катализаторов», т. е. компонентов, само присутствие которых стимулирует определенные процессы в системе: она связывает выбор пути с предыдущим состоянием. Петля положительной обратной связи делает возможным в далеких от равновесия состояниях усиление очень слабых возмущений до гигантских, разрушающих сложившуюся структуру системы, волн, приводящих систему к резкому качественному скачку [Ерохина 1998]. В ФМ-системе

[27] Случайность не может быть поставлена рядом с категорией причинности. Во всяком случае, это касается регулярности событий. Случайными могут быть только некоторые иррегулярные события. Категорию случайности следует отнести скорее к особенностям мышления, чем считать категорией бытия. Поэтому случайными называются такие иррегулярные события, причины которых при данном состоянии научного знания и его средств не могут быть определены [Ерохина 1998]. Даже если мы не знаем времени наступления события [Тоффлер 1986: 33], это не означает, что его появлению не предшествовала цепь породивших его причин.

катализатором выступает фоносфера, которая стимулирует организацию акустического пространства человеческой речи по своему образу и подобию. Нарушение человеком фоносферы как естественно созданного звукового континуума и создание искусственной шумосферы приводит к исчезновению этого катализатора и порождает отрицательные обратные связи, которые отталкивают соответствующие ветви ФМ-системы. Однако полное отрешение от фоносферы для человека невозможно, поскольку, будучи порождением природы, он постоянно возвращается к ней[28].

Кумулятивный эффект способствует накоплению определенных свойств системы и / или под воздействием внешних флуктуаций «запускает» в системе усиливающийся процесс. Все это дает возможность предсказывать вероятность выбора системой той или иной ветви, поскольку и случайные флуктуации подвержены действию этих эффектов [Ерохина 1998]. Кумулятивный эффект заключается в том, что незначительная причина вызывает цепь следствий, каждое из которых все более существенно [Климонтович 1986: 174]. Нередко он непосредственно связан с петлей положительной обратной связи. Можно предполагать, что в динамике ФМ-системы прецедентный случай образования единицы вне примарной мотивированности приводит систему к точке бифуркации, где происходит удвоение траектории развития системы. То же можно проследить в детской речи, где усвоение и накопление ребенком единиц, оторванных от формы голофразы, ЗП или междометия, приводит к революционному скачку системы – переходу в зону взрослой речи. Кумулятивный эффект ФМ-системы в автономной детской речи проявляется в том, что происходит осознание подобия звучаний среды и речевого звука. При аккумуляции определенного опыта успешной коммуникации ребенок усиливает эти коммуникативные коды. Другим примером кумулятивного эффекта может

[28] Глобальной проблемой современности считается экологический кризис, понимаемый как значительные структурные изменения окружающей среды и тяжелое переходное состояние биосферы. Сегодня активизированы поиски и восстановление каналов связи с естественным бытием во всех сферах человеческой деятельности (экологические движения, социальная экология, экология человека, экологически чистые материалы, экология языка и пр.).

служить также развитие языка по принципу непроизвольности языкового знака и закона соответствия, установленных в рамках фоносемантики и психолингвистики.

3. Выбор ветви может быть связан с жизненностью и устойчивым типом поведения системы. Согласно принципу устойчивости среди возможных форм развития реализуются лишь устойчивые; неустойчивые если и возникают, то быстро разрушаются [Моисеев 1982: 63]. ФМ-система демонстрирует весьма высокую степень жизнеспособности и устойчивости типа поведения подсистемы в поле языка. Однако справедливо также и то, что развитие подсистемы ФМ часто связано с формированием весьма неустойчивых и быстро «устаревающих» систем.

4. Одни и те же ветви или типы ветвей могут реализовываться неоднократно. Так, ФМ-системы неоднократно порождаются в поэтической зауми в истории поэтики; в автономной детской речи в онтогенезе.

5. Временная граница катастрофы определяется «принципом максимального промедления» [Постон, Стюарт 1980: 114]: система делает скачок только тогда, когда у нее нет иного выбора. Так, возникновение поэтической зауми связано с невозможностью языка выразить «волненье без названья». В детской речи расширение картины мира вынуждает переходить на другой код, иначе понимание не состоится. Ср. в поэтическом дискурсе: *Мысль изреченная есть ложь; Как беден наш язык! – хочу и не могу – не передать того ни другу, ни врагу, что буйствует в груди прозрачною волною (*А. Фет); *Чувств, которых выраженья в языке я не нашел* (Е. Баратынский); *Ты не находишь от волненья слов, в междометья счастье влив* (И.Северянин); *Какая боль искать потерянное слово; И мысль бесплотная в чертог теней вернется* (О. Мандельштам); *Без слова мысль, волненье без названья* (А. Блок).

6. Катастрофа изменяет организованность системы, причем не всегда в сторону ее увеличения, что, например, очевидно в периферийных позициях ФМ-системы в доминантной парадигме языка.

В каждой точке бифуркации система выбирает путь развития, траекторию своего движения.

Типы перехода ФМ-системы от одного типа коммуникации к другому можно наблюдать в онто- и в филогенезе только в форме прогресса. Возможно, что в исторической динамике ФМ-система могла выбрать какой-либо иной путь развития, однако сегодня установить это даже по данным онтогенеза не представляется возможным, поскольку развитие речи ребенка происходит в уже состоявшейся языковой среде. Тогда как в филогенезе такой (доминантной) среды не было, а потому можно предполагать и тупиковые ветви развития ФМ-систем, косвенным подтверждением чего могут служить, например, современные переходы языка в маргинальные ФМ-формы.

Прогресс ФМ-системы представляет собою цикл разворачивания ФМ-системы в систему абстрактного языка, где базовая ФМ-система утрачивает свой идентифицирующий признак (примарную мотивированность), но сохраняется как глубинный механизм функционирования и развития языка.

В филогенезе ФМ-система прогрессирует: происходит переход (скачок) от натуральной (в генезисе) стадии развития языка к квазинатуральной и натурально-конвенциональной (в диахронии), а через нее – к конвенционально-натуральной (в современной синхронии), где роль ФМ-системы минимальна. Те же процессы можно наблюдать и в онтогенезе речи: невербальная коммуникация (лепет) – натуральная (имитация ЗП, междометия) – натурально-конвециональная (параллельное функционирование ФМ-звукокомплексов и обычных слов) – словесная речь (конвенционально-натуральная).

Условием прогресса может быть *противоречие между функцией и целью* системы; противоречие между потребностями системы в ресурсах и возможностью их удовлетворения. Подобное противоречие наиболее рельефно проявляется в детской автономной и поэтической заумной речи.

Другим условием прогресса считается *противоречия между изменяющимся количеством и прежним качеством* (которое приобретает максимальную остроту в районе точки бифуркации). Подобное противоречие может возникать в условиях изменяющегося количества смыслов,

необходимых к репрезентации (в онто- и филогенезе речи), которые не всегда могут быть выражены единицами ФМ-системы.

Противоречие между старым и новым также позволяет системе развиваться, когда, например, новая интерпретация мира в идиолектных поэтических системах невозможна при помощи языка. Поэты (resp. маргиналы) воспринимают новый (например, заумный) язык как прогресс (например, язык будущего у футуристов), тогда как «нормированные» слои общества видят здесь лишь деградацию и хаос.

Условием развития считается также *противоречие между стремлением к порядку и хаосом*, причем, чем дальше зашло их противостояние, тем выше степень организованности системы, и наоборот. Это противоречие играет тем более важную роль, что относится к неснимаемым даже частично, в том числе и в точке бифуркации, поскольку упорядоченность новой структуры обусловлена порождением еще большей неупорядоченности [Эткинс 1987: 198]. Так, ФМ-система является универсально организованным континуумом (на уровне фонемотипа, детерминизма между структурой знака и структурой денотат и пр.). Однако та же ФМ-система пребывает в состоянии хаоса в религиозно-магическом и патологическом речевом дискурсе.

Противоречие между процессами функционирования и развития также служит источником прогресса системы. Для того, чтобы развиваться, система должна функционировать и не может функционировать, не развиваясь. В точке бифуркации возникает острое противоречие, поскольку интересы развития и само существование системы требует изменения ее качества, а значит, ломки функциональных процессов. В эволюционный период процессы функционирования сдерживают развитие, сглаживая флуктуации. В современной синхронии ФМ-система находится в эволюционном периоде своего изменения, а потому противоречие между функционированием и развитием не обострено. Однако в диахронии ФМ-система через функционирование, например, в ограниченном универсуме значений, который уже не удовлетворял коммуникатора, а, следовательно, система требовала развития, которое не могло состояться без качественного изменения ФМ-системы.

Прогрессу системы способствует также *противоречие между функционированием и структурой.* В эволюционный период процессы функционирования более пластичны, чем структура системы, но их изменение, производящееся в интересах системы, наталкивается на жесткость неизменной структуры. Так, в современной синхронии широта функционального спектра ФМ сдерживается нормированным языком, где «эмоциональная» речь подавляется строго регламентированной формой [29]. В момент скачка структура изменяется очень быстро, а функционирование отстает. Наиболее очевидно это в онтогенезе, где происходит одновременное функционирование как ФМ, так и полноценных лексем.

Типы перехода ФМ-системы в пределах одного типа коммуникации можно наблюдать в современной синхронии в различных формах.

В современной синхронии ФМ-система являет собою развернутую форму (в системе абстрактного языка), которая при определенных условиях сворачивается, сжимается снова до пределов ФМ-системы в новом ее проявлении (например, поэтическая заумь). Однако и здесь ФМ-система являет собою подсистему в рамках новой свернутой системы, как бы наслаиваясь на другие ее составляющие, т. е. сворачивание системы происходит с усложнением, когда в новую систему сворачивается не одна, а несколько подсистем.

Ср. у В. Хлебникова: обращение к праславянскому языку; культуре Древнего Востока и Древнего Египта; культурное освоение мифа (именослов, трансформация сюжетов, декларативное введение мифологического хронотопа); настойчивое обращение к «карнавальному» языку, языку мистерий и сакральных текстов; «личный» язык поэта существует в рамках диалектной, фольклорной, экстатической, глоссолалической, детской и даже терминологической научной («птичий» язык) речи. Ср. также признание поэта в том, что его русалки «держат в руке учебник Сахарова и поют по нему».

---

[29] Ср., например, безусловное требование учителей «говорить полными предложениями», тогда как реальный дискурс отражает значительную долю ФМ в речи подростков и школьников.

В. В. Налимов говорит об особой функциональной характеристике языка – сверстке, хранении и воспроизведении информации, отмечая, что функция сверстки играет исключительно большую роль в языке биологического кода [Налимов 1979: 41- 42]. Не проводя прямых аналогий с данным тезисом, отметим, однако, что ФМ-система являет собою свернутую систему, фиксирующую как множество семиотических кодов, так и различные уровни хранения информации (от биологической до семиотической).

В генезисе основной принцип существования ФМ с точки зрения семантики можно условно выразить в следующей схеме: *свертывание 1 > развертывание 1 > свертывание 2 > развертывание 2 > свертывание 3 > ... развертывание N...* Так, все многочисленные коды проторечи или автономной детской речи, фиксирующие ту или информацию, на определенном этапе «сворачиваются» в ФМ, заключающую в себе свойства всех предыдущих коммуникативных кодов (жест, эмоция, интонация) и все содержание в одной единице. Происходит компрессия нескольких означаемых в одном означающем, где компрессированная энергия ФМ и локализация их в определенном времени и пространстве приводит либо к «взрыву» доминирующего кода и отказа от него, либо к «плавному переходу» от одной структуры к другой.

Перейдя на периферию нового семиотического континуума, при определенных условиях ФМ снова сворачивает, компрессирует все содержание, заключая в собственную минимальную форму. Причем механизм «свертывания – развертывания» воспроизводятся каждый раз по одной модели (ср. ниже анализ функционирования ФМ в прозе В. Пелевина и анекдотах). Количество свернутой информации позволяет создавать многочисленные варианты ФМ-системы в различных формах и жанрах речи.

В пределах одного типа коммуникации ФМ-система может **«консервироваться»**, т.е. переходить в закрытую, существуя на периферии коммуникативного пространства. Как архаически неизменными можно рассматривать отдельные системы, жанры и тексты обрядово-игрового фольклора, магически-религиозного дискурса.

В других условиях существования ФМ-система **деградирует**. Деградация ФМ-системы происходит в том случае, когда система затягивает процесс перехода: при увеличении числа новых признаков соответствующего изменения поведения системы не происходит, в результате чего энтропия растет, система перестает выполнять свои функции и дезорганизуется [Айламазян, Стась 1989: 65]. Подобный процесс можно наблюдать в онтогенезе, когда происходит задержка психического развития и развития речи. Деградация ФМ-систем может быть связана с тем, что она выбирает неконструктивную ветвь или сценарий развития, например, становится закрытой. Как закрытую неконструктивную ветвь развития можно рассматривать бредовые тексты или заумные идиолектные системы.

При определенных условиях ФМ-система может **разрушаться.** Условием разрушения может являться сценарий развития, когда означенные выше условия деградации выполняются в течение длительного времени, а усилия по коррекции структуры и поведения системы или управляющей подсистемы либо не предпринимаются, либо недостаточны, либо нерезонансны с системой, либо сильно запаздывают [Климонтович 1986: 104]. Наиболее очевидно разрушение ФМ-системы в условиях, когда внутренние флуктуации разрушают связи между компонентами системы, что связано с утратой примарной мотивированности языкового знака.

Кроме того, в пределах одного типа коммуникации может происходить **деформация** ФМ-системы. Под серьезными деформациями в пределах одного типа коммуникации понимаются все виды зауми, в том числе «говорение» при патологиях речи и в состояниях измененного сознания. Понятие «деформации», патологии связано с понятием «нормы», под которой чаще всего понимается доминирующая форма естественного языка.

Виды изменений ФМ-системы также носят маргинальный характер (см. табл. 6), поскольку один и тот же вид флуктуации (утрата примарной мотивированности) приводит систему одновременно к прогрессу (эволюция в абстрактный язык) и разрушению в системе обычного языка. С другой стороны, сохранение или «восстановление» примарной мотивированности на

фоне нормы обычного языка приводит систему к консервации и деформации (деградации) одновременно.

Вид изменений		Условие изменений	Результат	Вид реализации
в диахронии и динамике	Прогресс (эволюция)	утрата примарной мотивированности	система абстрактного языка	обычный язык
	Разрушение (катастрофа)	утрата примарной мотивированности	система абстрактного языка	обычный язык
в современной синхронии и статике	Консервация	сохранение примарной мотивированности	«другая» речь	архаичные жанры обрядово-игрового и религиозно-магического дискурса
	Деформация Деградация (на фоне нормы)	«воскрешение» примарной мотивированности	«другая» речь	поэтическая заумь; патологические формы речи (бред, транс, глоссолалия)

Таблица 6

2. ФУНКЦИИ ФМ В РУССКОЙ РЕЧИ

Описание функций языка для ФМ как средства общения вполне возможно, однако понимание языка как целенаправленной системы средств выражения (телеологический принцип, выдвинутый в «Тезисах Пражского лингвистического кружка») встречает «сопротивление» материала, поскольку функционирование ФМ не всегда имеет целенаправленный характер. С другой стороны, теория «динамической синхронии» Р. Якобсона [Якобсон 1985] наиболее адекватно иллюстрируется именно ФМ-континуумом, где как нельзя более рельефно обнажается глубокий параллелизм между исторической эволюцией языка, процессом овладения языка (в детской речи) и процессом разрушения языка при афазии.

Система ФМ оказывается органично вписанной в структуру функционально-стилистического расслоения языка, варианты которого предназначены для выполнения различных социальных функций. Одновременно с этим ФМ демонстрируют «прорыв» из социумного мира в небытие, в сферу сакрального, иррационального. «Исход» из социального пространства приравнивается к «смерти» ФМ-системы в научно-языковой и в реальной сфере.

Так, очевидно пренебрежение традиционной лингвистики к исследованию этих маргинальных форм. В бытовой сфере причастность

личности к ФМ-системам означает ее перевод в маргинальную социальную группу – сумасшедшие, больные, поэты, блаженные, колдуны и пр. Маргинальность ФМ-систем и всего с ними связанного, воспринимается как опасное, табуированное, девиантное, болезненное, что нарушает стабильность, уравновешенность, гармоничность доминирующей системы. Ср., например, преследование обэриутов за «подрыв основ власти». Современные интерпретации зауми: «Вся эта футуристическая братия в яркой, кричащей, скандальной форме являет собою пример откровенного инволюционизма в искусстве: перечеркнуть достижения прошлого и обратить в хаос настоящее и будущее – вот тебе и весь инволюционизм в культуре [Даниленко]; Оккультисты, последователи различных сектантских учений и подобные им деятели, несомненно, ведают, что творят. «Эти опасные психические игры» (выражение отца Серафима), перенесенные на страницы художественной литературы, пусть и несведущими людьми, вряд ли превращаются в безвредную и невинную «эстетическую» игру [Минералов].

2.1. Функции ФМ в речи

Функциональный подход к языковому явлению предполагает (в числе других функциональных потенций) выяснение способности того или иного образования к реализации языковых функций. Коммуникативная и познавательная функции обычно рассматриваются как функции языка, которым противопоставлены функции речи – эмоционально-экспрессивная, регулятивная, фатическая, метаязыковая, эстетическая, этническая, магическая.

Коммуникативная функция ФМ реализуется, прежде всего, в живой устной речи (особенно в ситуации эмоционального стресса, аффекта), *познавательная* функция – в процессе постижения неизвестного (например, для ребенка или иностранца) мира и языка. Ср. в романе Д. Донцовой «Надувная женщина для Казановы» выбор блюд в чешском ресторане.

- Цабу кто? – задала вопрос Кока.

– Зебу на что похожа? – влезла Николетта.

Официантка заморгала. Я ткнул пальцем в строчку:

- Это что?

– Смачнего, – заявила девица.

Час от часу не легче. Смачнего смажену зебу!

*- Зебу **буль-буль**? – спросил я и начал делать плавательные движения руками. – Зебу **буль-буль**? Он, она или оно плавает?*

В глазах официантки заметался ужас… но потом она рассмеялась и стала размахивать руками…

*- Зебу **буль-буль**, – кивнула она, – **буль-буль**.*

Я вытер пот со лба. Зебу – это рыба и, ей-богу, мне все равно какая.

*- Хочу говядину, – капризно протянула Кока, – **му-му** есть? **Му-му**?*

Официантка замотала головой:

*- **Му-му** не, **хрю-хрю**! <…>*

Николетта спросила:

- Что я ем?

- Зебу, – усмехнулась Эстер, – вкусно?

- Не… вкус специфический? …

Я задержал девицу:

*- Зебу – **гав-гав**?*

*- **Гав-гав**? – испугалась официантка. – Не, не, неможно **гав-гав**…*

*- То есть, я хотел спросить – она **му-му**? **Хрю-хрю**? **Цып-цып**? **Ко-ко**?*

Неожиданно девушка поняла вопрос и прыснула:

*- Не. Зебу – **ква-ква! Ква-ква**!*

В общении с ребенком *метаязыковая* функция ФМ связана с интерпретацией «взрослого» языка через ФМ, т. е. происходит перевод общего смысла из одного языкового кода в другой. Ср. <u>в детской речи:</u> *Смотри, Мишенька, машинка* **гудит** – ***би-би-би;*** [Мать читает] *Послышались оглушающие раскаты грома. – А что такое* **оглушающие раскаты***? – Это когда дождь идет, то гроза гремит –* ***трах-тара-рах;*** *А что такое* **утопать***? Папа сказал, что утопали они наконец-то. – Это значит ушли –* ***топ-топ*** *ножками, утопали, ушли; Кузя, не лезь туда.* **Упадешь** – ***бу-бух*** *– упадешь. Больно будет.*

Подобное перекодирование происходит и в общении с человеком, принадлежащим к другой языковой культуре. По Р. Якобсону, «метаязык – это не только необходимый инструмент исследования, применяемый

логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке. Наподобие мольеровского Журдена, который говорил прозой, не зная этого, мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций» [Якобсон 1975: 201-202]. Так житель деревни ощущает «чуждость» городского языка: *Я не буду с вами говорить. – Почему? – Дак вы чевыкать будете, а мы чо, неученые дак* [при разговоре с членами диалектологической экспедиции]. «Чевыкать» – буквально «говорить на вы», грамотно, правильно. Чувствуя определенную «ненормированность» своей речи, носитель диалекта совершает метаязыковые операции посредством ФМ. Ср. в говорах: *Дуню* **бумкой** *зовут: она говорит, дак все как* ***бум-бум-бум*** (Толстик Сол.); *Зайчики-то* **бобочут***, как-ко непонятно: все чё-то* ***бо-бо-бо*** (Жуланово Сол.); *Не по-собачьи лает –* **бобкат***:* ***бо-бо-бо*** (Акчим Красн.); *Положила в люльку ребенка –* ***лю-лю-лю, лю-лю****. Вот и* **люлька** (Усть-Уролка Черд.); **Трещетка***, дак то молотилку раньше звали.* **Трещит** – ***тр-тр-тр*** (Фоки Чайк.).

Метаязыковая функция ФМ очевидна в лексикографии, а также в специальной (например, орнитологической) литературе. Ср. **гоготать** – о гусях: издавать характерные звуки, похожие на «***го-го-го***»; **мычать** – о корове: издавать характерные звуки, напоминающие «***му-у***»; **мяукать** – о кошке: издавать характерные звуки, напоминающие «***мяу***» [ТСРЯ 1997: 135, 373].

Типичной функцией ФМ можно считать *эмоционально-экспрессивную*, поскольку, с одной стороны, все ФМ отмечены различного рода коннотациями, с другой, – частотность ФМ обусловлена прежде всего эмоциональной природой текста. Так, артикуляторные ФМ обретают а речи статус эмоциональных междометий с пейоративными (***тьфу, фу, бя, фи, пфе***) или мелиоративными (***ах, ох, эх***) оценочными коннотациями.

Регулятивная функция ФМ наиболее ярко представлена в словах-обращениях к животным, а также в паразыковых компонентах речи. Ср. запрет на действие; не смей. *И чтобы в моем столе не рыться –* ***ни-ни;*** *Можно взять? –* ***ни-ни; Ну-ну****, не для вас делано. Убери-ка руки свои;* ***Тю-тю-тю****! Ну-ка, разошлись, ишь петухи!;* ***Тю-тю-тю****, – с улыбкой, мирно*

сказал Князев. – Сразу – обида (В. Шукшин. Штрихи к портрету); *Бедная, плачет теперь где-нибудь в потемках! – думал он. – А извозчик на нее**: цыц! Цыц!*** (А. Чехов. Кухарка женится). Поощрение к действию, приглашение совершить что-л. ***О**, туши ж, **о**, туши! Горячее!* (Б. Пастернак); ***Ну**, Владимир, что ж?; Сыпь сейчас, – сказал дьяк подставляя колпак, – **Ну-тка**!* (А. Толстой).

Возможности реализации *эстетической* функции ФМ проявляются в регулярном стремлении поэтов при помощи ФМ создавать новый язык для выражения невыразимого, а также в частотности функционировании этих единиц в художественном и фольклорном дискурсе, языковой игре (пословицы, поговорки, загадки, сказки, анекдоты и пр.).

Магическая функция языка наиболее очевидна в текстах ритуальных, религиозных, сакральных, которые часто формируются посредством ФМ. Маргинальные единицы позволяют создавать коммуникативный код, адекватный условиям религиозно-магической коммуникации.

В религиозно-магической коммуникации актуализируется роль ФМ в *номинативной* функции. Для репрезентации бытия представителей «другого» мира хватает слов естественного языка, кроме номинации самого этого существа. Ср. низшие духи в пермских говорах: ***Ох, Шохря-Мохря, Кутыся-Мурыся***: 1) *В лесу охать нельзя – **ох** поймает, к себе уведет. Охнешь невдогадки, он и окажется тут как тут. Сам человек как человек, побаят с тобой ласково, за собой поведет. Не хочешь да пойдешь. Приведет к себе, заставит телят своих рыжих пасти, в избе пол с дресвой отскребать. Изба у его большенная, полно грибы соленые в кадушках да ягоды моченые. Послужишь ему хорошо, дак он отпустит, ягодные места все в лесу выкажет;*

2) *В голбце **кутысья-мурысья** живет, сама с кошечку, и шерстка кошачья, серая. На носу только пятно скрасна. Ходит, нюхатся. Если молоко не закрыто лучинками крест-накрест, туда свое рыло сунет, не налакат, а только нафыркат. К утру ближе как учнет по избе бегать, такой шал подынет, а потом раз только – и нету ее;*

3) *В бане вымьешься, дак уж банным обязательно воду оставь, мыло, мочалку. Банного* ***Шохря*** *зовут, а бабу его* ***Мохря****, оне сами беда париться любят, и робятенков своих парят. Один мужик попал как-то беда поздно в баню, рассказывал – моюсь де, руку в таз-от сую, гляжу, а там четыре руки, черные, мохнатые, воду черпают. Давай от них очуркиваться.*

Магическая функция ФМ проявляется также в их способности являться средством табуированной и эвфемистической речи. Ср. эвфемистическое бранное: *Пошла ты на* ***пш-пш;*** *А не пошла бы ты на* ***пши****?* [после занятий польским языком]; *Да я, говорит,* ***трам-тарарам****, котлет из вас наделаю; Я, говорит, тебя –* ***трах-тарарах*** *– размажу по стенке за такие дела. Ну и мат стоял там.* Ср. также: ***ёк-макарёк, ёксель-моксель, елёха-воха, ё-моё, ёр-кородер, ёр-махор, ёкса-мокса, ёк-мок, ё-твоё, ёр-бахор.***

Ср. также: в заговорах и апокрифических молитвах заумные единицы используется как способ замещения «опасных» имен, а также наиболее эффективного воздействия на демонов, как, например, в русском любовном заклинании XVIII в.: *«Пошли ко мне на помощь рабу своему часть бесов и дьяволов:* ***Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардун, Купал олака****...»*

Эвфемистическая функция ФМ связана с табуированием того, что связано с материально-телесным низом, преимущественно с сексуальной сферой. Ср. *жарг.* ***делать динь-динь*** «coitus»; *арг., жарг.* ***кукареку с волосами, трах-тибидох*** «penis»; ***шуры-муры [крутить, разводить, заводить], шуры-амуры*** «любовные интриги, ухаживания; шашни (часто эвф.)»: *Гли-ко, бесстыжая,* ***шуры-муры*** *с чужим мужиком, какося у иё глаза-то не треснут* (Фоки Чайк.); *У тебя с Полей, должно быть, тут* ***шуры-амуры*** *... Шалун*! (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека); *К чему вы ее готовите? Чему учите? А? вертушкой быть?* ***Шуры-муры****, коман ву порте ву?* (А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского); <...> *кто куда пошел, да кого увидел, да кто с кем* ***шуры-муры*** *крутил, да кого убил?* (Т. Толстая. Кысь): *Во ржи мы с Шурочкой лежали, Во ржи мы с Валечкой лежали, И разводили* ***шуры-муры****, И разводили трали-вали* (Р. Гумеров).

Фатическая функция также реализована на уровне ФМ в виде междометных образований при установлении (***эй, ау***), поддержании (***ну и ну,***

ой, ах, ох-хо-хо) и прерывании (***тпру, хоп***) контакта. Ср. восклицание, рассчитанное на ответность; призыв к общению. *Ты меня слышишь? А?* ***Эй,*** *говори чего-нибудь; А что это вы читаете?* ***А?*** *А! Понятно!* (В. Высоцкий. Жизнь без сна); *Говори, малыш,* ***агу!; Эй****, народ честной, незадачливый!* ***Ай*** *вы купчики да служивый люд! Живо к городу поворачивай…* (В. Высоцкий); *Люди,* ***ау****, где вы все?; Да кто ж тут прозевал, Недоглядел?* ***Ау****, виновный, где ты?* (И. Фоняков); *Время есть, а денег нет, И в гости некуда пойти.* ***Ау!*** (В. Цой); ***Э-э-э… Э-э-э…*** *Тебе говорю. – А чего ты мне экаешь?; Люди, где вы все?* ***Эй!; Эй****, ты, поди сюда!;* ***Эй****, кто там?;* ***Эй****! Подойдите кто-нибудь!;* ***Эй****, поаккуратнее, молодой человек!;* ***Эй,*** *живой кто-нибудь, выходи, помоги!* (В. Высоцкий); *Грянул майский гром, и веселье бурною пьянящею волной Окатило.* ***Эй****! Вставай-ка и попрыгай вслед за мной* («ДДТ»).

Вопросительный отклик на обращение. *Девки ему чё-то говорят. А он токо* ***а да а.*** *Глухой валенок ужо дак* (Усть-Уролка Черд.); *Мамуня! –* ***А?*** *Чего тебе? – Ты меня слышишь?; Полька, а Полька! –* ***Ай****? Уже иду; Степан! – позвала старуха. –* ***Мм****? – Не лети так…* (В. Шукшин. Как помирал старик); *Слышь?! –* ***Оу****?! – Полотенец?! – Несу-у!* (В. Шушкин. Петя); *Васька, давай сюда! –* ***Ну****? Че надо?; Коля! –* ***Мда****?.*

Запрет на говорение; тише, молчи. ***Пс****! Молчите!* ***Пс****! Дайте послушать любопытной девушке; Вы забываетесь, молодой человек! Пст! Пст! Пст!* (А. Чехов. Жизнь в вопросах и восклицаниях). ***Цыть!*** *– сказал Губошлеп* (В. Шукшин. Калина Красная); ***ТСС****!…- закрыл глаза Руднев. – Да неужели вы не узнали его?* (А. Куприн. Тапер); ***Тсс*** *… тише. Не стучите так, а то мужа разбудите* (А. Чехов. Аптекарша); ***Тссс! Тссс*** *… Непрочен Сон в присутствии божества* (М. Цветаева); ***Шш-ш-ш****…- шикает в первых рядах офицерик какой-то девице* (А. Чехов. Салон де варьете); ***Щ-щ-щ-щ-щ****! Тихо! Сашка уснул;* ***Ч-ч-ч-ч****! Все, тихо, молчим!*

Запрет [просьба, приказ] на речь, содержащую ложь, неискренность. *Ой, только* ***не надо ля-ля.*** *– Ты что, мне не веришь?*

Ситуация провокации, поддразнивания. ***Цып-цып-цып*** [Солёный – Тузенбаху] (А. Чехов. Три сестры); ***Цып-цып-цып*** [Окошкин, Лапшин в

бараке, где прячется банда Соловьева] (К/ф Ю. Германа «Мой друг Иван Лапшин»).

Ср. также в онтогенезе. Исследуя доречевую стадию развития ребенка, Н.И.Лепская говорит о первичном формировании эмоциональной, фатической, невербальной и дуэтной форм коммуникации, при этом вербальные средства присутствуют в коммуникации ребенка лишь в зачаточном состоянии [Лепская 1996]. Эти выводы хорошо коррелируют с классическими теориями происхождения языка (эмоциональная [междометная], жестовая, социальная) и их современной аргументацией.

Показательно, что для ФМ типичными значениями являются значения, связанные с выражением эмоций и чувств (звукосимволические ФМ), дуэтной коммуникации (ФМ, рассчитанные на ответность), а также значительная роль невербальных компонентов в коммуникативных языковых формах, связанных с активным функционированием ФМ [Шляхова 2004].

При соотношении таких семиотических систем, как язык животных и язык человека выделяется также *биологическая* функция, под которой понимается биологическая (физиологическая) релевантность некоторых явлений в коммуникации животных [Степанов 1971]. Человеческая коммуникация отличается отсутствием в ней биологической функции [Мечковская 1996: 26].

Однако «инаковость» ФМ заключается в их способности выполнять биологическую функцию, которая невозможна для других знаков языка. ФМ в онтогенезе и филогенезе речи являются биологически, физиологически мотивированы: их мотивированность обусловлена, с одной стороны, физиологическим состоянием (как физиологическая реакция, часто прото-ФМ), с другой, – взаимосвязью с денотатом, а через него и с референтом.

Языковое общение людей биологически нерелевантно, т. е. незначимо в биологическом отношении, что связано с такой чертой большинства языковых знаков, как немотивированность формы по отношению к его содержанию. Если бы звуки речи вызывались биологической необходимостью, т. е. были бы мотивированы биологически, то содержание

речи не могло бы выйти за пределы информации о биологическом состоянии особи [Мечковская 1996: 10]. Маргинальность ФМ связана с возможностью биологической мотивированности данных знаков. Так, междометия являют собою не только маркер биологического комфорта / дискомфорта, но и вызываются этими состояниями. Ср. *Дедушко-то лежит стонёт –* ***а-а-а, а-а-а*** *– шибко ему худо было* (Таман Ус.); *Чё-ко, девки, таки молодые а* ***пых-пых*** *прётеся. Устали ли чё ли?* (Усть-Уролка Черд.); *Вот у меня дедушко-то уже давно* ***хыр да хыр****, ничё не знаем как и вылечить. Может уж беркулёз у ево* (Соколово Вер.); *Мальца-то застудили вовсё:* ***чох да чох****. И кто это будет его лечить?* (Усть-Уролка Черд.); ***А.. а.. а..*** *– последним звуком кончилась женщина. –* ***А.. а.. а*** (Г. Щербакова. Митина любовь); *Втайне она этого хочет, она даже делает горлом «****б-э-э-э****!», чтоб убрать спазм и дать волю внутреннему движению, но странное дело: тошнота, какая бы ни была, блевотиной никогда не кончается* (Г. Щербакова. Песня песней у ног лежачих женщин); *Сквозь толпу пробирается громаднейший немец с тупой пьяной физией и во всеуслышанье страдает отрыжкой <…>* ***Э …эк! Гек!*** (А. Чехов. Салон де варьете); *Ох, мать твою…* ***Кхох****! Аж выворачивает всего* (В. Шукшин. Космос, нервная система и шмат сала); ***О-ооо!.. О-ооо!..*** *– протяжно стонал больной, дрожа и вытягиваясь во весь рост* (В. Вересаев. Без дороги); *Я бы поел, а где их взять? У меня ни копейки!* ***Пф*** *… изжога* (А. Чехов. Тайный советник).

Особенно наглядно эти процессы представлены в онтогенезе речи, где из непроизвольных, биологически мотивированных фонаций и движений через ФМ «прорастает» человеческий язык (см. также Приложение 3.2).

ФМ являются единицей, посредством которой возможна реализация любой из рече-языковых функций, в том числе и маргинальных. Например, *функция марки* (по А. А. Леонтьеву) как способность ФМ являться названием (журнал ***Ах***; телепередачи ***Фигли-мигли***, ***Оба-на***). Маргинальность ФМ заключается в способности выполнять биологическую функцию.

3.2. Функции ФМ в «другой» речи

Возможность говорить о «другой» речи связана и со спецификой ее функций, которые проявляют себя в различном состоянии сознания –

обычное и измененное. Эти состояния часто трудно разделимы, что, возможно, связано с общими механизмами функционирования «другой» речи.

Из исследований различных видов «другой» речи можно выделить следующие функции, которые связаны с произвольным (сознательным) и непроизвольным (бессознательным) его проявлением: 1) специфика *номинативной функции* связана с необходимостью номинировать сущности, которые не поддаются описанию средствами языка; 2) посредством *метаязыковой функции* на соматическом уровне, через артикулирование, интерпретируется информация из «другого» мира; 3) *эмоционально-экспрессивная функция* «другой» речи может рассматриваться как базовая при условии антропоцентрического подхода к явлению; 4) специфика *регулятивной функции* связана с регуляцией отношений с представителями «иного» мира; 5) *фатическая функция* «другой» речи обусловлена необходимостью установления, поддержании и прерывании контакта с «другими»; 6) «другая» речь также непосредственно связана с *биологической функцией*, где речь является физиологическим проявлением биологического состояния индивида.

Очевидно, что функциональная специфика «другой» речи связана с коммуникацией с «другим» / нечеловеческим миром. Древние индоевропейцы считали, что дар речи (помимо «двуногости») отличает людей от животных, а людей от богов (помимо «бессмертности» и «небесности») отличает особая пища и особый язык [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 471]. Мифопоэтическая рефлексия над языком позволяет вычленять в коммуникативном потоке древних язык человека и языки не-человека (богов, животных и нечистой силы). Понимание языков не-человека было доступно только избранным.

С. Токарев в имплицитной форме выделяет некоторые универсалии, которые «образуют неотъемлемую часть любой религии», «наиболее постоянные элементы всякой религии» [Токарев 1964: 27]. К таким элементам относится и фигура медиатора – проводника между двумя мирами. Проблема соотношений между такими фигурами посредников-

медиаторов, как шаман, жрец, ясновидец, знахарь (лекарь), колдун (маг), прорицатель и т. д., уже несколько десятков лет обсуждается в многочисленных исследованиях. Строгое различие их на эмпирическом уровне действительно затруднительно, а в целом ряде случаев вообще неосуществимо хотя бы просто потому, что в конкретных этнических традициях все или по крайней мере часть этих функций может выполнять одно и то же сакральное лицо, а комбинации этих функций дают самые разнообразные сочетания [Новик 1994].

Например, в Сибири, наряду с шаманами существовали и другие лица, которые могли выполнять знахарские и предвещательные функции. Таких прорицателей и провидцев иногда прямо относят к шаманам, а иногда выделяют в особую категорию лиц, чьи функции, впрочем, действительно очень близки к шаманским. Таковы кетские колдуны и лекари бангос [Алексеенко 1981: 125], нганасанские ясновидцы дючилы [Грачева 1981: 81], нивхские провидцы тахрто нигвн [Крейнович 1973: 456]). У якутов существовала особая категория людей – ичээн или кербюеччю «прозревающий будущее, знахарь»; их, как и шаманов, приглашали выяснить причину болезни [Алексеев 1975: 124]. Как видим, границы между шаманами различных категорий и провидцами, гадателями, врачевателями в ряде случаев весьма зыбки [Новик 1994]. И итальянские benandanti, и южнославянские здухачи, и русское кликушество очевидным образом встраиваются в типологию экстатических практик, в той или иной степени характерных для большинства мировых культур [Панченко 2003]. В русской традиции кликушам приписывается пророчество и ясновидение; ведьмы, ведуны, колдуны могли исправлять вред, нанесенный людям другими («учеными») ведунами. Обязательным персонажем свадьбы являлся колдун (колдуньё), оберегающий или портящий свадьбу: *Обязательно приглашали колдунов на свадьбу. Колдун, которого приглашали первым, садился в красный угол, второго садили у лоханки. Один жирует-пирует, второй у лоханки сидит. Все смотрели, кто-кого из них одолеет* (Григорьевское. Нытв.) [ЭССТ: 75].

ФМ являются универсальным кодом экстатических практик, поскольку одинаково успешно функционируют в общении человека с богами и нечистой силой. ФМ – языковой проводник-медиатор между двумя мирами.

Язык богов, животных и нечистой силы понимается как древнейшая форма языка, который остается непонятным простым смертным. Представлений людей о языке богов сохраняется в текстах некоторых фольклорных жанров (былички, загадки, заговоры), а также в магических религиозных текстах (языкоговорении сектантов, кликуш, юродивых, блаженных, калик-перехожих). Ср. в Откровении Иоанна Богослова, когда Агнец стоит на горе Сионе с искупленными: *Они поют как бы новую песнь перед престолом и пред четырьмя животными и старцами; и никто не мо научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли* (14: 3).

Мифологическое сознание пыталось решить проблему общения с высшими силами при помощи «другого» языка, которым владели посредники-медиаторы. С низшими богами человек общался при помощи различных акустических кодов, где диалогическое единство обеспечивалось защитной реакцией человека на предупреждение об опасности. При этом значимая роль отводилась ФМ, которые сохраняются как реликтовые образования в магическом, детском, бытовом фольклоре.

Показателем маргинального характера ФМ в данной коммуникативной сфере является «диффузность» языка богов, человека и животного. Здесь происходит взаимозаменяемость, контаминация, недифференцированность языков, где люди, боги и животные понимают друг друга через акустические коды, принадлежащие «чужим» коммуникативным системам.

При достижении определенного уровня развития мифологического осознания, в окружающем мире были осознаны феномены, отнесенные к высшему порядку, то, что, по мнению архаического человека не укладывалось в предметный ряд явлений: мир был осознан как единый, могущественный, вечно новый и вечно живой организм, от которого зависит все, что происходит, но который и сам может непредсказуемо измениться в ответ на изменения в образе жизни его обитателей. У человека возникла

потребность коммуницировать с этим высшим началом, что одновременно было потребностью выразить это новое мифологическое осознание [Топешко 2000].

Звуки природы, голосовые сигналы животных осмысляются человеком как «язык» нечистой силы, одновременно воздействие на злых духов также обеспечивается через акустические коды. У якутов, например, существовали чисто акустические отгонные действия: выжить поселившегося в доме абаасы можно было, если, не предупреждая спящих, неожиданно выстрелить в доме, чтобы все, включая и злого духа, испугались. Отгонным средством служили и звуки музыкальных инструментов (особый амулет-бубен ымыы или варган): считалось, что абаасы очень любили звуки хомуса (варгана); стараясь подражать его звукам, они, однако, скоро запутывались и с досадой уходили прочь [Новик 1994]. Передача этих акустических кодов от поколения к поколению происходит в том числе и при помощи ФМ.

Только в рамках интерпретации языка как осознанного явления можно говорить о возможности реализации *эстетической* и *магической функции*, где создается коммуникативный код, адекватный условиям сферы коммуникации. Подобное описание «другой» речи типично для поэтики, где заумь толкуется как остранение: поиск нового языка, который может устранить автоматизм восприятия действительности. В поэтике заумь – попытка более точно и выразительно передать образы, возникшие у автора; язык с нарочито высокой степенью неопределенности; язык стрессовых ситуаций; язык с повышенной суггестивной потенцией влияние на читателя с помощью звучания слова. Кроме того, в поэтике заумь понимается как приобщение читателя к сотворчеству, а также как эпатаж. Подобные свойства, действительно, характеризуют «другую» речь, однако нисколько не проясняют его природы.

Еще менее ясным является вопрос о возможности *познавательной* (когнитивной) и *коммуникативной* (движение информации) *функций* «другого» языка. Пока можно лишь предполагать наличие в «другой» речи информационной составляющей, поскольку мы не владеем кодами, позволяющими прочитывать эту информацию. Тем не менее, даже сегодня

можно предполагать наличие этой информационной составляющей, что косвенно можно аргументировать универсальными механизмами структурирования зауми всех родственных и неродственных языков, а также регулярным воспроизводством в истории развития человечества подобных коммуникативных подсистем.

Характерно, что, часто не имея традиции (обучение, передача, письменная или устная фиксация), заумные подсистемы в любой пространственно-временной и социо-культурной парадигме возникают как сопоставимые (изоморфные) системы. Однако в любом случае очевидна функциональная специфика «другой» речи по отношению к доминантной форме языка. Эта специфика связана не столько с наличием / отсутствием той или иной языковой функции, сколько в их особых, возможно, пока не познанных свойствах.

3. СФЕРА БЫТОВАНИЯ ФМ В РУССКОЙ РЕЧИ

Одно из условий повышения устойчивости системы в эволюционном периоде развития – сохранение определенной *специализации* подсистем. Многие системы имеют в своем составе оперативные и консервативные подсистемы, из них первые приближаются к среде, улавливая ее флуктуации, вторые – отдаляются от нее, сохраняя качественную определенность системы. Оба условия могут работать на повышение устойчивости совместно и только при том условии, что они не выходят за определенные пределы. В противном случае устойчивость и самой системы, и ее подсистем понижается [Ерохина 1998]. В действие приводится «принцип хрупкости»: устойчивость обладает большей хрупкостью, чем неустойчивость [Арнольд 1983: 26].

Как *оперативные подсистемы* в ФМ-системе понимаются отдельные приемы языковой игры, построенной на принципах ФМ-системы (палиндромон, анекдот, «фокус-покус» прием), однако они настолько органично вписаны в язык, что отрываются от «материнской» системы.

Под *консервативной подсистемой* в ФМ-системе понимаются поэтические, мистические, магические языки, а также отдельные фольклорные жанры, генетически связанные с ними (заговоры, загадки,

паремии), которые наиболее эффективно «консервируют» свойства ФМ-системы.

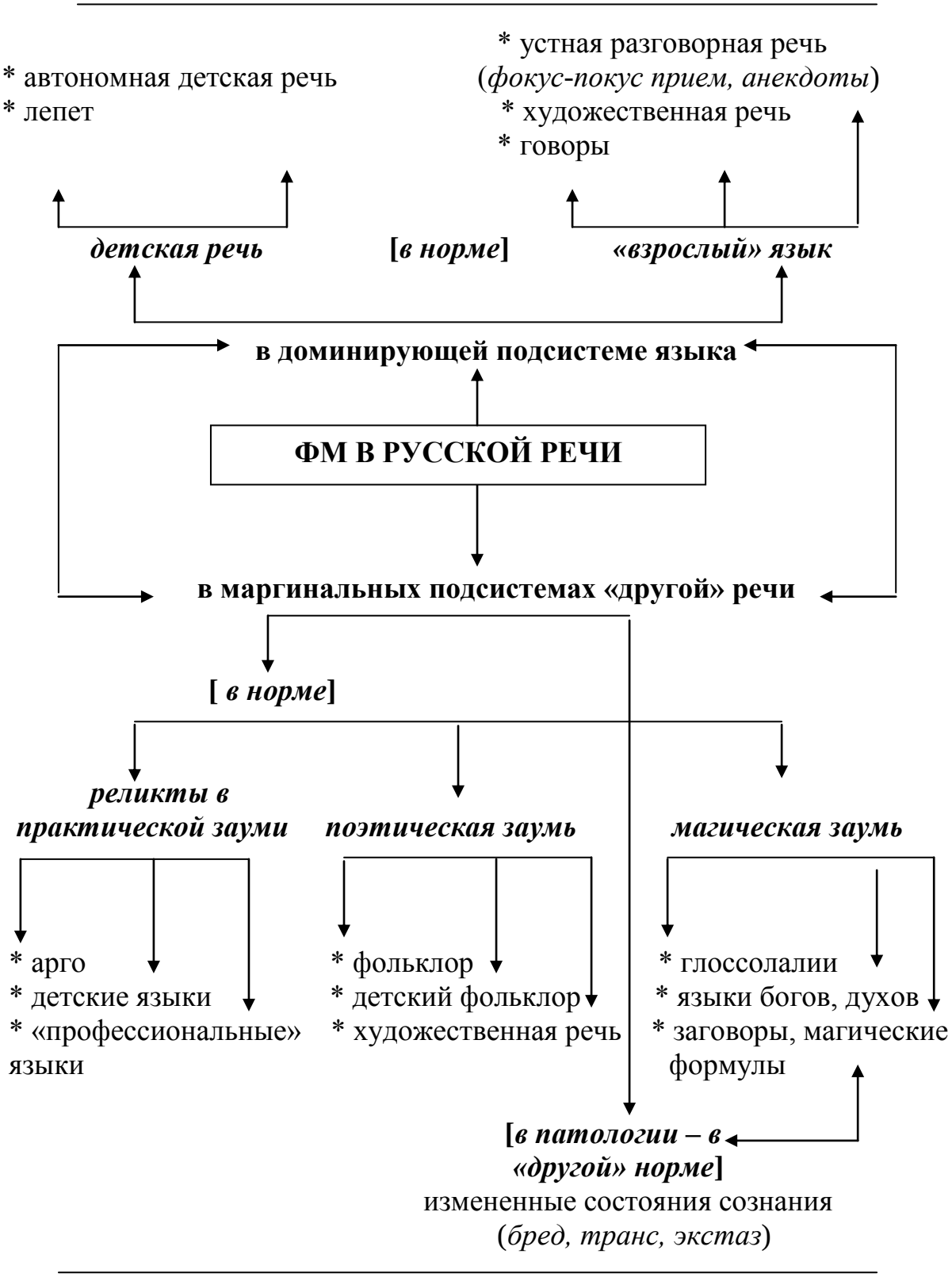

Рисунок 5

В ФМ-системе эти подсистемы функционируют регулярно, одновременно, в определенных рамках, выход за которые означает

деградацию или разрушение ФМ-системы. Исследование функциональных свойств ФМ позволяет говорить о «другом» типе функционального двуязычия – доминантной (оперативной) и рецессивной (консервативной) форме языка, где под рецессивной формой понимается «другая» речь.

Опираясь в своем описании на классическую функциональную лингвистику, автор осознает, что представленное функциональное описание есть лишь незначительное определение свойств (возможно, лишь вторичных, несущественных) реального функционирования ФМ.

Функциональные свойства ФМ детерминированы их маргинальным статусом в языке, который и обусловливает маргинальную функциональную сферу ФМ. ФМ являются маркером функционально-коммуникативного пространства, которое являет собою, прежде всего, устные формы речи, связанные с особыми (пограничными) состояниями сознания коммуникатора (детская и эмоциональная речь, речь в состоянии измененного сознания).

Маргинальность ФМ обусловливает возможность их функционирования в доминантной языковой подсистеме и в маргинальных подсистемах языка, которые наиболее рельефно проявляются в рамках «другой» речи (см. рис. 5).

В доминантной языковой среде ФМ являют собою периферийный реликтовый слой; в «другой» речи они часто (но не всегда) составляют ядро коммуникативного кода. Поскольку «другая» речь связана прежде всего с речевыми жанрами, которые считаются наиболее архаичными, то актуализация в них ФМ еще раз подчеркивает древнюю природу исследуемых единиц.

3.1. Сферы бытования ФМ в речи. В современной синхронии сферой активного бытования ФМ является *сфера непринужденного неофициального общения* – преимущественно разговорная речь и говоры. Частотность употребления ФМ повышается в тех формах речи, которые тяготеют к «проторечевым» структурам (арго, сленги, фольклор). Стилистическая ограниченность является характерной метой большинства ФМ, поскольку именно живая устная речь (а не литературный стандарт) сохраняет и активно использует слова с живой внутренней формой.

Однако ФМ проникают и в официальный дискурс, отражая эмоциональный «всплеск» говорящего и вызывая значительный коммуникативный резонанс. Ср. заявление В. Путина на пресс-конференции в феврале 2006: *Есть «записные советологи», которые не понимают того, что происходит в нашей стране, не понимают меняющегося мира <…> Ну что можно сказать таким людям? С ними даже не нужно вступать в дискуссию, потому что, дискутируя с ними, мы только помогаем им достигать тех целей, которые они перед собой ставят. Они заслуживают только одной маленькой реплики: «**Тьфу** на вас!» – и все* (из стенограммы пресс-конференции www.kremlin.ru). Ср. комментарий политолога А. Дугина: *Мне кажется, что подобную лексику может себе позволить только президент большой, могучей, независимой и свободной страны. Поскольку под словами «записные советологи» имеются в виду архитекторы глобальной американской имперской политики. Это не какие-то там маргиналы, а архитекторы нового мирового порядка. Проще говоря – Путин плюнул на Вашингтон. Плюнут ли в ответ американцы – посмотрим* (КП от 03.02.06).

«Письменному диалогу» также свойственно употребление ФМ, поскольку «письмо – это в определенном смысле часть диалога» [Лихтман 1989: 200]. Ср. в письмах А. А. Реформатского: *«Не успел я получить ответа на мое предыдущее письмо, как **бац**! от Вас и Инны письмо и корзина»; «А она – **бабах** мне целую библиографию на проверку»; «Надежда Васильевна хрипит, внуки, **тьфу-тьфу**, не больны».* Даже библейский текст, хотя и весьма редко, фиксирует ФМ. В Священном Писании ***А*** – восклицательное междометие радости, печали, сожаления или презрения (Іезекіиль XXV, 3) [БЭ: 7]. В Откровении Иоанна Богослова: *Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; **о**, если бы ты был холоден или горяч* (3: 15).

Исследование функционально-стилистического употребления (арго, диалекты, жаргоны, литературный стандарт) ФМ позволяют проследить некоторые тенденции (см. рис. 5): 1) ФМ наиболее частотны маргинальных функциональных подсистемах языка; 2) функционирование ФМ связано со специфической функцией (детская, эстетически ориентированная,

патологическая речь). Именно маргинальные коммуникативные системы позволяют, на наш взгляд, обнаруживать истинную природу ФМ.

Другой типичной сферой бытования ФМ является *сфера художественной речи,* где ФМ являются не только и не столько средством выразительности, сколько выходят на глубинный уровень структурирования текста.

3.2. Сфера бытования ФМ в «другой» речи. «Другая» речь – это своего рода «другая» ветвь развития языка. В современных исследованиях межличностной коммуникации выдвигается тезис о том, что в древности побочным результатом оперирования со знаковыми системами, возможно, и оказываются явления, называемые «архаическими верованиями». Точнее, их, вероятно, можно расценить как своего рода презумпции общения, т. е. как предположения одного субъекта коммуникации о правилах, которыми руководствуется другой субъект коммуникации, дающие возможность осуществлять целенаправленное коммуникативное воздействие на партнера, провоцируя его на ожидаемое поведение [Новик 1994].

Для аргументации этого тезиса Е. С. Новик рассматривает универсально распространенные верования: 1) фетишизм, связанный с синкретизмом знаковых систем, превращающим материальные предметы в «чувственно-сверхчувственные» вещи-знаки постольку, поскольку эти предметы оказываются значимыми для воспринимающего субъекта; 2) анимизм как следствие диалогической реакции, которая, по очень точному выражению М.М. Бахтина, «персонифицирует всякое высказывание, на которое реагирует»; 3) магию и жертвоприношение как формы целенаправленного коммуникативного воздействия, призванного спровоцировать партнера на выгодную для отправителя ответную реакцию; 4) избранничество и одержимость как формы «принятия роли» партнера; 5) шаманство как модель двустороннего общения. В последних двух случаях мы, как и в случае магии, фетишизма или анимизма, имеем дело с явлениями, распространенными практически повсеместно; их чисто логическая вписанность в модель межличностной коммуникации позволяет отнести их к глубинному уровню элементов архаических верований и в этом качестве отделить их от тех

случаев, когда они, обрастая соответствующими социальными связями и институализируясь, становятся формами ранних религий [Новик 1994].

По сути дела уже с самого начала своего зарождения описанные виды архаических верований и соответствующие им формы коммуникации являли собою маргинальные системы как «инаковые», «другие» по отношению к основному виду коммуникации древнего человека. На это же указывает и культурно-мифологическая концепция происхождения языка, которая рассматривает факт зарождения человеческого языка в контексте эволюции мифологической культуры. На уровне накопления мифологического восприятия человеческий язык еще не функционировал, а коммуникативную функцию выполняла знаковая система по типу «языков животных» – что было результатом развития предметно-орудийной деятельности раннего архаического человека [Топешко 2000].

Дифференциация осознания привела к появлению оппозиции сакральное – профанное. Возникло представление о том, что пространство и время прерывны, и о том, что для выражения мифологического осознания мира подходят лишь некоторые места и периоды времени. Чтобы восстановить древнее осознание мира как единого и священного организма люди стали особенно внимательно относиться к формальной стороне коммуникации со священным, что привело к оформлению ритуала и еще больше затруднило доступ к мифологическому осознанию. Как часть ритуала появились первые архаические жрецы или шаманы – хранители древнего искусства общения со священным началом жизни. И чем дальше люди уходили от мифологического осознания, тем более «магическими» становились тайны жрецов.

Можно полагать, что сущность и функции «другой» речи принципиально не изменялись с начала своего существования: «другая» речь и сегодня обслуживает прежде всего сферу ритуального (сакрального), обрядового, религиозного, а также примыкающего к ней коммуникативного пространства. «Другая» речь – это прежде всего *сакральная сфера бытия*.

Система ритуалов, мифология и язык являются наиболее древними семиотическими системами, где в филогенезе ритуальное действо было

первым этапом семиозиса, на основе которого формировались мифологические представления и язык. В сущности «другая» речь – это язык ритуальный, если понимать ритуал в самом широком значении как символические действия.

Если рассматривать ритуал как переходную форму коммуникации между языком животных и языком человека, где смысл ритуала заключался в повторении, в воспроизведении сложившейся у племени картины мира и представлений о должном поведении в ответственных и критических обстоятельствах, а соблюдение ритуалов ощущалось архаическим социумом как залог безопасности и процветания [Мечковская 1998: 53], то в современной синхронии «другая» речь в этой функции в той или иной мере проявляется в детской речи и детской игровой коммуникации. Сфера бытования «другой» речи – не только *сфера детской коммуникации* (игровой фольклор, детская заумь, детские тайные языки, пестушки, потешки), но и *сфера игрового пространства* вообще, прежде всего фольклорного (малые фольклорные жанры, частушки-«нескладухи», былички).

«Другая» речь – это состояние *измененного сознания,* где речь рассматривается не как самодостаточная сущность, а как «испорченный», «деформированный», «разрушенный» доминирующий коммуникативный код.

Как своеобразный синтез игровой и сакральной (ритуальной) коммуникации с элементами измененного сознания возникает «другая» речь в *поэтическом дискурсе*.

Особенно активны ФМ в современных музыкальных поп- и рок-текстах. Появление музыкальной зауми обычно связывают с джазовыми голосовыми импровизациями Элвиса Пресли, Чака Бери, Бадди Холи и др.: ***лаб-туба-ту-ба, ша-ла-лу-ла*** (позднее данное сочетание приобрело значение «марихуана»); ***буги-вуги, хип-хоп*** (так стали называться целые музыкальные течения). В Росси в 70-х Б. Гребенщиков запел «***Ванна хойя о-о-о, Яна-хойя у-у-у***», сопровождая это целым театральным (resp. ритуальным) действом на сцене. Сегодня ФМ являются обычными для песенных текстов, причем их форма традиционна для языкового дискурса (фольклорной зауми и живой

народной речи): ***тара-ра-ра, ла-ла-ла*** (Ва-банкъ); ***ой-йо, ах-ах, чух-чух, ох*** (Б. Гребенщиков); ***ой-йо, о-о-о, бип-па-па, па-па-па***, ***таб-табу-ду*** (Чайф); ***о, эй, о-ё-ё-ё-ёй, я-я-я-ай, ха-ха, ох-хо-хо*** (ДДТ); ***ой, о-о-о,ох*** (Чиж и К); ***эге-гей*** (Агата Кристи); ***о-о-о*** (Наутилус); ***а-а-а*** (В. Цой); ***ша-ша-ша, па-па-па-пам, е-е-е, ла-ла-ла, на-на-на, ху-ху, ху-ха*** (Любэ); ***о-о-о, ла-ла-ла, эй, па-па-па-пам, на-на-на, я-и-я*** (Линда***); па-па-пади-пап, уля-уля, у-хо-хо, быр-быр-брр, там-тарам, а-а-а*** (Иванушки International); ***тум-бам-бам-ба*** (Л. Агутин); ***ой-ё-ёй*** (Дюна); ***тари-рари-рам, ла-ла-ла, ля-ля-ля (***Руки вверх); ***парум-пару-па-па-па, тук-тук*** (А.Апина); ***шики вагу*** (Чай вдвоем) и др.

Даже в политических комментариях заумные ФМ вполне гармоничны: «*Ельцин **хури**, Ельцин **хира**, Ельцин **хури-хира**… Даже если Зюганов каждое утро будет повторять эти слова…*» (НТВ, «Сегодня», 31. 08. 98). «Инаковость» «другой» речи приводит к серьезным последствиям при включенности ее в политический дискурс. Так, в 1931 году ОГПУ завели дело на обэриутов и А.Туфанова, где заумь рассматривалась как «подрывная работа против советской власти». По приговору от 21 марта 1932 году Туфанов получил пять лет концлагеря, Хармс — три года концлагеря, а Бахтерев и Введенский были лишены прав проживания в Московской, Ленинградской областях и крупных городах сроком на три года [Разгром… 1992: 175, 171].

4. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФМ В РУССКОЙ РЕЧИ

4.1. ФМ в оперативных подсистемах языка

В оперативных подсистемах языка ФМ настолько органично вписаны в доминантную языковую среду, что, на первый взгляд, отрываются от «материнской» системы. Однако органичная включенность ФМ в языковую систему не отменяет специфики этих единиц, которые в современной синхронии сохраняют архаические черты. Исследование континуума ФМ показывает, что структурно-синхронический и генетически-диахронический подходы «пресекаются», «наслаиваются» друг на друга. Через «разорванное», «незаделанное», «просвечивающее» современное языковое состояние в пределах маргинальной зоны проглядывает «исчезнувший»,

«обветшалый» след, произведенный отсутствием Другого (коммуникативного кода, состояния человека и истории, времени и пространства). В современной синхронии ФМ отступают в тень, отрешаются от «мирского», обыденного, сохраняя связь с запредельным, с «абсолютно минувшим, абсолютно прошедшим отсутствием»; выступая как след присутствия отсутствующего. Данный раздел ставит своей задачей определить не только языковую специфику ФМ, но и выявить в функционировании следы проторечевого, архетипического.

4.1.1. Наиболее частотны **ФМ в языковой игре живой речи города**, понимаемой в контексте ассоциативной концепции стереотипного и творческого начал языковой игры. В качестве принципов, определяющих возможность языковой игры и ее творческую природу, называются эксплуатация асимметрии языкового знака и нарушение системных отношений между знаками [Гридина 1996]. На основе ФМ строятся шутки, каламбуры, остроты, «приколы», анекдоты, поговорки. В детской речи – дразнилки.

Ср. языковая игра города: *Кости* ***бряк-бряк****, уши* ***шлеп-шлеп****, песок сзади* ***ш-ш-ш-ш*** (о старости); ***Тыр-пыр*** *восемь дыр;* ***Трали-вали,*** *кошки драли; Трактор в поле* ***тыр-тыр-тыр****, все мы боремся за мир; У Лигачева теперь будильник звенит не* ***дзинь-дзинь****, а* ***гдлян-гдлян;*** ***Тук-тук*** *– Кто там? – Сто грамм. – Заходи.* Дразнилки: *Колян (Толян)* ***бу-бу*** *насрал в трубу. Труба горит, Колян пердит; Мотоцикл-****цикл-цикл.*** *Всю дорогу обосыкал. Самосвал-****вал-вал****. Всю дорогу обосрал!; Обезьяна* ***Чи-Чи-Чи*** *продавала кирпичи. За верёвку дёрнула и нечайно пёрнула. А рабочие пришли:* ***Фу****, воняют кирпичи!; Моряк – с печки* ***бряк****. Растянулся, как червяк!; Мальчик с пальчик Сел на диванчик. Ножку поднял –* ***Фу****! – навонял!*

Особо важным, на наш взгляд, является вывод Т. А. Гридиной не только о креативности речемыслительной деятельности как основополагающем принципе языковой игры, которая использует «лингвистический *инстинкт* (выделено нами. – *С.Ш.*), лингвистическое чутье говорящих» и требует от них решения эвристических задач, но и выводы, поддерживающие собственно ФС-исследования: не абсолютная, а относительная

произвольность выбора мотивировочного признака; стереотипность ономасиологических моделей, влияющих на выбор мотивировочного признака; их употребление. Процесс этот может носить как неосознанный, так и осознанный характер [Гридина 1996: 149-150]. Наши наблюдения над современным анекдотом показывают, что ФМ-номинации в анекдоте являются стандартными осознанными и неосознанными ономасиологическими стереотипами, закрепленными в языке.

Значимой представляется и другая функциональная особенность фоносемантических номинаций в современном анекдоте: семантический потенциал ФМ, которым часто отказывается даже в статусе языковой единицы, в достаточной мере широк и значим: он отражает реальное существование человека в современном ему пространстве.

Звуковая игра в любом тексте уже сама по себе является своеобразным тестом интеллектуального развития личности, в частности языковой личности, степени ее языкового чутья. Использование ФМ в качестве «эзопова» языка является типичным для анекдота. Шифровка свободной мысли обеспечивается как на уровне политического, так и этического табуированного пространства, а дешифровка возможна только при «наличии» у слушающего фоносемантического кода. Ср.: **1)** *Жил-был король, который очень любил песенку «**тюр-ля-ля тюр-ля-ля**», но терпеть не мог песенку «**тру-лю-лю тру-лю-лю**», а тем, кто ее исполнял, приказывал отрубить голову. Многим это не нравилось. И вот один человек возглавил восстание против короля и сам занял его место. Новый король с удовольствием пел «**тру-ля-ля тру-ля-ля**», и эту песенку мог теперь исполнять кто угодно, ведь наступила гласность и демократия. А тем, кто напевал «**тюр-ля-ля тюр-ля-ля**», отрубали голову* (И. Бутман. Сказка о двух королях. Смена, № 218, 1990);

2) *Муж собирается на свидание, сказав жене, что идет на собрание. Прихорашивается перед зеркалом и напевает**: «Пара-па-бабам, пара-па-бабам»**. Жена тоже начинает куда-то собираться: «**Татарам-дарам-дам, татарам-дарам-дам»;***

3) *Два одессита едут по Москве мимо здания КГБ на Лубянке. Один тяжело вздыхает: «**О-о-о...**». Второй раздраженно перебивает: «И вы мне еще рассказываете?»;*

4) *Лето. Четыре секретарши сидят на крыльце санатория. «**Эх**!» – вздохнула одна. «**Ох**!» – откликнулась другая. «**М-да**!» – произнесла третья. «Девочки, вы можете хоть в отпуске не обсуждать дела своих начальников» – простонала четвертая.*

ФМ в анекдоте является показателем интеллектуального развития личности, причем часто носит амбивалентный характер, т. е., характеризуя в анекдоте интеллектуальное бессилие персонажа, одновременно отражает высокий показатель его интеллектуального коэффициента. Ср.: **1)** *Вовочка, назови слово, в котором подряд три буквы Е.* **– *Бе-е-е;*** **2)** *Холмс, объясняя другу дедуктивный метод, устал от непонимания: «Неужели, Ватсон, Вы совсем **тук-тук**?». При этом выразительно стучит себя по голове. Ватсон: «Стучат! Я открою!». Холмс: «Не надо, доктор, я сам открою».*

Фоносемантическая модель *«удар, звук – мышление»* является традиционной для русского сознания, т. е. ономатопы удара и звучания регулярно развивают семантику, связанную с мыслительным пространством. Ср. процессы понимания, мышления: **1)** производимые самостоятельно: *пыхтеть, кумекать, смекать, париться, пухнуть* «думать»; *тряхнуться, **в голову тор** / стукнуло / торнуло* «вспомнить»; *фурычить* «понимать»; **2)** производимые с чьей-то помощью: *вдалбливать;* **3)** возникающие спонтанно: ***а-а-а, ага, ой, эх*** «уяснение, догадка, внезапное воспоминание, обнаружение, уяснение»; **4)** оцениваемые пейоративно: *ни в дудочку ни в сопелочку; пустой звук*; *голова пухнет; мамка в детстве с печки уронила; мешком из-за угла стукнутый*; *гужбан / кукша / трясоголовый; **ни бе ни ме; а в голове, аля-улю, пих-пах, коть-моть*** «глупый, недалекий человек». Ср. ***А-а-а**, вон чё здеся включать, а мы-то чё, деревенские* (Таман Ус.); *У его а в голове-то, от его толку-то нет* (Воскресенск Караг.); ***Ага**, вот в чём дело-то; **Ага**, вот, где мы ошиблись, столько дней насмарку; Не уверяйте меня, именно чавкают, и вдобавок хлюпают! Ага! Эврика!* (В.Высоцкий. Жизнь без сна); *Учится в школе-то девка, да, знать-то, **аля-улю**, всё, бат, двойки да*

колы носит (Костьящер Караг.); *Это всё.. **Ах** нет, я забыла, я люблю вас..* (А.Ахматова); *Да не тот! Тот уехал – спроси! **Ах** не тот? – и толкают локтями; А день… какой был день тогда? **Ах да** – среда!; **Ах**, – вспомнят, – вы ведь долго не курили!; Кто же он – зятёк?.. **Ба**! Вот те на!* (В.Высоцкий).

ФМ в анекдоте является мерой измерения пространства, однако в анекдоте измеряется не горизонтальное (длина), а вертикальное пространство (высота), что отражает и социологические аспекты бытия: концентрированный тип социально-пространственной организации людей, территориальная локализация человеческого сообщества. Современный анекдот актуализирует искусственную материально-вещную среду (ее качество, конфигурацию и пр.), которую по прежнему стереотипу измеряет звуком. Ср.: **1)** *Спор о качестве резины. Американцы: «У нас человек с 5-го этажа упал, подтяжками зацепился за дерево и остался жить». Русские: «Это что, вот у нас поп с колокольни упал, сам – **вдребезги**, а калошам хоть бы **хны»;*** **2)** *Идет человек по лестнице. Мальчик ему говорит: «Дяденька, у нас ступеньки скользкие». Тот в ответ: «Молчи, **сопляк-ляк-ляк-ляк**».*

Измерение пространства при помощи звука является одним из древнейших способов. Первоначально мерой длины являлся бросок камня или палки: в древнерусском – ***вержение камня***, в диалектах – ***шибавище*** (< *шибать* «бросать, кидать»), ***метавище*** (< *метать*), ***палкой / поленом кинуть*** [Мокиенко 1990; Романова 1975]. Все эти слова звукоизобразительны по своему происхождению, т. е. в конечном счете это измерение звуком.

Человек, ставший рабом вещей, не может остановиться в их дальнейшем производстве: как прежде Всевышний создавал Вселенную словом-звуком, так словом-звуком в анекдоте создается ненужная человеку материально-вещная среда. Ср.: *Военный городок. За забором – дурдом. Дурак сидит на плацу и отверткой в ведре дырки побивает. Подходит майор и спрашивает:*

*- Что это ты делаешь? – **Бульбулятор** мастерю. Воды вот нальешь в ведро, а она выливается: **буль-буль-буль. –** Иди отсюда, дурак!*

Идет прапорщик, настроение поганое, погода плохая. Он со злостью пинает ведро и ворчит: «Еще вот новый ***бульбулятор*** *выбросили!».*

Если древние люди и жители деревни олицетворяют природу, то горожанин в анекдоте качествами человека наделяет машины и механизмы (ср. *компьютер спит, разбудить компьютер*; обращение к компьютеру и автомобилю по половому признаку *он-она* и пр.). Ср.: *Самолет заходит на посадку задом. В диспетчерской переполох: «Борт 239, что случилось?». Молчание. Диспетчер: – Первый пилот, ответьте. – Первый пилот пьян,* ***ик-к. –*** *Второй пилот, ответье. – Второй пилот пьян,* ***ик-к. –*** *Штурман, ответьте. – Штурман пьян****, ик-к. –*** *А кто же говорит? – Автопилот,* ***ик-к.***

ФМ в современном анекдоте является в том числе и носителем социологической информации. Изменение социального бытия человека приводит к изменению измерения пространства: современное завоевание пространства обусловлено не движением «по долинам и по взгорьям» (т. е. по природному пространству), а ввысь, где природное (воздушное) пространство осваивается при помощи искусственно созданных объектов (самолетов, небоскребов и пр.). Ср.: *Десятиэтажный дом. На пятом этаже женская баня. Какой-то бедняга сорвался с десятого этажа: «****А-а-а! … Ух ты! А-а-а!****..».*

При этом современное измерение пространства в анекдоте универсально, синкретично, поскольку при помощи ФМ измеряется и высота, и время падения с этой высоты одновременно. Впрочем, данную особенность стоит относить не столько к специфике функционирования ФМ в анекдоте, сколько к семантической специфике ФМ как таковой. Ср.: *С пятого этажа падают так: «****А-а-а-а!!!! Бум!****». А с первого наоборот: «****Бум! А-а-а!****».*

Измерение времени посредством звука также является древнейшей когнитивной моделью (ср. ЗИ-основу русских слов ***час, рок*** и ***время*** в Приложении 1.14). Одним из первых «будильников» человека являлся петух; в анекдоте функцию определения временного отрезка традиционно выполняет кукушка. В анекдоте актуализируется краткость временного отрезка, что косвенно отражает и динамику современной жизни, и время, которое можно «продавать» и «покупать» (ср. *время – деньги*; стоимость

одного часа, одной минуты при репетиторстве, в СМИ и пр.). В анекдоте отражены, с одной стороны, ценность краткости временного отрезка, с другой – способность человека измерять очень мелкие временные отрезки, чего не могли наши предки. Ср.: **1)** *Кукушка, кукушка, сколько мне жить на свете осталось? –* ***Ку...*** *– А почему так ма...;* **2)** *Умирает старый еврей. Всей семьей обсуждали текст самой короткой телеграммы родственникам в Нью-Йорк. Наконец послали: «Хаим все». Ответ из Нью-Йорка: «****Ой****!».*

Актуально использование ФМ для отражения различных аспектов лингвистического бытия носителя анекдота. Крики животных и птиц, как, впрочем, любые ФМ, естественным образом трансформируются в иностранный (неизвестный, заумный) язык, при этом различные животные наделяются способностью говорить по-человечески, что является обычными архетипическими моделями. Ср.: **1)** *Звонок телефона. Собака снимает пастью трубку: –* ***Гав****! -Алло! –* ***Гав****! Алло! Не слышно, говорите по буквам. – Галина, Алексей, Владимир;*

2) *В цирке. Дрессировщик: «Вам не нужен номер с говорящей лягушкой?». Директор не верит, что лягушка может говорить. Дрессировщик щелкает лягушку по носу. Та в ответ: «Ну, допустим,* ***ква****...»;*

3) *Экзамен по немецкому языку. Экзаменатор: «Составьте предложение: лягушка скачет по болоту». Студент: «Айн момент! Дер лягушка по болоту дер* ***шлеп****, дер* ***шлеп****, дер* ***шлеп****!».*

При этом звуки, издаваемые животными, успешно выступают в качестве аббревиации. Ложная «расшифровка» реальных аббревиаций или окказиональные аббревиации являются одним из любимых лингвистических приемов в анекдоте, который в очередной раз иллюстрируетет универсальный механизм «прорастания» биофоносферы в семиосферу. Ср.: *Вор идет на дело. Дорогу ему перебегает черная кошка. – На кого работаешь? –* ***Муррр****!*

Есть анекдоты, где ФМ просто обозначают табуированные физиологические процессы, что предполагает «смешное» вне всякого интеллектуального начала и что при желании (или с большой натяжкой?) можно назвать «площадной» культурой. Ср. *Один человек страдал газами.*

*Пошел к доктору: «Доктор, **пук**! Помогите, **пук**!». Доктор вставил ему свисток. Пациент: «Доктор, **фьють**! Все хорошо, **фьють**! Сколько это стоит, **фьють**?». Доктор: «Сто рублей». Пациент: «Что, **фьють**? Так дорого, **пук**!».*

Одновременно с этим в отдельных текстах ФМ является тем ключевым словом, которое и составляют смеховую сущность анекдота, т. е. его отсутствие лишит текст не только юмористического начала, но и всякого смысла. Ср. **1)** *Кого хороните? – Тёщу. – А почему гроб боком держите? – А-а-а ... Когда на спину ее переворачиваем, то какие-то звуки идут – **хрр-хрр**;* **2)** *Папа, тут одеколон стоял. Ты не видел? – Ну **дак...ккм**!;* **3)** *Петька, ты где свинину на ужин взял? – Да я, Василий Иванович, выхожу на крыльцо, смотрю – свинья бежит. Я как дал шашкой – она и **мяу** сказать не успела.*

Все рассмотренные выше приемы носят осознанный характер, т.е. создатель и транслятор анекдота намеренно использует ЗИ-потенциал языка, что указывает на прозрачную сущность ФМ для современного носителя языка. Однако в анекдоте репрезентируется и неосознанное фоносемантическое начало. Ср. *Берлин. 1944 год. Холодно. Штирлиц и Мюллер стоят в очереди за шнапсом. Мюллер ёжится: «Штирлиц, скажите что-нибудь тепленькое!». «**Фуфайка**», – сказал Штирлиц и густо покраснел.*

В данном тексте происходит неосознанная актуализация ЗС-характеристики звуков русского языка. Сущность анекдота принципиально бы не изменилась, если бы Штирлиц ответил *печка, валенки* или *тулуп* – эти слова также несут, условно говоря, «русское рабоче-крестьянское» начало. Однако слово *фуфайка* содержит, по А.П.Журавлеву, «горячие» звуко-буквы, что, безусловно, носителем анекдота не осознается.

Даже внешне случайные созвучия, которые обычно воспринимаются как пустые лингвистические «бирюльки», в реальности являются лингвистически обоснованными, а «случайное» звуковое сходство является стандартной когнитивной моделью древности, часто звукоизобразительной. Ср.: *Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж*, где слова *чертенок, чертить, чертеж* восходят к одному и.-е. корню *(s)ker- *(s)kor- «резать, обрезать, отсекать, рубить», а слова *черненький, чумазый*

(<черномазый), *черный, чернила* являются близкими родственниками. Все слова этимологически связаны с ФМ ***чирк, черк*** «резать, царапать». Лишь слово *четыре* стоит особняком и не связано родственными узами с другими словами, что, однако, не отрицает связи как таковой: современные этимологические изыскания фиксируют и ФС-базу слова *четыре* (связано с и.-е. *kuesnt- «дыхание» и *uer- «говорить») [Маковский 1996: 259-260].

Функционирование ФМ в живой устной речи имеет универсальный характер, который не зависит от конкретной коммуникативной среды, отражая глубинные модели и структуры языка: в современной синхронии «проступают» следы древних когнитивных парадигм; репрезентируются универсальные механизмы «первоначала» речи, в том числе и как стандартные осознанные и неосознанные ономасиологические стереотипы, закрепленные в номинативной системе языка.

В современной синхронии функционирование ФМ отражает систему и принципы «расчленения» древнейших прево-смыслов: от физиологического до семиотического бытия человека. Звуковая интерпретация реальности через ее (реальность) звучания реинкарнирует в живой устной речи древнейшие механизмы семиотизации звука. ФМ отражают довольно широкий спектр значений, семантический потенциал которых в том числе отражает и реальное существование человека в современном ему пространстве, которое, однако, организовано по архетипической модели. При этом ФМ снова становятся не только достаточным, но необходимым условием коммуникации, возрождаются и вновь оказываются предпочтительными для реализации коммуникации, осуществляемой под воздействием новых факторов.

4.1.2. В художественной речи ФМ используются довольно давно. Первая письменная фиксация ФМ точно не установлена, однако обычно указывается XVII век. Называют текст Кирши Данилова «Гость Терентище», где употребляется ЗС-слово ***килди-милди*** «о зуде» [Лурье 1955: 31]. Первое ЗП – «медведь – ***мру, мру, мру***» – отмечено в «Повести о премудрых женах» (1680) [Германович 1961: 475]. Однако уже с XVIII века ФМ активно

функционируют в художественных текстах низкого стиля [Германович 1948: 29].

В фонике и поэтике основное внимание традиционно уделяется звукописи, которая выполняет следующие функции [Голуб 2001: 180-182]:

1) выразительно-изобразительная: а) отражение слуховых впечатлений. Ср.: *Около избы десятского забили в чугунную доску.* ***Бем, бем, бем. Бем, бем, бем..*** *– понеслось по воздуху, и от этого частого, неугомонного звона щемило за сердце и становилось холодно* (А. Чехов); *Говорили они* [приказчики] *на О, Г произносили как латинское g; оттого, что почти через каждые два слова они употребляли С, их поздравления, произносимые скороговоркой, например, фраза: «желаю вам-с всего хорошего-с» слышалась так, будто кто хлыстом по воздуху бил – «****жвыссс****»* (А. Чехов. Мужики); *Тятька* ***шур-шур-шур****. Шуршит, как оса в меду* (В. Астафьев. Монах в новых штанах); *А то нижнюю губу выпятишь и пальцем по ней дрынькаешь, а она вроде как хлопает: звук такой смешной,* ***шлеп-шлеп;*** *Ногами стал тупать:* ***туп! туп! туп! туп!*** (Т. Толстая. Кысь);

б) передача характера действий (энергичных, порывистых и пр.). Ср.: *Что в ней привлекательно, так это резкие переходы, переливы красок, эта порывистость анафемская****… Бррр!*** *А веселая –* ***фюйть****!* ***Пшик*** *– пропало* (А. Чехов. Тина); *Он придет с мешком, да девчонку* ***шварк*** *в мешок, да сам туда же с головой, подымет ей рубашонку, да и ну хлестать* (Л. Толстой. Власть тьмы); *Горшки-то вверх днищем перевернет, да давай палками в их бить, –* ***тумпа-тумпа****, а потом бочку-то в днище-то:* ***хрясь****!!! –* ***брамс*** *и выйдет* (Т. Толстая. Кысь); *Он ее по руке* ***хрясь*** *– не лапай. Шагнул к купцу и* ***хрясь*** *ему кулаком по скуле* (Б. Акунин. Любовник смерти); *Матрос* ***хвать*** *наган, и* ***хлоп*** *его как муху* (Б. Пастернак. Доктор Живаго);

в) отражение настроений и чувств героя. Ср.: *Вдруг померещилось, что они пялятся из тьмы багровыми ямками вырезанных глаз.* ***Бр-р-р****...; А сердце* ***стук-стук-стук*** (Б. Акунин. Любовник смерти); ***У-у-у-у-гу-гу-гуу!*** *О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне поет мне отходную* (М. Булгаков. Собачье сердце); ***Тук, тук, бух, бух, бух… Ага..*** *Кто? Кто? Что?..* ***Ах****, стучат,* ***ах,*** *чёрт, стучат* (М. Булгаков. Записки на манжетах); ***Ти-к-та,***

та-к-та. *И Меркулов сонно шепчет вместе с маятником: «тя-го-та»* (А. Куприн. Ночная смена); *Что такое секунда? Подойдём к секунде по-философски. Это* ***тик-так.*** *Что* ***такое тик-так****?* (Н. Эрдман. Самоубийца); ***«Так-таки-так»*** *– чеканили дряхлые жестяные часики с огненным видом Бородина,* ***«так-таки-так»*** *– и этот стрёкот успокаивал больше всего* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Это всё.. **Ах** нет, я забыла, я люблю вас..* (А. Ахматова).

Ср., также в поэзии М. Цветаевой:

Ой! *– Молния*	*Грех – таки...*	*Лбом об землю –* ***чок!***
Ой! *– Жжет!*	*Стыд – таки..*	*Да на ветку -*
Не – молния!	***Кхе-кхе-кхе...***	***Скок -***
Конь – ржет!	***Кхи-кхи-кхи...***	*Тут к ней барин!* ***Хвать!***
«Переулочки»	«Крысолов»	«Молодец»;

2) эмоционально-экспрессивная: а) передача эмоциональности речи; б) функция «звукового курсива»; в) отражение лирического настроения.

Ср. в повести А. Веселого «Россия, кровью умытая…»:

«Полный ход, душа вон и лапти кверху.
- Есть.
- Рви.
- Та-та-та… та-та-та … та-та-та …
- Та-та-та… та-та-та … та-та-та …
- Ш-пш… ш-пш … ши-ш-ш…
- Та-та-та … да-да-да… да-да-да…»;

«С ночи до ночи гулковался кораблюха. В широком ветре железные жилы винтов, гиковых – ***гуууу-юууу****… Рангоут под железо, взахлеб-бормотливой болтовне турбин* ***буль-уль-уль-пульк-ульх:*** *жидкого железа прибой… Кубрик в жарком храпе. Молочный сонный рот хлябло:* ***пц'я… пц'я…»;***

3) смысловая: а) выделение логически важных слов, образов, мотивов, тем. Ср. ***Бери, Броун! Бритвой, Броун, бряк!*** *Охриплый флейтист бульк из фляг* (М. Кузмин); *Я стал на четвереньки и залаял:* ***Гав! Гав! Гав!*** (В. Маяковский);

б) выделение логических акцентов текста. Ср. ***Гм!..*** *Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто..* (А. Чехов. Хамелеон);

в) выделение однородных членов предложения. Ср. *Дружно свистели сорок четыре веселых чижа: чиж –* ***трити-тити,*** *чиж –* ***тирли-тирли****, чиж –* ***дили-дили****, чиж –* ***ти-ти-ти****, чиж –* ***тики-тики****, чиж –* ***тики-рики****,*

*чиж – **тюти-люти**, чиж – **тю-тю-тю*** (Д. Хармс); *Руки мои начинают быстро разбрасывать картошку. **Трах-бах! Тарабах!*** (В. Астафьев); *Шел я, спотыкаясь; а метель, мне сугроб под ноги наметая, то вдруг: «**У-у-у!**» – кричала в темноте, то вдруг: «**А-а-а!**» – кричала, как живая* (Н. Рубцов);

г) выделение смысловой близости, однородности описываемых предметов. Ср. *Спи, дитя! Май* **беби,** ***бай****! Много сил скопи!* (В. Высоцкий); *А почему кинешь, потому как кохинорцы эти* **не по-нашему** *говорят.* ***Бал-бал-бал да бал-бал-бал*** *– да и все тут, да и* **ничего не разберешь** (Т. Толстая. Кысь); *Шею сломаем* **наречьям***, точно* **гусятам***. Нам наскучило их* ***«Га-га-га!»*** (В. Хлебников); ***А.. а.. а..*** *– последним звуком* **кончилась** *женщина. –* ***А.. а.. а*** (Г. Щербакова. Митина любовь); *Качай же, чёрт, качели, Всё* **выше, выше**... ***ах!*** (Ф. Сологуб); *Имя твоё –* ***ах,*** **нельзя*!*** *– имя твое – поцелуй в глаза…* (М. Цветаева);

4) <u>композиционная:</u> а) отличать фонетически каждый новый поэтический образ; б) отражать развитие темы; в) оттенять смену картин, не разрушая целостности частей текста.

Ср., например, в романе А. Белого «Котик Летаев»:

Курий крик –

- Крр-кр! – (образ Петрушки появление)

- каверзник: растрещался трещоткой; он –

- грудогорбая, злая, пестрая, полосатая финтифлюшка-петрушка: в редкостях, в едкостях, в шустростях, в юростях, востреньким, мертвеньким, дохленьким носиком, колпачишкою и щеткою в руке-раскоряке колотится, что есть мочи без толку и проку на балаганном углу –

- Крр-крр-кр! – (ощущения ребенка)

высоко!

Я –

- подтянутый,

- схваченный,

- вскинутый –

- с изумлением, строгостью и безо всякого наслаждения рассматриваю вредоносное, вострое, пестрое и очень злое созданьице, как дозирают тарантулов в опрокинутой банке: как бы не выскочил укусить;

и –

– Крррр-крр-кр! – (образ Петрушки исчезновение)

- *разрезает картавенький голосок как точеными ножницами: подчирикнул, подпрыгнул и нет его – на балаганном углу; падают лишь снежинки на носик.*

Однако в художественной речи функционирование ФМ связано не только с их особыми выразительными возможностями, но и с углублением смыслов, передаваемых художником. Так, поэтический язык М. Цветаевой отличается особым пристрастием к употреблению ФМ. В дневниковых записях, относящихся к сороковым годам, М. Цветаева писала: *«Моя трудность (для писания стихов и, может быть, для понимания) в невозможности моей задачи например, словами (то есть смыслами) создать стон:* ***а-а-а.*** *Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в словах осталось одно:* ***а-а-а.*** *Зачем такие задачи?».* Ср. ее понимание поэзии: «*в тетрадь, чтобы не задохнуться*»**.**

Из 356 употреблений ФМ в текстах М. Цветаевой – 44,6% артикуляторных (***кхе, фырк, ой, тьфу*** и др.), 3,2% акустических (***бац, дзинь, порх, чок*** и др.), 7,5% подзывных и прочих ФМ (***ау, брысь, тсс, цыц*** и др.) и 44,6% единиц имитации зауми (слова-конструкторы типа «лего», в котором из одних и тех же элементов можно собрать и дом, и машину, и корову, и человека), где остраняется обычное слово путем поэтической этимологизации (***об-ми-рай, сне-го-вей, рас-стояние, о-снова*** и т.п.).

Эта статистика показывает, что в идиостиле М. Цветаевой актуализируются внутренние (скрытые, имплицитные) процессы жизни физического тела (артикуляторные ФМ) и «тела» языка (имитация зауми). Поэта не интересуют внешние звучания (акустические ФМ) и обращенность к другому (подзывные и прочие слова). Можно предполагать, что М. Цветаева существует во внутреннем мире, а внешний мир, диалог с ним, ответность в этом диалоге не имеют для нее особого значения.

Очевидна актуализация артикуляторных ФМ, где выделяются группы непроизводных междометий и номинации собственно органических звучащих движений человеческого тела. По М. Цветаевой, поэт – «утысячеренный человек», в том числе утысячеренный и со стороны «физики тела», которая является значимой во многих поэтических и философских

системах (О. Мандельштам, Вл. Соловьев, В. Розанов, Д. Мережковский, Б. Поплавский, Г. Марсель, М. Пруст, П. Валери и др.).

Проблеме значимости человеческого тела, психофизиологического в художественном творчестве посвящены не одна статья и монография [Выготский 1987; Бахтин 1990; Успенский 1994, 2; Фрейд 1991, 2; Топоров 1995]. Биофизическая органика в известной мере определяет, «преформирует» существенный пласт духовного творчества, и результаты этого творчества, тексты, хранят в себе отражения этих «органических» движений. Бессмысленно задавать вопрос о том, что первично – душа или тело, по крайней мере в контексте идеи духовного и телесного единства, предопределяющего отсутствие «интервала» между душой и телом [Топоров 1995: 430]. В поэзии М. Цветаевой ФМ являются знаком личного и языкового типа поведения поэта, которые позволяют преодолеть «репрессивно-подавляющую, контролирующую функцию» (Л. С. Выготский) языкового знака, чья роль заключается в репрессии «физики тела», инстинктов как «реального», натурального уровня психики социальным дискурсом [Выготский 1982, 1; Лакан 1995; Фрейд 1991, 1].

Ср. – ***Ух!***
– Кто же это там ухнул вдруг?
– Просто вылетел из тела – дух!
«Царь-девица»

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
***Ох,** этот рев зверский!*
*Дерзкая – **ох**! – кровь.*
«Стихи о Москве»

***Ах**, далеко до неба!*
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!
«В гибельном фолианте...»

***О** друг! Не обессудь!*
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей...
«Бессонница»

Существенную роль в поэтической системе М. Цветаевой играют междометия. Как литературный манифест возникает в 1924 году стихотворение «Молвь», где вся сложность жизни и высота поэзии укладывается в несколько междометий: *«**Ах** с Эмпиреев, и **ох** вдоль пахот. И повинись, поэт, Что ничего, кроме этих ахов, Охов, у Музы нет»*. По М.

Цветаевой, эти «неодолимые возгласы плоти» и являются «проводниками в душу, а не в пустоту».

Еще более глубокие механизмы функционирования ФМ обнаруживаются в повести В. Пелевина «Желтая стрела». Предметом анализа станет фрагмент «Тотальная антропология» (см. Приложение 4.5). Этот элемент текста репрезентируется (как минимум) на двух уровнях: 1) как текст «Тотальная антропология», которую читает Андрей в 6 главе повести; 2) как фоносфера, отраженная в повести. Центральной категорией фрагмента текста является ЗП стуку колес поезда, которые и формирую смысловую структуру данного текста в тексте. Если учесть, что «Тотальная антропология» в свою очередь является смысловым центром всей повести «Желтая стрела», то можно считать, что ФМ являются носителем смысла целого текста.

Фрагмент «Тотальная антропология» отличается маргинальностью, выделяясь в целом тексте повести: 1) он является композиционно-структурным центром повести (6 глава); 2) это единственный текст в тексте, который имеет собственное заглавие; 3) стилистика этого фрагмента определяется частотностью ФМ, 4) которые выполняют не только структурные функции, но и функции порождения смысла, 5) являясь при это открытыми структурами, которые, с одной стороны, имплицитно обнаруживают смысловое пространство текста, с другой стороны, обусловливают те, по Р. Барту, «ускользающие смыслы», которые и составляют суть художественного.

Для текста «Желтой стрелы» характерна попытка «тотальной инверсии» семиосферы, однако анализ языковых механизмов показывает, что инверсия оказывается реинверсированной. Другими словами, идиолектный эскапизм В. Пелевина не отменяет общеязыковых законов и универсалий.

«Тотальная антропология» В. Пелевина в той или иной мере отражает все аспекты научной антропологии, однако наиболее очевидна репрезентация антропологической лингвистики и культурной антропологии.

Антропология физическая, которая исследует становление происхождения и эволюции человека как биологического вида, у В.

Пелевина инверсирована: жизнь, мир, пространство превращается в Желтую стрелу; человек – в пассажира; виртуальное – в реальное. Принцип «тотальной инверсии» проявляется в том, что время движется в обратном отсчете (обратная нумерация глав) к нулю, пустоте; биосфера и ноосфера – от высшего к низшему: из бесконечности в нуль, пустоту; от Бога к Андрею; от божественной апостольской дюжины (первая глава 12) к дюжине чертовой (в повести 13 глав); Страшный суд Бога – в пир пьяного мужика.

Инверсирована у В. Пелевина и фоносфера: естественные переходы от звучаний биосферы (природа) к семиосфере (речь человека и звучания артефактов) в повести трансформируются в обратный порядок.

В конечном счете, как бы не интерпретировалась Желтая стрела (поезд, жизнь, человек, время, пространство и пр.), ее движение обозначено сменой парадигмы фоносферы. Ср. в первом абзаце повести, где актуализированы громкие звучания человека и культурные (не природные) звучания, которые являются результатом взаимодействия человека и вещи или человека и человека: *утренний* ***шум,*** *бодрые* ***разговоры*** *в туалетной очереди, отчаянный детский* ***плач,*** *близкий* ***храп,*** *заработало* ***радио,*** ***заиграла музыка.***

Перед выходом героя из поезда все звуки исчезают, образуется нуль, пустота фоносферы, из которой рождается новый (не существующий прежде) звуковой континуум – тихие звучания самой природы и результаты взаимодействия человека и внешнего мира: ***Громыхание*** *колес за спиной постепенно* ***стихало****, и вскоре он стал ясно слышать то, чего не слышал никогда раньше:* ***сухой стрекот*** *в траве,* ***шум ветра*** *и* ***тихий звук*** *собственных шагов.* Здесь новый звук означает рождение нового мира и человека (выход из пассажиров), что, во-первых, репрезентирует универсальный миф о со-творяющем начале звука, а, во-вторых, «рождение» сознания человека (здесь – не пассажира) начинается с ощущения и с осмысления природной фоносферы. Инверсия реинвертируется, универсальный семиотический континуум восстановлен.

Антропологическая лингвистика, которая исследует генезис языка, его происхождение как универсального феномена человеческой культуры,

актуализирована в тексте «Тотальной антропологии» наиболее системно. Структурирующей единицей «Тотальной антропологии» является окказиональная ФМ. В «Тотальной антропологии» ФМ – это новый, едва нарождающийся язык нового биологического вида – пассажиров, в жизни которых стук колес является единственным естественным непреложным звуком, каковыми являются для людей звуки природы.

Вечность и древность этого звука-стука подчеркнута статистикой: *в языках различных народов имеется примерно двадцать тысяч его имитаций, из которых около восемнадцати тысяч относится к мертвым языкам; большинство из этих забытых звукосочетаний даже невозможно воспроизвести по сохранившимся скудным, а часто и нерасшифрованным записям.*

Здесь очевидна архаичная природа этих единиц, их тотальная фиксация в словарях, поскольку, вероятно, других слов не было, как, впрочем, не было и самих словарей, да и вообще ничего не было – пустота.

Заумь В. Пелевина может рассматриваться как протоязык пассажира, который являет собою мету перехода от человека к пассажиру. Возможно, что «остановка» звука перед выходом Андрея из поезда являет собою начало нового языка не только для героя (от пассажира к человеку), но и для тех, кто остался в поезде, где с обретением нового языка произойдет их окончательная эволюция в пассажира. Ср. например, формирование у пассажиров похоронного обряда, который является ключевым понятием семиосферы.

В семиосфере пассажиров формируются космогонические мифы. Не случайно пассажир воспринимает мир за окном поезда как «тот», потусторонний, мир. Для человека – в «том» мире живут боги и духи, для пассажира – боги, духи и животные. Выход в «тот» мир – равнозначен смерти, поскольку там никто не был и никто оттуда не возвращался. Ср. *Мама, – спросила вдруг она,- а что там? – Где там?- спросила мама. – Там, – сказала девочка и ткнула кулаком в окно. – Там там, – с ясной улыбкой сказала мама. – А кто там живет? – Там* **животные***, – сказала мама. – А еще кто там? – Еще там* **боги** *и* **духи***, – сказала мама, – но их там*

никто не видел. – А люди там не живут? – спросила девочка. – Нет, – ответила мама, – люди там не живут. Люди там едут в поезде. – А где лучше, – спросила девочка, – в поезде или там? – Не знаю, – сказала мама, – там я не была. – Я хочу туда, – сказала девочка и постучала пальцем по стеклу окна. Здесь обнаруживается «реинкарнация» индоевропейского мифа о том, что дар речи (помимо «двуногости») отличает людей от животных, а людей от богов (помимо «бессмертности» и «небесности») отличает особая пища и особый язык.

В повести ФМ вырастают в полисемантичные, диффузные, нерасчлененные синтаксические структуры, характеризующие целую ситуацию, время, культурную парадигму. Ср. стук колес в Грузии – ***коба-цап*** (кличка Сталина – «Коба» + цап «схватить, укусить»); в Англии – ***клик-о-клик*** (трансформация файв-о-клок + clack «щелк»); во Франции – ***клико-клико*** (шампанское «Вдова Клико»); в Польше – ***пан-пан*** (обращение); в Северной Корее – ***улду-чу-чхе*** (идеология чучхе); в Японии – ***додеска-дзен*** (фильм А.Куросавы (додеска)[30]+ дзен-буддизм); в Южном Китае – ***дэ-и-чань-чань*** (чань-буддизм); во Внутренней Монголии – ***ун-гер-хан-хан*** (барон Унгерн + хан «титул»).

Однако создаваемая В. Пелевиным заумь часто оказывается мотивированной стандартными клише массового сознания, а звукоподражания стуку колес в идиостиле оказывается языковой универсалией: модель построения акустических ономатопов (ударов) во всех языках включают взрывной согласный и / или аффрикату [Воронин 1982]. Любая из реально функционирующих ФМ гармонично вписалась бы в «Тотальную антропологию», однако аномалии типа хлебниковского «*бобэоби*» или пелевинского «*па-дуба-дам*» (о стуке колес поезда в Прибалтике) отягощены эстетическими, психологическими и культурно-историческими коннотациями, которые превращают иконический знак в знак-символ, несущий другую, более емкую, информацию.

[30] В русском прокате фильм А.Куросавы шел под названием «Под стук трамвайных колес».

Культурная антропология, рассматриваемая обычно как этнография и этнология, также реализована на уровне ФМ, которые передают социально-культурную информацию. Однако и здесь культурная парадигма инверсирована в элементарный ЗИ-комплекс: традиции (***клик***-*о*-***клик***), история (*коба*-***цап***), идеология (*улду*-***чу***-*ухе*), денежные единицы (*бир*-*манат*), религия (*улан-далай; дэ-и-чань-чань*), языковая интерференция (*таки*-***бац***-*бубер*-***бам***), культура (*додэска*-***дзен***).

Незначимость денотативного, но актуализация коннотативного компонента в «Тотальной антропологии» подчеркивается пространственно-географической условностью: здесь неважно, что в Якутии, у горских народов Кавказа, у аборигенов Австралии нет железных дорог. Стук колес является здесь культурным знаком, который несет коннотативные смыслы, способные прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам, выполняющим практическую функцию и становящимися тем самым знаками-функциями [Барт 1975: 131]. Эти смыслы диффузны и латентны, никогда прямо не называются и потому могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих: многие коннотации в ФМ В. Пелевина не прочитываются, поскольку их распознавание во многом зависит от кругозора и чутья интерпретатора.

ФМ у В. Пелевина являются универсальным знаком: по Пирсу, иконический, индексальный и символический одновременно. Однако если в естественном языке обычным является переход иконического знака – в символический, то у В. Пелевина стук колес – уже знак-символ. Этот принцип нарушается в случае с Россией, где стук колес – индексальный знак: *Но, конечно, красивее, задушевнее и нежнее всего колеса стучат в России – «**там-там**». Так и кажется, что их стук указывает в какую-то светлую зоревую даль – там она, там, ненаглядная...* Здесь лишь указывается на предмет, который никак не характеризуется, поскольку «тот» мир еще не известен для Андрея и уже никогда не будет известен пассажирам.

Характерно, что слово «стук» в повести встречается только два раза – в первом и последнем абзаце. Остается только удивляться чувствованию ритмической организации художественного пространства автором.

Можно говорить о том, что фоносфера в целом и ФМ являются одним из приемов организации текста повести «Желтая стрела», однако более важным, на наш взгляд, является то, что структурирование идиолектной фоносферы В. Пелевина изоморфно структурированию фоносферы в языке.

Можно говорить о том, что в повести «Желтая стрела» отражаются основные этапы языкового филогенеза, свойства проторечи, трансформации языкового знака в процессе эволюции, основные ФС-законы. Эти общеязыковые проблемы решаются у В. Пелевина на уровне звуков, которые изоморфны звуковым элементам древнейшего состояния языка. Можно говорить также, что название фрагмента «Тотальная антропология» являет собою не просто художественный прием или образ, а своеобразную структурную модель языка. Теория «тотальной антропологии» В. Пелевина не имеет под собой никаких рациональных оснований, однако эта модель языка, весьма близкая к генетическому коду (через ФМ).

Произведения В. Пелевина «многослойны, причем наиболее значимой в них является эзотерическая мистическая составляющая» [Некрасов 1999], что непосредственно связано с ФМ. «Желтая стрела», по мнению критиков, соотносится с мистическим учением К .Кастанеды, что сводит объяснительную силу любого подхода к нулю, поскольку, по словам Учителя Кастанеды Дона Хуана, «мир – это загадка. Мир непостижим, а мы все время стремимся открывать его тайны. Его же надо принимать таким, каков он есть – таинственным!». Однако для нас мистическим оказывается не столько убежденность в непознаваемости мира, эпистемологическая неуверенность, которые декларирует В. Пелевин, сколько выход в «магический» мир проторечи.

4.1.3. В фольклоре ФМ функционируют наиболее активно. Как специфические народные жанры выступают сказки и малые формы фольклора (загадки, пестушки, потешки, народные анекдоты), где ФМ выступают метами жанра. В сказке «рассказчик или певец и слушатель

интересуются только действием и более ничем» [Пропп 1976: 91]. При помощи ФМ легко достигается пословичная краткость, динамизм и экспрессия повествования. Ср.: *Колобок сдуру* ***прыг*** *лисе на язык, а лиса и* ***ам*** *его* (Колобок); *Барин* ***хлоп*** *ее по уху* (Жена-доказчица); *Была у меня, дудушка, пегонька лошаденка; я на ней езжал в лес дрова сечь. Вот однажды я сидел на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит –* ***трюк-трюк****, а топор-то ей по спине* ***стук-стук,*** *да и отсек ей зад. Ну, слушай, дед, – говорит дурак, а сам голицею по лысине* ***щелк*** (Не любо – не слушай).

Типичные сказочные речевые формулы как для так называемых общих мест, так и для характеристики персонажей могут строиться на основе ФМ. Ср.: Баба-Яга неизменно встречает пришельца восклицанием вроде «***Фу-фу / фуй-фуй / фууу****, русским духом пахнет*».

Традиционный для сказок прием повторности (чаще троичности) действий, образов, деталей также может формироваться за счет ФМ. Ср.: в сказке «Лисичка-сестричка и волк» лиса бегает из дома в дом, трижды меняя один предмет на другой, что всегда сопровождается конструкцией «***Стук-стук-стук*** *– стучится она к другому мужику*».

ФМ лежат в основе комических эффектов, которые создаются в сказке за счет ложных этимологий. Ср.: *Только что вы пихнули меня в воду; а я* ***бурл! бурл! бурл!*** *Вот мне и явились буры кони* (Шут). Фиктивные этимологии создают не только комический эффект, но и интригу, обеспечивающую развитие действия. Подобные этимологии находим и в народных анекдотах. Ср.: в сказке «Солдатская загадка» солдат в обмен на соль дает жадной старухе зуб, который солит пищу без соли: *«Вот тебе зуб, – говорит солдат, – как станешь щи мешать, приговаривай:* ***шуны-буны****, будьте щи солоны. Муж придет, будут* ***шлепанцы-хлопанцы****»*. Когда обман открылся, муж схватил жену за косу *«и пошел таскать: вот тебе* ***хлопанцы****, вот тебе* ***шлепанцы****»*.

В анекдоте солдат, заговаривающий старуху, моющую холсты, дает знак к краже товарищу, имитируя колокольный звон: *«****тини-тини****-потягивай,* ***тини-тини****-потягивай». «Эк у вас интересно звонят»,* – удивляется старуха, не подозревая, что лишилась холстов.

В загадках ФМ могут являться как ключом к отгадке (см. ниже 1), так и создавать сложность для ее отгадывания (2); позволяют передать реалии крестьянского труда, например, ритм (3).

Ср.: **(1)** ***Чик*** *да* ***чик*** *и кончик на печь* (волосы стригут); *Под дерюжкой:* ***хлюп-хлюп*** (вода подо льдом); *Без рук, без ног идет вперед, твердит* ***тик-так*** *трудись всяк* (часы);

(2) *В лесу-то* ***тяп-тяп,*** *дома-то* ***ляп-ляп****, на колени возьмешь – заплачет* (балалайка); *В лесу:* ***тяп-тяп-тяп****, дома:* ***ляп-ляп-ляп****. Около:* ***тпруценька****. В середке:* ***тпру*** (сито); ***Рында*** *роет,* ***скинда*** *скачет,* ***турман*** *едет – съест тебя* (свинья, заяц, волк);

(3) О молотьбе: *Летят гуськи, дубовые носки, говорят* ***то-то-ты, то-то-ты****; Летят гуськи, дубовые носки,* ***чок-чокоты*** *ноговаривают; Летят гуськи, дубовые носки, стучат, гремят и все говорят:* ***чекоты-чекоты-чекотышечки****;* ***Потату-потаты-токату-токаты****. А яички ворохом несутся.*

В современной синхронии в загадках очевидно игровое табуирование материально-телесного низа, в диахронии можно предположить архаическую функцию игры-ритуала как биологического межвидового взаимодействия [Монич 2000]. Ср.: *Летит* ***турчек*** *на* ***сторбучек*** *и в дырочку* ***штрух*** (замок и ключ); ***Тулики-батулики*** *из-под лавочки выглядывают* (курицы в залавке); ***Шая-мая*** *вот такая,* ***шунтик-мунтик*** *вот такой,* ***чинчик-винчик*** *— едакой* (бочка, в бочке ковш с ручкой); *Дедушко на бабушке —* ***ярык*** *да* ***ярык****. Не в ту дырку попал, в голбец упал* (помелом в печи подметают).

Ср. в анекдоте: *Советские лекторы читают лекции по научному коммунизму в одной из африканских стран: «Коммунизм – это бесклассовое общество, это счастливое будущее всего человечества!». В ответ слышат: «****На бабуку! На бабуку****!». Лектор продолжает: «Коммунизм – это мечта и конечная цель всего прогрессивного человечества!». В ответ: «****На бабуку! На бабуку****!». Лекция закончилась. По обычаям племени все должны принять омовение и совершить таинство очищения. Лекторы обнажаются. Один негритенок кричит: «Смотрите, смотрите, какая у них* ***бабука****!».*

В фольклоре ФМ часто выполняют композиционную («текстостроительную», часто «упаковочную») функцию, где выступают в качестве эпифоры, анафоры, рефрена, припева, зачина и пр.

Ср. типичные приемы: **1)** анафоры в частушках: ***Зыры-бары, зыры-бары*** *бегаю по дому.* ***Тары-бары, тары-бары*** *не ходи к другому;****Ах/ Ох/ Ой/ Ай*** *товарищ/ яблочко;* ***О-па, о-па, опа-па*** *Жареные раки;* ***Ой топы-топы-топы*** *К нам приехали попы;* ***Ай ту-ту-ту-ту-ту-ту*** *Приходи в субботу ту;* ***Ох-эх, о-ха-ха*** *Чья-нибудь буду сноха;* ***Ой тюк-тюк-тю*** *Голова в дегтю;* **2)** рефрены в плясовых: ***иха-хешки и-ха-ха; уй ля*** *да* ***уй ля*** («Барыня»); **3)** припевы в трудовых песнях: ***Эх-ма****, братцы, даже жарко!* ***И-эх****! Никому-то нас не жалко!* ***Ой****, дубинушка, ухнем;* ***Эх****, вы* ***тары-полутраки-и-и****-и! Косы длинны у татарки-и-и! Идет-идет! Бери-пойдет! А вот она-а-а-а!*

Особо значима роль ФМ в фольклоре для детей и детском фольклоре:

1) в прибаутках: ***Тили-бом, тили-бом,*** *загорелся кошкин дом; Ехил чичик через мост, вел* ***тпру-тпрунюшку*** *за хвост;*

2) в считалках: ***Аты-баты*** *шли солдаты,* ***аты-баты*** *на базар;* ***Ахи, ахи, ахи, ох,*** *Маша сеяла горох, Уродился он густой, Мы помчимся, ты постой!* ***Трынди-брынди****, балалайка, За столом сидит хозяйка.* ***Трынди-брынди****, колбаса.* ***Ах****, я гордость и краса!;* ***Трынцы-брынцы****, бубенцы, Раззвонились удальцы, Диги, диги, диги,* ***дон****, Выходи скорее вон!;* ***Чики, чики, чикалочки****, один едет на палочке, другой на тележке, щелкает орешки; Эни, бени, рики, паки,* ***Буль-буль-буль,*** *каляки, шмаки, Эус, бэус, космобэус,* ***Бац****!; Эни, бени, рики, факи,* ***Тиль, буль-буль****, корики, шваки, Деус, космодэус* ***Бац****!;*

3) в пестушках и потешках: *По кочкам, по маленьким кусточкам, в ямку –* ***бух****; Идет коза рогатая, идет коза бодатая: ножками* ***топ-топ****, глазками* ***хлоп-хлоп****. Кто кашку не есть – забодает; А* ***тари-тари-тари****, куплю Маше янтари; А* ***ува-ува-ува****, нянек много, я одна****; Три-та-та, три-та-та,*** *вышла кошка за кота;* ***Тра-та-та, тра-та-та****, поймал дедушка кота;*

4) в дразнилках: ***Тили-тили-тилишок****, Иванушка женишок,* ***тили-тили****-тесто, Машенька невеста;* ***Тенти-бренти*** *черт Лаврентий ножичек точит резать меня хочет;*

5) в колыбельных песнях: ***Баю-бай баю-бай****, рыбка семга приплывай;* ***Бай-побай****, колыбели не ломай;* ***Ах баи-баи-баи*** *угомон тебя возьми;* ***Баюшки-баю, люлюшки-люлю****;* ***Ай, бай-бай****, ты собачка не лай;* ***Бай-бай*** *да* ***люли****, хоть сегодня помри;* ***Баю-баю-баянек****, приди ко мне на денек;* ***Люли-полюли****, хоть сегодня умри;* ***Баю-баю-баюшок****, на перинку, на пушок;* ***Люлюшеньки-люли****, спи, дитя, усни;* ***Байки-побашки****, пекла баба олашки.*

В фольклоре ФМ выполняют множество функций: композиционная (структурирование текста определенного жанра); экспрессивно-изобразительная; функция опознавания и олицетворения (загадки, детский фольклор); функция создания игрового континуума. Так, в быличке ФМ являются типичными приемами организации фонического пространства текста: **1)** ассонанс и аллитерация: ***бара-бара****, – говорит* ***баран***; **2)** редупликация: ***тар-тар-тар, топ-топ, тики-тики;*** **3)** звуковая тавтология: ***тар-тар-тар*** *доски* ***стар****гали;* ***топ-топ-топ топ****чик;* **4)** звукоподражания: ***бара-бара, о-о-о, а-а-а, тики-тики-тики, свись, тар-тар-тар, топ-топ, взвих.***

Однако это лишь внешние проявления ФМ в текстовом пространстве фольклора. В реальности употребление ФМ, как в языковой игре и в художественной речи, связано с глубинными языковыми и культурными механизмами развития человеческого общества.

В быличке выход нечистой силы из небытия «того» мира репрезентируется сменой коммуникативных кодов, которые коррелируют с эволюцией человеческого языка: от жестового языка через звукоподражание и междометие к логическому языку. Степень приближенности к человеческой коммуникации адекватна степени близости общения между человеком и нечистыми. Эволюция коммуникативных кодов от ФМ к системной лексике обозначает переход от «нечеловеческого» к «человеческому» миру.

Звук, подвергаемый интерпретации, воспринимается как своего рода «жест» в интеракциональном понимании этого слова, т. е. как намерение лица, издающего звук, передать некую информацию или побудить на ответную реакцию [Новик 1999]. Ср.: *Хожу с молитвой. Собирала грибы. А*

*он в том логу жил, черт, лешой. Она, мать-то, говорит: в том логу черт живет, лешой. Раньше зыбку-де качал. Увакал ребенок. Люди слыхали: «**О – о – о – о**». Не ходите туда ино*.

Даже «видимость» нечистой силы для человека становится реальной только при наличии коммуникативного акта, или наоборот, только при общении с человеком нечистые обретают видимый облик: так, например, лесной показывается только тому, с кем говорит. Ср. в быличке: *Суседко вот такой маленькой, бородатенькой. Мать сказывливала – легла на лавку спать. Слышит: **топ-топ топ-топ**. Я, говорит, смотрю – маленькой и бородатенькой. Топчик. Начнет давить, спрашивай: «К добру или худу?». К добру – дак гладит. А в городе у суседушки у него свое хозяйство, свое место, своя там клумба. Вы его, ребята, зря не поминайте.*

При помощи природных звучаний, криков животных и «заумной» междометной речи нечистая сила обычно предупреждает человека о своем присутствии, как бы предлагая человеку избежать контакта. Ср. в быличке: **1)** *Тут одна, Мария, за вдовча Федора выходила, а на его другая баба глаз положила. Вот поехали они расписываться с Марией, и тут беда. Едут они, и вдруг – **свись** – дуга вылетела. Федор токо наладит, попоедут немножко, она опять **свись**. И так всю дорогу. Это наверное супротивнича сделала, недоброе-то. Так они потом недолго и пожили вместе;*

2) *На святки ходили, слушалися на гумно. Пошли мы три девушки слушаться, а одна боевая была, загадала сама на себя, что если брат её живой, война ведь была, так чтобы **гармошка заиграла**. На гору поднялись, углем очертились, и стоим. И тут вдруг такой **ветер** сильной поднялся, деревья **ломались**, мы и бежать. Это уж от нечистого...;*

3) *Что за лешак, мы его не видим. Что погода: **взззь** так как крылом метет с дороги – это вихор, его внуки. Как-то шла из больницы, не надо дорогу пересекать ему. Да гайками в шары – **тики-тики-тики**! Господи! Чур наш аминь! Чур наш аминь! Тебе дорога, мене другая! Да меня чисто всю исшишелкал гайками–то вихор»;*

4) *Пошел мужик в баню мыться, баня была истоплена. Перед самой Паской, весной. Да. В бане моется, парится, на полке. Слышит – доски с*

*полка-то **тар-тар-тар.** Доски развалилися в стороны и пали, **старгали**. И тут из-под полка голова баранья, бараньи рога большущие, винтом закручены. Не овечья, не человечья, а баранья голова. Он вовсе нагой выскочил из бани, халат какой-то надел, без штанов домой;*

5) *Жила одна колдунья, она приютила одного мальчика. Сварила как-то раз пиво, стала обносить всех. А девочка к мальчику пересела. И ей чертенок попал, засел в горле. Она **хыркала – хыркала**, не выходит, доставать его стали. А он кругом зацепился. Везде **лапы–лапы**. Кое-как достали. Когда они зажгли лучину, они этого жучка положили на уголь. Он горел дак **пищал** как мог, **всякими голосами**. Мы у нее были. Видели этих жучков неприбранных.*

И наоборот, эти ФМ могут вызвать нечистых. Если человек не предпринимает никаких действий против нечистой силы, то обычно контакт с потусторонним миром прекращается без особого ущерба, а иногда и с пользой для человека. Ср. в быличке: *В лесу **охать** нельзя – **ох** поймает, к себе уведет. **Охнешь** невдогадки, он и окажется тут как тут. Сам человек как человек, побаят с тобой ласково, за собой поведет. Не хочешь да пойдешь. Приведет к себе, заставит телят своих рыжих пасти, в избе пол с дресвой отскребать. Изба у его большенная, полно грибы соленые в кадушках да ягоды моченые. Послужишь ему хорошо, дак он тебя отпустит, ягодные места все в лесу выкажет*

Однако когда коммуникация неизбежна (обычно потому, что человек нарушает границу миров) – человек пытается противостоять нечистой силе, – то нечистая сила переходит на человеческий язык. При этом выполнение всех условий, предложенных человеку при встрече с нечистой силой, также обусловливает безопасность человека. Однако если человек продолжает сопротивление (проще говоря, не понимает предлагаемого коммуникативного кода), то он подвергается наказанию. Ср. в быличке: **1)** *Раз мужик едет на санях, возле него баран бегает. Ну, мужик его на сани посадил: **«Бара, бара», –** говорит баран. А потом как оскалил зубы! Мужик его и скинул. Тогда баран **человечьим голосом говорит**: «Если бы ты меня не скинул, я бы тебя съел». Это леший был;*

2) *Мужик-охотник пришел домой к себе в избушку. И тут поднялась* ***пурга*** *сильная, деревья даже* ***закружились****. Тут собака у дверей снаружи* ***завыла****, испугалась, ну, мужик тоже. А это леший, который выше деревьев-то.* ***Кричит****: «Пусти в дом». А мужик в это время ружжо заряжал. Он дверь-то открыл, а там – жена. Мужик-то не растерялся, все равно дуло туда сунул. Леший как соскочит, и на весь* ***крик*** *пошел: «Мокритку*[31] *сожег, мокритку сожег». А чё такое мокритка, не знаю;*

3) *У мамы дедушка был, а у дедушки дедушка был. Он был лесовщик. Рассказывал, как он на черта охотился. Вот пошел он в Черепаново. Ниоткуда возьмись* ***гроза. Загремело, загремело****. А я-де встал под дерево у берега реки. Гляжу, черт в реке. Как грянет, и только перестанет греметь, черт высунет ж…у из воды, подымет кверхи, и начинает бога* ***дразнить****. Ж…й вертит, трясет и кричит:* ***«Лю-лю-лю-лю-лю****!». А тут как опять* ***громыхнет****, молния прямо по воде. Черт перестанет. А потом опять* ***дразниться*** *начинает. Я терпел, терпел, а потом вспомнил, что медью в нечисть стреляют. Оторвал пуговицу, зарядил ружье и выстрелил в черта. Убил его.*

Наиболее типичным звучанием нечистой силы в прикамской былички является шум ветра, звук вихря. Самый типичный образ нечистой силы – вихорь, вихрь, который налетает на человека с пугающими звуками: «***взззь***», «***крылом метет с дороги***», «гайками в шары – ***тики-тики-тики***»; ***взвих***; ***свись*** и пр. Вероятно, знание человеком звуковых кодов позволяет ему избежать столкновения с «тем» миром и обезопасить себя. Переход нечистых к человеческому языку означает, что человек нарушил границы миров, а потому за пределами «своего» мира должен играть по правилам, предлагаемым нечистыми, в том числе и понимать их язык.

В тексте былички актуализируются два основных типа звучания: собственно человеческий голос и звук от различного вида ударов, которые

---

[31] **Мокритка** – вероятно, от глагола *мокрить* – делать мокрым; фраза содержит, следовательно, намек на то, что охотник сделал невозможное (сюжет «сжечь мокрое» здесь аналогичен другим формулам отведения нечистой силы, в частности, уверениям типа «выхожу замуж за брата», с помощью которого «отводят» приходящего с кладбища мужа).

соотносятся с архетипическими кодами, репрезентированными на уровне этимологической семантики. Номинации нечистой силы, явлений и действий, связанных с ней, часто имеют ЗИ-природу, где этимологически выделяется два исходных звукоизобразительных значений этимона: **1)** «говорить, кричать, издавать звук» и **2)** «разрезать, отсекать, пронзать». При этом значимым представляется то, что «голосовой» мотив относится к человеку, который общается с нечистой силой, а мотив «рассекания» – собственно к нечистой силе.

Ср.: ***Черт*** < и.-е. *(s)ker- *(s)kor- «резать, обрезать, отсекать» [Черных II: 384]. ***Колдун, колдовать*** < и.-е. *kel- *kol- «говорить, звать, кричать» [ЭСРЯ II, 8: 196-197; Фасмер II: 287-288]. ***Порча*** < и.-е. *per- *por- «перемещать(ся), пронзать» [Черных II: 58-59]. ***Нечистый, нечисть*** < *чистый* < и.-е. *skei- «резать, обрезать, отсекать ненужное» [Черных II: 391].

Этимологическое исходное значение вновь указывает на перемещение миров, их амбивалентность, поскольку сотворение мира Богом также связано с идеей «разрывания, рассечения, разрезания». Мотив «удара, раскалывания, протыкания, распарывания» весьма широко представлен в славянской мифологии: для людей было очевидным учение о божественном происхождении света и его отделении от тьмы как о первом делении Бога (Бытие I, 1-4).

Степень насыщенности текста былички ФМ связаны с эмоциональным «Я» рассказчика, поскольку могут составлять значительный корпус слов всего текста или содержать лишь отдельные «вкрапления». Частотность ФМ в тексте былички напрямую связана с пространственно-временной структурой текста: чем дальше во времени и пространстве описываемое событие, тем меньше ФМ содержит текст. На частотность ФМ влияет степень личной причастности к событиям, происходящих в быличках: актуализация и повышение частотности происходит в соответствии со шкалой «*однажды / давно это было / еще до революции» – «один мужик / люди рассказывал / сказывали» – «мамка / бабушка / сестра / соседка рассказывала» – «я».* Можно говорить о том, что степень «звучной маргинальности» текста былички напрямую связана с личной причастностью

к «здесь–и–теперь» переживанию эмоционального стресса от встречи с нечистой силой.

Можно предполагать, что глубинная ФС-структура текста, не поддающаяся рефлексии рассказчика, является тем лингвистическим источником, который позволяет обнаруживать архетипические семантические константы, утраченные в ходе языковой эволюции лексических единиц.

Исследование фоносемантической структуры былички позволяет говорить о том, что архаическая семантика текста не зависит (не изменяется и не утрачивается) от личной фантазии и лингвистических пристрастий рассказчика, что еще раз указывает на устойчивость и древнюю природу жанра.

Таким образом, функционирование ФМ обусловлено в речи не только их изобразительно-выразительными возможностями, экономией времени, нарушением связной речи в стрессовых ситуациях, но глубинными языковыми механизмами. Можно полагать, что в условиях спонтанной, неподготовленной, неофициальной, эмоциональной, художественной коммуникации ФМ вновь становятся не только достаточным, но и необходимым условием коммуникации, возрождаются и вновь оказываются предпочтительными для реализации коммуникации, осуществляемой под воздействием новых факторов.

4.2. ФМ в консервативных подсистемах языка

Наиболее рельефно проявляются консервативные подсистемы в русском «заумном» пространстве, где ФМ являются константной составляющей

4.2.1. ФМ в религиозно-магической зауми. Наиболее последовательно сохраняется заумь в проявлении магической функции языка, которая реализуется в заговорах, молитвах, проклятьях, клятвах, божбе и присяге, магических «предсказаниях» (ворожба, волхвование, колдовство, пророчества, камлания юродивых и шаманов). Типична заумная речь для мистических практик, где главным смыслом является сознательное подавление индивидуальности сознания для освобождения пути для слова Божьего, ибо устами мистика будет говорить Бог. Маргинальные свойства

религиозно-магической зауми проявляются в том, что она существует на двух полюсах: заумь как язык богов и заумь как язык бесов, нечистой силы, что также часто связано с явлением одержимости.

В фольклорной традиции языки богов и нечистой силы существуют на уровне заумной речи и переполнены ФМ, которые являются как элементами языка богов и нечистой силы (по данным фольклора), так и единицами проторечи (по данным науки). Заумная речь нечистой силы представлена на уровне междометий и ЗП (часто голосам животных). Ср.: **1)** речь, приписываемая ведьмам: ***Фук-фу! Фук-фу****! Насонтос шилаку; Эшохаро, лаваса, шиббора, кумара!* ***А-а-а. О-о-о. И-и-и. Э-э-э. У-у-у. Е-е-е..; Ау-ау*** *сгинь-скынь, шикалда-ликалда; Мыш-мыш-лоу. Па-**га-га**-а,* ***ме-ме-ме-е****! Велосон поругин* ***бе****!; Хив,* ***чив****! Згин, згин!* ***Бя-бая****! – Згин, згин!* ***Жу, жу****! Згин, згин!* ***Кво-кво!*** *Згин, згин!; Меко-ля, бео-**бя**! Выкеного сикеля!;* ***Гаам****! Згли-згли!* ***У-у-у****! Рекон, рекон, похондак, Так и эдак, так и сяк.* ***Жох! Жох! Жох! Жох****!; Лтун-гептур маевор!* ***Жу-жу-жу, гу-гу****, лепугу;* ***О-о-о****-лык-дымда!* ***Ля-ля-ля! Жу-жу-жу! Уф-ф-фу****!;* ***М-м-м!*** *Л-н-з! Кубуки бонякт слобаки; Шиликун-мыликун!* ***Мда-мда****! Зга-зга!; Ликун-мыликун! Мду-мду!* ***Ну-ну****-забулгду!;* ***Ой****, гной* ***ой-ой****, лошонгми-вошонгми;* ***Вз-вз-вз-з-з-з вз-р-р-р-р-р*** *Макара систа почизора; Дзибон-возбон,* ***тики-так*** *вын-дын-**дын; Уа-Уа** финоглуна, жга-жга, нозинга;*

2) речь, приписываемая домовому: *«**Бара, бара**», – говорит баран. А потом как оскалил зубы!; Гляжу, черт в реке. Как грянет, и только перестанет греметь, черт высунет ж…у из воды, подымет кверхи, и начинает бога дразнить. Ж…й вертит, трясет и кричит: «**Лю-лю-лю-лю-лю**!»; Тут скоро и хозяина на войне убило, и дочка померла. Вот и вышло, что суседка меня давил не к добру.* ***Фу-фу****. К худу, значит; Недоброе дело.* ***Х-х-х*** *– домовой так говорит, если к худу.*

В фольклоре ФМ являются репрезентацией коммуникативных кодов между мирами. Именно звук (голос) является тем знаком, который нарушает невидимую границу между человеческим и потусторонним миром, переводя обитателей этих миров из одного пространство в другое. В сущности, только звук (голос) является тем коммуникативным кодом, который и обеспечивает

общение и понимание представителей «того» и «этого» миров. Ср. в заговорах: ***Ай*** *жиу дубу,* ***ай*** *жиу* ***жу*** *буду;* ***Тьфу-тьфу-тьфу*** *три раза, не моя зараза; Мако! Фаль!* ***Буль****-ко! Сакеста!*

Общение с Богом, по народным представлениям русских, было доступно юродивым, нищим, каликам-перехожим, всякого рода блаженным. Заумный язык нищих, юродивых является одной из разновидностей речи, при помощи которой общаются с богом. В России нищий считался «лучшим богомольцем», молитвами которого «спасался» всякий дающий. Убогого почитали человеком безгрешным, чуть ли не святым [Максимов 1989: 27].

Идеальный язык юродивого – молчание. Однако безмолвие не позволяет (или затрудняет) выполнять функции общественного служения. Обыкновенно юродивые как-то общаются со зрителем по сугубо важным поводам, обличая или прорицая. Их высказывания либо ясны, либо невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы. Развитием принципа молчания можно считать глоссолалию, косноязычие, бормотание, «словеса» могутные Андрея Цареградского [Панченко 2000].

Глоссолалические попевки (так называемые «аненайки»- вставные слоги ***на-не-но*** и т.п.) – это своеобразная церковная заумь [Коновалов 1908; Шкловский 1990]. Изменение музыкального и текстового пространства во времена Никона связано с тем, что в церковном пении происходит переход от «многогласия» (пение нескольких текстов одновременно) к «единогласию», а также от «хомового» (**о** и **е** произносятся на месте утраченных **ъ** и **ь** в любой, не только сильной, фонетической позиции) пения к «наречному» (петь как читают). С устранением хомового пения исчезают и всевозможные глоссолалические попевки, которые рассматривались как «ангелогласное пение», «ликование Небесных сил», «речь Богородицы». В некотором смысле и многогласие, и хомовое пение могут рассматриваться сами по себе как глоссолалии, т.е. текст, понятный скорее Богу, чем человеку, при том, что людям он может быть и вовсе непонятен [Успенский 1994, 1: 355].

Любая заумь (в том числе и «бессмысленные» для носителя языка иноязычные слова) одновременно воспринимается и как признак «чужого»

или «другого», «того» мира. Заумная речь вообще ассоциируется с бесовским говорением. При этом иностранцы на Руси могли восприниматься как колдуны, связанные с нечистой силой, и даже непосредственно отождествляться с бесами. Так, латынь на Руси воспринималась как типичный еретический язык. Более того, латынь считалась языком сатаны: «латынскаго языка вседушне Диавол любит». Люди, знавшие латынь, обвинялись в колдовстве и в сговоре с сатаной [Успенский 1994, 1: 341, 361]. В собственно русском некнижном тексте чёрт может изъясняться на заумном, «тарабарском» языке, который может, видимо, рассматриваться как своеобразное обобщение иноязычной речи в языковом сознании [Успенский 1994, 2: 41].

Представление о говорении нечистой силы находим в быличках и в «кликании» кликуш и миряков (мужской вариант кликуши). В речи «другого» мира, прежде всего, выделяются ЗП голосам животных и птиц. Согласно русским поверьям, в человека (обычно женщину) вселяется нечистый дух, бес, который заставляет свою жертву «кликать». Кликуши «плетут всякий вздор и делают иногда пророчества, оне кричат голосами разных животных по временам и выкликивают имя того, кто их испортил»; «вопят кукушкою и зайцем кликают». Кликушам приписывают ясновидение, пророческие способности, через них «вещает» бес: «дьявол кричит разными голосами, подражая всякого рода животным» [Власова 2000: 239]. Миряк «кричит, ломается, неистовствует и обыкновенно изъясняется голосом того или другого зверя или вообще животного» [Даль 1994: 29]. Русские буки рычат собаками; ведьмы кудахчут курицами и лают [Власова 2000: 56, 62]. Леший поёт петухом, кричит курицей, кошкой, малым ребёнком [Даль 1994: 219].

Для речи нечистых типичны разного рода звукоизобразительные комплексы. В фольклорной традиции восточнославянские русалки «ихают, гэкают и мыкают» (***ага-ага, огэ-огэ, шу-ги, гм-м-м, гутыньки-гутыньки***); польская смерть, нанося человеку удар, говорит «*пуль-пуль-пуль*»; русский домовой «хенькает» (***ка-хынь-хынь***); черт, козни которого раскрыты «гагайкает» (***а-га, га-га, до-га, да-ли-ся***). Нечистая сила маркируется также

артикуляторно мотивированными звукокомплексами: русский банник ***храпит, воет, хохочет*** и ***свистит***; леший хлопает в ладоши, громко ***смеётся, свистит, хлопает кнутом***; домовой ***плачет*** и ***стонет*** под полом.

Ср. в пермских говорах: **БОЛОТНЫЙ:** *Про болотного ниче много-то не сказывают. Слыхала только от народу, что сидит де в болотине мужик беда долгой собой, а ног нету. Плащ на ем накинут серый, сзелена. Сидит и отпыхиват – «**Ух-х-х, ух-х-х**». А потом как состонет, **ох** только...;* **МАНИЛО:** *Манило лесное играться беда любит. Особенно если кто по ягоды в лес, по грибы пойдет, да не благословясь собирать начнет, да кричать – **ой**, **чур** мое, **чур** мое. Дичать в лесу не надо. А перву-ту ягодку левой рукой норови взять. Кого манило не залюбит, того уманит в глухое место и давай ухать ему – **ух, ух.** Такого страху нагонит*...; **СУСЕДКО:** *Суседко маленький такой парничок, в одной рубашке, по избам бегат ночью, прокудит. Если ходит и помалкиват – это к добру, а если ходит-ходит по избе, и только **«фу-у», «фу-у»,** это к беде. Тоже замечают – если ходит, а от его теплым воздухом отвеивает – к хорошим новостям, если студеным – к плохим*.

В говорении нечистой силы также выделяются такие компоненты как языкоговорение («деформация» реальных языков), подражания голосам животных и птиц, акустические и артикуляторные ономатопы и артикуляторно мотивированные звукокомплексы.

Наиболее ярко говорение русских духов проявляется в кликушестве. Кликушество (порча, кликота, крикота) обычно мотивируется тем, что в человека вселилось (или было посажено колдуном) некое демоническое существо. Помимо различных психосоматических эффектов (общее недомогание, непрекращающаяся зевота, судороги и конвульсивные движения, депрессия) вселившийся демон зачастую обнаруживает свое присутствие, существенным образом изменяя речевое поведение одержимого/ одержимой (как правило, кликушеству в большей степени подвержены женщины, а не мужчины) [Панченко 2003].

В русском кликушестве выделяется три основных типа речевого поведения одержимой / одержимого. Во-первых, это нечленораздельные крики, косноязычное бормотание, реже – глоссолалия или эхолалия. Зачастую этот тип характеризует начало припадка или первую стадию «проявления» посаженного демона. Другой тип – подражание голосам животных. Кликуша кукует кукушкой, лает по-собачьи, кричит петухом, мяукает, как кошка и т. п. Голоса животных в речи кликуши могут перемежаться с членораздельной речью демона или самой одержимой [Панченко 2003].

Кликуша начинает кричать на голоса, подражая различным животным и птицам, произносит бранные и кощунственные слова, выкликает имя испортившего ее колдуна. Иногда речь кликуши ограничивается нечленораздельными звуками или глоссолалией, но чаще она вполне членораздельна и связна: нередко вселившийся в кликушу демон выступает как самостоятельная языковая личность, способная адекватно реагировать на происходящее вовне, отвечать на вопросы, комментировать высказывания своей «хозяйки» («хозяина») [Панченко 2003].

Аналогичная форма одержимости известна у коми. Здесь она обозначается терминами *шева, икота* и *лишинка*. Что касается особенностей поведения одержимого шевой, то они в существенной степени соответствуют тому, как ведет себя русская кликуша [Сидоров 1997]. Среди автохтонных народов и русских поселенцев Северо-Восточной Сибири сходные с кликушеством явления обозначаются терминами *мэнэрик, (э)мирячень, имяреченье* [Дмитриева 1988: 222]. Характерно, что номинации медиаторов в разных культурах мотивированы как призывный клич, зов, желание ответности: *кликуша* < *кликать* «кричать, звать»; *икотка* < *икать* «кричать, звать» [Меркулова 1988: 311]; *шева* < прапермское **soua* «нечто с голосом, звуком, сообщением», **so* «голос, звук» [Ильина].

Остальные связаны с заимствованиями из русского языка. Вероятно, что такое разнообразие названий (*мэнэрик, (э)мирячень, имяреченье*) объясняется языковыми и культурными контактами: исходный аборигенный (возможно, якутский) термин мог быть переосмыслен в связи с русским

мерек «злой дух, призрак», *мерекать* «бредить» (от *merk- наряду с *mьrk- [Фасмер II: 602], а также с *имярек* (поскольку зачастую кликуша выкрикивает имя «испортившего» ее колдуна, а также имя поселившегося в ней беса). Отсюда же, по всей видимости, происходит севернорусское *миряк* «мужчина, страдающий кликушеством» [Панченко 2003].

Исследование текстов глоссолалий показывает, что здесь выделяется несколько составляющих: «деформированный» реальный язык (обычно родной язык говорящего), заимствования (обычно экзотического звучания), подражания голосам животных и птиц, а также артикуляторно мотивированные звукокомплексы, не всегда членораздельные. Ср. в религиозном экстазе русские сектанты (хлысты, скопцы, шалопуты, прыгунцы, малеванцы) издают стоны, крики, членораздельные животноподобные крики (лай, мяуканье, ржанье), что сопровождается истерическим метеоризмом, отрыжкой, судорогами, дрожью [Коновалов 1908: 34-39].

Можно также принять во внимание «практическую» заумь (условные языки офеней, ремесленников-отходников, нищих), а также её реликты в арго (блатной фене). Существуют различные гипотезы о финно-угорской, мордовской, мансийской основах тайных (условных) языков. Высказывается мнение о том, что сами условные арго есть или остатки исчезнувших языков, в частности языка летописной мери, или своеобразные перерождения тех или иных естественных языков для профессиональных нужд [Бондалетов 1992].

Можно говорить о мотивированности зауми в глоссолалиях, где актуализируется ЗИ-механизм «образования» заумных слов. При этом всякая заумь мотивирована прежде всего родным языком глоссолалиста.

Таким образом, в русском мистическом дискурсе выделяется *два типа экстатического говорения*, оба из которых лежат в ЗИ-сфере. Звукосимволическая подсистема представлена речью на «иностранных» языках, языкоговорением, глоссолалиями. Звукоподражательная подсистема – либо артикуляторно мотивированным звукокомплексом (стоны, крики, истерический метеоризм, отрыжка, судорога, дрожь), либо подражаниями голосам животных и птиц (лай, ржанье, крик кукушки или петуха, мяуканье).

Маргинальный характер религиозно-магической зауми проявляется в том, что она способна выполнять функции коммуникативного кода с любыми представителями «другого» мира: с Богом и Дьяволом, с высшими и низшими богами, с человеком и сверхъестественным существом, с языческими и христианскими духами.

4.2.2. ФМ в поэтической (литературной) зауми. Заумь в художественной речи не раз привлекала внимание исследователей. Исследования поэтической зауми также указывают на универсальный характер заумной речи как в рамках одной культуры, так и на уровне межкультурных соответствий. На близость структурирования детской, магической и поэтической зауми указывалось неоднократно [Шкловский 1990; Казарин 2000; Шляхова 1998, 2003]. Обширное цитирование в данном разделе обусловлено достаточной разработанностью теории заумной речи в поэтике, где наше внимание сосредоточено на аспектах, связанных с сущностью ФМ.

Сакральная (магическая) и поэтическая речь имеют много общего: неконвенциональная трактовка языкового знака, повышенное внимание к языковой форме, фасцинирующее воздействие (околдовывание, зачаровывание, завораживание), метафора как смысловой центр [Мечковская 1998: 45-46]. Не случайно в истории фольклора многих народов поэтический текст восходит к магическим текстам (Орфей – пророк и поэт, Вещий Боян – поэт-певец и всеведущий). В фольклорной традиции носитель заумной речи, который обычно являет собою фигуру медиума с потусторонним миром, часто отождествлялся и с носителем поэтического.

Так, в архаической эвенкийской традиции термин нимнгакан, которым называют все устные повествовательные формы, обозначает также и одну из областей потустороннего мира – конкретно ту, из которой появляются души новорожденных [Мелетинский 1972; Неклюдов 2004; Новик 1994]. Поэтическое слово вообще связано с потусторонним миром; ср. аналогичные представления, реконструируемые на материале скальдической традиции [Гуревич, Матюшина 2000]. Маргинально зыбки границы между шаманами и музыкантами, певцами, сказителями, которые считались одержимыми

особыми духами, вдохновляющими их или даже поющими их устами. Являясь хранителями фольклорных традиций и обычаев, эти лица в ряде случаев занимались также исцелением больных и предсказаниями [Новик 1994].

Таковы *арэхта-ку* и *мантье-ку* васюганско-ваховских хантов, телеутские кайчи, долганские ырыахыт. У эвенков слово *нингма* означало одновременно и «шаманить» и «рассказывать» мифы, сказания, предания, которые назывались нимнгакан и пр. Знаменитые сказители и певцы, особо искусные и красноречивые исполнители ритуальных формул в ряде случаев выполняли не только знахарские функции: именно они обращались к духам во время календарных праздников [Новик 1994]. «Слово о полку Игореве» называет легендарного песнопевца Бояна (возможно, жившего при дворе Ярослава Мудрого) «Велесовым внуком», что отражает связь Бога Земных Сил с обрядовыми и (в генезисе) жреческими функциями.

Приобретение певческого или сказительского дара, как и шаманство, связывалось с легендами о «получении» его от знаменитого певца или божества, о насильном его навязывании и даже о мучениях, которым подвергается при этом будущий певец. В такие легенды выливаются и самопризнания сказителей. Легенды эти имели и свои обрядовые параллели в особых посвятительных ритуалах. Так, у васюганских хантов желающий научиться игре на музыкальном инструменте панан-юх уходил на «музыкальный мыс» и жил там в одиночестве двенадцать суток. «В течение этого периода происходило общение данного лица с духами определенной категории, дающими музыкальный дар» [Новик 1994].

В поэтической речи (футуристы, обэриуты, постмодернисты) выделяются все составляющие зауми фольклорного и магического дискурса. Общеизвестно влияние на язык футуристов и обэриутов фольклорной речи вплоть до копирования, особенно заумным жанрам [Сажин 1999; Парнис 1978; Жаккар 1995; Кацис, Одесский 2001; Григорьев 2000]. Заговорные, магические и сакральные тексты, детский фольклор и фольклор для детей часто встречается у В. Хлебникова, Д. Хармса и А. Введенского; нескладухи – у Д. Хармса и А. Введенского. Жанр нескладухи особенно любим Д.

Хармсом, в его сборнике (1988) 90% текстов построены по этому принципу [данные по: Хитренко 1997]. М. Л. Гаспаров считает, что пьеса В. Хлебникова «Боги» есть не что иное, как исполински разросшаяся считалка, большая форма считалочного жанра, относящаяся к обычным считалкам, как поэма к маленькому стихотворению. Для творческих экспериментов Хлебникова такая гиперболизация малых форм — не единственный случай: вспомним исполинский палиндромон (тех же лет) «Разин» [Гаспаров 2000].

Герои обэриутских текстов обретают способность говорения на языке животных, однако коммуникация при этом не разрушается.

Ср., например, в «Ёлке у Ивановых» А. Введенского:

СЛУЖАНКА. *Твоя невеста убила девочку. Ты видел убитую девочку. Твоя невеста отрубила ей голову.*

ФЁДОР (**квакает**).

СЛУЖАНКА (усмехаясь). *Девочку Соню Острову знаешь? Ну вот её она и убила.*

ФЁДОР (**мяукает**).

СЛУЖАНКА. *Что горько тебе?*

ФЁДОР (**поёт птичьим голосом**).

СЛУЖАНКА. *Ну вот, а ты её любил. А зачем? А для чего? Ты наверно и сам.*

ФЁДОР. *Нет я не сам.*

Ср. также богатейший набор звукоподражаний, междометий и подзывных слов, используемых В. Хлебниковым: ***а, ай, ау, ах, ей-ей, о, ой, ох, тпру, у, улю-лю, ух, фи, фырр, фу, цыц, эге-ге, эй, эх, бах, ха-ха-ха, хо-хо-хо, пли, мяу, м-му, а-ха-ха, а-ца-ца, ббаам-паах, бом, бим, бам, бу-бу-бу, бух-бах-бах, взы, га-га-га, гау-гау, гм, гоп, гу-гу, ззыз жжа, и-их, кап-кап-кап, киш, киши, кук, ку-кук, лата-тах, ля, м-м э-э, ни гу-гу, но-но-но, пата пап та, птах-птах, та-та, тай-тай-тарарай, тах-тах-тах, тра-ра-ра, трах, трах-тах-тах, хи-их-хи, хи-ха-хо, цить, чих, чу, эво-э, эго-э, э-е-е, эй*** и др. [Григорьев 1990: 158].

Исследование заумной речи в рамках идиостиля указывает на ее маргинальный характер, поскольку часто трудно провести четкие границы

между поэтическими кодами одной идиолектной системы. Ср.: Если не идти на поводу у Хлебникова (например, своеобразной автотипологии словотворчества в «Зангези»), то различные аспекты его «заумного» и околозаумного языкового поиска не следует ставить в один ряд. Они редко проявляются в чистом виде и не имеют четких границ. Так называемый магический язык заговоров и заклинаний, а также очень близкий ему язык богов не могут рассматриваться в качестве независимых аспектов словотворчества, поскольку их системность строится путем включения едва ли не всех остальных аспектов [Аверьянов 2000].

Довольно часто исследования маргинальных художественных течений в той или иной мере интерпретируют их через религиозный, чаще мистический, дискурс и его составляющие. Особенно часто интерпретируется через религиозное мироощущение, часто через феномен юродства и глоссолалию, символизм и футуризм. По мнению М. Эпштейна, авангард – это юродствующее искусство, сознательно идущее на унижение, на уродование своего эстетического лика вплоть до того, что место скульптуры на выставке занимает писсуар, а место прекрасных и осмысленных созвучий – убогое, кривляющееся «дыр бул щил убещур». Очевидно, что такое юродство – феномен антиэстетический, позитивно же его можно определить как феномен религиозный. Конечно, авангард может не ставить себе сознательно этой религиозной цели, поскольку остается все-таки искусством, и лишь в том жесте, каким он снимает с себя все эстетические определения, обнаруживается его сверхэстетическая природа. Религиозное привходит сюда не как цель самоутверждения, а как момент самоотрицания, поэтому авангард не ставит себе задач религиозной проповеди. Это не священник, поучающий с амвона, а именно юродивый, валяющийся в грязи. Очень важен здесь акт самоуничтожения, благодаря которому антиискусство все-таки остается искусством, хотя и включает упраздняющий его религиозный момент [Эпштейн 1989].

Ср. также утверждение А. Белого: «Сущность религиозного восприятия жизни перешла в область художественного творчества» [Белый 1994: 339]. Для А. Белого, как и большинства символистов, это основа мировоззрения.

Поэт пишет под вдохновением, озарением, «снисхождением Св. Духа», тем самым обращаясь к запредельному — и поэтому поэту часто просто «не хватает слов», т.к. слова естественного языка возникают по сенсомоторной схеме освоения мира (Пиаже, Ильенков), поэтому обычные слова и обычные значения непригодны для описания иной реальности, назовем ее хоть высшей, хоть внутренней, субъективной. И вот тогда, когда нельзя обойтись и метафорой, в ход идет глоссолалия, т. е. концентрация смысла в одной синтаксической единице (фразе / слове). Глоссолалия – преодоление языковой заданности художественного мышления, точнее, преодоление заданности языкового мышления художественными методами [Мосягин 2003].

Авангард тяготеет подчас и к отрицательным формам выражения: косноязычию, зауми, а в пределе – и вовсе к молчанию, к освобождению от знаковости. В этом публике, воспитанной на традиционных образцах звучной, изящной, эстетически оформленной речи, мерещилось кощунство. Но в футуристической зауми, снимающей все обязательства поэзии перед общепонятностью и требующей «чтить права поэтов... на непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку» (манифест «Пощечина общественному вкусу»), опять-таки угадываются некоторые черты религиозного обращения с языком. Отчуждая себя от общества, юродивый и язык свой отчуждает от общеупотребительного языка. «Дыр бул щил убещур» Алексея Крученых или «гзи-гзи-гзэо» Велимира Хлебникова родственны такому явлению, как глоссолалия, косноязычное бормотание, понятное только юродивому, те «словеса мутна», которые произносил Андрей Цареградский [Эпштейн 1989].

Маргинальный характер поэтической (литературной) зауми проявляется в том, что она способна создавать «магическое», почти религиозное пространство поэзии, выполнять функции выражения «невыразимого», материально «проявлять» фрагменты внутренней речи художника.

Косноязычие есть способ выразить невыразимость невыразимого – вещи, не поддающиеся языку, ускользающие от наименования. Авангард – это художественное освоение именно тех областей бытия, которые незримы,

неосязаемы, неизрекаемы, но специфика искусства в том и состоит, что сама неизрекаемость должна быть изречена (а не укрыта во мраке). Этот парадокс содержания, отрицаемого собственной формой, и сближает авангард с юродством [Эпштейн 1989]. Характерно также, что А. Белый в 1910 году в своей книге «Луг зеленый» называет «хлыстовской» поэзию А. Блока и утверждает даже, что лирическая героиня Блока, «его Прекрасная Дама – в сущности, хлыстовская Богородица».

Маргинальность поэтической зауми выявляется в сложности вычленении в поэтической зауми каких-либо относительно автономных систем, поскольку там часто свиты воедино религиозно-магическая и собственно поэтическая заумь. Показательна в этом отношении интерпретация В. Марковым стихотворения А. Кручёных, написанного на «вселенском языке» [Markov1968: 121]. По мнению В. Маркова, это ни что иное, как молитва «Отче наш…», из которой изъяты согласные Впрочем, таким образом удалось объяснить лишь часть стихотворения:

О е а ***Отче наш***

И е е и ***Иже еси***

а е е е ***На небесех…***

С другой стороны, поэтическая заумь так же тесно связана с состояниями измененного сознания, что особенно показательно в современном художественного дискурса. «Психотическое», безумие, шизофрения, бред и тому подобное уместно и единственно непротиворечиво с точки зрения философии XX века и конкретно с точки зрения философии текста рассматривать не как феномены сознания, а как феномены языка. Это значит, что в XX веке «сойти с ума» это одно и то же, что перейти с одного языка на другой, обратиться к особой языковой игре, или целой семье языковых игр [Руднев 1999].

В двух словах такой взгляд на философские проблемы можно сформулировать как идею «принциальной координации» языкового и психического аспектов деятельности человеческого сознания. По мнению В. Руднева, невроз и психоз – состояния, которые преформируют современный художественный дискурс: переводя эти определения на психологический

язык Лакана, можно сказать, что модернист деформирует язык в сторону воображаемого, при этом самая основа языка, обеспечивающая контакт с другими субъектами (прагматика), у модерниста остается неизменной. Другими словами, в модернистском дискурсе воображаемое подавляет реальное. Исходя из этого, можно сказать, что модернист производит *невротический дискурс*. С другой стороны, авангардист, подрывая саму коммуникативную основу языка (прагматику), отрезает путь к пониманию его языка (его символического) другими субъектами. Авангардист создает свой собственный язык, родственный языку параноидального или маниакального бреда. Исходя из этого, можно утверждать, что авангардист производит *психотический дискурс*. С одной стороны, постимпрессионизм французских художников, петербургский символизм и акмеизм, австрийский экспрессионизм, неоклассицизм в музыке (Хиндемит, Стравинский), проза Пруста, Джойса, Томаса Манна, Гессе, Томаса Вулфа, Булгакова, Набокова, Фаулза, модернистское кино – все это невротический дискурс. С другой стороны, додекафония, футуризм, сюрреализм, обэриуты, Бунюэль, Кафка, отчасти Фолкнер, Платонов, Виан, Мамлеев, Сорокин, Виктор Ерофеев – все это психотический дискурс [Руднев 1999].

Таким образом, поэтическая заумь стремится лишить доминантные языковые коды их истинности, соЗНАНИЯ и перевести их в сферу ирреального, безУМного. Поэтическая заумь характеризуется теми же стадиями нарастания зауми («потери рассудка»), что и другие виды зауми.

Ср. у нарастание «безумия» в текстах А. Крученых:

Отрава

Злюстра зияет над графом заиндевелым
Мороз его задымил,
ВЗ-З-ЗНУЗДАЛ!!
Кровь стала белой
А в спине замерзает застарелый парафин
Отравный по жилам растекся слизняк...
За зазорным наследством
Сквозь заборы и щели
В дверь надвигалась з-з-зудящих РОД-ственников
Зве-ра-а-ва
А!
СА-СА-СА-СА...

Душистое рвотное

С чужой Люлей
Саговой
Невестой Брюсова
заплюзганной
глязюли акушерки
Цлами цлай
Охт зо безохки 5 ч утра...
сглазили смокинг!
выпили муслиновые глаза!..
Наемь ... онота
ох зо иемень...

Весна гусиная

те ге не
рю ри
ле лю
бе
тльк
тлько
хо мо ло
ре к рюкпль
крьд крюд
нтпр
иркью
би пу

Высоты
(вселенский язык)

е у ю
и а о
о а
о а е е и о я
о а
е у и е и
и е е
и и ы и е и и ы

Маргинальность ФМ в литературном дискурсе связана также с возможностью функционирования «системных» ФМ в «патологическом» заумном тексте в обычных значениях. Ср.: ***Пинь-пинь-пинь****! Тарархнул зензивер* (В.Хлебников); Колокол: ***Бум, бум, бум.*** Петр Николаевич: *Кубыр дарамур дыньдири* (Д.Хармс. Елизавета Бам); *А навстречу були с чепуром на глятине. Я в чепур* ***плюх*** *головотулом. Очипурился* (О.Григорьев. Стекло);

*Калушата присяпали и бутявку стрямкали и подудонились. А Калуша волит: «**Оёё, оёё**! Бутявка-то некузявая»* (Л.Петрушевская. Пуськи Бятые).

Языковые системные значения обусловливают интерпретации заумных текстов. Ср. о стихотворении В. Хлебникова «Кузнечик»: И всё же, возможна ли дешифровка хлебниковского стихотворения в целом, прояснение его фабулы? А почему бы нет! Скажем, такая: кузнечик – политеист («много вер») и прагматик («много трав» – «в кузов пуза») – напуган птичкой, выглядящей с его шестка ужасающим «зинзивером», чье «пинь, пинь, пинь!» слышится ему как страшное «тарараханье»; он обожествляет грозную птичку, обретая Бога Единого; он обращается к Нему с молитвой: «О, лебедиво! О, озари!» Здесь «лебедиво» – атрибут «зинзивера», аналогичный – «Господи» в обращении «Господи Боже» [Пурин].

Заумники декларировали экспрессивно-выразительные и прагматические функции зауми. Ср. в статьях и заметках В. Хлебникова: **1)** «звукопись» призвана отобразить цветовую гамму природы; **2)** «число-слово» (отдельные числа и формулы), включенные в поэтическую речь, позволяют транслировать больший объем информации, чем слова; **3)** «птичий язык» – особая форма звукописи, при которой фиксируются естественные звуки, издаваемые птицами. У слушателя вербализованный текст не вызовет рассогласования, но читатель обнаружит в нем элементы заумного языка; **4)** «звездный язык» – выявляет и описывает направленность и процессуальность воздействия вещи на сознание индивида. «ЭЛЬ – остановка падения, или вообще движения плоскостью, поперечной падающей точке (лодка, летать). ЭМ – распыление объема на бесконечно малые части. ЭС – выход точек из одной неподвижной точки (сияние)»; **5)** «язык богов», напоминая детский лепет, воздействует на бессознательное, погружая читателя в ситуацию метафизического молчания.

Однако в самом общем виде функции зауми в художественной речи связаны с попыткой художника в процессе духовной концентрации, медитации, особого настроя сознания снять контроль своего разума над процессом творчества и предоставить себя в качестве орудия или проводника внешних более высоких духовных сил или энергий (сверхчеловеческих,

космических, божественных). Его творчество осознается как выражение через художника некоторой, иным способом не выражаемой, более высокой, чем человеческое сознание, духовной реальности. Этот тип автоматизма использовали в своем творчестве (часто не осознавая этого) многие религиозные художники древности и Средневековья (создатели икон, например). Возродить его стремились многие представители различных авангардных направлений в искусстве, в том числе и некоторые сюрреалисты, и пытаются отдельные художники некоторых современных арт-практик, обращаясь к дохристианским культовым практикам и магическим обрядам [Бычков].

4.2.3. ФМ в фольклорной зауми. Уже стало общим местом утверждение, что в традиционных обществах человек полностью находится во власти прямых запретов и предписаний, что его поведение – это постоянное воспроизведение сакрального первообразца. «Миф вечного возвращения», «дорефлексивный традиционализм» – вот наиболее популярные сегодня определения специфики традиционной культуры [Новик 1994]. Исходя из аксиоматичности данного тезиса, можно предположить, что описанные выше виды и функции религиозно-магической и поэтической зауми коррелируют в заумными формами в фольклоре, поэтому лишь в общих чертах остановимся на фольклорном пространстве, ориентированном на ритуал, миф, древние верования, где заумь находит наиболее рельефное проявление.

Следует заметить, что фольклор как таковой в определенном смысле является маргинальной подсистемой, являя собой переходную зону, граничащую, с одной стороны, с миром мифологии (по типу сознания), с другой – примыкает к литературе (как явление искусства). Фольклор является посредником между древнейшей мифологией и художественной письменной литературой [МНМ 1982, 2: 58; Еремина 1991: 11]. Парадоксально, но именно литературные, а не фольклорные отражения повторили почти полный трансформационный путь ритуала, зафиксировали изменение его мировоззренческих основ [Еремина 1991: 186]. Эти выводы (с

определенными оговорками) можно экстраполировать и на реконструкцию функционирования ФМ, опираясь не только на фольклор, но и литературу.

Исследование «другой» речи и ФМ в той или иной мере возвращает к забытому на долгое время семантико-палеонтологическому методу изучения фольклора и литературы яфетидологической школы Н. Я. Марра, который в 40-х гг. XX в. был противопоставлен формальным методам, но получил новое, причем различное, прочтение в конце XX в. [Лотман 1973; Семенова 1977; Еремина 1991; Маковский 1996; Поликарпов 2001; Вашкевич 2002].

Яфетидологов интересовали в тексте реликты, обломки предшествующих текстовых образований – мифов и ритуалов – бессмысленные в этом новом окружении, непонятные часто ни автору, ни его аудитории и приобретающие осмысленность лишь при перенесении их в подлинные или гипотетические контексты глубокой древности [Фрейденберг 1978; Франк-Каменецкий 1929]. Это утверждение как нельзя более точно отражает положение заумной речи в современной синхронии, а потому выяснение ее природы следует искать в контексте глубокой древности языка, которая сохраняется прежде всего в фольклорных жанрах.

Однако некорректность метода учеников Н. Я. Марра заключалась в том, что исследователи двигались только в одном направлении – ретроспективно, пренебрегая описаниями синхронных срезов культуры и сознания [Лотман 1973: 483-484]. Исследования фольклора указывают, что изучая архаические истоки фольклорных явлений, необходимо обращаться прежде всего к тому, к чему сам народ относится как к своему верованию, т.е. к обряду, обрядовой и детской песне, к заговору, – это и есть основной материал мифологической экзегезы. Однако в процессе исторической жизни фольклора происходит постоянное взаимное межжанровое передвижение, где межжанровые трансформации, переливание мотивов и образов могло повторяться неоднократно [Веселовский 1940; Еремина 1991].

Материал русской зауми хорошо коррелирует с этим положением, поскольку часто не связанные друг другом формы и жанры заумной речи (например, жанры детской и магической зауми) демонстрируют удивительную однотипность. Ср. : ***Тыхтым-бахтым*** *выхолзан нардын*

(заговор от вспучивания); ***Бахтын-кухтын*** *назиргин-валинтын* (песня при похоронах ведьм); ***Бахтын-кухтым*** *тагодан-нагодан На четыре угадан* (считалка); ***Сахар-бахар*** *четверак нюхал дедушка табак* (считалка); ***Сахар-бахар****-бахарак дзибон-возбон тики-так* (песня ведьм).

Во всех фольклорных жанрах в той или иной мере представлены ФМ. Не всякий текст определенного жанра содержит ФМ, однако в любом фольклорном жанре найдутся тексты, содержащие ФМ.

Первую и достаточно точную фиксацию ФМ получают прежде всего в малых фольклорных жанрах (пословицах, поговорках, загадках, заговорах), а также жанрах детского фольклора (дразнилки, считалки, игровые формулы) и фольклора для детей (пестушки, потешки, прибаутки, колыбельные), жёсткая структура которых позволяет ФМ существовать в относительно неизменяемом состоянии. Именно эти жанры сохранят заумные единицы, которые почти невозможно интерпретировать в контексте современных лингвистических данных, поскольку все эти жанры в той или иной мере связаны с магической, ритуальной речью. Если поэты так или иначе интерпретируют созданный ими заумный язык, то в фольклоре ни интенция, ни авторство не восстанавливаются.

Загадки – это «обломки старинного метафорического языка», часто табуированного. Пословицы и поговорки «сливаются со всеми другими короткими изречениями народной опытности или суеверия, как то: клятвами, приметами, истолкованиями сновидений и врачебными наставлениями». Заговоры «суть обломки древних молитв и заклинаний» [Афанасьев 1994, 1]. Д. К. Зеленин, исследуя табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, отмечал: структура подставных слов, употребляемых у разных народов при словесных запретах, поражает сходством с загадками [Зеленин 1930: 161].

В загадках, заговорах, пословицах, присловьях многие ФМ обусловлены промысловыми и бытовыми запретами, тайной речью, табу, связанными со страхом перед стихиями, умершими родственниками, названиями животных, половозрастными группами и пр.

Ср. в загадках: **1)** охотничьи запреты, связанные с опасением вспугнуть возможную добычу: *Пошёл я на* ***тух-тух-ту*** (охоту), *взял с собой* ***тяв-тяв-ту*** (собаку), *нашёл я на* ***храп-тахту*** (спящий в берлоге медведь), *кабы не* ***тяв-тяв-ту****, съел бы меня* ***храп-тахту*****;**

2) табуированная женская речь, где часто не назывались прямо предметы домашнего быта: *Сидит* ***дендра*** *на* ***пендре*** *и кричит на* ***кондру****: не ходи кондра в пендру, в пендре* ***рында*** *и* ***мяндра*** (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки); ***Брындя****! Не лази в* ***пенду****, в пенде* ***канда*** *про* ***хонда*** (Кот, не лезь в печку, в печке каша для гостя); *Хожу я по* ***топотихе*** (полу), *загляну я в* ***жукотиху*** (печь), *в* ***жукотихе топыра*** (дрова), ***грохотихою*** (заслонкой) *укрыта;*

3) табуирование животного мира, поскольку древний человек был убежден в том, что животные понимают язык человека, в загадках о корове: *Четыре* ***стук-стук-стук****, а пятый* ***шняф-шняф-шняф****; Четыре* ***топоты****, четыре* ***громоты****,* ***ухтакатак*** *и один* ***мухтах****; Четыре* ***стучила****, четыре* ***гремила****, два* ***фарадога****, один москвич; Четыре* ***стучихи****, четыре* ***гремихи****, два* ***богомола****, один* ***вихлец;***

4) табуирование стихий, не подвластных человеку: ***Татар, татар*** *по горам,* ***Таратуха*** *по низам,* ***Татар*** *крикнет,* ***Таратуха*** *мигнет* (Гром и молния); ***Чирандо вырандо*** *за огородом гнется,* ***цыландай выландай*** *за угол бежит* (Ручей).

В загадках заумные единицы существуют равноправно с обычными словами и являют собою семантический центр текста. Ср. : *Летит турчек на сторбучек и в дырочку* ***штрух*** (замок и ключ); ***Рында*** *роет,* ***скинда*** *скачет,* ***турман*** *едет – съест тебя* (свинья, заяц, волк); ***Тулики-батулики*** *из-под лавочки выглядывают* (курицы в залавке); ***Шая-мая*** *вот такая,* ***шунтик-мунтик*** *вот такой,* ***чинчик-винчик*** *— едакой* (бочка, в бочке ковш с ручкой); *Как бы не* ***шунтик-пантик****, заросла бы* ***шунтя-пантя*** (веник, пол подметают); *Кабы у дедушки не* ***шинтик-пынтик****, у баушки заросла бы* ***шантя-пантя*** (пешня и прорубь); *Дедушко на бабушке —* ***ярык*** *да* ***ярык****. Не в ту дырку попал, в голбец упал* (помелом в печи подметают).

В русских заговорах встречаются *Бабушка* ***Ой*** *и Бабушка* ***Ох***. Типичными концовками заговоров являются троекратные повторения артикуляторных ФА *хам* и *тьфу*: *Сосну-берёзу с корнем съем:* ***хам! хам! хам****!; Моё слово крепко****: тьфу! тьфу! тьфу****!*

Некоторые заговоры являют собою типичную заумь, также связанную с табу. Ср. *Басмилляхир раманир рахым кулья-ыба-вильне-зине* (от зубной боли); *Агаруга бурга аласабаль, бенка перке асеркембаль, перко вторко которентих, викус-пикус испорито. Как предков его* [имя] *никто ни разу не гон-гондоролом, так и тебя* [имя] *не коснись оно! Слово крепко! Дэу!* (оберег от копья); *Тыхтым-бахтым-выхолзан нардан. Поль-мильех-тороги эобялозогт, кепрусс мецу сейма аймен ца. Мей пейна аютха!* (от вспучивания).

Можно говорить о том, что в фольклорных жанрах актуализированы как собственно заумные единицы, так и артикуляторные (***хам-хам-хам, ой, ох,*** ***храп****-махту*) и акустические (***татар, топоты,*** *храп-****махту***) ФМ, а также ЗП голосам животных и птиц (***тяв-тяв-та***).

Маргинальный характер фольклорной зауми проявляется в том, что она способна сохраняет магическое, обрядовое, религиозное пространство культуры в неразрывном единстве, где сложно уловить момент перехода из магии в практицизм, из обряда в забаву, из религиозного действа в фарс. Маргинальность здесь проявляется также в сложном вычленении в этом виде зауми каких-либо относительно автономных систем, где свиты воедино религиозно-магическая, фольклорная и литературно-поэтическая заумь.

4.2.4. ФМ в детской зауми. Под детской заумью здесь понимаются тексты, создаваемые самими детьми. К ним относятся тексты детского фольклора (не фольклора для детей!) в рамках коллективной коммуникации детей, а также индивидуальные тексты, создаваемые ребенком в процессе овладения языком (вне рамок автономной детской речи). Наиболее часто детская заумь исследовалась в связи с изучением детского фольклора и фольклора для детей. В фольклоре для детей (пестушки, потешки, прибаутки) актуализированы ФМ, тогда как в детском фольклоре (считалки, дразнилки, игры) более значима «заумная» составляющая.

Типична заумь для считалок. Так же, как и в других жанрах, считалка может являть собою заумный текст или включать заумные единицы в обычный словесный ряд. Ср. степень насыщенности заумью: **1)** *Айны деву рики факи. Торба-ёрба он дэс маки. Дэус-дэус-кломатэус бакс!; Акэтэ, пакэтэ, Чука, тэмэ, Абуль, фабуль, Дель манэ, Экс, пэкс, Пули пукс, Науль.*

2) *Колин-молин чем доволен? Ситом-литом-подпалитом. Печка, ручка, клоп; Анды, дванды, Тринды, баланды, Кофен, бофен, Фин филисин, Свисток десяток; Цум, цум, цумаке, Абел, фабел, дулин, Ики, фики, грамматики, Ин, фин, прячь один; Ден-ден-доли, Ден-ден-доли-доли, Чаща беби, Чаща беби, Чаща беби пепси-кола, Джими, джими, лувис, Джими, джими, ягус. Чаща беби, Чаща беби са, Чаща беби, румба, колбаса. Акум, акум — Фигу с маком.*

3) *Раз, два, три, четыре. Мы стояли на квартире. Сахар-бахар четвертак, нюхал дедушка табак. Он поехал за границу, пропил шапку, рукавицу; Первенчики, другенчики, Летали голубенчики По ранней росе, По зелёной полосе. Там яблоки, орешки, Медок, сахарок — Поди вон, малышок.*

Характерна заумь и ФМ для пестушек, потешек и прибауток (слова, которыми сопровождают действия качания ребёнка на руках, коленях, при вождении за ручку и пр.). Ср.: *А-ува-ува-ува, нянек много, я одна, чушки-бушки, не палёны, не скоблёны; Пошла рында за водой, оскользнулася ногой; Трынка-брынка два с полтинкой, шагом-магом четверагом; Трынка-трынка три с полтинкой, сахор-махор четверак; Другодан-другодан села баба на баран.*

Структура и даже состав заумных единиц в пестушках, потешках, прибатуках изоморфны зауми в других типах речи. Ср. артикуляторные ФМ: *Чабер-фабер, фабер* ***фук, ам*** *дам; Эки-бэки бьюносеки, арии-ари* ***уф****; Эбит-дэбит биткен-баткен эбит-дэбит* ***бу****; Ики-пики краматыки* ***ха;*** *На Миронову сноху помираю со смеху:* ***а-ха-ха, а-ха-ха****. Вот Миронова сноха;* акустические ФМ: ***Таты-баты*** *шли солдаты;* ***Трах-трах-трах*** *стоит терем на горах; Эны-бэны три катены, ахцы* ***бахцы*** *тиликахцы;* ▪ ***Цан-цан-цан-цан*** *выходи один пацан;* ***Тра-та-та, тра-та-та****, вышла кошка за кота;* слова клича и отгона животных: *А* ***тпру-тпру-тпру****, не вари кашу круту;*

***Цыпу-цыпу-цыпу**, дайте детке шипу*; *Ай, **брысь**, котя, не ворчи, а ты, Ваня, замолчи.*

Составляющие зауми в детском фольклоре и фольклоре для детей не отличаются от составляющих других видов зауми: это «деформированный» чужой язык, ЗП крикам животных и птиц, акустические и артикуляторные ФМ, а также слова клича и отгона животных.

Наиболее значима «заумная» составляющая в таких жанрах детского фольклора как считалки, дразнилки, игры, а также (в значительно меньшей степени) в детских тайных языках.

Ср. современная русская считалка: *Эни, бени, рики, таки, Турба, урба, синтибряки, Эус, бэус, краснобэус, Бац! / Эни, бени, рики, факи, Турба, урба, эки, факи, Эус, бэус, космобэус, Бац! / Эни, бени, рики, паки, Буль-буль-буль, каляки, шмаки, Эус, бэус, космобэус, Бац! / Эни, бени, рики, факи, Тиль, буль-буль, корики, шваки, Деус, деус, космодэус Бац!*

В игровом континууме существенным представляется параллельное существование (на равных) вербальных и невербальных кодов, где вербальный код не подменяет, а дополняет невербальный. Интересно, что в детских играх «законсервированы» как древние вербальные формулы, так и их современные модификации. Ср. широко распространенная игра «Камень, ножницы, бумага»: После произнесения краткого текста, включающего заумную речь более древнего порядка *("Камано, нагано, чи-чи-фо!"* или *"Чи-чи-фо!", "Су-е-фа!"* и пр.) или современный вариант ("*Камень, ножницы, бумага, карандаш, огонь, вода, и бутылка лимонада, су-е-фа*!"), дети одновременно "выбрасывают" жесты, имеющие символическое значение.

Современные авторские считалки также создаются по архаически заданным схемам. Ср. авторские считалки учеников 2-х классов 91 школы г. Москвы (записано в 2000 г.): ***Аты-баты** чума-чум Ачерепа атамбум Бумафера атарас На горе вечерний час. Свиньи в бане танцевали Все кадушечки сломали. **Чики-брики** ковшик; Семь ворон сидели тихо Подлетела к ним слониха И как крикнет: "**Кар-кар-кар**!" Ты не веришь, выйди сам.*

Как особый вид детской зауми можно рассматривать детские тайные языки, существование которых отмечено с давних времен и по сей день.

Обычно детский тайный язык представляет собою разбивку обычных слов на слоги, между которыми вставляется тот или иной «уток» (*са, ща, фига, тора* и пр.): *пой**ща**дём**ща** гу**ща**лять**ща***. Вариантом может быть сингармонизм «утка» и слога: *пой**со**дём**сё** гу**су**лять**ся***. Косвенным образом этот способ образования детского языка также отражает общие языковые механизмы зауми.

Менее исследована индивидуальная детская заумь, не связанная с игровой деятельностью детей и коммуникативной функцией. Это не лепетные имитации, не звуки простейшей протофонологической системы, а заумь того периода, когда ребёнок уже овладел языком в той мере, которая позволяет ему не испытывать особых затруднений в общении с взрослыми. Это своеобразные глоссолалии, которые доставляют ребёнку удовольствие, связанное с языковой игрой и осознанием нарушения «правильного» языка. Возможно, это попытка репрезентации собственного «невыразимого» мира или невозможность найти слова (в силу незначительности лексикона) для внутренних переживаний. Косвенным подтверждением генетического сходства детской и других видов зауми можно считать существование в детской речи двух видов зауми. По нашим наблюдениям, детская заумь изоморфна магической и поэтической зауми, например, футуристской и обэриутской.

Анализируемые ниже тексты были выявлены в речи одного ребенка (девочка, 1994 г. рожд.). Ребенок не посещал детский сад и редко общался со сверстниками до школьного возраста, что позволяет предположить «естественное» рождение зауми. Данные виды детской зауми хорошо коррелируют с теми видами зауми, которые выделил П. Флоренский, анализируя поэтическую заумь. Заумь П. Флоренский разделяет по «четырём разрядам в возрастающей степени новизны» [Флоренский 1990].

К первому разряду П. Флоренский относит, например, эгофутуристские неологизмы И. Северянина. В детской речи также выделяется **«словообразовательная» заумь** (3-5 лет). Детская способность к словотворчеству хорошо описана в научной литературе. Например, ***мланжик*** «след на теле от резинки, шва» (слово используется ребенком по сей день),

берила «перила», ***ногав*** «штанина», ***вынка*** «ложка», ***носли*** «сопли», ***ротли*** «слизь от кашля» и пр.

Второй разряд, выделяемый П. Флоренским, – «орнаментальное», «арабесочное пользование словом» типа «Заклятие смехом» В. Хлебникова, где поэт «даёт понять ценность самого материала речи – стихийную основу, из которой возникает... логическая речь». Подобные тексты создавались ребенком неоднократно и вызывали его удовольствие, смех. Условно назовем это **«хлебниковской» заумью** (6-7 лет). Ср.: **1)** *Пешка в квадрате запешкована пешкасктой пешкой в треугольнике, а пешкастая пешка в треугольнике запешкована пешкастой пеш-пеш-пеш-пешкастой пешкой в кругу. Пешка пешкаситая запешкована пешкасто. Пещ-пеш-пеш-пеш-пеш, а кто слушал молодец. Ух-эх! Пеш-пеш-пех!;*

2) *Колбаса-колбаса приколбасила к колбасе, колбасно колбасит в форточку-колбаску. Колбаска, колбаска, сколько у тебя колбасят под кроватью? Это знает только главный колбас, он живет в самой колбасной яме. А где эта яма? У тебя на колбасе. Ха-ха! Ха-ха! Вот такая колбаса! Уау!;*

3) *Тятя-потятили тятили-тятили потятили-изтятили и затятить не успели.* Ср. у В. Хлебникова: *О, рассмейтесь смехачи, О, засмейтесь, смехачи, Что смеются смехами, что смеянствуют смеяльно*...; у А. Кручёных: *Голодня... Голодняк... Глод... Глудух... Голодийца... – Глыд – рык Мыр сдых...*

Данный вид детской заумной речи коррелирует с морфологическим (актуализация латентных словообразовательных моделей) и семантическим (смысловая запутанность фразы) видами поэтической зауми.

Третий и четвертый разряд, по П. Флоренскому, – **собственно заумь** («Перевертень. (Кукси, кум мук и скук)» В. Хлебникова и «Дыр бул щыл...» А. Крученых). Подобные виды зауми наблюдаются и в речи данного ребенка. Создание данных текстов также сопровождались положительными эмоциями. Ср.: **1)** артикулирование младенца (7 – 8 мес.): *пупа-пупа-пупа; дига-дига-дига; нига-нига-нига; зека-зека-зека; зига-зига-зига; коком-коком;*

2) детская «тарабарская» речь (3,5 – 4 года): ***Каки-баки-торобаки*** *не действительно* ***кубаки, пиф-паф-тарарах*** *у меня второй испуг****;Тара-мара-пара-бара-кара-фара*** *погулять;* ***Му-му-лени-пуни-пу;Муру-муру-лени-пуни-пуру; Тора-пора мора-кора*** *это всё из коридора;* ***Лера-пера-окукера; Ляпсик-дряпсик ку-ку-ку****, не боися* ***лу-му-му.***

Этот вид детской зауми связан с отказом от информационной составляющей и сосредоточенности на интуитивном восприятии, аллитерации, гармоническом движении и ритме создаваемого текста, что, по А. В. Туфанову, является сутью футуристкой «зауми» [Туфанов 2001]. Этот вид зауми в поэтике обычно называется фонетической заумью («полная бессмыслица»).

«Нельзя сказать, чтобы в них λόγος отсутствовал; но его там не видно и, поскольку не видно, постольку и самые творения выходят за́ пределы оценок. <…> В этих opus'ах, как их величают авторы, нет ничего вселенского, нет ничего словесного. Может быть, они превосходны, может быть, никуда не годны, – судить не читателю. Тогда автору? – Нет, и не автору, *если* он искрен в своей заумности, ибо, если он воистину и насквозь *за*-умен и потому *бес*-словесен в своём творчестве, то и *сам он не знает*, что́ долженственно воплотиться у него в звуке, а потому не может и судить – воплотилось ли. <…> Нет никаких оснований отрицать, что у авторов подобных произведений в минуту творчества могла быть полнота экстаза; но бесспорно и то, что переживаемое ими не облеклось в всечеловеческую умную словесность, а потому может быть и заумное, не воплотилось, и только на Страшном Суде выяснится, не есть ли вся эта поэзия – шаловливая проделка, ребусы, которых из приличия лучше не разгадывать» [Флоренский 1990].

Следующий вид детской зауми условно назовем **«хармсовская» заумь** (7-7,5 лет)**.** Этот вид наблюдаемой нами детской зауми (см. Приложение 4.2) построен по принципу обэриутских текстов. Я. Друскин находит сходство поэтических систем Д. Хармса и А. Введенского в бессмыслице: семантической (нарушение правил «нормальной» речи) у А. Введенского и ситуационной (алогичность человеческих отношений и ситуаций) у Д.

Хармса [Друскин 1989: 108]. По этому же принципу строятся частушки-«нескладухи» в фольклорном дискурсе: *«Сидит заяц на заборе в алюминевых шатанах, а кому какое дело у меня живот болит».*

Речь идет о том, что мир, который находится в ведении языка, есть мир осмысленный, тот же мир, но остраняющий язык, есть мир бессмысленный. А. Введенский и Д. Хармс оглядывают его строение через «незаделанные дыры бытия» (М. Мамардашвили), т.е. через те, которые открываются в сновидении, глубокой медитации, в нюхании эфира и, наконец, в переживании смерти. Открывается новая близость с миром, теперь язык не препятствует миру напрямую захватывать нас [Подорога 1993: 145, 147]. Если принять за основу подобную интерпретацию, то совершенно очевидно, что здесь актуализирована идея «внутренней формы» языка, которую не принимали обэриуты, ибо она «ломает» собственное видение мира.

В детской речи нами отмечена «ситуационная» заумь. Текст, придуманный «на ходу». Девочка сказала: «Хочешь, расскажу про носорога?». После чего последовал текст, который девочка назвала «путаницей». Подобных текстов за этим ребёнком было записано несколько, причем для обозначения их ребенок регулярно использовал номинацию «путаница». Тексты также вызывали удовольствие ребенка (см. Приложение 4.2).

Заумь в детской речи ещё ждёт своего исследования, однако можно говорить о том, что даже на уровне заумной речи явно прослеживается изоморфизм языковой структуры зауми в фило- и отнтогенезе.

4.2.5. Отношения субституции в русской зауми. Косвенным подтверждением о «функциональном родстве» всех выделенных составляющих зауми является и возможность ФМ, заимствований и инвектив замещать друг друга. Ср. в частушке:

Будь ты хоть ума палата, Я пришёл на посидуху, На концерте я была,
Не дадут тебе зарплату. Моя милка занята. Слушала Бетховена.
А я её и не просю, Сунул руки в чёрны брюки, Слушала Бетховена.
*Вот такое **камдессю**! Вот такая **ла-та-та**! Вот така **х..вина**!*

Ср. в анекдоте: 1) *Ванька с Манькой сидят на съезде. – Мань, хочешь* ***Келдыша*** *покажу? – Ой, ты что, Вань, дома! Ведь люди кругом;* 2) *Какой у вашего мужа* ***резус****?- Не знаю, наверное, сантиметров 15!*

Ср. в фольклорном дискурсе: русский домовой **ржет**, **аукает**, произносит звук **х** на вопрос «к добру или к худу»; **бранится** матерной бранью; **шаркает, топает, стучит, гремит, хлопает** дверьми, бросает чем попало со страшным стуком [Даль 1994: 18].

Наблюдения за функционированием русских ФМ показывает, что эти формы вступают в отношения субституции (замещения) с заимствованиями и инвективами. «Странная» звуковая форма иноязычного слова опрокидывается либо в сферу табуированного (материально-телесного низа), либо в сферу материального, которое рассматривается как духовное, либо дискредитация духовного и опрокидывание его в сферу табуированного.

Специфической особенностью ФМ является то, что при некоторых типах афазии на фоне утраты нормальной лексики сохраняются инвективы (В. И. Жельвис в частности говорит о патологическом сквернословии), междометия, ономатопеи, звукосимволические аномалии [Жельвис 1997; Воронин 1982], что говорит об их древней природе, о том, что она находятся в самой глубине вербальной памяти. Это уже не является собственно речью, ибо словоупотребление неконтролируемо, значение утрачивается при сохранении звуковой формы слова. Подобное характерно и для экстатических форм речи: иноговорения, камлания сектантов, шаманов, кликуш, миряков, юродивых и т.п. [Шкловский 1990; Тодоров 1999: 329-340; Коновалов 1908].

На ранних этапах развития каждому народу свойственно представление о своём языке как единственно человеческом, а другие языки являются чем-то похожим на выкрики животных, косноязычие, невнятное бормотание, бессмыслицу (ср., например, происхождение слов *варвар* «говорящий бар-бар-бар» и *немец* «немтец, не умеющий говорить»). Подобные архетипы обусловливают субституцию ФМ и иноязычных слов, особенно с «экзотической» для русского уха звуковой формой.

В современной культуре инвектива носит преимущественно эксплетивный характер. Именно эксплетивный, междометный характер подобной брани приводит к тому, что «самое бессмысленное сочетание или слово может быть воспринято как инвектива – в силу бессмысленности или малого смысла даже привычной инвективы» [Жельвис 1997: 73]. То же происходит и с недостаточно адаптированными заимствованиями.

Ср. рассказ актера и режиссёра Р.Быкова: добиваясь абсолютной исторической достоверности в фильме «Страсти по Андрею» («Андрей Рублёв»), А.Тарковский хотел добыть записи или реконструкции стихов, которые распевали скоморохи на ярмарках и празднествах в рублёвские времена. Записи оказались засекреченными, но, когда их всё же добыли, оказалось, что они являю собою сплошную скабрёзность и матерщину. Тогда сочинили «что-то частушечное, нескладное, бессмысленное».

Ср. также: *Тут какая-то слабая* ***дифференциация*** *в шкафу. – А вот матом не надо*; в х/ф Л. Гадая «Кавказская пленница»: *Это… как его…* ***волюнтаризм.*** *– В моем доме не выражаться;* в х/ф К. Муратовой «Чеховские мотивы»: *Эти ваши обеды –* ***анахронизм*** *какой-то… – Петя, не ругайся.*

О способности ФМ к субституции инвектив говорит и употребление ФМ в эвфемистической функции. Ср. <u>в устной речи города</u>: *Я тебе,* ***трах-тарарах****, пойду гулять; Так и хочется сказать* ***трам-парарам****, когда такое видишь; Ерофеев! Почему не так стоите? Неужели нельзя стоять стройно,* ***парам-пам-пам*** (из интервью с Вен. Ерофеевым); <u>в художественной речи:</u> *Эй,* ***траммтарарам****, не трогай,* ***траммтарарам****, мину* (М. Зощенко. Рогулька); *Дай ему, Кужель,* ***бам барабам****, по-лягушиному, вперевёрт его по-мартышкиному, три кишки, погано очко* (А. Весёлый. Россия, кровью умытая); *«Нас и при царе тяпали,* ***тинтиль-винтиль****, да мы не молчали», – сказал спокойно и твердо Прохор Стафеев* (Л. Леонов); <u>в народной речи</u>: ***ёксель-моксель, бляха-муха, ёк-макарёк, едрёна-матрёна, ёлы-палы, ё-моё.***

Структурная и функциональная близость ФМ и инвектив позволяют им замещать друг друга, не утрачивая характера передаваемой информации (негативной) и усиливая экспрессию (максимальное освобождение от

эмоций). Часто инвектива содержит ФМ, обретая характер «озвученной» эмоции: *[мать] твою в* ***треск****, так твою в* ***драбадан****,* ***мать-тарара****,* ***мать-тарарашки.***

Большинство инвектив содержат ФМ «ударной» природы – ***трах-тарарах***, ***трам-парарам***, ***парам-пам-пам траммтарарам***, ***бам барабам.*** Ср. также: *боль тебя* ***бей /разбей,*** *огонь тебя* ***бей, бей*** *тебя сила божья****, побей*** *его громом****, бей*** *его гром в ухо****, бей*** *его хвороба****,*** *грех его* ***бей, бей*** *тебя в руки,* ***разбей*** *гром(ом),* ***расколоти*** *тебя грозой, чтоб тебя Перун* ***разбил (сбил)***, ***расшиби*** *тебя грозой, встрешный тебя* ***расшиби****, долгий тебя* ***расшиби****, поди ты под* ***стрелу***, ***стрели*** *тебя (в утробу),* ***простреляло*** *бы тебя,* ***стрелья*** *тебе в бок (в спину), каку* ***стрелью.***

В выражениях ***бляха****-муха,* ***бляха*** *медна,* ***бляха****-медь,* ***бляха*** *железна* также возможна ударная природа. Ср. ярославское ***бляха*** – звонкий удар, пощечина [Подюков 1997]. Сюда же ***ешки***, ***ешеньки, ешкин*** *корень,* ***ешкин*** *свет,* ***ешкин*** *нос,* ***ешкин*** *кот,* ***ешкино*** *дело,* ***ешкино*** *горе,* ***ешкин****-мошкин,* ***ешь, ешь*** *твою мать,* ***ешь****-клеш,* ***ешь*** *твою вошь,* ***ешь*** *твою корень,* ***ешь*** *те корень.* Ср. диал. *ешнуть* «ударить».

Сюда же относится продуктивный комплекс ***ёк***: ***ек****-макарек,* ***ек****-королек,* ***ек****-якорек,* ***ек****-кошелек,* ***ексель****-поксель,* ***ексель****-моксель,* ***екель****-покель.* Ср. **ЁК. 1.** Звук удара, стука. *Смотри, стукнешь, ёк, заболит* (Пожва). *Он ему по горбине-то* ***ёк*** *– не шибко уж дал-то, а смотри-ко чо, мужик и занемог* (Усть-Уролка Черд.). **2.** Стук сердца. *Я чо-то часто слышу у себя* ***ёк-ёк*** *– то сердце даёт себя почуять. Надо в больницу ле чо ли* (Усть-Уролка Черд.). *Вдруг у меня в сердце что-то* ***ёк****! Ёкнуло, стало быть* (А.Чехов. Он понял!). Ср. **ёкать**; коми-перм. *ёткыны-лыйны* «выстрелить, бабахнуть».

В инвективах могут актуализироваться: **1)** тон (***тиньтиль****-винтиль****, тинтиль****-минтиль*). Ср. ***дудка*** *худая,* ***дудкин*** *сын,* ***дудино*** *племя****;***

2) шум (***ешкин*** *боб,* ***ешь*** *твою мить,* ***ех-переех, ех-мох, ех-мах, ех-не мох, еха-маха, ехор-махор, ехор-малахай, ешкин*** *корень / свет / нос / кот,* ***ешкино*** *дело / горе,* ***ешкин****-мошкин* < ***ох, ах*** [Подюков 1997];

3) удар + тон / шум (*елки-**дрын**, мать твою **тран**, прах возьми, **прах** с тобой, на кой **прах**, **перепрах** вашу (мать), **тьфу** на тебя, **тьфу** тебя на пусты лесы; **кол** тебе в вилы, **кол** в глаз, **кол** в хайло, **колом** тебя в землю);*

4) диссонирующий удар (*мать-**тарара**, мать-**тарарашки, ер-кородер**, **ер**-махор, мать его в **треск**, мать его в **драбадана***). Ср. *Черт тебя **дери**, черт бы тебя **подрал**, каб тебя **драло**, рысь тебя **дери (задери),** ноготь те **дери**, еж тебя **дери**, корсак бы тебя **подрал**, **дери** тебя пополам.*

Для инвектив, как и для ФМ, характерны: **1)** редупликация (полная или частичная) – *та***рара**, *е***ксель**-*мо***ксель, ёх**-*пере***ёх**; **2)** фонетическая вариативность – *едришкина* **к***а***т***ь* / *едришкина ка***н***ь* / *едришкина* **х***ать;* **т***интиль*-**в***интиль, **т**интиль*-**м***интиль;* **3)** актуализация фонетической периферии: **я***кар-мар, ел***ёх***а-во***х***а, епи***х***а-ма***х***а,* **ё***р-ма***х***ор, ё**лы-пал**ы, ё**-мо**ё;* **4)** неограниченный словообразовательный потенциал – ***ек / ех*** > **ек***сель-поксель,* **ек***сель-моксель,* **ек***ель-покель,* **ек-***макарек,* **ех**-*переех,* **ех**-*мох,* **ех**-*мах,* **ех**-*не мох,* **ех***а-маха,* **ек***ера-мара,* **ек***арный бабай,* **ех***аный бабай,* **ек**-*королек,* **ек**-*якорек,* **ек**-*кошелек,* **ех***ор-махор,* **ех***ор-малахай* и др.

Бранные возгласы, как и ФМ, часто связаны с низшими духами («другим» миром). Ср. *екарный **бабай, бабай** неладной**,** еханый **бабай,** худой **бабай, бабай** тебя забери (понеси); **вихор**(ь) тебя подыми / возьми / унеси; **вихор** с ним; каку **кумуху /комуху/ кумаху**, на каку **тресью /тресню**; какого **чемера**, **чемер** с тобой, **чемер** возьми, что за **чемор /чемер**,* где ***бабай, вихорь, чемер*** одно из названий черта / лешего, ***кума(ха), тресь(я)*** – табуированные названия лихорадки / падучей.

Ср. *унеси тебя **леший (лешак)**, **леший** тебя схватил, забодай тебя **леший**, **леший** тебя под микитки, **леший** тебя поведи, **леший** бы тебя присоборовал, какого **лешака**, **лешака** тебе большущего, **беса** тебе лысого, иди к **черту** лысому.* Ср. также *якар-**мар**, Екера-**мара**, удира-**мара**, **Маруха** его знает, каку **Марену**, ети твой **мару***, связанных с древней богиней Марой / Мареной, воплощением идеи смерти, а изначально, вероятно, хтонических сил – ср. функции известного в буддизме дьявола по имени «Мара», олицетворяющего и смерть, и искушение, своеобразный рефлекс в русском языке этого имени – в жаргонном именовании любовницы «маруха».

Сохраняется в народных говорах и несколько неопределенный демонический персонаж со сходным именем «Марушко» [Подюков 1997].

Возможность субституции обусловлена также связью брани и нечистых сил. Ср. в быличке: *Суседиха в голбце живет, только ночью выходит. Начнет ходить, все выглядит. Посудка какая не мыта, не прибрана – она ее на пол вальнет. Ходит, косматая, титьки старушечьи наголе, волосы сжелта. Под нос себе* ***бурчит*** *чего-то. Зачнет тесто месить, месит-месит, да как* ***заругатся*** *– пошто де мука белая.* Ср. также оберег от нечистого: при встрече надо сказать *«Колдун, колдуй свой х..й», «не колдуй, а п..здуй».* Встретив колдуна, старались ***ругаться*** с ним, чтобы тот не посадил порчу (Кормино). *Меня старичок из Менделеево научил от колдунов оберегаться –* ***послать его на три буквы****, он ниче не сделат* (Перино).

Анализ показывает, что фонетически, структурно и семантически ФМ и элементы бранных возгласов идентичны.

В «другой» речи субституция зауми и иноязычного через ассоциации проявляется в интерпретации «заумного» текста. Ср. в интерпретации «Кузнечика» В. Хлебникова: «***Зинзивер*** – народное название большой синицы, которую также называют кузнечиком. Однако в начале речь идет о кузнечике-насекомом, хищнике, питающемся и «травами» и «верами», т. е. представителями различных видов фауны...» (Х л е б н и к о в Велимир. Творения. М., 1986. С. 661); но так как комментируемое тут слово не отражено даже в словаре Владимира Даля, это толкование остается столь же гипотетическим, – как и наше; «***Sinn Sie wer***?» – хочется спросить читателя на ***будетлянско-немецком***: верите ль, дескать?) – такой домысел способен, кажется, придать стихотворению некоторую смысловую цельность – правда, чрезвычайно неустойчивую [Пурин].

5. ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ФМ В РУССКОЙ РЕЧИ

Повышенной частотностью ФМ обладают тексты, которые тесно связаны с обрядом и его кодами, древней речью; ФМ характерны также для устной формы существования текста и детской речи. В целом можно говорить о том, что частотность ФМ высока в тех жанрах и формах речи,

которые связаны с категорией эмоциональности и «здесь-и-теперь» семантикой.

Можно предполагать частотность ФМ в текстах, которые отвечают одному из следующих признаков: **1)** высокое эмоциональное напряжение текста, где степень стресса определяет степень частотности ФМ (поэтическая и эмоциональная речь, частушки, трудовые песни, былички, магическая речь, «полемические» бытовые жанры (от ссоры до истерики);

2) тесная связь жанра с обрядом и его кодами; высокая степень устойчивости жанра, которая, в частности, связана с религиозной или магической функциями (песни ведьм, заговоры, загадки, былички, глоссолалии сектантов, косноязычие юродивых и кликуш, детский фольклор);

3) тесная связь жанра с древними формами речи (религиозный и магический фольклор; паремии, загадки; детский фольклор);

4) ограниченное словесное пространство, так называемые малые жанры (загадки, пословицы, поговорки, дразнилки, пестушки, потешки, частушки, анекдоты, «приколы»);

5) существование жанра в устной традиции (фольклор, в том числе и анекдоты; инвектива);

6) принадлежность детской речи [Шляхова 1998, 2003].

Ранее утраченные ЗИ-слова способны «возрождаться» и органично существовать в современной устной речи и других коммуникативных системах, часто в виде ФМ. По нашим наблюдениям актуализация ФМ наблюдается в комиксах (коротко, образно, ёмко, динамично), рекламе, разговорном дискурсе. Ср. в рекламе: *Галина Бланка* – ***буль-буль, буль-буль***!; ***Ммм***… *Магги*; в рекламе Микояновского комбината: ***Ням-ням!***; ***Кху-кху, кхе-кхе, кхо-кхо, кха-кха, кхэ-кхэ*** (средство от кашля «Бромгексин»); торговая марка «*Рыжий* ***Ап***»; журнал «***Ах***»; юмористическая передача «***Фигли-мигли***» и др.

Таким образом, заумь и ФМ наиболее характерны прежде всего для устных (исторически более древних) форм речи и фольклорных жанров. Древняя природа ФМ неизбежно приводит к признанию тесной взаимосвязи

говорения (речи) и невербальных средств коммуникации (жеста, обряда, игры), которые являются знаковыми системами более древнего, чем язык, происхождения [Топоров 1994; Тодоров 1999; Горелов 1980; Монич 2000].

6. МАРГИНАЛЬНОСТЬ ФМ-СИСТЕМЫ

Исследование структуры и функционирования ФМ в русской речи показывает, что свойства маргинальности ФМ-системы проявляются на всех уровнях и во всех видах ее существования.

6.1. Меж-бытие (пограничность) ФМ-системы

Маргинальность ФМ-системы связано с ее способностью формировать переходную зону, маргинальное пространство, где происходит перетекание одной сущности в другую. Маргинальность ФМ-системы проявляется в ее способности формироваться и существовать на границах языковых слоев и структур как в рамках процессов перехода от одного типа коммуникации к другому, так и в пределах одного типа коммуникации при его деформациях.

Характерная область маргинальных феноменов человеческого бытия выражается в первую очередь в понятиях, выражающих топологические свойства и характеристики – граница и предел.

6.1.1. ФМ-система как маркер границы. Исследование ФМ-системы определило ее границы в нескольких аспектах: **1)** в фоносфере: бытие на границе между биосферой и семиосферой (лингвофоносферой); **2)** в лингвосфемиосфере: между проторечью и современным языком, практическим и поэтическим (магическим) языком, нормой и патологией речи.

В рамках лингвосемиосферы ФМ на границе своего лингвистического бытия сталкиваются с другими языковыми единицами, а на границе семиосферы и биосферы, на пределе лингвистического (человеческого) бытия ФМ сталкиваются с нелингвистическим (нечеловеческим, природным).

Существование ФМ-системы в разного рода пограничных состояниях определяют функции системы и ее единиц на границе того или иного лингвистического бытия. Одной из важнейших функций ФМ-системы является *обнаружение границ, маркировка границ, определение границ.*

В системе языка ФМ являются маркером пограничного состояния, позволяющим определить некую границу (смены языкового состояния, коммуникативного кода и пр.). Собственно говоря, ФМ формируют эту пограничную зону: следовательно, там, где снижается / повышается частотность или заканчивается / начинается функционирование ФМ, можно полагать нахождение границы между одним и другим языковыми состояниями.

Маргинальные структуры образуются в «просветах» коммуникативно-функциональных подсистем языка, в разрывах сложившейся системы связей, в местах «растяжения» языка, в наиболее истонченных его слоях и участках, часто не подвергаемых строгому генетическому контролю.

6.1.2. ФМ-система как пограничная зона (пространство). ФМ, концентрируясь в пограничной зоне, организуют маргинальное пространство, которое часто само по себе не только являет самодостаточную систему (например, поэтическая заумь или автономная детская речь), но и аккумулирует в себе сущностные характеристики языка: **1)** в фоносфере ФМ образуют зоны перехода между био- и семиосферой; в биофоносфере – между зоо- и антропофоносферой; **2)** в лингвосемиосфере ФМ образуют зоны переходности между кинестетической и звуковой речью, проторечью и современным языком, детской и взрослой речью. Через ФМ совершается переход от мотивированного знака к немотивированному, от иконического – к символическому. В диахронии ФМ также формируют переходную зону между аграмматичностью и грамматикой, полисемантичностью и лексическим значением, парасинтаксисом и синтаксисом; в синхронии – от «практического» языка – к поэтическому, магическому, мистическому, от логической речи – к стрессовой.

6.1.3. ФМ-система как пребывание за границей (ино-бытие). Маргинальность ФМ-системы заключена также в ее способности не только пребывать на-границе, между-границами, на-пределе, организуя пространство этих переходных зон, но и в возможности бытия за-границей, в «другом» бытии, в «ином» измерении.

В фоносфере ФМ маркируют выход за границы биосферы – в семиосферу. В лингвосемиосфере ФМ указывают на выход за границу естественного языка – в «другую» речь. В синхронии ФМ-система пребывает за границей «нормального» языка (грамматически оформленного, синтаксически расчлененного, семантически определенного). Наиболее очевидно проявление бытия ФМ за границей в пространстве «другой» речи.

ФМ не только маркируют границу перехода в рамках лингвосемиосферы, но и *являются показателем пребывания за границей, за гранью, по ту сторону,* в другом пространстве, в иных сферах бытия. «Это творческое вдохновение, озарение, просветление, откровение и другие феномены духовного и мистического опыт» [Гурин 2001].

Маргинальность предстает как гносеологическая категория, обозначающая нечто *нелогичное, непрозрачное для сознания, недоступное для познания.* Сюда может быть отнесено все непознаваемое, внерациональное, нерациональное, иррациональное, противоречивое, парадоксальное, абсурдное, апофатическое [Гурин 2001]. Здесь отражены метафизические свойства маргинальности, где метафизика понимается в классическом смысле: теория, которая описывает все то, что носит сверхопытный, сверхфизический характер.

Метафизика человеческого бытия находит отражение и на уровне ФМ. В определенном смысле именно ФМ-система является «тиглем человекообразования», поскольку может рассматриваться как категории *присутствия* и *отсутствия*, *появления* и *исчезновения* человека в фоносфере: появление ФМ указывает на пребывание в границах семиосферы. Образно говоря, ФМ-система – составляющая того, что плавится в «тигле человекообразования».

ФМ-система играет существенную роль в формировании «другой» речи, репрезентируя в языке метафизические категории *свое* и *Чужое*, *профанное* и *сакральное*, *посредник* и *Другой*, *регрессия* и *трансценденция*, *двойник* и *антагонист, Иное, инобытие.* ФМ-система маркирует как само пограничное пространство между человеческим и не-человеческим (боги, духи) миром,

так и репрезентируют и артикулируют не-человеческое пространство на уровне глоссолалий, речи нечистой силы, песней ведьм и пр.

6.1.4. ФМ-система как предел (точка бифуркации). В рамках понятия «граница» важным представляется понятие «предела». Оно выражает метрические и топологические характеристики, и включает в себя динамический момент приближения к пределу, а также событие достижения предела, сам процесс выхода за пределы, в том числе и трансцендирования [Гурин 2001].

Предел как свойство маргинальности ФМ может рассматриваться на следующих уровнях: **1)** предел как лингвосемиотическая категория (начало-конец языковых состояний и форм); **2)** предел как онтологическая категория: граница человеческого бытия (начало-конец биосферы/ семиосферы); **3)** предел как гносеологическая категория: нахождение между сакральным и профанным пространством человеческого бытия, граница между метафизическим и рациональным.

В рамках лингвосемиосферы категория предельности ФМ связана с пределом (концом) одного и (началом) другого языкового состояния на уровне оппозиций детская / взрослая речь, стрессовое / нормальное состояние, сакральная / профанная речь и пр.

Топологические свойства ФМ номинируются не только в бинраных оппозициях, таких как *локальность* и *тотальность*, *центр* и *периферия*, *начало* и *конец*, *верх* и *низ*, но и в понятиях *граница*, положение на *краю* и *между*, бытие-на-грани, бытие-между, бытие-в-промежутке, бытие-на-изломе, складка [Делез 1998], щель, узел, острие, вершина, «черная дыра» [Гурин 2001].

На уровне языка ФМ являются показателем антропологического предела, отражая «*начало*» человека в языковом филогенезе и онтогенезе, *условия* и *качества*, *локальность* и *временность* человеческого бытия, возможность обретения и потери человеческой сущности в рамках оппозиций детская речь / речь взрослого, речевая норма / патология.

6.2. Переходность ФМ-системы

ФМ-система не только выполняет функцию «пограничного столба», но и является одновременно «проводником» через границу. При помощи или посредством ФМ осуществляется переход, пересечение, преодоление, нарушение, переступание разрушение границ, в том числе и трансцендирование, расширение границ человеческого бытия.

6.2.1. Переходность ФМ-системы в лингвофоносфере. Если учитывать интерпретацию переходности в лингвистике, то в рамках лингвосемиосферы ФМ отражают многие свойства грамматической переходности. С одной стороны, ФМ являются двуплановой (конкретно-чувственной и абстрактной), семантически диффузной, многоплановой единицей, что возникает вследствие семантической избыточности и неопределенности ФМ.

Поле функционирования в языке ФМ – сеть «перекрещивающихся взаимодействующих влияний, результатом которых являются синкретичные (промежуточные и периферийные) образования, как следствие явлений диахронной и синхронной переходности» [Бабайцева 1991: 14]. Так, причиной возникновения полифункциональности слова в синхронной переходности считают обобщённый характер семантики слова, где условием возникновения переходности является использование слова в нетипичной для него синтаксической функции. ФМ также связаны с явлением перехода из одного грамматического класса в другой (транспозиция, трансляция, грамматическая конверсия). Так, например, ФМ способны субстантивироваться.

6.2.2. Переходность ФМ-систем в фоносфере. В фоносфере переходность ФМ-системы обусловлена ее способностью формировать переходные зоны, перетекая из зоо- в антропофоносферу (на уровне артикуляторных ФМ), а также от биофоносферы в семиосферу в целом.

В генетическом аспекте можно говорить также о том, что видимое «движение» языка начинается тогда, когда маргинальные ФМ организовываются в некую общность и дают толчок языковым изменениям. В онтогенезе ФМ являются переходным моментом между имитацией жестов и ситуаций и речевыми фактами, между лепетом и словесной речью, а в

целом между безъязычным и языковым периодом развития. Маргинальный характер ФМ в ранней детской речи проявляется в их структурно-неопределенном состоянии, где ЗП-комплексы слиты как с звукосимволическими жестовыми образованиями, так и с междометно-эмоциональными фонациями.

В филогенезе – переход от проторечи к абстрактному языку, от жестовой речи к звуковому языку. Здесь также можно говорить о ситуации катастрофы, которая характеризует сложные системы, где преодоление катастрофы рассматривается как способ саморазвития системы. Главные катастрофы филогенеза и онтогенеза речи – состояния, когда коммуникативная система не может функционировать в прежнем режиме, а потому требует смены коммуникативных кодов.

6.2. Нормированность / ненормированность ФМ-системы

6.2.1. ФМ-система как норма / патология. Сложилось так, что маргинальность обычно понимается как нечто негативное, второстепенное, онтологически вторичное, девиантное, поскольку чаще всего феномен маргинальности исследуется на фоне *нормы* (социальной, антропологической, этической, физической, медицинской, языковой, эстетической и пр.).

ФМ-системы рассматриваются в языке как второстепенные, онтологически неважные, ФМ также являются языковым маркером той или иной формы девиации. В классической лингвистике ФМ не могут быть органично и безусловно вписаны в контекст совершенного, «идеального», хорошо структурированного языка. В лингвосемиосфере ФМ характеризуются как единицы, связанные с категориями *отклонение от нормы, аномалия*, языковая «*неполноценность*», *децентрирование*, *асимметрия*. С другой стороны, ФМ являются *нормой в пространстве «другой» речи*, которая является «перевернутой», «изнаночной» стороной доминантной языковой структуры. ФМ являются *нормой в ситуации катастрофы*, которая свойственна всякой сложной саморегулирующейся системе, каковой является язык. Преодоление катастрофы (кризиса развития) есть условие развития системы.

Однако наиболее очевидна маргинальность ФМ-системы в языковой репрезентации *патологии человеческого бытия.* ФМ непосредственно связаны с жизнью тела, телесными аномалиями и измененными состояниями сознания. В рамках социокультурной традиции ФМ маркируют перевернутость отношений, девиантное поведение, анти-поведение, а также экстремальные и пограничные ситуации, конфликт, стресс, кризис, шок, фрустрацию, распад, разрушение, катастрофу. В этом контексте ФМ могут интерпретироваться в категориях *патология, ущербность, дисгармония, инверсия, деформация.*

6.2.2. ФМ-система как деформация нормы. Поскольку ФМ обычно рассматривались на фоне обычного языка, то их интерпретация связывалась с понятием деформации. Степень «деформации» могла быть языка различной, что позволяло незначительные отклонения от нормы (окказиональное словообразование, фонетическая языковая игра) рассматривать как «средства выразительности, экспрессивные возможности и пр.», тогда как большая степень «деформации» обычного языка вызывала в лучшем случае – невнимание и насмешку, в худшем – опасение, раздражение, подавление, репрессии.

6.2.3. ФМ-система как инверсия нормы. Наиболее очевидна инвертированность доминантных систем в художественной сфере. «Инверсивность современного творческого сознания и художественной практики просматривается в центробежности как структурном принципе художественной деятельности современности, в преимущественном внимании к особенному в художественных явлениях, в интересе к хронологическим инверсиям (постмодернизм), языковым (абсурдизм), в опредмечивании подсознательного (сюрреализм) или запредельного, превышающего возможности наших органов чувств, в выворачивании художественной идиоматики (соцарт) и даже в понимании природы искусства (теория «материи» в художественной мысли XX века)» [Шехтер 1997: 69]. Показательным в этом отношении является проанализированный выше фрагмент повести В. Пелевина «Желтая стрела».

Тенденции к универсализации и инверсии наблюдаются также и в развитии маргинальных языковых форм в современной синхронии, где универсализация означает расширение сферы влияния и существования маргинальных ФМ, попытку выйти на территорию потенциального ЗИ-пространства языка и обозначить, сделать очевидным, иногда даже «просчитать» его (поэтические системы В. Хлебникова, А. Туфанова, Л. Липавского).

В современной синхронии маргинальная инвертированность лежит в основании формирования структур, «противоположных» языку («другая» речь). Концентрация маргинальных образований, расширение сферы их влияния позволяет им создавать собственные версии развития языка, которые находят корреляцию в языках различных языковых семей, что обнаруживает тенденцию языковой универсальности данных маргинальных образований (ср. поиск смысла и цвета звуков, букв в поэтической традиции (А. Рембо, С. Малларме, Ш. Бодлер, В. Хлебников, К. Бальмонт, А. Белый); принципы структурирования глоссолалий носителей различных языков).

На уровне фоносферы ФМ происходит инверсия биофоносферы в семиосферу: природный шум становится семиотическим звуком, не-человеческое оборачивается человеческим.

В лингвосемиосфере язык оборачивается «другой» речью, а первичные единицы, отражающие материально-пространственный характер бытия (ЗП, междометия), оборачиваются единицами самого высокого абстрактного ряда (ср. ЗИ-происхождение слов *время, жизнь*).

Здесь очевидна невозможность раздела между синхронией и диахронией: семиотизированный природный шум не перестает существовать, не отменяется в результате семиотизации, не теряет своих «несемиотических» свойств. Кроме того, всякая «новая» синхрония ФМ (в онтогенезе речи) снова и снова воспроизводится в своем первичном (диахронном) виде.

6.4. Центральность / периферийность ФМ-системы

Маргинальность различных культурных феноменов часто рассматривается как явления, развивающиеся вне доминирующих в ту или

иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления. В современной синхронии ФМ-системы являются «слабым» звеном системы языка как периферийные и относительно изолированные образования, однако поглощение их доминирующими структурами не происходит. В современной синхронии и статике маргинальность ФМ проявляется также в их структурно-неопределенном состоянии по отношению к центру – доминанте языковой формы.

Маргинальность ФМ-системы проявляется и в синхроничной перспективе бинарных оппозиций между детской речью и «взрослым» языком, практическим и поэтическим языком, грамматичностью и аграмматичностью, семантической диффузностью и лексическим значением, однословным высказыванием и синтаксической расчлененностью, мотивированностью и немотивированностью языкового знака и пр. ФМ характеризуются свойствами агрмматичности, семантической диффузности, нерасчлененности, мотивированности, которые отличают не доминантные, а периферийные языковые сущности.

Маргинальность ФМ-системы заключается в том, что в современной синхронии она выступает как побочное явление, сопутствующее языку, но не оказывает на него никакого влияния. Возможно, поэтому Ф.де Соссюр отказался от включения ЗП в языковые знаки, указывая при этом на их немногочисленность и незначительность в системе языка. Однако периферийность ФМ-системы лишь кажущаяся, поскольку, как показывают исследования, звукосимволизм является универсальным механизмом в возникновении любого естественного языка [Воронин 1982; Павловская 2001; Журавлев 1974], в том числе и новообразований. Периферийность ФС-слоя в языке условна, поскольку говорить о ней можно лишь в рамках доминирующей языковой парадигмы и сознания, не идентифицирующего ФС-единицу. Следует заметить, однако, что генетическая языковая память сохраняет матрицу древнего (в сущности, доминантного) универсального кода, что хорошо видно на уровне фоносемантического чутья так называемого среднего носителя языка.

Таким образом, в системе языковых оппозиций центр / периферия, старое / новое, доминантное / рецессивное, нормальное / патологическое маргинальные образования не только находятся в пограничной зоне этих оппозиций, но и, в сущности, нивелируют эти оппозиции, снимают противоречия, создают гармонию отношений между локальными подсистемами.

Относительно ФМ-системы понятия центра и периферии также не могут определяться безусловно: не только в диахронии (от проторечи – к абстрктному языку), но и в синхронии (детская речь, заумные идиостили, состояния измененного сознания) центр и периферия меняются местами.

На уровне фоносферы и семиосферы ФМ-система занимает периферийные позиции (существование только в рамках лингвофоносферы).

В лингвосемиосфере ФМ-система располагается на периферии языковой системы, но составляют ядро ЗИС языка. По данным фоносемантики, в диахронии (генезисе) ФМ также перемещаются с центра на периферию. В современной синхронии ФМ являются маргинальным языковым слоем, поскольку занимают периферию языкового пространства, состоящего, прежде всего, из маргинальных подсистем (детской речи, зауми, глоссолалий).

Однако можно лишь условно считать положение ФМ в языке периферийным. Краем их местоположение в структуре языка полагается лишь потому, что мы ориентируемся по количественным признакам наполнения системы, тогда как качественные признаки могут обусловить квалификацию ФМ не только как центральных, но и основополагающих единиц языка. Для самого языка, вероятно, сфера ФМ периферией быть не может, потому что у языка края просто нет.

Маргинальность ФМ, лишенная конечной точки развития, не имеющая завершенной формы, связанная с постепенными изменениями, постоянно преображается, стремится к вариативности, никогда не бывает равной самой себе. Такие формы маргинальности отличаются способностью к функциональному дрейфу по коммуникативному пространству и внутри

структуры языка и нечеткой дифференциацией относительно действующих констант.

6.4. Инаковость ФМ-система

Свойство инаковости ФМ-системы можно считать определяющим с учетом многих позиций. Традиционно инаковость понималась как Абсолют, Бог, Первообразное Начало, где *«божественное»* – инаковое по отношению к человеческому. Связь ФМ-системы с божественным проявляется в способности ФМ являться структурными единицами языков, обращенных к Богу и противопоставленных языку человека. ФМ-система позволяет репрезентировать в языке «инаковые», «другие» языки, в том числе и божественные.

Часто инаковость интерпретируется как «изнанка», «другая» сущность, зеркальное, перевернутое отражение чего-либо. Зеркальность ФМ-системы по отношению к доминантным формам языка проявляется: **1)** в ее безусловной примарной мотивированности, тогда как в современной синхронии примарная мотивированность практически утрачена: слабо рефлексируется и с трудом восстанавливается даже при помощи научной процедуры анализа;

2) в неограниченности звуковой материи (любые звучания артикуляторного характера), тогда как в языке имеется ограниченный набор фонем;

3) в «другой» морфологической (незначительная морфологизация) и синтаксической (ограниченные синтаксические функции) организации;

4) в специфичной семантике ФМ, которая отличается амбивалентностью и синкретизмом, что считается типичными свойствами инаковости;

5) в привязке к игровому, патологическому, поэтическому дискурсу.

Часто инаковость рассматривалась также как трансцендентное, которое часто понимается как непознаваемое. Функционирование ФМ в сфере трансцендентного также отражает свойство инаковости ФМ-системы.

7. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Изменения ФМ-системы обусловлены различного рода колебаниями (флуктуациями), которые испытывает система в процессе

функционирования. Все колебания в ФМ-системе обусловлены ФС-законами.

К свободным колебательным движения, постепенно затухающим в реальной системе, относятся процессы, обусловленные *законом примарной мотивированности языкового знака* и *законом относительной денатурализации языкового знака*, когда в процессе языковой эволюции слово утрачивает примарную мотивированность.

Вынужденные флуктуации в ФМ-системе *связаны с изменением фоносферы*, которая в динамике накапливает количество звучаний, что приводит к увеличению компонентов ФМ-системы, усложнению ее структуры. Под воздействием вынужденных флуктуаций отдельные ФМ *приобретают свойства общесистемных языковых единиц*, что обусловлено необходимостью функционирования ФМ в языковой системе.

Автоколебания (незатухающие, самоподдерживающиеся колебания) ФМ-системы обусловлены *принципом непроизвольности языкового знака, принципом детерминизма*, *принципом отражения*, *законом соответствия знака с обозначаемым объектом, законом множественности номинации* и *законом звукоизобразительной инерции*.

Усложняясь в процессе исторической динамики, ФМ-система получает возможность нескольких путей развития, которые, с одной стороны, могут рассматриваться в рамках перехода от одного типа коммуникации к другому (прогресс), с другой стороны, как изменение системы в пределах одного типа коммуникации (консервация, деградация, деформация, разрушение).

Маргинальность ФМ обусловливает возможность их функционирования как в рамках доминантной языковой системы (оперативные подсистемы ФМ), так и в маргинальных подсистемах языка, которые наиболее рельефно проявляются в рамках «другой» речи (консервативные подсистемы ФМ).

В оперативных подсистемах сферой активного бытования ФМ является *сфера непринужденного неофициального общения* – преимущественно разговорная речь и говоры, а также *сфера художественной речи*. Частотность употребления ФМ повышается в тех формах речи, которые тяготеют к «проторечевым» структурам (арго, сленги, фольклор). В

консервативных подсистемах сферой бытования ФМ в «другой» речи являются *сакральная сфера бытия* (религиозно-магическая коммуникация), *сфера детской коммуникации* (игровой фольклор, детская заумь, детские тайные языки, пестушки, потешки), *сфера игрового пространства* вообще, прежде всего фольклорного (малые фольклорные жанры, частушки-«нескладухи», былички), *поэтический дискурс* (литературная заумь). Специфической сферой бытования «другой» речи является *сфера измененного сознания,* где проявление языка рассматривается обычно как «испорченный», «деформированный», «разрушенный» доминирующий коммуникативный код.

Если в консервативных подсистемах посредством ФМ консервируются архаичные коммуникативные коды, то в оперативных подсистемах ФМ являются либо маркером архаичного жанра, либо все также «консервируют» глубинные языковые и культурные механизмами развития человеческого общества. В устной речи ФМ являют собою маргинальные зоны бытия-на-грани, бытия-в-промежутке между «перворечью» и современным языком.

Посредством ФМ возможна реализация любой из рече-языковых функций, в том числе и маргинальных. Маргинальность ФМ заключается в способности выполнять биологическую функцию, которая свойственна только языку животных, а также в том, что они маркируют и формируют пространство перехода от биологических кодов к семиотическим.

ФМ наиболее частотны не в доминирующих, а в маргинальных функциональных подсистемах русского языка; функционирование ФМ всегда связано со специфической функцией (детская, эстетически ориентированная, патологическая речь). Функциональной спецификой ФМ является их частотность в устных (исторически более древних) формах речи, а также текстах, которые тесно связаны с обрядом и его кодами, древней речью. Высока частотность зауми и ФМ в тех жанрах и формах речи, которые связаны с категорией эмоциональности и «здесь-и-теперь» семантикой.

На наш взгляд, функциональная специфика ФМ-системы точнее и глубже выявляется в рамках маргинального подхода. Специфика

функционирования ФМ-системы обнаруживается в свойствах «пограничности», «переходности», «перетекания» одной языковой структуры в другую, где ФМ формируют это пограничное пространство. С другой стороны, функциональная маргинальность ФМ-системы обнаруживается в свойстве «инаковости», поскольку для ФМ свойственны не только все речеязыковые функции обычных языковых единиц, но и биологически релевантная функция коммуникации, которая характерна только для языка животных.

Сложность проблемы маргинальности в ее онтологических, метафизических, гносеологических свойствах, отсутствие общей теории маргинальности не позволяют пока выстроить более или менее стройную концепцию лингвистической маргинальности. Однако сегодня можно описывать ФМ-систему с учетом уже определенных в рамках различных научных дисциплин свойств маргинальности.

Маргинальность ФМ-системы определяется следующими факторами:

1) как в рамках внутренней структуры естественного языка, так и при условии перехода от одного типа коммуникации к другому ФМ-система *организуют маргинальную зону, маргинальное пространство,* возникающие в «зазоре», «незаделанной дыре бытия» (М. Мамардашвили) языка между слоями и структурами. ФМ-система обнаруживает свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур как в синхронии, так и в диахронии;

2) ФМ являются показателем пребывания за границей, за гранью, по ту сторону, в другом пространстве, в иных сферах языкового бытия;

3) бесконечно модифицируясь в диахронии, языковые маргинальные образования сохраняют ряд устойчивых признаков, в которых явно видна их родовая принадлежность любому «началу» речи-языка и их основная функция в синхронии – создание новых зон бытования языка;

4) категория переходности ФМ связана как с понятием грамматической переходности, так и с понятием семиотической переходности, когда происходит переход из одной фонофсеры в другую, от одного

семиотического кода – к другому, от одной коммуникативной системы – к другой;

5) ФМ можно рассматривать одновременно как норму и патологию, а также как деформацию нормы, крайняя степень которой приводит к инвертированию или отрицанию языковой нормы в любом ее качестве;

6) ФМ являют собою центр и периферию одновременно, обусловливая целостность языка, его равновесие и относительную устойчивость.

Все версии (траектории развития) ФМ-системы одновременно существуют и как эволюционная линия развития (от проторечи к абстрактному языку), и как параллельное возникновение и сосуществование ФМ-подсистем независимо от времени и пространства. Возможные версии ФМ-системы не множество «отростков», происходящих из одного «корня».

С другой стороны, все существующие варианты ФМ-системы, рассыпанные в языковом континууме, нельзя привести к единому «образцу», однако все они составляют особую цельность. Это единое и многое одновременно. Когда начинается и когда кончается бытие ФМ-системы сказать невозможно, поскольку именно в ее хаотических движениях, переходах, течениях организуется новый космос других систем. Действуя, маргинальные системы заявляют о себе как об активной акции, находят форму и способ своего физического проявления.

Характерно отсутствие традиции при новом воспроизведении ФМ-системы, она каждый раз рождается заново (поэтическая и детская речь, глоссолалии, бред), часто вне воли и желания ее носителя. ФМ-систему нельзя выучить, показать, репродуцировать, поскольку она «появляется» сама по себе (если не учитывать глубинные механизмы генетического свойства). Даже при наличии традиции «обучения глоссолалиям», здесь учат не воспроизведению зауми, а воспроизведению условий, наиболее благоприятных для ее возникновения. Заумь каждый раз оказывается вновь организованной и тут же сломанной, брошенной, забытой системой.

Анализ свойств маргинальности ФМ-системы показал, что она существует как открытая и закрытая, равновесная и неравновесная система, устойчивая и неустойчивая система одновременно, когда одна из ее

подсистем легко адаптируется к новым условиям существования системы, а другая подсистема – консервируется в своих структурно-функциональных свойствах в системе «другой» речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Невозможность адекватного описания отдельных языковых феноменов, к которым относится и ФМ-система, в рамках традиционной научной парадигмы позволяет говорить о целесообразности выделения такого раздела языкознания, как лингвистика маргиналий, которая имеет собственный предмет и методологию.

Перспективность исследования проявлений маргинальности в языке очевидна. Необходимо перестать отождествлять язык с той его частью, которая известна нам лучше всего, и признать существование «двойников» языка, факт «множественности систем, функционирующих в языке» (Р. Якобсон), в том числе и маргинальных. В функциональной лингвистике и социопсихолингвистике как маргинальные образования могут исследоваться «отрицательный», по Л. В. Щербе, языковой материал (ошибки, «ляпсусы», оговорки), современные говоры, региолекты, социолекты, жаргоны, детская и патологическая речь, современные коммуникативные системы и дискурсы (Интернет, общение в чатах, пейджер- и sms-связь, реклама); в семантике и лексикологии – идиоматика, окказионализмы, явления омонимии, энантиосемии, паронимии, различного рода контаминации; в грамматике – окказиональные и архаизованные словообразовательные и синтаксические модели и т. п.

Исследование русской ФМ-системы позволяет говорить о необходимости расширения методологической базы лингвистики, которая должна включать не только междисциплинарные подходы в рамках гуманитарного знания, но и общесистемные исследования, связанные с естественными и математическими дисциплинами.

Маргинальные подходы позволяют раскрывать и описывать новые модели и сценарии реальности и поведения, где возможен переход от

плоскостных поверхностных моделей к моделям многомерно-стереометричным: «встраивание» предмета исследования не только в языковую (плоскостную), но физическую, физиологическую, психическую, культурную (многомерную) реальность. Это очевидно для исследования ФМ, системной средой которой является фоносфера, понимаемая как некий звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими, техническими и культурно-семиотическими звуковыми системами. Пространство ФМ-системы, входящей в фоносферу, понимается как составляющая биосферы и семиосферы одновременно, как один из вариантов перехода биосферы в семиосферу.

Свойства ФМ связаны не только с лингвистической знаковостью: семиотические звенья любой природы связаны здесь с самыми разными способами кодировки. ФМ способны сворачивать в одну единицу различные коды: биологический, звуковой, лингвистический, социальный, жестовый, психологический, физиологический, эмоциональный и др. Однако внешний семиотический хаос оказывается детерминирован фоносферой.

Исследование русской ФМ-системы и единиц, ее составляющих, позволяет определять систему как маргинальный языковой слой, который является базой для ЗИС языка в диахронии и одной из подсистем ЗИС в современной синхронии. ЗИС языка, в свою очередь, является подсистемой языковой системы в целом. В диахронии и динамике ФМ-систему можно рассматривать как проторечевую структуру как в онто-, так и в филогенезе речи. В современной синхронии ФМ-систему можно понимать как подсистему, «консервирующую» архаичные коммуникативные коды и одновременно как «примитивный», «свернутый» вариант основного коммуникативного кода (языка). Возможность рассматривать ФМ-систему как вариант языка обусловлена способностью ФМ выполнять все речеязыковые функции.

Маргинальный характер ФМ-системы обусловлен тем, что она являет собою системно-структурное образование, развивающееся по законам линейной динамики, и одновременно, существуют как нелинейная самоструктурирующая среда.

С одной стороны, система ФМ существует как нелинейная самоструктурирующаяся среда:

а) ФМ-система может пониматься как неравновесный и относительно неустойчивый «хаос» нижележащего уровня бытия языка;

б) процессы, происходящие в ФМ-системе являются необратимыми во времени (утрата примарной мотивированности в современной синхронии), непредсказуемыми и, тем более, неретросказуемы на неограниченно большие промежутки времени;

в) система ФМ имеет альтернативный характер по отношению к доминантной языковой парадигме, однако эта система не является случайными отклонением от магистрального течения, не подчиняется ему и не поглощается им.

ФМ-система может рассматриваться как самоорганизующаяся система по следующим причинам:

а) ФМ-система является открытой неравновесной системой, где происходит интенсивный обмен между подсистемами внутри ФМ-системы (звукоподражательной и звукосимволической; артикуляторной, акустической и речевой фоносферой), а также между ФМ-системой и ее окружением (средой);

б) динамика внешней среды ФМ-системы – фоносферы – связана с изменением (возникновением и исчезновением) звучаний окружающего мира. Динамика внутренней (языковой) среды ФМ-системы связана с фоносемантическими законами относительной денатурализации языкового знака и стадиальности развития языка;

в) по отношению к ФМ-системе фоносфера выступает фактор, упорядочивающий ФМ-систему и удаляющий ее от хаоса. Как однородные

стабильные статические структуры в ФМ-системе выступают, например, модели ономатопов, которые имеют характер лингвистической универсалии;

г) в ФМ-системе возникают семиотически более сложные подсистемы относительно элементов фоносферы (звучаний окружающей действительности), из которых они возникают. Семиотическое усложнение происходит также при переходе ЗП-маргиналий в ЗС-сферу. Как взаимодействие и взаимосодействие подсистем ФМ-системы можно рассматривать переход акустических и артикуляторных ФМ в разряд ономатопов речи и ЗС-слов. Кроме того, возможна регенерация ФМ в поэтической, фольклорной, детской и патологической речи. Таким образом, ФМ-система и составляющие ее ФМ являются существенно динамическими образованиями;

д) самоорганизация ФМ-системы обусловлена универсальными свойствами ЗИС языка, в частности ФС-принципами непроизвольности языкового знака, детерминизма и отражения;

е) спонтанность поведения элементов и ФМ-системы в целом обусловлена свойством гипервариативности единиц системы, а также их существованием преимущественно в устной спонтанной речи, что часто приводит к возникновению и мгновенному исчезновению ФМ. Фиксация и введение в языковой континуум той или иной ФМ также является вероятностным процессом.

С другой стороны, в современной синхронии ФМ-система характеризуется признаками линейных теорий развития систем:

а) ФМ-система не может рассматриваться как хаос – неупорядоченная множественность языковых образований;

б) ФМ-системы могут рассматриваться как второстепенный, побочный фактор развития языка, поскольку уже пройдена натуральная стадия [Воронин 1982] развития языка;

в) состояние языка независимо от микрофлуктуаций (колебаний) нижележащих уровней бытия, к которым принадлежат ФМ-системы;

г) процессы, происходящие в ФМ-системах, являются обратимыми во времени, предсказуемыми и ретросказуемыми на неограниченно большие промежутки времени в рамках законов фоносемантики;

е) развитие ФМ-систем линейно, поступательно, безальтернативно в контексте ФС-закона о примарной мотивированности языкового знака в начале его семиозиса (а если альтернативы и есть, то они могут быть только случайными отклонениями от магистрального течения, подчинены ему и в конечном счете поглощаются им);

ж) процесс семиозиса знака в диахронии связан жесткими причинно-следственными связями, обусловленными ФС-принципом детерминизма.

Если ЗИС языка в целом уже «оторвана» от своего начального бытия (закон относительной денатурализации языкового знака), то ФМ-система в современной синхронии пребывает в исторически «первоначальном» структурном и функциональном статусе.

Системность ФМ-системы обусловлена:

а) наличием собственной единицы, организующей систему (ФМ);

б) особым типом знаковости (безусловная примарная мотивированность);

в) наличием особой функции (биологической), которая отсутствует у других языковых единиц;

г) особой формой, структурой и субстанцией, которые связаны с фоносферой;

д) спецификой сферы функционирования (области измененного сознания);

е) спецификой синхронных и диахронных отношений в рамках ФМ-системы.

Рассмотрение ФМ в категориях маргинальности позволяет проследить не просто диахронические, динамические (фиксация, констатация), но процессуальные (обнаружение движения, перехода) изменений ФМ-системы.

ФМ-система являет собою свернутую систему, фиксирующую как множество семиотических кодов, так и различные уровни хранения информации (от биологической до семиотической). Все многочисленные коды проторечи или автономной детской речи, фиксирующие ту или информацию, на определенном этапе «сворачиваются» в ФМ, заключающую в себе свойства всех предыдущих коммуникативных кодов (жест, эмоция, интонация) и все содержание в одной единице. Происходит компрессия нескольких означаемых в одном означающем, где компрессированная энергия ФМ и локализация их в определенном времени и пространстве приводит либо к «взрыву» доминирующего кода и отказа от него, либо к «плавному переходу» от одной структуры к другой. Перейдя на периферию нового семиотического континуума, при определенных условиях ФМ снова сворачивает, компрессирует все содержание, заключая в собственную минимальную форму. Причем механизм «свертывания – развертывания» воспроизводятся каждый раз по одной модели. Количество свернутой информации позволяет создавать многочисленные варианты ФМ-системы в различных формах и жанрах речи.

В диахронии и динамике при утрате примарной мотивированности ФМ-система идет по линии прогресса, эволюционируя в систему абстрактного языка, и, одновременно, разрушается, фактически «растворяется» в нем. В современной синхронии и статике при условии сохранения или «воскрешения» примарной мотивированности ФМ-система консервируется в архаичных жанрах обрядово-игрового и религиозно-магического дискурса или деформируется, деградирует (на фоне нормы) в поэтической зауми, патологических формах речи (бред, транс, глоссолалия).

В современной синхронии в доминантной языковой парадигме ФМ-система, подверженная ее флуктуациям, перестает функционировать как специфическая система. Свои системные свойства ФМ-система сохраняет только в консервативных подсистемах «другой» речи. Поскольку ФМ-система адаптируется к изменившимся в результате катастрофы внешним и внутренним условиям, то одним из вариантов ее развития является

оперативная подсистема, которая приближается к доминантной среде и улавливает ее флуктуации.

Как оперативные подсистемы в ФМ-системе рассматриваются отдельные приемы языковой игры (палиндром, анекдот, «фокус-покус» прием), которые настолько адаптированы в доминантную языковую среду, что, на первый взгляд, отрываются от «материнской» системы. Как консервативная подсистема ФМ-системы понимается «другая» речь, которая отдаляется от доминантной парадигмы, сохраняя качественную определенность ФМ-системы.

«Другая» речь, которая в современной синхронии понимается как альтернативная (не доминирующая, периферийная, маргинальная) форма существования человеческой звуковой коммуникации, сохраняет проторечевые свойства ФМ-системы. Основной составляющей «другой» речи является заумная речь, которая наиболее рельефно проявляется в фольклорном, поэтическом, религиозно-мистическом дискурсе, а также в детской речи, где ФМ не только являются константной составляющей, но иногда и доминирующим коммуникативным кодом в процессе движения информации.

Однако роль ФМ велика не только в формировании «других» форм звуковой человеческой коммуникации, но и в эмоциональной, экспрессивной, художественной речи. Фиксация, описание и осмысление этих странных языковых форм позволяют решать не только проблемы описания звукоизобразительной системы русского языка, но и проблемы, связанные с языковой семантикой, этимологией, функционально-стилистической и жанровой парадигмой текста, текстовой семантикой и др.

Спецификой ФМ является ее способность аккумулировать в своей семантике весь спектр эволюционных значений, что приближает ее к культурному знаку. На уровне ФМ прослеживается процесс семиозиса языкового знака: в биосфере – биологический звук (знак-сигнал, знак-симптом); в лингво***фоно***сфере (ЗИ-подсистема ЗИС языка) речевой знак

(знак-икона, знак-индекс); в лингво***семи***осфере – языковой знак, графема, фразеологический знак (знак-символ); в семиосфере – культурный знак (символ символов).

Представляется, что перспективность подобных подходов к изучению языковой реальности позволяет открывать новые интерпретационные возможности не только в рамках частного (фоносемантика, лексикология, этимология, грамматика, текстология), но и общего (проблема мотивированности языкового знака, генезис речи, теория коммуникации, теория перевода) языкознания.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В РАБОТЕ

Термины

LOS – Language Origins Society
ЗИ – звукоизобразительный, звукоизобразительность
ЗИС – звукоизобразительная система
ЗП – звукоподражание, звукоподражательность, звукоподражательный
ЗС – звукосимволический, звукосимволизм
И.-е. – индоевропейский
ЛГ – лексика говорения
ЛЗ – лексическое значение
О.-в.-с. – общевосточнославянский
О.-с. – общеславянский
С.-рус. – собственнорусский
ФМ – фоносемантическая маргиналия
ФМ-система – система фоносемантических маргиналий
ФС – фоносемантический

Населенные пункты: районы Пермской области

Бер. – Березовский
Вер. – Верещагинский
Гайн. – Гайнский
Добр. – Добрянский
Ильинск. – Ильинский
Караг. – Карагайский
Красн. – Красновишерский
Киш. – Кишертский
Куд. – Кудымкарский
Куед. – Куединский
Кунг. – Кунгурский
Нытв. – Нытвенский
Ох. – Оханский
Сол. – Соликамский
Сукс. – Суксунский
Ус. – Усольский
Чайк. – Чайковский
Черд. – Чердынский
Черн. – Чернушинский
Чус. – Чусовской
Юрл. – Юрлинский
Юс. – Юсьвинский

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абакумов С. И. Современный русский литературный язык / С. И. Абакумов. – М.: Сов. наука, 1942. – 182 с.

Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации: диалектика прогрессив. линии развития как гуманная общечеловеч. философия для XXI в.: учеб. пособие / Р. Ф. Абдеев. – М.: Владос, 1994. – 334 с.

Авдеев А. Д. Происхождение театра: элементы театра в первообщинном строе / А. Д. Авдеев. – М.; Л.: Искусство, 1959. – 266 с.

Аверьянов В. Велимир Хлебников: традиционализм в авангарде // Философская газета. 2000-2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.phg.ru/issue9/issue.html

Адоньева С. Б. Звуковые формулы в ритуальном фольклоре // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm

Айламазян А. К. Информатика и теория развития / А. К. Айламазян, Е. В. Стась. – М.: Наука, 1989. – 172 с.

Аксаков К. Опыт русской грамматики. Ч. 1. Вып. 1 / К. Аксаков. – М.: Тип. Л. Степаковой, 1860. – 176 с.

Алексеев В. М. Китайский палиндром в его научно-педагогическом использовании // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л., 1951. – С. 95-102.

Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начала XX в. / Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1975. – 199 с.

Алексеенко Е. А. Шаманство у кетов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Л., 1981. – С. 90-128.

Алымов В. Лекции по Исторической Литургике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.holytrinitymission.org/books/russian/historical_ liturgics_v_alimov.htm

Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В. П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.

Арнольд В. И. Теория катастроф / В. И. Арнольд. – М.: МГУ, 1983. – 80 с.

Афанасьев В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов: [около 7 000 терминов] / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 607 с.

Бабайцева В. В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // Переходность и синкретизм в языке и речи. – М., 1991. – С. 3–14.

Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе / В. В. Бабайцева. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. – 391 с.

Базжина Т. В. Психолингвистический анализ некоторых этапов доречевого развития // Становление речи и усвоение языка ребенком. – М., 1985. – С. 6-20.

Базылев В. Н. Традиция, мерцающая в толще истории / В. Н. Базылев, В. П. Нерознак // Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания. – М., 2001. – С. 3-20.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. – М.: Прогресс, Универс, 1994 – 616 с.

Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 114-162.

Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности / Л. М. Баткин. – М.: Наука, 1989. – 272 с.

Баудер А. Я. Лексико-семантический аспект явлений переходности в системе частей речи // Переходность и синкретизм в языке и речи. – М., 1991. – С. 22–31.

Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке / А. Я. Баудер. – Таллин: Валгус, 1982. – 184 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исслед. разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.

Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.

Белый А. Проблема культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 18-24.

Белянин В. П. Введение в психолингвистику / В. П. Белянин. – М.: ЧеРо, 2001. – 128 с.

Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В. П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 247 с.

Береговская Э. М. Специфика палиндрома как формы языковой игры // Филологические науки. – 1999. – № 5. – С. 55-64.

Берже П. Порядок в хаосе: о детерминист. подходе к турбулентности / П. Берже, И. Помо, К. Видаль; пер. с фр. Ю. А. Данилова. – М.: Мир, 1991. – 366 с.

Бирюков С. Поэтический мастеркласс. Урок девятый, заумный.// Топос. Литературно-философкий журнал (30/04/04). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.topos.ru/

Блейхер В. М. Толковый словарь психиатрических терминов. В 2 т. Т. 1 / В. М. Блейхер, И. В. Крук. – Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – 476 с.

Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / К. А. Богданов. – СПб.: Искусство, 2001. – 438 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т.2 / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: АН СССР, 1963. – 388 с.

Бондалетов В. Д. Финно-угорские заимствования в русских арго: учеб. пособие к спецкурсу / В. Д. Бондалетов. – Самара: Самар. гос. пед. ин-т, 1992. – 159 с.

Бондарко А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.

Бродович О. И. (Фоно)лексическое гнездо bogey «бука, пугало»: фоносемантический анализ / О. И. Бродович, С. В. Воронин // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всеросс. конф. – М.; Пенза: Институт психологии и Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1999. – С. 124-125.

Бубнов А. В. Миним: палиндром как минимальный текст // Новое лит. обозрение. – 1997. – № 23. – С. 321-325.

Бубнов А. В. Типология палиндрома: исслед. палиндром. и околопалиндр. форм: опыт учеб. пособия-слов.: [в 2 ч.] / А. В. Бубнов. – Курск: [б. и.], 1995. – 2 ч.

Буковская Н. В. Хаос и порядок: дихотомия смыслов // Порядок и хаос в развитии социально-экономических систем. – Томск, 1998. – С. 48-51.

Бурлюк Д. От лаборатории к улице (Эволюция футуризма) / Д. Бурлюк // Творчество. 1920. № 2.

Бычков В. В. Эстетика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Buchkov_Aesthetics/Bychkov_index.php

В поисках новой гуманитарной парадигмы: [от редакц. совета] // Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. С. Уварова – СПб., 2000. – С. 5-7.

Васильева А. Н. Основы культуры речи / А. Н. Васильева. – М.: Рус. язык, 1990. – 248 с.

Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ крит. ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.

Вашкевич Н. Н. Симия: раскрытие смысла слов, поступков, явлений. Ч. 1 / Н. Н. Вашкевич. – М.: Белые альвы, 2002. – 141 с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Л.: Гослитиздат, 1940. – 648 с.

Винарская Е. Н. Младенческие крики: их происхождение, структура. Динамика и значение для раннего психического развития ребенка // Изучение динамики речевых и нервнопсихических нарушений. – Л., 1983. – С. 3-18.

Виноградов В. В. Русский язык: (граммат. учение о слове): учеб. пособие / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.

Власова М. Н. Русские суеверия: энцикл. слов. / М. Н. Власова. – СПб.: Азбука, 2000. – 670 с.

Войекова М. Д. О первых словах русского ребенка // Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика: XI Всерос. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Институт языкознания РАН, 1994. – С. 176-178.

Войекова М. Д. Первые слова русского ребенка / М. Д. Войекова, И. А. Чистович // Бюллетень фонетического фонда русского языка. – СПб., 1994. – № 5.

Воложанинова Н. В. Семантика русских инстантов: некоторые возражения Ф. де Соссюру: дипл. раб. / Н. В. Воложанинова; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2000. – 53 с.

Волькенштейн М. В. Энтропия и информация / М. В. Волькенштейн. – М.: Наука, 1986. – 190 с.

Воробьева Е. В. Теонимическая лексика: фоносемантический аспект (на материале номинации славянских языческих богов): дипл. раб. / Е. В. Воробьева; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2002. – 60 с.
Воронин 1982, 1997;

Воронин С. В. Английские ономатопы: фоносемантическая классификация / 2-е изд. Под ред. О. И. Бродович / С. В. Воронин. – СПб.: Геликон Плюс, 2004. – 192 с.

Воронин С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.

Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: (очерки и извлечения) / С. В. Воронин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 200 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь: психол. исслед. / Л. С. Выготский. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – 324 с.

Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 345 с.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М., 1982-1984. – Т. 1, Т. 6.

Выготский Л. С. Этюды по истории поведения: обезьяна. Примитив. Ребенок / Л.С.Выготский, А. Р.Лурия. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 223 с.

Высоцкая И. В. Полифункциональность как свойство русского слова // Конференция КВАЛИСЕМ 2000 (Архив) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ffl.nspu.net/QUAL2000/vysocka.htm

Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / А. М. Газов-Гинзберг. – М.: Наука, 1965. – 183 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Шк. «Языки русской культуры»: Кошелев, 1998. – 763 с.

Галунов В. И. Акустика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 23-24.

Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 кн. / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – 2 кн.

Гаспаров М.Л. Считалка богов (о пьесе В. Хлебникова «Боги») // М. Л. Гаспаров. Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911 — 1998. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 279 – 293.

Гаспаров М.Л. Фоника. Аллитерация. Ассонанс // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1987. – С. 20, 39, 470-471.

Гвишиани Д. М. Теоретико-методологические основания системных исследований и разработка проблем глобального развития // Системные исследования: методол. пробл.: ежегодник. 1982. – М., 1982. – С. 7-25.

Георгий, архимандрит. Об опыте Божией Благодати [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spas. org.ua/lib/spb/2002/xarizmaty.htm

Герасимова А. Уравнение со многими неизвестными: (личный язык Введенского как система знаков) // Московский вестник. – 1990. – № 7. – С. 192-206.

Германович А. И. Глаголы типа “толк”, “шасть” // Известия Крымского пединститута. – Симферополь, 1948. – Т. XIV. – С. 25-55.

Германович А. И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук / А. И. Германович. – Симферополь, 1961. – 59 с.

Германович А. И. Междометия русского языка / А. И. Германович. – Киев: Рад. шк., 1966. – 171 с.

Германович А. И. Слова клича и отгона животных в русском языке // Известия Крымского пединститута. – Симферополь, 1954. – Т. XIX. – С. 297-328.

Гетерология // Современный философский словарь // под ред. В. Е. Керимова. – М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996. – С. 110-111.

Гилинский Я. И. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения / Я. И. Гилинский, В. Афанасьев. – СПб.: [б. и.], 1993. – 167 с.

Гинзбург К. Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей: человек в истории. – М., 1990. – С. 132-146.

Гиппиус Е. В. Крестьянская лирика // Русский фольклор. Крестьянская лирика – Л., 1935. – С. 3-62.

Гланц Т. Освежение языка вздохами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/ – Рец. на кн.: Homo

Sonorus. Международная антология саунд-поэзии. Сост. и редакция Дмитрия Булатова. – Калининград, 2001.

Голан А. Миф и символ / А. Голан. – М.: Русслит, 1994. – 371 с.

Головин Б. Н. Основы культуры речи: учебник для студентов вузов / Б. Н. Головин. – М.: Высш. шк., 1988. – 320 с.

Головин В. А. К проблеме возникновения элементов языка в антропогенезе // Вопросы антропологии. – 1961. – Вып. 8. – С. 144-152.

Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для студентов / И. Б. Голуб. – 3-е изд., испр. – М.: Рольф, 2001. – 442 с.

Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М.: Наука, 1980. – 104 с.

Горелов И. Н. Основы психолингвистики: учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 1997. – 221 с.

Горелов И. Н. Проблемы функционального базиса речи в онтогенезе / И. Н. Горелов; Челяб. пед. ин-т. – Челябинск, 1974. – 116 с.

Грамматика современного русского языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

Грачева Г. Н. Шаманы у нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Л., 1981. – С. 69-89.

Григорьев В. П. Будетлянин: работы посвящ. творчеству Велимира (Виктора Владимировича) Хлебникова / В. П. Григорьев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 812 с.

Григорьев В. П. Велемир Хлебников // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста / В. П. Григорьев [и др.]; под ред. В. П. Григорьева. – М., 1990. – С. 98-165.

Григорьев В. П. Воображаемая филология Велимира Хлебникова // Стилистика художественной речи. – Калинин, 1982. – С. 74-118.

Григорьев С. А. Междометные глагольные формы в витебских говорах белорусского языка и смежных с ними переходных смоленских говорах: автореф. дисс. … канд. филол. наук / С. А. Григорьев. – М., 1953. – 12 с.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: УрГПУ, 1996. – 214 с.

Громов А. В. Жгонский язык: словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского р-нов Костромской обл. / А. В. Громов. – М.: Энцикл. рос. деревень, 2000.

Грюнебаум Г. Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры: ст. разных лет / Г. Э. Грюнебаум. – М.: Наука, 1981. – 227 с.

Гуревич Е. А. Поэзия скальдов / Е. А. Гуревич, И. Г. Матюшина. – М.: РГГУ, 2000. – 750 с.

Гурин С. П. Маргинальная антропология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psy-games.narod.ru/margin/DIR.HTM.

Дагуров Г. В. О лексическом составе русских междометий // Славянское языкознание: сб. ст. – М., 1959. – С. 154-159.

Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: материалы по рус. демонологии / В. И. Даль. – СПб.: Литера, 1994. – 480 с.

Даниленко В. П. Инволюция в искусстве: модернизм в футуристической поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://islu.irk.ru/danilenko/index5.htm

Деглин В. Л. Решение силлогизмов в условиях преходящего угнетения правого или левого полушарий мозга / В. Л. Деглин, Т. В. Черниговская // Физиология человека. – СПб., 1990. – Т. 16, № 5. – С. 21-28.

Делёз Ж. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари // Философия и соврем. философско-исторические концепции. – М., 1990. – С. 115-125.

Диалектика познания сложных систем / В. С. Тюхтин [и др.]; под ред. В. С. Тюхтина. – М.: Мысль, 1988. – 317 с.

Дмитриев Н. К. Турецкие элементы в русском арго // Язык и литература. – Л., 1931. – Т. 7. – С. 159-179.

Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера / С. И. Дмитриева. – М.: Наука, 1988. – 240 с.

Добродомов И. Г. Л. В. Успенский «Почему не иначе?» // Русский язык в школе. – 1968. – № 1. – С. 115-119. – Рец. на кн.: Успенский Л. В. Почему не иначе?: этимол. слов. школьника. – М.: Дет. лит., 1967.

Друскин Я. С. “Чинари” // Аврора. – 1989. – № 6. – С. 103-131.

Дьяков А. Исторический фон гностицизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://diakoff.kurskzerno. ru/mfon.htm

Евдокимов Е. В. Детерминированный хаос как фактор биологической эволюции / Е. В. Евдокимов, А. В. Шаповалов // Философия науки. – Новосибирск, 1998. – № 1. – С. 42-53.

Егорова Т. Метеорологическая лексика: фоносемантический аспект: дипл. раб. / Т. Егорова; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2002. – 57 с.

Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России / Е. Н. Елеонская. – М., 1994. – 357 с.

Елисеева М. Б. Основные «идеи», выражаемые ребенком с помощью первых слов различных типов // Проблемы детской речи – 1996: материалы межвуз. конф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Det_speakproblem_1996.html

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып 1. – С. 360-369.

Еремина В. И. Ритуал и фольклор / В. И. Еремина. – Л.: Наука, 1991. – 207 с.

Ерохина Е. А. Теория экономического развития: системно-синергетический подход // Библиотека экономической литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://orel.rsl.ru/nettext/economic/erohina/ 1-1.ht.

Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Ж.-Ф. Жаккар; пер. с фр. Ф. А. Перовской. – СПб.: Акад. проект, 1995. – 471 с.

Жбанкова Г. С. Подзывные и подобные им слова в рязанских говорах // Ученые записки Рязанского пединститута. – Рязань, 1959. – Т. XXV. – С. 415-418.

Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социал. пробл. / В. И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997. – 329 с.

Журавлев А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

Журавлев А. П. Фонетика бесовских глоссолалий // Язык культуры: семантика и прагматика: к 80-летию со дня рождения акад. Никиты Ильича Толстого (1923-1996): материалы междунар. научн. конф. «Славянская этнолингвистика и проблемы изучения народной культуры» / Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2004. – 494 с.

Журавлев А.П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Л., 1974. – 160 с.

Заболоцкий Н. Мои возражения А. И. Введенскому, авто-ритету бессмыслицы // Логос. – 1993. – № 4. – С. 125-127.

Заславский Г. М. Введение в нелинейную физику: от маятника до турбулентности и хаоса / Г. М. Заславский, Р. З. Сагдеев. – М.: Наука, 1988. – 368 с.

Зеленецкий К. П. Система и содержание философского языкоучения с приложением к языку русскому // Березин Ф. М. Хрестоматия по истории русского языкознания. – М., 1977. – С. 76-79.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. – Л., 1929. – Т. 8. – С. 1-151.

Зислин И. Психиатрические подходы к мистическим и религиозным психозам // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электроннный ресурс]. – Режим доступа: http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm

Ивлева Т. Г. Соносфера поэмы В. Ерофеева «Москва-Петушки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.repetitor.org/materials /erofeev1.html

Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция науч. мифа / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.

Ильина И. В. Шева // Традиционная культура народов Европейского Северо-Востока России: этнограф. электрон. энцикл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.komi.com/ Folk/komi/292.htm.

Ильичев В. Д. Биоакустические аспекты звукоподражательных названий птиц / В. Д. Ильичев, О. Л. Силаева, А. В. Тихонов // Орнитология. – М., 1983. – Вып. 18. – С. 156-162.

Ильичев В. Д. Голос птиц и некоторые вопросы его изучения / В. Д. Ильичев, Г. П. Дементьев // Орнитология. – М., 1963. – Вып.6. – С.

Ильичев В. Д. Звукоподражание в акустических взаимоотношениях человека с птицами / В. Д. Ильичев, О. Л. Силаева // Звуковая среда как стимулирующий и воздействующий фактор. – М., 1985. – С. 217-226.

Ильичев В. Д. Звукоподражание в акустических взаимоотношениях человека с птицами / В. Д. Ильичев, О. Л. Силаева // Биологические аспекты экологической биолингвистики. – М.: Ин-т эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова, 1985. – С. 217-226.

Ильичев В. Д. Экологическая биолингвистика птиц – направление на стыке биоакустики, экологии и лингвистики // Биологические аспекты

экологической биолингвистики. – М.: Ин-т эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова, 1985. – С. 208-212.

Инженерная этология, биоакустика и биолингвистика птиц / АН СССР, Ин-т эволюц. Морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова; отв. ред. В. Я. Якоби. – М.: Наука, 1991. – 200 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. / А. В. Исаченко. – Братислава: Изд-во Славацк. акад. наук, 1960. – 577 с.

Казарин Ю. В. Проблемы фоносемантики поэтического текста: учеб. пособие / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – 171 с.

Карпов Л.П. Междометия русского языка и их синтаксические функции: автореф. дис. . канд. филол. наук / Л. П. Карпов. – Ростов н/Д., 1971. – 25 с.

Карпухин С. А. Звукоподражательные слова в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / С. А. Карпухин. – Саратов, 1979. – 19 с.

Касти Дж. Большие системы: связность, сложность и катастрофы: пер. с англ. / Дж. Касти; под ред. Ю. П. Гупало, А. А. Пионтковского. – М.: Мир, 1982. – 216 с.

Катаева А. К. Этимологическое гнездо слова «время»: фоносемантический аспект: дипл. раб. / А. К. Катаева; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2002. – 63 с.

Кацис Л. Ф. Идеи “славянской взаимности” в творчестве В. В. Хлебникова и литераторов его круга / Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. – 2001. – Т. 60, № 1. – С. 22-41.

Кибрик А. Функционализм в лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/articles/82/ 1008265/100826

Климова С.В. Глаголы “неясного происхождения” в Сокращенном Оксфордском словаре. (Элементы этимологической фоносемантики): автореф. дисс. … канд. филол. наук / С. В. Климова. – Л., 1986. – 16 с.

Климова С.В. О некоторых аспектах этимологической фоносемантики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всеросс. конф. – М.; Пенза: Институт психологии и Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1999. – С. 145-146.

Климонтович Н. Ю. Без формул о синергетике / Н. Ю. Климонтович. – Минск: Вышэйш. шк., 1986. – 223 с.

Князева Е. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994. – 229 с.

Князева Е. Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е. Н. Князева, С. Н. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3-20.

Коган М. С. Синергетическая парадигма-диалектика общего и особенного в познании различных сфер бытия // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002. – С. 28-49.

Кожина М. Н. Речеведение // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2003. – С. 332-339.

Козлович М. И. Музыкант – інструмент – музыка ў каляндарно-абходнай абраднасці беларусаў» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bgam edu.by/bgam_ru/ zaschita01.htm

Колшанский Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1974. – 81 с.

Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. 1. Вып. 1 / Д. Г. Коновалов. – Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1908. – 257 с.

Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления: учеб. пособие / П. Г. Белкин [и др.]. – М.: Наука, 1994. – 207 с.

Корнев С. Маргинальная философия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kornev.chat.ru/marginal.htm.

Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 3-45.

Костюк В. Н. Изменяющиеся системы / В. Н. Костюк. – М.: Наука, 1993. – 347 с.

Костюк К. Н. Православный фундаментализм // Полис. – 2000. – № 5. – С. 133-154.

Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г. Е. Крейдлин. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естеств. язык / Г. Е. Крейдлин. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 581 с.

Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура / Е. А. Крейнович. – М.: Наука, 1973. – 495 с.

Кривцун О. Художник XX века: поиски смысла творчества // Человек. – 2002. – № 2. – С. 38-53.

Кручёных А. Декларация слова как такового // Русский футуризм: теория. Практика. Критика. Воспоминания. – М., 1999. – С. 44.

Куперман В. Структура бредового текста: work in progress / В. Куперман, И. Зислин // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm

Курдюмов С. П. Синергетика – теория самоорганизации. Идеи, методы, перспективы / С. П.Курдюмов, Г. Г.Малинецкий. – М.: Знание, 1983. – 64 с.

Курзинер Е. С. Речевые этапы онтогенеза // Проблемы детской речи – 1996: материалы межвуз. конф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books.

Курзинер Е. С. Этапы развития функционального значения слова в онтогенезе // Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика: XI Всерос. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Институт языкознания РАН, 1994. – С. 189-190.

Лавров А. С. Колдовство и религия в России, 1700-1740 гг. / А. С. Лавров. – М.: Древлехранилище, 2000. – 572 с.

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – М.: Гнозис, 1995. – 101 с.

Ларин Б. А. Западноевропейские элементы русского воровского арго / Б. А. Ларин // Язык и литература. – Л., 1931. – Т.7. – С. 113-130.

Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса / Ю. А. Левицкий. – Пермь: ПГУ, 2003. – 420 с.

Лепская Н. И. Междометия: их возникновение и функции в речи детей // Проблемы детской речи – 1996: материалы межвуз. конф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/

Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации / Н. И. Лепская. – М.: Филол. фак. МГУ, 1997. – 151 с.

Липавский Л. Разговоры // Логос. – 1993. – № 4. – С. 7-76.

Литвин Э. С. Песенные жанры русского детского фольклора // Советская этнография. – 1972. – № 1. – С. 58-67.

Лихтман Р. И. Язык писем // Язык и личность. – М., 1989. – С. 196-205.

Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – 1 т.

Лотман Ю. М. О. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Тр. по знаковым системам. – Тарту, 1973. – Вып. 6. – С. 482-486.

Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М., 1990. – С. 5-57.

Лурье С. Я. Неизменяемые слова в функции сказуемого в индоевропейских языках / С. Я. Лурье. – Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1955. – 71 с.

Майр Э. Эволюция // Эволюция / под ред. М. В. Мины. – М., 1981. – С. 5-57.

Макарова И. Семантика смеха в поэзии М. Цветаевой: фоносемантический аспект: дипл. раб. / И. Макарова; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2003. – 68 с.

Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка: слово в зеркале человеческой культуры / М. М. Маковский. – М.: Диалог, 2000. – 418 с.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Владос, 1996. – 415 с.

Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика: Опыт типологической стратификации языковых структур / М. М. Маковский. – М.: Наука, 1988. – 229 с.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – М.: Книга, 1989. – 175 с.

Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии / Л. В. Малаховский. – Л.: Наука, 1990. – 239 с.

Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика и проблемы прогноза / Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов // Вестник РАН. – 2001. – Т. 71, № 3. – С. 210-232.

Малинецкий Г. Г. Современные проблемы нелинейной динамики / Г. Г. Малинецкий, А. Б. Потапов. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 335 с.

Малинецкий Г. Г. Хаос. Структуры. Вычислительный эксперимент: введение в нелинейную динамику / Г. Г. Малинецкий. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 255 с.

Мамардашвили М. Метафизика свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mamardashvili.ru/index.php. htm

Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен / М. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, 2000. – 397 с.

Марков В. И. Структурная организация коммуникативной системы афалины // Морские млекопитающие: тез. докл. VII Всесоюз. совещания (Симферополь, 20-23 сент. 1978 г.). – М., 1978. – С. 216-218.

Маркова О. В. Семантика русских инстантов-континуантов: дипл. раб. / О. В. Маркова; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2001. – 54 с.

Марр Н. Я. Яфетическая теория / Н. Я. Марр. – Баку: АзГиз, 1928. – 156 с.

Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. Социальный протест в народной поэзии. – Л., 1975. – С. 145-155.

Масалкина В. А. Сравнительный анализ семантики русских континуантов и инстантов: этимолого-фоносемантический аспект: дипл. раб. / В. А. Масалкина; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2001. – 52 с.

Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. – М., 1972. – С. 149-189.

Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири / М. Н. Мельников. – Новосибирск: Зап. Сиб. кн. изд-во, 1970. – 218 с.

Мельничук А.С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология 1966. – М.: АН СССР, 1968. – С. 68-96.

Менчинская Н. А. Психическое развитие ребенка от рождения до 10 лет: дневник развития дочери / Н. А. Менчинская. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. – 183 с.

Меркулова В. А. Три русских медицинских термина // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исслед. 1983. – М., 1988. – С. 304-311.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 207 с.

Мечковская Н. Б. Язык и религия: учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М.: Фаир, 1998. – 350 с.

Миккин Х. Х. Роль коммуникативных движений в межличностном общении: автореф. дис. … канд. психол. наук / Х. Х. Миккин. – М., 1977. – 17 с.

Милославский И. Г. Морфология // Современный русский язык: учебник для филол. спец. вузов / под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1989. – С. 380-531.

Минералов Ю. Опасные игры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mineralov.narod.ru/6.html

Михайловская Н. Г. Звукоподражания и повторы в детской поэзии // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л., 1969. – С. 74-76.

Мозговой Д. П. Информационные поля и поведение млекопитающих / Д. П. Мозговой, Г. С. Розенберг, Э. Д. Владимирова. – Самара: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 91 с.

Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество: пробл. формализ. описания / Н. Н. Моисеев. – М.: Наука, 1982. – 240 с.

Мокиенко В. В. Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии. – СПб.: Норинт, 2003. – 506 с.

Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.

Монич Ю. В. Амбивалентные функции ритуала в эволюции языковых систем // Вопросы языкознания. – 2000. – № 6. – С. 69-97.

Морозов В. П. Занимательная биоакустика / В. П. Морозов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Знание, 1987. – 204 с.

Морозов В. П. Эмоциональный слух человека // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 1985. – № 6. – С. 568-577.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. – М., 1983. – С. 37-89.

Мосягин М. «Finnegans Wake» – «Поминки по Финнегану». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mosyagin.narod.ru/dip/d2.htm

Мун Ф. Хаотические колебания / Ф. Мун. – М.: Мир, 1990. – 311 с.

Налимов В. В. В поисках иных смыслов / В. В. Налимов. – М.: Прогресс, 1993. – 262 с.

Налимов В. В. Вероятностная модель языка: о соотношении естеств. и искусств. языков / В. В. Налимов. – М.: Наука, 1979. – 303 с.

Налимов В. В. Самоорганизация как творческий процесс: философский аспект // Синергетическая парадигма: нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002. – С. 143-154.

Налимов В. В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности / В. В. Налимов. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.

Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm

Некрасов С. Виктор Пелевин: опыт библиографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://senek@mail.ru Date: 15 Mar/ 1999.

Николаева Т. М. Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 79-89.

Новик Е. С. Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору. – М., 1994. – С. 110-163.

Новик Е. С. Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. – М., 1999. – С. 217-235.

Отин Е. С. А восе, Авось и авоськать // Русская речь. – 1983. – № 4. – С. 121-122.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования / Ю. В. Откупщиков. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 320 с.

Павловская Ю. И. Фоносемантический анализ речи / Ю. И. Павловская. – СПб.: СПб. ГУ, 2001. – 292 с.

Панов М. В. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 160-165.

Панченко А. А. (2003) Кликота и пророчество // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/panchenko1.htm

Панченко А. А. Заметки и материалы к исследованию фольклора русских мистических сект // Мифология и повседневность: материалы науч. конф., 18 – 20 февраля 1998 года. – СПб., 1998. – С. 154-156.

Панченко А. А. Фольклор и религиозная культура русских мистических сект (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. …. д-ра филол. наук / А. А. Панченко. – СПб., 2002. – 31 с.

Панченко А. М. Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. – М., 1984. – С.118-132.

Панченко А. М. Юродивые на Руси // Панченко А. О русской истории и культуре. – СПб., 2000. – С. 337-352.

Парнис А. Е. Южнославянская тема Велемира Хлебникова: новые материалы к творческой биографии поэта //Зарубежные славяне и русская культура. – Л., 1978. – С. 223-251.

Пачулия Д. Ш. Семантика русских фреквентативов и проблемы этимологической фоносемантики: дипл. раб. / Д. Ш. Пачулия; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2000.

Переходы и катастрофы: опыт соц.-экон. развития / С. Н. Кабанов [и др.]; под ред. Ю. М. Осипова, И. Н. Шургалиной. – М.: МГУ, 1994. – 188 с.

Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / Междунар. каф. ЮНЕСКО по философии и этике СПб. науч. центра РАН; под ред. Г. Л. Тульчинского, М. С. Уварова. – СПб.: Алетея, 2001. – 411 с.

Петрова Н. М. Диалектные фразеологизмы с базовым фоносемантическим компонентом: дипл. раб. / Н. М. Петрова; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2004. – 51 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

Пискунова С. Испанское Возрождение как культура переходного типа // Вопросы литературы. – 1997. – № 6. – С. 153-174.

Подорога В. К вопросу о мерцании мира // Логос. – 1993. – № 4. – С. 139-150.

Подюков И. А. Крепкое русское слово: словарь русской народной брани. / И. А. Подюков. Рукопись. – Пермь, 1997. – 93 с.

Подюков И. А. Уральские духи: атлас нечистой силы в рассказах. / И. А. Подюков. Рукопись. – Пермь, 1995. – 23 с.

Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопр. языкознания. 1963. – № 1. – С. 98 – 105.

Поликарпов А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.humlang. newmail.ru/ index_r.htm

Поляков В. И. Маргинальная личность // Современная западная социология: словарь. – М., 1990. – С. 175.

Померанцева Э. В. Детский фольклор // Русское народное творчество. – М., 1966. – С. 292-302.

Порина Е. Фоносемантический анализ текста повести В. Пелевина «Желтая стрела»: дипл. раб. / Н. Порина; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2003. – 58 с.

Порублев Н. В. Феномен глоссолалии. – Мельбурн, 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.blagovestnik.org/books/001555

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: (проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

Поснов М. Е. История Христианской Церкви / М. Е. Поснов. – Киев: Изд-ние христиан. благотворит.-просвет. ассоциации «Путь к истине», 1991. – 614 с.

Постон Т. Теория катастроф и ее приложения / Т. Постон, И. Стюарт. – М.: Мир, 1980. – 607 с.

Поцелуевский А. П. К вопросу о древнейшем типе звуковой речи / А. П. Поцелуевский. – Ашхабад: Изд-во Туркмен ФАН, 1944. – 56 с.

Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-52.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избр. ст. / В. Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 325 с.

Пурин А. Превращение бабочки: о русской поэзии XX века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newkamera@purin_01

Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела / Вст. ст., публикация и комм. И. Мальского // Октябрь. – 1992. – № 11. – С. 166-178.

Режабек Е. Я. Становление понятия организации: очерки развития филос. и естеств.-науч. представлений / Е. Я. Режабек. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1991. – 131 с.

Реформатский А.А. Глагольные формы типа “хлоп” / А. А. Реформатский // Изв. отд. лит-ры и языка АН СССР. – М.: АН СССР, 1963. – Т. XXП, вып. 2. – С. 127-129.

Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке / Г. Я. Романова. – М.: Наука, 1975. – 175 с.

Руднев В. П. Психоанализ и философия текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arctogaiakasu.ru/ laboratory/rudnev

Руднев В. П. Психотический дискурс // Логос. – 1999. – № 3. – С. 113-132.

Руднев В. П. Смысл как травма: психоанализ и философия текста // Логос. – 1999. – № 5. – С. 155-169.

Руднев В. П. Шизофренический дискурс // Логос. – 1999. – № 4. – С. 21-34.

Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – 2 т.

Рыбальский М. И. Бред: систематика, семиотика, нозологическая принадлежность бредовых, навязчивых, сверхценных идей / М. И. Рыбальский. – М.: Медицина, 1993. – 366 с.

Рыбальский М. И. Иллюзии, галлюцинации, псевдогаллюцинации: систематика, семиотика, нозологическая принадлежность / М. И. Рыбальский. – М.: Медицина, 1989. – 368 с.

Рыжов Ю. Христианство и маргинальность: докл. на междунар. науч.-богослов. конф. «Вера. Диалог. Общение», Москва 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://binetti.ru/studia/ryzhov_8.shtm#2

Садовский В. Н. Основания общей теории систем: логико-методол. анализ / В. Н. Садовский. – М.: Наука, 1974. – 279 с.

Сажин В. Н. Приближение к Хармсу // Хармс Д. Цирк Шардам: собр. худож. произв. – СПб., 1999. – С. 5-10.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 541 с.

Саракаева Э. А. Глоссолалия как психолингвистический феномен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evolkov.iatp.ru/linguistics/Sarakaeva_E.A./ glossolalia.html

Саракаева Э. А. Харизматическое обновление в католической церкви США // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2001. – № 3.

Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 181 с.

Северская О.И. К описанию семантики паронимической аттракции // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 33-38.

Седов А. Е. (б) Биосемиотика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doktora. nm.ru/11.12.03.htm

Седов А. Е. «Жизнь как тексты» и «жизнь как формы» – дополнительность двух подходов от древних культур до современной биологии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doktora.nm.ru/ 11.12.03.htm

Семенова Т. С. Народное искусство и его проблемы: очерки / Т. С. Семенова. – М.: Сов. художник, 1977. – 246 с.

Сергий (Рыбко) иеромонах. Современная культура: сатанизм или Богоискательство? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru.

Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: общие вопросы. – М., 1977. – С. 147-188.

Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми: материалы по психологии колдовства / А. С. Сидоров. – СПб.: Алетейя, 1997. – 283 с.

Симусева А. Рок-музыка и наши дети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru.

Скляров А. "Единая Физика Духа и Материи как новая научная парадигма": (прил. N 1 к трактату "Основы физики духа") [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://piramyd.express.ru/ disput/sklyarov/pril1.ht...

Слободяник В. А. Очерки по истории пятидесятничества / В. А. Слободяник. – Киев: Ирпенская библейская семинария, 2000.

Соколова З. П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX-начало XX в. – Новосибирск, 1987. – С. 118-133.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр; под ред. А. А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики философии искусства. – М.: Наука, 1985. – 331 с.

Степанов Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1971. – 167 с.

Стратен В. В. Арго и арготизмы / В. В. Стратен // Тр. комиссии по русскому языку. – 1931. – Т. V. – С. 111-147.

Субботина Л. П. Лексика говорения: фоносемантический аспект: дипл. раб. / Л. П. Субботина; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 2002. – 59 с.

Суворов В. В. Синергетическая концепция самоорганизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://utc.uni-dubna.ru/ ~mazny/students/ite2/idea...

Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию / А. Е. Супрун, А. М. Калюта. – Минск: Вышэйш. шк., 1989. – 432 с.

Тиханов П. Н. Брянские старцы: тайный язык нищих: этнол. очерк / П. Н. Тиханов. – Брянск: Тип. А. Арцишевского, 1895. – 35 с.

Тодоров Цв. Теории символа / Цв. Тодоров; пер. с фр. Б. Наумова. – М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. – 384 с.

Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие / С. А. Токарев. – М.: Наука, 1964. – 399 с.

Толстой М. В. История русской церкви / М. В. Толстой. – (Сортавала): Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. – 736 с.

Топешко И. Н. К вопросу о культурно-мифологической концепции происхождения языка // "Новые" и "вечные" проблемы философии. – Новосибирск, 2000. – С. 16-30.

Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской культуры: загадка как текст. – М., 1994. – С. 10-117.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исслед. в области мифопоэтического: избранное / В.Н.Торопов. – М.: Прогресс. культура, 1995. – 621 с.

Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 44-59.

Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 7-60.

Тоффлер О. Наука и изменение: [предисл.] // Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 1986. – С. 11-33.

Третьякова В. С. Звукоподражательные глаголы в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / В. С. Третьякова. – М., 1985. – 25 с.

Туфанов А. В. К зауми. Стихи и исследования согласных фонем // Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания. – М., 2001. – С. 26-41.

Тэрнер В. Символ и ритуал: пер. с англ./В.Тэрнер. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

Усачева В. В. Роль звукоподражаний в обрядовой практике славян // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 85-104.

Усманова А. Р. Маргинальность // Новейший философский словарь. – Минск, 2003. – С. 593-594.

Успенский Б. А. Язык и культура: избр. тр.: в 2 т. / Б. А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 2 т.

Флоренский П. А. Антиномия языка // П. А. Флоренский. Т. 2: У водоразделов мысли. – М., 1990. – С. 152-199.

Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М.: [б. и.], 1998. – 292 с.

Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. – М., 1990. – С. 183-559.

Франк-Каменецкий И. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература. – Л., 1929. – Т. 3. – С. 70-155.

Фрейд З. «Я» и «Оно»: труды разных лет: в 2 кн. / З. Фрейд. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 2 кн.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 605 с.

Хазел Г. Дар языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mnogoknig.narod.ru/b3/tangue/read.html

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 116-122.

Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопич. подход к сложным системам / Г. Хакен; пер. с англ. Ю. Данилова. – М.: Мир, 1991. – 240 с.

Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен; пер. с англ. В. И. Емельянова. – М.: Мир, 1980. – 404 с.

Харизматическое движение в системе духовной агрессии США // Спас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spas.org.ua/lib/spb/2002/xarizmaty.htm

Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 459 с.

Хитренко У. М. Русская заумь: лингвистический и литературоведческий аспекты: дипл. раб. / У. М. Хитренко; ПГПУ, Кафедра общего языкознания. – Пермь, 1997. – 59 с.

Хлопов Ю. Н. М. Е. Тараканов: человек и фоносфера // Новый музыкальный инструмент: рояль: науч. тр. ГИИ. – М.; СПб., 2003.

Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избранное. – М.: Сов. писатель, 1991. – 688 с.

Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: лингвистика дет. речи / С. Н. Цейтлин. – М.: Владос, 2000. – 238 с.

Чернавский Д. С. О методологических аспектах синергетики // Синергетическая парадигма: нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002. – С. 50-66.

Черняков А. Н. Заумь как лингвистический феномен // Поэзия авангарда. Исследования о русском авангарде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ff/index.html

Чертов Л. Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информ. связи / Л. Ф. Чертов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. – 378 с.

Чертов Л. Ф. Семиологические проекты и проблема границ семиосферы: докл. на конф. «Новый этап становления общей семиотики: вклад техно и биосемиотики» (17-19 апр. 2003 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.srph.ru/teco.htm

Шанский Н. М. Лингвистические детективы / Н. М. Шанский. – М.: Дрофа, 2002. – 528 с.

Шаповалова Г. Г. Изучение детского фольклора О. И. Капицей // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М., 1968. – Вып. 4. – С. 149-163.

Шведова Н. Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // Вопр. языкознания. 1957. – № 1. – С. 85-96.

Швец Р. Д. Грамматическая характеристика глагольно-междометных форм в современном русском и украинском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / Р. Д. Швец. – Л., 1954. – 12 с.

Шехтер Т. Е. Маргинальный статус художественной культуры // Метафизические исследования. – 1997. – Вып. 4. – С. 57–81.

Шипунов Ф. Я. Для полноценной жизни народа нужны принципы... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.voskres.ru/gosudarstvo/ shipunov.htm

Шкловский В. Б. Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914-1933) / В. Б. Шкловский. – М.: Сов. писатель, 1990. – 544 с.

Шляхова С. С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий / С. С. Шляхова. – Пермь: ПГПУ, 2004. – 225 с.

Шляхова С. С. Изобразительная лексика в диалектных словарях уральского региона // Лингвистическое краеведение Прикамья. – Пермь: ПГПУ, 1988. – С. 34-50.

Шляхова С. С. Рассекающий бездну (о примарной мотивированности «заветного» в фольклорном тексте) // Словесность и современность: Материалы Всеросс. Конф. Фольклорный текст / Научн. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. – Ч II. – С. 77-91.

Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику / С. С. Шляхова. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – 216 с.

Шляхова С. С. Типы и функции ономатопов в русской речи: дис. … канд. филол. наук / С.С.Шляхова. – Л., 1991. – 262 с.

Шляхова С. С. Фоносемантическая игра как элемент поэтики анекдота // Фольклорный текст – 2001: Материалы научн.-практ. семинара / Научн. ред. И. А. Подюков. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 104-110.

Шустер Г. Г. Детерминированный хаос: введение / Г. Г. Шустер. – М.: Мир, 1988. – 240 с.

Эйхенбаум Б. М. О прозе; О поэзии: сб. ст. / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Худож. лит., 1986. – 453 с.

Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Петрополис, 1998. – 431 с.

Элиаде М. Тайные общества: обряды инициации и посвящения / М. Элиаде. – СПб.: Ун-т кн., 1999. – 356 с.

Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде. – Киев: София, 2000. – 472 с.

Эпштейн М. Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 222-235.

Эткинс П. У. Порядок и беспорядок в природе / П. У. Эткинс; пер. с англ. [и предисл. Ю. Г. Рудого]. – М.: Мир, 1987. – 223 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193-230.

Якобсон Р. О. Полушария головного мозга и языковая структура в свете взаимодействия // Якобсон Р. О. Избранные работы. – М., 1985. – С. 270-286.

Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – М.: Наука, 1984. – 137 с.

Allen W. S. Ancient ideas on the origin and development of language // Transactions of the Philological Society. – 1948.

Argyale M. Non-verbal communication in human Social interaction. – Cambridge, 1972.

Berdwhistell R. L. Kinesics and Context. – Philadelphia, 1970.

Bickerton D. Language and species. – Chicago; L: Univ. of Chigagopress, 1990. – X, 297 p.

Borst A. Der Turmbau von Babel. – Stuttgart, 1957-1963.

Chiarelli Br. The origin of human language // Studies in language origins. – Amsterdam; Philadelphia, 1989-1991. – Vol. 2. – P. 35-40.

Chirikov B. V. Linear and nonlinear dynamical chaos // Lectures on the Intern. Summer School "Nonlinear Dynamics and Chaos". – Slovenia, 1994.

Donald M. Precondition for the evolution of protolanguages // Language origins Society: 9-th Meeting. – Oranienbaum, 1993.

Fenwick P. The neuropsychology of religious experience // Psychology and Religion / ed. by D. Bhugra. – London; New York, NY: Routledge, 1996.

Frundt H. Speech origin research: semiotic and linguistic indications from echo location among animals // Language origins Society: 9-th Meeting. – Oranienbaum, 1993.

Goodman F. D. Speaking in tongues: a cross-cultural study of Glossalalia. – Chicago, 1972.

Lass R. How to do things with junk: exaptation in language evolution // Journal of linguistics. – Cambridge, 1990. – Vol. 26, № 1. – P. 79-102.

Lieberman Ph. The biology and evolution of language. – Cambridge; L., 1984.

Markov V. Russian futurism: a. history. – Los Angeles: Berkeley, 1968.

Murphy T. How the brain creates the experience of God [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.jps.net/brainsci/god.htm

Nilsson N. Futurism, Primitivism, and Russian Avant-Garde / N. Nilsson // Russ. Lit. 1980. Vol. VIII, N V.P.

*Nilsson N.*Prvobitnost – primitivisam / N. Nilsson // Pojmovnik ruske avangarde. Zagreb, 1984. Sv. 1.

Payson Creed R. A student of oral traditions looks and its importance in language evolution // *Studies in language* origins. – Amsterdam; Philadelphia, 1989. – Vol. 1. – P. 43-52.

Persinger M. Vectorial cerebral hemispherity as differential sources for the sensed presence, mystical experiences and religious conversions // Percept Mot Skills Jun. – 1993. – Vol. 76. – (3 Pt. 1). – P. 915-930.

Ragir S. The development of stone tool technologies and the structure of thought // Language origins Society: 9-th Meeting. – Oranienbaum, 1993.

Rice J. R. Speaking with tongues. Murfreesboro, TN.: Sword of the Lord Publ., 1949.

Rolfe L. Phonosthemes as primary word forms // Language origin Society: 9-th Meeting. – Oranienbaum, 1993.

Rosenkranz B. Der Ursprung der Sprache. – Heidelberg, 1961.

Samarin W. J. Tongues of men and angels. – New York, NY: McMillan, 1972.

Samarin W. J. Variation and variables in religious giossalalia // Language and Society. – 1972. – № 1. – P. 121-130.

Saver J. The neural substrates of religious experience / J. Saver, J. Rabin // J. Neuropsychiatry Clin Neurosci. – 1997. – Sam. – № 9 (3). – P. 498-510.

Scheflen A. Body language and social order: communication and behavioral control. – New York, N.Y, 1972.

Smillie D. Desiderata for an evolutionary account of the origins of language // Studies in language origins. – Amsterdam; Philadelphia, 1989-1991. – Vol. 2. – P. 285-297.

Sommerfelt A. The origine of language: theories and hipotheses // Cahiers d'histoire mondiale. – (1953-1954). – Vol. 1. – P. 4.

Stadies in language origins. – Amsterdam; Philadelphia, 1989. – Vol. 1.

Voronin S. V. Glottogenesis. Semiosis: (Sundry Papers) / S. V. Voronin, СПб.: С-Петерб. ун-т, 2005. 148 с.

Wind J. Speech origin: a review // Language origin: a multidisciplinary approach. – Dordrecht; Boston; London, 1992.

Winter W de. Behavioral flexibility and the evolution of language // Studies in anthropological linguistics. – Berlin West etc., 1988. – № 3. – P. 247-269.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. – М.: Изд-во МГУ, 1980-1990. – Вып. 1-7.

АС, Акчимский словарь – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-1990. – Вып. 1-3.

Балдаев – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Авторы-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. – М., 1992.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1948-1956. – 17 т.

БАС 1 – Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. Изд. 2-е. – М.: Русский язык, 1991-1993. – 4 т.

Бидерманн – Бидерман Г. Энциклопедия символов. Пер с нем. / Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И. С. – М: Республика, 1996.

БСРЖ – Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: НОРИНТ, 2000.

Быков – Быков В. Русская феня: Словарь / В. Быков.. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994.

БЭ – Библейская энциклопедия / Труд и издание Архимандрита Никифора. – М.: Типография А.И.Снегиревой, 1891.

Власова – Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь / М. Власова. – СПб.: Азбука, 2000.

Грачев – Грачев А. М. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь / А. М. Грачев. – Нижний Новгород: Флокс, 1992.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. язык, 1978-1980. – 4 т.

Доп. – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. – СПб., 1859.

ИЭСВЖ – Грачев М. А. Историко-этимологический словарь воровского жаргона / М. А. Грачев, В. М. Мокиенко. – М.: Фолио-Пресс, 2000. – 254 с.

КБАС – Картотека БАС. Ин-т русского языка АН РФ. – СПб.

Коров. – Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII – XX веков / В. П. Коровушкин. – Екатеринбург: УрГУ, 2000.

КРС – Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985.

КЭСКЯ – В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: АН СССР, 1961.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990.

Маковский – Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка: Слово в зеркале человеческой культуры / М. М. Маквоский. – М.: Диалог, 2000.

Маковский 1996 – Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках / М. М. Маковский. – М.: Владос, 1996.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. – 4 т.

МНМ – Мифы народов мира: в 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1982. – 2 т.

МС – Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Ноч. – Ночвин Н. П. Говор крестьян Шадринского уезда Пермской губернии // Записки Уральского общества любителей естествознания. – Екатеринбург. 1913. – Т. 32. Вып. 1-2.

НСРЯ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 2 т.

НФС – Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис, 2001.

Ожегов – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Инвест: Азбуковник, 2003.

Оп. – Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.

Откупщиков – Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. – М.: Академия, 2005.

О-Ш – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999.

Полякова – Е. Н. Полякова. Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-1998. – Вып. 1-4.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967-1986. – Вып. 1-7.

РЗИ – Василий Буй. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражения) / Под. ред. А. Баранова, Д. Добровольского. – М.: редакция АСМ, «Помовский и партнеры», 1995.

РЯЭ – Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. А. П. Горкин -. М.: Русский язык, 1997.

СЗС – Современная западная социология: словарь / сост. Ю. Н. Давыдов. – М.: Политиздат, 1990.

СЗФ – Современная западная философия: словарь / сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М.: Политиздат, 1991.

СИСТ – Бенвеннист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс – Универс, 1995.

СМ – Славянская мифология: энцикл. словарь. – М.: Эллиас ЛАК, 1995.

СМРЯ – Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. – М.: Русский язык, 1986.

Соколов – Соколов П. И. Общий церковно-славяно-российский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных…..: в 2 ч. / П. И. Соколов. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1834. – 2 ч.

СПГ – Словарь Пермских говоров: в 2 вып. – Пермь: Кн. мир, 2000-2001. – 2 вып.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964-1988. – Вып. 1-7.

Срезневский – И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1956. – 3 т.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1965-1995. – Вып. 1-29.

СС – Керлот Хуан Эдуардо. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994.

ССГ, Соликамский словрь – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Составитель О. П. Беляева. Под ред. Е. А. Голушковой. – Пермь: Перм. пед. ин-т, 1973.

ССРГ – Словарь современного русского города / Под ред. Б. И. Осипова. – М.: Русские словари, Апрель, АСТ, Транзиткнига, 2003.

СФС – Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Керимова. – М.: Одиссей; Бишкек; Екатеринбург: Гл. ред. кыргыз. энцикл., 1996.

Тепл. – Теплоухов А. Уральский словарь // Уч. зап. Казанского ун-та. – Казань, 1857. – Кн. 3.

Тер-Акопян – Тер-Акопян А. К. Санскрит в реке русской речи / А. К. Тер-Акопян. – М.: Новый центр, 2002.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка. В 3 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Вече, 2001.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986-1987. – 4 т.

ФС – Философский словарь / ред. И. Т. Фролов. – 7-е изд., доп. и перераб. – М.: Республика, 2001.

ФСПГ – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева.- Пермь: Перм. пед. ун-т, 2002.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. – М., 1995.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986.

Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – М., 1993. – 2 т.

Шляхова 2004 – Шляхова С. С. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2004.

ЭЗС – Дж. Фоли. Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече, АСТ, 1997.

ЭИПРЯ – Этимологические исследования по русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1960-1986. – Вып. 1-9.

ЭП – Энциклопедия постмодернизма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://voc.metromir.ru/index.php

ЭС – Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов / Шейнина Е. Я. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: Торсинг, 2001.

ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1963-1982. – Т. 1-2. Вып. 1-8.

ЭССТ – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Пермь: Пермское книжное издательство. 2004.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974-1999. – Вып. 1-25.

Юган. – И. Юганов, Ф. Юганов. Словарь русского сленга: сленговые слова и выражения 60-90 годов / под ред. А. Н. Баранова. – М.: Метатекст, 1997.

ЯОС – Ярославский областной словарь: уч. пособие / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль: Яросл. пед. ин-т, 1981-1989. – Вып. 1-8.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. ЭТИМОЛОГИЯ ФМ

1.1.

Таблица 1

ЗИ-этимологии русских ФМ
(по данным этимологических словарей)

Класс ФМ	Наличие ЗИ-этимологии (%)
Акустические ФМ	***99,7***
Артикуляторные ФМ	***100***
ФМ говорения	***100***
Подражания голосам животных и птиц	***100***
Слова клича и отгона животных и птиц	***100***

1.2.

Таблица 2

Происхождение русских ФМ
(по данным этимологических словарей)

Группы ФМ Лексический фонд	Акустические ФМ	Артикуляторные ФМ	ФМ говорения
Индоевропейский	***99,4***	***100***	***99,55***
Общеславянский	***0,6***	**-**	***0,45***
Общевосточнославянский	**-**	**-**	**-**
Собственно русский	**-**	**-**	**-**

1.3.

Таблица 3

ЗИ-этимологии русских акустических ФМ
(по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%
Наличие ЗИ-этимологии ФМ	***10,3***
Наличие ЗИ-этимологии в родственных словах	***43,2***
Отсутствие единицы в словаре	***46,5***

1.4.

Таблица 4

ЗИ-этимологии русских артикуляторных ФМ
(по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%
Наличие ЗИ-этимологии ФМ	***18,4***
Наличие ЗИ-этимологии в родственных словах	***39,2***
Отсутствие единицы в словаре	***42,5***

1.5.

Таблица 5

ЗИ-этимологии русских ономатопов говорения
(по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%	
	Лексема	ФМ
Наличие ЗИ-этимологии	***60,5***	***29,9***
Наличие ЗИ-этимологии в родственных словах	***33,8***	***70,1***
Отсутствие ЗИ-этимологии	***5,6***	**-**

1.6.

Таблица 6

Происхождение ономатопов говорения

Іексический фонд	Количество корней	%
Индоевропейский	**69**	***75***
Общеславянский	**17**	***18,5***
Общевосточнославянский	**3**	***3,4***

Собственно русский	**3**	***3,4***
ИТОГО	**92**	***100***

1.7.

Таблица 7

Этимологическая семантика корней ономатопов говорения

Семантика корней	**И.-е.**	**О.-с.**	**О.-в.-с., с.-рус.**
Издавать естественный звук, шум, тон	***48,1***	***47,2***	***16,7***
Издавать звук, говорить, кричать (о человеке)	***31,9***	***35,3***	***66,7***
Издавать звук, кричать (о животных)	***13***	***11,8***	***16,7***
Другие значения	***7***	***5,9***	**-**

1.8.

Таблица 8

ЗИ-этимологии русских подзывных слов

Признак номинации	**%**
Название животного	***30***
Внешние признаки животного	***23,3***
Крики и звуки, издаваемые животными	***20***
Аллегроформа	***6,7***
Родственные связи	***3,3***
Другие	***13,3***

1.9.

Таблица 9

ЗИ-этимологии русских ФМ-команд
(по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	**%**
Звукоподражательное (***узы, усе, усь, вузьк, аму*** «лови, хватай, фас»; ***но, ну, сы, сыле*** «пошла»)	***69,23***
Ономатопоэтическое (***ксы*** «вон»; ***тпр, тр, тпру*** «стоп, стоять»)	***30,77***

1.10.

Таблица 10

ЗИ-этимологии русских ФМ отгона
(по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	**%**
Звукоподражательное	***86,7***
Междометие	***13,3***

1.11.

Таблица 11

ЗИ-этимологии русских подражаний голосам животных и птиц (по данным этимологических словарей)

Характер этимологической классификации единицы	%
Наличие ЗИ-этимологии ФМ	***17,7***
Наличие ЗИ-этимологии в родственных словах	***36,3***
Отсутствие единицы в словаре	***46***

1.12.

БЛИЖАЙШЕЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСХОДНОГО КОРНЯ, ИМЕЮЩЕГО ЗИ-ПРОИСХОЖДЕНИЕ

НЫТЬ: *чеш*. nyti, nyji «тосковать»; unaviti «утомить»; *лит*. novyti «мучить, губить, угнетать»; *лтш*. nâve «смерть»; *гот*. nawis «мёртвый»; *ирл*. nuna «голод» – ср. *рус*. навь «смерть», навей «мертвец» [Фасмер III: 35, 92]; *праслав*. *nyti < *naviti и *navь; *лит*. novyti «мучить, губить, угнетать»; *лтш*. nâvet «убивать», nâve «смерть»; *др.-прусс*. nowis «туловище» > *и.-е*. гнездо *nāu-/*nəu-/*nū- «мучить» [ЭССЯ XXVI: 66]. Этимологии, предлагаемая М.Фасмером и О.Н.Трубачевым, отражают более позднее развитие семантики и.-е. корня *nāu-:*nəu-:*nū- «мучить». Можно предположить примарно мотивированную природу этого корня. «Сонорный – носовой, как и просто назализация, являются универсальным средством выражения боли посредством стона: изображения стона состоят из тех же, но часто звонких голосовых звуков. Начальный горловой взрыв может заменяться близким по месту: зевным (*кирг*. ынг/кынг; *араб*. NN/GNN). В семитском NK/NN конечное nk соответствует n (ср. кирг. ынг.). Корень GNN словарь Вера переводит как «говорить в нос, производить носовой звук» (ср. «гнусавить, гундосить»)… носовой тон, тон… жалобы, сожаления» [Газов-Гинзберг 1965: 44]. Можно предположить, что старшее значение слова НЫТЬ было «стонать от боли» < «изнывать, мучить» < «убивать, угнетать, губить» < «мертвец, смерть, мёртвый».

МОЛЧАТЬ: *србхрв*. мучати, мучим, сближаются с 1) *ирл*. malcaim «гнию»; *греч*. μαλαχος «мягкий»; *лит*. smulkus «мелкий», smilkti «отмирать»; 2) *лит*. mulkis «дурак»; *др.-инд*. mūkhas «глупый»; *греч*. μαλχη «оцепенеть от холода» [Фасмер II: 648]; *о.-с*. *mьlk-; *и.-е*. *melək-:*mlk-:*mlak- «мягкий, слабый, вялый, глупый» [Черных I: 540]. Семантика данного слова связана с отсутствием говорения, однако некоторые семантические связи позволяют предполагать возможность ЗИ-мотивированности: *лит*. smulkus «мелкий, буквально раздробленный на кусочки». Кроме того, А.М.Газов-Гинзберг предлагает ЗИ-происхождение слов, обозначающих молчание. «В ряде языков призывом к молчанию служит междометие, содержащее в качестве основного элемента губной назализованный согласный звук – **m**: например, *англ*. mum! «молчи!»; то же *итал*. mum!, *в араб*. mah-mah- междометие, которое Ф.Шультесс трактует как «собственно произносимый со сжатыми губами резонансный звук»; отсюда глагол mahmaha «с закрытым ртом, также посредством языка жестов, призывать к тишине». Т. о., сомкнутость губ при фонеме **m** символизирует здесь молчание; восходящий через нос воздух подчеркивает эту артануляцию, делает её слышимой и превращает в слово» [Газов-Гинзберг 1965: 49].

ЛОЖЬ, ЛГАТЬ: *др.-лит*. I úg inaite «предательский, изменчивый»; *гот*. liugan «лгать», laugnjan «отрицать, отвергать» [Фасмер II: 469]; к *и.-е*. *laugh-; *лит*. lunginti «вилять хвостом» (о собаках); *нем*. locken «манить» (*lugh-) [ЭССЯ XVI: 235]. Этимология М.Фасмера учитывает только ближайшее значение слова, тогда как О.Н.Трубачев предлагает более старшее значение родственных слов *лит*. lunginti «вилять хвостом» (о собаках). Ср. также семантическую аналогию: *обман* родственно

махать, где исходное значение «махать руками». Кроме того, русские ономатопы удара и тона регулярно развивают значения «манить, обманывать, вводить в заблуждение» [Шляхова 2003]: ср. здесь «махать, вилять» – «обман, ложь».

СПЛЕТНИ: < плести *лат* plectō «плести»; *греч*. πλεχτή «верёвка, сеть», πλόχος «коса, заплетенные волосы»; *др.-инд*. praçnas «плетение, плетёная корзина» [Фасмер III: 280]. М.Фасмер и Н.Шанский выводят этимологию из *плести*, что, однако, не исключает ЗИ-этимологии: «верёвка, волосы, причёска (коса), ёмкость, полость (корзина)» являются регулярными для русских ономатопов [Шляхова, 2001: 125]. Исходный *и.-е.* корень *plek- «плести, сматывать» [Черных II: 41]. Эпитетом волос было прилагательное «огненный»: ср. лат. pilus «волосы», но *и.-е.* *pel- “гореть” (Маковский 1996: 346). Ср. родственные лит. plakti «колотить» [Маковский 2000], что позволяет предполагать ЗИ-характер слова.

БЕСЕДА: *bez- + *sĕda; сидеть *и.-е*. *sod-/ sed- < *гот*. anda – sĕts «отвратительный; садить» [Черных II: 128]; *др.-исл*. utiseta «сидение снаружи в ночное время для гадания, прорицания» [Фасмер I: 160]. Беседа этимологически восходит к *сидеть / садить*, что не связано с процессами речи. В *и.-е.* языке значение «сидеть» восходит к значению «гнуть», тогда как «гнуть» связано со значением «ударять, рассекать, разрубать» [Маковский 2000]. Таким образом, можно предполагать возможную примарную мотивированность.

1.13.

ЭТИМОЛОГЧИЕСКАЯ СЕМАНТИКА ОНОМАТОПОВ ГОВОРЕНИЯ

1.13.1.

Этимологическая семантика ономатопов говорения индоевропейского лексического фонда. Из 69 рассмотренных корней ~ 12 % соотносятся со значением «удар»: *pu-: *pēu- “бить, разбивать, ударять, резать, подсекать;” *(s)p(h)er-: *(s)p(h)or-: *(s)p(h)r- «ударять, брыкнуть, толкнуть, дернуть»;*bhreu-sk- «бить»; *guhen-: *ghun- «бить, убивать»; *kel-: *kol- «рубить, ударять, сечь»; *lep-: *lop-: *lap- «стукать, ударять»; *ghneu-: *ghnu- «скрести, соскабливать, тереть».

Около 25 % корней имеют семантику «*звук, шум, грохот*» и «*издавать звук*»: *balbal- «греметь, звенеть»; *rek-: *rok- “издавать звуки”; *grek-(grok-): *krah- «греметь, скрипеть, трещать»; *hrm-: *grzm-: *gremt-: *grum- «греметь, грохотать»; *bhreu-sk- «шуметь, хрустеть, трещать»; *vъrk-: *vrc-: *urk- «шуметь, скрипеть»; *garg- «булькать»; *burk- «звук падения твердого тела в воду, шум от кипения воды»; *ghvonos-: *svonos- «звук, звон»; *gald-: *gell- «шум, громкий звук»; *gal- «звук, звон»; *ghuono-s «звук»; *tor- «громкий, внятный»; *babh-: *bies- «дуть»; *(s)peis-«дуть»; *fu- «дуть, веять,шипеть».

Около 29 % корней имеют семантику «*издавать звуки голосом*»: *kleu- :*klu- «слышать» > *kel- «звать»; *ker-: *kor-: *kr-: *gr-: *ger-: *gor-: *kar- «крик; хриплый, неприятный голос»; *borm-, *morm-, «говорить, бормотать»; *grem- «бормотать»; *bha- «говорить»; *uer-: *uerdh- «слово»; *gou- «крик, шум, издаваемый при участии голоса»; *garg-, *jarg- «болтать»; *gal-: *gol- «голос, крик»; *ghau-: *ghauэ- «звать, кричать, окликать»; *ōr- «говорить, кричать, молить»; *suer-: *sour- «отвечать, клясться»; *bar-: *tar- «говорить»; *lep- : *lop-: *lap- «говорить»; *lal- «болтать».

13 % корней с семантикой «*звук, издаваемый животными*»: *reug- «рёв зверя»; *urc- «ворчать, рычать; звук рыси»; *mruk-: *mark- «ворчать, рычать, мурлыкать»; *gogot-, *hoht-, *gag- «гоготать»; *ū- «крик совы».

Около 6 % корней связаны с семантикой «рана, боль, страдание»: *sair, *sêr, *saith-: *soeth-; *nāu-: *nэu-: *nū- «мучить»; *clād- «ранение, ущерб, поражение».

Чуть более 1 % корней связаны с семантикой «гневный, яростный» (*grant-: *grim-); «радость, веселье; игра» (*gam-: *gom-); «видеть, знать» (*vēd-, *wait, *vid-); «блеск,

сияние, свет» (*kāçat-: *cást-: *caks-); «измерять, взвешивать, искать» (*mekl-); «дух, ум, мысль» (*med-); «связывать, присоединять»: (*uer-: *uor-: *ur-); «мягкий, слабый, вялый, глупый» (*mlak-: *melэk-: *mlk-). Один корень связан с энантеосемией: *ks-ā-i- «ругать, хулить, бранить», «устраивать беспорядок», «идти (о дожде, снеге)», «гладить, ласкать». Один корень с семантикой «отгона животных и птиц»: киш- (кыш-), tiš.

1.13.2.

Этимологическая семантика ономатопов говорения общеславянского (праславянского) лексического фонда. Два корня с семантикой удара: ropot-/rъръt- «грохот, шум, треск»; *bQb- «глухой звук, стук». Два корня несут семантику «издавать звук (о предметах или явлениях природы»:*vъ rk- “издавать один звук за другим”; *gъrk- «греметь, журчать, трещать».

Восемь корней со значением «издавать звуки при помощи голоса (о человеке)»: ср. golsъ «говорить, петь, плакать, вопить»; gars-, bhas- “звук, речь”; molv- «говорить, шуметь»; šьръt- «шептать»; цык/сык (цик/сик) «кричать»; члап/хл(ять)п «хватать ртом»; ик- «начать икать»; хъх- «хохотать».

Один корень с семантикой «крик»: uk-«крик». Один корень со зна чением «издавать звуки (о животных)»: цык/ сык (цик/сик) «шипеть, пищать, стрекотать». Один корень со значением «крик животного»: гук- «крик совы, глухой звук». Один корень со значением «мелкие части, то, что раздроблено, мелочь, не стоящая внимания»: drobь-. Один корень со значением «взбалтывать, первоначально о жидкости, о воде»: bъlt-.

1.14.

ВОЗМОЖНАЯ ПРИМАРНАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ЛЕКСИКИ С СЕМАНТИКОЙ «ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ»

НЕДЕЛЯ. Русское ***неделя***. Укр. неділя (обычно тиждень; ср.бир.тыдзень), недільний; болг. неделя (чаще седменда); с.-хорв.неделя – «неделя» (в этом значении и седмица) и «воскресеное»; словен. tedeljski. – «воскресный»; чеш. tedele – «воскресенье», иногда «неделя» (обычно, неделя – tyden), hedelni – «воскресный»; чеш.nedele – «воскресенье», иногда «неделя»; словац. nedel a – «воскресенье»; польск. tadzeela – «воскресенье»; в. – лут. – njedzela – «воскресенье» (но мн. tjedzele – также «неделя» – tydzen); н. – луж. njezela – «воскресенье» (Черных 1: 566). Старшее значение «день неделания (отдыха)», «воскресение». Сложное из не- и дЬл- (от дЬло, дЬлати). Новообразование эпохи христианизации славян. Как иногда полагают, м.б. калька с греческого απραχτος – «бездействующий», «бездеятельный», «нерабочий» день. Но, вообще говоря, предполагать в данном случае калькирование не имеется серьезного основания. Сущ. *воскресенье* сначала значило «пасхальное воскресенье», а значение «неделя» выражалось (у православных христиан) словом седмица (Черных 1: 566). *Таким образом,* ***неделя*** *соотносится с* ***делать****, старшими значениями которого были и «делать», и «трогать», и «говорить».* Можно предполагать ЗИ-характер этого слова, хотя для этого необходима более глубокая аргументация.

WEEK. Английское **week** «неделя». Неделя в древности понималась как один из циклов божественного творения: ср. литовск. Veikti «machen, tun, austuhren». Схема недели соотноситься со схемой семи направлений пространства: шесть дней недели соотносятся с шестью днями божественного творения (ср. и-е *uer-«шесть»), тогда как центр в качестве неизменного среднего соответствует дню отдыха. *Ср. в связи с этим гот. Wiko “Ondnung, Reibentolge”; лат. vicis “chande”, др.-в-нем. Wehsal “chande” – Символом творения у язычников считалось расчленение (ср. мох. A B wak “se tendre, se briser”), причем первотворением считалось слово (ср. мох. A wak «голос»)* (Маковский 2000: 391). Можно говорить о том, что английское *week* содержит в своей семантической истории ЗИ-мотивы.

СУТКИ. Укр. обычно доба, но встречаются и сутки; блр. суткі, сутачны. (Черных 2:219). О. – с. корень *tъk – (см. ткать, тыкать); су – (< о. – с. *SQ-) – приставка, обозначившая соединение, сближение. Т.о., *sotъkъ могло значить «стык», «стече-ние» и т.п. Ср. др.-рус. (с XVI в.) сутки (< * СУТЪКЫ < * SqtЪCi) – «слияние», «место, где сходятся границы» (Черных 2:219). ***Тыкать*** *соотносится с и.-е. *(s)teuk-/ *(s)touk- "тыкать, толкать, отбивать, ударять*" (Черных 2: 246). *Родственными являются также* ***стук*** *и* ***стучать.*** Следовательно, слово *сутки* является звукоизобразительным.

ЧАС. Укр. час – «время», «пора», часовйй – «временной»; блр.час – «время», «пора», часовы – «временной»; болг.час, часов; с. – хорв.час – перв 1 знач; также «миг», «мгновенье»; словен.cas – «время», «пора», также «погода», casovy – «временной», «связанный со временем», «своевременный», casny – «временный», «преходящий», «ранний»; польск. czas – «время», «пора»(«час в 1 знач» – qodzina), czasowy – «временный», преходящий, «кратковременный»; в. – луж.cos, casny (знач. – как в в. – луж.) (Черных 2:375). О.- с. * časъ [< и. – е. * kēsos(?)]. И.– е. основа *kē – с расширением -s -, по-видимому, от корня *kēi (:*ki-) «быть в движении», «приводить в движение», «двигаться», с отпавшим –i-, (Черных 2:375). *Слово* ***час*** *также возводят к и.-е. *kes- /*kos- «рубить, ударять»* (Маковский 1996). *П.Я.Черных выражает сомнение по поводу этой этимологии, однако считает ближайшим и бесспорным родством алб. Kohë < и.-е. *kēsā «время, отрезок времени, погода, время года»* (Черных 2:375). *Таким образом, буквально* ***час*** *– «отрезанный от суток», «разрезающий время», «отрезающий срок».* Следовательно, можно говорить о примарной мотивированности слова *час*.

СЕКУНДА. Укр. *секунда*; блр. *секунда*; болг. *секунда, секунден*; с.–хорв. *секунд*, м., *секунда*, ж; словен. *sehunda*; чеш. *sekunda* (но чаще *vterina*, откуда *vterinovy* – «секундный»); польск. *sekunda, sekundowu*. Из западноевропейских языков. Ср. франц. second – мж. Ср. нем. Se kunde – секунда». Восходит к среднев. лат. выражению pars minuta sekunda – «вторая малая часть (часа)» [в отличие от pars minuta prima – «первая малая часть (часа)»] (Черных 2:151). См.: ***минута***.

МИНУТА. Укр. минута (редко; чаще хвилина), минутний; блр.мінута, минутен; с.-хорв. минут; словен. minuta; чеш. minuta, minutowy. (Черных 1:534). Ср. франц. minute, f.; нем. Minute, f.; англ. minute; им., исп. minuto. Первоисточник – лат. minutus, м., minuta, f. – «маленький», «мелкий», первоначально – прич. прош. врем. *от глаг. mīnuo – «разбиваю на мелкие части» «уменьшаю»,* ср. также minutia – «мелочь», но непосредственно восходит к среднев. лат. pars minuta prima – «первая малая часть (часа)» [в отличие от pars minuta sekunda – «вторая малая часть (часа)» (Черных 1:534).

HJJ. Семитское **hjj** «жить» и «время, вечность» происходит от звукоизображения дыхания (Газов-Гинзберг 296, 1835, с 450, 467). Как отмечает А.М.Газов-Гинзберг, *араб. Whuh, «дышать теплом» проливает свет на происхождение семит. hww/hjj. основанием для указанного здесь предположения служили библейское выражение «дух жизни (hajjim) в ноздрях»* и развитие слов для понятия «жизнь» в других языках (Газов-Гинзберг 1965: 450, 467).

AIWS. Готское **aiws «**время, вечность**»** восходит к и.-е. *heiu «жизненная сила»; ср.: др.-инд. ayu – «жизнь», ayus «жизненная сила» гр. liwv «продолжительность времени; вечность», лат. aevum «век, вечность», *тохар. А. аут «дух»*. Абстрактные и.-е. лексемы ничего не говорят о возможной первоначальной связи между звуком и значениием. *Однако ряд семитских праформ с конкретной семантикой заставляют предполагать дескриптивную природу ностратических (haju «жить, жизненная сила») лексем: беджа hāj «жить, быть здоровым», а также, несомненно, дескриптивное копт. Ōneh «жить < дышать». Предположение о том, что семитский корень Hjj «жить» происходит от звукоизображения дыхания, высказывалось уже давно* (Воронин 1982: 296; Газов-Гинзберг 1965: 127).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. ФОНОСЕМАНТИКА ФМ

2.1.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ АКУСТИЧЕСКИХ ФМ

Класс А. ИНСТАНТЫ

Тип 1. **Инстанты.** “Сверхкраткий” шум или тон, одинаково вос-принимаемый человеческим ухом как акустический удар (*тук, тюк, тяп, чик, чак, кап-кап, тик-так* “звук удара”; *чап-чап, топ-топ* “хождение”).

PLOS + VOC + PLOS *
AFFR AFFR

Класс Б. КОНТИНУАНТЫ

Тип 2. Тоновые континуанты. Тоновый неудар, т.е. тон в его наиболее чистом виде (*ду-ду, ту-туууу, би-би* “звук гудка, дудочки”, *пи-пи, уа-уа, ги-ги-ги, ау-ау* “звук при визжании, писке”, *гу-у-у-у, у-у-у-у, угу-гу-гу* “завывание ветра, метели”, *а-а-а* “эхо”, *тию-тию-тию* “звук пули”, *лю-лю, ля-ля, ла-ла, на-на* “пение”).

(PLOS +) VOC (+ PLOS)

Тип 3. Чисто шумовые континуанты. Шумовой неудар, т.е. шум в его наиболее чистом виде (*псш-ш-ш* “шуршание сыплющегося песка”, *шп-ш-ш, ш-ш-ш, с-с-с* “шипение (в том числе паров)”, *пш-ш-ш, ш-ш-ш* “шуршание, шипение, шелест”, *с-с-с* “струя воздуха сквозь зубы”).

(PLOS + VOC +) FRIC гл. (+ VOC)

Тип 4. Тоношумовые континуанты. Шум с элементами тона (*ж-ж-ж, дз-з-з, зу-зу-зу* “жужжание комара, овода, мухи”, *зу-зу-зу* «сигнал на корабле”).

(PLOS +) FRIC зв. (+ VOC + FRIC зв.)

Класс В. ФРЕКВЕНТАТИВЫ

Тип 5. Фреквентативы-квазиинстанты. Диссонирующий удар (*бряк, хроп, хряп, стуки-бряки* “ удар, падение, стук”, *хрупа-храпа, хряп, хруп, кр-кр* “хруст, треск”, *трик-трик* “звук пишущей машинки”, *крак* “звук ломания”, *трап* “удар цепями”).

FRIC
PLOS + R + VOC (+ FRIC) + PLOS
AFFR

Тип 6. Чистые фреквентативы. Чистый диссонанс, т.е. серия ударов (*тыр-тыр, туры-тары, буры-бары, бары-бары, др-р-р* “звук работающего механизма”, *бур-бур, бурл-бурл* “бурление, движение жидкости”, *туры-тары* “падение с грохотом”, *гр-р-р, р-р-р* “раскаты грома”, *тыр-тыр-тыр* “дребезжание будильника”, *тр-р-р* “разрыв цепи”, *дыр-дыр* “стук зубов”).

PLOS (+ VOC) + R

Тип 7. Фреквентативы тоновые квазиконтинуанты. Тоновый квазинуедар, в котором с чистым диссонансом присутствует элемент тонового неудара (*карр-карр* “крик вороны”, *скрип-скрип, скрлы-скрлы* “скрип, скрежет”).

PLOS + VOC + R

Тип 8. Фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты. Чисто шумовой квазинуедар, где чистый диссонанс сопровождается шумовым неударом (*хрупы-храпы,*

---

* Символы в моделях ономатопов: FRIC – фрикативный; R – вибрант; VOC – гласный; PLOS – взрывной; AFFR – аффриката; SON – сонорный; лаб. – лабиализованный; лат. – латеральный; наз. – носовой; гл. – глухой; зв. – звонкий; ( ) – необязательность стоящего внутри скобок элемента.

шабар-шабар, чирк, шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары, хрусь, хруп “хруст, треск, скрип, шуршание, скрежет”, *шуры-шары, шурки-шарки, шуру-шары* “о хождении”, *фурр-р-р, фуры-пуры* “порхание”, *шир-шир* “звук пилы”).

FRIC $^{гл.}$+ VOC + R (+ PLOS)

Тип 9. Фреквентативы тоношумовые квазиконтинуанты. Тоношумовой квазинеудар, где чистый диссонанс сопровождается тоношумовым неударом (*рузы-разы* “звук работающего комбайна”, *раз* “ звук резкого движения при ударе, стуке, протыкании, разрезании”, *чир* “ звук удара, стука с царапаньем, скрежетом”).

FRIC $^{зв.}$ + VOC + R

Гиперкласс АБ. ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

Тип 10. **Тоновые «послеударные» инстанты-континуанты.** Удар с последующим тоновым неударом (*бом, бон, бам, балды-колды, тиль-тиль, тини-бони, бум-бум, баум, боум, бацм, динь-динь, тинь-тинь, блям-блям, динь-ом, дон-дон, бем-бем, бом-бом, боум-боум*, *длянь*, *дзинь* “удар о металлический или стеклянный предмет, звон колокола”; *бум, пинь, пьнь, пиль* “звук выстрела, взрыва”).

PLOS + VOC + SON

Тип 11. **Чисто шумовые «послеударные» инстанты-континуанты.** Удар с последущим чисто шумовым неударом (*бац, буц, бах, бух, чох, плюх, бжих, бабах* “звук удара, удар, падение”; *бух, бац, пах-пах, пиф-паф, бах-бах, тах-тах-тах, таф-таф, бабах, чах-чах* “звук выстрела, взрыва”; *пф-пф, пух-пух* “брожение при скисании”, *чух-чух* “о паровозе”).

PLOS (+ VOC) + FRIC

Тип 12. Чисто шумовые «предударные» инстанты-континуанты. Удар с предшествующим шумовым неударом (*хлюст, хляск, хлоп, шлеп, хлесь, шмяк, чвак, хлесть* “звук удара, удар”).

FRIC $^{гл.}$ + SON $^{лаб./лат.}$ + VOC (+ FRIC $^{гл.}$) + PLOS $^{гл.}$

AFFR + FRIC $^{гл.}$

Тип 13. Тоношумовые «предударные» инстанты-континуанты. Удар с предшествующим тоношумовым неударом (*вжик* “звук рассекаемого воздуха при резком движении; звук застежки “молния”, *звяк* “резко обрывающийся звук, звук щеколды”).

(FRIC $^{зв.}$ +) FRIC $^{зв.}$ + VOC + PLOS $^{гл.}$

Тип 14. Чисто шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты. Удар с предшествующим шумовым неударом и последующим тоновым неударом (*бумкс* “удар”, *чувиль* “о передвижении по грязи”).

FRIC $^{гл.}$ + SON

AFFR

Тип 15. Тоношумовые-тоновые шумовые-тоновые «предударно-послеударные» инстанты-континуанты. Удар с предшествующим тоношумовым неударом и последующим тоновым неударом (*дзен, дзинь, дзиньк* “звук удара о металлическое, стеклянное”, *зззбум* “внезапно пронестись с высоким пронзительным звуком”; *жжжбум* “о комаре”).

FRIC $^{зв.}$ + PLOS $^{зв.}$ + VOC + SON $^{лаб.}$

Гиперкласс ВАБ. ФРЕКВЕНТАТИВЫ КВАЗИИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

Тип 16. Тоновые «послеударные» квазиинстанты-континуанты. Квазиудар с последующим тоновым неударом (*брень-дрень* «звук стекла»; *брень-дрень, брень, брям-брям, трям-трям, трень-трень*, *трень-брень* “о струнном музыкальном инструменте”; *трам-трам* “о фортепиано”; *дринь-дринь* ”звонок”).

PLOS + R + VOC +SON $^{лаб./наз}$

Тип 17. Чисто шумовые «послеударные» квазиинстанты-континуанты. Квазиудар с последующим чисто шумовым неударом (*хлесь-хабаресь, трах, тресь,*

хрясь, хресь, трах-тарарах, трах-тах-тах, грох” отрывистый, сильный раскатистый звук; звук выстрела, взрыва, удара, падения”; *труси-тряси, хрясь, хресь* “хруст, треск”, *тресь* “звук разрыва ткани”, *бурсы-барсы* “звук брожения по воде”).

$\underline{\text{PLOS}}$ + R + VOC + $\underline{\text{FRIC}^{\text{гл.}}}$
$\text{FRIC}^{\text{гл.}}$ AFFR

Тип 18. Чисто шумовые «предударные» квазиинстанты-континуанты. Квазиудар с предшествующим шумовым неударом (*шварк* “резко бросать, ударять”; *царап, шабар, шир, шорк, шарк «*тереть со звуком, царапать”).

$\text{FRIC}^{\text{гл.}}$ +VOC + R + $\text{PLOS}^{\text{гл.}}$

2.2.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ АРТИКУЛЯТОРНЫХ ФМ

Класс А. НОСОВЫЕ

Подкласс А. Собственно носовые

Тип 1. Втягивание носом воздуха: *шмыг, шмыр, шмырь.*

Носовой характер артикуляции передается посредством сонорного (М), на спираторность указывают щелевые согласные, вибрант отражает дрожащий элемент артикуляции.

Подкласс АВ. Носогорловые

Тип 2. Фырканье: *фур, фырк, фр, швырк.*

Заднеязычный (К) указывает на участие горловой полости, фрикативный (Ф) – на участие губ. Глухие фрикативные отражают спираторность процесса, вибрант – дрожащий элемент артикуляции.

Тип 3. Храп: *хрр-хрр.*

Заднеязычный фрикативный отражает спираторность и участие горловой полости в процессе, вибрант – дрожащий элемент артикуляции.

Класс Б. РОТОВЫЕ

Подкласс БА. Ротоносовые

Тип 4. Посвистывание: *свись, фью, фьюить, фить, фюйть, фию, фиу.*

Фрикативные отражают спираторность и щелевой характер артикуляции. Фрикативный (С) актуализирует участие передней части языка (свист посредством языка), фрикативный (Ф) актуализирует другой вид свиста – посредством губ. Йот указывает на участие и напряженность горла в процессе.

Тип 5. Чихание: *пчих, апчхи, чих, чхи, пчхи.*

Условно процесс чихания можно разделить на три стадии: вдох, смычка, выдыхание воздушной струи. Различные единицы отражают либо все три стадии (*а-п-чхи*), либо две последние (*п-чхи*), либо лишь завершение процесса (*чхи*). Заднеязычный фрикативный указывает на спираторность и участие горловой полости, лабиальный (П) отражает участие губ и смычный характер кинемы.

Подкласс Б. Собственно ротовые

Тип 6. Лакание, лизание: в нашем материале не представлен.

Переднеязычный указывает на участие передней части языка и рото-вой характер артикуляции; заднеязычный – на участие горловой полости.

Тип 7. Сосание: *чуп-чуп, чмок-чмок, тыш.*

Корень с аффрикатой актуализирует участие губ в процессе, где Ч указывает на среднеязычно-небную смычно-щелевую чавкающую артикуляцию, П и М – на участие губ в процессе. Корень со щелевыми актуализирует “внутренний” характер процесса (участие передней части языка и щелевой характер кинемы).

Тип 8. Всасывание ртом жидкости: *швырк, швыр, чувыр, фук.*

Переднеязычный указывает на латеральный элемент артикуляции, фрикативные – на ее щелевой и спираторный характер, губные – на участие губ в процессе.

Тип 9. Плевание: *тьфу, тфу, фу, фуй.*

Взрывной указывает на смычный характер кинемы, фрикативные – на участие губ в процессе и его щелевой и спираторный характер.

Тип 10. Чмоканье (смакование): *чуп-чуп, чмок-чмок, чамк, чавк, ням*

Аффрикаты отражают среднеязычно-небную смычно-щелевую чавкающую артикуляцию и участие передней части языка, губные – на участие губ в процессе.

Тип 11. Цоканье: *цок-цок.*

Аффриката указывает на участие передней части языка, заднеязычный – на заднеязычный элемент увулярной смычки.

Тип 12. Щелканье: *щелк, клац.*

Фрикативные указывают на щелевой характер артикуляции в начале, взрывные – на заднеязычно-увулярную смычку в конце процесса и участие горловой полости.

Тип 13. Чавканье: *чав-чав, чувыр-чувыр, швыр, лючи-лячи, чам, чвок.*

Аффриката указывает научастие языка и среднеязычно-небную смычно-щелевую “чавкающую” артикуляцию; взрывной – на участие горловой полости и заднеязычно-увулярную смычку. Губной и губно-зубной отражает участие губ в процессе.

Подкласс БВ. Ротогорловые

Тип 14. Дуновение (ртом): *фук, фуу, хуу, фу, пфу, пфф, ух, уф, эх.*

Глухой взрывной указывает на смычный характер кинемы и участие губ; фикативные – на спираторность; лабиальный – на участие губ.

Тип 15. Вздох/ выдох: *пых, хью, здых-здых, ах, хуу, охх, уфф, пф, э-хе-хе, о-хо-хо, ыхх, ф-ф-ф, эх, ух.*

Основным компонентом является глухой фрикативный, который отражает спираторность и щелевой характер кинемы.

Тип 16. Дыхание с присвистом: *фук, фить.*

Тип 17. Плач, вой: *а-а-а, о-о-о, у-у-у, э-э-э, о-о-ой, ы-ы, и-и-и, иы.*

Актуализация гласного отражает свободное прохождение воздуха при его модуляции колебаниями голосовых связок при вое.

Тип 18. Громкий крик: *а-а-а, о-о-о, ва, о-го-го, га-га.*

Тип 19. Орание, рев: *га, а-а-а, о-о-о.*

Тип 20. Пронзительный крик: *ух, а-а-а, и-и-и.*

Актуализация гласного указывает на незначительность или отсутствие шумов в процессе.

Тип 21. Смех: *ха-ха, хо-хо, хе-хе, га-га, гы-гы, гы-ы-ы, ге-ге, ху-ху.*

Заднеязычные отражают горловой и смычный характер процесса.

Подкласс БАВ. Ротоносогорловые

Тип 22. Кусание: *ам, хам, гам, тяп.*

Заднеязычные или гласные заднего ряда отражают горловой характер артикуляции; смычные – смычный характер кинемы; сонорные – участие носовой полости; губные – участие губ.

Тип 23. Зевота: *а-а-а, хам.*

Фрикативные отражают щелевой характер артикуляции; заднеязычные – горловой характер кинемы; гласные – ротовый характер.

Тип 24. Ворчание*.

Тип 25. Стон: *хэ-э, э-э-э, а-а-а, ох-хо, ой, и-и-и, о-о-о* (часто с назализацией), *ах-х.*

Гласный отражает различные виды кинемы с открытой ротовой полостью.

Тип 26. Хныканье: *хны, хню.*

Заднеязычные отражают горловой и щелевой характер кинемы; носовой переднеязычный – участие носовой полости и передней части языка.

Тип 27. Хихиканье: *хи-хи, хе-хе.*

---

* Данный тип представлен в ономатопах говорения (см. Приложение 6).

Заднеязычный фрикативный отражает щелевой и горловой характер кинемы.

Подкласс ВБ. Горлоротовые

Тип 28. Удушье: в нашем материале не представлен.

Тип 29. Глотание: *глы-глы, гыл-гыл.*

Заднеязычный отражает горловой и смычный элемент кинемы; переднеязычный (Л) – латеральный элемент.

Подкласс В. Собственно горловые

Тип 30. Икота: *ик-ик, як.*

Глухой заднеязычный смычный отражает заднеязычную смычку и горловой характер кинемы.

Тип 31. Кашель: *кхе-кхе, кхо-кхо, кхе-к, хыр, хор, кахи-кахи, кха-кха.*

Сочетание заднезычных смычного и щелевого отражают горловой элемент кинемы, а также смену артикуляции (сначала смычная, затем щелевая) при кашле. Наличие вибранта указывает на более “грубый, резкий, лающий” характер кинемы.

Тип 32. Жиление: *крех-крех, рех, ых.*

Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; заднеязычный и фрикативный – горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Тип 33. Резкое движение: *гек, гок, хоп, раз.*

Заднеязычные отражают горловой элемент кинемы и напряжение горла; взрывной – резкость завершения действия.

Тип 34. Рыгание: *э, эк.*

Заднеязычные отражают – горловой характер кинемы, гласные – ротовый характер.

Тип 35. Рвота: *бэ, эк.*

Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; фрикативный – горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

Тип 36. Хрип: *хр-хр*.

Вибрант отражает горловой и дрожащий элементы кинемы; фрикативный – горловой, спираторный и щелевой характер артикуляции.

2.3.

ОСНОВНЫЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ОНОМАТОПОВ ГОВОРЕНИЯ

1) **изображение говорения с указанием на степень громкости:** шепот: *шушукать, шептать, шикать;* негромкая речь: *мекать, лепетать, ворковать, тюргать, уркать, лопотать;* громкая речь, крик, брань: *орать, кричать, вопить, галдеть, реветь, горланить, гаркать, зыкать, гаркать, рявкать, базлать, аркать, ерыкаться, базанить, дзярскать, джярскать, иргаться, хайгать, хайлить, хайланить*.

2) **изображение говорения с указанием на артикуляционную четкость:** шепелявость: *шепелявить, пришепетывать;* заикание*: заикаться, заекиваться, заякиваться, екать;* невнятная, нечленораздельная речь: *бурчать, бормотать, мычать, шмакать, бунчать, барабать, бошить, буркать;* говорение в нос, гнусавость: *гнусить, гнусавить, гундосить, гугнивый*;

3) **изображение говорения с указание на темп речи:** быстрая, торопливая речь: *брекотать, брякотать, болботать, болбочить, барабанить, тарарачить, торкать, репетить, чекотать, чектать, стрекотать, тарахтеть, татраторить, трещать, тарантить*;

4) **оценочное изображение говорения:** монотонная, нудная речь: *зудеть, нудить, нудеть, жужжать;* недовольная, злая речь: *гыркать, орать, кыркать, бухтеть,*

шипеть; ворчание, бурчание: *бунчать, буркать, бухтеть, бухтить, борчать, боршить, бунгать, бокотать, ворчать, тюргать, уркать, ургать, бурчать, бармать, бармить, бормотать*;

5) **изображение говорения с указанием на смысловую структуру речи:** болтовня, бессодержательная речь: *барабать, бармить, балякать, балалакать, балабонить, болтать, боронить, блекотать, брекотать, булькать, ботать, балакать, вякать, вахлять, гамгать, калякать, ляпкать, мухлачить, репетить, тяпкать, туткать, тургать, тыркать, тарахтеть, тарарачить, чивкать, чокать, чекотать, хлопать, шлепать, шебенкать, балясничать, базарить, балагурить, трекать, трепаться, трещать;* говорить, рассчитывая на сочувствие (жалуясь): *стонать, скулить, ныть, хныкать;* сказать невпопад, неуместно: *болтануть, брякнуть, ляпнуть, сборонить, бухнуть, бахнуть, вякнуть;* обманывать, сплетничать: *брехать, брякать, ляпкать, мухлачить, тренькать, хлопать, болтать, заливать, звонить, свистеть, трепать, трезвонить, трепать;* говорение на непонятном языке: *свистеть, спикать* (англ.); *пшикать* (польск.); *парлекать* (фр.); *шпрехать* (нем.);

6) **бессознательная речь:** *баруздить* «бредить, разговаривать во сне»; колобродить «бредить, говорить во сне»; **магические свойства речи:** *баять, баить, обаять* «заговаривать, лечить»;

7) **изображение говорения без указания на его характер:** *говорить, ботать, таковать, тыркать, тургать, калякать, торкать, туткать, тяпкать, баять, бачить, бутить, стукать, бармить*;

8) **характеристика человека по его речи:** невнятно говорящий: *бормота, бунчало, бормотало, бумка, бормото, бормотуха;* любитель поговорить, болтун: *бараба, баля, баламолка, баляка, баляня, балабол, балаболка, бах, баюн, болтуха, болтуша, болоно, болтня, ботало, бря-куша, брякалка, говоруха, говорок, говорунчик, звонарь, ляпа, лаптунья, чекуша, чикошня, хлопуша, шабарчелка, щелкуша, таранта, тараторка, трещетка, трепло;* лжец, склонный к обману: *брехло, брехало, свистун, хлопуша, болтун, звонарь, трепло, базарило, ботало, трекало, хлопушка;* говорящий очень быстро: *тараторка, трещотка, чикошня, чикуша, балаболка, таранта, чечетка, цокотуха*.

2.4.

Таблица 12

Количественный состав акустических ФМ

Класс	**А**	**Б**			**В**					**АБ**						**ВАБ**		
тип	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**
%	**19.4**	**5.5**	**6.9**	**3.0**	**1.4**	**6.1**	**1.9**	**8.6**	**1.7**	**12.5**	**10.0**	**7.2**	**5.3**	**0.8**	**1.1**	**3.8**	**3.8**	**0.5**
%	***19.4***	***15.4***			***19.7***					***36.9***						***8.1***		

2.5.

Таблица 13

Количественный состав артикуляторных ФМ

Класс	**А**			**Б**														
Тип	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**
%	**2.2**	**1.6**	**1.1**	**7.6**	**2.7**	**-**	**3.8**	**1.6**	**1.6**	**1.6**	**0.5**	**0.5**	**6**	**12**	**6**	**2.7**	**6**	**3.8**
%	***4. 9***			***78. 7***														

Количественный состав артикуляторных ФМ
(продолжение таблицы 13)

Класс	**Б**									**В**								
Тип	**19**	**20**	**21**	**22**	**23**	**24**	**25**	**26**	**27**	**28**	**29**	**30**	**31**	**32**	**33**	**34**	**35**	**36**
%	**1.6**	**1.1**	**3.8**	**4.9**	**2.2**	**-**	**3.8**	**1.6**	**3.3**	**-**	**1.1**	**1.6**	**8.2**	**1.6**	**1.1**	**3.3**	**0.5**	**0.5**
%										***17.9***								

2.6.

Таблица 14

Характеристика качественных параметров говорения и голоса

Семантика	**Невнятное, косноязычное**	**Болтовня, пустая речь**	**Громкая речь**	**Ворчание, бурчание**	**Ложь, вздор, Чепуха**	**Негромкая речь**	**Монотонная, нудная речь**	**Злая речь**	**Быстрая, торопливая речь**	**Голос**	**Всего**
ед.	16	12	2	7	2	13	5	4	9	2	72
%	***5.4***	***4***	***0.7***	***2.4***	***0.7***	***4.4***	***1.7***	***1.3***	***3***	***0.7***	***24.4***

2.7.

Таблица 15

Характеристика сущностных и функциональных параметров речи

Семантика	**Заперт на говорение, действие**	**Призыв, приглашение, побуждение**	**Говорение в отрыве от содержания**	**Ответный отклик**	**Вопросительный отклик**	**Пение**	**Звук укачивания, припев**	**Чужая речь, незнакомый язык**	**Заумный звукокомплекс**	**«Говорение» нечистой силы**	**Всего**
Ед.	19	5	34	6	6	32	15	9	49	48	223
%	***6.4***	***1.7***	***11.5***	***2***	***2***	***11***	***5***	***3***	***16.6***	***16.3***	***75.6***

2.8.

Таблица 16

Состав слов-обращений к животным и птицам

Слова-обращения	**%**
Подзывные (клича) слова	***84,3***
Слова отгона	***10,8***
Команды (стоять, поворачивай, пошел и пр.)	***4,85***

2.9.

Таблица 17

Состав русских подражаний голосовым сигналам животных и птиц

Семантика	%
Подражания голосам диких животных	***15,8***
Подражания голосам домашних животных	***23,6***
Подражания голосам диких птиц	***25***
Подражания голосам домашних птиц	***26,8***
Звучания насекомых	***4,9***
Другие звучания фауны	***1,4***

2.10.

Таблица 18

Состав русских ФМ

Класс ФМ	%
Акустические ФМ	***23***
Артикуляторные ФМ	***11,7***
ФМ говорения	***20,6***
Подражания голосам животных и птиц	***9,2***
Слова клича и отгона животных и птиц	***17,1***
Звукосимволические	***18,3***

2.11.

ЗИ-ЗНАЧЕНИЕ КАК УКАЗАНИЕ НА ПРИМАРНУЮ МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВА

БАЯТЬ: *и.-е.* *bha, *лат*. fāri «говорить», дор λῡχεω «издавать звук», «звучать, греметь, звенеть, кричать» [Фасмер I: 140].
БРЮЗЖАТЬ: *и.-е.**bhreu-sk-; о.-г. *bruskan «хрустеть, шуметь, трещать» [Черных I: 115]; *чеш.* brouzdati(se) «ходить бродить по мелкой воде, мокрой траве и т. п.»; *словен.* brozdati «ходить по воде, увязая в грязи», «мешать» [ЭССЯ III: 53].
ВОРЧАТЬ: *праслав.* vъrkěti «издавать один звук за другим» [ЭСРЯ I: 169]; *болг.* връга «щебечу, произвожу шум»; *польск.* warczec «рычать, скрипеть»; *лат.* urcāre «о звуке, издаваемом рысью» [Фасмер I: 356].
ВЫТЬ: *др.-инд.* ведическое ūtis «крик» [ЭСРЯ I: 235]; *д.-в.-н.* ûwila «сова» [Фасмер I: 371].
ГЛАГОЛ: *чеш.* hlahol «звук», «звон»; *др.-инд.*ghargharah «треск», «шум» [Черных I: 189]; *gol (*gal) > *лат.*gallus «петух» [Преображ. I: 124].
ГЛАГОЛИТЬ: родственно *рус*. «голос»; *ср.-ирл*. gall «слава; лебедь»; *др.-исл*. kalla «звать, петь»; *кимр.*galw «звать» [Фасмер I: 430].
ГЛАС, ГЛАСИТЬ: *лит*. garsas «звук», balsas «голос»; *др.-инд*. bhāsā «речь, язык» [Фасмер I: 431].
ГОЛОС: и.-е. gal- «крик» [ЭСРЯ I: 120]; *лит.*garsas «звук» [Фасмер I: 431]; *др.-исл.*kall «крик», *англ.*call «зов» [ЭССЯ VI: 210].
ГНУСИТЬ: *и.-е.**ghneu или *ghnu «скрести» [ЭСРЯ I: 1]; *др.-исл.* gnua «тереть», gnyja «шуметь, бушевать» [Фасмер I: 422].
ГОВОР: *лтш*. gaurât «свистеть, бушевать», «звук, плач» [Фасмер I: 424].
ЖАРГОН: *ст.-франц.* gargon < gargouiller «булькать, урчать», gargate «горло, глотка»; *галло – ром.* gargone «болтовня» [ЭСРЯ I: 247; Черных I: 292; Фасмер II: 35].
ЗВАТЬ: этимология спорная, один из вариантов: *авест.* zavaiti «заклинание»; *др.-инд.* havate, hvayati «зовёт», «приказывает»; *лит.* žavėti «заговаривать, заклинать, пленять, очаровывать» [Черных I, 319]; *и.-е.* *gnauэ «звать, кричать, окликать» [ЭСРЯ II: 75].

МОЛВА, МОЛВИТЬ: *ст.-сл*. млъва «говор, шум, мятеж, возмущение» [ЭССЯ XX: 225]; *словен.* molviti «роптать, ворчать» [Фасмер II: 641]; *др.-инд*. braviti «говорить»; *греч.* μελος «песня, мелодия, напев» [Черных I: 538].
КОЛДОВАТЬ: *лат.* kalada «шум, ссора»; *греч.* χελαδος «шум»; *др.-инд*. kadás (< kaldas) «шум» [ЭСРЯ II: 196]; *лит.* kalba «язык», *лат.* calō «вызывать, взывать» [Фасмер II: 287]; *и.-е.* *kol/kel «рубить, ударять, сечь» [Черных I: 413].
СЛОВО, СЛЫТЬ: *и.-е.* *kleu-: *klou-: klū- > *др.-инд*. śravas «звук, хвала, слава»; *др.-исл*. hljod «звук, крик»; *др.-в.-нем*. hlūt «громкий» [Черных II: 176; Фасмер III: 673].
РЕЧЬ, РЕКУ, РОК, ПОРИЦАТЬ: *лит*. rekti, rekiu «кричать, реветь»; *лтш*. rekt «реветь, громко кричать, выть»; *лат*. raccō «кричать, как тигр»; *др.-ирл*. reimm «крик» [Фасмер III: 465]; *и.-е*. *rek: *rŏk «издавать звуки» [Маковский 299].

2.12.

Таблица 19

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ФОНЕМОТИПОВ В АКУСТИЧЕСКИХ ФМ

Фонемотип	Функция	Позиция в ФМ
PLOS зв.	1) прямое отражение удара ; 2) мгновенный характер звучания	анлаут (***бот, бу-бу-бу***), инлаут (***бабах***), ауслаут (***бумб***)
PLOS гл.	1) прямое отражение удара; 2) отражение краткости тонового неудара; 3) мгновенный характер звучания	анлаут (***тук, тик-так***), ауслаут (***шлеп, хлоп, пик-пик***)
FRIC гл.	1) отражение неудара чисто шумового	анлаут (***шу-шу, хлоп***), ауслаут (***трах, бух***).
FRIC зв.	1) отражение неудара тоношумового	анлаут (***зу-зу, жу-жу***), инлаут (***джир***), ауслаут (***дзз, джж***)
AFFR	1) аппроксимированное отражение удара; 2) отражение неудара чисто шумового; 3) отражение элемента чавкающей артикуляции	анлаут (***чок, чах, чав***), ауслаут (***боч, крыч***), инлаут (***лючки-лячки***)
R	1) отражение чистого диссонанса	анлаут (***рузы-разы***), инлаут (***хроп, крак***), ауслаут (***дыр-дыр, грр***)
SON наз.	1) отражение тонового резонаторного неудара	анлаут (***нноу***), инлаут (***дриньк***), ауслаут (***тинь, дон***)
SON лат.	1) отражение тонового неу-	анлаут (***ля-ля-ля, люпы-ляпы***),

	дара; 2) передача движения жид-кости	инлаут (***динь-длянь, пальк***), ауслаут (***тиль-тиль, буль***)
SON лаб.	1) отражение тонового неудара	ауслаут (***бам, бом***)
VOC	1) отражение тонового неудара	анлаут (***ирк***), инлаут (***бам***), ауслаут (***ду-ду***)

2.13.

Таблица 20

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ФОНЕМОТИПОВ В АРТИКУЛЯТОРНЫХ ФМ

Фонемотип	**Функция отражения**	**Позиция в ФМ**
FRIC переднеяз.	1) участия передней части языка; 2) щелевого характера артикуляции; 3) спираторного характера кинемы	анлаут (***сос***), ауслаут (***тыш***)
FRIC среднеяз.	1) горлового характера кинемы ; 2) напряженности процесса	инлаут (***фью***)
FRIC заднеяз.	1) щелевого характера артикуляции 2) горлового характера кинемы; 3) спираторного характера процесса	анлаут (***хи-хи, хны***), инлаут (***кхе***), ауслаут (***ах, чих***)
FRIC лаб.	1) щелевого характера артикуляции 2) спираторного характера кинемы 3) участия губ в процессе	анлаут (***фырк, фу***), инлаут (***тьфу, швырк***), ауслаут (***уфф, пфф***)
PLOS лаб.	1) смычного характера артикуляции 2) участия губ	анлаут (***пчих, блев***), ауслаут (***чуп-чуп***)
R	1) дрожащего характера кинемы; 2) горлового характера кинемы; 3) напряженности процесса	анлаут (***ррр***), инлаут (***хрип, харкать***), ауслаут (***хрр, чувыр***)
SON наз.	1) участия носовой полости	ауслаут (***пинь***)
SON лаб.	1) участия носовой полости; 2) участия губ в процессе	инлаут (***чмок***), ауслаут (***гам, ам***)
SON лат.	1) латерального элемента артикуляции	анлаут (***лачк***), инлаут (***хлеб***), ауслаут (***гыл-гыл***)
	1) среднеязычно-небной смычно-	анлаут (***чмок, цок***),

AFFFR	щелевой артикуляции; 2) участия передней части языка; 3) напряженности процесса	инлаут (***апчхи***), ауслаут (***чих***)
VOC	1) передней / задней артикуляции; 2) участия голосовых связок	анлаут (***ах, ой***), инлаут (***хи-ха***), ауслаут (***хо, ха***)

2.14.

Таблица 21

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ФОНЕМОТИПОВ В ФМ ГОВОРЕНИЯ

Фонемотип	**Функция отражения**	**Позиция в ФМ**
PLOS зв.	1) голосового источника; 2) шумового источника; 3) взрывного источника	анлаут (***бу-бу, бо-бо***)
PLOS гл.	1) шумового источника; 2) взрывного источника; 3) негромкости звучания	анлаут (***та-та, тор***), ауслаут (***ляп-ляп***)
PLOS заднеяз.	1) шумового источника; 2) взрывного источника; 3) напряженности голосовых связок; 4) негромкости звучания	анлаут (***гал-гал***), инлаут (***ик***), ауслаут (***бух-бух***)
FRIC зв.	1) шумового источника, 2) голосового источника; 3) громкости звучания	анлаут (***зу-зу, вопить***), инлаут (***рявкать***)
FRIC гл.	1) шумового источника; 2) отсутствия голоса	анлаут (***шу-шу, шикать***)
R	1) шумового источника; 2) взрывного источника; 3) скорости говорения; 4) напряжения голосовых связок	анлаут (***рявкать***)
AFFR	1) шумового источника; 2) взрывного источника	анлаут (***чивкать, чекотать***)
SON наз.	1) голосового источника; 2) говорения в нос	анлаут (***ныть, нудить***); инлаут (***гнусавить***); ауслаут (***бунчать***)
SON лаб.	1) голосового источника	анлаут (***мямлить***), ауслаут (***бумкать***)

SON лат.	1) голосового источника	анлаут (***лялякать***); инлаут (***гал-деть***); ауслаут (***гал-гал-гал***)
VOC	1) голосового источника	анлаут (***иргать, орать***); инлаут (***гугнивый, бунчать***); ауслаут (***бу-бу-бу***)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. СЕМАНТИКА ФМ

3.1.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ОДНОФОНЕМНЫХ ФМ

М *редупл.***1.** Звук, издаваемый лосем. *диал. Лось-то еще мычить ровно как-то, так м-м-м* (Нердва Караг.). **2.** Звук, издаваемый медведем. *диал. Медведь бывало как корова мычит м-м-м* (Нердва Караг.). **3.** Плач, вой. *Мммм... ррррры-ы-ы-к!...у-у-ы-ы,- завывал Митька.* В.Пикуль. Нечистая сила. **4.** Стон. *М-м-м, – мычит Зинаида*. Г.Щербакова. Песня песней у ног лежачих женщин. **5.** Чмоканье, смакование. *разг. М-м-м… Умеешь же ты, Ленка, готовить; Ммм… Магги* (рекламный слоган). **6.** Вопросительный отклик на обращение. *Степан! – позвала старуха. – Мм? – Не лети так…* В.Шукшин. Как помирал старик. **7.** Звук заполнения паузы в речи при забывании кого-, чего-л., попытке воспоминания; пауза хезитации. *Позвольте-с… – Мм… Забыл!!* А.Чехов. Забыл! **8.** «Говорение» нечистой силы. *Эги-гави-лазирак. М-м-м! Л-н-з! Кубуки бонякт слобаки* (песня ведьм). **9.** ***детск.*** я покакал, корова, указывает на предмет, показывает предмет, везет машинку.

У *редупл***. 1.** Вой волка. *диал. Волк шибко тоскливо кричит – у-у-у – даже душу рвет* (Нердва Караг.). *Из лесу опять: Воуу-уу! Так и есть, волк!* В.Бианки. По следам. **2.** Вой собаки. *У-у-у,- жалобно заскулил пес.* М.Булгаков. Собачье сердце. **3.** Стон. *диал. Бабушка-то у ево только у-у-у, м-м-м, совсем болеет, только стонет* (Жуланово Сол.). *<…> и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у-у* И.Тургенев. Бежин луг. **4.** Громкий плач, вой. *диал. Ты чё ето завыл ле чё ли? Я и то слышу у-у-у там-то. Эка беда у тебя. Не уроси уж* (Таман Ус. Ус.). *Мммм ... ррррры-ы-ы-к!... у-у-ы-ы,- завывал Митька.* В.Пикуль. Нечистая сила. *У-у-у! – Наташа заревела, как ребенок.* Л.Толстой. Война и мир. **5.** Завывание ветра, метели, вьюги. *диал. Метель-то зимой шибко делает – у-у-у, у-у-у – лучше уж дома* (Таман Ус. Ус.). *У-у-у-у! – пела метель на чердаке*. А.Чехов. По делам службы. *У-у-у-у-гу-гу-гуу! О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне поет мне отходную.* М.Булгаков. Собачье сердце. *Шел я, спотыкаясь; а метель, мне сугроб под ниго наметая, то вдруг: «У-у-у!» – кричала в темноте, то вдруг: «А-а-а!» – кричала, как живая.* Н.Рубцов. **6.** «Говорение» нечистой силы. *Гаам! Згли-згли! У-у-у! згли-згли!* (песня ведьм). *Эшохаро, лаваса, шиббора, кумара! А-а-а. О-о-о. И-и-и. Э-э-э. У-у-у. Е-е-е.*. (песня ведьм). **7.** Обозначает и/или указывает на физическое состояние: **а)** боль, физические страдания. *разг. У-у-у! Не дёргай так сильно, видишь прилипло к ране!;* **б)** облегчение от боли, физического страдания. *разг. У-у-у! Наконец-то, я уже не могу этот зуд терпеть.* **8.** Обозначает и/или указывает на эмоциональное состояние: **а)** тревога, испуг, страх, ужас. *. разг. У-у-у! Я ужас, летящий на крыльях ночи!; У-у-у! Это я, твоя смерть пришла!; диал. Чё-то там у их случилось видать! Вдруг слышат – У-у-у! у-у-у! – будто кто от страха завыл ле чо ли* (Усть-Уролка Черд.); **б)** гнев, возмущение, негодование. *разг. У-у-у! как же я ненавижу этих антисемитов!;* **в)** укоризна, упрёк, порицание. *разг. У-у-у, так дело не пойдёт! У-у-у, безобразник!;* **г)** огорчение, сожаление, разочарование. *разг. У-у-у! Я не думал, что такая фигня выйдет! Чего теперь делать?;* **д)** обида, досада.

разг. Не знаю я, зачем я всё это делала! У-у-у! Не могу! Сколько раз говорила вам!; **е)** удивление, недоумение. *разг. Ну и ну! У-у-у! Как у вас так всё получается через зад?;* **ж)** задумчивость, заминку. *разг. У-у-у! Как бы это поточнее сказать?;* **з)** озабоченность, неуверенность. *разг. У-у-у! Это нам не осилить, хоть бейтесь о стену. Нет, не справимся.* **9.** Обозначает и/или указывает на эмоциональную оценку: **а)** насмешка, усмешка. *разг. У-у-у! Какие мы умные, прямо все гении!* **10.** ***детск.*** вой, машина, медведь.

3.2.

СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИКИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ, ЭМОЦИИ И КОММУНИКАТИВНЫХ РЕАКЦИЙ

Физиологические смыслы: 1. Звукоизображение физиологических актов: **а)** Плач, вой. *О-о-о, и на кого-о-о и оставил и о-о-о и на ко-ого-о-о покинул о-о-о.. вдовой горемычной..* Л.Толстой. Власть тьмы. *Увакал ребенок. Люди слыхали: «О – о – о – о»* (быличка). **б)** Стон разг. *Слышать не могу как он стонет. О-о-о, о-о-о, а я сделать ничего не могу.* **<...>** *болезненно простонав только один раз: о-о!* Ф.Достоевский. Братья Карамазовы. *О-ооо!.. О-ооо!.. – протяжно стонал больной, дрожа и вытягиваясь во весь рост.* В.Вересаев. Без дороги. **в)** Громкий крик. *Оооо! – закричал раненый.* Л.Толстой. Война и мир. *И вдруг она опять истерически закричала: – А-а-а! Вот, вот! ... Меня несут! Меня несут! ... О-о-о!* А.Беляев. Светопреставление. **г)** Вздох. *Два одессита едут по Москве мимо здания КГБ на Лубянке. Один тяжело вздыхает: ”О-о-о...”. Второй раздраженно перебивает: “И вы мне еще рассказываете?”* (анекдот).
2. Обозначает и/или указывает на физическое состояние: **а)** торможения, бессилия, депрессии. разг. *О-о-о-о! Ничего не хочу, ничего*; **б)** возбуждения, волнение, нервозность. разг. *О, господи! Отстаньте от меня все, уходите. Вали, сказали…*; **в)** боль, физические страдания. разг. *О господи, как болит, дайте что-нибудь…* **г)** облегчение от боли, физического страдания. разг. *О-о-о! наконец-то отпустило. Кто говорил, что эти таблетки фиговые?*

Эмоциональные смыслы: 1. Обозначает и/или указывает на эмоциональное состояние говорящего: **а)** тревога, испуг, страх, ужас. *Спасите! Спасите! О ужас! О ужас!* В.Высоцкий; **б)** раздраженность, недовольство. *разг. О господи, сколько раз объяснять одно по одному;* **в)** гнев, возмущение, негодование. *И ты ему веришь? – кричал ему Синяя Борода.- Ты веришь этому негодяю? О-о!* А.Чехов. Сапоги; **г)** злоба, ярость, ненависть. *разг. О, как же я вас всех ненавижу, если б вы знали;* **д)** укоризна, упрёк, порицание. *разг. О-о-о! Да уж. Так дело не пойдет;* **е)** радость, удовлетворение. *О Дружба, это ты!* В.Жуковский; **ж)** восхищение, восторг, счастье. *Любим! Любим!! Любим!!! Как я счастлив, чёрт возьми! О-о-о! Тру-ля-ля!* А.Чехов. Свидание хотя и состоялось, но. *О, божья благодать!* А.Майков. *О, счастие! О, слёзы!* А.Толстой. *О, взор счастливый и блестящий И холодок покорных уст!* И.Бунин; **з)** печаль, грусть, тоска. *О, милая, как я печалюсь! о, милая, как я тоскую!* И.Северянин; **и)** отчаяние, страдание. *О,о, головушка моя бедная. Пошла бы разве на такие дела, кабы не жисть каторжная.* Л.Толстой. Власть тьмы; **к)** огорчение, сожаление, разочарование. *Но эта жизнь!.. О, как горька она!* Ф.Тютчев; **л)** обида, досада. *О, если бы я только мог Хотя отчасти, Я написал бы восемь строк О свойствах страсти.* Б.Пастернак; **м)** растерянность, неуверенность. *О, знал бы я, что так бывает, Когда пускался на дебют, Что строчки с кровью – убивают, Нахлынут горлом и убьют.* Б.Пастернак; **н)** удивление, недоумение. *О, как убийственно мы любим!* Ф.Тютчев; **о)** доверчивость, участливость. *О друг! Не обессудь! Прельстись! Испей! Из всех страстей...* М.Цветаева; **п)** уверенность, решимость. *разг. О-о-о! Это мы в семь секунд!* **р)** эмоциональный подъём, хорошее

настроение, спокойствие. *разг. О-о-о! Кто бы знал, как это хорошо в выходной в постельке поваляться.*

2. Обозначает и/или указывает на эмоциональную оценку говорящего: **а)** насмешка, усмешка. *разг. О! о! о! Какие мы важные! Госпадя! Прямо не подойти;* **б)** одобрения, похвалы. *разг. О, это дело! Кто надоумил?;* **в)** подтверждения, согласия. *О, как охотно бы в их обаянье Всю потопил бы я душу свою…* Ф.Тютчев. *О да, я выпил целый штоф* В.Высоцкий; **г)** отрицания, несогласия. *О нет, мой младенец, ослышался ты.* В.Жуковский. *О нет, то белеет туман над водой.* В.Жуковский; **д)** уяснение, догадка. *Как это он сразу не понял – ведь это сон, переутомление. – О, господи! – Он ткнул себя в подбородок хуком и закурил сигару.* В.Высоцкий. Жизнь без сна; **е)** экспрессивное отрицание. *О, не кладите меня В землю сырую – скройте, заройте меня В траву густую!* Ф.Тютчев.

Коммуникативные смыслы: Поощрение к действию, приглашение совершить что-л. *О, туши ж, о, туши! Горячее!* Б.Пастернак.

«Другой» язык: 1. «Заумный» звукокомплекс. детск. *О бар бо бар кур* (считалка). **2.** «Говорение» нечистой силы. *О-о-о-лык-дымда! Ля-ля-ля! Жу-жу-жу! Уф-ф-фу*! (песня ведьм). *Эшохаро, лаваса, шиббора, кумара! А-а-а. О-о-о. И-и-и. Э-э-э. У-у-у. Е-е-е…* (песня ведьм).

3.3.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФМ

3.3.1.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФМ *кап*

Литературный язык. КАП-КАП – О падении капель. КАПАТЬ 1. Падать каплями; 2. Наливать, проливать каплями. КАПЕЛЬ – 1. Падение капель. 2. Капли, падающие с крыши, деревьев. КАПЕЛЬКУ – разг. Немного, чуть-чуть. КАПЕЛЬНИЦА – 1. Желобок в горлышке пузырька для наливания лекарства каплями. 2. Пузырек с подобным желобком. 3. Пипетка. 4. Система для введения лекарства, обычно через вену. КАПЛЯ – 1. Частица жидкости округлой формы. 2. мн. Лекарство. 3. разг. Самое малое количество чего-л. КАПЛЯ В МОРЕ – Ничтожно малое количество [ФСРЯ: 195]. КАПЛЯ ПО КАПЛЕ – Постепенно, медленно, понемногу [ФСРЯ: 195]. ДО (ПОСЛЕДНЕЙ) КАПЛИ – 1. Без остатка, до дна (выпить, осушить и т.п.). 2. Все, целиком (рассказать, изучить, растратить и т.п.) [ФСРЯ: 194].

Криминальный жаргон. КАП-КАП – 1. Кожно-венерологический диспансер. 2. Доносчик, осведомитель. КАПАТЬ – Доносить, выдавать. КАПНУТЬ НА ЖАЛО – Дать взятку. КАПЕЛЬНИЦА – Винно-водочный магазин. КАПЛЮЖНИК – Контролер ИТУ, охранник [Балдаев: 100-102].

Диалекты. КАПА – 1. Шарик жидкости более капли. 2. Самое малое количество чего-нибудь. НИ КАПЫ. Нисколько. КАПАТЬ – Осыпаться; рушиться крошками, кусками. КАПЕЖ – Теплый весенний день с оттепелью. КАПЕЛИТЬ – Сжимать (губы). КАПЕЛЬ – 1. Ледяная сосулька. 2. Мокрая дождливая погода. 3. Водосточная труба. 4. Место, откуда падает вода с крыши. 5. Место, куда падает вода с крыши. 6. Теплая погода; оттепель [СРНГ 13: 49-51]. КАПЕЛЬНИК – 1. Натек, накипь. 2. Сталактиты, сталагмиты [Даль II: 87]. 3. Повеса. КАПЕЛЬНИЦА – Желобок в оконной раме для стока воды со стекол в холодное время [СРНГ 13: 51]. КАПЕЛЬЩИК(-ЩИЦА) – Тот, кто каплет, раздает, меряет жидкость каплями [Даль II: 87]. КАПЛЮЖНИЦА – Авдотья (Евдокея) –

Каплюжница. По народному календарю – день 1 марта по ст.ст. КАПЛЮЖИТЬ, КАПЛЮЖНИЧАТЬ – 1. Принимать спиртное, сливая в одну посуду капли, остатки выпитого другими. 2. Пить, пьянствовать за чужой счет, часто выпрашивая. 3. Принимать спиртное, расплескивая из посуды (дрожащие руки). 4. Пить, пьянствовать. 5. Быть скупым, жадничать, крохоборничать. КАПОЧКА – 1. Ласк. Обращение к девочке, девушке, женщине. 2. Мужское прозвище. КАПОЧНЫЙ – Медленный, требующий большой затраты времени. КАПЛИ СУМАСШЕДШИЕ, КАПЛИ ВЕСЕЛЫЕ – Водка [СРНГ 13: 54-57]. КАПЛИ НЕ ЗАДЕВАТЬ – Не прикасаться к чужому [АС II: 34]. КАПЛЮГА, КАПЛЮЖКА, КАПЛЮЖНИК, КАПЛЮШНИК – 1. Горький пьяница. 2. Тот, кто каплюжит. См. каплюжить. 3. Скупой человек, скряга, крохобор. 4. Хитрый и льстивый человек. 5. Нахал, негодник. 6. Маленький, худенький, невзрачный человек. 7. Крайне неприятный, отталкивающий человек. 8. Василий-Каплюжник. По народному календарю – день памяти Святого Василия (27 февраля по ст.ст) [СРНГ 13: 54-55]. ВСЯ КАПЕЛЬКА – О внешней похожести. КАПЛИСНУТЬ – Брызнуть. КАПОЧКА, КАПЛЮШКА 1. Капелька. 2. Незначительное количество [СПГ I: 376].

Просторечие. КАПАТЬ – Доносить, клепать. КАПАТЬ НА МОЗГИ – Твердить об одном и том же; нудно поучать. НЕ КАПЛЕТ – Успеется [ФСРЯ: 194].

Молодежный сленг. КАПАТЬ 1. Плакать. 2. Надоедать, раздражать. КАПАТЬ НА МОЗГИ (НА НЕРВЫ) – Надоедать [ССРГ: 183].

3.3.2.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФОНЕТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ФМ *бах / бух / буч*

1) природные явления: а) связанные с водой, снегом: *бухнуть* (о снеге), *бухта*; б) связанные с порывами ветра: *бахать, бахмут, бухоня, бахмутка;* в) ненастная погода: *бахмора, бухмарь;*

2) флора: а) названия растений (здоровая, целая); *бахта* (Menianthes trifolita): б) разбитая, расколотая: *бахлан* «часть чурбана», *бахмуга* «обрубок», *бахтарма* «отрепья, обрубки»; в) растения: *бахтовые корешки* «трава», *бучин, бучина* «белая акация», *бухмистик, бухтя* «пижма», *бухма* «картофель»;

4) фауна: а) животные: *бухма* «корова», *бах* «кляча», *бучень* «бык»; б) птицы: *бахвана* «сова», *бучел* «вопь», *бухало* «филин», *буханин, бухарь* «тетерев»; в) насекомые: *бучель* «шмель», *бухарка* «букашка», *бухуружка* «жук»; д) звуки, которые издают представители фауны: *бухать* «мычать», *бучить* «жужжать»;

5) человек: а) свойства мужчины: *бухря, бухтень, бухалец* «злой», *бухвал* «хвастун»; б) свойства женщины: *бахор* «проститутка», *бахолда*, *бахвалка* «щеголиха»; в) части тела и органы: *бахловка*, «голова», *бучун* «надколенная кость»; г) общее состояние организма: *бахмурка, бухмет* «о здоровом человеке», *бухряк* «о тяжелом физиологическом состоянии»; в) боль, недомогание: *бахмур* «тошнота»; г) состояние измененного сознания: бухой, бухара, бухало «о пьяном»; д) внешность: *бахил* «некрасивый», *бучня* «неприятный, отталкивающий»; *бахмет, бахмутка, бахматый, бухня* «человек с хохлом», *башня, бухтан* «очень высокий», *бухой* «ушастый»; *бухоня* «толстый»;

6) еда, пища, питаться: а) приготовление пищи: *бахтить* «коптить», *бахтать* «сбивать масло», *бучить* «варить»; б) названия блюд: *бахрица*, *бухченцы* «оладьи», *буханец, буханка, бухалка, бухонец* «хлеб»; в) вкусовые ощущения: *бухонный* «теплый», *бухлый* «вкусный»;

7) питье, возлияние, пить: а) процесс возлияния: *бухнуть, бухать, бучгать*; б) мера: *бухарка* «рюмка», *бухарник, бухлянка* (1 литр); в) человек пьющий: *бухой, бухарь, бухана, бухоня, бухач, бухарник*;

8) психология человека: а) понимание, мышление: *бачить* «понимать»; б) поведение: *бучинить* «бить», *бучить, бучка, бухнуть* «припугнуть», *буханица, бухвастить; бахолда, бах, бахарка, бахарун, бахливый, бахолда, бахтеть, бахвалиться, бухвост, бахвалушка, бахвалка, бахвальщик, бахвалиться, бахтеть, бачить* «хвастун, хвастать»; *бахур* «франт»; *бахолда, баха, букло, бухтень* «ленивый»; *бухать, бухтеть, бахать, бухать, бухарить, бухариться* «лгать, ложь», *бучить* «браниться», *бухтеть* «ворчать», *бухвостить;*

9) душевное состояние человека: *бухтевина* «переживания»;

10) человек говорящий: *бахвалило, бухара, бухтин* «болтун», *бахвал, бахарь, бахолда, бах, бахарка, бахирь, бахвальщина, бахливый, бахолда, бухвал, бухвост* «хвастун», *бухвост, бухвостень* «сплетник», *бухтин* «лжец», *бахар, бахирь, бахора, бахорливый, бахоря* «краснобай»;

11) игры, развлечения: бахирь «играет роль жениха на сватинах», бахур «главный распорядитель на святках», бухалы «войнушки», бухаронки «прятки»;

12) правонарушения: *бученить, бучить, буханина, буханец, бухвостить* «избиение», *бухара взять, бухаря подвести* «ограбить пьяного»;

13) деятельность человека: *бучить, бухарить, бахнуть, бухнуть, бахилить* «неуклюжая, неумелая», *бахтить, бухтать* «ловкая, аккуратная»;

14) орудия труда и производства: *буч, бухалка, буханье* «шест для загона рыбы в сети», *буханец* «цеп»;

15) имущество человека, личные вещи: *бученица* «кадка», *бучок* «корзина», *бухарка* «стакан», *бухарник, бухлянка, бух* «корыто», *бухри* «валенки», *бахотня* «сарафан»;

16) быт, поддержание частоты: *бучить, буча, бугарной* «стирать», *бученить, бученный, бучить* «мыть», *бучать* «чистить» и многие другие.

3.3.3.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФМ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КЛАССУ ИНСТАНТОВ

ФМ различных видов удара (инстанты) – ***кол, ляп, тук, стук, тык, бот, чуп, пуч, пук, долб, чок, коч, коп, чик*** и др. < и.-е. **(s)kep-, *(s)kop-, *(s)kap-, *(s)keu- , *ka-, *kuo-, *kou-, *ku-; (s)keup-: *(s)keub-; *peu-: *pou-: *pu-; *dhelb(L); *(s)teu-k-; *(s)kei-p-; *leip-; *(s)koi-p: *(s)kip-, *sek; *(s)kel-, *(s)kol-, *kl-* и др. со значениями «ударять, бить, бросать, долбить, отделять, распарывать, тыкать» развивают следующие значения.

Фоносемантические группы семантического поля “Природа”:

1) названия небесных светил: *кочка* “созвездие Плеяд”, *кичига* “Созвездие Большой Медведицы с полярной звездой”, *куча* “Млечный путь”, “Созвездие Плеяд”;

2) природные явления: а) связанные с водой (снегом, градом и т.д.): *пучистов, пучина, водоворот, липуха, пучинить* “наводнять”, *чха, кочкара, кычить, лепень*; б) холод, мороз: *кика, кычи, кыча, колотун, закалеть.*

Флора:

3) флора: а) здоровая, неразрушенная: *батог, пуколка, почки, пучки, пуговник, кол, кольник, колун, колунья, колотовник, скалозуб, скальник, клинник, копытечко, копье, копеечник, скобняк, кочки, кочанье, кочень, кукиш, поповник, кукишка, скучник синий* “зверобой”, *кукан, кучерявый* “вязель пестрый”; б) помятая, выдолбленная, разбитая и т.д.: *ботник, батожник, бидовяк, тычка, колотье, колода, колодник, буревал, колозень,*

пень, копань, щепа, чипа, кочережка, кочережник, кочера, киха, кокорина; в) растения: *кол, кольник, колун, скалозуб, скальник, клинник, тин, лук, пуговник, батог, копье;* г) деревня, кустарники: *колотье, колотовник, колода, кочережка, кочера, липовник*; д) плоды: *кукиш* “ягода шиповника”, *шипица, липовника.*

Фауна:

4) Земля: а) названия, клички животных: *кочка* “верблюжий горб”; *кокиш, кикимора* “летучая мышь”, *кичка, кичко, кичан (кычан)* “пес”; б) звуки, издаваемые животными, птицами: *чокать, киканье, кикать, кивыкать, кишкать, кычиканье, кычать, скучить*; в) слова – подзывания животных: *коч-коч, кивкать, кыча-кыча (кыч-кыч), бяш-бяш*; г) насекомые и черви: *колоть* “жалить”, *почка, почковьюн, клочень, цепень, кыча* “жук”, *кукла, куча* “муравейник”; воздух: д) название птиц и частей их тела: *кочка* “курица наседка”, *чапля, чупрун, чубатик, тукалы, кока* “клюв”, *долбила, долбежник, кишкалка, кигичка, копала, лупоноска;* вода: е) рыбы: *колода, скалозуб, щабер, щепарь, кыч, тяпуга*.

Фоносемантические группы семантического поля “Человек”:

Физиология:

1) тело, его состояние: а) части тела: *пучила, пучина, ботало, ботана, щель, копыта, щепетка, кочережный, коковка, кокоток, кокотышко, кукиш, клюка, клетка* (*грудная*); б) здоровье, упитанность: *осколыш, клин, пучиться*; в) малость, худоба: *чупырный, чупырка, чупрасый, осколок, копыловатый, кикимора, липа, каплюга*; г) бессознательное состояние: *торопеть, оторопеть, цепенеть, отрубиться, вырубиться*; д) боль > болезни, нездоровье: *стукнутый, колотье, пуча, колотище, кукореватый, кукожиться, скучать* “болеть”, *долбить кумор, щепота, течь, качея, кочерга, лапушица*; е) смерть: *окочуриться, качули, копач, копыта откинуть, долбить, околеть, кондрашка стукнул*;
2) телесные дефекты: а) дефекты глаз: *лупанда, лупастый, лупоглаз, пукач, пучеглаз, пучила*; б) дефекты носа: *кочережный*; в) дефекты лица вообще: *коковяка, как кикимора, клыковатый, ляпа*; г) дефекты зубов: *клыкастый*; д) человек малорослый: *чупырка*; е) дефекты фигуры: *ключить* “хромать”, *клюка*;
3) еда, есть, питаться > вкусовые ощущения: а) названия блюд: *чупа, чуприк, колода, колодка, локша, сканец, почкокал* “брынза”, *кочанка, куковина, копыто, куканец*; б) процесс поглощения пищи: *чупать, лупить, лакать, тюкать*; в) вкусовые ощущения: *чупать, терпкий, кишка кишке кукиш показывает*; г) учреждения общественного питания: *тычком* “кабак”, *чепок*; д) процесс приготовления пищи: *колоть, колотье, ботать* “бить масло”;

4) экзистенциальная тема: а) зарождение жизни: *куколка, почка, источник*; б) течение жизни: *болтаться, на всю катушку*; в) приближение к смерти: *катиться под гору, идти под уклон*; г) смерть естественная: *окочуриться, околеть, копыта откинуть*; насильственная: *кочконуть, кокошить*;

5) душевное состояние человека: а) покой, уравновешенность: не представлены; б) переживания, страдания: *колотиться, колотливый, колотной, кокотать, скучиться, кукситься, скука, кататься.*

Психика:

6) процессы понимания, мышления: а) производимые самостоятельно: *стукнуть в голову, долбить, кумекать*; б) производимые с чьей-то помощью: *долбить*;

7) поведенческие характеристики: а) интимные: *чик-чирикнуть, почковаться, качель с висом, липкий, тяпуля*; б) основанные на унижении, подхалимаже: *поклонщик, поклониться в ножки, поклонник, склонять в голову, склонимость, стоять на задних лапках, лапки на грудку*; в) насмешка: *скалить зубы, скалиться*; г) основанные на лжи, притворстве, коварстве: *лукавить, лукавство, лукавоухищрение, излукавиться, лапошить,*

плести лапти; д) презирать, наказывать: *лупить, чикать, кочка, копать, долбить, долбень, чубить, батожить*;

8) человек говорящий: а) попусту: *болтун, болтуха, болтохваста, болтня, балаболка, балабонщик, балабызиха, баляка, байбола, баламолка*; б) обманывая: *болтун, болтус, болтохваста*; в) шутя, развлекая: *балабон, балагур, балакарь*; г) сплетничая: *баламутный, баламут*; д) раскрывая секреты: *болтовитый*;

9) особенности общения людей: а) недоброжелательность: *куктать, чикать, скалить, скалиться, скалозубить, щелять, пукать, долбить*; б) бранные окрики: *кол бы те в землю! Колом тя в горло! В колоду валить! Щепотка тебе в руки (в шары), на язык)! Скобленое рыло. Чертова кукла!*; в) пустословие: *ботать, колотить, болтать, балаболить, байболить, бесструнная балалайка, болтовня, балабола*; г) обман, ложь: *лапошить, лапки на грудку, плести лапти, болтовня*; д) шутки: *балагурить, балагурничать*; е) неразборчивое говорение: *болтать, куктать, лепета*; ж) выражение упрямства, надоедливости: *пукать, колодить, долотанить.*

Человек в социуме:

10) развлечения, забавы: а) пение: *липа в липу кладет, поет – дубрава колется*; б) танцы: *тукоток, бацалки*; в) качания, гуляния: *кататься, каток, клетник, катище*;

11) игры: а) детей: *куча мала, кол, колода, ляки, клинки, клетка*; б) взрослых: *стукалка, лапта, касло, катать, катбище, балалайка*; в) азартные игры: карты: *баламутка, катать, лопатка, стукалка, чесать колоду, нелепуха, липковое (очко), копытце*; в) орудие игр: *ла(о)пта, клюшка, ключка, карта, кочерга*; г) играющие: *клюшники*;

12) праздники: а) русские: *кочка, кочанный день 26 июля; кочерга* “весенний хоровод”, *ключ, каплюга*; б) нерусские: *куча – куща* (еврейск.);

13) профессиональное расслоение общества: а) лица, состоящие на службе в силовых структурах: военные – *лучник, луконосец* “лучник”, *кичига*; милиционеры – *склон, лапач, кочерга, копач, ляпыш*; б) церковнослужащие: *батожник, ключарь*; в) профессии, связанные с умением говорить: *болтун* “лектор”, “адвокат”; г) плотник: *долбила*; д) могильщик: *копач*;

14) правонарушения: а) кражи: *принимать лопатник, кататьс, щипать, запускать лапу*; б) взятки: *тека, лапик, лапуга, лапа, поклонное, лупеж*; в) орудия правонарушений: *лапа гусиная, лапка, липучка*; г) наказания за правонарушения: *качаться, цепи, копаться*; д) лица, подвергнувшиеся наказанию: *клюшник, лопата, лапоть, чиклуха, копач, копна*;

15) «маргиналы»: а) инаковерцы, раскольники: *скобленое рыло, щепотник, коловичи, щельник, стукальщики, липоване, тюкальщик*; б) преступники: *кукла, кукольник, чиклуха, копач, копыто, копна, колун*; в) необъяснимые существа: лесные – *кикимора, лешачиха, кукан, шишкун*; домашние – *кукла, ляха*;

16) материальное положение человека: а) бедность: *лопотье, лопошки, лапик, лаптем щи хлебать, лаповище, лапотник, шубного лепня в дому не было, голым колом, кол к колу, ни кола ни двора, топать по мелководью*; б) богатство: *ла(о)пта, лопотистый, масть катить, как сыр в масле кататься, кучеряво, кукоба, грести лопатой*;

17) деятельность человека: а) ловкая, умелая: *лепко, катить масть, источить, кочкать, колом сесть*; б) бестолковая, неаккуратная*: нелепость, качум, лепить, как курица лапой, плести лапти, ископытиться, в колья – в мелья, тяп-ляп*; в) противозаконная: *лепить, кататься, щипать, принимать лопатник, колотить замки*;

18) действия, связанные с ударной технологией: а) действие, производимое рукой человека (предметом): *боткать, чубить, чупизнуть, чупрыснуть, скубти, тукать, туковать, стукаться, стучать, стукотить, долбить, долбаться, долбиться, долотить,*

чокаться, кочкаться, кочковать, коклюшничать, кокотить, кичкать, кучкать, копать, скоблить, щипать, щепать, чикать, почковать, скепать, чапать, колунуть, колотить, колотиться, осколять, щелять, клинцовать, клочить; б) действия, производимые ногой человека: *копок, копыто* “побег”, *ископытить, копытчики содрать, копыта навострить, ботать*; в) драка, избиение: *колотиться, чкнуть, ископытить, кочконуть, долбить, долбать, долбиться, долбежить, туканить, тукмачить, тукмасить, тыкать, чупизнуть, чупрыснуть, ботожить, кукшить, бацаться*; г) действие, производимое с помощью станка: *токать, ткать, точенье, точить*; д) действие, совершаемое само по себе: *ботаться, скубаться, пукаться, ткаться, кучерявиться, колоться.*

Предметно-вещный мир:

19) оружие: а) огнестрельное: *кочерыга* “обрез”, *пуколка, пукало, кукла*; б) холодное: режущее – *тик, чика, скоба, колотник, скобель, щепак*; колющее – *лук, копье, кол;*

20) средства и способы передвижения: а) по воде: *долбуша, долбленка, ботник, ботик, бот, бат, колода, лопарня, лопасть*; б) по снегу, льду: *салазки, катунки, катуля, копанцы, колзать*; в) по земле: ехать – *каток* “телега”, *катать(ся), качаться, копейка*; идти – *катить, катонить, чапать, течь*; бежать – *качай воду! Во все лопатки. Улепетывать, лупить, текать, лупенить;*

21) орудия труда и механизмы: а) для возделывания почвы: *кол, колода, долбеж, чапига, плуг, кочкодер, кочкарник, кочкарь* “борона”, *когти*; б) необходимые в быту: *пуколь, стукало, стукалка, кол, колунище, колотник, колун, колотовка, колотуха, колотушка, колода, скалка, скально, батог, долото, долбило, долбовня, скоба, щипцы, щипчики, цеп, чап, кочерга, клюка, кочережка, коковка, коклюшка, кичига, кукан*; в) для охоты, рыбалки: *кол, колотник, колода, колодица, клык, клок, ботало, чепель, чапчур, кокоток, кокот, кукан:*

22) личное имущество, вещи: а) одежда: женская – *чупрун, тканка, клетовник, клеточник*; детская – *лопошки* “пеленки”, *кока*; мужская – *катанка*, *лепень*; одежда вообще – *куклянка, лопот*; ветхая – *лопотье, лопошки, лепет, лепень, лепенье, хлюпень*; б) обувь: *чупаки, колодка, копыто, щипчики, лапоть, катанки, люпты*; в) головные уборы: женские – *чуплюк, клинышек, кокошник, чепец, кикибола*; головные уборы вообще – *чаплажка, кика*;

23) постройки: а) для людей: *клеть, клетка, клетовье, клетуха, клетушка, палуба*; б) для хранения продуктов: *клеть*; в) для птиц: *клетка*; г) для животных: *клеть, клетушок, клетуха, клетушка*; д) для хранения дров, щепы: *щепник*.

Фоносемантические группы семантического поля

“Априорные свойства”:

24) округлость, шар, шишка: а) на теле (человека, животного): *катыш, пуга, кочка, куковина, кока*; б) в играх: *кочка, ляпок*; в) в еде: пища – *катыш*, *ботанец, сканец, каток, болтун, балабошки*; в таблетках – *катыш, гусиные лапки*; г) в природе: *кочка, катун, катыш, катанья, ключик, тюкач, бульбух, бульбушки, кропля*;

25) полость, внутренняя пустота: а) предметы быта: *чапаруха, чарка, стакан, чаплажка, ча(у)пызник, долблянка, долбня, скобтарь, колода, колодина, ботало, лукошко*; б) сооружения: *копанец* “колодец”, *копейка* “загон”, *колодица, колодезь, кагозень, ткальня, ботник, бот, щепник, кика, клетушок, клетка, клетовье*; в) бездна, пропасть: *пучило*; г) углубления, отверстия, щели: *колозня, колозина, колода, щель, щелупина, щап, скобка, копец, копи, ботник, щелья, щелье, долбеж*;

26) граница, край: а) земли: *тычинник, кол, скала, бадовяк, копец*; б) дома: *колода* “порог”; в) одежды: *подрубать, подол*; г) рубеж моря (воды) и суши: *лукомрье*;

27) искривленность, склоняемость: а) в орудиях труда: *клюшка, лукоть, пуговина, кок, кокот, ключ*; б) на местности: *лукома, лука, излучина, кочережик; в) в оружии: клюкарза, лук*; г) в предметах быта: *клюшка, клюка, ключина, лукно, лукошко, кочерга*; д) научный термин: *склонение*; е) в поведении людей: *склониться, поклонник, бить поклоны склонять, склонять голову, склоняться, склонимость*; ж) в строении тел (человека, животных): *ключица, клюкать, ключить, клюкавый, кочережный, кокоток, коготь, в кучеряжку*;

28) выпуклости: а) в природе: *почка, пуколка, пучистов, пучина, пуговина, бадовяк, тычка, кочка, кочегуры, кочкавлик, кочкарь, кочковник, кочан, кочережина, кукан, куча, кучегур*; б) на теле человека (животного): *чуп(ы), чупрун, чубастый, чуприна, пукач, пуча, пучеглазый, пучина, пуга, кичка, куковина, кукореватый*;

29) соединять, связывать: а) множество чего-нибудь, расходящегося из одной точки: *чуприна, пук, пучок, пучковатый, пуковяз, тукач, колода* “укладка из снопов”, *кукишка, куча*; б) последовательное соединение чего-либо: *скубти, батовать, копанец, цепь, оковы, кандалы, цепочка, паутина, наручники, цепляться, чепь, чепать, кокиш*; в) соединять сплошь: *ткать, токать, тканье, тканина, тканец, точа, точина, колода* “связка сетей”, *копать* “чинить”;

30) часть, отходы, то, что раздроблено: а) ткани: *осколок, клин, тканец, чупрун, пуговица, пуговина*; б) дерева: *кочка* “угол изгороди”, “пень”, *кочера, кика, чаповица, копань, щепа, щепка, щипец, бадовяк, кол, колье, клин, колья, колунище, колода, колодка, осколок, осколяпок*; в) пищи: *кочешок, кочень, копыто* “краюха хлеба”; г) тела (человека, животного, птицы): *кокиш, кокова, кокоток, кукса, копыто, щепетка, ботало, батанка, осколок*; д) льда, снега: *чка* “плывучая льдина”, *осколок*; е) металла: *чапра, скоба, ботик, колода, осколок, полтина*; ж) сигареты: *долбан* “окурок”;

31) следы (пятно, знаки, зарубки) и результаты действия: а) пятна: *копытечко, лапостня, крапочка*; б) знаки: *чупрынный, кол, колода, осколок, клок, бадовяк*; в) зарубки: *колозня, колозина, осколок, щель, щелупина, щап, тяпок, скобка*; г) результаты: *пуколь, колода, колодка, колозень, ботало*;

32) дорога, путь > судьба > боль, страдание > неприятное положение: а) отсутствие препятствий, благополучие: *колзать, долбка, чик-чирикнуть, кичить, кукоба, кукобник, куча* “Млечный путь”, *кучеряво, кучерявка, копье* “выепрыш”; б) ухабы, неровности, страдания: *туканить, тычком, ни кола ни двора, колотить(ся), колоткий, колоткой, колотливо, колотливый, колодливый, скала, щелупина, клинить, ботаться, долбиться, долбота, цепенеть, чапнуться, кочковатый, кочережина, кокоток, докука, копать яму, копец, копыта откинуть*;

33) жидкость, вода, вязкое, липкое > грязь: а) наличие жидкости: *пучистов, пучина, водоворот, пучинить, чка, кочкара, кычить; вода – поток, потекл, поточина, исток, проточная*; вино > опьянение > пьяница – *клюкнуть(ся), клюкала, клюкальщик, качала, лакало, каплюжить, капли сумасшедшие*; смола – *тековая, текучка, точливая* (ель); б) источник жидкости: природа – *исток, теча, источник, ключ, ключище, ключевина*; организм (человека, животного) – *потока, течка, течь, источники, кровь ключем, слюнки потекли*; в) лепить, цепляться, вязнуть: *кочеватик* “болото”, *кочкавлик, цепкий, цеплять(ся), цепь, цепочки* “паутина”, *липнуть, липучка, липок, липунец, ляпок, лячкин, хлюпанница*; г) пачкать, грязнуть, грязь*: кочкота, кукомоя, ботать, чупа, чупахаться, чупкить, чупра, кокорка, ляпать, ляпун, ляпанина, лячкать(ся), люпаться; д) следы жидкости: потек, источина*.

3.3.4.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

И.-Е. КОРНЯ *uer-
(на материале этимологического гнезда, восходящего к и.-е. корню *uer – *«гнуть, вить», так же как и* ФМ *верть*)

1. ***Вар*** I «скотный двор» *тамб., рязан., курск, варок, уменьш.* – то же, *севск*., также ворок, род.п. ворка. Связано с др.–русск. воръ. «забор» Родственно лит. *varas «столб, кол в изгороди*, заборе», apivaras «загон для скота»; сюда же д.-в.-н. wuori «плотина, насыпь, дамба, защита», др.–исл. vor «камни, уложенные рядами на причале» (Фасмер 1:273).
2. ***Варавина*** «веревка», *вятск., оренб*. Неясно [несомненно, представляет собой вариант вокализации (наряду с веревка) первоначального вьрвь, вервье», *оренб*., *вятск*. Воровый, воровенный «веревочный, вервяной»] (Фасмер1:275).
3. ***Вареха***. *Офен*. кнут (БСРЖ.: 89).
4. ***Варея***. *Угол*. Веревка / ***Вервея*** (БСРЖ.: 89).
5. ***Варзуха*** *угол., мол.* Ягодицы, зад; анальное отверстие (***Варюха), (Верзо), (Верзоха)*** (БСРЖ.: 89).
6. ***Варнак.*** 1. *Угол*. Опытный вор. 2. Беглец; склонный к бродяжничеству человек. 3. Человек, не подозревающий, что имеет дело с вором (БСРЖ: 89).
7. ***Варовань*** *угол*. веревки (БСРЖ.: 89).
8. ***Вворотни***. Обувь из шкуры с мехом внутри (СПГ 1: 133).
9. ***Верать*** *«совать, вкладывать, прятать, копаться»* новгор. (Даль) вертеть, завереть «запереть», ст.-слав. въвръти «всунуть», провръти «просунуть», болг. ***вра(врял)*** *«сую»,* словен. svreti «сморщиваться, собираться в складки», чеш. otevriti «открыть», польск. wrzec,zawrec «запереть». // Родственно лит. veriu, verti «продевать нитку, открывать, запирать», лат. aperio «открываю», onerio «запираю», гот. warjan «препятствовать», др.–инд. apavrnoti «открывает, запирается», apivrnoti «запирает, покрывает, прячет». Ср. *вереница, верея* слово *вор* Сольмсен и Мейе относят сюда же. (Фасмер 1: 293). ***Верать*** 1. 1. Плести (лапти, корзины, сети ит.п.). 2. Совать, вкладывать что-либо. 3. Прятать. 4. Шить наспех, непрочно, незакрепляя нитки. 5. Копать, копаться. 6. Толкать, ударять резкими движениями кого-либо (СРНГ 4: 120). ***Верать*** *нвг*. (ворошить?) совать, вкладывать что; прятать, хоронить; кропать, копаться (Даль 1:178). ***Верать*** 2. Врать, рассказывать небылицы (СРНГ 4: 120).
10. ***Верба, Верьба, верьба***. 1.То же, что Верва. 2. Верба. Веревка у невода, бредня (СРНГ 4: 120). ***Верба***. 1. назв. Любого дерева. 2. Верба перу салимская. Армянские финики. 3. Трава. 4. Перен. Красивая, высокая, статная женщина (СРНГ 4: 120). ***Верба***. Общеслав., имеющее соотв. в нек. и.-е. яз: укр. верба, бел. вярба, польск. wiezba, чешск. Vrba, словацк. vrba, каш. warba, в.-луж. wjerbc, н.-луж. wjerba, полаб. warba, ст.-сл. врьба, болг. върва, с.-х. Врба. и т.д. Восходит к и.-е. *uerbes, произв. От ***основы *uer – «гнуть, вить»*** (см. *вервь*). Первичн. знач. слова – «какой-то гнущийся предмет», потом «прут, ветка». В последнем значении или в близком к нему слово выступает в ряде и.-е. яз. На слав. почве слово расширило это знач. и закрепилось как «верба» – название древа семейства ивовых; ср. обратное семантич. рзвитие общеслав. Vetь («ива» > «ветка», см.ветвь) (ЭСРЯ 1:54).
11. ***Вербажи***. Подпояски (СРНГ 4: 120).
12. ***Верва***. 1. Толстая просмаленная нитка для шитья обуви и кожан. Изделий; дратва («Так у сапожника наз-ся из нескольких пеньковых или льняных нитей ссученная прядь, варом с воском спущенным высмоленная…») «Вервы – сканая нелощеная нитка». *Арх*. 2. Веревка. 3. Проволока. 4. Нетопленый воск после освобождения его от меда (СРНГ 4: 123).
13. ***Вервейка***. Вертикальный столб, на который навешивается дверь (СПГ 1: 84).
14. ***Вервит, верить***. 1. Измерять землю при помощи верви – веревки. 2. Вермить. Измерять расстояние (в Верстах), отмечая их (столбами, вехами). 3. Вервить – Связывать сломанную вещь веревкой или дратвой (СРНГ 4: 124).

15. ***Вервь*** (*устар*., веревка, мера земли, истор., община). Общеслав., имеющее параллели в балт. яз.: укр. вервъ (Тимченко, 215), ст.-чешск. vrv, болг. връв, ст.-сл. връвь, с.-х. врвца, словенск. vru; лит. virve, латышск. virve, прус. wirbe. Слово *vьrvь образовано в общеслав. яз. с пом-ю суф. – v – и перегласовки в/е от не сохранившегося в слав. яз. глагола *verti «связывать, закрывать» (ср. верба, вериги, верея; лит. verti «вдевать нитку»), восходящего к и.-е. корню ****uer*** -(Muklosich, 382; Норяев 1896, 43; КрЭС, 55). Сюда же Преображенский (I, 73) относит др. –инд. urus «изгиб», urvam «углубление», лат. urvum «изгиб плуга». Др. –рус. вервь «община» (Срезневский, I, 461) Миклошич рассматривает как скандинавское заимсв-е (Miklosich, 386), в то же время Фасмер (см. там же) вслед за Карским (см. там же) допускает, что вервь «община» – результат скмантич-го развития слова вьрвь «веревка» (вьрвь – «община, владеющая землей, как бы отмеренной веревкой»; ср. кордон). Возможно, что это знач., приобретенное словом (вначале как переносное) в др. –рус. яз., было оправдано тем, что члены общины – это люди, связанные (веревка – орудие связывания) общими интересами, общим делом (в древней Руси – общей землей). Веревка служила и орудием измерения земли, отсюда значение измерения земли, от сюда значение «мера земли» (Срезневский, I, 461). Ср. аналогичное семантическое развитие слов локоть и аршин («орудие измерения» > «мера длины») (ЭСРЯ 1: 56). ***Вервь*** стар. подрад. Общины, куда вступали по воле за круговой порукой, род артели, главнейшим для уплаты князю дикой виры, или за убийцу, кот-го вся вервь не хот. выдать. // Вервицастар. Лестовка, ременные четки по кот. молились, или же стегали ослушных (Даль 1:176). ***Вервь***. Прочная, крученая нитка для шитья обуви, кожанных изделий (СПГ 1: 84).

16. ***Верги*** I мн.ч. ***«зарубки, метки на деревьях*** для отыскивания обратного пути», олонецк. По Калине (88), из олонецк. viqa «полоска, борозда» (Фасмер1: 294). ***Верги*** 1. Зарубки, метки на деревьях (СРНГ 4: 125). ***Верги*** 2. Заклинания; чары, колдовство (СРНГ 4: 125).

17. ***Вердых***. Конец, гибель (СПГ 1: 84).

18. ***Верева*** *мол. крим*., массивная цепь из драгоценных металлов на шее (БСРЖ.: 93).

19. ***Веревка*** 1. *Рыб*. Браконьерск. Орудие ловли осетровых. *Кр* 2. Радио. Проволочная антенна. 3. Телефонный кабель. 4. Телефонный провод. 5. Чаще мн. ТВ *жр. шутл-ир.* – кабТВ. 6. *Муз*. шнур для радиоаппаратуры. 7. *Комп*. Провод, соедин-й комп-ы ч-з порты. 8. *Комп*. локальная сеть. 9. Чаще мн.веревки, – *вок, угол* носильные вещи. 10. *Нарк., угол*. Вены. 11. *Угол*. провал, арест, задержание. 12. *Угол*. Срок лишения свободы. 13. *Нарк., угол*. Общее название наркотипов. 14. *Мол*. Сложная, безнар.ситуация. ***Наплести веревки*** – угол. – наговорить лишнего на допросе. (БСРЖ.: 93). ***Веревка*** вервь, вервіе, воровина, ужище; самое общее название свитой или спущенной въ ньск. Прядей толстой нити // *Арх*. Веревка, у крест. Поземельная мера 1850 кв.саж.// (Даль 1: 176). ***Веревка***. 1. Укладка снопов в ряд для обмолота на току цепами. 2. Копна хлеба. 3. О раскатанном в длину в виде жгута тесте. 4. *Бран*. Шалопай, хулиган. 5. Старинная мера (длины, площади). У крестьян – поземельная мера, 1850 кв. саж. 6. Участок, выделенный для сенокоса. 7. Участок для рыбной ловли на морском промысле. (СРНГ 4: 125). ***Веревка***. Веревкой идти – двигаться вереницей, один за другим (СПГ 1: 84).

20. ***Веревка***. Изделие из крученых или витых в неск. Рядов длинных прядей пеньки или другого свивающегося мат-ла. (Ожегов, 78). ***Веревка***, укр. верьовка, др. –русск. вервь, ст. –слав. ВРЬВЬ, болг. vrvt, другая ступеньчередования гласного; воровина «веревка», воровье, веревочные, вервяные изделия».// Родсвенно лит. virve, лтш. virve «прдевать нитку», лтш. vert «нанизывать», др. –инд. varatra «ремень, веревка, канат», далее, см. *вереница, верея, верига.* Сюда же имеет отношение лат. urvum «qood bubulcus tenet in aratro», обозначающее изгиб плуга (Фасмер 1: 295; Черных 1:142).

21. ***Верега***. Длинная толстая жердь, слега (СРНГ 4: 126).

22. ***Вереженье***. Скручивание, соединение двух нитей в одну (СПГ 1: 84).

23. ***Вережить***. Скручивая, соединять две нити в одну; вить (СПГ 1: 84).

24. ***Веренить***. 1. Ходить или тянуться вереницами. 2. Спешить, торопиться (СРНГ 4: 130).

25. ***Вереница*** Собств. Русское. Образовано с помощ. Суф. –ица. От сущ. *верень «ряд», о существоании которого говорит глагол веренить «ходить вереницами», укр. веренька «ряд», имя Веренея. Сущ. * verenь, имеющее соответствия в некот. И.-е. яз. (др.-англ. worn «цепь», ирл. foirenn «отряд», др. –инд. vrndam «толпа») образовано с пом – ю сф. – пьют той же основы *uer – , что и *верея, вериги, вервь*, а так же лит. verti «нанизывать, ставить в ряд», vora «длинный ряд», латышск. vert «ставить в ряд», (ЭСРЯ 1:57; Черных 1:142; Фасмер 1:297). ***Вереница***. Расположение чего рядом, одного за другим, в один порядок, кишкой, гуськом, гусем.; употр. о живом, движущемся означал иногда и стаю, стадо, косяк, ватагу, руно, множество. (Даль 1:179). ***Вереница***. Ряд сходных предметов (людей, фигур), движущихся др. за др. цепью, один за другим. (Ожегов, 78). ***Вереница***. Сверстница (СРНГ 4: 130).

26. ***Верень*** **1.** Осколок посуды, стекла; черепок. ***Верень*** **2.** Тот, кто быстро, торопливо делает что-либо; торопыга (СРНГ 4: 130).

27. ***Веренье, Верень, Вереня***. Мастер рассказывать небылицы (СРНГ 4: 130).

28. ***Веренька*** «вязанка дров», диал., связано с *вереница* (Фасмер 1:296). ***Веренька***. 1. Веревка. 2. Веревочный мешок для сена. 3. То же, что и вентерь. 4. Плетеная корзина. 5. Вязанка дров (СРНГ 4: 130).

29. ***Верета*** «Мешок из рогожи или грубого холста, толстая, грубая ткань», укр. верета, ст. –слав. врътнште, словен. vreca, сербохорв. vреha, др. –чеш. vrece, ср. р., vrecho, слвц. vrecko. Связано с ***верать «совать, вкладывать***». // Родственно лит. virtine «узелок, связка», veriu, vertu «открывать, закрывать», польск. worek «мешок, сумка» (Фасмер 1:297).

30. ***Веретенить***. 1. Вертеть, сверлить. 2. Перен. неотступно требовать; надоедать просьбами, канючить. ***Веретениться***. Вертеться, кружиться (СРНГ 4: 135).

31. ***Веретенка*** 1. Скалка для раскатыв-я теста. ***Веретенка*** 2. 1. Ящерица. 2. Небольшая стерлядь (СРНГ 4: 135).

32. ***Веретено*** 1. 1. Иголка. 2. Кран в сосудике для кваса. 3. Распорка, скрепляющая оглоблисохи. 4. Приспособление для обработки льна (СРНГ 4: 137). ***Веретено*** 1. 1. Насекомое с длинным тонким телом и двумя парами прозрачных крыл; стрекоза. 2. Вертолет (СПГ 1: 85). ***Веретено*** 2. 1. Стрекоза. 2. Перен. Очень подвижный, непоседливый человек, непоседа. 3. Непостоянный, легкомысленный человек (СРНГ 4: 137). ***Веретено,*** *арх*. Веретено, сзрк. веретено ср. (вертеть) простое, ручное орудие для пряжи, для ручного прядения; дерев. точен. палочка // В разн.маш. и снаряд.: ось, цевье, цевка, на котором что-либо вращается. (Даль 1:180). ***Веретено***. 1. Приспособление для прядения – утолщенный стержень для навивания нити. 2. Вращающаяся ось в некот. машинах. (Ожегов, 79). ***Веретено***. 1. Ручное орудие для пряжи в форме точеной дер. Палочки с заостр. верхом и утол. низом, при верчении превращающее навитую на него пряжу в нить. 2. Ось в нек. маш. и снарядах, на кот.что-н.вращается (*мех*.) (ТСРЯ 1: 250). ***Веретено*** [2]. *Спец*. стержень, ось (СПГ 1: 85). ***Веретено*** Общеславянское: укр. веретено, бел. верацяно, польск. wrzeciono, чешск. vreteno, словацк. vreteno, в.-луж. wreceno, н.-луж. reseno, ст.-сл. врьтeno, болг. вретено, макед. вретено, с.–х. вретено, словенск. vreteno. Слово *verteno образовано в общеслав. Яз. Посредством суф. – eno (ср. полено) от той же основы (*vert), что и *вертеть*, к которой также восходят в ср.-в.-нем. wirtel (кольцо, веретено), кимр. qwerthyd «веретено», ирл. fertas – mж др.-инд. vartanam «веретено, круг», греч. разг. bratanon «бур». Первично слово веретено служило, вероятно для обозначения простого пряд – го орудия, предст – го вертящуюся палочку (см. *ворот, верста*) (ЭСРЯ 1: 58; Фасмер 1: 297; Черных 1:142). ***Веретено*** укр. веретено, др. русск. веретено, ст.-слав. ВРЕТЕNО, болг. вретено, врътено, серб. Хорв. вретено, словен. vreteno «веретено, гончарный круг», чеш. vreteno, словц. vreteno, польск. wrzeciono, в. –луж. wrjeceno, н.-луж. rjeseno. // Родственно др.-инд. vartanam ср. р. «вращение, катание,

хождение взад и вперед», также «прялка», vartulas, «круглый», vartula «пряслице», vartani ж – то же, ср.-в.-м. wirtel «пряслице», пимр. qwerthyd – то же, возм., также лат. urtica «крапива» (от веретенообразной формы листьев). Далее, связано с вертеть, ворот, верста (Фасмер 1:297; ЭСРЯ 1:58; Черных 1:142).

33. ***Веретенце*** (*кн. устар.*) Убогое платье, рубище (ТСРЯ 1: 398).

34. ***Веретень 1***. О человеке быстром, подвижном. (СПГ 1: 84). ***Веретень*** 2. Мера длины, равная 80 саж. ***Веретень*** 3. Длина нивы, поля или расстояние на пашне между точками поворота сохи, смотря по силе лошади, 20 – 50 саж. (СРНГ 4: 137).

35. ***Вереть***. То же, что веретить (СПГ 1: 85).

36. ***Веретешко*** 1. Деревянный стержень ручной мельницы. ***Веретешко*** 2. 1. Веретень (для пряжи). 2. Поперечная рейка, соединяющая оглобли ручной тележки, а также оглобли сохи. (СРНГ в.4. с.138). ***Веретешко*** 3. Веретено. (СПГ 1: 85).

37. ***Веретея*** «небольшой участок пахотной земли», др.-русск.. Связано с *вертеть*. Ср. *верста*. Первонач. «оборот плуга, длина борозды, в конце которой плуг поворачивает». Напротив Потебня (РФВБ, 126) предлагает менее интересное сравнение с лит.verti «нанизывать, продевать»; см. *верать, вереница* (Фасмер 1:397). ***Веретея, веретея, веретея***. 1. Возвышенное сухое место на низменности среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки и т.п. 2. Веретея. Поляна в лесу. 3. Веретея. Название разных угодий и частей леса, поля, холмов, гор, оврагов. 4. Веретея. Место сбора молодежи на улице (СРНГ 4: 138)

38. ***Веретийка***. *Уменьш.-ласк.*к веретия (СПГ 1: 85).

39. ***Веретина***. Подстилка для пола из грубого толстого холста (СРНГ 4: 139).

40. ***Веретия***. *Спец.* стержень, ось (СПГ 1: 85).

41. ***Веретник***. *Фолькл*. Сказочное существо, вампир (СРНГ 4: 140).

42. ***Веретно***. Железная вертикальная ось, на которой насажен мукомольный жернов (СРНГ 4: 140).

43. ***Веретье*** (веретьё). Грубый холст (ТСРЯ 1: 250). ***Веретье***. То же, что и веретия (СПГ 1: 85).

44. ***Веретяга***. Стержень кедровой шишки (СРНГ 4: 142).

45. ***Веретянка***. Ядовитая степная змея (СРНГ 4: 142).

46. ***Вереха***. 1. длинная толстая жердь. // Горизонт. Перекладина решетки, на кот-ой распол-ся виногр-е лозы. 2. Древко стрелы. 3. Часть рукава выше локтя, плечо. 4. Задняя часть сохи, дерев-й брус, немного изогнутый и раздвоив. Внизу., рассоха. 5. То же, что веретеха. 6. Сверло, бурав.

47. ***Верешливый*** – слишком разборчивый (СПГ 1: 85).

48. ***Вереюшки***. *Уменьш.-ласк*. к вереи; воротца (СРНГ 4: 145).

49. ***Верея*** «косяк, столб у дороги и у ворот», укр. верея «половинка, створка ворот», др.-русск. веръя, ст.-слав. веръга, словен. vepeja «дверной косяк», чеш. vereje, слвц. Veraj, польск. wierzeja, wierzaja. Ср. *верать, вереница*; см. также *завор* // Ср. оск. Verehia – «община», лат. aperio «открываю» и т.д. (Фасмер 1:298; ЭСРЯ 1:59). ***Верея 1***. Веревка. (СПГ 1: 85). ***Верея*** 2. *угол*. 1. Веревка. 2. Женщина легкого поведения (БСРЖ: 93). ***Верея*** 1. 1. косяк у дверей, ворот. 2. Толстый столб, поддерж-й крышу (сарая). 3. Балка, служащая поддержкой настила. 4. Столб с отверстиями для жердей в изгороди. 5. Стойка – вертикальная ось мотовила. 6. «Вращающийся вертикальный вал; вращающийся столб у полевых ворот; вращ-ся столб на пароме». 7. Крайний зуб в гребне. 8. Дверь (СРНГ 4: 145). ***Верея***. Столб, на кот-й что-л. навешивается, крепится. (СПГ 1: 85). ***Верея***. Один из столбов, на кот-е навешив-ся створки ворот (ТСРЯ 1: 251). ***Верея*** 3. 1. Возвыш-е сухое место на пойме. 2. Небольшой клин, полоса луга, поля, леса. 3. «Опасный провал в болоте» (СРНГ 4: 145). ***Верея, верейка*** ряз. веретья, непоемная гряда; род. природного вала, какие быв. на поймах, на луговой стороне реки. // Тагиб. Небольшой клин, полоса луга, поля, льса // общее: опорная точка, пятка, ось вращательного движения; столбы, на кот. навеш-ся полотенца ворот. (красныя верей) // Орл. крайний, толстый зуб гребня.

(Даль 1:181). ***Верея 4***. Быстроходная парусная шлюпка с острым носом и кормою (БАС: 175). ***Верея***. Небольшая лодка, *ямск*. (ТСРЯ 1: 251). ***Верея***. Вероятно, общеслов-е, имеющее параллели в некот-х и.-е. яз; др.-рус. верьга «запор, засов», укр. верея «воротный столб», польск. wirzeje «двустворчатые двери, ворота», чешск. verej «дверная створка, дверной косяк», словацк. veraj – мж., ст.-сл. верьга «засов», словенск. vereja «дверной косяк»; лит. vartai «дверь», лат. aperio (< ap – uerio) «открываю», осет. veru «ворота», др. –инд. vrtih «заьор, ограда», (см. Vasmer, I, 188; Walde, 50; SA, 328). Слово вербна образовано в общеслав. яз. От сущ. *verъ (ср. др. –рус. воръ «ограда – Срезневский, I, 305), вероятно, какое-то простейшее запирающее устройство», произведенного посредством темы Ъ – от *verti «связывать, запирать» (см. *завор, ворота, вериги, вервь*), с пом-ю суф. – ej – (ср. колея – дериват к коло) в знач. «запор, орудие для запирания» (см. Miklosixh, 381). См. также Горяев (1892, 20) и Преображенский (I, 75) (ЭСРЯ 1:59).

50. ***Вержа***. Круговые волны от брошенного в воду камня или др. предмета (СРНГ 4: 145).

51. ***Вержить***. Бросаться в глаза (СРНГ 4: 145).

52. ***Верзать*** 1. *угол., мол.* Испражняться (БСРЖ: 93). ***Верзать*** 2. 1. Изнашивать, таскать, драть платье. 2. Ерзать, неспокойно сидеть (СРНГ 4: 145).

53. ***Верзея***. 1. Пролом в изгороди. 2. Изгородь из лежащих кольев (огорожены выгоны, поля) (СРНГ 4: 146).

54. ***Верзи***. Лапти (СРНГ 4: 146).

55. ***Верзила***. Высокий, неуклюжий человек (БАС: 175).

56. ***Верзить*** 1. Свергать, поражать. ***Верзить*** 2. 1. Делать что-либо долго и бестолково. 2. Говорить вздор или что-либо неуместное. (СРНГ 4: 146). ***Верзить*** *угол. неод*. 1. делать что-л. длительное время без видимого результата. 2. Бредить. 3. Лгать. 4. Портить воздух (БСРЖ: 93).

57. ***Вери***. мн. «Возвышения, имеющие вид искусств-х валов и идущие по луговой стороне парал-о берегу» (СРНГ 4: 146).

58. ***Верига***. 1. Сор в зерновом хлебе. 2. Небольшой стог сена (СРНГ 4: 146).

59. ***Вериги***. Железные цепи, надевавшиеся на тело религ. фанатиками (Ожегов, 79). ***Вериги***. Железные цепи, оковы, надеваемые с аскетич. Цепями (церк.) //перен. всякое нравств. или душевное бремя (*кн*) (ТСРЯ 1: 251). ***Вериги***. Заимств. из ст.-сл. яз. В ст.-сл. яз. слово вернега (Срезневский, I, 245; Kurz, 180; SA, 150) образовано морфологич-ким путем посредством суф. – нга от глагола *verti «связывать» (см. *вервь, ворота, отворить*). Первоначально обозначало «цепь», потом «цепь, носимую подвижниками» и «кандалы». Совр. Форма слова вериги представляет собой по происхождению им. п. мн. ч. от верига, закрепление которого в качестве ед. формы связано с семантикой данного сущ – го, обозначающего составной предмет (ср. оковы, путы). Укр. вериги, бел. вярыгі, болг. верига, макед. верига, «цепь, горный хребет», с.-х. вериге, словенск. veriqa (ЭСРЯ 1:59).

60. ***Верки*** *Устар. воен.* Оборонительные постройки и укрепления в крепостях (БАС: 178).

61. ***Верник***. Веревка, тетива, идущая по кромке рыбол. снастей (СРНГ 4: 147).

62. ***Вернуть*** – *угол*. Инструмент для вскрытия сейфов (БСРЖ: 93). ***Вернуть***. Изменить направление, путь движения (СПГ 1: 85).

63. ***Верня***. 1. Непост. Человек. 2. О непоседливом человеке (СПГ 1: 86).

64. ***Верплюг***. Соединительный винт в инструменте, станке; вертлюг (СПГ 1: 86).

65. ***Верста*** (мера длины) общеслав.: др. – рус. вьрста, укр. верста, бел. вярста, польск. wiorsta, чешск. versta, болг. верста, с. –х. врста. Возникло лексико – семантическим путем на базе * vьrsta «расстояние от одного поворота до другого» (< «поворот плуга»), т.е. «длина, равная борозде, образуемой движением плуга от одного до другого поворота»; поскольку это расстояние было действительно большим, оно отразилось в обозначении данным словом меры длины с некоторым преувеличением(верста равняется 1,06 км.), промежуточным звеном к которому было значение «большое расстояние», ср. мерить

версты, за версту. К общеслав. *versta «длина борозды» восходятомонимичные с данным сущ. и в ряде языков фонетически несколько трансформировавшиеся след. Слова: др. – рус. вьрста «возраст, сверстник, чета», польск. warstva – мж., в. –луж. worsta, болг. връст «возраст», с. –х. врста «ряд, разряд, ровесник», словенск. vrsta «ряд». Общеславянск. *vьrsta «поворот плуга» имеет соответствия в лит. и др. –инд. vrttas «круглый», vrttam «круг»; образовано от того же корня *vьrt, что и *вертеть*, с пом – ю суф – *ta, с дальнейшим изменением tt>st. К этому же корню относят лат. versus «борозда, ряд», с чем не согласен Вальду и н. –перс. qird «круг» (ЭСРЯ 1:63; Черных 1: 143; Фасмер 1: 300). ***Верста*** 1. 1. Ряд, порядок; прямая черта; расположение в линию, гуськом. 2. Крайний ряд булыжной мостовой, по которой кладут и ровняют ост. Камни. 3. Ровня, пара кому-либо; под стать, под силу; под меру кому-либо. 4. Пора, возраст (СРНГ 4: 148) ***Верста***, ряд, порядок, линия, прямая черта, распол. В струнку, гусем. // Ровня, дружка, пара, чета, противень чему, что по стать, под лад, масть под меру. // путевая мера в 500 сажен //Верстовой столб // Верзила, болван. (Даль 1:171). ***Верста***. 1. На одной версте – близко др.к др., на небольшом расстоянии. 2. На седьмой версите – далеко (СПГ 1: 86). ***Верста***. 1. Старая русская мера длины, равн. 1,06 км. 2. Выкрашенный черно-белыми полосками дор. столб, отмечающий эту меру. (Ожегов, 79). ***Верста*** 2. Мелкий камень, щебень дресва (СРНГ 4: 148).

66. ***Верстак***. Специально оборуд. раб. Стол для столярной, слесарной или др. ручной работы. (Ожегов, 79)

67. ***Верстать*** (типографск.). Собств. русское. Возникло лексико – сем – м путем на базе глагола *верстать* «выравнивать, сравнивать» / > «разбивать отдельные части набора на равные полосы»), вероятно, общеслав. хар – а / рус. диал. верстать «ровнять», чешск. vrstviti «укладывать слоями», с. –х. врстати «располагать в порядке, выстраивать в ряд»), образованного с пом – ю суф. –ати от сущ. верста «ряд» (ЭСРЯ 1: 64; Фасмер 1:300). ***Верстать***. 1. Распределять, раскладывать м-у кем-либо. 2. Выравнивать, ровнять. 3. Приравнивать, сравнивать, ставить в один ряд. 4. Верстать дорогу. Разбивать на версты. 5. Отдавать замуж; женить. 6. Менять, променивать одно на другое. 7. Относить что-либо на счет кого-либо, засчитывать что-либо за кем-либо. 8. Мстить. 9. Делать что-л. руками. (СРНГ 4: 148). ***Верстать***. Равнять, сравнивать, ставить в один ряд (СПГ 1: 86).

68. ***Верстень***. Верста (мера длины); верстовой столб (СРНГ 4: 149).

69. ***Верстина***. Песок из разгоревшего камня, которым трут полы (СРНГ 4: 149).

70. ***Верстка***. Бусина (СРНГ 4: 149).

71. ***Верстник***. Маршрут, таблица, показ-я версты (СРНГ 4: 149).

72. ***Вертак***. – *мол*. Проигрыватель (БСРЖ: 93).

73. ***Вертануть***.1. Что. угол. Украсть что-л. 2. Кого на что. Обмануть, провести кого-л. (БСРЖ.: 93)

74. ***Вертаться***. Возвращаться (СПГ 1: 86).

75. ***Вертел***. 1. прут, на кот-м жарят огнем. Анат. То же, что и вертлюг (БАС: 190). ***Вертел***. Вероятно, собств. рус. Возникло лексико – семантич. Путем на базе *вертел* (<вертьлъ), вероятно, “какой-то вращающийся предмет”, являющегося общеслав. производным (укр. вертел «бурав, сверло»; анат., вертел», бел. вертлюг анат., чешск. vrtlak «волчок», в. –луж. wjercel «поворотный круг», болг. въртел «вертел», с. –х. vrtloq «водоворот») с помощью суф. – ьл от той же основы, что и *вертеть* (ЭСРЯ 1: 64; Черных 1: 143; Фасмер 1: 300).

76. ***Вертель***. Сверло, бурав (СРНГ 4: 135).

77. ***Вертельник*** 1. Камыш. ***Вертельник*** 2. Пиявка (СРНГ 4: 135).

78. ***Вертельница*** / Вертельник 1. 1. Корзина / короб для хран. веретен. 2. Род безногой, похожей на змею, ящерицы; медяница. 3. Перен. бранно о злой, коварной женщине (СРНГ 4: 135).

79. ***Вертень, веретень*** 1.Вертень гряда в огороде. 2. Веретень. Один из участков огорода, на кот-е он делится поперек гряд (СРНГ 4: 137).

80. ***Вертеп 1***. [црк. слав., первонач. пещера] 1. Притон, место разврата и прест. (*кн*). 2. Ящик с марионетками для предст-я драмы на евангельский сюжет о рожд. Хр-а. 3. Самое это представление (*театр., этногр*.) (ТСРЯ 1: 255). ***Вертеп***. 1. *уст*. пещера. 2. Притон, убежище продажных женщин, преступников. 3. *Уст*. ящик с кукольн. театром для предст-я сцен церк. – библ. сод-я. (БАС: 190). ***Вертеп 2***. 1. Большой овраг с непроход. Кустарн-м, лесом. 2. Возвышенность, холм с логами. 3. Карстовая поглощающая воронка, куда население отводит болотные воды для осушки земли (СРНГ 4: 151).

81. ***Вертеп 3***. *Угол*. Пересыльная тюрьма. (БСРЖ: 93). ***Вертеп***. Заимств. из ст. –слав. яз. Ст. –сл. вьртьпъ «сад, пещера» образовано от вьрть «сад» с пом – ю суф. – ьпъ – . Ст. –сл. вьртъ (ср. с. –х. врт «сад») имеет соответствия в некот. И. –е. яз. И предст. дериват от той же основы (*ver –), что и рус. *верея, вериги*, лит. verti «закрывать», с пом – ю суф. – t – . В основе семантики вьртъ лежит представление или о вьющихся деревьях сада, или о саде как месте укрытия, причем последнее д.б. быть у вьртъ хотя бы в качестве вторичного, откуда вьртьпъ «пещера», т.е. «место укрытия» (ЭСРЯ 1: 665; Черных 1: 144; Фасмер 1: 300).

82. ***Вертепа***. Крутая гора, покрытая густым, непроходимым лесом (СРНГ 4: 151).

83. ***Вертепыжина***. Впадина, образовавшееся от размыва водой, рытвина; ухаб на дороге (СРНГ 4: 151).

84. ***Вертеть***, вернуть, вертывать или верчивать что, кружить, вращать, приводить в круговое коловратное движение; крутить, обращать, оборачивать; // сверлить, буравить; // вернуть – воротить кого или возвратить. Верченый вят. вьтренный, вертопрах, непостоянный. Верченый, верченье, вертка, вертел, вертило, вертлюг – верея, навеска. Верть – выр. поворота (Даль 1: 182). ***Вертеть***. 1. Взбалтывая, взбивая(что-либо жидкое), превращать в сгущенную массу; сбивать. 2. Щипать во рту. 3. Безл. Тошнить. 4. Обманывать (СРНГ 4: 152). ***Вертеть***. 1. Кого –чего. Приводить в круговое движение. 2. Кого – что и чем. Крутя, поворачивать из стороны в сторону. 3. Перен., кем. Рспоряжаться по своей прихоти. 4. Что. Изготовлять, скручивая. (Ожегов, 79). ***Вертеть***. 1. На боку (…) дыру вертит. Кто-л.очень подвижен, чрезмерно; деятелен, оживлен. 2. Язык, нос вертит – жжет, боль. 3. Языком вертеть – пустословить. 4. Крути-верти – о беззаботной жизни (СПГ 1: 86). ***Вертеть***. 1. Приводить в круговое движение; вращать. 2. Кружить в танцах. 3. Двигать, поворачивать в разные стороны. 4. В простор. Лукавить, говорить лишнее. 5. Простор. Распоряжаться по своему усмотрению; командовать. 6. Сверлить, провертывать. (БАС: 191). обознач. Быстрый поворот движения (БАС: 191). ***Вертеть***. 1. *Угол*. Воровать. 2. Что. *Угол*. Отбирать, забирать у кого-л, что-л. 3. Угол. добиваться чего-л. обманным путем. 4. Угол. отвлекать вним. Жертвы. 5. Угол.убегать. 6. Что. Комп. Работать с вершинами в 3Д – объекте. (БСРЖ: 94). ***Вертеть***. 1. Что и чем. Вращать, приводить в кругов. движ. // Держа в руках поворачивать. 2. Переносн., кем – чем. Распоряжаться по своему усмотрению, произволу. (ТСРЯ 1: 255). ***Вертеть, верчу***. Укр. вертіти, ст. –слав. врытътн, врьшта (супр.) болг. вртя, сербохорв. вртjети, польск. wierciec, в. –луж. wjercic, н. –луж. wjerses. Др. ступени чередования представлены в *ворот, воротить, веретено*.// Родственны лит. verst – тоже, др. –прусск. wirst «становиться», wartint «обращать», лит. virsti «опрокидываться, становиться», гот. wairpan «становиться, лит verto, – ere «поворачивать, обращать, вертеть». Др. –инд. vartate «поворачиваться», vartayati «вращает» (Фасмер 1: 301; ЭСРЯ 1: 65; Черных 1: 144). ***Вертеть***. Общеслав. и. –е. хар-а: укр. вертіти, польск. wierciec, чеш. vrfeti, словацк. vrtiet, каш. vircec, в. –луж. wjercic, н. –луж. wjerses, болг. вртя, с. –х. вртети, словенск. vrteti; лит. versti «поворачивать», латышск. verst. гж, др. –прус. wirst «становиться», wartint «поворачивать», др. –инд. vartate «поворачивается», авест. varэt – мж, лат. verto – мж., гот. wair + an «становиться», др. –в. –нем. werdan «делаться, становиться». Восходит к и. –е. *uert – , представляющему распостранение и. –е. uer – (см. *верея, вериги, вервь*), (см. Преображенский, I, 77; Fick I, 131; Walde, 824; Vasmer, I, 190; Miklosich 384 – 385; Torp, 397; Bruckner, 617) (ЭСРЯ 1: 65).

85. ***Вертеться с ЭИ.*** *Угол. жр*. 1. Ловчить, изворачиваться, 2. Делать что – л. (БСРЖ: 94).
86. ***Вертеха*** 1. Лукавый, непрямодушный человек. ***Вертеха, вертеха***. 1. Вертеха. Вертушка в окне для очистки воздуха. 2. Вертеха «Детская мельничка», самодельный флюгер, вертушка. 3. Вертеха. «Завертка для запора двери, окна». 4. Вертеха. Личинка лягушки; головастик. 5. Вертеха. Озорной, бойкий ребенок, непоседа, шалун. 6. Непостоянный, легкомысленный человек; ветренник, ветреница, вертушка (СРНГ 4: 152). ***Вертеха*** 2, Прозвище. (СРНГ 4: 153).
87. ***Вертильщик.*** *Угол*. Человек, ворующий ручную кладь (БСРЖ: 94).
88. ***Вертка***. 1. Сверло; бурав. (Вертло). 2. Конусообразная яма, вырываемая для печи. 3. Различная по хар-у работа, выполняемая одним лицом в теч. раб. дня без передышки, требующая большого напряжения сил, проворства и ловкости (СРНГ 4: 153).
89. ***Вертко***. Быстро, скоро (СРНГ 4: 153).
90. ***Вертлюг***. Восточнославянское: укр. вертлюг, бел. вертлюг. Образовано от сущ. вьртьлъ (см. *вертел*) при помощи суф. –юг (ср. овсюг) в знач. «вращающийся стержень». Имело однокорневые синонимы: вертлуг, вертлига, в рус. яз. утраченное. В дальнейшем стало выступать как термин, обозначая предметы, в основе кот –х лежит принцип вращения (ЭСРЯ 1: 66).
91. ***Вертлюга.*** *Угол*. 1. Голова. 2. Шея (БСРЖ: 94)
92. ***Вертни***. Берестяные лапти (СРНГ 4: 154).
93. ***Вертом***. Винтом; винтообразно (СРНГ 4: 154).
94. ***Вертопрах***, кроме р.я., известно только в укр. диал. Этимология неясна. Обычно расм – ся как сложение двух основ: глагольной верт (см. *вертеть*) и прах «пыль» (ЭСРЯ 1: 67).
95. ***Вертоха***. Легкомысленный, ветренный, непостоянный человек, вертушка (СРНГ 4: 154). ***Вертоха***. Легкомысленный, пустой человек (СПГ 1: 87).
96. ***Вертун***. 1. Ручное сверло, коловорот. 2. Круглое, неудобное для колки полено. 3. Маленький налим. 4. Хвост у коровы, кошки. 5. Кулик. 6. Болезнь овец(вертячка). 7. Суетливый человек. 8. Легкомысленный, ветренный, непостоянный человек (СРНГ 4: 155). ***Вертун.*** *Угол*. 1. Коловорот, бур, дрель. 2. Также жрр. Шофер. 3. Вор, крадущий с прилавка под видом покупателя (БСРЖ: 94).
97. ***Вертухало***. 1. Вор, совершающий кражи на глазах окружающих. 2. *Презр*. Человек, верующий у своих (БСРЖ: 94).
98. ***Вертухаться.*** *Угол. арест*. Возражать, сопротивляться (БСРЖ: 94).
99. ***Вертушка.*** 1. *Мол*. проигрыватель. 2. *Арм*. Ветолет. 3. *Ком*. Встроен. вентилятор. 4. *Жр*. Правит. Телефон 5. *Карт*. Игральная карта, имеющая с одной стороны карт валета, с другой – дамы (БСРЖ: 94).
100. ***Вертушок***. Шулерский прием в картежной игре (БСРЖ: 94).
101. ***Верть*** (глагольное междометие). Вероятно восточно-славянское: укр. верть. Объясняется как производное, возникшее мифолого – синтаксич-м путем: по происхождению является, по мнен. Шахматова, формой простого аориста. Но, м.б., верть появилось по аналогии с междом. пипа *лоп (откуда лопать), бряк (откуда брякать) и представляет, таким обр., обратное образование от *вертеть*. (ЭСРЯ 1: 67). ***Верть.*** (*простореч*) Упор. в знач. сказуемого: быстро повернул (ТСРЯ 1: 255).
102. ***Вертюг***. 1. Метал.дет.ошейника, за кот-ю привяз. Веревку, вертлюг. 2. Закрученный валок сена (СПГ 1: 84).
103. ***Верцать***. Вязать (СПГ 1: 84).
104. ***Верченый***. 1. Скрученный в трубочку. 2. Пропущенный ч-з мясорубку (СПГ 1: 88).
105. ***Верша***, мн. ч. ***вериги***, др. русск., ст. – слав. ВЕРНГА, болг. верига, сербохорв. вершина, словен. veriqa. Связанно с ***верать «совать»***, ср. – лит. verti, veriu «открывать, закрывать», лтш. vert, греч. «связываю». См. также *вереница* (Фасмер 1: 209; ЭСРЯ 1:59; ЧЕРНЫХ 1:143).

106. ***Веры***.I Др. –русск. вьрвь «веревка», ст. –слав. ВРЪВЬ, словен. vrv, др. –чеш. vrv// Родственно лит. virve; вин. П. Virve «веревка». Подробно см. *веревка*. Сюда же верва «проволока», ононецк. (Фасмер 1: 294; ЭСРЯ 1: 56; Черных 1: 142).

107. ***Вор*** I «грабитель, мошенник». Скорее всего, связано с ***вру, врать***. Сюда же стар. Русск. воровать «прелюбодействовать», воровской «обманный, мошеннический», далее заворуй «наглый плут». Из прусск. заимств. фин. vora, voro «разбойник». С вор сопоставляли также проворный; ср. также диал. воровой «удалой, бойкий, проворный», олонецк., которое, однако, скорее связано с болг. провирам «просовывать, вставлять», лтш. veru, vert «бежать» (Фасмер 1:350). ***Вор*** II, вора ж. «забор, ограда», диал. также «осмотр рыболовного садка», арханг. (Подв.), др.–русск. воръм, вораж – тоже (Срезн.) связано с *верать* (см.) лит. varas «жердь в заборе, ограде», apivaras «загон», гот. warjan «препятствовать», оск. veru им. п.мн.ч. «дверь», см.еще *вар, ворок, обора* (Фасмер 1: 350). ***Вор***. 1. *Угол*. рецидевист, соблюд-й воровские законы. 2. *Шутл. – ирон.* 2. *Морск*. курс.нач.столов. 3. *арм*.каптерщик. 4. *Арм*. Солдат в наряде по кухне (БСРЖ: 106).

108. ***Ворба, Ворбы*** 2. 1. Орудие для сматывания пряжи, предст. собой горизонт-ю крестовину из дерев. планок, укрепл.на дерев. стойке; на концах планок имеются круглые отверстия для веретен; мотовило. 2. Прен. Руки (СПГ 1: 118).

109. ***Ворка*** «тонкая веревка, вкладываемая в рот норовистой лошади для ее взнуздывания». См. *верать, вереть, обора (*Фасмер 1:351).

110. ***Ворковать*** – воровать (*шутл*.) (БСРЖ: 106).

111. ***Вороба*** «вид циркуля», ворбы мн., приспособление для размотки пряжи», бороб «мотовило» // Исконнородственно др.–прусск. arwarbs «дорога, оселина(у повозки)», лтм. virba. «полоса железа; деревянный прут», ***лат. verbera «розги***», др.–исл. varp, д.–в.–н. warf «основа ткани», др.–шв. voerple м., voerpla ж. «бечевка, веревка», ***verpa «бросать, навивать основу ткани».*** Потебня приводит сравнение с лит. verpiu, verpti «прясть» (Фасмер 1:351). ***Вороба*** 1. Приспособление в виде дерев.болванки цилиндр-ой формы с рукоятью, служащей для наматывания каната с якорем; род лебедки (СПГ 1: 118). ***Вороба***. Циркуль, разножка, кружало; снаряд у каменьшиков, для очертания кругов, окружностей: доска, ходящая кругом на гшвозде, шпеньке // Снарядец для поверки правильности установки жерновов. тмб. воробка ж.вор. снаряд для размота пряжи (Даль 1: 242).

112. ***Воровайка*** *угол*. 1. Молодой начинающий вор. 2. Женщина – воровка. 3. Веревка (БСРЖ: 107).

113. ***Воровать***. Воровывать что стар. мошенничать, плутовать, обманывать // ныне: красть, похищать чужое (Даль 1: 242).

114. ***Воровик***. Быстрее, проворнее (СПГ 1: 119).

115. ***Воровина***. Востп. веревка, вервь, вервье, кстр.ужище, орн.аркан // вят. сапожн. Дратва. (Даль 1:243). ***Воровина***. Прочная, толстая веревка, сделанная из льна (СПГ 1: 118).

116. ***Ворово***. Быстро (СПГ 1: 118).

117. ***Воровой***. Сделанный из льна, конопли и просмоленный (СПГ 1: 118).

118. ***Воровски*** нар.плутовски, мошеннич-и, бесчестно, обманом; // тайком, украдкою, скрытно (Даль 1: 242).

119. ***Воровый*** сев.вост.(от воръ? Варъ?) проворный, быстрый, скорый, прыткий, бойкий, засторопный, ловкий, живой, поворотливый. ***Воровый***. Воровеный, веревочный, вервяной, витой пеньковый (Даль 1: 242-243).

120. ***Ворогуш(х)а***. Стар.ворожея // ныне: злоумышленница, злодейка. // Лихорадка, лихоманка; одна из сестер иродовых, посл-х на муку человеку, в в виде благого ночного мотылька, кот-й, садясь сонному на губы, приносил лихорадку. (Орл.) (Даль 1: 243).

121. ***Ворожбить***, ворожец, ворожбайка, ворожейка, ворожка, ворожея (Даль 1: 243).

122. ***Ворожить*** – заговаривть, пускать на кого-либо. порчу, заговор; // Лечить, пользовать от болезни // лечится у знахарки (Даль 1: 243). ***Ворожить, ворожу***, укр.

«ворожити», др.-русск. ворожити, болг. вража «колдую» // По–видимому, от *воры*. Сомнительно сравнение с др.–инд. valaqas «тайные чары», а также с лит. raqana «колдунья, ведьма», reqeti «видеть». [Вайан (RES 35, 1958. С 93 и сл) объясняет ворожить как производное от **ворожа**., ср. др. –польск. Wroza "жеребьевка", ***врЬшти «бросить»]*** (Фасмер 1: 353).

123. ***Ворок, ворак*** «хлев» ю.–в.–р. ворок – тоже смол. от *вор II, верать, завереть, завор* (Фасмер 1: 353).

124. ***Воропо*** – *угол. устар.* Грабеж, разбойное нападение (БСРЖ: 107). ***Воропо***. Стар.налет, набег, натиск, нападенье // Воропъ Воропье мн.(одно сл. с воробы) навой баран, бочка, ворот, стоячий(шп) или лежачий вал с рычагами, для таски, подъема чего.б (Даль 1: 245). ***Воропо***, др. –русск. воропъ, наворопъ «налет, нападение, ограбление», ***вырпу, вырпсти «рвать***, грабить», изслав. наврапъ «грабеж, добыча», польск. nawropuc na koqo «гнваться, сердиться», сербохорв. врпольити се «беспокоиться». // Возм., сюда же лат. perens, – ntis «внезапный, неожиданный». Потебня сближает с лит. verpiu, verpti «прясть», лат. verpt «прясть, вертеть» (Фасмер 1: 354). ***Воропо***. Слово арап.в совр.арго неодобрит-о характеризует наглого, дерзкого человека или аферист а, мошенника. На первый взгляд, перед нами типичный не только для арго, но и для живой речи вообще метафорич-й перенос негат.оценки на «чужого», «инородца». Хотя фонетически слова араб и арап.действ-но близки, а «этнонимическое» их значение тоже может быть тождеств-м, арготическое слово след.отделить от просторечного арап «арап». Их объедин-ю в одной этимологич-ой цепочке препятст-т наличие целого ряда арготическо-просторечных форм идиом, знач.кот-х соверш. не вытекает из «этнонимического» смысла слова арап. Некот.из таких выраж.были. дост-о эпизодичны. Напр., <u>взойти на арапа</u> куда – вступить в какую – л. организацию путем грубого обмана, нагло кот-е было известно в жарг.молодежи 20^{x} гг. Др. обороты, напр., <u>брать / взять на арапа кого</u> – действовать по отношению к кому-л. нагло, дерзко, применяя грубый нажим, пытаться кого –л. обмануть, перехитрить (обычно – грубыми, наглыми способами), (делать что-то, действовать) <u>на арапа</u> (неодобр.) – действовать нагло, грубо, применяя насилие, – действовать непродуманно, наобум, на авось или <u>арапа заправлять (запускать) кому</u> (неодобр.) – обманывать, дурачить кого-л., не только до сих пор активно употр. в арго, но и давно уже стали динамической частью идиоматики, употребляемой многими писателями. Разнообразие их семантики, действительно, в жаргоне и сейчас гораздо более полифонично, что свид.в пользу диахронического приоритета именно арготической сферы. Так <u>заправлять арапа</u> [кому] имеет, по данным разных арготич. Словарей, шесть знач.: 1. Обманывать, дурачить кого-л. 2. Рассказывать небылицы, лгать убеждать в чем-л. неправдоподобное. 3. Карт. Умышл. проигышем разжечь азарт у жертвы (действия шулера). 4. Карт. Не уплачивать кому-л.проигр. в карты суммы. 5. Арг.платить кому-л.фалишивыми деньгами. 6. Не возвр. кому-л. долг. Лишь первые два просторечия этого оборота «пробились» в просторечие и зафиксированы у писателей. Искус связывать его с арап – араб достаточно велик. Но даже поддаваясь ему, этимологи оговаривают приэтом сложность семантич. перехода, прибегая к гипотезам о заимств. и контаминации. Данное выражение нельзя отрывать от уже названной серии др.оборотов с компонентом <u>арап</u>., июо для всех ихимеется общий семантич. множитель – «грубый, наглый обман». Их происхождение тесно связано с историей фразеологизма <u>брать на арапа</u>, восходящего к древнерус. термину <u>поустити на воропъ</u> – «отправить в стремительный полет, набег с разведыв-и целями». Др. –рус. вороп (чаще – навороп, наворопъ, наврапъ) встречается в летописях в значениях «налет, нападение, грубый и неожиданный натиск», «наглый грабеж», «насилие и сила», «добыча, полученная путем грабежа». Военное значение слов навропъ, наврапъ – «разъезд», «разведыват-й отряд» – тесно связаны с др. –рус.воропъ – «налет, нападение». Забвение этого рус.слова вело к его искажению даже монастырскими писцами (ср. «яма язык въ воротцьхъ» вм.въ воропцех(ъ) в Ипать летоп.). в разговорной речи они ирансформировались в <u>на арапа</u> и <u>на</u>

шарап, а также привели к созданию выражения арапа заправлять (запускать). Поразительно при этом, что это древнее слово сохр.именно в совр.арго – ср.ворп – «грабеж, разбойное нападение», воропай (устар.арг) – грабитель (ББ: 48). Др. –рус воропь восходит к народн.рем.терм. вороб, вороба, воробы – «орудие для разматывания и наматывания ниток, пряжи в виде крестовины и вращающихся дерев.планок, укрепленных горизонт.в стойке». Известному в диалектах и сейчас и имеющему соотв.в лит., лат., др.рус.,древнейшем яз. С быстрым круговым вращением воробов в народе связано устойчивое представление о внимательном и зорком бегающем взгляде (диал.глаза как на воробах у кого – «о чьих-л. глядящих во все стороны», «внимательных и зорких глазах»). Это народное сравнение могло стать источником др. –рус. поустити на воропъ: быть [какИ на воробе первоначально значило «находиться в постоянной боевой готовности, быть настороже, начеку». От него – прямая семантическая линия развития и к древнерусскому воен. Термину, и к просторечным и жаргонным оборотам брать/взять на арапа, взойти на арапа, взять на шарп. (Мокиенко 1975: 162,167; ИЭСВЖ 2000).

125. ***Воропай*** – постоянное определение жениха и коровая. Связано с *ворон*, как голодай – и голод (Фасмер 1: 354). ***Воропай.*** *Угол.уст.* Грабитель (БСРЖ: 107).

126. ***Ворот*** – вал на оси, новой, обращаемый колесом с рукоятью (Даль 1:245). ***Ворот*** (мех) Общеславянское: укр. ворот «вал, ось», польск. wrot «действие поворачивания», н. –луж. wrot «поворот», ст. –сл. вратъ «приспособление для пыток, для перелома костей». Восходит к праслав* vort – «вертеть, поворачивать» см. *ворочать* (ЭСРЯ 1: 167). ***Ворот*** (одежды). Собств. рус.. В перв. встреч. под 1589г. Описан. Платья Б.Годунова. Образовалось лексико – семант. Способом словообразования на базе ворот «шея», общеслав. по хар – у (др. –русск. воратъ, бел. ворот «отверстие мешка», чешск. vrat, ст. –сл. вратъ, болг. врат, словенск. vrat; см. родств. им. н. –перс. qardan «шея»< * vartana –) и производного от глагола *вертеть*. Отсюда буквальное значение слова «то, что вращается, поворачивается». См. *ворот (мех), вертеть* (Фасмер 1: 354; ЭСРЯ 1: 167; Черных 1: 167). ***Ворот*** 1. Часть одежды вокруг шеи, обычно с разрезом на груди (Ожегов: 101). ***Ворот*** 2. Шея; нижняя часть шеи (СРНГ 5: 117). ***Ворот*** 3. 1. Орудие для разматывания ниток, пряжи; род воробов: Пееясл., Влад..1849. 2. Дышло в конной молотилке. 3. Бревно, с пом-ю кот-го ветр. мельница поворачивается навстречу ветру. 4. Вертик-я ось с рычагами, устан-я на плоту или на берегу, для протаск-я «кошеля» сплавной древесины по озеру. (Новг) (СРНГ 5: 118). 5. ***Ворот***. Простейшая грузоподъемная машина – горизонт-й вал, на кот. наматывается трос с грузом. (Ожегов: 101). ***Ворот*** 4. Продольное отверстие в борти (улье), ч-з кот-е борть вытесывается изнутри (СРНГ 5: 118). ***Ворот*** 5. Вывернутое наизнанку платье Яросл., Ряз., Волог. (СРНГ 5: 118). ***Ворот*** 6. Поворот реки, излучина, изгиб. Арх. (СРНГ 5: 118). ***Ворот*** 7. Пляска, исполняемая четырьмя или шестью парами. Пск. (СРНГ 5: 118). ***Ворот, Вороть*** 1. Возвращение, возврат (СРНГ 5: 118). ***Ворот***, укр. ворот, др.–русск. воротъ «шея», ст. –слав. вратъ, болг. врат, сербохорв. врат, словен. vrat, чеш. vrat, польск. wrot, в. –луж. wrot «поворот». Связанно с чередованием гласных с *вертеть*. Ср. в семантич. Отношении нем. Hals «шея», лат. collum – тоже, от «вращать» (Фасмер 1: 354; Черных 1: 167; ЭСРЯ 1: 67).

127. ***Ворота***, народн. Ворота, укр. ворота, блр. вороты, др. –русск. ворота, ст. –слав. врата, болг. врата, сербохорв. врата, словен. vrata, чеш. vrata, польск. wrota, в. –луж. wrota, н. –луж. rota: // Исконнородственно лит. vartai мн., др. –прусск. warto «дверь», лтш. varti, англос. weord, word «ограда дома, двор, улица», алб. vathe «ограда, двор, загон, овчарня», мохар. Bwarto, warto «сад, роща», др. –инд. vrtis ж. «забор, ограда», далее, см. *вор II, верать* (Фасмер 1: 354; ЭСРЯ 1: 168; Черных 1:167).

128. ***Ворота***. Общеслав. и. –е. хар-ка: др. –рус. ворота, укр. ворота, бел. вароты, польск. vrota, чешск. vrata, словацк. vrata, каш. varta, в. –луж. wrota, н. –луж. rota, ст. –сл. врата, болг. врата «дверь», с. –х. врата «двери», словенск. vrata, лит. vartai, латышск. varti, др. –прус. warto «наружная дверь», мохар. Bwarto, warto «сад», др. –инд. vrtis «забор»

(Walde – Pokorhy, I, 280 – 281; Vasmer, I, 229 – 230) Праслав. *vorta (pluralia tantum neutra) образовано с помощью суф. – t – от той же основы, что и др. –рус. връ «ограда, забор», являющегося дериватом от глагола *verti, сохранившегося в ст. –сл. врьтн «запирать» (ср. лит. verti) с обычной для такого словообразоват-го типа перегласовкой е/о (к этому см. Vasmer, V, 229 – 230; Machek, 574; Кр ЭС, 67; Преображенский, I, 97; Bruckner, 633 – 634). *verti восходит к и. –е. *uer – «запирать» (Fraenkel, Afslph, 1925, XXXIX, 71; Walde – Pokorni, I, 280 – 281; Buck 466 – 467); – t – явл-ся суффиксальным эл-м и в других и. –е. яз. (ср. его отсутствие в умбр. ueres «ворота», окск. veru). (Specht, 92; Кузнецов Чередования, 38) (ЭСРЯ 1:168).

129. ***Ворота***. Приспособление для нкруч-я катушки невода; ворот. Калинин. (СРНГ 5: 119). ***Ворота, ворота, вороты,*** 1. Входная дверь с крыльца в избу, в сени.(арх). /..В старину двери были особого устройства. Вм. Жел. Петель, внизу была дерев. пята, а вверху такой же шип, оба в виде кругл. дерев. стержней. Дверь на шипе и повор-ся (вроцалась) при открытии, отсюда название – «ворота») Арх., Волог., Терск. 2. Калитка. 3. Пприспособл-е для ловли семги, наваги, камбалы, напр-ся, что завеска (Беломор.). 4. Широкий пролив. Пск. 5. Узкий проход из одного болотистого места мшистого места в другое. Арх. 6. Узкие участки долины – ущелья, ч-з кот-е прорыв-ся река. Сиб. 7. Проход, кот-ый образуют участники игры «косая огорода». Арх. 8. Промежутки м-у спицами колеса. 9. Углубления, проделанные на концах колоды, из кот-ой выдалбл-ся лодка. Свердл. (СРНГ 5: 118). ***Ворота***. (от воротить, ворочать) // Стержень, глубь, коренная, форватер. // Створа, притвора, полотенца, половички, кот-и проем закрывается. // горн. ворохъ угольная куча. // иногда фортка, в окне // (Даль 1: 245). ***Ворота***. 1. проезд внутрь строения или за ограду, закрываемый широкими створами, а т.ж. сами эти створы. 2. В разных спорт.играх; воткнутая в землю дужка или два столба с перекладиной, заграждение с сеткой – место, куда забрасывают мячь, шайбу, загоняют шар. (Ожегов: 101). ***Ворота.*** 1. Проезд, запираемый створами // створы. 2. Место вхождения нервов и кровеносных сосудов (в како-н. орган) и выхода из него вен и лимф.сосудов (анаст) (ТСРЯ 1: 366). ***Ворота***. 1. Угол.окошечко в двери камеры. 2. Угол.форточка. 3. Жр. Рот. 4. Мол.угол.шутл – ир.женские гениталии; влагалище. 5. Жрр. Шутл. Ширинка, гульфик (БСРЖ: 107).

130. ***Воротец***. Поворот (СПГ 1: 120).

131. ***Воротило 1*** – большой рычаг; мельничный хвост, рычаг, бревно, кот-м ворочают мельницу к ветру (Даль 1:245). ***Воротило*** 2. 1. Распорядитель в свою пользу в обществ. Деле. 2. Упрямец, самовольник. 3. Невежа. 4. Тот, кто любит ругаться, сквернослов. 5. Врун (СРНГ 5: 119). ***Воротило*** 3. Шест с ручками на конце, с пом-ю кот-го подхватываются веревки невода. (Костром.) (СРНГ 5: 120).

132. ***Воротина***. Подвижно прикрепленная, закрывающаяся и открывающаяся часть ворот; отворот (СПГ 1: 120).

133. ***Воротить*** (кого-нибудь). Общеславянское и.–е. хар-а: др.–рус. воротити «возвратить, отдать назад», польск, wrocic, чешск. vratiti, словацк. vratiti; в.–луж. wrocic, н.–луж. wrosis, ст.-сл. вратнтн, болг. вратя, с.-х. вратити, словен. vratiti; лит. vartyti «поворачивать», латышск. vartit «катать», др.–инд. vartayati «вертит, вращает», авест. vardt – «поворачиваться», лат. verto «поворачиваю, сюда же относят гот. frawardjan, др. – в.–нем. farwarten «портить» – восходят к и.–е. *uert – «вертеть; поворачивать» Общеслав. * vortiti родственно представленному в др. огласовке * vrъteti «*вертеть*». См. Вертеть, верста (ЭСРЯ 1: 168; Фасмер 1: 355). ***Воротить*** 1, 1. Выполнять какую-либо тяж. работу; делать что-либо с напряжением, с силой с усердием. 2. Воротить сено. Ворочать, переворачивать сено. 3. Делать что-либо неаккуратно, без старания // Нарезать, накладывать (в тарелку) что-либо очень много, большее, чем нужно. 4. Сваливать вину на кого-либо. 5. Думать, рассчитывать на кого-, что – либо. 6. Сильно и долго бить, колотить кого-л. (СРНГ 5: 120). ***Воротить*** 1. То же, что вернуть. (Ожегов: 101). ***Воротить*** 2. 1. Воротить от смерти кого – либо. Спасти от смерти. 2. Оправдать. 3. По

суеверным представлениям – превратить с помощью колдовства в кого-либо; оборотить. 4. Отомстить, отплатить (СРНГ 5: 120). ***Воротить*** 2. Проворачивать, отворачивать. (Ожегов: 101). ***Воротить*** 3. Тянуть невод с помощью ворота и «бабны». Накручивать на ворот неводной канат (СРНГ 5: 121).

134. ***Воротиться, воротиться***. 1. Вращаться; поворачиваться. 2. Отворачиваться, поворачиваться в сторону (СРНГ 5: 121). ***Воротиться***. 1. Направиться, устремиться, обратиться на кого-либо, что-либо. 2. Превратиться в кого -, что–л. (СРНГ 5: 121).

135. ***Воротка***. 1. Калитка. 2. Форточка (СРНГ 5: 121).

136. ***Воротки*** 1. Всякий проход или разводной поем. 2. Ворота. 3. Место соединения концов обода колеса. (СРНГ в.5. с.121). ***Воротки, воротца*** – всякий проход и разводной проем (Даль 1: 245). ***Воротки*** 2. Воротник, ворот (СРНГ 5: 121).

137. ***Воротни***. Два бревна, скрепл. Под углом, с помощью кот-х повор-ся ветр. мельница (СРНГ 5: 121).

138. ***Воротник*** 1. Калитка, дверь возле ворот (СРНГ 5: 121). ***Воротник*** 2. 1. Тот, кто открывает ворота впоскотину. 2. Сторож на почтовой дороге (СРНГ 5: 121). ***Воротник*** 3. Платок, галстук, носимый на шее (СРНГ 5: 122). ***Воротник*** – часть одежды вокруг шеи (Даль 1: 245). ***Воротник***. Часть одежды, пришивается или пристегивается к вороту. (ТСРЯ 1: 366).

139. ***Воротня***. Железный инструмент для выдалбливания бадей (СРНГ 5: 123).

140. ***Воротца***. Дверь из сеней на улицу (СПГ 1: 120).

141. ***Вороть***. Водоворот (СРНГ 5: 124).

142. ***Воротяшка***. Спец. Простейшая грузоподъемная машина, сост. из вала с рукояткой, на кот. наматыв-ся канат или цепь (СПГ 1: 120).

143. ***Ворох*** 1. 1. Груда, куча обмолоч. Зерна. 2. Груда, куча снопов, сена, соломы и т.п. 3. куча, сугроб. 4. Муравейник (СРНГ 5: 124). ***Ворох***. Куча, груда. В тряпье в. Бумаг. (Ожегов: 101). ***Ворох*** 2. Мешок, кот. вешается над горящей лучиной во избежагние копоти (СРНГ 5: 125).

144. ***Вороха***. Угол. Девушка (БСРЖ: 107).

145. ***Вороча*** – арх. Бучало, водоворот под мельничным колесом (Даль 1: 245).

146. ***Ворочать 1***. 1. Кого-что. Перевертывая, шевелить, двигать. 2. Чем. Распоряжаться, управлять. (Ожегов: 101). ***Ворочать, воротить, ворачивать*** что или чем. поворачивать, сворачивать; вертеть с боку на бок, перекладывать; вращать, вертеть кругом (Даль 1: 245). ***Ворочать 2***. 1. В чем одобр. Знать понимать, разбираться в чем – л. 2. Угол. Воровать. (БСРЖ: 107). ***Ворочать***. Экспр. Воровать (СПГ 1: 120).

147. ***Вороченный*** – угол. краденный (БСРЖ: 107).

148. ***Ворошить***, ол. Ворохать, кур. Ворошить; ворохнуть; что ворочать, трогать, шевелить, копаться или рыться в чем – либо // молотить лошадьми (Даль 1: 246). ***Ворошить***. 1. Трогая, касаясь, шевеля кого-либо, беспокоить, мешать, тревожить. 2. Переворачивая обмолоченное зерно, очищать от колосьев или сушить. 3. Взбивая, теребя, делать пушистым, мягким. 4. Молотить с пом-ю лошадей, связ-х др. с др., гоняя их по кругу. 5. Сбивать масло из сметаны мутовкой. 6. Сгребать, складывать в ворох, в кучу (СРНГ 5: 127).

149. ***Ворошной; Ворошный*** – угол. отбывающий наказание (БСРЖ: 107).

150. ***Вортушка***. Небольшой ворот (простейшая грузоподъемная машина) (СРНГ 5: 124).

151. ***Воръ*** стар. мошенник, бездельник, обманьшик; изменник; разбойник. // ныне тайный хишник; // хитрый, лживый, лукавый человек. // Кстр., влгд. офеня, коробейник; разносчик, плутоватый торгаш (Даль 1: 242).

152. ***Воры 1***. Враг, недруг, неприятель // Орл. знахарь, колдун (Даль 1: 243). ***Воры 2***. Запоры, засовы, жерди, преграждающие вход куда-либо. «Заворы, забойка, полова». (СРНГ 5: 129).

153. ***Ворыхан***. Офен. Петух (БСРЖ: 107).

154. ***Ворыханка*** – курица (БСРЖ: 107).
155. ***Враг***. Врагуша, ворог, ворогуша – противник, неприятель, супостат, недоброжелатель, злорадец (Даль 1: 258).
156. ***Вражить*** – приносить вред, зло (Даль 1: 243).
157. ***Врать, вирать*** что; ол. вирать (вираю, вру); арх. вираться(что ты вираешься); смл. вирзать, верзить и верзти; лгать, обманывать, верзить и верзти; лгать, обманывать словаим, облыжничать, говорить неправду; пустословить молоть языком; хвастать. (Даль 1: 259).
158. ***Вращать***. Заимств. из ст.–сл. яз. Ст.–слав. врашати является интеративом к вратити, который в возвр. форме вратнтн са отличается уже в Остромировом евангелие 1056г. см. *вертеть, ворочать* (ЭСРЯ 1: 193; Черных 1: 170; Фасмер 1: 361).
159. ***Времем***. Иногда, со временем (СПГ 1: 125).
160. ***Временной***. 1. начинающий стареть, немолодой. 2. Молодой, нестарый. 3. Новый (СПГ 1: 125).
161. ***Время 1***. 1. Длительность бытия // Это форма бытия, измеряемая секндами, минутами, днями, годами, как мера длит-ти всего совершающегося. // последов-я смена часов, дней, лет, столетий и т.п.; опред-й отрезок этой посл-ти, в теч-е кот-го что-н. совершается или что-н. может быть совершено. 2. Определенный, известный момент. 3. Эпоха, период. 4. Пора дня, года. 5. Более или менее длит-я совок-ть дней, часов. 6. Благоприятная пора, подходящий момент, удобный случай. 7. Досуг, свободное время. 8. Форма глагола (ТСРЯ 1: 395). ***Време***. 1. Большое време. Значит.промежуток времени; долго. 2. В некое време – Быстро. 3. Дикое време – тяжелое, безвременье. 4. Молочное врее – пост. 5. На време – про запас 6. Не во време – рано 7. Време вышло – наступл.благопр.поры 7. Простое време – Будний день 8. Со времен – иногда. 9. На временах – недавно (СПГ 1: 125). ***Время***. 1. Одна из форм существования бесконечно разв-ея материи – последов-я смена ее явлений и состояний. 2. Продолжит-ть, длит-ть чего-н. измеряемая секундами, минутами, часами. 3. Промежуток той или иной длительности, в кот-ый соверш. Что-н.,последоват-я смена часов, дней, лет. 4. Определ. Момент, в кот. происх-т что-н. 5. (мн. в одном знач. с ед.) Период, эпоха. 6. Пора дня, года. 7. В знач. сказ., с неопр. Подходящий удобный срок, благоприяьный момент. 8. Период или момент, не занятый чем-н., свободной от чего-н. 9 В грамматике; категория глаг. 10. Времен. Кого – чего, в знач. предлога с Род. п. В период, во время существов-я кого чего-н. (Ожегов: 107). ***Время***. Время, времени, времяни и времмя, ср. 1. Время, пора 2. Менгструация (Ефрем., Богород., Тул.) 3. Болезнь скота. Васил. Нижегород., Доброл. 4. Счастье, довольство, достаток, благосостояние, благополучие. 5. Время, нареч. Давно (СРНГ 5: 192).
162. ***Время 2***. Угол. 1. Часы. 2. Деньги (БСРЖ: 109). ***Время***, замств. Из ст.–сл. яз. Ст.–сл. ВРЬМА «время, пора, погода» (SA, 154; Дьяченко, 101) образовано с пом-ю суф. –мен (>рус. Мя) от той же основы *vert – (ср. др.–инд. vartma «путь, колея»), что и *вертеть* (см.); таким обр., первонач-е знач. – «нечто вращающееся» или «нечто возвращающееся в прежнее положение». (Черных. Очерк. 156 – 137). Общеслав. Vertmen > vermen (в рез-те упрощения групп согласных и выпадения t) получило отраж. Во всех слав. яз.: др.–рус. веремя, укр. Врема (устар), уремня (Гринченко), веремя (Тмченко), верем а «хорошая погода (Гринченко), бел. вереме (Носович), ст.–польск. wrzemie(Bruckner), ст. –сл. brьма (Младенов), болг. време, макед. Время, с.–х. време, вријеме (Преображенский), словенск. vreme. Чешск. vreme – из рус. яз. (Лима, 33). Сохранилось лишь в вост.–слав. и южнослав. яз., причем в р. я. др.– рус. веремя было вытеснено ст. –сл. формой время. См. Преображенский, I, 101.; Uhlendeck, 275; Trautmann, 354 – 355; Meue., 113; Bruchner, I, 235, КрЭС, 69. Менее вероятна возможность сравнения общеслав. *vertmen с др.–инд. variman – «даль, объем» (Miklosich, 384) или со словами *вереница, вериш* (см.) (Zubaty, Afslph, 1894, XVI, 418) (ЭСРЯ 1:194).

163. ***Времянный***. Временный (СПГ 1: 125).
164. ***Вретуга*** Занавес, разделяющий раскольничью моленную на две половины (даль) Арх. (СРНГ 5: 193).
165. ***Вретье*** Грубая ткань, дерюга, употребл-я в кач-е подстилки, полога и т.п.; веретье Новг., Ряз., Тамб. (СРНГ 5: 193).
166. ***Врея***. Угол. возраст человека (БСРЖ: 109).
167. ***Врываться, ворваться*** (рвать) куда, во что, входить, вбегать, втекать силою, насильно; вторгаться, вламываться, прорываться (Даль 1: 262).
168. ***Врьять*** ирк.(вринуть), ввергать, вкладывать, вбрасывать (Даль 1: 262).
169. ***Врючивать, врютить*** в лгд. врюхать или врюшить твр. что во что; втьалкивать, впихнуть, втопить, увязить; втянуть, вмешать, впутать кого, посадить, вовлечь в дурное положение, в беду (Даль 1: 262).
170. ***Выверт.*** Собств. Рус. Образовано безаффиксным способом словообразования от *вывертеть* «брать или класть навыворот; вынимать из рук крутя» (Даль 1880, 1, 281) префиксального производного к *вертеть* (см). См. вывих. Развитие знач. сущ. выверт шло, видимо, таким образом: «действие по глаг. вывертеть > необычное телодвижение > уловка, причуда» (ЭСРЯ 1: 218).
171. ***Выворот*** (просторечн.) Восточнославянское: укр. вйворот, бел. выварат. В ССРЛЯ датируется XV – XVII вв. Образовано безаффиксным способом словообр-я от гл. *выворотить* «ворочая с силой, сдвигать с места; вырвать», производного от *воротить* «поворачивать, переворачивать, вращать», восходящего к общеслав. *Ворот* (см) (ЭСРЯ 1: 220).
172. ***Выворотиться***. Выйти на время (СПГ 1: 133).
173. ***Выворотка***. Железный бачок (СПГ 1: 133).
174. ***Завора*** ж., Запор, засов, поперечная жердь для запирки ворот, калитки; т.же, что заворина заворница, жердь для огорожи, для околицы, // Завора, застава, помеха, непропуск. // Межа или уступ промеж двух полей, пашень на косогоре. // Завора и заворъ м. снов. Околица, забор, городьба, прясла (варить, оберегать; варокъ, загородь) (Даль 1: 562).
175. ***Обора*** I «веревочка, которой подвязывают лапти», оборка «кайма», орл. воронежск., ряз., оборень «дырочка в лапте для продевания оборы», укр. блр. обора «тонкая бечевка», изслав. Обора «пряжка». Из *обвора, ср. ворка «тонкая веревочка», сворка «ремень, на котором держат охотничьих собак».// Родство лит. apyvara ж. «веревочка для подвязывания лаптей», apivaras – то же, apvara «веревка, бечевка», pervara, pavare «веревка, на которой держится сеть», virve – «веревка», verti, veriu, veriau «продевать, открывать, закрывать». Ср. далее *верать, вереница, верма, верея* (Фасмер 3: 105). ***Обора*** II. «ограда, изгородь», болг. обор «хлев», сербохорв. Обор «перегородка для свиней», словен. obor. род. п. obora м. «ограда, забор». // Из *obvora, ср. др.–русск. воръ м., вора ж. «ограда», русск.–цслав. заворъ , польск. przewora «перегородка в хлеву», zawora «задвижка». Далее см. *верать*; родственно этимологически *обора* I (Фасмер 3: 106).
176. ***Оборот, поворот*** – то же. Из *obvortъ от *воротить, вертеть* (Фасмер 3: 106).
177. ***Обратить, обращу***, итер. Обращать, – аю. Заимств. из цслав., ст.–слав. обротнтн «повернуть», обраштатн «поворачивать» вместо исконно-русск. оборотить. Из *ob – vort – , см. *воротить, вертеть* (Фасмер 3: 107).
178. ***Отворить***, укр. отвір, род.п. –ору. «отверстие», отворити, ст.–сл. отворнтн (Супр.), сербохорв. отворити, словен. otvoriti, слвц. otvorit , польск. otworzyc; с др. вокализмом: чеш. otevriti (*verti). // Первонач. *ot – voriti было позднее воспринято как * o – tvoriti. Связано с ***верать «втыкать, совать».*** Ср. лит. atverti, atveriu «открывать», лтш. afvert – то же, др. –прусск. otwerreis «открой», лит. atviras «открытый», лат. aperio «открываю» (*apverio), operio «запираю» (*opverio); см. В.Шульце, Berzenderqer – Festschrift 146 и сл; Буга, РФВ 75, 152; Траутман, BSW 351; Apr. Sprd. 333; Френкель,

Afsph 39, 71. Иначе о лат словах Мейе (BSL 28, 46, и сл.), против чего Вальде – Гофм. (I, 56 и сл). (Фасмер 3:169). Родственно лит. veriu, verti «прдевать нитку, открывать, запирать», др. –прусск. etwerreis «открой!», греч. «мешок, мех», лат. aperio «открываю», operio «закрываю», гот. warjan «препятствовать», др. –инд. apavrnoti «открывает, запирается», apivrnoti «запирает, покрывает, прячет»; см. Сольмсен, Unfers. др. Lautl. 293; Фортунатов, Afs Рь4, 580; Уленбек, Aind. Wb. 293; Траутман BSW 351; сл. Ср. вереница, верея. О слове *вор*, которое относят сюда же Сольмсен (там же) и Мейе (Et. 226), см. ниже (Фасмер 1: 293).

3.4.

Таблица 22

Макрокомпонентная структура значения ФМ

Компонент ЛЗ	Тип единицы		
	Не ЗИ-лексема	ЗИ-лексема	ФМ
Мотивировочный (примарно мотивированный)	-	+/ -	+
Эмоционально-оценочный	+/ -	+/ -	+
Экспрессивный	+/ -	+/ -	+
Фоносемантический	+/ -	+/ -	+
Стилистический	+/ -	+/ -	+

3.5.

Таблица 23

Русские подзывные слова

Взрослое животное / птица	%	Потомство	%	Всего %
Коровы	9,9	Телята	2,8	***12,7***
Свиньи	12,5	-	-	***12,5***
Лошади	10,6	Жеребята	1,4	***12***
Бараны, овцы	9,1	Ягнята	1,4	***10,5***
Собаки	6,3	Щенки	1,4	***7,7***
Козы	5,6	-	-	***5,6***
Кошки	4,2	-	-	***4,2***
Куры	9,1	Цыплята	9,9	***19***
Гуси	7,7	Гусята	1,4	***9,1***
Утки	4,2	Утята	1,4	***6,8***

3.6.

Таблица 24

Русские подражания голосам животных и птиц

Дикие	%	Домашние	%
Волк	***3,5***	Собака	***10,4***
Заяц	***2,7***	Кошка 4,9; Кот 0,7	***5,6***
Кабан	***2***	Овца	***2,7***
Медведь	***2***	Коза	***1,4***
Лось	***1,4***	Бык 0,7; Корова 0,7	***1,4***
Лягушка	***1,4***	Вол	***0,7***
Рысь	***0,7***	Свинья	***0,7***

Змея	***0,7***	Осел	***0,7***
Лиса	***0,7***	**ВСЕГО**	**23,6**
Белка	***0,7***	Курица 6,2; Петух 2	***8,2***
ВСЕГО	**15,8**	Утка 2,7; Утята 0,7	***3,4***
Глухарь	***3,5***	Гусь	***2***
Филин	***3,5***	Птенец или детеныш	***1,4***
Тетерев 2,7; Тетерка 0,7	***3,4***	Птицы (чириканье, щебет)	***13,2***
Ворона	***2,7***	**ВСЕГО**	**28,2**
Коростель	***1,4***		
Журавль	***1,4***		
Чибис	***1,4***		
Кулик	***0,7***		
Снегирь	***0,7***		
Соловей	***0,7***		
Синица	***0,7***		
Сычь	***0,7***		
Кукушка	***0,7***		
Дятел	***0,7***		
Грач	***0,7***		
Выпь	***0,7***		
Удод	***0,7***		
Сова	***0,7***		
Насекомые	***4,9***		
ВСЕГО	**29,9**		
ВСЕГО	**45,7**		**51,8**

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФМ

4.1.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОСТАВА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФМ

Звук удара, стук

АХ диал. *На молотилке-то только ах-ах сбуживат, только стуки-бряки; Крепко, легко играет молот мастера: тут! тут! тут! Вслед за молотом бухает подмастерье – кувалда молотобойца: ух! ах! ух! ах!* (В.Шукшин).

БАБ*А*Х. разг. *Достал ты меня: бабах-бабах по столу. Делать что ли нечего.*

БАМС разг. *Тот ему по башке – бамс – он копыта и отбросил. Слышу – бамс-бамс – как по голове; это они ремонт там.*

БАМЦ разг. *Бамц – ему по роже, тот глаза лупит, понять ничего не может.*

БАХ разг. *Он бах стакан об пол! Берет стопудовую палицу – бах его в бок* (сказка). *Руки мои начинают быстро разбрасывать картошку. Трах-бах! Тарабах!* (В.Астафьев). *А зеркало, его долой – Бах кулаком!; Прикладом бах! Бах прикладом!* (В.Хлебников).

БАЦ разг. *Он ему бац по голове, а тот их пистика пах-пах пах!; Бац о тумбу – ребёнок вылетел, бац о другую – самого петлюровцы выбросили, трах о третью – махновцы чемодан отняли.* (А.Аверченко). *Бац в другое ухо: «Пшёл с глаз долой, чёрт паршивый»* (А.Весёлый). *Я б за свист тебя змеиный – да бац, По щеке* (М.Цветаева). *Да сам себя то по носу, То по лбу – бац да бац!* (Н.Некрасов).

БЛЯМ *Струя ударила прямо в белыек шары, и они сразу полетели вниз. Бац! Блям! Трах!* (В.Воробьёв).

БЛЯМС *Блямс! – лязгали друг о друга тарелки* (К.Сергиенко).

БОТ диал. *Бот-бот головой-от, у тебя шапка спадет; Боталом-то пошто называют? Дак боталом по воде-то ботают. Ровно как бот-бот, удар такой, звук ли чё ли; Русский дрался с татарином. Вот татарин опосля и хвастать: уж я русскому дал! Я ево бот да бот, а он меня чик да чик* (быличка).

БРЕНЬ-ДРЕНЬ разг. *Слышу брень-дрень, брень-дрень стаканами. Вы че, че-то пили?; Ты меня уже заколебала своими кастрюлями – брень-дрень, дрень-брень. Я слышу, в комнате что-то – брень – и притихли они. Ну, думаю, чего-то разбили. Чего думаешь? Мою любимую вазу.*

БРЯК диал. *Он бряк-бряк по столу-то, да я не шибко пужливая; Бежим.. Бряк-бряк в сумке какие-ко пеналы-своеделки, братовья наделают; Все колечушки-то бряк, бряк, бряк!* (потешка).

БУМ разг. *Они пришли ночью и стучали – бум-бум; У нас такой комар. Жжж бумм. Он так пикирует; В ушах раздавалось: бум, бум, бум, бум!* (А.Чехов). *Но под страстной понедельник, поздно вечером, вдруг раздался стук в ворота; кто-то бил в калитку, как в бочку: бум! Бум! Бум!* (А.Чехов). *Что такое: тридцать девять и бумм! тридцать девять и бумм! – Сороконожка с одной деревянной ногой* (анекдот).

БУМКС разг. *Он размахнулся и кулачком-то бумкс меня. Я сначала не упала. А потом он еще раз бумкс. Я упала и ножками болтаю.*

БУТ диал. *Кулаком бут-бут, я Славку набуткала, поперешной!*

БУТЫ-БАТЫ диал. *Уже если я в соседней комнате буду робить, то будет вечером буты-баты, стуки-бряки.*

БУХ разг. *Ленка бух ведро – пнула, оно об машину бацм – звенит. Ббух! – ударилось что-то снаружи о стену.- Трах!* (А.Чехов). *Бей! Бух, бух, знь.. зянь.. бух, бух! Машина: ду-дууу-д-у* (А.Веселый). *Тук, тук, бух, бух, бух… Ага.. Кто? Кто? Что?.. Ах, стучат, ах, чёрт, стучат* (М.Булгаков).

БЯК диал. *Ты пошто его бякашь. Гли чё – бяк да бяк ево по горбине;* Тогда комитетский развёртывается и бяк его благородие по рылу, бяк ещё (А.Весёлый.). *А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк, а за ней воробышек прыг-прыг-прыг-прыг, он ее голубушку шмяк-шмяк-шмяк-шмяк, ам-ням-ням-ням, да и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг* (Песня их к/ф М.Захарова).

ГЕК диал. *Гек его в ухо*; Поднимая и опуская свой страшный топор он принимал картинные позы и всякий раз со свирепым выражением издавал звук «гек!» (А.Чехов).

ДА *Полный ход … Та-та-та … Ш-пш … Шш-ш-ш … Та-та-та… Да-да-да … Паровоз в храпе, паровоз в мыле, пыль пылом* (А.Веселый).

ДЕР *Около одного из корпусов кто-то бил в металлическую доску, бил и тотчас же задерживал звук, так что получались какие-то короткие, резкие, нечистые звуки, похожие на «дер.. дер.. дер»* (А.Чехов).

ДОЛБ *А если и это не помогает – он прыг деду на голову да в лысину-то его долб!* (А.Куприн).

ДЗЫСЬ арг. *Вышел на арапа. Канает буржуй. Дзззысь промеж роги – и амба.* (И.Сельвинский).

ЖАК *Жак... жак...- раздалось в третьем месте отрывисто, резко, точно с досадой, – жак...жак... И чтобы пробить двенадцать часов понадобилось минуты четыре* (А.Чехов).

Удар о металлическое, стеклянное; звяканье, звон.

Б*А*УМ разг. *А ведро об машину – баум, все в стороны.*

БОУМ разг. *Он топором по голове – брик, потом по мотоциклу – боум, потом в толпу псш-ш-ш; Они как начали колотить по какой-то железяке – боум-боум – все прискакали и давай ругаться.*

БУМБ *Летают уездные мухи – джж! джж! и с размаха в стекло бумб!* (М.Горький).

ДЗЕН *Вдруг старик услыхал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела* (В.Бианки).

ДЗИНЬ *Дзинь-дзинь! – раздавался где-то далеко звон бубенцов* (И.Тургенев). *Стучит! Шоссе бы надо со столбами телеграфическими.. с колоколами.. Дзинь, дзинь, дзинь.* (А.Чехов). *Слышу: дзинь! Выдавил кто-то окошко* (М.Алексеев). *Жарче шуб, слаще дынь – А будильник: дзинь!* (М.Цветаева). *У Лигачева будильник звонит не дзинь-дзинь, а гдлян-гдлян* (анекдот).

ДЗИНЬК *Бокалы, соприкоснувшись, издали осторожное дзиньк!* (К.Сергиенко).

ДЗЫК *Шагнул Кеша и вдруг... дз-зык! Яростной, зубастой болью схватило ногу. Закричал Кеша на весь лес, заметался в капкане* (В.Астафьев).

ДИН *Еду, еду в чистом поле; Колокольчик – дин-дин-дин* (А.Пушкин).

ДИНГ *Везде звонят колокола. «Динг-донг» среди равнины* (М.Кузмин).

ДИНЬ *Динь.. Динь.. Динь.. Золотом сыплются искры.. куёт отец подковы* (А.Весёлый). *Колокольчик динь-динь вдалеке. Динь-динь-динь! – закричали колокольчики* (В.Одоевский). *Динь-бом…второй звонок, пассажиры в вагон, провожающие – вон* (Л.Кассиль). *Динь-динь-динь колокольчик – в Тригорское, Болдино, Линцы* (О.Левитан). *Ой, динь-динь-динь-динь, деньжата-денежки! Слаще пряника, милее девушки* (Песня из к/ф «Сватовство гусара»).

ДОН *И днём иногда слышался печальный металлический звук: дон.. дон.. дон* (А.Чехов). *Во дворе, рядом во дворе и дальше по всей улице звони/или тазы для варенья.. и глухо плыло за стеной: дон.. дон.. дон* (М.Булгаков). *Большие и маленькие колокола звонили так: Тир-лиль-ли/или-дон* (А.Гайдар).

ЗВЕНЬ разг. *Я слышу – звень! Ну, думаю, не иначе окно разбили.* диал. *Подзвездки: звень-звень! У выблеску выблеск. Звон, миг: гоп-да-фрик! И платье на человеке хотящем.*

ЗВИГ *Звиг-звиг-звиг-звиг!!! – у самой головы его звонко лязгнули о рельсы пули из немецкого автомата* (Л.Кассиль).

ЗВЯК разг. *Будильник звяк, и замолк, а потом опять хочется спать.* ⊙ *И дверною щеколдою щёлкнула: звяк!* (Л.Никонова). *Золотые колечушки – звяк, звяк, звяк!* (потешка).

ЗИГ *Кончики пальцев соедините вместе. Присели! К запуску приготовиться! З-з-з-з-зиг! Полетели!* (Л.Пантелеев).

ЗИЦ *Зиц-зиц-зиц, – отвечала царевна Пружинка.* (В.Одоевский).

ЗНЬ *Бей! Бух, бух, знь.. зянь.. бух, бух! Машина: ду-дууу-д-у* (А.Веселый).

БАМ диал. *В пост-от звонят, так душу вытянут – бам-бам-бам. Колоколо-то у их большоё; Бом! Бим! Бам! Помогайте, звонари, я устал* (В.Хлебников).

БЕМ *Около избы десятского забили в чугунную доску. Бем, бем, бем. Бем, бем, бем.. – понеслось по воздуху, и от этого частого, неугомонного звона щемило за сердце и становилось холодно* (А.Чехов).

БОМ разг. *Смотри вот тот – бом-бом – это ты, а этот, как я, колоколчик бям-бям. Это как ты и я; Бом…бом.. бом – заплакали колокола* (А.Весёлый). *Динь-бом … второй звонок, пассажиры в вагон, провожающие – вон* (Л.Кассиль). *Бом! Бим! Бам! Помогайте, звонари, я устал.* (В.Хлебников). *Часы буркнули: «Бом!»* (М.Кузмин).

БОН разг. *Я не знаю, как вы тут живете.* [О церкви за окном]. *Это что, так все время – бон-бон?*

БРИНЬГ диал. *Колокольчики-те бриньг-бриньг – это значит на лошаде едут.*

БЯМ разг. *Смотри вот тот – бом-бом, а этот колоколчик бям-бям. Это ты и я.*

ВИЛЬ *Сойду я, сойду на хайкайду, ударю-ударю — Чу-виль, виль, виль! Маленька робеночка в зыбке утешу, а царя в Москве* (Колокольный звон. Загадка).

4.2.

ТЕКСТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ ЗАУМИ
(«хармсовская» заумь)

Названия текстов принадлежат их автору.

НОСОРОГ

Когда-то в Англии мой деревянный друг попросил приглядеть за его носорогом. Но я ненадолго отлучился за поп-корном. Потом я обнаружил, что носорог пропал. Но затем я нашел его на люстре. И вот мы сидели и смотрели телевизор.

Но тут звонок в окно. Это была подружка моего друга Роберта. Она спросила: дома ли я, дома ли его носорог и дома ли сам Роберт. Я ответил, что я и носорог здесь, но приятеля моего нету. Она сказала, что зайдет пораньше, часов в пять. И вот опять звонок в шкаф. Это была моя подруга. Она спросила: дома ли я, дома ли мой друг и дома ли носорог? Я сказал, что я дома. Мы немножко поворковали, и она ушла.

Но тут звонок в диван. Это была подруга самого носорога. Носорог на этот раз сам подошел к дивану. Он сказал: «Кто там? Элиза, это ты?». «Да, милый, это я, Пенелопа. Ну, как твои жабры, мой птенчик». «Знаешь, Элиза, если ты станешь называть меня птенчиком, то меня перестанут уважать лягушки».

Затем вернулся мой стеклянный друг. Элиза сказала: «Спасибо, я, пожалуй, пойду». И вдруг все подруги сразу же водворились в окно. Они долго пели и танцевали в пасти крокодила. Тут начался настоящий я. Путаница. И, наконец, ночью я подумал: «Что это?».

ЧТО ДУМАЮТ ЛОШАДИ, КОГДА ИХ НИКТО НЕ ВИДИТ

В конюшне стояло две лошади. Одна сказала другой: «Что ты делаешь?». «Я пью воду», – ответила та. А затем вторая лошадь спросила первую: «А ты что делаешь?». Она ответила, что тоже пьет воду. И затем обе лошади спросили третью, что она об этом думает. Третья ответила громко и четко: ей не нравится вода, она думает так же, как и седьмая лошадь. Они спросили, что об этом думает лошадь седьмая. Та ответила, что она думает так же, как и лошадь третья. Они спросили третью лошадь. А третья лошадь сказала, что она думает так же, как и двадцатая. Двадцатая же лошадь сказала, что она думает так же, как лошадь из другой конюшни. А лошадь из другой конюшни думает, как она.

Но тут вошла мудрейшая из лошадей. И сказала: «Что это такое?». «Это сказка», – сказала первая лошадь. «Нет, – ответила ей вторая. – Это же самый настоящий рассказ». Двадцать пятая лошадь сказала, что ей надо освежиться. Но тут вошла лошадь из другой конюшни. Она сказала: «Да что же с вами творится, девочки? Это же путаница».

БАРБИ В МАГАЗИНЕ

Однажды Барби пригласила Кристи сходить в магазин. Та сказала, что она с удовольствием пойдет в магазин вместе с Барби. Они пошли в магазин. Тут и начался весь сыр-бор. Это случилось около кассы. Они сказали, что хотят купить тонну чайника, полбанки сковородки и два грамма сумочки. Но продавщица сказала, что всего этого нет в продаже, а есть только Нефертитти. Это недоразумение стало растягиваться. Они еще долго спорили. Но тут вошел Кен. Он спросил: «Что тут происходит?». Потом вошла Тереза. Она спросила: «Что тут происходит?». Но тут вошла Кира. Она спросила: «Что это такое тут происходит?». «Не знаю», – ответила хором вся компания.

Но тут вошел заведующий магазином. Его звали Чарльз. Он сказал: «Что тут происходит?». Все стали задумываться и объясняться. И, наконец, они додумались, что это все недоразумение и путаница. А где здесь путаница? Зато это про Барби.

4.3.

ТЕКСТЫ * РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ЗАУМИ

Во всех текстах полужирным курсивом выделены реально функционирующие ФМ

ПЕСНИ ВЕДЬМ (РУССКИЕ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ)

1. С. .... А. .... Т. .... О. .... Р.
А. .... Р. .... Е. .... П. .... О.
Т. .... Е. .... Н. .... Е. .... Т.
О. .... П. .... Е. .... Р. .... А.
Р. .... О. .... Т. .... А. .... С.

2. Кумара
Них, них, запалам, бада.
Эшохомо, лаваса, шиббода.
Кумара
А.а.а. – о.о.о. – и.и.и. – э.э.э. – у.у.у. – е.е.е.
Ла, ла соб, ли, ли, соб, лу, лу, соб !
Жунжай
Вихада, ксара, гуятун, гуятун.
Лиффа, пррадда, гуятун, гуятун.
Наппалим, вашиба, бухтара.
Мазитан, руахан, гуятун.
Жунжай
Яндра, кулайнеми, яндра,
Яндра.

3.А.
А.Б.
А.Б.Р.
А.Б.Р.А.
А.Б.Р.А.К.
А.Б.Р.А.К.А.
А.Б.Р.А.К.А.Д.
А.Б.Р.А.К.А.Д.А.
А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.
А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.Р.
А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.Р.А.
А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.Р.
А.Б.Р.А.К.А.Д.А.Б.
А.Б.Р.А.К.А.Д.А.
А.Б.Р.А.К.А.Д.
А.Б.Р.А.К.А.
А.Б.Р.А.К.

---

* Здесь приводятся тексты и фрагменты текстов, содержащие заумь и ФМ. Песни ведьм (1-6), широко известные по записям Сахарова и Терещенко, показательны как материал для сравнения с другими видами зауми.

А.Б.Р.А.
А.Б.Р.
А.Б.
А.

4. Гутц!
Алегремост!
Астарот, бегемот!
Аскафат, сабатан!
Тенемос!
Гутц!
Маяла, на, да, кагала!
Сагана!
Веда, ***шуга, ла, на, да, шуга***!
Сагана!
Гулла, гуала, на, да, лаффа!
Сагана!
Шиха, эхан, рова!
Чух, чух!
Крыда, ***эх***ан, сцо***ха***!
Чух, чух, чух!
Гутц!
5. ***Шик***алу, Ликалу!
Шагадам, магадам, викадам.
Небазигин, доюлазгин, фиказгин.
Бейхамаиш, гейлулашан, эламаин.
Ликалу!
Шию, шию, дан, – ***ба, ба,*** бан, ю.
Шию, шию, нетоли, – ***ба, ба,*** згин, ю
Шию, шию, бала, ***ли, ба, ба,*** дам, ю.
О вилла, вилла, дам, юхала!
Гираба, наюра, юхала!
Карбаша, гултай, юхала!
Захива, ванилши, схабатай, янаха.
Захива, гиряй, гиряй, добила, янаха.
Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.
Мяу! згин, згин!
Гааш! згин, згин!
У-у-у! згин, згин!
Бя – бая! – згин, згин!
Кво – кво! згин, згин!
Бду, бду! згин, згин!
Карра! згин, згин!
Тили, тили! згин, згин!
Хив, ***чив***! згин, згин!
Жу, жу! згин, згин!
Згин, згин, згин!
6. Шивда, винза, каланда, миногама!
Ийда, ийда, якуталима, батама!
Нуффаша, зинзама, охуто, ми!
Копоцо, копоцам, копоцама!
Ябудала, викгаза, копоцама!

Ио, иа, о-ио, иа, цок! ио, иа, паццо! ***ио, иа***, пипаццо!
Зоокатама, зоосцома, никам, никам, шолда!
Пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац!
Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!
Шоно, пинца, пинца, дынза!
Шоно, чиходам, викгаза, мейда!
Боцопо, хондыремо, боцопо, галемо!
Руахадо, рындо, рындо, галемо!
Ио, иа, о! ио, иа, цолк! ио, иа цолк! ио, иа, цолк!
Ниппуда, боалтамон, гитловека, шолда!
Коффудамо, шираффо, сцохалемо, шолда!
Шоно, шоно, шоно!
Пинцо, пинцо, пинцо!
7. ***Фигур-фига, фиг-фиг. Ио*** ца ***фигоца***
8. Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон ***тики-так.***
9. Бахтын-кухтын назиргин-валинтын.

ГЛОССОЛАЛИИ (РУССКИЕ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ)

Хлыстовские глоссолалии

1. Боже, боже, лито, чито, мито, кито. ***Ну*** крендо ***ну*** фули кресто.
2. ***Тень-тень-потетень***! Выше города плетень!
3. Капиласта гандря Дараната шантра Сункара пуруша Моя дева Луша.

Камлания шаманов

4. Котеро теро муро коро поро.

Глоссолалии харизматов-пятидесятников

5. Амина, супитер, амана… регедигида, треги, регедигида, регедигида… супитер, супитер, арамо… сопо, ропота, карифа…
6. Гиппо геросто непарос борастин форман о фастос соургор боринос эпонгос ментаи о дерипан аристо экрампос…
7. Квела маспяко лабокапю, хориямаси лемасияндо, лабокато хандария ламосиян бабакатандо, ламасия ламасиян дорияко, лабо-кандоряисандо. Ломосиян дорикато. Лабозия. Ламосняндо. Ладакандория, малазия ламасиян дороко дамабабаен. Ладосияндо. Ламасия кандария. Ламаокаямиси лабосияндо [32].
8. Мабазандо. Котандо. Хакатанбаси. Дамазакандадакондо. Лаханбакахиямаси. Махандакатахандо. Кахомбаси. МакатанЬо. Каханбаси. Масияханто. Кахонба. Макатано. Каханбаси. Масияхан-то. Кахонба. Каханбаказихи. Яхамази. Мопакзияндо. Котохандо. Ламази. Папакандо. Ламазия. Лакзохандо. Котанба. Бамаси. Нама-саполотияко. ТамбазанЪо. Масияндо. Катандори.

---

[32] Тексты 7 и 8 в транскрипции алфавита русского языка. Записаны д-ром Д.Ларсоном, профессором лингвистики и антропологии в Бетельской семинарии в США и консультантом Американского Библейского Общества по переводу Библии. В статье "О говорении на незнакомых языках" он дает два текста магнитофонной записи глоссалалии, которые по мнению человека, говорившего на них, были разными языками от Духа Святого.

Д. Ларсон дал следующее заключение относительно этой записи: «После транскрипции текстов я проанализировал их стандартной лингвистической методикой и техническими средствами. Оба текста являются почти идентичными в звуковом отношении и образцах. Кроме заявления самого глоссалалиста, анализ не дает никаких доказательств и предпосылок, что тексты представляют собою два различных языка» (Д. Ларсон «О говорении на незнакомых языках» // «Стандарт». Сборник статей под названием «Движение Пятидесятников в XX веке». Статья N3) [Порублев 1995].

Экстатическая речь юродивых

9. ***Тыра-тыра-перетыра*** ты марушья заколдыра.
10. Кривонта ***фиг***овата, ***мах***онта лагонарта, ***фиг****ниташка*-шак-***ша***.

ЗАГОВОРЫ

1. Басмилляхир раманир рахым кулья-ыба-вильне-зине (от зубной боли).
2. Агаруга бурга аласабаль, бенка перке асеркембаль, перко вторко которентих, викус-пикус испорито. Как предков его [имя] никто ни разу не гон-гондоролом, так и тебя [имя] не коснись оно! Слово крепко! Дэу! (оберег от копья).
3. Тыхтым-бахтым-выхолзан нардан. Поль-мильех-тороги эобялозогт, кепрусс мецу сейма аймен ***ца***. Мей пейна ают***ха***! (от вспучивания).
4. Фигион-фигон, фигонта-бегинта, маринта фигонта.
6. ***Тень-тень, чирик-чок*** (концовка заговора).
7. Сосну-берёзу с корнем съем***: хам! хам! хам***! (концовка заговора).
8. Моё слово крепко**: *тьфу! тьфу! тьфу!*** (концовка заговора).
9. Сипью сопо пысо Латось бэста Бытось Лепота. Быкоста лыско Лытиска. Бекон мака Рота (от ломоты в суставах)
10. Тында-ринда Тында-ринда Тында-ринда рай-***да***! Тында-ринда Тында-ринда Тында-ринда рай! Пасцилику жилку-вилку. Накорол-Сыросон. Как в дороге берег меня сей камень зыгорох, Так иже с им (имя рек) ничего не случится. Зыкурцон будет биться, покуда звезда в дверь стучится (на благополучие в пути);
11. Пошли ко мне на помощь рабу своему часть бесов и дьяволов: Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардун, Купал олака (на любовь).

ЗАГАДКИ

1. Брындя! Не лази в пенду, в пенде канда про хонда (Кот, не лезь в печку, в печке каша для гостя).
2. Дедушко на бабушке — ярык да ярык. Не в ту дырку попал, в голбец упал (помелом в печи подметают).
3. Кабы у дедушки не шинтик-пынтик, у баушки заросла бы шантя-пантя (пешня и прорубь).
4. Как бы не шунтик-пантик, заросла бы шунтя-пантя (веник, пол подметают).
5. Летит турчек на сторбучек и в дырочку штрух (замок и ключ).
6. Пошёл я на ***тух-тух-ту*** (охоту), взял с собой ***тяв-тяв-ту*** (собаку), нашёл я на ***храп***-тахту (спящий в берлоге медведь), кабы не ***тяв-тяв-ту***, съел бы меня ***храп-тахту.***
7. Пришел ***шуру-муру*** (волк), унес ***чики-брики*** (овцу).
8. Рында роет, скинда скачет, турман едет – съест тебя (свинья, заяц, волк).
9. Сидит дендра на пендре и кричит на кондру: не ходи кондра в пендру, в пендре рында и мяндра (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки).
10. Сначала ***фига***, потом ***нифига***, потом ***плюх***! ***Фигочки, фигочки***, потом опять ***нифига*** (Утка с утятами).
11. ***Татар, татар*** по горам, Таратуха по низам, ***Татар*** крикнет, Таратуха мигнет (Гром и молния).
12. Тулики-батулики из-под лавочки выглядывают (курицы в залавке).
13. Хожу я по ***топ***отихе (полу), загляну я в жукотиху (печь), в жукотихе то***пыр***а (дрова), ***грох***отихою (заслонкой) укрыта.
14. Четыре ***стук-стук-стук***, а пятый шняф-шняф-шняф (корова).
15. Четыре ***стуч***ила, четыре ***гр***емила, два фарадога, один москвич (корова).
16. Четыре ***стуч***ихи, четыре ***гр***емихи, два богомола, один вихлец (корова).
17. Четыре ***топ***оты, четыре ***гр***омоты, ухтакатак и один мухтах (корова).
18. Чирандо вырандо за огородом гнется, цыландай выландай за угол бежит (Ручей).

19. Шая-мая вот такая, шунтик-мунтик вот такой, чинчик-винчик — едакой (бочка, в бочке ковш с ручкой).
20. Девер-ста, декус-ста, где растет метла-ста (хлев).
21. Футка, да фатка, футунди, футундак, да футеницы (шубка да шапка, зипун, кушак да рукавицы).

СЧИТАЛКИ

1. - Заяц белый, Куда бегал? – В лес дубовый! – Что там делал? – Лыко драл! – Куда клал? – Под колоду. – Кто украл? – Родион! Шишел-вышел, *(вариант: Шишел-мышел)* Вышел вон!
2. Айны деву рики факи. ***Тор***ба-ёрба он дэс маки. Дэус-дэус-кломатэус бакс!
3. Акэтэ, пакэтэ, Чука, тэмэ, Абуль, Фабуль, Дель манэ, Экс, пэкс, ***Пули пук***с, Науль.
4. Ана, дэус, рики, паки, Дормы кормы констунтаки, Дэус дэус канадэус – ***бац***!
5. Анды, дванды, Тринды, баланды, Кофен, бофен, Фин филисин, Свисток десяток.
6. Анка-дарнка дру-едру четар-фаер ***фу*** е ***фру***.
7. Асик, масик, винный желоб, князь, король, чашки, ложки, медок, сахарок. Яблочко катилося вкруг огорода, кто его поднял, тот воевода, тот воевод, воеводский сын: шишел, вышел, вон пошел.
8. ***Ахи, ахи, ахи, ох,*** Маша сеяла горох, Уродился он густой, Мы помчимся, ты постой!
9. Бахтын-кухтым тагодан-нагодан На четыре угадан.
10. Вышел немец из тумана. Вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить – С кем останешься дружить? Вышел месяц из тумана, Вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить – Всё равно тебе водить!
11. ***Ден-ден***-доли, ***Ден-ден***-доли-доли, Чаща беби, Чаща беби, Чаща беби пепси-кола, Джими, джими, лувис, Джими, джими, ягус. Чаща беби, Чаща беби са, Чаща беби, румба, колбаса. Акум, акум — ***Фигу*** с маком.
12. Кова, нова, чем подкован? златом битым, подполитым, медян палец, руки за печь.
13. Колин-молин чем доволен? Ситом-литом-подпалитом. Печка, ручка, клоп.
14. Кони-огони Сидели на балконе, Чай пили, По-турецки говорили: – Чоби, ачоби, Челябичи и чоби, Челябичи и чоби, Кончается игра! Мы набрали в рот воды И сказали всем: – Замри!
15. Обар, бобас забор, зи, обар бобар кур.
16. Одиан, другиан, тройчан, черичан, падан, ладан, сукман, дукман, левурда, дыкса.
17. Одино, попино, двикикиры, гайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клеек.
18. Пера, эра, чуха, рюха, пята, сота, ива, дуба, мака, крест.
19. Перванчики, друганчики, катали колобанчики, на пять костров половину дров, ехал шурин, высек череп, череп лысый – тот и вышел, вон пошел.
20. Первачики, другачики, на колоде лодачики; перводан, другодан, на колоде угадал, пятьсот судья, пономарь ладья, Акулина кошка, голубика ножка, прела, горела, по морю летала, за морем пала, церковь стала, кум да кума, полкубышки вина, он да соломка, луковка дикая – вон.
21. Перв**е**нчики, Друг**е**нчики, Кр**у**ги-др**у**ги, Вон!
22. Первенчики, другенчики, Летали голубенчики По ранней росе, По зелёной полосе. Там яблоки, орешки, Медок, сахарок — Поди вон, малышок
23. Первечики, другечики, лебеди по насту, кустик свистик, свинка, полянка, шишел, вышел, он, Родион, ступай вон!
24. Первинчики, другинчики, на колоде котышки, ни поп, ни горох, мотовильце, рожок, испеки пирожок, поезжай в Торжок, купи горшок – ни мал, ни велик, в полтора ведра, тараканья дыра, в подполье была, не заплесневела.
25. Перводан, другодан, на колоде барабан; свистель, коростель, пятерка, шестерка, утюг.

26. Перводан, другодан, на колоде угадал, пятьсот судья, пономарь ладья, Катерина кочка, сломана ножка, прела, горела, за море летела, в церкви стала, кум да кума, на кубышке дыра, на стену ворон, жил сокол колокол; ведра, ножницы, вон.
27. Перводан, другодан, на четыре угадал, пятьсот судья, пономарь ладья, щеголева теща, сам щеголек.
28. Первончики, другончики, на желобе, на колоде, ставка, пленка, сучок, каблучок, заяц, месяц, вырвал травку, положил на лавку, кто взял? Ты.
29. Прело, горело осиново полено, за море летело, за морем церква, в церкви икона, живопись куликова: шишел, вышел, вон пошел.
30. Раз, два – упала гора; три, четыре – прицепило; пять, шесть – бьют шерсть; семь, восемь – сено косим; девять, десять – деньги весить.
31. Раз, два, три, четыре. Мы стояли на квартире. Сахар-бахар четвертак, нюхал дедушка табак. Он поехал за границу, пропил шапку, рукавицу
32. Сахар-бахар четверак нюхал дедушка табак.
33. Сива, ива, Дуба, клен, Шуга-юга, Вышел вон!
34. Тани-Вани-трикадоры, сахар-махар помидоры, аз-бас-трибабас ***ух***.
35. ***Тень-тень-потетень***, выше города плетень.
36. ***Трынди-брынди***, балалайка, За столом сидит хозяйка. ***Трынди-брынди***, колбаса. ***Ах***, я гордость и краса!
37. ***Трынцы-брынцы***, бубенцы, Раззвонились удальцы, ***Диги, диги, диги, дон***, Выходи скорее вон!
38. Уточка маленька, зачем долго не была? Боярина родила, чухман, лухман, сыворотка, творог.
39. Цум, цум, цумаке, Абел, фабел, дулин, ***Ики***, фики, грамматики, Ин, фин, прячь один.
40. Чигирики, мигирики, шаранды, баранды по мосту, по мосту, по лыкову мосту, шишел, вышел, вон пошел.
41. ***Чики, чики***, чикалочки, один едет на палочке, другой на тележке, щелкает орешки.
42. Чирики, мигирики, по кусту, по насту, по липову мосту, по лебедю крыласту, жучик, крючик.
43. Чичер, ячер, сходится на дер: кто не дерет, того (пуще) за власы драть, за косицы, за власицы, за единый волосок; не учись грешить, учись богу молиться, Христу поклониться.
44. Шла кукушка мимо сада, Поклевала всю рассаду. И кричала: ***ку-ку, мак*** – Отжимай один кулак!
45. Шла кукушка мимо сети, А за нею малы дети. Все кричали:"***Куку***мак!" бирай один кулак!
46. Шышел — мышел Пёрнул — вышел.
47. Эна, бена, раба, Квинтер, финтер, жаба. Эна, бена, рес, Квинтер, финтер, жес!
48. Эне, бене, Лики, паки, Цуль, ***буль-буль***, Калики-цваки, Эус-беус, клик-мадеус, бокс...
49. Эне, бене, раба Квинтер, финтер, жаба Ики пики грамматики.
50. Энее-бене, ***рики-таки, буль-буль-буль,*** караки-шмаки, эус-дэус-краснодэус ***бац***.
51. Эни бэни рики паки Турбаурбасентибряки. Может выйдет – может нет, В общем – полный Интернет
52. Эни, бени, рики, паки, ***Буль-буль-буль***, каляки, шмаки, Эус, бэус, космобэус, ***Бац***!
53. Эни, бени, рики, ***таки***, Турба, урба, синтибряки, Эус, бэус, краснобэус, ***Бац***!
54. Эни, бени, рики, факи, Тиль, ***буль-буль***, корики, шваки, Деус, деус, космодэус ***Бац***!
55. Эни, бени, рики, факи, Турба, урба, эки, факи, Эус, бэус, космобэус, ***Бац***!
56. Эники-беники ели варе́ники. Эники-беники – ***клёц***! Вышел советский матрос.

4.4.

ТЕКСТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЗАУМИ

АЛЕКСАНДР СУМАРОКОВ

Хор ко гордости

Гордость и тщеславие выдумал бес.
Шерин да берин, лис ***тра*** фа,
Фар, фар, фар, фар, люди, ер, рцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара.
Фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, ферт.
Сатана за гордость низвержен с небес.
Шерин да берин, лис ***тра*** фа.

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ

Кузнечик

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
"***Пинь, пинь, пинь***!" – ***тарарах***нул ***зинзи***вер.
О, лебедиво!
О, озари!

Боги

Э р о т*:*
Юнчи, Энчи! пигога́ро!
Жу́ри ***ки́ки: синь*** *сонэга, апсь заби́ра милючи́!*
(Впутывает осу в седые до полу волосы старика Шанг-Ти.)
Плянчь, пет, бек, пироизи! жабури́!
А м у р (прилетает с пчелой на нитке — седом волосе из одежды Шанг-Ти)*:*
Синоана — цицири́ц!
(Летает с пчелкой, как барин с породистой собакой.)
Пичири́ки-чилики́. Эмзь, амзь, умзь!
Ю н о н а (натирает белые снежные волосы желтым цветком луга)*:*
Гели́ гу́га грам рам рам.
Му́ри-гу́ри рикоко́!
Сипль, цепль, бас!
Э р о т (колотит ее по белым плечам длинным колосом осоки)*:*
Хахиюки! хихоро́! ***эхи, а́хи, хи!***
Имчири́чи ***чуль буль гуль!***
Му́ри му́ра мур!
Ю н о н а*:*
Чагеза! (отстраняет его, как муху, хворостиной.)
У н к у л у н к у л у*:*
Жепр, мепр, ***чох!***
Гигога́гэ, гроророо́!
(По деревянным устам течет дикий мед, который он только что кушал.
В волосах, из засохши крови убитого врага, гнездо золотых ос.
Их тела — золотые свирели — они ползают по щекам старого бога.)

Ю н о н а *:*
Вчера был поцелуй,
Му́ри гу́ри рикоко́. (Печатает неделю и число на деревянных плечах бога.)
А вот и имя Зи-зи ри́зи! (Вырезывает ножичком).
Сиоку́ки — сисиси́!
У н к у л у н к у л у *:*
*Перчь! **Харчь**! Зорчь!*
(Сопит и уходит. Записная книжка великой красивой богини,
следы любви строгими буквами на книге. Падают снежинки.)
Ю н о н а *:*
Ханзиопо! Мне холодно.
(Перун подает ей черную медвежью шубу сибирских лесов.
Богиня зябко окутывается в нее от снега. Снежинки.)

Зангези
Плоскость XI

Боги шумят крылами, летя ниже
Боги
Гагагага гэгэгэ!
Гракахата гророрро
Лили эги, ***ляп, ляп, бэмь***.
Ли***бибиби*** нираро
Синоано цициpиц.
Хию хмапа, хир зэнь, ченчь
Жури кика син сонэга.
Хахотири эсс эсэ.
Юнчи, энчи, ук!
Юнчи, энчи, пипока.
Клям! Клям! ***Эпс***!
М н о г и е. Боги улетели, испуганные мощью наших голосов. К худу или к добру?

***

Лельга, оньга, эхамчи!
Ричи ***чичи чичичи***!
Лени нули эли али!
Бочикако никако.
Никакоко кукаке!
Кукарики кикику!
Папа пупи пигиги!
Мород, мород, миучали
Капа, капа, кап!
Эмч, амч, умч!
Думчи, дальчи, дольчи!

***

Хлею Я смеярышня смехочеств
Смехистелинно беру
Нераскаянных ***хохо***честв
Кинь злооку – губирю.
Пусть ***гопо***чичь, пусть ***хохо***тчичь
Гопо ***гоп гоп***опей
Словом дивным застрекочет
Нас сердцами закипей

***

Бобэоби пелись губы.
Вээоми пелись взоры..
Пиээо пелись брови.
Лиэээй — пелся облик.
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

АЛЕКСЕЙ КРУЧЕНЫХ

Дыр-бул-щыл
убещур
скум
вы-со-***бу***
р-л-эз.

Высоты
(вселенский язык)

е у ю
и а о
о а
о а е е и о я
о а
е у и е и
и е е
и и ы и е и и ы

Весна гусиная

те ге не
рю ри
ле лю
бе
тльк
тлько
хо мо ло
ре к рюкпль
крьд крюд
нтпр
иркью
би пу

****

ДОПИНГ
АКИ РЧИЙ
рюмка коньку

***

баячь — поэзия
баячь — поэт
эко-эз — самая
всеобщая и краткая
(заумная) поэзия.

Отрава

Злюстра зияет над графом заиндевелым
Мороз его задымил,
ВЗ-З-ЗНУЗДАЛ!!
Кровь стала белой
А в спине замерзает застарелый парафин
Отравный по жилам растекся слизняк...
За зазорным наследством
Сквозь заборы и щели
В дверь надвигалась ***з-з-з***удящих РОД-ственников
Зве-ра-а-ва
А!
СА-СА-СА-СА...
Примечание: последние 4 строчки читаются нараспевмаршем.

Душистое рвотное

С чужой ***Люлей***
Саговой
Невестой Брюсова
заплюзганной
глязюли акушерки
Цлами цлай
Охт зо безохки 5 ч утра...
сглазили смокинг!
выпили муслиновые глаза!..
Наемь ... онота
ох зо иемень...

Грехов опадения
(Действительный статский романс)

Девушка вышла в садик
И скушала яблоко
Теперь ее ШЕКОЛЛЛАДИТ
А впереди
Идет дедушка
Весь вобла как
и сознательно гадит
изобретатели всех стран
Докажите, что девоЧКА
БЫЛА УТКОЙ
ПО
описке

К предисловию Пастернака

Потому что
КАНРЕТСАП
свободней ему
чем наоборот,
и он борясь
как лебедь рвется в облака
ЧУР ХЫНО
ХЫНОЧУРК
и всякий раз поэт ему
один Крученых
именно поэтому.

Натуральный Крученых
вкусней лэчшйных

***

Сарча кроча буга на вихроль!
Зю цю э спрум!
Беляматокияй!

Оязычи меня щедро ***ЛЯП***АЧ
- ты покровитель своего загона
чтоб я зычно трепещал и дальш
не знал беляжьего звона! -
ОТПУСТИ ЛОМИЛИЦУ
МНЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ
Оязычи ляма щад
Трыпр ВЫВОВ ПИКАР Сов за
ЦБЫЧ!
ЩАРЕТ!
ЛЯМАШа┘
узаль ***БЯ*** узвО
ло тимлицИ
Зод зод
дров!..
фью кем
гести
Хость
Павиан
Терпкий полотёр
Половинный
ПОЛОВИНАХ
киян.

***

Читатель, не лови ворон.
Фрот фрон ыт,
Алик, а лев, амах.

Глухонемой

Муломнг улва
Глумов кул
Амул ягул валгу
За-ла-е
У гул волгала гыр
Марча

Повелика

ико лик
лика ве по
лп ол
е о е

в в в

о ели л

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Арымар-хары-мар,
Перегары-***бар-быр,***
Шпарь-да, жги-да,
Жарь-да, жри-да!
И-***эх***ыча да ***эх***ыча,
Приехал ***ча*** да ***ча,***
Запевай!

ВАСИЛИСК ГНЕДОВ

Смерть искусству
пятнадцать (15) поэм

Поэма 1. Стонга

Полынчается — Пепелье Душу.

Поэма 2. Козло

Бубчиги Козлевая — Сиреня. Скрымь Солнца.

Поэма 3. Свирельга

Разломчено — Просторечевье... Мхи-Звукопас.

Поэма 4. Кобель горь

Затумило-Свирельжит. Распростите.

Поэма 5. Безвестя

Пойму — поиму — возмите Душу.

Поэма 6. Робкот

Сом! — ***а*** — ви — ка. Сомка! ***— а — виль*** — до.

Поэма 7. Смольга

Кудрени — Вышлая Мораль.

Поэма 8. Грохлит

Сереброй Нить — Коромысля. Брови.

Поэма 9. Бубая горя

Буба. Буба. Буба.

Поэма 10. Вот

Убезкраю.

Поэма 11. Поюй

У —

Поэма 12. Вечерает

Моему Братцу 8 лет. — Петруша.

Поэма 13.

Издеват.

Поэма 14.

Ю.

Поэма Конца (15).

Азбука вступающим

Посолнцезеленуоленьтоскло
Перепелусатошершавит
Осиянноссосипоносит
Красносерпопроткнувшемужаба
Кудролещеберезевеньиспойь
Переспойулетилосолнцем
Нассчитаютдураками
Амыдуракилучшеумных.

Первовеликодрама

действОиль
лицОиль
времядленьнОиль
беляьтавилючиъмохаиодроби
сычякаьяпульсмиляетъгадай
оснахъповеликайьустыизъосами
одназамотыноодноичепраком
устыеустыпомешасидит
извилоизъдоъмкипоояснетяликъ
ивотьнасукуположоистукайъкосмато
завивайЗавиьвайпроносоияуайнемоьй
стоьйспогьнетзажутьнасваяьхдути
овотгдеросльоьймореплавосива
происходить без помощи бездарей
Станиславских прочи.

Летана

И. В. Игнатьеву

Уверхаю лёто на муравой,
Крыло уверхаю по зеленке.
Сторожую Лёто — дом горавый...
Дерзо под рукой каленки...
Лёто — дом сторожкий, часый —
Круговид — не сной глаз —
Пеленит пеленко газой,
Цветой соной Летка нас...
Уверхаю лёто! Крыло уверхаю!..

ИВАН ИГНАТЬЕВ

Почему Я не Арочный Сквозь?
Почему Плен Судьбы?
Почему не Сренемирная Ось?
А Сренемирье Борьбы?
Почему не Желая живу?
Почему уМИРАЮ ЖИВЯ?
Почему Оживая уМРУ?
Почему Я – лишь я?..

***

Жизнь – Ожиданье.Искариота
Не зная встретит где, Мечта
Летит к таинственному "ЧТО-ТУ"
И┘ тАЕТ в чАДНОЙ чАРЕ "чТА".

***

Н
Величайшая
Ъ
Рье.
умом А с
е
б
ъ

ИЛЬЯ ЗДАНЕВИЧ

Ослиный бох

свачай жмец сус свечи
шлягай блец нюс нюхчи
псачай
заличи
фарь ксам
цукорь лусам
шакадам
ехуда
дьячи
дам
дада
смох шыц пупой здюс
жрюс кой кыц бабох
цыц
ей
юс
ех
какарус
аслиный бох

Ослу

гизалом карынку арык уряк
лапушом карыньку арык уряк
алирь кийчи
гадавырь кисайчи
ой балавачь
ой скакунога канюшачь

Болтовня

чакача рукача
яхари качйки срахари
теоти нести вести бирести
паганячики вместе
ехчака ***чока***
чока сучока
рачики жачики бачики ***кока***

Тиикмоб

Тинвии родбиимвед люуклет сууто сиигналь
Тнфее дебааре лёофе соонто саафин
Тьютиик риптеепид роото шиидо шоодей
Фебиит финтоорпи тиильфи тоольмью тееро.

Бипаас кроспиинар ляавиш сееле лёобель
Рибеенг ридбоолю лёоби реестле рууфсонг
Зеспууль зильпеезон тоотгон зиибгес сааленс
Хьюпоост хельпеехо сеелью тоосмью тиикмоб

Весна

Сиинь соон сиий селле соонг се
Сиинг сеельф сиик сигналь сеель синь
Лиий левиш ляак ляйсииньлюк
Ляай луглет ляан лилиин лед
Сяасиинь соо сайлен саайсед
Суут сиик соон росин сааблен
Ляадлюбсон лиилиляаслюб
Соолёнсе сеервесеелиб

БОРИС ЭНДЕР

(Заумные стихотворения)

I

ЛьА — Л — Р
Б — ТКЧ — К — РЗ
ЗьЛьШь — И — Ч — Т — АП
ТьБ — ИР — ТРЗ — О — КРЗЖ — Р — Т

II

ВЗИВЗИВ — С — ТУТПТАВ
ТИВ — Т — ***КР*** — И — Р — А
Хь — Е — ХС — В — Е — А — Хть
Декабрь 1922. Ср. (Сестрорецк)

III

Четырехстишие:
У– Ш.ВИ — ГЛ.ГЛь.В.
Хь. ЕВ.ВИУ. Вь.***УУВ***
ГВЕ — ***АВ*** — С.В
ГЛИААГЛь Гь.У
Сосны и лед. Выше нуля. Вечер 1 янв. 23. Ср.

IV

С.Вь.И.И
Ть.Вь.АН — Зь. Ирь

ТАВ. АТА. В.Ть.ВИН
скриваппарат
Е — И — Инь — Е. — С.А
В комнате у открытого окна к розовым соснам.
Днем. 2 янв. 23. Ср.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Колыбайка

Н. Н. Евреинову

Линьничка
Минничка
Летка
Хорошечка
Славничка
Байничка
Спинничка
спи-спи-спи.
Кусареньки
Мареньки
Дареньки
Жареньки
Ббусы
Ракушки
Камушки
спи.
Цинить-тюрлью
Цинить-тюрлью
Улетелечки
Птички
Песенки
Лесенки
Палькай
Водички
и спи-спи-спи.
Мушки у
Ямушки
Лягушки
Квакушки
Барашки с
Рожками
Кружочки
Снежочки
спи-спи
Малякаля
Бакаля
Куколки
Мячики
Крылышки
ш-ш-ш-ш
ушки-игрушки
спатеньки
слатеньки

спи летка
солничка
спи-***ау-ау-ау-ау.***

ИГОРЬ ТЕРЕНЬТЕВ

Шу э ю ю д з ы
Ди тете ***тю***
Топ по ***топ*** по
Кей я жу
Фонта
Цкота

ФЕДОР ПЛАТОВ

DOLCE
Op.13

Один над брюзгливою чувством
Один вешу пар
Всюду ютят юродиву
Глаголя петь пароль
Плеск уют струйства стуть
Юрок юр мерила
Гуляет в лете гудок
Гулко помирь
Чут юра юродиву ують
Спуск челя чуток
Чум ***гу***.

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

Улэ Эле Лэл Ли Оне Кон Си Ан
О нон Кори Ри Коасамби Моена Леж
Сабно Оратр Тулож Коалиби Блесторе
Тиво Орене Алиж

АЛЕКСАНДР ТУФАНОВ

Осенний подснежник

Сноу шайле шуут шипиш сноу
Сноуишип ниип нейчар снее
Шалью белоснежною все солнце
снова до весенних зорь закрыто
Снаасноо снууснее снии
Сноуисон снууснее снууз
Сосны цепенеют и синицы
Ночью как монахи без весен
Снууз сниппет сноумаяв соуль
Соосомбар саайт интайм сприинт

ДАНИИЛ ХАРМС

(фрагмент произведения «Лапа»)

главнабор
мах — леапие
мамах леапие гае
мамамах леапие гае у
В. — коршун глодал кость.

X. земляк падал на землю
мои
вои
кои
веди
дум
буи
вее
ае
хие
сео
пуе
пляе
клёе
поко
плие
плёе
флюе
мое
фое
тое
нюня
тюпя
кёё
пёё
фюю
юю
пляо
кляо
кляс
кляпафео
пельсипао
гульдигрея
пянь
фокен, покен, зокен, мокен

Не́теперь

Это есть Это.
То есть То.
Это не то.
Это не есть не это.
Остальное либо это либо не это.
Всё либо то либо не то.
Что ни то и ни это, то ни это и не то.
Что то и это, то и себе САМО.
Что себе Само, то может быть то, да не это, либо это да не то.
Это ушло в то, а то ушло в это. Мы говорим Бог дунул.
Это ушло в это, а то ушло в то и нам неоткуда вытти и некуда притти.
Это ушло в это. Мы спросили: где? Нам пропели: Тут.
Это вышло из Тут. Что это? Это ТО.
Это есть то.
То есть это.

Тут есть это и то.
Тут ушло в это, это ушло в то, а то ушло в тут.
Мы смотрели но не видели.
А там стояли это и то.
Там не тут.
Там то.
Тут это.
Но теперь там и это и то.
Но теперь и тут это и то.
Мы тоскуем и думаем и томимся.
Где-же теперь?
Теперь тут, а тепер там, а теперь тут, а тепер тут и там
Это быть то.
Тут быть там.
Это, то, тут, там, быть Я, Мы, Бог.

ЕЛЕНА ГУРО

Финляндия

Это-ли? Нет-ли?
Хвои шуят, — шуят
Анна-Мария, Лиза, — нет?
Это-ли? — Озеро-ли?
Лулла, лолла, лалла-лу,
Лиза, лолла, лулла-ли.
Хвои шуят, шуят,
ти-и-и, ти-и-у-у.
Лес-ли, — озеро-ли?
Это-ли?
Эх, Анна, Мария, Лиза,
Хей-тара!
Тере-дере-дере... Ху!
Холе-кулэ-нэээ.
Озеро-ли? — Лес-ли
Тио-и
ви-и...у.

Слова любви и тепла

У кота от лени и тепла разошлись ушки.
Разъехались бархатные ушки.
А кот раски... -ис..
На болоте качались беловатики,
Жил был
Ботик-животик
Воркотик
Дуратик
Котик пушатик,
Пушончик,
Беловатик,
Кошуратик —
Потасик...

АНТОН ЛОТОВ

Уличная мелодия

ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ
Оз ***з з з з з з*** о
Ха дур тан
  Еси Еси
Сандал гадал
  Си Си
    Па
  Ни ц

ОЛЬГА РОЗАНОВА

А. Клементина!
Уважь ат места!
Твой чарный кварум
Горит якмисто!
Диванье море
Увает марем
Играэ звает
        о
        к
Марэм
Чарем!..

***

лефанта чіол
      міаліанта
      имміол
      неуломае
сама сміетт
чиггил оф унт
      аваренест
иггиол ат та рест

(Испания)

Вульгарк ***ах*** бульваров
Варвары гусары
Вулье ара бит
А рабы ***бар*** арапы
Тарк губят ***тара***
      Алжир сугубят.
      Ан и енно
      Гиенно
      Гитана.
Жиг и гит тела
Визжит тарантелла
Вира жирн рантье
      Антиквар
      Штара
      Квартомас
      Фантом.
Гелька негра метресса
      Гримасы
      Гремит
      Гимн
      Смерти

РОМАН ЯКОБСОН

мзглыбжвуо йихъяньдрью чтлэщк хн фя съп скыполза
а Втаб-длкни тьяпра какайзчди евреец чернильница

Разсеяность

удуша янки аркан
канкан армянк
душаянки китаянки
кит ы так и никая
армяк
этикэтка тихая ткань тик
ткания кантик
а о оршат кянт и тюк
таки мяк
тмянты хняку шкям
анмя кыкь
атразиксию намёк умён тамя
мянк — ушатя
не аваопостне передовица
передник гублицю стоп
тляк в ваго передавясь

ЯН САТУНОВСКИЙ

ПересвоИлась
с вербОха на плЮстарь
глОкая кУздра,
горбОкая кУздра.
Лыщет и Яищт,
за кИрды хухрЯ,
бОкра за бОкром,
а то и бокрят,

Вариант:

А понадъЁрхом,
увЕрой покрЫ,
глУкают бОкры
магЕры
и гры.

А понадъЁрхом,
увЕрой покрЫ,
хлЮкают бОкры
мажЕры
и жры.

ЛЕОНИД АРОНЗОН

глю-глю,
глю-глю-глю,
глю-глю-глю-глю
и
глю-глю-глю-глю-гал;
а также
гал-гал,
гал-гал-гал
и
глю-гал-гал.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
глю-гал-глю,
гал-глю-гал,
гал-глю-гал-глю и т. д.

ВЛАДИМИР КАЗАКОВ

Отторжение

13
вопрос: сколько?
ответ: никуда
босой как 94783
бог-ветер!
5556,4
Загурдаев Ю.
§+§+§+§+§+§+§+§+§
08112
№№№№№№№№№№№№№№№№
вопросительный знак
№ 1
решетки для глаз

Барбадосско-русский словарь

каккомэй	антидот
меркичкерим	постриженик
хатыннах	голубой
буркандья	сифилис
сусуман	келейно
ат-урях	фихтеанство
альпатваам	тризненный
омчуг	хороводиться
хивкандья	Суворов
валёмык у	напроч
чигичинах	подтемянный
480	13
13	485

ИВАН БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ

Карамента селулабиха
Керемента шёвелесула
Тиутамкунита горгонелита
и т. д. и т. д., без конца.

ЕВГЕНИЙ ПОЛИВАНОВ

Медля длит и глит песок
Замирающие звоны
И растрещатые тоны
Глим-плим-для бежит песок.
Смега у мелкой мели
Что над молом молоко
Это море на свирели
Разом длит
Поит

Булькая.

***

На про-то про то-то легло-то
То дивно легло на леглеви
И странно заветно мне кто-то
Про ту напевал из Галеви.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Хан хан да даш *Вакс **бар** дан як*
***Шу шур** и дес* *Заза*
Виларь ягда *Сю **сеч** базд и*
Суксан кардекш *Гар ё зда **бе***
***Мак** са **Мак** са* *Мен хатт зайде*
Яким ден зар *Вин да **чок ме.***

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Пуськи бятые

Сяпала Калуша с калушатами по напушке. И увазила бутявку и волит: «Калушата! Калушаточки! Бутявка!». Калушата присяпали и бутявку стрямкали и подудонились. А Калуша волит: «***Оее! Оее***! Бутявка-то некузявая!» Калушата бутявку вычучили. Бутявка вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки. А Калуша волит калушатам: «Не трямкайте бутявок, бутявки любые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся». А бутявка волит за напушкой: «Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!».

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

уклюнул стекло
кулындло стекло
ло ук
    укло
укл ю
    весло

Д. 54

двигал ствОже оньлый
шИлин тать луч несть плацЕр
влачи укомку сводок во груслО
избег тя Хлоя
гохИт сождАние прилЕ
тра итапУр плещи нодАру
кол ос и ту бо гОлс
мя мАгля свОпр
бремьЕ сонетЕ о новь увзнАча
женови порОвна
ньяч нАргло даст лицо
ненде от дЫмил
о раб иЕ обАва

***

претекание эс ка
накида е кы ука
сок паучий
вертер жгучий
тучи мучат
мокнетад

и отры ие уава
шатр татр маломава
тканье льётся
сок поётся
кос вершины аромат
оск кормшает и умшат

ГЕНРИХ САПГИР

В саду
(Романс)

Алорихи плясали по верхам
и лорхи шалашились и блестели
щурщурики ходили как хотели
по ворохам
Меж тем прошла в лалифе Танаиф
всей решетью боженственно живая...
Сны вижу но ловлю не успевая
лишь тени их
И всякий ржестлик жабо-золотой
и каждый краплик хусткой паутины —
все лишь мазки и зяблики картины
забвенной — той

Песня

Я придумал: олуби ихтасу
и увидел гнездо и какую-то горную трассу
Я подумал: лагоре эребос
и увидел море автобус
Я услышал: илария лов —
и увидел тень за тканью слов

Благовещенье
(икона)

Мария Веория
зеленые алыни
очами окрылыми
в яблоневом цвету
Мария Надения
одения свелые
купав не касеемо
ходила по саду
Мария Любавия
светение радоти
невение длание
голубь прилетел

БОРИС ДВИНЯНИНОВ

Памяти Велимира Хлебникова

Вы стрей, о зять! О, лей.
Вы — ра! А ще: о, жай!
(перевод)

В оригинале, действительно, ниже помещен «перевод» — вырезка из газеты «Тамбовская правда» от 10 сентября 1976 году под заголовком «Быстрее взять с полей выращеный урожай».— *(Примеч. С. Бирюкова)*

Гимн-молитва

— ***БаЦ! аХ***!
СаД
Ца На СаН!
Ца На СаВ!
— ***ЦаП!***
БаЦ! аХ!

Собрание

Со акти ластопа артипор
Браниак басполар азацор:
Се резе сехона слупяти.
Все ервы когоняй наж бути!
Все вы, сель кохоства налужпя,
Со акти опарти орсепя!
Се ресе пахозя на секе
Ганире холубу пятике!

ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ

к
п
р
с
т
ф
х
ц
ч
ш
щ
что
вы так испугались

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

перепревший корабль
Вертимарюэль Кораблин
улей крин

***

маливат кузомяга
стри вонзяга

***

ти
тц!
аф

то же самое, но в другой интонации

Заусънет

В.Ш.

зуль муаль вуатри докс улять кивасу
масиль пилить въслин абизур каз
каз абигу ? нез бызя берта амуз доль авек

не ран чьвяк натур ляпурзи
навель
натур **дир** абоо аб вальд
jo balso — der Stimme — голос
natuerlih dein und mein
Веринамур крыш урыш узяк
у югорусс ! ***буль-буль*** куваси
чуимбяк
но не зан не совем не ***рез***-
-че- триавор! У-***в-и-з-з-з***
аль-***з-з-з-з-з***-О
шъ хъ фъ чъ

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ

Разговор за стеной
(общежитие ГПЗ-1, Москва, 1988)

Талам ***тыр*** карда бине,
шалюн кер аберга тык —
зем кер калантар, мине
сычук космоныр кардык.
Жиля нок сверти безанрак,
инде куравтар пиганда,
кирлы горбачев. Зем кер живяк!
Зане кардын, инда безанда.

При чтении стихотворения можно слегка прижать ладонь правой руки к губам. Только слово «горбачев» произносится четко и внятно, без зажима.
(Примеч. С. Рыженкова.)

4.5.

ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ПОВЕСТИ В.ПЕЛЕВИНА «ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА»

Стук колес, сопровождающий каждого из нас с момента рождения до смерти, – это, конечно, самый привычный для нас звук. Ученые подсчитали, что в языках различных народов мира имеется примерно двадцать тысяч его имитаций, из которых около восемнадцати тысяч относится к мертвым языкам; большинство из этих забытых звукосочетаний даже невозможно воспроизвести по сохранившимся скудным, а часто и нерасшифрованным записям. Это, как сказал бы Поль Саймон, song, that voices never share. Но и существующие ныне подражания, имеющиеся в каждом языке, конечно, достаточно разнообразны и интересны – некоторые антропологи даже рассматривают их на уровне метаязыка, как своего рода культурные пароли, по которым люди узнают своих соседей по вагону. Самым длинным оказалось выражение, используемое пигмеями с плато Каннабис в Центральной Африке,- оно звучит так:

“У-ку-лэ-лэ-у-ку-ла-ла-о-бэ-о-бэ-о-ба-о-ба”.

Самым коротким звукоподражанием является взрывное “п”, которым пользуются жители верховьев Амазонки. А вот так стучат колеса в разных странах мира:

В Америке – “джинджерэл- джинджерэл”.

В странах Прибалтики – “па-дуба-дам”.

В Польше – “пан-пан”.

В Бенгалии – “чуг-чунг”.

В Тибете – “дзог-чен”.

Во Франции – “клико-клико”.

В тюркоязычных республиках Средней Азии – “бир-сум”, “бир-сом” и “бир-манат”.

В Иране – “авдаль-халлаж”.

В Ираке – “джалал-идди”.

В Монголии – “улан-далай”. (Интересно, что во Внутренней Монголии колеса стучат совсем иначе – “ун-гер-хан-хан”.)

В Афганистане – “накшбанди-накшбанди”.

В Персии – “карнак-зебуб”.

На Украине – “тріх- тарарух”.

В Германии – “вриль-шрапп”.

В Японии – “додеска-дзен”.

У аборигенов Австралии – “тулуп”.

У горских народов Кавказа и, что характерно, у басков – “дарлан-бичесын”.

В Северной Корее – “улду-чу-чхе”.

В Южной Корее – “дулду-кван-ум”.

В Мексике (особенно у индейцев уичотль) – “тональ-нагваль”.

В Якутии -“тыдын-тыгыдын”.

В Северном Китае – “цао-цао-тан-тиен”.

В Южном Китае – “дэ-и-чань-чань”.

В Индии – “бхай-гхош”.

В Грузии – “коба-цап”.

В Израиле – “таки-бац-бубер-бум”.

В Англии – “клик-о-клик”(в Шотландии – “глюк-о-клок”.)

В Ирландии – “бла-бла-бла” <...>

Но, конечно, красивее, задушевнее и нежнее всего колеса стучат в России – “там-там”. Так и кажется, что их стук указывает в какую-то светлую зоревую даль – там она, там, ненаглядная... (В.Пелевин. Чапаев и пустота. Желтая стрела. М.: Варгиус, 2000).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5. СЕМИОТИКА ФМ

ЗВУКОВЫЕ ГАДАНИЯ И ПРИМЕТЫ

ЗВУЧАНИЯ ПРИРОДЫ И ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ

Севрено-русские (прикамские) гадания. Шли к пустому (нежилому) дому и “слушались” (иногда “ездили” при этом на кочерге); если казалось, что **доски скрипели** – к смерти [Подюков 2001]. Наиболее активно использовали овин, баню, амбар, конюшню, т.е. места, традиционно связываемые с нечистой силой. Шли в баню в двенадцать часов ночи, брали сажу с девятого бревна, затем нужно было, намазывая её на лицо, слушать звуки (услышишь **звон колокольчиков** — свадьба скоро) [Подюков 2001]. Ходили слушаться к гумну, если слышалось, что **зерно пересыпают** – к богатству (или к скорому замужеству). Шли “слушаться” к овину или к церкви, если слышали пение – считалось, что в этом году выйти замуж, а если услышат **стук** (“*как гвозди забивают*”) – это к смерти. Гадание и начиналось с обращения к потусторонней силе или среде, с ней связанной, с установления с ней контакта (гадающему было важно “перейти” в иномир, который и понимался как воплощение всех возможных в будущем ситуаций). Иногда гадающие должны были напрямую обратиться к чёрту: “*Чёрт-леший, скажи, в какую деревню выйду*”; “*Чёрт-дьволок, кто мой женишок*” (после этого помещали себя в круг, очерченный на берегу озера или реки головней, обожжённой палкой, или ожегом, и слушали внимательно **звуки с разных сторон**) [Подюков 2001].

Гадания народов севера. У якутов существовал связанный с толкованием звуков особый вид гадания, который назывался танха – "подслушивание". Два, четыре или

шесть человек выходят к проруби, садятся вокруг нее полукругом и слушают: если упромыслить, услышат **шаги** того **зверя;** если выйти девице замуж, то **топот** проехавшего верхом" [Худяков 1969: 398]. У народов Сибири **звон колец** тагана предвещал появление гостя. Среди многочисленных поверий, примет и гаданий, основанных на акустическом коде, наиболее известен у народов севера комплекс представлений, связанных с "языком огня". У эвенов, например, существовал целый "словарь", в соответствии с которым интерпретировалось **потрескивание углей** в очаге. Если он тихо затухал, считалось, что он "печалится", если горел ярко – "радуется", если горит неровно – "сердится", если трещит и дымит – "гневается". В эвенском языке все понятия, обозначающие предупреждение, предохранение, имеют один корень со словом, означающим огонь (тог) [Новик 1999].

ГОЛОСОВЫЕ СИГНАЛЫ ЖИВОТНЫХ

Северно-русские (прикамские) гадания. Садились в кружок на росстани (обязательно нечётное количество участников), один из гадающих с головешкой обходил всех кругом и называл имя присутствующего, после этого начинали слушать. Слушали крещенским вечером на перекрестке **лай собак** – если собаки много лают, в году будет много дичи и зверя. Ходили на кладбище и стучали по могильным крестам, спрашивая при этом: "*Вы там живые или мертвые? Скажите, как жениха будут звать*" (после чего слушали, что почудится) [Подюков 2001].

Гадания народов севера. Два, четыре или шесть человек выходят к проруби, садятся вокруг нее полукругом и слушают: если родиться ребенку, то послышится **пение птички** [Худяков 1969: 398]. С **криками различных птиц** связаны многочисленные метеорологические приметы, ночные утробные звуки, мяуканье или крик **совы,** идентифицируемые как голос злого духа [Новик 1999]. **Бык** ночью **мычит** в хлеву, это значит, что он "просит" у богини плодородия Айыысыт стадо; **волки**, перед тем как задрать скотину, **воют**, подняв голову, – это они просят у неба разрешения и, если получат, только тогда убивают скотину. В качестве толкований фоно-лексических комплексов построены и некоторые приметы: когда **дрозд кричит** "чарк-чарк, самыыр тус!" (пади, дождик!) – к дождю [Худяков 1969: 49]; у айнов **крик лебедя** "чи-но чи-но чи-но сосейваэ" (старательно жарь и ешь) предвещал хорошую охоту, а "чи-но чи-но чи-но чино фуваэ" (будь готов есть сырое) – неудачу. Как стремление "отогнать" злую силу интерпретировалось поведение особых **собак**, которые, даже находясь внутри юрты, чуяли приближение злого духа, поднимали яростный **лай** и таким образом отгоняли его. Такие собаки, обычно с "дополнительными глазами" – белыми пятнами над бровями, считались "собаками-шаманами", охраняющими хозяев (монголы называли их "четырехглазыми" [Новик 1999].

РЕЧЬ И ПЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Северно-русские (прикамские) гадания. Шли к пустому (нежилому) дому и "слушались" (иногда "ездили" при этом на кочерге); если **поет поп,** это предвещало свадьбу [Подюков 2001]. Шли "слушаться" к овину или к церкви, если слышали **пение** – считалось, что в этом году выйти замуж, а если услышат стук ("*как гвозди забивают*") – это к смерти. Если слышалось, что в церкви "*весело*" **молятся**, считали, что это сулит скорую свадьбу, **отпевают** – к похоронам [Подюков 2001].

АРТИКУЛЯТОРНЫЕ ЗВУКИ

Гадания народов севера. Домашние животные, как и огонь, могли "предупредить" хозяев о грозящей опасности: у якутов человек узнавал о приближении к жилищу злого

духа абаасы по особому **сопению** в хлеву коров или по **чиханию** собак и телят. Получив такое предупреждение, человек предпринимал ответные предохранительные меры, например, трижды плевал в левую сторону и бил слишком близко подошедшего духа ладонью, вывернутой наружу [Новик 1999]. Два, четыре или шесть человек выходят к проруби, садятся вокруг нее полукругом и слушают: "и вот если умереть кому, то услышат они **оханье** и **плач,** если родиться ребенку, то послышится детский **плач** [Худяков 1969: 398].